

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

Омский филиал Института археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук

Сибирский филиал Российского института культурологии

ТВОРЧЕСТВО В АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ И ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Сборник научных трудов

Омск
Издательский дом «Наука»
2013

УДК 902+39
ББК 63.5+82
Т28

Редакционная коллегия:

канд. ист. наук М. А. Корусенко (отв. ред.);
канд. ист. наук А. Г. Селезнев (отв. ред.);
канд. ист. наук С. Ф. Татауров (отв. ред.);
д-р ист. наук Н. А. Томилов (гл. ред.);
канд. ист. наук А. Н. Блинова (секретарь);
канд. ист. наук Д. А. Мягков (секретарь)

Т28 **Творчество в археологическом и этнографическом измерении** : сборник научных трудов. – Омск : Издательский дом «Наука», 2013. – 394 с.

ISBN 978-5-98806-170-0

Сборник включает материалы Международной научной конференции «Творчество в археологическом и этнографическом измерении» (Омск, 16–19 октября 2013 г.), посвященной 95-летию с начала исследований Омской стоянки – уникального археологического памятника на территории города Омска, – и содержит статьи ученых – археологов, историков, культурологов, этнографов, посвященные проблемам проявлений творчества в археологических и этнографических материалах.

Особое внимание в статьях уделяется проблеме творчества и творца как антропологического феномена. Рассматривается вклад российских и зарубежных ученых в исследование древнего и современного творчества народов Сибири. Ряд статей посвящен вопросам хронологии и интерпретации памятников древнего и современного традиционного искусства народов Сибири. Специальный раздел посвящен проблемам сохранения памятников древнего и традиционного творческого наследия и их актуализации для современного общества.

Книга рассчитана на антропологов, археологов, историков, культурологов, лингвистов, социологов, этнографов, краеведов и всех, кто интересуется проблемами истории Евразии.

УДК 902+39
ББК 63.5+82

*Сборник научных трудов издан при финансовой поддержке
Межгосударственной корпорации развития (Россия, Омск),
ОАО «Омское производственное объединение
“Радиозавод им. А. С. Попова”» (РЕЛЕРО)*

ISBN 978-5-98806-170-0

© Омский филиал Института археологии
и этнографии СО РАН, 2013
© Оформление. ООО «Издательский
дом “Наука”», 2013

Omsk F. M. Dostoevsky State University
Omsk Branch of the Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Siberian Branch of the Russian Institute for Cultural Research

**THE CREATIVITY VIA
ANTHROPOLOGICAL DIMENSION**

Collection of Scientific Papers

Omsk
Publishing House "Nauka"
2013

Editorial Board:

Cand. Sc. (History) Mikhail A. Korusenko (ex. ed.);
Cand. Sc. (History) Alexander G. Seleznev (ex. ed.);
Cand. Sc. (History) Sergey F. Tataurov (ex. ed.);
Dr. Sc. (History) Nickolay A. Tomilov (ed.-in-ch.);
Cand. Sc. (History) Anna N. Blinova (secretary);
Cand. Sc. (History) Denis A. Myagkov (secretary)

The creativity via anthropological dimension : Collection of scientific papers. – Omsk : Publishing house “Nauka”, 2013. – 394 p.

ISBN 978-5-98806-170-0

The collection includes the proceedings of the International Conference “The creativity via anthropological dimension” (Omsk, 16–19 October 2013), dedicated to the 95th anniversary of the beginning of research Omsk site – a unique archaeological monument in Omsk city, – and contains articles of anthropologists on the problems of the manifestations of creativity in the archaeological and ethnographic materials.

Special attention is paid to the problem of creation and the creator as an anthropological phenomenon. The contribution of Russian and foreign scientists in the study of ancient and modern art of the peoples of Siberia is considered. A number of articles are devoted to the history and interpretation of the monuments of ancient and modern traditional art of the peoples of Siberia. A special section is devoted to the problems of preservation of ancient monuments and traditional artistic heritage and updating them for the modern society.

The book is addressed to anthropologists, archaeologists, historians, cultural scientists, linguists, sociologists, ethnographers, and anyone interested in the problems of the history of Eurasia.

UDC 902+39

*Collection of scientific papers are published under support
of Interstate Corporation of Development (Russia, Omsk),
Omsk Manufacturing Association named after A. S. Popov (RELERO)*

ISBN 978-5-98806-170-0

© Omsk Branch of the Institute of Archaeology
and Ethnography of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences, 2013
© Design. Publishing house “Nauka” Ltd, 2013

ОМСКАЯ СТОЯНКА: ИСТОРИЯ, ЛЮДИ, КОЛЛЕКЦИИ. К 95-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКА

А. В. Жук

ОМСКАЯ СТОЯНКА: ОТКРЫТИЕ, ПЕРВЫЕ КОЛЛЕКЦИИ И ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Статья посвящена истории открытия и начала изучения важного памятника археологии Среднего Прииртышья – Омской стоянки. В приложении впервые публикуется ряд документов, которые освящают историю изучения Омской стоянки.

История археологической науки, Омская стоянка, С. А. Ковлер, П. Л. Драверт, В. П. Левашева, Е. Н. Липеровская, Д. В. Борман.

«Омская стоянка, культурный слой которой содержал материалы многих эпох (возможно, палеолит, мезолит, неолит, бронзовый, ранний железный века и средневековье), могла бы быть базовым памятником для изучения древностей южной части Среднего Прииртышья, но не стала, несмотря на то, что на ней или с ее материалами работали многие исследователи» [Тихонов, 2005, с. 44]. Это – взгляд на значение и судьбу Омской стоянки глазами современного археолога, взгляд из сегодняшнего дня. А как же всё начиналось?

Все знают, что Омскую стоянку открыл в 1918 г. С. А. Ковлер. А некоторые, может быть, даже вспомнят портрет первооткрывателя – правда, уже в возрасте (его опубликовала И. Г. Девятьярова в «Вечернем Омске» осенью 1990 г. [Девятьярова, 1990, с. 3]). Родился Сруль Ааронович Ковлер в далеком городе Верном в сентябре 1882 г. Об отце своем, Аароне Нисановиче (1843–1925), С. А. Ковлер писал впоследствии, в 1920-е гг., нечто невообразимое: «Бывшее сословие (звание) родителей – кустарь мещанин; основное занятие родителей до Октябрьской революции – кустарь» [Личный листок ... , л. 4]. На самом же деле А. Н. Ковлер – уроженец города Шклова Могилевской губернии – прославился в Семиречье не как кустарь и мещанин, но как на́больший хлеботорговец, пивовар и винокур.

Успехом своих предприятий А. Н. Ковлер во многом был обязан покровительству, которое оказывал ему Герасим Алексеевич Колпаковский (1819–1896), командующий войсками и военный губернатор Семиреченской области в 1867–1882 гг. Став генерал-губернатором Степного края, Герасим Алексеевич помог Аарону Ни-

сановичу перебраться в Омск; вскоре А. Н. Ковлер стал одной из влиятельных фигур в хлебной торговле и пивоваренном производстве нашего города.

Неудивительно, что в 1897–1907 гг. С. А. Ковлер обучается не где-нибудь, а в 1-й Омской мужской гимназии. По окончании гимназии он переходит в православие, обращается из Сруля Аароновича в Сергея Александровича, поступает в том же 1907 г. на медицинский факультет Йенского университета, а на следующий год венчается с Варварой Михайловной Шаниной (1881–1966), дочерью известной в нашем городе Марии Александровны Шаниной (1864–1920), и уезжает вместе с ней в Германию.

Накануне Первой мировой войны супруги Ковлеры много путешествуют по Европе, посещают музеи; здесь Сергей Александрович начинает коллекционировать восточные древности, а в Дрездене, Мюнхене и Берлине слушает публичные лекции по археологии. Правда, в языках за границей он особо не преуспел; по словам самого С. А. Ковлера, он хорошо знал немецкий, французский, греческий и латынь (т. е. языки, которые преподавались в гимназии), слабо же – английский и итальянский [Личный листок ... , л. 5].

В 1912 г. С. А. Ковлер, обладатель немецкого диплома доктора медицины, возвращается в Россию. В то время иностранные дипломы у нас не признавались, а потому С. А. Ковлер держит в 1913 г. при Императорском Московском университете экзамен на звание врача, а затем в течение года стажирется – сначала как ординатор гинеколога, а затем и как собственно гинеколог. Впрочем, одной только гинекологии дальновидному С. А. Ковлеру было мало; в том же 1913 г. он держит в Москве еще один экзамен – на судебно-медицинского эксперта.

В начале 1914 г. Ковлеры возвращаются в Омск и покупают в Казачьем форштадте дом № 3 на углу улиц Волковской и Симоновской – это по террасе чуть выше Кадетского корпуса; импозантный дом с обширным мезонином, откуда открывался великолепный панорамный вид на Иртыш (дом не сохранился, но есть фотографии). Здесь Сергей Александрович обзаводится телефоном (№ 863; у А. Н. Ковлера давно уже был собственный телефон, № 143) и открывает частную практику [Памятная книжка ... , 1915, с. 54; Список абонентов ... , 1916, с. 25, 33]; очень скоро он приобретает славу лучшего в Омске гинеколога.

С началом Первой мировой войны С. А. Ковлер определяется врачом-гинекологом в Омскую поликлинику Общества Красного Креста. В 1917–1918 гг. занимает должность заведующего лечебно-санитарной частью Омского городского управления.

Врач (если это настоящий врач) хорош при любом режиме. В 1919 г. С. А. Ковлер – в белой армии, старший ординатор 2-го Омского военного госпиталя; госпиталь располагался на усадьбе Омской учительской семинарии (главное здание семинарии сохранилось). Тогда же, в 1919 г., С. А. Ковлер очень вовремя разводится с Варварой Михайловной, которая станет при советской власти более чем неконъюнктурной по своему происхождению, и тут же венчается во второй раз. В современных краеведческих публикациях можно прочесть (правда, без ссылки на источник), что С. А. Ковлер развелся в 1923 г., а вторично женился еще позже, в конце 1920-х.; в документах об этом сказано иначе [Ковлер, 1942, л. 6].

14 ноября 1919 г. 27-я стрелковая дивизия 5-й армии вступает в Омск. А уже в декабре мы видим Сергея Александровича на советской службе: он руководит Организационным отделом, затем Военно-санитарным отделом Омского губернского отдела здравоохранения; некоторое время спустя С. А. Ковлер возглавляет при Ом-

губздраве же Отдел судебно-медицинских экспертиз. И, разумеется, держать частную практику лучше в городе гинекологу никто при этом не запрещал.

Помимо медицины, у С. А. Ковлера были и другие интересы. Весной 1916 г. он становится одним из учредителей Общества художников и любителей изящных искусств Степного края. В том же 1916 г. его принимают в члены ЗСОИРГО, а в 1918 г. Сергей Александрович возглавляет, при Западно-Сибирском отделе, Отдел охраны памятников старины Сибири. С открытием в 1920 г. Художественно-промышленного техникума им. М. А. Врубеля С. А. Ковлер подарил ему коллекцию восточного искусства (около ста экспонатов) [Бродский, 2007, с. 209].

Увлечение древностями, которое зародилось у С. А. Ковлера в Германии, принесло свои плоды в Омске. С 1916 г. он много ездит по Сибири, попутно ведет археологические изыскания в Минусинском округе [Левашева, 1929а, № 61], близ Семипалатинска [Там же, № 20, 50], а также в Омске и его окрестностях [Там же, № 42, 54, 56, 59, 60, 63–66], скупает у населения случайные находки [Там же, № 129]. Неудивительно, что и Омскую стоянку открыл именно С. А. Ковлер. Заслуживает внимания, что это открытие состоялось типичным в истории археологических знаний способом: памятник был частично разрушен, благодаря чему обнажился культурный слой (см. приложение 1). Сборы на этих обнажениях С. А. Ковлер продолжал, по его словам, вплоть до 1920 г. (см. приложение 4).

Несмотря на отсутствие четких ориентиров, определить стоянку по месту было хотя и не просто, но можно – она располагалась на пойменном останце, в створе правобережной улицы *Стеньки Разина* (см. приложение 4). Характерно для эпохи, что это – официальное название улицы; лишь на более поздних картах ее станут надписывать как «улица *Степана Разина*». Вплоть до первой половины 1920-х гг. эта улица известна как *Путинцевская*.

В то время, находясь в районе Омской стоянки, можно было не только разглядеть в хороший бинокль створ улицы *Стеньки Разина*, но и отличить его в ряду параллельных оконечностей. Ниже по Иртышу – это начала улиц *Плотниковской* (20 лет РККА)*, *Волковской* (*Съездовская*) и *Русиновской* (*Короленко*); далее идут строения Сибирского кадетского корпуса (в 1920-е гг. это *Высшая военная школа Сибири*). А выше по Иртышу от улицы *Стеньки Разина* – улица *Перевозная* (*А. Масленникова*), в начале которой издавна располагалась паромная переправа (так, она отмечена на плане Омска еще в 1801 г.). Левобережная оконечность этой переправы была устроена несколько выше по Иртышу – в створе квартала между улиц *Кузнечной* (*Маяковского*) и *Короткой*. Таким образом, Омская стоянка представляет собой господствующую высоту неподалеку от стародавнего перевоза; а потому народ, ожидающий переправы в город, топтался на памятнике, что называется, всегда.

Кроме того, на планах Омска 1920–1930-х гг. можно видеть левобережные дороги, которые сходятся к переправе (одна из них идет непосредственно вдоль Омской стоянки), а ниже памятника, в створе улицы *Волковской* (*Съездовская*) – небольшую группу строений с надписью *Совхоз*. Здесь же, на самой Ермаковой горе, означена солидных размеров усадьба с лаконичной надписью *Заимка* (см. рис. 1). Зачем *Заимка* – понятно: в этих местах издавна была прекрасная охота (см. рис. 2). Так что к моменту открытия Омская стоянка располагалась в отнюдь не пустынном месте; люди здесь если и не жили, то бывали постоянно.

* Здесь и далее в скобках даны современные названия улиц. – Ред.

Рис. 1. Омск. Заимка на Ермаковой горе. Фотография Е. С. Сорокина, начало XX в.

Рис. 2. Омск. Охота в местах, ныне называемых «Птичья гавань». Фотография Е. С. Сорокина, начало XX в.

Кстати, Омская стоянка – это не единственное археологическое открытие С. А. Ковлера на левом берегу р. Иртыш. На курганах, которые рассеяны в окрестностях Омской стоянки, Сергей Александрович собрал неплохую коллекцию средневековых наконечников стрел [Левашева, 1929а, № 67–68]; в районе железнодорожного моста им также были сделаны интересные находки, которые датируются неолитом и бронзой [Там же, № 55, 62; Левашева, 1928–1929, № 7]. Прежде лишь добросовестные военные топографы отмечали на Ермаковой горе и в ее окрестностях «киргизские могилы»; а потому справедливо сказать, что именно С. А. Ковлер первым по времени обратил серьезное внимание на древности Омского Левобережья.

В 1922 г. С. А. Ковлер предпринимает вторую попытку кардинально изменить свою жизнь. Сначала он возглавляет Лечебный отдел Сибирского курортного управления, которое располагалось в Омске. А в 1923 г. занимает пост управляющего делами Главного курортного управления СССР; это уже Москва. Здесь, налаживая добрые отношения с сотрудниками Государственного исторического музея (ГИМ), С. А. Ковлер передает в его фонды кое-что из своих коллекций, в том числе материалы Омской стоянки (см. приложение 2). Так Василий Алексеевич Городцов (1860–1945), заведующий Отделом археологии ГИМа, впервые получает информацию об этом примечательном памятнике.

Однако в Москве Сергей Александрович не прижился. Уже в 1924 г. он возвращается в Омск, причем на очень скромную должность – заведующего Консультацией беременных Горздрава. Здесь же отмечу, что карьерный рост С. А. Ковлера «разморозится» лишь в 1931 г., когда он перейдет в медицинское ведомство путей сообщения [Ковлер, 1942, л. 6; Личный листок ... , л. 4–54; Справка ... , л. 3].

Тем временем на Омскую стоянку обращает внимание еще один местный деятель, но уже совсем другого пошиба – Петр Людвигович Драверт (1879–1945). Русские Драверты происходят от мелкого польского шляхтича, который участвовал в мятеже 1794 г., попал в плен, да так и остался на русской службе [Жук, 1995]. Но русские-то они, русские; однако лишь Петр Людвигович первым в роду Дравертов будет крещен в православную веру.

Alma mater П. Л. Драверта – Императорский Казанский университет; здесь он провел в качестве студента полтора десятка лет (1899–1914). Среди его наставников –

такие замечательные археологи-естественники, как А. А. Штукенберг и П. И. Кро-тов. В годы Первой мировой войны П. Л. Драверт – сотрудник Геологического комитета Императорской академии наук и Военно-промышленного комитета; с марта 1917 г. – председатель Административной комиссии Казанского комитета общественной безопасности.

В конце 1918 г. кружным путем, через Семипалатинск, П. Л. Драверт добирается до Омска и пускает здесь корни. Петр Людвигович занимает кафедру геологии и минералогии Сибирской сельскохозяйственной академии (известной под «телеграфной» аббревиатурой *СИБАКА*), участвует в создании ветеринарного и лесного факультетов Академии. С 1918 г. – член Семипалатинского подотдела ЗСОРГО; короткое время, в 1922–1923 гг., был председателем Западно-Сибирского отдела.

Ко времени появления в Омске П. Л. Драверт уже имел опыт археологических изысканий в Якутии в 1906–1909 гг., в Уфимской губернии в 1914 г., а в 1916 г. – раскопок неолитической стоянки на Вилное. Разумеется, П. Л. Драверт всегда оставался профессиональным минералогом; археология интересовала его не сама по себе, а лишь как фактор четвертичной геологии. Это, однако, ничуть не умаляет вклад Петра Людвиговича в нашу науку.

Случилось так, что особо «урожайным» на археологические изыскания вышел у П. Л. Драверта 1923 г. Тогда он открывает Екатерининскую стоянку, «остяцкое городище» у Лежанки, а также копает Омскую стоянку (правда, сам Петр Людвигович впоследствии отрицал факт раскопок, см. приложение 3). Здесь им были получены богатые выборки керамики, каменного и костяного инвентаря; находки положили начало второму музею Западно-Сибирского отдела Географического общества (прежний музей был изъят из ведения Отдела в том же 1923 г., подробнее об этом см. ниже). Музей второго формирования П. Л. Драверт разместил в своей «вотчине» – в Кабинете геологии при Омском объединенном рабфаке, он же *de facto* Рабфак СИБАКИ (см. приложения 2 и 3). Располагался Омский рабфак по ул. Музейной, 6 – это верхняя часть дома бывшего товарищества оптовой и розничной торговли «Ганшин и Овсянников» (рис. 3).

По итогам работ на Омской стоянке Петр Людвигович опубликовал предельно короткую заметку. «Профессор Сибирской Сельско-Хозяйственной Академии П. Л. Драверт летом (1923 г. – А. Ж.) обследовал найденную им на левом берегу Иртыша, близ гор. Омска, дюнную стоянку и собрал здесь большую коллекцию фрагментов глиняной посуды “чудского” типа, каменных орудий и костей» [Семенов, 1924, с. 123]. Назвать эту реплику первым печатным упоминанием Омской стоянки, конечно же, можно, но с оговоркой.

И дело даже не в том, что представленная реплика затеряна в большом объеме равновеликой и многообразной по содержанию информации, т. е. отыщет ее лишь тот, кто точно знает, что она там находится, хотя и это важно. Куда серьезнее другое: ни из чего не следует, что речь в этой заметке идет именно об Омской стоянке, а не о каком-то еще памятнике Омского Левобережья; ни из чего не следует даже, что речь идет именно о стоянке. Местонахождение представлено с настолько высокой степенью неопределенности, что получается интересно: П. Л. Драверт как бы резервирует за собой претензию на *любую* стоянку, могущую быть открытой на означенной им территории.

Рис. 3. Омск, ул. Музейная, 6. В этом здании в 1920-е гг. размещался Омский объединенный рабфак. Автор фотографии неизвестен

Во второй половине 1920-х гг. в истории Омской стоянки появляется еще одно имя – Варвара Павловна Левашева (1901–1974). Ученица В. А. Городцова легендарного набора 1922 г. (среди ее однокашников – А. В. Арциховский, О. Н. Бадер, Е. А. Байбурт, Л. А. Евтюхова, А. В. Збруева, А. П. Смирнов, М. Е. Фосс и др.), Варвара Павловна после непродолжительной службы в Государственном историческом музее принимает приглашение на самостоятельную работу в обширном, практически не исследованном регионе – на должность заведующей Археологическим отделом Государственного Западно-Сибирского краевого музея (рис. 4). Очень важно: древности Омской земли не оказались для Варвары Павловны чем-то неведомым, с чем ей предстояло знакомиться лишь на месте. Еще в Москве она располагала вполне приличным минимумом сведений для того, чтобы начать исследовательскую работу, как говорится, «с колес» (впрочем, я уже не раз писал об этом) [Жук, 2012].

Знала В. П. Левашева и про Омскую стоянку, причем, будучи сотрудником ГИМа, знала настолько хорошо, насколько это вообще было возможно в Москве. Это нам сегодня неведомы подробности работ С. А. Ковлера на Омской стоянке; а вот Варваре Павловне он предоставил «исчерпывающие сведения об обстоятельствах своих находок, дал перечень всего материала, найденного им там, и дал рисунки тех находок, которые были собраны им на этой стоянке» (см. приложение 2). Так что, отправляясь в Омск, В. П. Левашева обладала вполне достаточной исходной информацией об Омской стоянке.

Рис. 4. Омск. Дворец генерал-губернатора Степного края. С 1923 г. на усадьбе дворца располагался Государственный Западно-Сибирский краевой музей. Автор фотографии неизвестен

Правда, исследовать городское Левобережье Варвара Павловна не спешила. Омской стоянкой она занялась лишь весной 1927 г. (см. приложение 1); а летом ее навестили П. А. Дмитриев и Е. Н. Липеровская (рис. 5). Симпатичный по составу, этот дружеский визит понятен и в научном отношении: в «команде» В. А. Городцова П. А. Дмитриев курировал Зауралье, и ему, конечно же, были интересны древности нашего края. Однако не на него и даже не на В. П. Левашеву, но именно на Е. Н. Липеровскую был выписан открытый лист, по которому копалась Омская стоянка.

Более того, сохранились документы, которые вообще освещают всю эту историю с несколько необычной стороны. Заблаговременно, еще 10 мая 1927 г., директор Омского музея Ф. В. Мелехин пишет Е. Н. Липеровской: «Государственный Западно-Сибирский Краевой Музей просит Вас принять участие в археологических работах летом 1927 г. Начало раскопок в Омском округе предполагается на первые числа июня месяца» [Мелехин, 1927а, л. 6]. А в конце июня Ф. В. Мелехин информирует столь же официально, но уже – Омский окрисполком. «Государственный Западно-Сибирский Краевой Музей доводит до Вашего сведения, что им производятся археологические раскопки в Омском округе согласно выданных Главнаукой Наркомпроса Открытых листов на имя Заведующей Археологическим Отделом Музея *Левашевой В. П.* на право раскопок в Омском и Барабинском округах за № 6, и на имя *Липеровской Е. Н.* на право раскопок в окрестностях города Омска за № 43» [Мелехин, 1927б, л. 9].

Однако, если Павел Алексеевич Дмитриев (1902–1943) в представлении не нуждается, то Е. Н. Липеровская – совсем даже наоборот. Впрочем, много про нее не скажешь; главное – Елена Николаевна принадлежит к той же славной когорте учеников В. А. Городцова 1920-х гг., что и ее друзья. Кроме того, Е. Н. Липеровская, как и В. П. Левашева, была *из поповен*; ее отца, протоиерея Николая Липеровского, знала вся Москва (так же, как весь Питер знал протоиерея Павла Левашева).

Рис. 5. В. П. Левашева, Е. Н. Липеровская и П. А. Дмитриев в археологической экспозиции Западно-Сибирского краевого музея, июнь 1927 г. Экспозицию создал в 1925 г. барон Евгений Александрович Клодт фон Юргенсбург (1867–1934). Фото отпечатано со стеклянного негатива, который хранится в Омском историко-краеведческом музее

Собственно, в отечественной истории фамилию Липеровских прославила не Елена Николаевна, а ее старший брат – протоиерей Лев Николаевич Липеровский (1888–1963). Начиная с 1913 г., окончив Императорский Московский университет, он был принят ассистентом на кафедру гистологии и эмбриологии, в годы Первой мировой войны служил военным врачом. В 1918 г., по личному благословию Патриарха Московского и всея Руси Тихона, отбыл на миссионерскую работу в Китай. В интересующее нас время Лев Николаевич – диакон храма при Сергиевом подворье Русской православной церкви в Париже; как крупный церковный деятель, о. Лев Липеровский проявит себя позже, в 1930–1950-е гг. [Хибарин, 1963, с. 25–26].

Сама же Е. Н. Липеровская, выйдя из университета, стала супругой П. А. Дмитриева и заняла место секретаря при В. А. Городцове по линии Главнауки (см. приложение 2), в чем, собственно, и состоит ее вклад в отечественную археологию. Так что Елена Николаевна – это, как говаривала А. Кристи, «типичный представитель своего типа»: сестра своего брата, жена своего мужа и подруга своих коллег.

Первые в истории Омской стоянки археологические раскопки продолжались недолго – со среды 22 по субботу 25 июня 1927 г. (см. приложение 1). Для публикации в приложениях отобраны те фрагменты полевого дневника Е. Н. Липеровской, в которых содержится характеристика памятника, его культурного слоя, а также методики раскопок – как она сформировалась в школе В. А. Городцова 1920-х гг.

Возвращались наши друзья каждый вечер в город или провели те июньские дни на заимке – неизвестно. Последнее вполне вероятно: раскопки пришлось на

охотничье межсезонье (еще с дореволюционных времен охота систематически закрывалась у нас с 1 (14) – 14 (27) мая по 10 (23) июля), и заимка пустовала. Для полноты картины: по литургическому календарю Православной церкви Омскую стоянку копали в 1927 г. началом Петрова поста; кроме того, 10 (23) июня – именины Василия Алексеевича Городцова. Можно не сомневаться, что эту важную дату друзья отметили достойно...

В печатном виде В. П. Левашева подвела итоги дебютных работ предельно кратко. «Стоянка Омская расположена на правом (описка; правильно *на левом*. – А. Ж.) берегу р. Иртыша против гор. Омска, открыта С. А. Ковлером в 1918 г. Раскопки производились летом 1927 г. археологом Е. Н. Липеровской-Дмитриевой, работавшей для нашего музея. Стоянка дала каменные орудия и осколки, очень разнообразный керамический материал и обломки железных предметов, материал обрабатывается Е. Н. Липеровской, по мнению которой стоянка может датироваться началом железной эпохи, т. е. временем около 1000 лет до нашей эры. Подробный отчет о раскопках будет дан Е. Н. Липеровской» [Левашева, 1928, с. 160]. Похоже, П. А. Дмитриев и В. П. Левашева и вправду пытались что-то сделать из Елены Николаевны...

В 1928 г. В. П. Левашева планировала продолжение работ на Омской стоянке. Сохранилась смета предполагаемых расходов, составленная Варварой Павловной в декабре 1927 г.; здесь учтена в числе прочего и «Раскопка стоянки против города Омска. Рабочим-землекопам за раскопки в течение 4-х дней 8 человек по 1 р. 50 к. в день – 48 р. Подросткам-контролерам за 4 дня 16 человек по 40 к. – 25 р. 60 к. Итого – 73 р. 60 к.» [Левашева, 1927, л. 14]. Можно сравнить этот расход с тогдашним жалованьем Варвары Павловны – 65 р.: четыре дня работы достаточно скромного объема с лихвой перекрывали месячный доход руководителя. Можно оценить и штатный норматив полевых изысканий той эпохи – два контролера на одного землекопа плюс, конечно же, ученое начальство.

Однако, как следует из приложений 2 и 3, в 1928 г. Омская стоянка оказалась «замешана» в крайне неприятной склоке. Читатель должен быть осторожен: при знакомстве с документами может сложиться впечатление, что оппонент Варвары Павловны, П. Л. Драверт, искренне отстаивал тогда свой приоритет в отношении Омской стоянки. Но так ли это?

На самом деле всё началось несколько раньше, совсем даже не в Омске и прямого отношения к археологии вообще не имело. На исходе 1926 г. в Музейном отделе Главнауки разразилась очередная «партийная война»; 16 декабря Коллегия Наркомпроса образовала Комиссию для обследования Отдела. Всего таких ревизий в конце 1926 – первом квартале 1927 г. прошло четыре, в том числе ревизия отчетности Рабкрина. Собранный материал на Музейный отдел Главнауки был передан в Совнарком, после чего в первой половине 1928 г. Отдел подвергся еще одной проверке, на сей раз – Комиссией Совнаркома [Кузина, 1991, с. 132–137].

Как и следовало ожидать, пламя «партийной войны» в Главнауке перекинулось на всю страну; на рубеже 1927–1928 гг. это пламя добралось до Омска. Здесь кампания прошла скоро; уже 30 марта 1928 г. итоги «перебора людишек» подвело заседание Коллегии ОНО Сибкрая по состоянию музейного дела. Впрочем, местные функционеры вошли во вкус: работа Комиссии Омского ОкРОНО, как следует

из приложения 3, продолжалась и после краевой Коллегии. Собственно, продолжалась эта работа вплоть до полной победы над коллективом Краевого музея.

Разумеется, активисты ЗСОРГО не могли упустить шанс досадить директору Западно-Сибирского краевого музея Ф. В. Мелехину. В свое время Федор Васильевич крепко обидел Западно-Сибирский отдел: именно его трудами библиотека и музей были изъяты из ведения Отдела и обращены на формирование Западно-Сибирского краевого музея [Жук, 1991]. Теперь же представился случай принять участие в травле Ф. В. Мелехина с перспективой изгнания его с поста директора музея и тем самым взять реванш за конфузию 1923 г. Одним из эпизодов этой травли и стало «дело об Омской стоянке», которое продвигал П. Л. Драверт.

Из текста кляузы (см. приложение 3) очевидно, что В. П. Левашева, как археолог, П. Л. Драверта не интересовала; да и «право первой ночи» на Омскую стоянку для него – всего лишь удобный повод затеять склоку. Единственно важным для Петра Людвиговича было то, что В. П. Левашева есть человек Ф. В. Мелехина. Этого оказалось достаточно, чтобы первоклассный специалист, единственный в Омске археолог-профессионал была дискредитирована в глазах городских и краевых властей. Отныне уход Варвары Павловны из Музея, а тем самым и отъезд из города – лишь вопрос времени.

Как показали последующие события (точнее, их отсутствие), «право первой ночи» на Омскую стоянку действительно было для П. Л. Драверта лишь поводом к интриге. После того как опала Ф. В. Мелехина и разгром научного коллектива Западно-Сибирского краевого музея стали совершившимся фактом, П. Л. Драверт в оставшиеся полтора десятка лет своей жизни и научной деятельности Омской стоянкой более не интересовался, хотя и продолжал уделять внимание местной археологии.

Тем не менее В. П. Левашева какое-то время еще могла заниматься и наукой вообще, и Омской стоянкой в частности. Именно здесь Варвара Павловна провела в 1928 г. полевую практику школьного археологического кружка, организованного ею при Музее. Объем работ был, конечно же, скромный, ознакомительный (см. приложение 4), дабы дети почувствовали *вкус поля*, не более того. Но и при том была получена вполне приличная коллекция (см. приложение 5).

В 1929 г. Варваре Павловне было уже не до Омской стоянки. Однако в трудную минуту ее поддержали верные люди. В частности, член школьного кружка В. П. Левашевой Дмитрий Владимирович Борман самостоятельно выполнил сборы на Омской стоянке; их результаты поступили в Западно-Сибирский крайевой музей (см. приложение 5). Помимо работ на Омской стоянке, Д. В. Борман провел в том же году разведку по правому берегу Иртыша, на участке от Серебряного до Такмыка, в ходе которой открыл несколько памятников. Эти памятники существенно пополнили археологическую карту Варвары Павловны [Левашева, 1928–1929, № 70–78].

Этот симпатичный, подающий надежды юноша был из очень хорошей семьи. Его отец, Владимир Леонидович Борман, родился в 1869 г., в 1894 г. окончил медицинский факультет Императорского Казанского университета. С 1914 г. В. Л. Борман значится как член Омского медицинского общества; в 1920-е гг. он – один из создателей Государственного Западно-Сибирского медицинского института, доктор медицины, профессор. В Институте В. Л. Борман был членом правления, возглавлял научно-учебную часть и клинический совет. Кроме того, Владимир Леонидо-

вич заведовал кафедрой оперативной хирургии, а также двумя хирургическими клиниками – институтской и военного госпиталя. В 1920-е гг. семья Борманов проживала в Омске по 1-й линии, дом 61 (на «солнечной» стороне; в настоящее время не сохранился) [Наука и научные работники ... , 1928, № 516; Научные работники ... , 1929, № 25; Таскаев, 2006, с. 25, 32–33, 55–58].

Дебют Д. В. Бормана в науке о древностях выглядит вполне прилично – ничуть не хуже, чем, к примеру, полтора десятка лет спустя дебют в археологии столь же юного Александра Александровича Формозова (1928–2009), который датирует начало своих полевых работ осенью 1944 г. К сожалению, дальнейшая, после 1929 г., судьба Д. В. Бормана неизвестна.

Кстати, отнюдь не факт, что юношеское увлечение археологией непременно должно было обратиться для Д. В. Бормана в дело всей жизни. У того же А. А. Формозова это получилось; а вот, скажем, у другого молодого человека, П. Н. Беркова, – нет. Уроженец Аккермана – и, кстати, также сын врача – Павел Наумович Берков (1896–1969) в гимназические годы усердно занимался местными древностями, собирал и систематизировал чернолаковую керамику с клеймами. На изыскания любознательного гимназиста накануне Первой мировой войны обратили внимание важные люди античной археологии – Х. Х. Зенкевич и Э. Р. фон Штерн. Однако впоследствии П. Н. Берков ушел из археологии, стал известен как специалист по русской культуре XVIII – начала XIX в. Подобно П. Н. Беркову, и Д. В. Борман, скорее всего, разминулся по жизни с нашей наукой. «Детская» археология далеко не всегда перерастает во «взрослую»...

Как же воспринималась Омская стоянка в первое десятилетие по ее открытии? П. Л. Драверт, чья археологическая грамотность так и осталась на уровне его студенческой поры, полагал собранную им «коллекцию фрагментов глиняной посуды “чуждого” типа» [Семенов, 1924, с. 123], а саму стоянку – «медно-каменного века» [Драверт, 1926, с. 144]. Применительно к 1870–1880-м гг. идентификацию такого рода еще можно обсуждать всерьез; но уже в 1890–1900-е гг. она перестала соответствовать уровню археологического знания и употреблялась лишь по инерции да в лексиконе любителей. А вот в чем не откажешь Петру Людвиговичу, так это в трогательности восприятия материала: «Посуда древних обитателей страны изготовлялась относительно в большем количестве, чем теперь, а по изяществу формы и красоте узоров на ней она оставляет далеко за собой нынешние аляповатые и грубые произведения (ср., напр., изображения черепков посуды, найденных *Новицким* в дельте Оби, или фрагменты из Омской стоянки в музее минералогии и геологии Сиб[ирской] Сельскохоз[яйственной] Академии)» [Там же, с. 148–149].

Что же касается В. П. Левашевой, то ее формулировки достаточно сдержанны. К исходу 1927 г. Варвара Павловна видела Омскую стоянку как раннежелезный памятник по преимуществу: «Стоянка дала богато орнаментированную керамику, каменные орудия и поделки из железа и бронзы. По предварительному определению Е. Н. Липеровской, памятник этот относится к ранней поре железной эпохи (время около 1000 л. до н. э.), присутствие же здесь каменных орудий характеризует отсталость культуры.

Итогом археологических работ музея за два года является выяснение следующих культур:

1) культура раннего железа с преобладанием каменного инвентаря (стоянка против г. Омска)» [Краткий перечень ... , л. 39 об.].

Публикации П. А. Дмитриева и С. А. Теплоухова, увидевшие свет в 1927–1928 гг. [Дмитриев, 1929; Теплоухов, 1927], дали Варваре Павловне возможность уже более определенно характеризовать Омскую стоянку; да и новые находки раскрыли неясные прежде грани этого памятника. Ссылаясь на П. А. Дмитриева, В. П. Левашева так комментирует результаты раскопок 1927 г. и материал, собранный летом 1929 г.: «...конец II тысячелетия до н. э. Близка к стоянкам с каменными орудиями близ г. Тюмени» (см. приложение 5). Более того, теперь стало возможным говорить не только о раннежелезном материале на Омской стоянке: «...орнамент черепков характерен для андроновской к[ульту]ры» (см. приложение 5). И пусть андрона в устье Оми пока еще мало – главное, что он есть!

Впрочем, с выводами по Омской стоянке Варвара Павловна не спешила. Проводя первые месяцы 1927, 1928 и 1929 гг. в Москве и Ленинграде, она выставляла на суд коллег и Вознесенское городище, и Саргатские курганы, и курганы Рамантевские, и памятники Чанов, и много чего еще. Омская же стоянка фигурировала в ее рассказах лишь в самых общих чертах, ибо место этого памятника в археологии Западной Сибири еще нужно было уяснить. Однако с переводом В. П. Левашевой в Минусинский музей в декабре 1929 г. [Государственный Западно-Сибирский краевой музей ... , л. 27 об.] изучение Омской стоянки прервалось, едва начавшись. В следующий раз Омская стоянка как важный памятник нашей археологии возникнет в контексте изысканий В. Н. Чернецова. Но это будет уже совсем другая история...

Приложение 1

Липеровская-Дмитриева Е. Н.

Дневник раскопок Омской стоянки, произведенных летом 1927 года (с 22 по 25 июня) по Открытому Листу Главнауки

[л. 44] Летом 1927 года мною при участии Заведующей Археологическим Отделом Омского Государственного Музея В. П. Левашевой и аспиранта РАНИОН П. А. Дмитриева были произведены на средства Омского Музея раскопки стоянки, открытой в ... г. доктором Ковлером. Стоянка находится в Омском округе Сибкрая, на левом берегу р. Иртыша против г. Омска, в степи. Культурный слой виден в обрыве берега на протяжении, приблизительно, 80 метров. На поверхности стоянки замечается невысокий холм, тянущийся с северо-запада на юго-восток. Культурный слой идет, по-видимому, по этому холму, к северу, отходя от берега. Юго-восточная часть холма примыкает к берегу, [л. 45] почему в обрыве и обнаружился этот слой. На площади стоянки имеются несколько больших глубоких ям, неизвестно кем вырытых, в которых виден под большим балластом культурный слой. В этих ямах и были сделаны доктором Ковлером первичные находки археологических предметов, давшие повод к дальнейшему исследованию этого места. Кроме того, уже вне площади культурного слоя отмечены ямы от бывших здесь недавно построек.

Предварительные разведки на Омской стоянке были сделаны В. П. Левашевой весной 1927 года. По обрыву и в ямах выяснена стратиграфия стоянки – расти-

тельный слой, илистая глина, культурный слой и песок (грунтовой). Все слои отличаются большой твердостью. 22-го июня [л. 46] приступлено было к работе. Прежде был снят план стоянки, а затем начаты раскопки, ведшиеся траншеями послойно.

Траншея I. Длина 20 м, глубина 0,63 м. Заложена вдоль берега для выяснения продольного профиля стоянки и для исследования пятна, замеченного в обрыве берега. Ориентирована с северо-северо-запада на юго-юго-восток и разделена на 10 участков, по 4 кв. м в каждом, перенумерованных с северо-северо-запада на юго-юго-восток. Всего снято 3 слоя. Слой 1 – глубина 0,24 м.

[л. 48] <...> Слой 2 – глубина 0,45–0,47 м.

[л. 49] <...> После зачистки 2-го слоя во всех участках, кроме 1-го и 2-го, открылся грунт, а на 10-м участке обозначилось пятно, уходящее в юго-юго-западную стенку траншеи. Слой 3 – только в 1-м и 2-м участках – глубина 0,63 м.

[л. 50] <...> После снятия 3-го слоя грунт открылся по всей траншее.

После этого работа продолжалась следующим образом: в северо-северо-восточной стенке траншеи, на 7-м участке, которому соответствовало культурное понижение в обрыве берега, была сделана вырезка № 1 в сторону реки. На 10-м участке траншеи, где было открыто пятно, сделана была для его выяснения вырезка № 2.

Вырезка № 1. Размер 2,5 м × 1,5 м. <...> После зачистки 2-го слоя – песчаный грунт. Яма, обозначившаяся в профиле обрыва, по-видимому, совершенно разрушена.

Вырезка № 2. [л. 51] <...> После зачистки 2-го слоя прослежено пятно ямы прямоугольной формы, ориентированное с северо-запада на юго-восток. Размер пятна 2,47 м × 1,40 м. <...> После зачистки 3-го слоя раскопка велась только на площади открывшегося пятна.

[л. 52] <...> После зачистки 4-го слоя показался грунт – дно ямы размером 1,65 м × 0,83 м. <...>

Траншея II. Длина 10 м, ширина 2 м, глубина 0,50–0,88 м. Заложена для выяснения поперечного профиля стоянки; перпендикулярна траншее I и примыкает к ней на 5-м участке. Ориентирована с юго-востока-востока на северо-запад-запад; разделена на 5 участков по 4 кв. м в каждом, перенумерованных с юго-востока-востока на северо-запад-запад. Всего снято 4 слоя.

[л. 53] <...> После зачистки 3-го слоя на 1-м и на 2-м участках открылся грунт. Следующий слой взят только на 3-м, 4-м и 5-м участках.

[л. 54] <...> После зачистки 4-го слоя по всей траншее открылся грунт. Кроме этих двух траншей была заложена еще третья траншея в другом пункте стоянки, вблизи больших ям с культурным слоем, в которых были сделаны первоначальные археологические находки доктором Ковлером.

[л. 55] **Траншея III.** Длина 10 м, ширина 2 м, глубина 1,90 м. Проведена перпендикулярно к берегу, ориентирована с северо-востока-востока на юго-запад-запад; разделена на 5 участков, по 4 кв. м в каждом, перенумерованных с юго-запада-запада на северо-восток-восток.

[л. 56] <...> После зачистки 4-го слоя (глубина 0,68 м. – А. Ж.), на 1-м участке открылся грунт (впоследствии, как оказалось, илистая глина). Слой 5 – глубина в юго-западной части траншеи – 0,84 м, в северо-восточной – 1,03 м.

[л. 57] <...> После зачистки 5-го слоя, в юго-западной части 2-го участка оказалась илистая глина. Культурный слой понижается к середине траншеи и вновь повышается в северо-восточной части. На 4-м участке также выступает илистая

глина. На остальных участках – культурный слой. Слой 6 – глубина в юго-западной части траншеи 1,10 м, в северо-восточной – 1,18 м.

[л. 58] <...> После зачистки 6-го слоя по всему 2-му участку выступила илистая глина, принятая мною за грунт. Слой 7, глубина в юго-западной части – 1,46 м, в северо-восточной – 1,31 м. <...> Слой 8, глубина 1,60 м. <...> Несмотря на открывшийся на 1-м и 2-м участках грунт, за который была мною принята сначала илистая глина, раскопки на них продолжены.

[л. 59] <...> После снятия 6-го слоя оказалось, что илистая глина представляла из себя нетолстую прослойку, которой в других участках не было вовсе.

[л. 60] <...> После зачистки 10-го слоя на всех участках открылся песчаный грунт, за исключением 5-го и 4-го участков, где была илистая глина. На 4-м участке обозначилось пятно, уходящее в обе стенки траншеи. Ввиду того, что невозможно было сделать вырезки из-за значительной глубины траншеи и необычайно твердых верхних [л. 61] слоев, а также и из-за недостатка средств, – пришлось ограничиться раскопкой этого участка до основного песчаного грунта, причем в профиле обеих стенок траншеи обозначилось соответствующее пятно – понижение культурного слоя. В юго-юго-восточной стенке пятно доходило до основного грунта, а в северо-северо-восточной оно заходило в песчаный грунт, который повышался в этом направлении. Находок в раскопанной части ямы сделано не было.

На этом раскопки были закончены.

[л. 62] Опись вещей, найденных на Омской стоянке. <...>

[л. 65] Все вещи переданы в Омский Государственный Музей.

Источник: ГИАОО. Ф. 1076. Оп. 1. Д. 49. Л. 43–65. Машинопись.

Приложение 2

Левашева В. П.

В Комиссию по ознакомлению с деятельностью Государственного Западно-Сибирского Музея. Омск, 21 марта 1928 года

Заведывающей (так в тексте. – А. Ж.) Археологическим Отделом Музея Левашевой В. П.

Заявление

Считаю необходимым дать разъяснение по поводу некоторых недоразумений, возникших при рассмотрении работы Археологического Отдела, так как, к сожалению, рассматривалась эта работа во время моего отсутствия (заседание 31 января 1928 года, протокол № 3) и своевременно эти вопросы выяснены быть не могли.

Прежде всего, постараюсь отстранить от себя обвинение в плагиате чужого открытия, т. е. стоянки на левом берегу Иртыша против города Омска, которая, как выяснилось, была открыта и даже раскапывалась П. Л. Дравертом. Дело в том, что П. Л. Драверт несколько неточно передает наш разговор по поводу археологического материала, выставленного в Кабинете Геологии в Рабфаке. Материал этот выставлен был без указания места находок; когда я спросила его, откуда этот материал, то получила ответ, что П. Л. Драверт мне не может указать место стоянки, так как боится, что я перебею его работу. Этот ответ мне показался очень странным в устах научного работника, ведь археологический материал только тогда имеет

цену, когда он имеет определенную и точную легенду; я ответила ему на это приводимой им фразой о правилах научной этики, так как я действительно никогда не собиралась перешибать у кого бы то ни было работу, но и после этой фразы место находки мне им *указано не было*, и о том, что данный материал добыт т. Дравертом именно с этого места, я так и не знала. Но, с другой стороны, у нас в Музее уже имелся некоторый подъемный материал, поступивший от доктора *С. А. Ковлер* как собранный им на стоянке близ города Омска.

Так как мне интересно было получить более подробные сведения об этом материале, то я расспросила т. Ковлер об условиях находки, и он указал мне точно место и обстоятельства его находок. Разговаривая с т. Драверт о его материале в Геологическом Кабинете Рабфака весной 1927 года, я *уже знала* о существовании этого памятника от *С. А. Ковлер*, но не предполагала, что это материал из одного и того же места. Когда приехала на работу археолог Липеровская, то прежде, чем решиться начинать раскопки памятника, открытого *С. А. Ковлер*, Музей поставил его в известность о предполагаемых работах и просил его самого участвовать в раскопках. Принять участие в этой работе *С. А. Ковлер* не мог, но, идя навстречу интересам исследования, он дал через меня Липеровской исчерпывающие сведения об обстоятельствах своих находок, дал перечень всего материала, найденного им там, и дал рисунки тех находок, которые были собраны им на этой стоянке, но сданы не в наш, а в Государственный Исторический Музей, и любезно разрешил Липеровской воспользоваться в своей работе его материалом. В отчете т. Липеровской и в моих общих сводках об археологической работе Музея, – всюду есть упоминание о том, что стоянка была открыта *С. А. Ковлер* в 1918 г., так что никакого разговора о «присвоении приоритета» здесь быть не может; если и вышло недоразумение, очень печальное не только в отношении задетой чести т. Драверт, но и в смысле невозможности использования его материала в научной обработке, то только по вине самого т. Драверт, скрывшего место своих исследований и производившего раскопки без Открытого листа. Если бы т. Драверт работал по разрешению Главнауки, то этого недоразумения быть не могло, так как *Е. Н. Липеровская*, работавшая научной сотрудницей в Археологическом Подотделе Музейного Отдела Главнауки, через руки которой проходили все Открытые листы и отчеты о производимых на территории РСФСР археологических исследованиях, знала бы о его работе на данной стоянке.

Затем, некоторыми членами Комиссии высказывались сомнения относительно моей компетентности, опытности и даже высказывались опасения насчет возможности порчи памятников, высказывалось сомнение, под достаточно ли хорошим руководством я работаю. По этим вопросам я могу ответить следующее – с 1924 г. я работаю не под «руководством», а самостоятельно, как археолог, имеющий диплом об окончании Археологического Отделения I МГУ, но работаю под строгим контролем Музейного Отдела Главнауки и Академии Истории Материальной Культуры, под контролем учреждений, которые ведают всеми археологическими исследованиями Республики и могут, как будто бы, считаться достаточно компетентными судьями.

Относительно пятилетнего плана археологических исследований, который, кажется, вызывает сомнение в своей целесообразности, могу сказать, что план этот принят и утвержден Палеоэтнологической Секцией Общества изучения Сибири и ее производительных сил, членом которой я состою и которая возглавляется доста-

точно опытными и компетентными работниками археологии. Но так как я все-таки являюсь еще очень молодым и начинающим исследователем, еще не успевшим рекомендовать себя печатными работами, я вполне понимаю, что у некоторых членов Комиссии могут возникнуть сомнения относительно моей «компетентности», разобраться в которой им самим, как неспециалистам в данной дисциплине, довольно трудно, то, одновременно с этим заявлением, я отправляю копию его и выписки из протокола Комиссии на рассмотрение в Археологическое Отделение I МГУ на имя своего учителя профессора В. А. Городцова и в Академию Истории Материальной Культуры как в учреждение, контролирующее мою работу в настоящее время, с просьбой дать оценку моей работоспособности, чтобы у Комиссии не возникали в будущем подобные опасения.

Настоящее заявление прошу приложить к делу о работе Археологического Отдела, так как оно сможет хотя бы до известной степени сгладить те неясности, которые получились при рассматривании данного вопроса в отсутствие заинтересованного работника.

Источник: ГИАОО. Ф. 1076. Оп. 1. Д. 6. Л. 29–30. Машинопись.

Приложение 3

Драверт П. Л.

В Комиссию Омского ОКРОНО по ознакомлению с деятельностью Зап[адно]-Сиб[ирского] Краевого музея. Омск, 2 мая 1928 года

Согласно пожелания Комиссии, считаю необходимым изложить нижеследующее по поводу заявления от 21 марта 1928 года Заведывающей (так в тексте. – А. Ж.) археолог[ическим] отделением З[ападно]-С[ибирского] Краевого Музея В. П. Левашевой.

Мне неизвестно, какие «выписки» из протокола послала гражданка Левашева в I МГУ и в Академию Матер[иальной] Культуры. Как знает Комиссия, протокол[ы] этого и последующих собраний рассматривались на предмет утверждения лишь 30 Апреля с. г., и тогда же Комиссия единогласно отметила неполноту этих протоколов и искажение смысла многих суждений, приводившихся участниками собрания. Протоколы составлялись сотрудницей Музея, заместительницей директора, и затем «редактировались» самим директором Музея гр. Мелехиным прежде, чем были переданы Комиссии.

Элементарный такт, казалось бы, не допускал возможности использования гр. Левашевой этих, еще не проверенных и неутвержденных «протоколов», которые она получила без ведома и разрешения Комиссии. Не имел, конечно, права и гр. Мелехин распоряжаться материалами той Комиссии, членом которой он не состоял.

Далее, получив эти «протоколы», гр. Левашева не сочла нужным обратиться за предварительным разъяснением ни к председателю Комиссии, ни в местное Бюро Общества Изучения Сибири, ни ко мне, а сразу выступила со своим заявлением в Арх[еологическое] Отд[еление] I-го МГУ, в Академию Материальной Культуры и, как о том стало известно из Новосибирска, к археологу Н. К. Ауэрбаху (так в тексте. – А. Ж.), вводя таким образом в заблуждение целый ряд лиц.

Заявление гр. Левашевой в его части, относящейся ко мне, так же далеко от действительности, как и неутвержденный протокол № 3, на который она ссылается. В «протоколе» этом, как знает Комиссия, отсутствовал ряд вопросов, предложенных мною на заседании гр. Мелехину, и ответов последнего на них. Затем в протоколе искажено то устное заявление, которое я сделал после ответов Мелехина, равно не точно переданы и дальнейшие прения.

В своем заявлении гр. Левашева тенденциозно и неправильно передает бывший у меня с ней в прошлом году разговор. Он, наравне с пропущенными местами протокола в соответствующей его части восстанавливается мной здесь, и Комиссия подтвердит правильность моего изложения.

К протоколу № 3 от 31/I–1928 г.

«П. Л. Драверт. О какой стоянке в окрестностях Омска вы говорили?»

Ф. В. Мелехин. Это открытая в 1927 г. В. П. Левашевой стоянка на левом берегу Иртыша, против Омска.

П. Л. Драверт. Не была ли она известна ранее 1927 г.? Не было ли указаний в печати на этот пункт?

Ф. В. Мелехин. Нет, ранее она не была известна и о ней нет никаких указаний.

П. Л. Драверт. Каким образом она была открыта В. П. Левашевой?

Ф. В. Мелехин. Варвара Павловна совершала археологическую рекогносцировку вдоль р. Иртыша и открыла эту стоянку.

П. Л. Драверт. Позвольте мне тогда заявить, что все это не так. Стоянка на левом берегу Иртыша против г. Омска обнаружена мной еще в 1923 г. О времени находки и моих сборах там есть краткие печатные указания в “Известиях Зап[адно]-Сиб[ирского] Отдела Русского Географического Общества” и в других изданиях. Собранный мною материал я осенью 1926 года показывал археологу Н. К. Ауэрбаху. В марте 1927 года я ознакомил с этим материалом и гр. Левашеву. Она заинтересовалась особенно керамикой. Когда на ее вопрос о точном определении места стоянки я несколько замедлил ответом, она сказала: “не беспокойтесь, что я стану работать на месте, где Вы ведете исследования: правила научной этики мне достаточно знакомы”. Тогда я сказал: “стоянка совсем недалеко от нас – против города на левом берегу Иртыша”, и даже указал рукой направление. Гр. Левашева затем просила меня дать ей возможность подробного ознакомления с керамическим материалом. Я ответил, что готов предоставить всецело его ей для обработки и предложил ей в любое время заниматься изучением его. Но с тех пор она ни разу ко мне за этим не обращалась. А летом 1927 года я узнал, что на левом берегу Иртыша против Омска производились раскопки. Я не поднимаю вопроса о приоритете; не такая уж большая честь – открыть новую стоянку: ежегодно на территории союза (так в тексте. – А. Ж.) они открываются десятками. Но меня удивляет поведение гр. Левашевой. В июне 1927 г. я был еще в Омске. Гр. Левашева могла это знать хотя бы потому, что в местной газете печатались тогда мои статьи. И тем не менее, она не сочла нужным известить меня, что на интересовавшем меня месте производятся раскопки, не пожелала получить какие-либо сведения от меня. Я нахожу, что поступила она не хорошо».

На этом заканчиваю восстановление части искаженного текста протокола, представленного гр. Мелехиным. В дальнейшей части протокол также в искаженном и сокращенном виде передает происходивший на заседании обмен мнений.

Доктор С. А. Ковлер, которого я недавно посетил вместе с проф. А. Л. Иозефером (Иозефер Александр Львович, р. в 1889 г., в 1917–1918 гг. преподавал в Омском политехническом институте; затем в СИБАКе, где вплоть до мая 1931 г. возглавлял кафедру высшей математики, дальнейшая судьба неизвестна; к археологии не имел никакого отношения. – А. Ж.), сообщил мне, что он, начиная с 1918 г., действительно собирал археологический материал на левом берегу Иртыша в окрестностях Омска, но что стоянку, как таковую, он не исследовал. Я этого не знал раньше, но гр. Левашева в разговоре со мной ни одним словом не упомянула о находках С. А. Ковлера.

Гражданка Левашева совершенно уклоняется от истины, говоря, что мой материал был выставлен “без указания места находок”. В витрине, где лежали рассматриваемые ею объекты, было достаточно легенд на этикетках с точным указанием места, частью лежащих на дне коробок, где лежали некоторые предметы, частью надписанных на картонах с прикрепленными к ним образцами. Это могут засвидетельствовать многие мои товарищи по Институту и ряд лиц из других городов, с 1923 года знакомых с моей коллекцией. Демонстрировал я ее также Наркому Просвещения А. В. Луначарскому при посещении нашего Института.

Также расходится с истиной гр. Левашева, говоря в другом месте своего заявления, что я «скрыл место своих исследований». В Известиях Зап[адно]-Сиб[ирского] Отд[ела] Р[усского] Географического О[бществ]а, том IV, выпуск 1, в отделе экспедиции и исследования 1923 года на странице 123 черным по белому напечатано: «Профессор Сибирской Сельско-Хозяйственной Академии П. Л. Драверт летом обследовал найденную им на левом берегу Иртыша, близ г. Омска, дюнную стоянку и собрал здесь большую коллекцию фрагментов глиняной посуды “чудского” типа, каменных орудий и костей». Об этой же стоянке мной упомянуто, в связи с нахождением там одонтолита, на стр. 144 моей работы «К минералогии кайнозойских отложений Обь-Иртышского бассейна», напечатанной в т. V Известий З[ападно]-С[ибирского] Отд[ела] РГО 1926 г. Есть и еще указания; но пока довольно и этих. Итак, если, по мнению гр. Левашевой, печатное сообщение о пункте, где велась работа, есть «скрывание места своих исследований», то я не знаю, куда можно притти (так в тексте. – А. Ж.) при таком методе рассуждения.

В своем заявлении гражданка Левашева пишет, что она «никогда и не собиралась перешибать у кого бы то ни было работу». Считаю долгом заверить, что в разговоре со мной гр. Левашева таких энергичных выражений не употребляла и была тогда вполне корректна. Тем более я был удивлен, прочтя ее заявление с этим своеобразным термином «перешибать». Мне понятно изумление членов Комиссии, услышавши[х] на заседании в оглашенном гр. Мелехиным письмо (так в тексте. – А. Ж.) к нему гр. Левашевой, что при виде доставленных ею черепков Московские археологи «пришли в телячий восторг». Но если гражданка Левашева так неуважительно относится, да еще за глаза, к своим старшим ученым коллегам в Москве, что их лестное для нее восхищение называет «телячьим восторгом», то мне, постороннему для нее человеку, нечего и требовать справедливого отношения к себе.

Что касается до утверждения гр. Левашевой, будто я производил раскопки стоянки, то я вижу здесь лишь неуверенную попытку к необоснованному доносу. Говорят, что в каждом деле труден только первый шаг. Когда гр. Левашева склонна

будет осветить фактами свое утверждение и направить его по соответствующему адресу, я дам исчерпывающие объяснения, которые, смею думать, рассеют тень незаконности, набрасываемую гр. Левашевой на мои изыскания и сборы на левом берегу Иртыша в окрестностях гор. Омска.

В заключение я не могу не выразить чувства вполне понятного сожаления по тому поводу, что столь молодая научная работница, какой является гр. Левашева, так скоро усвоила в руководимом гр. Мелехиным Музее приемы, наводящие на грустные размышления. Во всяком случае, образ действия гр. Левашевой совершенно не мог быть обусловлен теми навыками, которые она получила от ее достойных всякого уважения Московских наставников в археологии.

П. П. Профессор И. (так в тексте. – А. Ж.) Драверт

Верно: Окринспектор по делам печати и зрелищ (Тегер)

Источник: ОГИК музей. ОМК-8513. № 100. Л. 1–2. Машинопись.

Приложение 4

Омская стоянка в составе археологической карты В. П. Левашевой

В конце 1920-х гг. Омская стоянка впервые заносится в археологическую карту, над которой работала В. П. Левашева. Комментируя результаты своих изысканий 1926–1927 гг., Варвара Павловна писала: «Разведки двух лет являются лишь частью большой начатой работы по составлению археологической карты Омского и Барабинского округов. Очередной задачей будущего лета стоит проведение разведки по р. Оми от г. Каинска до Омска и исследование окрестностей Омска по левому берегу р. Иртыша, что даст возможность составить “скелет” этой карты, которая будет пополняться с каждым годом отметками вновь открывающихся памятников» [Левашева, 1928, с. 161].

«Кроме карточного каталога, Отделом (здесь Варвара Павловна имеет в виду лично себя. – А. Ж.) составлена и постепенно заполняется новыми данными археологическая карта Омского и части прилегающих округов в масштабе 5 км в 1 см. Контур ее составлен на основании 10-ти верстных карт Военно-Топографического Управления и административной карты Омского Округа, изданной Геодезическим Комитетом ВСНХ (масштаб 5 км в см), условные обозначения памятников даны преподавателем Топографии АРХО (Археологического отделения. – А. Ж.) 1 МГУ Е. А. Столяревским» [Левашева, 1929в, л. 1]. Эта карта, скорее всего, не сохранилась.

К исходу 1929 г. замысел Варвары Павловны стал более масштабным. Сверх означенного материала ее карта должна была включать также памятники Петропавловского, Атбасарского и Павлодарского округов. К сожалению, эта работа остановилась в самом начале. Для пяти степных округов Западной Сибири (южнее идет Семиречье, которое Варвара Павловна выделяла в особый регион) В. П. Левашева успела оформить карточки лишь на 311 памятников – 104 в Омском округе, 83 в Барабинском, 29 в Петропавловском, 1 в Атбасарском и 94 в Павлодарском. О месте хранения археологической карты пяти степных округов Западной Сибири см. в приложении 5. Омская стоянка значится в составе этой карты под № 6.

«Иртыш, левый берег. Омск, против ул. Стеньки Разина. **Стоянка**. Открыта С. А. Ковлер в 1918 г., раск[опана] Е. Н. Липеровской 1927 г.

Стоянка на берегу р. Иртыша на заливном лугу, площадью около ----- (проставлены черточки. – А. Ж.) кв. м. Культурный слой залегает на разной глубине, выступает по обрыву берега, содержит угли, кости животных, обломки керамики, каменные орудия и металлические и костяные поделки. В 1918–20 гг. производились сборы д[окто]ра С. А. Ковлера, в последующие годы – сборы проф[ессора] П. Л. Драверт, в 1927 г. – раскопки Е. Н. Липеровской, вскрывшие площадь 80 кв. м тремя траншеями. В 1928 г. – показательные раскопки археол[огического] кружка при Музее под руков[одством] В. П. Левашевой, вскрыты 4 участка площадью по 1 кв. метру, прилегающие к тр[аншее] II раскопа Е. Н. Липеровской. В 1929 г. – сборы подъемного материала членом арх[еологического] кружка Дм[итрием] Борман. Сборы П. Л. Драверта хранятся в Геологич[еском] К[абине]те Сибинститута, весь остальной материал – в Музее.

ГЗСМ, АО (Государственный Западно-Сибирский музей, Археологический отдел. – А. Ж.), инв. № 51–53, 57, 58, 513–586, 772 (правильно 773. – А. Ж.) –792, 892–897 (не указана коллекция под № 1015–1044. – А. Ж.). Геологич[еский] К[абине]т Сибинст[итута], инв. №№ (не проставлены. – А. Ж.). Рукоп[исный] отчет Е. Н. Липеровской о раскопках 1927 г.» [Левашева, 1928–1929, № 6].

Приложение 5

«Левашевские» коллекции Омской стоянки в собрании Государственного Западно-Сибирского краевого музея

Материалы Омской стоянки В. П. Левашева зафиксировала в «Инвентарной описи» [Левашева, 1929а] и «Картотеке» [Левашева, 1929б], которые она вела на археологические материалы Западно-Сибирского краевого музея. По традиции эти и некоторые другие рукописи, а также упомянутая выше археологическая карта (картотека), составленная Варварой Павловной, хранятся вместе с более поздними бумагами аналогичного рода: картотеками, научными паспортами, старыми книгами поступлений и проч. – при археологическом собрании Омского историко-краеведческого музея.

За время службы В. П. Левашевой в нашем музее отложились пять коллекций материалов, собранных на Омской стоянке. Самая ранняя коллекция надписана в инвентарной описи так: **«Найдены в окрестностях г. Омска. Дар С. А. Ковлера, левый берег р. Иртыша, против г. Омска»** [Левашева, 1929а, с. 17]. Время поступления *дара* не означено. В картотеке Археологического отдела на обороте карточки № 51 – надпись карандашом: «Конец II тысяч[елетия] до н. э. Одновременны тюменским стоянкам по раск[опкам] Словцова и П. Д. (правильно П. А. – А. Ж.) Дмитриева» [Левашева, 1929б]. Номер коллекции в Омском краеведческом музее – ОМК-4489 (за исключением бронзовых подвесок под № 57/3, это – ОМК-4542).

Состав этой коллекции:

«№ 51/2. 2 нуклеуса (ядрища) отжимной техники.

№ 52/2. 2 каменные ножевидные пластинки.

№ 53/3. 3 каменных скребка, два из желтоватого и серого камня с хорошей ретушью, и третий из черного камня, недоделанный.

[...] (№ 54–56 – это сборы С. А. Ковлера, не имеющие отношения к Омской стоянке. – А. Ж.).

№ 57/3. 3 бронзовых амулета – привески. Трехпалые, с круглым отверстием для подвешивания на противоположном конце, с зубчатыми краями. Разм[еры]: 5 × 2 см, 6 × 1,5 см и 3,5 × 1,5 см.

№ 58. Орнаментированные черепки глиняных сосудов» [Левашева, 1929а, с. 16].

Далее, под № 513–586, идет самая крупная коллекция – **«Стоянка на левом берегу р. Иртыша против гор. Омска, раскопки 1927 г. Гос[ударственного] Зап[адно]-Сиб[ирского] Музея, Е. Н. Липеровской»** [Левашева, 1929а, с. 139]. Номер коллекции в Омском краеведческом музее – ОМК-4450.

В картотеке Археологического отдела на обороте карточек № 513–570 – надпись карандашом: «Конец II тысячел[етия] до н. э., близка к стоянкам с кам[енными] орудиями близ г. Тюмени. П. А. Дмитриев – Мысовские стоянки – Труды секции археологии РАНИОН вып. IV» [Левашева, 1929б]. На карточке № 549 к этой надписи добавлено: «Орнамент данного обломка сходен с орнаментом сосудов Андроновской к[ульту]ры, того же времени» [Там же]. На обороте карточек № 571–573 и 575–581 – надпись карандашом: «Конец II тысяч[елетия] до н. э., одновременна стоянкам с каменными орудиями близ Тюмени. П. А. Дмитриев – Мысовские стоянки – Труды секции археологии РАНИОН вып. IV» [Там же]. На обороте карточек № 585–586 – надпись карандашом: «Конец II тысяч[елетия] до н. э., одновременна Тюменским стоянкам раск[опок] П. А. Дмитриева – Мысовские стоянки – Труды секции археологии РАНИОН вып. IV» [Там же]. На обороте карточек № 582–584 – надпись карандашом: «Стоянка неолитического типа метал[лического] периода, конца II тысяч[елетия] до н. э., одновременна стоянкам с каменными орудиями близ г. Тюмени. П. А. Дмитриев – Мысовские стоянки – Труды секции археологии РАНИОН вып. IV» [Там же]. На обороте карточки № 574 – надпись карандашом: «Предмет позднего происхождения, случайно попавший на стоянку» [Там же].

Состав этой коллекции:

«№ 513/12. Три обломка края и 9 обломков стенок глиняного сосуда, толсто-стенного, украшенного широкими линиями печатного или резного орнамента в виде горизонтальных каннелюр. На втором от верхнего края выступе ряд бугорчатого орнамента, на третьем – мелкие инкрустации меди или бронзы.

№ 514/18. Восемнадцать обломков стенок глиняных сосудов с отпечатками плетенки, различного рисунка.

№ 515/2. Два обломка стенок глиняных сосудов, один с частью свастического рисунка, выполненного сплошь зубчатым чеканом, другой с широкой полосой, заштрихованной косыми резными линиями.

№ 516/5. Пять обломков стенок глиняных сосудов с чеканным мазковым орнаментом в елочку.

№ 517/11. Одиннадцать обломков стенок глиняных сосудов с чеканным мазковым орнаментом различного рисунка.

№ 518. Небольшой черепок, расколотый вдоль, с глубоким линейно-печатным или резным орнаментом горизонтальными каннелюрами, украшен, кроме того, мелкозубчатым и круглоямочным орнаментом.

№ 519. Обломок стенки глиняного сосуда с резным орнаментом горизонтальными линиями и гнутым зигзагом.

№ 520/15. Пятнадцать обломков стенок глиняных сосудов с различным орнаментом.

№ 521/2. Два обломка стенок глиняного сосуда с печатным орнаментом (тесью?), рисунок расположен горизонтальными линиями и зигзагом.

№ 522/40. Сорок обломков стенок глиняных сосудов с зубчатым чеканным орнаментом различного рисунка.

№ 523/65. Шестьдесят пять обломков стенок глиняного сосуда с беспорядочным резным линейным орнаментом, по-видимому следы обтирания прутьями.

№ 524/6. Шесть обломков стенок глиняных сосудов с печатным шнуровым орнаментом, рисунок – острый зигзаг горизонтальными полосами.

№ 525/20. Двадцать обломков стенок глиняных сосудов, орнаментированных резным острым зигзагом.

№ 526/10. Десять обломков стенок глиняных сосудов с мазковым чеканным орнаментом различного рисунка.

№ 527/25. Двадцать пять обломков стенок глиняных сосудов с резным линейным орнаментом различного рисунка.

№ 528/29. Двадцать девять обломков днищ глиняных сосудов, из них 3 обломка одного круглого неорнаментированного днища, 4 – неорнаментированных плоских, 14 обломков с различным орнаментом по нижнему краю стенок, 3 обломка с орнаментом по внешней стороне днища и 5 обломков с орнаментом по нижнему краю стенок и внешней стороне днища.

№ 529/65. Шестьдесят пять неорнаментированных обломков стенок глиняных сосудов.

№ 530/3. Три обломка неорнаментированных краев глиняных сосудов.

№ 531/3. Три обломка краев глиняных сосудов с кругло-ямочным чеканным орнаментом.

№ 532/3. Три обломка краев глиняных сосудов с бугорчатым чеканным орнаментом.

№ 533. Обломок края глиняного сосуда с зубчатым чеканным орнаментом.

№ 534. Обломок края глиняного сосуда с чешуйчатым чеканным орнаментом.

№ 535/2. Два обломка краев глиняных сосудов с резным мазковым орнаментом.

№ 536/2. Два обломка краев глиняных сосудов с резным орнаментом горизонтальными каннелюрами, резными городками на одном и скрещивающимися резными линиями на другом.

№ 537/2. Два обломка края глиняных сосудов, орнаментированных горизонтальными каннелюрами и мелкозубчатым орнаментом в виде косых городков на одном и скрещивающихся линий на другом.

№ 538. Обломок края глиняного сосуда с горизонтальными каннелюрами, с овальным и кругло-ямочным чеканным орнаментом.

№ 539/9. Девять обломков стенок глиняных сосудов с печатным веревочным орнаментом – псевдо-зубчатым и шнуровым.

№ 540/5. Пять обломков стенок глиняных сосудов с печатным орнаментом тесьмой, различного рисунка.

№ 541/8. Восемь обломков стенок глиняных сосудов с резным орнаментом горизонтальным тупым зигзагом, есть комбинации с другими мотивами.

№ 542/4. Четыре обломка стенок глиняных сосудов с чеканным линейным орнаментом в елочку, есть комбинации с другими мотивами.

№ 543/10. Десять обломков стенок глиняных сосудов с чеканным угловым орнаментом.

№ 544/8. Восемь обломков стенок глиняного сосуда с густым орнаментом штрихами и чеканным мелко-зубчатым.

№ 545/7. Семь обломков стенок глиняных сосудов с чеканным чешуйчатым орнаментом.

№ 546/18. Восемнадцать обломков стенок глиняных сосудов с отпечатками грубой ткани.

№ 547/3. Три обломка глиняного сосуда с резным орнаментом в виде горизонтальных линий и вертикальных штрихов и с рядом кругло-ямочного чекана между ними.

№ 548/4. Четыре обломка стенок глиняных сосудов с линейным и мелко-зубчатым орнаментом, рисунок – городками и зигзагами.

№ 549. Обломок стенки глиняного сосуда с мелко-зубчатым чеканным орнаментом, рисунок – косой зигзаг по плечикам и сложная свастика по стенке.

№ 550/2. Два обломка стенок глиняных сосудов с выпуклыми горизонтальными линиями, с мазковым чеканным орнаментом на одном, с кругло-ямочным и линейным чеканом на другом.

№ 551/3. Три обломка стенок глиняных сосудов с квадратным чеканным орнаментом.

№ 552/3. Три обломка стенок глиняных сосудов с неправильно-ямочным и точечным чеканным орнаментом.

№ 553. Обломок края глиняного сосуда с шейкой и гладким бережком, орнаментирован лепным орнаментом поясками (выпуклость слабая).

№ 554/2. Два обломка краев глиняных сосудов с орнаментом в виде зигзага, отпечатанного перевитой веревочкой.

№ 555/3. Три обломка краев глиняных сосудов с резным и чеканным линейным орнаментом, расположенным горизонтальными линиями и зигзагами.

№ 556. Обломок края глиняного сосуда со слабо выраженной шейкой, орнаментирован зубчатым чеканом, расположенным тупым зигзагом в 4 ряда, под ним – штрихи мазкового, под зигзагом горизонтальные полосы чеканного орнамента.

№ 557/7. Семь обломков краев глиняных сосудов с чеканным мазковым орнаментом различного рисунка.

№ 558/2. Два обломка краев глиняных сосудов с отпечатками грубой ткани и с кругло-ямочным орнаментом.

№ 559. Обломок края глиняного сосуда с отпечатками плетенки и с бугорчатым чеканным орнаментом.

№ 560/2. Два обломка краев глиняных сосудов с косыми полосами печатного орнамента тесьмой и шнуром.

№ 561/11. Одиннадцать обломков краев глиняных сосудов с чеканным зубчатым орнаментом различного рисунка.

№ 562/2. Два обломка краев глиняных сосудов с косыми линиями трехугольного чекана.

№ 563. Обломок края глиняного сосуда с мелко-зубчатым орнаментом, рисунок – косые треугольники.

№ 564. Обломок края глиняного сосуда с глубокими горизонтальными каннелюрами, линейным чеканом в елочку по каннелюрам и с косыми городками по краю.

№ 565/7. Семь обломков краев глиняных сосудов с различным орнаментом.

№ 566. Обломок глиняного сапла (так в тексте. – А. Ж.) от мехов для раздувания огня. Форма – усеченный конус, внешняя поверхность покрыта мазковым чеканным орнаментом. Длина обломка 5,5 см, диаметр узкого края 1,5 см, диаметр широкого края 3,5 см.

№ 567. Глиняный метатильный (так в тексте. – А. Ж.) шарик, гладкий, слегка вытянутой формы. Диаметр 2,4–2,6 см.

№ 568/4. Четыре глиняных предмета в виде пятиконечных звезд, вогнутые с одной стороны и выпуклые с другой, лучи массивные, округлые. Размер 4,5 × 4,5 см.

№ 569. Осколки кремня, отжимной и сколотой техники.

№ 570/4. Кремневые наконечники стрел – 1) целый листовидный из серого кремня, длина 4,7 см, ширина 1,4 см. 2) листовидный с отломанным острием, темно-серого кремня, длина 4,1 см, шир[ина] 2 см. 3) обломок нижнего края из красноватого кремня, длина 1,7 см, шир[ина] 1,5 см. 4) обломок острия, беловатый кремень, длина 1,8 см, ширина нижнего отломанного края 1,2 см.

№ 571/7. Семь кремневых скребков, различной величины и формы, размеры от 3,4 × 3,5 см до 1,6 × 2,7 см.

№ 572. Обломок острия каменного ножа с лезвием мелкой ретушью. Длина обломка 2,3 см, ширина обломанного края 1,9 см.

№ 573/3. Три обломка точильных брусков из серого камня, размеры 11,5 × 4,5 × 3 см, 6 × 4 × 3 см и 5 × 4 × 2 см.

№ 574. Обломок костяной полированной фигурной рукоятки с яйцевидным отверстием для подвешивания. Длина 8,8 см, ширина 1,2 см, размер отверстия 1 × 0,4 см.

№ 575/2. Два обломка костяных остроконечников, один массивный с отломанным острием, длина 4 см, ширина 1,4 см, другой – плоский зашлифованный (сломан на 3 части и склеен) длиной 5 см, ширина 1,2 см.

№ 576. Обломок костяного остроконечника, массивный, четырехгранный (сломан на 3 части и склеен), длина 4 см, ширина в каждой части 1 см, толщина 0,7 см.

№ 577. Костяной предмет в виде палочки с заостренными утонченными концами с 6-ю тупыми зубчиками по одной стороне (сломан на три части и склеен), длина 5,5 см, ширина 0,8 см, толщина 0,6 см, ширина зубчиков 0,4 см.

№ 578/3. Три обломка плоских костяных предметов, размеры 5,5 × 1,2 см, 2 × 1,8 см и 2,5 × 1,3 см.

№ 579/4. Четыре обломка трубчатых костей со следами обработки.

№ 580/5. Пять кремневых осколков от скребков.

№ 581. Обломки бронзового украшения из длинной узкой пластинки, свернутой спиралью, диаметр см (пропуск в тексте. – А. Ж.).

№ 582. Обломок бронзовой (медной?) пластинки, размер: (пропуск в тексте. – А. Ж.).

№ 583. Обломок бронзового стержня с загнутым концом, длина 12,4 см, ширина 0,6 см, толщина 0,2 см.

№ 584/2. Два обломка железных предметов.

№ 585. Кристалл горного хрусталя.

№ 586. Кости животных» [Левашева, 1929а, с. 139–158].

Далее, под № 773–792, значится коллекция **«Стоянка на левом берегу р. Иртыша против г. Омска, раскопки 1928 г. культ[урно]-ист[орического] кружка при Музее под руководством В. П. Левашевой, 1928 г.»** [Там же, с. 205]. Номер коллекции в Омском краеведческом музее – ОМК-4451.

Состав этой коллекции:

«№ 773. Наконечник стрелы из темно-серого кремня. Листовидный с широким нижним краем. Длина 5 см, ширина 2 см, толщина 0,6 см.

№ 774. Обломок наконечника стрелы из серого кремня с обломанным острием и широким нижним краем. Длина 3 см, ширина 2 см, толщ[ина] 0,7 см.

№ 775/3. Три каменных скребка – 1) высокий из серого кремня, разм[ер] 2,8 × 1,8 × 1 см, 2) небрежной выделки из розоватого кремня, разм[ер] 2,3 × 2 × 0,5 см, и 3) сегментовидный из белого кремня, разм[ер] 2,7 × 2 × 0,6 см.

№ 776/2. Две ножевидных пластинки из розоватого кремня, одна крупная, размером 7,5 × 2 см, сломана на две части, длина второй – 4 см, ширина 1 см.

№ 777/4. Осколки кремня.

№ 778. Обломки глиняных сосудов, неорнаментированные.

№ 779/7. Обломки глиняных сосудов с отпечатками грубой сетки.

№ 780/9. Девять обломков стенок глиняных сосудов с зубчатым чеканным орнаментом.

№ 781/6. Шесть обломков стенок глиняных сосудов с печатным шнуровым орнаментом острым зигзагом.

№ 782/8. Восемь обломков стенок глиняных сосудов с резным линейным орнаментом острым зигзагом.

№ 783. Обломок стенки глиняного сосуда с чеканным зубчатым орнаментом острым зигзагом.

№ 784/8. Восемь обломков стенок глиняных сосудов с различным рисунком чеканного орнамента.

№ 785/7. Семь обломков стенок глиняных сосудов с печатным шнуровым орнаментом горизонтальными линиями.

№ 786/3. Три обломка стенок глиняного сосуда с резным орнаментом косыми штрихами, расположенными горизонтальными линиями (псевдо-шнуровой).

№ 787. Четыре обломка глиняного сосуда с прямым краем, без шейки, бережок гладкий, стены покрыты рядами косых штрихов зубчатого чекана, на 2-м ряду сверху на зубчатом орнаменте кругло-ямочный.

№ 788/7. Семь обломков краев глиняных сосудов, из них 2 неорнаментированные и 5 с различным рисунком.

№ 789/6. Шесть обломков плоских дниц глиняных сосудов, из них 4 с различным орнаментом по нижнему краю стенок, 1 орнаментирован с внешней стороны днища и 1 без орнамента.

№ 790/4. Четыре обломка глиняных сосудов с различным резным и чеканным орнаментом.

№ 791. Кости животных.

№ 792. Кости животных со следами обработки» [Левашева, 1929а, с. 204–208].

Под № 892–897 в инвентарной описи представлена коллекция: «**Стоянка на левом берегу р. Иртыша против г. Омска, сборы члена арх[еологического] кружка Дм. Бормана в июне 1929 г., пост[упили] от него же**» [Там же, с. 241]. Номер коллекции в Омском краеведческом музее – ОМК-4488. В картотеке Археологического отдела уточнено время поступления коллекции – на каждой карточке № 892–897 запись: «передано в музей 20/VI–29 г.» [Левашева, 1929б].

Состав этой коллекции:

«№ 892. Обломок остроконечника из желтоватого кремня, длина 3,3 см, ширина нижнего края 2,7 см, толщина 0,4 см.

№ 893/2. Два обломка наконечников стрел из белого и черного кремня. Размеры – 1) длина 2,1 см, ширина нижнего края 1,5 см, толщина 0,3 см, и 2) с отломанным острием, длина 2 см, ширина нижнего края 1,6 см, толщина 0,2 см.

№ 894/3. 3 каменных орудия (скребки). 1) из коричневого кремня с полукруглым лезвием, размером 1,8 см × 1,8 [с]м, толщ[ина] 0,2 см. 2) Темно-бурого кремня с широким округлым лезвием, разм[ером] 2 × 1,7 см, толщ[ина] 0,5 см, и 3) беловатого кремня трехугольной (так в тексте. – А. Ж.) формы, размер 1,6 × 1,7 см, толщиной 0,4 см.

№ 895. Обломок ножевидной пластинки розоватого кремня со следами обработки по одному краю, размер 2 см × 1,4 см, толщина 0,1 см.

№ 896/6. Шесть кремневых осколков.

№ 897. Обломок сланцевой шлифованной плитки со сложным гравированным орнаментом» [Левашева, 1929а, с. 240–242].

Наконец, под № 1015–1044 в инвентарной описи зафиксирована еще одна коллекция: «**Стоянка на левом берегу р. Иртыша против г. Омска, сборы члена арх[еологического] кружка при Музее Д. Борман. 1929 г.**» [Там же, с. 292]. Номер коллекции в Омском краеведческом музее – ОМК-4439 (за исключением № 1043, который почему-то записан в ОМК-4450).

В картотеке Археологического отдела на обороте большинства карточек № 1015–1044 – надпись карандашом: «Конец II тысячелетия до н/э. Близка к стоянкам с каменными орудиями близ г. Тюмени. П. А. Дмитриев – Мысовские стоянки – Труды Секции Археологии РАНИОН вып. IV» [Левашева, 1929б]. На обороте карточек № 1021 и 1022 к этой надписи добавлено: «Орнамент черепков характерен для андроновской к[ульту]ры – С. А. Теплоухов – Древние погребения Минус[инского] Края – Материалы по этнографии т. ----- изд. Русск[ого] Музея» [Там же]. На обороте карточки № 1043 надпись карандашом: «Случайная находка на стоянке, более позднего времени, чем основной культ[урный] слой» [Там же]. На обороте карточек № 1040 и 1041 надписей нет.

Состав этой коллекции:

«№ 1015/2. Два обломка краев глиняных сосудов с печатным орнаментом перевитой веревочки тупыми зигзагами по краю.

№ 1016/3. Три обломка краев глиняных сосудов с резным линейным орнаментом короткими косыми и вертикальными штрихами на одном и тупым горизонтальным зигзагом на других.

№ 1017/3. Три обломка краев глиняных сосудов с чеканным зубчатым орнаментом различного рисунка.

№ 1018/2. Два обломка краев глиняных сосудов с чеканным линейным орнаментом различного рисунка.

№ 1019. Обломок края глиняного сосуда с чеканным орнаментом – крупные отпечатки пальцев.

№ 1020. Обломок края глиняного сосуда с резным линейным орнаментом.

№ 1021/2. Два обломка стенок глиняных сосудов с чеканным пунктирно-зубчатым орнаментом сложного меандрового рисунка.

№ 1022. Обломок стенки глиняного сосуда с чеканным пунктирно-зубчатым орнаментом трехугольниками.

№ 1023. Обломок стенки глиняного сосуда с чеканным рамчатым орнаментом.

№ 1024. Обломок стенки глиняного сосуда с чеканным квадратным орнаментом.

№ 1025/2. Два обломка стенок глиняных сосудов с чеканным зубчатым орнаментом.

№ 1026/3. Три обломка стенок глиняных сосудов с чеканным пунктирно-зубчатым орнаментом различного рисунка.

№ 1027/9. Девять обломков стенок глиняных сосудов с чеканным линейным орнаментом в елочку.

№ 1028/10. Десять обломков стенок глиняных сосудов с резным линейным орнаментом.

№ 1029/2. Два обломка стенок глиняных сосудов с чеканным лопатчатым орнаментом.

№ 1030. Обломок стенки глиняного сосуда с чеканным овальным орнаментом.

№ 1031/10. Десять обломков стенок глиняных сосудов с резным и чеканным линейным орнаментом горизонтальными тупыми зигзагами.

№ 1032/2. Два обломка стенок глиняных сосудов с чеканным зубчатым орнаментом горизонтальными тупыми зигзагами.

№ 1033. Обломок стенки глиняного сосуда с печатным орнаментом перевитой веревочки горизонтальными тупыми зигзагами.

№ 1034/6. Шесть обломков стенок глиняных сосудов с печатным шнуровым орнаментом острым зигзагом.

№ 1035/4. Четыре обломка стенок глиняных сосудов с резным линейным орнаментом острым зигзагом.

№ 1036. Обломок стенки глиняного сосуда с печатным тканьевым орнаментом густого и сложного рисунка.

№ 1037/8. Восемь обломков стенок глиняных сосудов с печатным орнаментом перевитой веревочки, есть в елочку.

№ 1038/2. Два обломка стенок глиняных сосудов с косыми штрихами резного орнамента и глубокими горизонтальными каннелюрами.

№ 1039/2. Два обломка стенок глиняных сосудов с чеканным кругло-ямочным орнаментом.

№ 1040/5. [Пять] неорнаментированных обломков стенок глиняных сосудов.

№ 1041. Неорнаментированный обломок плоского днища глиняного сосуда.

№ 1042. Скребок из темно-серого кремня, сделан из ножевидной пластинки, с округлым лезвием, отретушированным с одной стороны. Разм[ер] 3 × 2,5 см, толщ[ина] 0,5 см.

№ 1043. Железный черешковый нож с остатками костяной рукоятки. Клинок прямой, однолезвийный, переломлен; рукоятка гладкая, в поперечном сечении овальная. Длина клинка 12,7 см, ширина его 1,3 см, длина черешка 4 см, длина сохранившейся части рукоятки 3 см, ширина ее 1,8 см.

№ 1044. Обломок стенки глиняного сосуда с печатным орнаментом перевитой веревочки сложного рисунка широкими полосами, заполненными косыми штрихами» [Левашева, 1929а, с. 292–300].

Библиографический список

Бродский И. Е. Сергей Ковлер – врач, коллекционер, меценат // Архивный вестник (Омск). 2007. № 15. С. 206–212.

Девятьярова И. Г. Вклад в культуру – это деяние // Вечерний Омск. 1990. № 240, 17 окт. С. 3.

Дмитриев П. А. Мысовские стоянки и курганы. Тюменский округ Уральской области // Тр. секции археологии Ин-та археологии и искусствознания. М., 1928. Кн. IV. С. 180–203.

Драверт П. Л. К минералогии кайнозойских отложений Обь-Иртышского бассейна // Изв. ЗСОРГО. Омск, 1926. Т. V. С. 129–156.

Жук А. В. Погром, или Как уничтожали музей Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества // Советский Иртыш. 1991. № 29, 22 апр. С. 4; 1991. № 30, 24 апр. С. 3.

Жук А. В. Иван Гаврилович Драверт – прадед П. Л. Драверта // Памятники истории и культуры Сибири. Омск, 1995. С. 153–159.

Жук А. В. Варвара Павловна Левашева в начале ее научной деятельности // Петровский сборник. Омск, 2012. С. 111–138.

Кузина Г. А. Государственная политика в области музейного дела в 1917–1941 гг. // Музей и власть. М., 1991. Ч. I. С. 96–172.

Левашева В. П. Предварительное сообщение об археологических исследованиях Западно-Сибирского музея за 1926–27 гг. // Государственный Западно-Сибирский музей. Известия (Омск). 1928. № 1. С. 157–161.

Левашева В. П. Археологическая карта. Омск, 1928–1929 (рукопись).

Левашева В. П. Инвентарная опись Археологического отдела Государственного Западно-Сибирского краевого музея. Омск, 1929а (рукопись).

Левашева В. П. Картотека Археологического отдела Государственного Западно-Сибирского краевого музея. Омск, 1929б (рукопись).

Левашева В. П. В Краевую Сибирскую Комиссию по учету и охране памятников. Краткий отчет. Омск, 1929в. 21 сент. (рукопись).

Наука и научные работники СССР. Ч. VI. Научные работники СССР без Москвы и Ленинграда. Л., 1928. 810 с.

Научные работники Омска : справ. Омск, 1929. 50 с.

Памятная книжка Акмолинской области на 1915 г. Омск, 1915. 78 + 75 с.

Семенов В. Ф. Хроника краеведения // Изв. ЗСОРГО. Омск, 1924. Т. IV. Вып. 1. С. 117–127.

Список абонентов Омской телефонной сети на 1916 г. Омск, 1916. 96 с.

Таскаев И. И. Сибирские терапевты. Омск, 2006. 456 с.

Теплоухов С. А. Древние погребения в Минусинском крае // Этнографический отдел Государственного Русского музея. Материалы по этнографии. Л., 1927. Т. III, вып. 2. С. 57–112.

Тихонов С. С. Работы В. Н. Чернецова в Среднем Прииртышье и состояние открытых им памятников // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. Томск, 2005. С. 43–45.

Хибарин И. Протоиерей Лев Николаевич Липеровский (некролог) // Журнал Московской патриархии. 1963. № 4. С. 25–26.

Источники

Государственный Западно-Сибирский краевой музей. Книга приказов. 12 октября 1928 – 22 июля 1931 г. // ГИАОО. Ф. 1076. Оп. 2. Д. 14. 45 л.

Ковлер С. А. Автобиография. [Омск], 15 сент. 1942 г. // Центр документации новейшей истории Омской области*. Ф. 14. Оп. 7. Д. 3175. Л. 6.

Краткий перечень работ по научно-исследовательским работам и сборам Государственного Западно-Сибирского музея в 1927 г. и предполагаемый план по издательству в 1928 г. // ГИАОО. Ф. 1076. Оп. 1. Д. 22. Л. 37–39 об., 45–45 об.

Левашева В. П. Смета расходов на археологические полевые работы лета 1928 г. Омск, 17 декабря 1927 г. // ГИАОО. Ф. 1076. Оп. 1. Д. 6. Л. 14–14а.

Личный листок по учету кадров. Ковлер Сергей Александрович // Центр документации новейшей истории Омской области. Ф. 14. Оп. 7. Д. 3175. Л. 4–5.

Мелехин Ф. В. Е. Н. Липеровской. Омск, 10 мая 1927 г. № 261 // ГИАОО. Ф. 1076. Оп. 1. Д. 52. Л. 6.

Мелехин Ф. В. В Омский окружной исполнительный комитет. Омск, 29 июня 1927 г. № 404 // ГИАОО. Ф. 1076. Оп. 1. Д. 52. Л. 9.

Приказы по Государственному Западно-Сибирскому музею 6 октября 1925 г. – 25 сентября 1928 г. // ГИАОО. Ф. 1076. Оп. 2. Д. 4. 40 л.

Справка на тов. Ковлер Сергея Александровича, представляемого на утверждение Обкома ВКП(б) для работы в качестве главврача 2-й поликлиники Куйбышевского района // Центр документации новейшей истории Омской области. Ф. 14. Оп. 7. Д. 3175. Л. 3.

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (Россия)
zelionaya.liagushka@yandex.ru

The article is devoted to the history of the discovery and early study of an important archaeological monument of Middle Irtysh region – Omsk site. In the supplement for the first time published a number of documents which fictional story exploring the Omskaya stoyanka.

The history of archaeological science, Omsk site, S. A. Kovler, P. L. Dravert, V. P. Levashева, E. N. Liperovskaya, D. V. Borman.

* Ныне – в составе ГИАОО. Материалы собраны в период самостоятельного функционирования Центра.

Б. А. Конилов

**КОМПЛЕКС ПАМЯТНИКОВ «ОМСКАЯ СТОЯНКА»:
ИСТОРИЯ ОБРЕТЕНИЙ И УТРАТ**

Статья посвящена обзору истории открытия, изучения и утрат комплекса памятников археологии «Омская стоянка», расположенного на левобережье р. Иртыш, в черте г. Омска. Большая коллекция артефактов, хранящаяся в фондах Омского государственного историко-краеведческого музея, остается все еще неизвестной научному сообществу и широкой общественности. Между тем она является ценнейшим источником по времени освоения людьми низовья р. Омь, территории, на которой с 1716 г. начнется история Омска.

Омская стоянка, С. А. Ковлер, В. П. Левашева, А. Ф. Палашенков, В. Н. Чернецов, В. И. Матющенко, А. И. Петров, И. Г. Глушков, В. Ф. Генинг, В. Т. Петрин, орудия из камня, кости, бронзы, обломки глиняной лепной посуды неолита – раннего железного века, глиняные антропоморфные статуэтки.

История отечественной науки знает примеры, когда гуманитарное сообщество широко отмечало юбилейные даты, связанные с открытием или началом исследования памятников археологии. В качестве образца назову начало (1879 г.) изучения группы памятников эпохи палеолита в районе с. Костенки на Дону. К 125-летию были приурочены конференция и сборник [Костенки и ранняя пора верхнего палеолита ... , 2004].

В 2013 г. научная общественность отмечает 95-летие со времени открытия комплекса памятников археологии «Омская стоянка» (1918 г.), расположенного на левобережье Иртыша, в черте г. Омска. Однако, если Костенки – памятник хрестоматийный, его развернутые характеристики содержатся и в отечественных вузовских учебниках [Археология СССР, 1977, с. 33–34; Археология, 2006, с. 72–73], то Омская стоянка не удостоилась такой чести. Более того, ее нет в обобщающих работах, например в академическом издании «Неолит Северной Евразии». В частности, в разделе, посвященном неолиту Среднего Прииртышья, она отсутствует в перечне памятников екатерининской культуры неолита-энеолита [Неолит Северной Евразии, 1996, с. 206].

Стоянка выпала и из монографических изданий последних десятилетий, посвященных неолитическим памятникам северной части Барабинской лесостепи, территориально расположенных близко к ней [Полосьмак, Чикишева, Балужева, 1989; Молодин, 2001].

Между тем комплекс «Омская стоянка» при внимательном знакомстве с его коллекцией имеет научную значимость, далеко выходящую, на мой взгляд, за пределы регионального уровня. В истории его открытия, исследований и утрат запечатлелись многие типичные черты, присущие отношению к сохранению отечественного историко-археологического наследия в XX в.

Цель статьи – подвергнуть анализу историю изучения этого памятника и нацелить специалистов на обработку, осмысление и научное представление материалов Омской стоянки мировому и отечественному профессиональному сообществу.

Памятник был открыт (до 1998 г. – Омская стоянка) в беспокойном 1918 г. С. А. Ковлером (1882–1960). Ковлеру было тогда 37 лет. За его плечами – медицинский факультет Йенского университета (Германия). Этот университет, основанный в 1558 г., давал фундаментальную подготовку и широкий кругозор. В разные годы в нем преподавали Г. Гегель, И. Дройзен, Э. Гексель, В. Дерпфельд, а среди знаменитых выпускников разных лет назовем И. Винкельмана, Р. Брэм, К. Маркса, А. Шопенгаура. Ковлер был и краеведом-археологом. Позднее, в 20-е гг. XX в., он доставлял в омский музей археологические материалы. Собранные на левобережье Иртыша предметы он также принес в музей; однако их количество, состав и точное местоположение не удалось идентифицировать; факт – поступившие изделия положили начало формированию коллекции.

История сибирской археологии знает немало случаев, когда открытие краеведом археологического объекта приводило к началу систематических работ на нем профессионалов. Укажем на Томскую стоянку в черте г. Томска [Матющенко, 2001, с. 36–37]. В отношении Омской стоянки этого не произошло. Как известно, собственного археологического центра, да и профессионального археолога Омск того времени не имел. Это – первый упущенный шанс обретения памятника. Между тем тогда стоянка еще не была затронута человеческим и техногенным воздействием.

Следующий этап в пополнении коллекции стоянки приходится на 1923 г., и связан он с именем П. Л. Драверта (1879–1945), минералога, геолога, поэта, высоко ценимого самим В. И. Вернадским, профессора омских вузов в 1918–1940 гг. Известен П. Л. Драверт и как автор статей на археологические сюжеты. По имеющимся у нас данным, он трижды (1923, 1928 и 1931 гг.) производил сбор подъемного материала, который оказался в музейной коллекции. Однако известно, что археологические коллекции имелись и в кабинете минералогии Омского сельскохозяйственного института, которым заведовал Петр Людовикович. Сборы П. Л. Драверта – это своего рода золотой век в истории пополнения коллекции: из примерно 7000 артефактов почти $\frac{1}{3}$ собраны им. И по категориям его материалы наиболее выразительны на сегодняшний день. Это сотни каменных орудий, украшения из камня и кости, многие сотни фрагментов лепной керамики с разным орнаментом. В то же время Драверт не оставил (или они не найдены?) чертежей или зарисовок с указанием места находок, мною не встречены и его определения пород камня, использовавшихся для создания орудий труда (он – одаренный минеролог). Не последовало и обращение к профессиональному сообществу с предложением провести научное изучение памятника, между тем Драверт поддерживал творческие контакты со многими учеными страны. Правда, следует отметить его одну попытку привлечь внимание археологов к омским коллекциям. В 1926 г. он участвовал в Первом Научно-исследовательском краевом съезде (Новосибирск), где выступал в прениях по проблемам неолита Сибири, и он же, как я полагаю, пригласил в Омск известного знатока каменного века Сибири Н. К. Ауэрбаха; тот ознакомился и с коллекцией Омской стоянки, но научного резонанса его визит не имел. Это был второй упущенный шанс.

Следующая страница в истории исследования памятника связана с именем В. П. Левашевой (1901–1974), в 1926–1929 гг. работавшей в Западно-Сибирском краевом (ныне – Омский государственный историко-краеведческий) музее [Кони-ков, 1994]. Для исследования стоянки ею в 1927 г. были приглашены однокурсница по МГУ Е. Н. Липеровская (Дмитриева) и П. А. Дмитриев. Ими были заложены траншеи и вскрыто около 80 кв. м культурного слоя: артефакты поступили в местный музей, документация раскопок хранится в ГИАОО. К сожалению, результаты раскопок не получили освещения в научных публикациях, и у меня сложилось впечатление, что приезд однокурсников в Омск был связан не столько с решением научных задач, сколько с естественным желанием недавних студентов встретиться.

В 1928 г. уже сама В. П. Левашева провела показательную шурфовку Омской стоянки, заложив несколько небольших раскопов рядом с траншеями Е. Н. Липеровской. Результаты работ 1927–1928 гг. были использованы при создании первой научной музейной археологической экспозиции* и при написании первого музейного путеводителя по археологическому отделению [Путеводитель ... , 1928]. Из текста последнего видно, что материалы Омской стоянки были представлены в витрине 1. Левашова датировала стоянку ранней порой неометаллической – железной эпохи [Там же, с. 6]. К сожалению, будучи еще слабо знакомой с археологией Западной Сибири (учтем и тогдашнее состояние последней), Левашева, отталкиваясь от материалов стоянки, в которой, наряду с железными и бронзовыми изделиями, присутствовали и каменные, сделала вывод об отсталости местной культуры. Не стали материалы стоянки и основой для двух ее докладов, которые она озвучила перед авторитетной московской археологической общественностью [Кони-ков, 1994]. Вновь был упущен шанс привлечь внимание специалистов.

В 1929 г. участник археологического школьного кружка, руководимого В. П. Левашевой, Д. Борман собрал на памятнике выразительную коллекцию керамики – эпохи бронзы и раннего железного века, которая хранится в музее. Попутно заметим, что таких эпизодов, когда сборы на стоянке проводили любители, было много; не все имена, в силу объема статьи, могу перечислить, не все пока известны.

Ситуация изменилась с приездом во второй половине 30-х гг. XX в. в Омск А. Ф. Палашенкова (1886–1971). Наш выдающийся краевед неоднократно посещал памятник и проводил сборы на нем; эти материалы находятся в составе музейной коллекции. Сама стоянка не раз служила Андрею Федоровичу поводом для выступления с просветительскими статьями в омской периодической печати, она также охарактеризована в его новаторской для истории омской археологии статье, посвященной археологической карте города [Палашенков, 1960, с. 3–4]. Его несомненной заслугой перед археологией региона явилось приглашение в Омск В. Н. Чернецова (1905–1970). В 1945 г. А. Ф. Палашенков, В. Н. Чернецов и В. И. Мошинская побывали на Омской стоянке. Ее материалы учтены в статье В. Н. Чернецова, изданной во всесоюзном археологическом академическом сборнике. Он впервые выделил в составе коллекции материалы эпохи бронзы, которые были соотнесены им с афанасьевской, андроновской и карасукской культурами [Чернецов, 1947, с. 57–67].

Можно было бы заключить, что наконец-то Омская стоянка обрела широкую известность. Однако этого не произошло. Между тем В. Н. Чернецов был знатоком археологии Западной Сибири широкого хронологического диапазона, в частности,

* Западно-Сибирский краевой музей основан в 1878 г.

у него есть и основополагающие статьи по неолиту Урала и Западной Сибири. Но «неолита» в составе Омской стоянки он тогда не увидел. Сведения об Омской стоянке были использованы И. А. Талицкой, поместившей ее в материалах к археологической карте [Талицкая, 1953], и привлекли внимание московского археолога Н. Л. Членовой [Членова, 1955].

В 1966 г. произошел кардинальный пересмотр культурно-хронологических параметров памятника, и связан он с именем В. И. Матющенко (1928–2005). Его статья, посвященная Омской стоянке, – это первая «персонифицированная» публикация части коллекции. В ней предметно рассмотрены неолитические изделия, а также предметы бронзового и раннего железного века. Впервые памятник получил широкую и аргументированную хронологическую атрибуцию. Он предложил отнести неолитический комплекс к самостоятельной, выделенной им, иртышской культуре [Матющенко, 1966, с. 93]. Таким образом, В. И. Матющенко положил начало монографическому изучению памятника, но, к сожалению, и оно не имело продолжения, хотя ученый с 1975 г. жил и работал в Омске.

Уральские археологи, приступившие с начала 60-х гг. XX в. к активному изучению Среднего Прииртышья, поместили часть материалов стоянки в состав среднеиртышской неолитической культуры [Генинг, Гусенцова, Кондратьев и др., 1970, с. 14]. В 1975 г. они, по хоздоговору с Омским краеведческим музеем, провели паспортизацию его археологического фонда. В числе сотрудников, работавших с коллекцией Омской стоянки, был и знаток каменного века Урала и Сибири В. Т. Петрин (1943–2002). Им были определены типы каменных орудий труда из музейной коллекции и породы камня, шедшие на их изготовление.

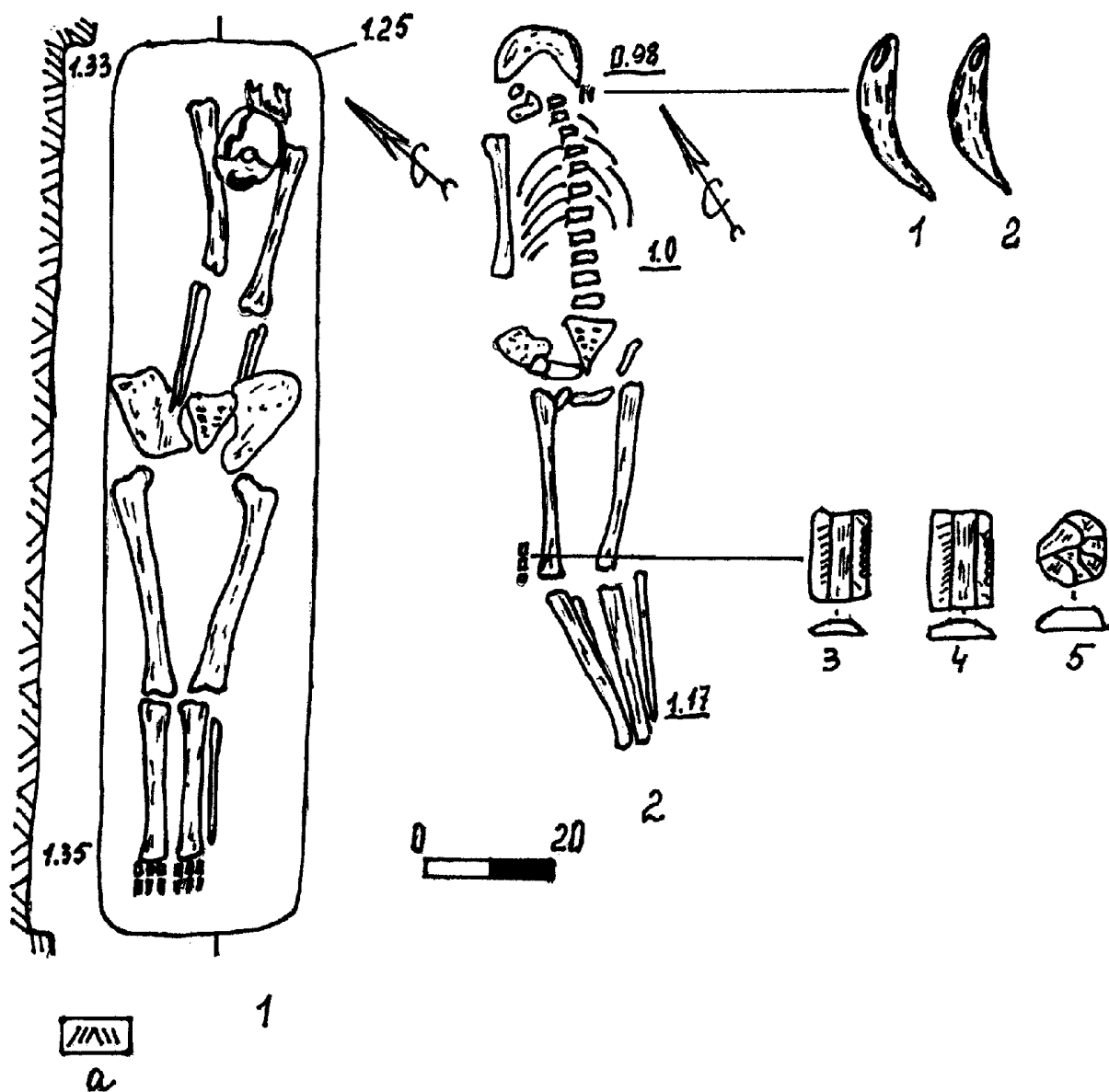
Работу с коллекциями музея и их дальнейшую паспортизацию продолжили омские археологи А. И. Петров и И. Г. Глушков (руководитель – В. И. Матющенко). Омская стоянка впервые получила научный паспорт, в котором была дана суммарная характеристика ее коллекции. С тех пор ее предметы регулярно входят в состав последующих музейных экспозиций.

В 1988 г., в ходе охранных работ на месте стоянки, автором этих строк был открыт могильник эпохи неолита [2012], а также собран разновременный – неолит, бронзовый и ранний железный века – материал. Два из пяти погребений не были потревожены (см. рисунок). В 1994 г. в Сеуле (Южная Корея) была опубликована статья тюменского антрополога А. Н. Багашева, в которой им даны научные выкладки относительно антропологического типа погребенных в могильнике Омская стоянка II; тип людей определен как смешанный – европеоидно-монголоидный [Bagashev, 1994].

В 1998 г. по материалам Омской стоянки автором была подготовлена брошюра научно-популярной направленности [1998]. Тогда же по предложению И. Е. Скандарова за ней было закреплено название «Комплекс памятников “Омская стоянка”».

В 2008 г. комплекс получил охранный документ, выданное Федеральным органом власти ОАО ОмПО «Радиозавод им. А. С. Попова». В том же году экспедиция ОФ ИАЭТ СО РАН под руководством К. Н. Тихомирова попыталась установить наличие следов памятника вблизи здания профилактория. Результатов она не дала.

В 2011 и 2012 гг. экспедиции ОФ ИАЭТ СО РАН под руководством М. А. Корусенко и ОмГПУ под руководством М. А. Грачева сумели выйти на культурные останки памятника, получен выразительный разновременный материал – каменные орудия труда и заготовки, бронзовые изделия, фрагменты лепной керамики.

Омская стоянка II. Могильник:

1 – погребение № 3; 2 – погребение № 2.

Находки из погребения № 2: 1, 2 – клыки россомахи; 3, 4 – каменные ножи (?);

5 – каменный отщеп. А – материк

В текущем году планируется продолжить работу на комплексе с участием специалистов разного профиля (археологов, минералогов, геологов, русловедов и т. п.), а также использовать современные методы для датировки его культурных останков.

Итак, состав музейной коллекции, а также материалы раскопок позволяют констатировать: Омская стоянка продолжает существовать; она является уникальным объектом историко-археологического наследия региона. Ее материалы отражают этапы развития культуры, на мой взгляд, от эпохи мезолита до позднего (?)

средневековья. В состав комплекса определенно входят стоянка и могильник и, вероятно, селище(а), бронзолитейные мастерские и городище(а).

И последнее. Научное сообщество в долгу перед памятником. Поэтому задача ближайшие годы – подготовка и издание капитального труда, в котором бы соединились усилия специалистов разных направлений. И тогда научная и культурная общественность обретет незаурядный памятник историко-археологического наследия Сибири и России в целом.

Библиографический список

Археология. М. : МГУ, 2006. 604 с.

Археология СССР. М. : Высш. шк., 1977. 271 с.

Генинг В. Ф., Гусенцова Т. М., Кондратьев О. М., Стефанов В. И, Трофименко В. С. Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск : ТГУ, 1970. С. 12–51.

Коников Б. А. Варвара Павловна Левашова – археолог Омского музея // Изв. ОГИК музея. 1994. № 3. С. 21–30.

Коников Б. А. Комплекс памятников «Омская стоянка»: археологические открытия и находки. Омск : ООМНИ, 1998. 41 с.

Коников Б. А. Комплекс памятников «Омская стоянка»: к вопросу о времени заселения земель в районе устья р. Омь // Человек и Север. Антропология археология, экология. Тюмень : Наука, 2012. Вып. 2. С. 149–152.

Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. 125-летию открытия палеолита в Костенках. Воронеж : ВГУ, 2004. 236 с.

Матющенко В. И. Омская стоянка // Вопросы археологии и этнографии Западной Сибири. Томск : ТГУ, 1966. С. 79–93.

Матющенко В. И. 300 лет истории сибирской археологии. Омск : ОмГУ, 2001. Т. 1. 177 с.

Молодин В. И. Памятник Сопка–2 на реке Оми. Новосибирск : Наука, 2001. Т. 1. С. 12–32.

Неолит Северной Евразии // Археология. М. : Наука, 1996.

Палашенков А. Ф. Материалы к археологической карте Омска // Изв. Омского отд. геогр. об-ва Союза ССР. Омск, 1960. Вып. 3. С. 3–5.

Полосьмак Н. В., Чикишева Т. А., Балуева Т. С. Неолитические могильники Северной Барабы. Новосибирск : Наука, 1989. 102 с.

Путеводитель по археологическому отделению. Омск : Зап.-Сиб. музей, 1928. 9 с.

Талицкая И. А. Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья // МИА. М. : Наука, 1953. № 35. С. 242–357.

Чернецов В. Н. Результаты археологической разведки в Омской области // КСИИМК. М. : Наука, 1947. – Вып. XVII. С. 57–67.

Членова Н. Л. О культурах бронзовой эпохи лесостепной зоны Западной Сибири // СА. М. : Наука, 1955. Т. XXIII. С. 67–79.

Bagashev A. N. On the problem of Anthropology of West Siberian Population during the Neolithic period. Seoul, Korea, 1994. S. 171–198.

Сибирский филиал Российского института культурологии (Омск)
boris_konikov@mai.ru

The history of discovery, studying and losses of archaeological complex “Omsk site” located on the left bank of the river Irtysh, Omsk city is observed in the article. A huge collection of artifacts of Omsk State Museum of local history is still unknown to the scientific and public community. Meanwhile, it is a valuable source on the history of the development of the territory, where the history of Omsk city has begun since 1716.

Omsk site, Irtysh, Neolit, Middle Ages.

И. В. Федотова

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ С КОМПЛЕКСА ПАМЯТНИКОВ
«ОМСКАЯ СТОЯНКА» В ОМСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ
ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОМ МУЗЕЕ**

В статье рассказано об истории формирования археологической коллекции с комплекса памятников «Омская стоянка» в Омском государственном историко-краеведческом музее. В разные годы ее пополняли материалы сборов и раскопок С. А. Ковлера, П. Л. Драверта, Е. Н. Липеровской, В. П. Левашевой, Д. Бормана, А. Ф. Палашенкова, В. Н. Касаткина, Б. А. Коникова. К сожалению, эти материалы долго находились в неразобранном состоянии и не изучались. Им предстоит введение в научный оборот.

Омский государственный историко-краеведческий музей, комплекс памятников «Омская стоянка».

Коллекции с комплекса памятников «Омская стоянка» составляют значительную часть археологического фонда Омского государственного историко-краеведческого музея. В фондах музея хранится свыше 6,5 тыс. предметов с Омской стоянки. В статье Б. А. Коникова уже приводился количественный состав коллекций с этого памятника [Конигов, 1996, с. 110]. Цель данной статьи – показать, какие ученые и краеведы формировали данные коллекции.

Как известно, первооткрывателем Омской стоянки является краевед Сергей Александрович Ковлер. Первые сборы на этом памятнике С. А. Ковлер осуществил в 1918 г. В настоящее время трудно сказать, сохранились ли данные материалы в фонде ОГИК музея. Многие предметы из самой большой коллекции Омской стоянки, записанной в учетную документацию под номером ОМК-4545, утратили информацию об авторе сборов; в этом номере вполне могут оказаться и сборы С. А. Ковлера. Кроме того, под инвентарным номером ОМК-4489 записаны предметы, найденные в окрестностях Омска и переданные Ковлером музею в начале 1920-х гг. Из научного паспорта на эту коллекцию, составленного А. И. Петровым, следует, что фрагменты керамики, каменные орудия (ножевидные пластины, скребки) могли быть найдены на Омской стоянке [Петров, 1979б, с. 1]. Может быть, это и есть первые сборы Ковлера?

Следующий этап в изучении Омской стоянки связан со знаменитым ученым, краеведом и писателем Петром Людовиковичем Дравертом. Во время учебы в Казанском университете П. Л. Драверт был учеником археологов-естественников А. А. Штукенберга и П. И. Кротова. До раскопок в Омске Драверт уже проводил археологические изыскания в Якутии на р. Вилюй, в Уфимской губернии [Жук, 2007, с. 11]. П. Л. Драверт поселился в Омске в 1918 г. Он стал ассистентом кафедры минералогии и геологии Омского сельскохозяйственного института и включился в научную жизнь города, вступил в ЗСОРГО [Артемьева, 1999, с. 8]. В том же году он занялся сбором материалов на Омской стоянке. П. Л. Драверт особенно активно посещал ее с 1923 г. Он собрал предметы, которые ныне хранятся в ОГИК музея и кабинете археологии ОмГПУ [Конилов, 1996, с. 108]. В коллекции ОГИК музея находится свыше 2000 предметов, собранных П. Л. Дравертом на этом памятнике (номера по книге поступлений – ОМК-4545, 4593). Большая часть находок – фрагменты каменной индустрии (свыше 400 скребков, около 180 наконечников дротиков и стрел, около 150 ножевидных пластин, нуклеусы различной степени сработанности, отщепы, крупные точильные камни, топорики, резцы, проколки, ножи и т. д.). Довольно много фрагментов глиняной посуды, но из-за того, что коллекция с Омской стоянки долго хранилась в неразобранном виде, сложно отделить сборы П. Л. Драверта от сборов других ученых на этой стоянке (можно с уверенностью сказать, что около 200 фрагментов керамики найдены именно П. Л. Дравертом). К сборам ученого относится и небольшая глиняная фигурка человека, ему попадались различные части глиняных литейных форм, части бронзовых предметов (например, полая бронзовая подвеска конусовидной формы с отверстиями в корпусе), кости и зубы животных – лошадей, лосей, косуль, лис, кабанов, волков, зайцев [Конилов, 2003, с. 7]; амулет из клыка медведя. На некоторых предметах сохранились этикетки с его надписями, но к настоящему времени трудно прочитать написанное. По архивным документам можно проследить драматическую историю изучения Омской стоянки. К сожалению, у П. Л. Драверта не сложились отношения с Ф. В. Мелехиным, директором Западно-Сибирского краевого музея, и В. П. Левашевой, заведующей отделом археологии этого музея (1926–1929 гг.). Сам П. Л. Драверт входил в распорядительный комитет ЗСОРГО (в 1922–1923 гг. был председателем ЗСОРГО). Между этой организацией и краевым музеем были напряженные отношения [Свиридовская, 2003, с. 98–106]. Все найденные на Омской стоянке предметы Драверт размещал в кабинете геологии на рабфаке Сибирского сельскохозяйственного института, где размещался восстановленный Дравертом музей ЗСОРГО [Жук, 1996, с. 76–77], и не хотел рассказывать В. П. Левашевой, при раскопках какого памятника он их получил. О существовании Омской стоянки В. П. Левашева узнала от С. А. Ковлера в 1927 г. Варвара Павловна справедливо полагала, что археологический материал ценен, только когда имеет «определенную и точную легенду» [Левашева, [б. г.], л. 29–30], и считала исследования П. Л. Драверта незаконными раскопками (а не сборами), так как они проводились без открытого листа и разрешения Главнауки. Одним словом, эти два замечательных исследователя так и не нашли общий язык. И сейчас работы П. Л. Драверта на Омской стоянке воспринимаются неоднозначно.

После рассказов С. А. Ковлера В. П. Левашева заинтересовалась Омской стоянкой. В 1927 г. по ее приглашению в Омск приехала однокурсница по МГУ Е. Н. Ли-

перовская – специально для исследования этого памятника. Е. Н. Липеровская заложила три траншеи общей площадью 80 кв. м, собрав выразительный материал [Конилов, 1994, с. 25]. Ей удалось собрать фрагменты керамики, костяные изделия (проколки) и костяные заготовки, каменные скребки, наконечники стрел, нуклеус из хрусталя, обломок глиняной литейной формы, фрагменты глиняной фигурки человека (?), кусочки меди и бронзовый стержень, железный черешковый нож (ныне утрачен). Скорее всего, именно Е. Н. Липеровская предложила первую датировку памятника – I тыс. до н. э. [Конилов, 1996, с. 109].

На следующий год В. П. Левашева и омские школьники – члены археологического кружка при музее – провели раскопки на Омской стоянке. Было вскрыто 4 шурфа по 1 кв. м прилегающие к траншее Е. Н. Липеровской [Петров, 1979а, с. 1]. В этот раз были найдены фрагменты керамики эпохи ранней и развитой бронзы; кости животных и изделия из кремнистого сланца: отщепы, скребки, фрагмент наконечника стрелы, всего более 100 предметов. К сожалению, часть этой коллекции была утрачена в последующий годы. В. П. Левашева посчитала Омскую стоянку однослойным памятником «ранней поры палеометаллической эпохи», т. е. раннего железного века [Левашева, 1928, с. 6]. Известно, что сборы на Омской стоянке проводил ученик В. П. Левашевой Д. Борман. В фонде нашего музея хранится коллекция ОМК-4439. В учетной документации написано, что коллекция поступила от «Д. Бофман (?)». Скорее всего, при переписывании книг поступлений в 1950-е гг. произошла ошибка, и это сборы именно Д. Бормана. Из других сборов краеведа на Омской стоянке сохранился обломок плитки из сланца с резным орнаментом на одной стороне (ОМК-4488/2).

В 1941–1946 гг. Омская стоянка привлекала внимание музыканта и краеведа-любителя Эдуарда Ивановича Корти, ученика П. Л. Драверта. Э. И. Корти занимался главным образом палеонтологией, но археология тоже была в сфере интересов молодого краеведа. Он проводил археологические сборы в северных районах Омской области [Кошелева, Заулицкая, 2012, с. 157–158]. На Омской стоянке Э. И. Корти были собраны изделия из камня: грузило, рыболовный стерженек, 4 скребка на отщепках, 14 наконечников стрел, фрагменты каменных изделий и фрагменты разновременной керамики. Скорее всего, из сборов Э. И. Корти происходят и некоторые бронзовые изделия, обнаруженные на Омской стоянке, но на них утрачены шифры, предстоит работа по их восстановлению и уточнению автора сбора [Отчет о работе ... , 1975, с. 16]. В 1948 г. другой краевед, Сергей Романович Лаптев, собрал на Омской стоянке более 40 фрагментов керамики.

В 1945, 1948 и 1949 гг. Омскую стоянку обследовал Валерий Николаевич Чернецов. Он высказал идею о многослойности памятника [Конилов, 1996, с. 109]. Возможно, в уже упомянутом номере ОМК-4545 есть материалы раскопок В. Н. Чернецова, но они никак не помечены. В 1975 г. ученые из УрГУ (В. Т. Петрин, Н. К. и В. И. Стефановы, Ю. П. Чемякин) начали систематизировать археологический фонд музея. Были составлены коллекционные описи, даны характеристики обработанных коллекций. Но коллекции В. Н. Чернецова в общей массе коллекций Омской стоянки выделены не были, им не присвоили и шифр (отдельные «уральские» шифры, помимо общего номера ОМК-4545, есть у коллекций П. Л. Драверта, Е. Н. Липеровской, Э. И. Корти, А. Ф. Палашенкова, С. Р. Лаптева). Вместе с В. Н. Чернецовым Ом-

скую стоянку обследовал Андрей Федорович Палашенков, директор ОГИК музея в 1943–1957 гг. Скорее всего, он и передал в музейный фонд материалы совместных с В. Н. Чернецовым раскопок. Это фрагменты керамики, каменные изделия, бронзовые предметы. Взгляды А. Ф. Палашенкова на датировку Омской стоянки постепенно менялись. В 1945–1953 гг. он датировал стоянку временем андроновской культуры (1500–1000 лет до н. э.). В книге «Памятные места Омска» он относит нижние слои памятника к III тыс. до н. э. – позднему неолиту. В конце 1960-х гг., опираясь на материалы раскопок и сборов, Палашенков выделил три слоя на стоянке: III тыс. до н. э., андроновского времени и карасукского времени [Матющенко, Глушков, 1977, с. 80].

В фондах ОГИК музея хранятся коллекции с Омской стоянки, собранные не только известными археологами или краеведами, но и обычными омичами. Так, в 1950 г. ученики школы № 19 Гена Рыжих и Миша Молоствов передали несколько фрагментов керамики, найденных на этом памятнике [Отчет об исследованиях ... , 1977, с. 30]. В районе Омской стоянки обнаружено скульптурное навершие в виде головы птицы (рыбы?), оно передано Ф. Ф. Федоровым в 1961 г.

В 1981 г. при содействии А. И. Петрова от омского учителя Владимира Николаевича Касаткина поступила небольшая коллекция с Омской стоянки: два костяных ножа (вкладыши утрачены), фрагмент костяного тесла, четыре костяные проколки, фрагмент костяного наконечника стрелы, амулет из клыка животного (второй такой амулет происходит из сборов Драверта), три костяных гарпуна, три скребка, два каменных наконечника стрелы, шесть ножевидных пластинок, костяная фигурка птички, каменный «утюжок», фрагменты костяных изделий невыясненного назначения. Из сборов В. Н. Касаткина происходит костяное изделие, первоначально определенное как фигурка птички. При изучении коллекции Д. О. Плахута выяснил, что это зубец остроги, применяемой в рыболовстве [Плахута, 2008, с. 78–80]. Интересно, что совсем недавно, в апреле 2013 г., Владимир Николаевич снова пришел в музей и передал каменные изделия, собранные ими в 1980-е гг. в том же районе. Сейчас они проходят научную обработку.

В конце 1980-х гг. на территории памятника началось строительство комплекса зданий профилактория «Восход». В 1988–1989 гг. археологи Омского педагогического института под руководством Б. А. Коникова проводили аварийные работы на Омской стоянке. Были открыты могильник и часть котлована жилища периода неолита; собрана коллекция фрагментов керамики эпохи развитой бронзы, фрагмент глиняной литейной формы, каменные изделия (нуклеусы, ножевидные пластины и отщепы, подработанные ретушью и без нее, наконечник копья или дротика), предметы из бронзы (шило), костяные изделия (мерные (?) пластинки), кости людей и животных [Конилов, 1996, с. 109–115].

Таким образом, в фонде археологии ОГИК музея хранятся богатые коллекции с комплекса памятников «Омская стоянка», которые собирались с начала 1920-х гг. до сегодняшнего времени археологами и краеведами. Из-за неудовлетворительных условий хранения в 1940–1960-х гг. частично утрачена информация об авторах и времени сборов (раскопок). Предстоит при возможности восстановить утраченную информацию, сделать научное описание всех предметов данной коллекции.

Библиографический список

- Артемяева О. Н.* Поэт сибирской науки // Изв. ОГИК музея. 1999. № 7. С. 7–10.
- Жук А. В.* Западно-Сибирский отдел Русского географического общества (1877–1928) // Археология Сибири: историография и источники. Омск : ОмГУ, 1996. С. 66–79.
- Жук А. В.* История археологического изучения в Омской области в ее нынешних границах до начала 1960-х гг. // Новое в археологии Среднего Прииртышья. Омск : Изд-во ОмГУ, 2007. Вып. 4. С. 4–18.
- Конигов Б. А.* Варвара Павловна Левашова – археолог Омского музея // Изв. ОГИК музея. 1994. № 3. С. 21–29.
- Конигов Б. А.* Омская стоянка – выдающийся памятник Среднего Прииртышья // Изв. ОГИК музея. 1996. № 4. С. 107–120.
- Конигов Б. А.* Фонд археологии ОГИК музея : каталог. Омск, 2003. 100 с.
- Кошелева Т. Ф., Заулицкая В. Г.* Жизнь Э. И. Корти и его вклад в формирование коллекции естественно-биологического фонда Омского государственного историко-краеведческого музея // Изв. ОГИК музея. 2012. № 17. С. 157–159.
- Левашева В. П.* Заявление в комиссию по ознакомлению с деятельностью Государственного Западно-Сибирского музея // ГИАОО. Ф. Р–1076. Оп. 1. Д. 6. Л. 29–30.
- Левашева В. П.* Путеводитель по археологическому отделению. Омск : Зап.-Сиб. музей, 1928. 9 с.
- Матющенко В. И., Глушков И. Г.* Археологическая деятельность А. Ф. Палашенкова // Отчет по научной обработке и систематизации археологического фонда Омского областного краеведческого музея. Омск, 1977. Т. V. С. 73–96.
- Отчет о работе* по систематизации археологического фонда Омского краеведческого музея и о разведке в Омской области, проведенных летом 1975 г. Свердловск, 1975. Т. I. 214 с.
- Отчет об исследованиях* по систематизации археологического фонда Омского областного краеведческого музея. Свердловск, 1977. Т. III. 150 с.
- Петров А. И.* Научный паспорт на археологическую коллекцию ОМК-4451. Омск, 1979а.
- Петров А. И.* Научный паспорт на археологическую коллекцию ОМК-4489. Омск, 1979б.
- Плахута Д. О.* «Костяная загадка» с археологического комплекса «Омская стоянка» // Музейные ценности в современном обществе. Омск, 2008. С. 78–80.
- Свиридовская О. Н.* Конец «золотого десятилетия» омского краеведения // Электронный век и музеи : материалы междунар. науч. конф. Омск, 2003. Ч. 1. С. 98–106.

Омский государственный историко-краеведческий музей (Россия)
ivputintseva@mail.ru

The article is about the formation of the archaeological collection from the monument complex “Omsk site” in Omsk State Museum of History and Regional Studies. In different years it was enlarged with the materials of the gatherings and excavations carried out by S. A. Kovler, P. L. Dravert, E. N. Liperovskaya, V. P. Levasheva, D. Borman, A. F. Palashenkov, V. N. Kasatkin, B. A. Konikov. Unfortunately these materials were not sorted out and studied for a long time. They will be put into scientific circulation in the nearest future.

Omsk State Museum of History and Regional Studies, the monument complex “Omsk site”.

ТВОРЧЕСТВО И ТВОРЕЦ КАК АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН (на материалах древних и современных культур)

А. Н. Блинова

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В ДЕТСКОМ НАУЧНОМ ТВОРЧЕСТВЕ*

В статье проведен анализ исследовательских работ школьников, посвященных истории российских немцев, и рассмотрены возможности использования их в качестве исторического источника.

Историческая память, семья, идентичность, российские немцы.

Одной из основных особенностей народа как социальной группы является его воспроизводство, т. е. наличие таких социальных механизмов, которые определяют его устойчивость, стабильность и динамичность. История отдельно взятого народа складывается из исторической преемственности его поколений, основанной на механизме трансляции, передачи этнического опыта, его особенностей, представленных компонентами и структурой этнического социума. При нарушении отлаженного механизма возникает чувство опасности исчезновения своей этнокультурной специфики и желание найти новые пути ее поддержания.

Российские немцы имеют сложную этническую историю, в связи с этим им не раз приходилось адаптироваться к абсолютно новым условиям жизни и, соответственно, менять механизмы культурной трансляции, «социализации этноса». В общественном и научном дискурсе довольно часто можно услышать об исчезновении культуры российских немцев и необходимости ее возрождения. При констатации проблем, связанных с частичной ассимиляцией немецкого населения, проявлениями которой являются сужение сферы применения родного языка, существенный отход от традиционных конфессий, снижение уровня компетентности в традиционной культуре, не следует принимать это как приговор и нечто необратимое. На смену традиционным этнодифференцирующим признакам приходят другие, в качестве одного из самых мощных можно назвать осознание общей исторической судьбы и памяти.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Этнография современной диаспоры (на примере немцев Сибири)» № 11–31–00213a1.

При формировании этнической идентичности ребенка важную роль играет коммуникативная память поколений. Она мало формализована, это скорее устная традиция, возникающая в интерактивном контексте человеческих отношений в повседневной жизни, – своего рода «живое воспоминание», существующее на протяжении жизни трех поколений: дети – отцы – деды; соответственно, она очень недолговечна – всего 60–80 лет. В случае с немецким населением коллективная память старшего поколения во многом имеет трагический характер, отсюда и особенности ее трансляции, именно на этой проблеме хотелось бы остановиться подробнее.

В качестве источников для статьи нами были привлечены два сборника материалов молодежных конференций «Немцы Тюменской области: прошлое и настоящее», вышедший в Тюмени в 2011 г. (последний из изданных по результатам конференции) [Немцы Тюменской области ... , 2011], и рукопись «История и культура немцев Омского Прииртышья», сборник будет издан в 2013 г., автор статьи готовила рецензию для издательства.

Периодически в обоих городах проводятся молодежные конференции, число их участников из года в год растет. В Тюмени в 2011 г. прошло 5 таких конференций, последняя была посвящена 70-летию со дня депортации, отсюда и некоторая специфика сборника и работ, представленных в нем.

В Омске в мае 2013 г. прошли 11-е молодежные чтения, в конференции участвовали школьники и студенты Омска и Омской области. Все статьи можно разделить на несколько блоков: генеалогические исследования и работы, посвященные истории семей (самая многочисленная группа); исследования по истории сел; этнографические работы; статьи по немецкой филологии и статьи о «великих немцах» и их вкладе в историю нашей страны.

В основу многих представленных в сборниках работ положены личные воспоминания родственников авторов статей. Большинство детей свой выбор темы исследования обосновывают интересом к истории своей семьи и «долгом» рассказать ее ровесникам:

«Когда я родилась, у меня было две бабушки, два дедушки и одна прабабушка. Я их всех хорошо помню, хотя и была маленькой, когда не стало дедушки Вовы, бабушки Нины, бабушки Маруси, дедушки Саши. К сожалению, сейчас у меня только одна бабушка Элла, при встрече мы очень любим с ней поговорить. Моя бабушка не любит вспоминать свое детство, потому что воспоминания ей приносят боль, но мне она рассказала...» [Немцы Тюменской области ... , 2011, с. 65]. Другой пример: *«Рано или поздно у каждого человека появляется потребность воскресить в себе память о тех, кто был нами до нас, чьими продолжениями мы являемся... И тогда семья по крупицам отдает тебе все, что знает – в науке этот процесс называется “сбор информации”. Последний “одевается” эмоциями – и рождается история бытия человека, история, знание которой лично для меня переоценить невозможно. И сколько бы хороших и добрых дел в этой жизни я ни сделал в будущем, это будет одним из лучших. Эту работу я хочу посвятить своему дедушке Эргарту Александру Яковлевичу»* [Немцы Тюменской области ... , 2011, с. 83]. Таким образом, в нашем случае научное творчество школьника является не только средством обучения, но и механизмом этнической социализации и идентификации.

Безусловно, семейные хроники наложили яркий отпечаток на содержание и сам характер текстов. Они не свободны от субъективных воспоминаний и оценок собы-

тий в истории российских немцев. Уже сами названия статей говорят о многом, например: «Вам отказали в праве жить», «Трагедия народа», «Без вины виноватые», «Наказанный народ» [Немцы Тюменской области ... , 2011].

Личные воспоминания родственников дают возможность использовать материалы этих конференций как исторический источник, ведь с их помощью фиксируется бесценный материал «устной истории» и та информация, которую мы никогда не обнаружим на архивных полках. Вводятся, в том числе и в научный оборот, уникальные материалы семейных архивов, интересные фотографии и документы.

Например, в работе И. Ляпиной представлены 13 писем Якова Цинна (прадеда) из трудармии, написанные на немецком языке в 1942–1943 гг. *«Когда я переводила письма, меня переполняло чувство жалости и сострадания к моим предкам и всем остальным жертвам сталинских репрессий... Перевод каждого письма – это трудоемкая работа и требует много времени. Очень важно было правильно передать содержание писем, не исказив смысла»* [Немцы Тюменской области ... , 2011, с. 36].

Эти исследовательские работы – специфический исторический источник, в силу того что дети, авторы работ, являются сторонними наблюдателями и несут информацию, переработанную несколько раз, и, конечно, этот материал требует использования определенных методик и критики. Однако он дает возможность проследить процесс превращения индивидуальной (личной) памяти «рассказчика» (в нашем случае чаще всего это дедушка или бабушка) в коллективную (историческую) память семьи, которая передается в течение уже трех-четырех поколений. Кроме того, не отрефлексированная субъективность, некритическое восприятие текстов, публицистический стиль изложения материала, эмоциональность, замалчивания сами по себе дают информацию по исторической и этнической психологии, социальной истории, истории ментальности, истории повседневности.

В целом историческая память семьи является выражением процесса сохранения и воспроизводства прошлого опыта конкретного человека, семьи, народа, страны, государства. Историческая память актуализирована в разных поколениях по-разному, кроме того, она избирательна – делает акценты на отдельных исторических событиях, игнорируя другие, в первую очередь это связано со значимостью исторического знания и исторического опыта для современной ситуации, для происходящих в настоящее время событий и процессов и возможным их влиянием на будущее.

Библиографический список

Немцы Тюменской области: прошлое и настоящее : материалы V Обл. молодеж. конф. Тюмень : Мандр, 2012. 160 с.

Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН
anblinova@mail.ru

In the article research works of students about the history of Russian Germans are analyzed and the possibilities of using them as a historical source are considered.

Historical memory, family, identity, Russian Germans.

Д. Ф. Гатина-Шафикова

**ТАТАРСКИЙ КОСТЮМ В РИСУНКАХ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ
(архив Института истории им. Ш. Марджани Академии наук
Республики Татарстан)**

В статье излагаются результаты изучения и систематизации материалов по народному костюму XIX – середины XX в. всех субэтнических групп татар (казанских, касимовских, мишарей, кряшен), проживающих в Волго-Уральском регионе России. Обосновывается заключение, что этнографические зарисовки, выполненные в экспедициях, можно использовать не только как иллюстративный материал, но и в качестве важного историко-этнографического источника, имеющего существенное значение при изучении народного татарского костюма, его истории и эволюции.

Изобразительные материалы, татары, народный костюм, этнографические зарисовки, этнографические экспедиции.

Изображения по народному костюму, выполненные не одним поколением художников, являются уникальным памятником материальной и духовной культуры, занимая особое место в историко-культурном наследии. Будучи ярким информационным источником, изображения демонстрируют тонкости, детали и своеобразие костюма. На протяжении не одного поколения работы, выполненные художниками, оставались неизменным отражением народного костюма в истории. При этом выполняемые изображения развивались и изменялись с течением времени.

В Республики Татарстан изучение изобразительных материалов (гравюр, зарисовок, картин и т. п.) в настоящее время не получило широкого развития, им приписываются по большей части вспомогательные функции. Между тем использование изображений может иметь существенное значение при изучении народного татарского костюма, его истории и эволюции. На сегодняшний день написано немало научных трудов, посвященных изучению татарского костюма [Воробьев, 1953; Гаген-Торн, 1960; Завьялова, 1996; Мухамедова, 1972; Мухаметшин, 1977; Насыри, 1974; Сулова, 2011; Сулова и др., 2000; Сперанская, 1972; Тартарика. Этнография, 2008; Татары ... , 1967; Татары, 2001; Фукс, 1844; Шарифуллина, 1991; Этно-территориальные группы татар ... , 2002]. Во многих из них активно используются изобразительные материалы, но привлекаются они главным образом как иллюстративный материал для текста и гораздо реже как непосредственный исторический источник.

Одним из наиболее обширных хранилищ этнографических изображений является архив отдела этнологии Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (АОЭ), сформированный на базе этнографических экспедиций в татарские населенные пункты и фонды центральных, областных, районных музеев Татарстана и России в целом, которые предпринимались этнографами Института языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук СССР (1971–1986) в рамках научного проекта «Историко-этнографический атлас татарского народа». Рисунки, наряду с фотофиксацией материала, составили основу визуально-графической базы историко-этнографического атласа. Задача зарисовок

заклучалась и в передаче народных цветовых предпочтений; технические возможности того времени, как известно, далеко не всегда позволяли выполнять цветную фотосъемку.

В АОЭ представлена коллекция этнографических зарисовок (более 500) по народному костюму XIX – середины XX в. всех субэтнических и субконфессиональных групп татар (казанских, касимовских, мишарей, кряшен), проживающих в Волго-Уральском регионе. Рисунки исполнены были и профессиональными художниками (А. А. Мазанов, З. В. Мухаметзянова), и студентами, проходившими практику (Р. Гафиатуллин), и сотрудниками отдела, участвовавшими в экспедициях (Ю. Г. Мухаметшин, Н. А. Халиков).

Рисунки, выполненные во время этнографических экспедиций, территориально охватили 116 населенных пунктов. Среди них имеются изображения как полных (все структурные элементы костюма), так и неполных комплексов одежды. Однако основная часть посвящена фиксации отдельных категорий костюма – верхней и нижней одежды, головных уборов, обуви, украшений.

Цель изучения рисунков – показать, что этнографические зарисовки можно использовать не только как иллюстративный материал, но и в качестве важного историко-этнографического источника, имеющего существенное значение при изучении народного татарского костюма, его истории и эволюции.

Систематизация визуального источника проведена на основе следующих принципов: деление материала по этнотерриториальной (субэтнической) принадлежности, по половозрастному признаку, по категориям костюма с последующим выделением их типов.

Рассмотрение рисунков по этнотерриториальному признаку показало, что они охватывают ареал обитания всех групп татар, проживающих в Волго-Уральском регионе, включая ареалы Окско-Сурского междуречья на западе и Зауралья на востоке.

Таким образом, ориентируясь на «Историко-этнографический атлас татарского народа» и сопоставляя данные выполненных рисунков, в результате проведения анализа территориально-административного деления Поволжья и Урала [Сулова и др., 2000, с. 276], этнокультурных общностей субэтнического и субконфессионального уровня (казанские татары, татары-кряшены, мишари, касимовские татары) [Тартарика. Этнография, 2008, с. 139] мы выявили:

1. По казанским татарам выполнено 305 изображений. Охвачены районы проживания на территории Закавказья, Западного и Восточного Закамья по Республике Татарстан; Предкамья в Республике Удмуртии и Кировской области; Восточного Закамья в Самарской области; Пермского Приуралья в Пермской области; Башкирского Приуралья в Республике Башкирии; Южного Приуралья Оренбургской области. В зарисовках по Зауралью были отражены такие территории, как Свердловская область, Курганская область и Челябинская область.

По казанским татарам были зарисованы экспонаты из фондов центральных музеев: Российского этнографического музея (Санкт-Петербург), Национального музея Республики Татарстан (Казань), Пермского областного краеведческого музея (Пермь). В татарских населенных пунктах во время этнографических экспедиций также был выполнен ряд рисунков по костюмному комплексу. Следует назвать также школьные музеи – с. Ципья, с. Ишкеево, с. Таканыш, с. Крынды, с. Большой

Солтан Республики Татарстан; с. Асян, с. Новокутово, с. Шланлыкуль и историко-краеведческие музеи – г. Учалы, с. Чекмагуш, с. Ахуново Республики Башкортостан.

2. По татарам-кряшенам выполнено 132 изображения. Охвачены районы проживания на территории Заказанья, Западного и Восточного Закамья в Республике Татарстан; Башкирского Приуралья в Республике Башкортостан; Зауралья в Челябинской области. В фондах Национального музея Республики Татарстан (Казань) по татарам-кряшенам были зарисованы элементы женского костюмного комплекса.

3. По мишарям выполнено 35 изображений. Охвачены районы проживания на территории Окско-Сурского междуречья в Тамбовской, Пензенской, Нижегородской областях и Республике Мордовии; Среднего Предволжья в Ульяновской области; Западного Закамья в Республике Татарстан; Зауралья в Свердловской области.

По татарам-мишарям были зарисованы экспонаты из фондов центральных музеев: Нижегородского государственного областного историко-архитектурного музея-заповедника (Нижний Новгород), Историко-архитектурного музея-заповедника г. Истры и Российского этнографического музея (Санкт-Петербург).

4. По касимовским татарам выполнено 18 изображений. Охвачены районы проживания на территории Окско-Сурского междуречья в Рязанской области. В фондах Историко-краеведческого музея г. Касимова по касимовским татарам были зарисованы элементы женского костюмного комплекса.

Следующий уровень систематизации связан с разделением изобразительных материалов внутри субэтнических групп волго-уральских татар по категориям народной одежды. Полученные данные при анализе архива изобразительных материалов были разбиты по половозрастному признаку, по категориям костюма с выделением их типов. В зарисовках выделяются: покрой верхней и нижней народной одежды (мужская, женская, детская); головные уборы (мужские, женские); обувь (мужская, женская); матерчатые украшения и металлические ювелирные украшения.

Проведенное классифицирование дало возможность выявить характерные территориальные комплексы [Этнотерриториальные группы татар ... , 2002, с. 193–197]. По казанским татарам – казанско-татарский, пермский и зауральский; по татарам-кряшенам – заказанско-западно-закамский, елабужский и представленный одним элементом одежды нагабакский; по татарам-мишарям – сергачский, темниково-азеевский, кузнецко-хвалынский. Костюмный комплекс касимовских татар в рисунках этнографических экспедиций не складывается, однако отдельные элементы одежды, отраженные в зарисовках, представляют собой не меньшую научную ценность, так как отражают характерные этноспецифические особенности.

Таким образом, на основе вышеописанной базы материалов АОЭ по изобразительному ряду, выполненному во время этнографических экспедиций, выявлено, что данные рисунки выступают как непосредственный самостоятельный историко-этнографический источник по традиционной одежде волго-уральских татар, показывая распространение этноспецифических костюмных комплексов и выявляя их особенности через изобразительные материалы.

АОЭ содержит уникальный визуальный материал по традиционной одежде. Данные изобразительные работы не только выполняют роль иллюстративного материала, но и являются ценным историко-этнографическим источником, сохраняя для исследователей сведения от непосредственных носителей. Особую роль данные изображения могут сыграть при проведении этнотерриториальных исследований,

при выявлении особенностей формирования и функционирования народного костюма у различных структурных подразделений этноса, при выявлении специфики территориальных этнокультурных контактов и определении характерных особенностей внутриэтнического этнокультурного взаимодействия.

Библиографический список

- Воробьёв Н. И.* Казанские татары. Казань : Татгосиздат, 1953.
- Гаген-Торн Н. И.* Женская одежда народов Поволжья. Чебоксары : Чуваш. гос. изд-во, 1960. 230 с.
- Завьялова М. К.* Татарский костюм. Из собраний Государственного музея Республики Татарстан. Казань : Заман, 1996. 262 с.
- Мухамедова Р. Г.* Татары-мишари: историко-этнографическое исследование. М. : Наука, 1972. 248 с.
- Мухаметшин Ю. Г.* Татары-кряшены: историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX – начало XX в.). М. : Наука, 1977. 184 с.
- Насыри К.* Избранные произведения. Казань : Татар. кн. изд-во, 1974. Т. 1.
- Сперанская Л. Л.* Костюм казанских татар : альбом / предисл. Р. Г. Мухамедовой. Казань, 1972. 94 с.
- Сулова С. В.* История костюма тюркских народов (этнографическое исследование татарской народной одежды). Астана : Сарыарка, 2011. 286 с.
- Сулова С. В., Мухамедова Р. Г.* Народный костюм татар Поволжья и Урала. Казань : ФЭН, 2000. 312 с.
- Тартарика. Этнография:* атлас. Казань ; М. : Феория, 2008. 1000 с.
- Татары.* М. : Наука, 2001. 580 с. (Народы и культуры).
- Татары Среднего Поволжья и Приуралья.* М. : Наука, 1967. 536 с.
- Фукс К. Ф.* Казанские татары в статистическом и этнографическом отношении. Казань, 1844.
- Шарифуллина Ф. Л.* Касимовские татары. Казань : Татар. кн. изд-во, 1991. 127 с.
- Этнотерриториальные группы татар Поволжья и Урала и вопросы их формирования.* Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань : Изд-во ПИК «Дом печати», 2002. 248 с.

**Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук
Республики Татарстан (Россия, Казань)
golocen@yandex.ru**

The results of the study and systematization of ethnographic sketches of national dress of the 19th – mid 20th centuries of all Tatars sub-ethnic groups (Kazan and Kasimov Tatars, Mishars, Kryashens) living in the Volga-Ural region of Russia are discussed in the article. The author makes the conclusion that the ethnographic sketches drawn in the expeditions along with their illustrative functions could also be used as a significant historical and ethnographic source which is of high importance when studying the national Tatar dress, its history and evolution.

Graphic materials, Tatars, folk costume, ethnographic sketches, ethnographic expeditions.

Ю. В. Герасимов

**АРХЕОЛОГИЯ В КУЛЬТУРНОМ ПОЛЕ НЕОАРХАИКИ:
МИФОЛОГИЗАЦИЯ РАЦИОНАЛЬНОГО**

В статье рассматриваются вопросы, связанные с ролью и местом археологии в современной культуре. Неомифология современности востребует знания о древности, но нуждается в особой, иррациональной интерпретации их, что противоречит гносеологической структуре науки. Это противоречие порождает конфликт археологии и массовой культуры.

Неоархаика, неомифология, археологическая наука.

Актуальность проблемы интегрирования археологического научного знания в мировоззренческие концепты современного общества обусловлена трансформацией аксиоматики культурного континуума, связанного с переходом от модернистской модели к постмодернизму. Одним из важных следствий указанного перехода является иррационализация общественного мировоззрения. В культуре европейского рационализма, сформировавшей науку как особую форму познания мира, ее ценность определялась особым статусом получаемого знания. Идеология эпохи отвела науке почетную обязанность – постичь божественную гармонию мира разумом и тем самым помочь человеку достичь ее в своих творениях. В рамках религиозного рационализма Ренессанса онтологическим гарантом гносеологической истины являлся Бог, а наука обретала сакральный статус. Что бы ни изучали ученые – природу, историю, человека, – во всем открывался промысел Божий, который следовало обнаружить и сформулировать в виде научного закона; в дальнейшем полученные знания следовало использовать в практике. Появление атеистических концепций мироздания в философии Просвещения не лишило науку особого места в культурном пространстве – научное знание становится специфической сферой духовной культуры, формирующей теоретические основы мировоззрения социума. В рамках мировоззрения, абсолютизовавшего разум, наука обладала безусловной ценностью. В то же время такие особенности исследовательской деятельности, как форма и содержание полученных результатов, специфичный язык, придают науке герметический характер, поэтому для социальной легитимации ей необходимо показать обществу свою прагматичность, понимаемую как необходимость решения злободневных и жизненных проблем социума.

Развитие науки и техники привело к складыванию техногенной модели цивилизации, в условиях которой прикладное значение естественных, технических и математических наук представляется достаточно очевидным – они определяют технический прогресс, поэтому актуальность и перспективность исследований в указанных сферах сомнений не вызывают. С науками, изучающими человеческое общество, ситуация более сложная. Актуальность и культурная значимость данных сфер в течение долгого времени связывались с дидактикой исторического знания – опыт прошлого должен помочь избежать ошибок в будущем. Эта идея, заложенная еще античными авторами, играла роль этического и социального основания мето-

дологии исторических исследований вплоть до начала XX в. Мыслители Просвещения полагали, что, зная законы общественного развития, человек сможет построить гармоничное «государство всеобщего благоденствия», воспитать совершенного человека и т. д. Для этого и создавалась «социальная физика» О. Конта; задача исторических наук в рамках этой модели – обеспечить социологию источниковой базой. Представления о том, что знающий прошлое предвидит будущее, позволяло легко включить историческое знание в массовую культуру, обуславливая тем самым его прагматичность и актуальность. Археология наполняла теоретические построения наглядным, живым материалом, позволявшим увидеть прошлое сквозь века и тысячелетия. В рамках линейных моделей исторических процессов археологические материалы могут служить отправной точкой «луча времени», в векторе которого разворачиваются этно- и культурогенез, события экономической, политической и социальной истории.

Кризис рационалистического мировоззрения середины XX в. заставил серьезно пересмотреть мировоззренческие основания науки вообще и исторической науки в частности. Складывается реактивное понимание того, что история ничему не может научить, а потому ее ценность в массовой культуре ставится под сомнение. Что касается археологического знания (в контексте заявленной темы мы не будем касаться методологической полемики о статусе археологии как исторической или источниковедческой науки), то его положение оказалось весьма двусмысленным.

Археология открывает то, что вырвано из исторической памяти общества веками забвения, и в этом смысле «археологическое новое – это очень хорошо забытое старое». Любопытство, стремление узнать новое, обрести потерянное – мотивы, имеющие в существующей (прогрессистской) системе ценностей позитивные характеристики, но удовлетворение любопытства не обязательно должно принимать в культуре форму научного поиска. Следовательно, реконструирование древности не может рассматриваться как прерогатива археологии; литература в жанре фэнтези, например, справляется с этой миссией ничуть ни хуже (речь идет исключительно о дескриптивной модели прошлого в массовой культуре). В самом деле, чем «Волкодав» М. Семеновой хуже «Язычества Древней Руси» Б. Рыбакова с точки зрения описания древности? Можно сформулировать вопрос и по-другому: какое из упомянутых произведений оказало большее влияние на формирование мифов современного массового сознания о древней культуре восточных славян? Ответ на него позволяет оценить мировоззренческую эффективность указанных текстов с точки зрения прагматики. А с учетом того, что именно формирование мировоззренческих мифов является одной из важнейших функций гуманитарных наук (в широком смысле этого термина, как наук о человеке вообще), можно говорить об определенных дисфункциях археологии как науки. Одна из причин, на наш взгляд, состоит в том, что принятая в обществе модель научности предъявляет к археологическому знанию требования проверяемости, рациональности, объективности. Следование указанным критериям, эксплицитным по своей природе, налагает на исследователя определенные обязательства и ограничения, которых лишено художественное творчество; отказ от них для науки означает культурное самоубийство. Важной имплицитной характеристикой научного знания является его традиционность – новации в рамках действующей парадигмы не могут образовывать разрыва с накопленной информацией и объяснительными механизмами. Данное

обстоятельство может объяснить настороженное отношение профессионального сообщества археологов к некоторым выводам коллег, не укладывающимся в рамки существующей модели. Работу Л. С. Клейна «Воскрешение Перуна», например, легче найти в разделах эзотерической литературы, нежели научной; неоднозначно оцениваются и концепции, предлагаемые В. Е. Ларичевым.

В целом можно утверждать что «modus vivendi» современной археологической науки отвечает классической модели – поиск объективной истины как социальная функция, обуславливающая социальную значимость. Но в ситуации постмодернизма, провозгласившего плюралистичность истины как цели познания и деятельности, онтологизация истины сама становится проблемой, не имеющей однозначного решения. Существует ли истина в любом виде – это вопрос, ответ на который отнюдь не очевиден. В таком случае нужен ли поиск ее или таковой следует заместить конструированием? Этот вопрос постмодернистской гносеологии остается без ответа, и вряд ли таковой принципиально возможен. Следовательно, претензии археологической науки на открытие и авторизацию объективной исторической истины требуют принципиально нового механизма социальной легитимизации. Если полотна В. И. Васнецова можно рассматривать как визуализацию археологического знания своего времени, то современная массовая культура не столь требовательна к точности воспроизводства, детализации и легко жертвует ими в угоду зрелищности, аттрактивности произведения, а значит, фантазии на тему древности не менее ценны, нежели штудии археологов.

Важной задачей археологии в рамках модернистской модели культуры был поиск нулевой точки «луча времени» – происхождение человека, начало истории и т. п. Актуальность указанной проблематики обуславливалась представлениями о существовании единственного истока, поиск которого обретал в этом случае сакральное значение. Современная культура легко уживается с идеей виртуального начала, роль которого принципиально вакантна, поэтому и открыть его невозможно. Концепции эволюционизма, креационизма или космического происхождения человека абсолютно равнозначны, и возможности археологии в обосновании одной из них не более весомы, чем мистические откровения или таинственные послания.

Таким образом, новая культурная ситуация требует от археологии адекватной модели культурной самоидентификации, без чего сам статус науки ставится под сомнение. Какова должна быть эта модель, какие механизмы позволят создать ее – это вопросы, которые, как нам кажется, могут стать темой для дискуссии не только в профессиональном сообществе археологов. Игнорирование проблемы открывает широкие пространства для идеологических манипуляций, интеллектуального мошенничества и просто шарлатанства, которые в целом, как представляется, не способствуют развитию духовной культуры.

**Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН
ngajapti@yandex.ru**

The issues related to the role and place of Archaeology in contemporary culture are discussed in this article. Neomifologia of modernity will claim knowledge of antiquity, but requires special, irrational interpretations of them, contrary to the gnosseological structure of science. This contradiction leads to conflict archaeology and popular culture.

Neoarhaika, neomifologia, archaeology.

В. И. Гутыра

**МОЛОДЕЖНАЯ КУЛЬТУРНО-ТВОРЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
(на примере учащихся средней общеобразовательной школы)***

В данной работе рассматривается возможность формирования культурной идентичности у молодежи младшей возрастной группы, как и почему творчество влияет на социокультурный портрет современного школьника. В качестве примера для рассмотрения было взято отдельное учебное заведение, а именно лицей № 143 Омска, на базе которого проводилось исследование.

Молодежь, творчество, культура, идентичность, групповая дифференциация.

В период с сентября 2012 по май 2013 г. было проведено исследование учащихся общеобразовательного учреждения г. Омска «Лицей № 143» по вопросу о возможности формирования творческой идентичности у учащихся старшей школы. Цель данной работы – выявление общих тенденций процесса осознания у молодежи младшей возрастной группы (от 14 до 18 лет) культурно-творческой идентичности в школе. В ходе исследования были использованы различные методы получения информации. Сформирована фокус-группа из учащихся 8–11-х классов, где были проведены подробные опросы и интервью. Полученные результаты помогли выявить общие интересы участников группы, а также провести типологию по основным культурно-творческим направлениям.

Другим методом сбора информации стали подробные интервью с учащимися, в ходе которых удалось проследить, как творчество может влиять на личностные особенности и на определение собственной культурной идентичности.

Всего было проработано порядка 100 интервью, 210 персональных анкет, а также две фокус-группы, в результате анализа материалов были получены некоторые данные.

Среди учащихся лицея № 143 можно выделить несколько групп. Основным критерием для выборки стал проводимый молодежью досуг. Исходя из этого, мы можем выделить такие группы, как «спортсмены», «гопники», «интеллектуалы», «творческие натуры».

В общей сложности в школе учится 962 человека, из них 254 входят в состав старшей возрастной группы (от 14 до 18 лет), которая была включена в исследование. Именно это количество и было взято за 100 %.

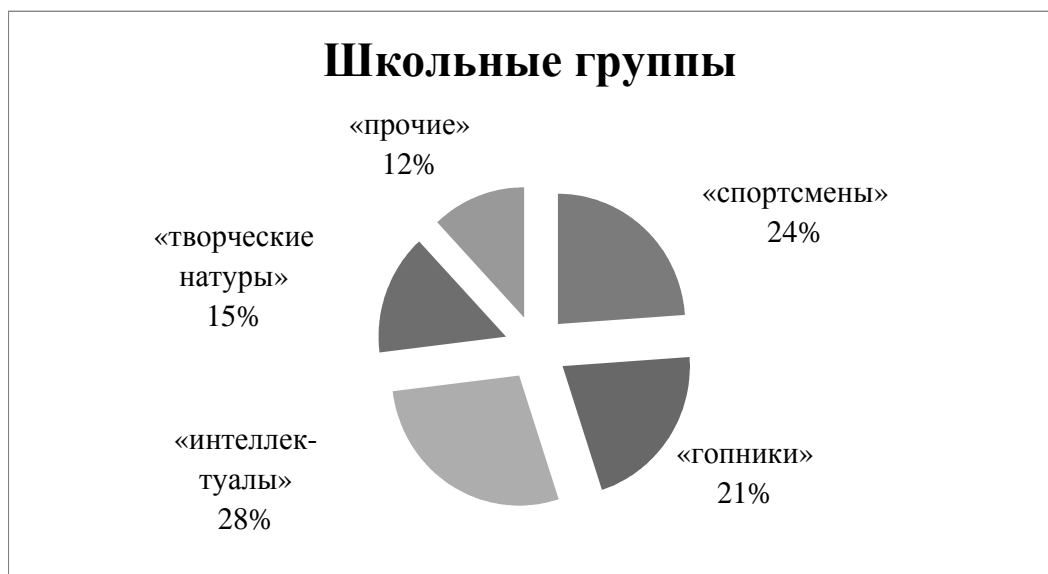
Приведем основные характеристики для каждой из выделенных групп.

Так, например, главными особенностями «спортсменов», помимо занятий спортом, являются: ношение соответствующей для их занятий одежды, пренебрежительное отношение к учебе, низкий интерес к собственному будущему, приверженность к здоровому образу жизни, но лишь на словах. Ученик 8-го класса в своей

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «“Жить в эпоху перемен”: динамика идентичностей населения юга Западной Сибири (1940–2000-е годы)», проект № 12–31–01043–а1.

© Гутыра В. И., 2013

анкете отмечает, что празднование Нового года в его в семье редко обходится без алкоголя, который он вместе с родителями и друзьями употребляет. Ученица 9-го класса, из той же группы, отмечает, что после очередной вечеринки многие проснулись с «тяжелыми головами от дешевого коктейля». Но, несмотря на это, выделенная группа жестко осуждает тех, кто придерживается «аморального, алкоголического» поведения.

Ученики выделяются узостью интересов, объединенных вокруг спорта, косноязычием, низкой успеваемостью. Также они проявляют большую сплоченность, в данной группе нет разделения по спортивным направлениям. В сферу общения данной группы включены учащиеся от 6-го до 9-го класса. Какого-либо творческого проявления, кроме спорта, не наблюдается, также отмечается достаточно низкое культурное воспитание, что проявляется, например, в отсутствии знаний творцов Золотого, Серебряного веков, отсутствии интереса к любому творческому наследию, основных норм приличия и т. д. К сожалению, спорт не способствует определению данными учащимися собственного места в мире, выступая лишь как связующая их всех нить.

Другой выделяемой группой являются учащиеся, которых мы условно назовем «гопниками». Они во многом сопоставимы со спортсменами, но у них отсутствует основная составляющая – спорт.

Данные ученики никогда не имеют положительных оценок, интеллектуальный уровень ниже среднего, но имеют определенную тягу к творчеству, в особенности к изобразительному. Чаще всего это проявляется в граффити, где основным направлением является стилизованное изображение своего имени, чаще прозвища, которому они уделяют особенно внимание. Ученик 11-го класса поделился следующими мыслями о роле своего имени: «Друзья меня называют Чуток, это мое имя для всех. Его и рисую на зданиях». Другим методом самовыражения данной категории является роспись парт различными изображениями: космических кораблей, половых органов, нецензурной лексики, «мыслей обо всем» и т. д.

Данная группа имеет разветвленную систему социальных связей, скрепленную проводимым им досугом. Самым распространенным времяпрепровождением

является распитие спиртных напитков в подъездах, употребления легких наркотиков (навай, spise, speed). Все это способствует их консолидации и выработке собственного мира, где существуют особые правила, кумиры, песни, взгляды и т. д. Они не уделяют особого внимания одежде, внешнему виду. Распространенной является спортивная одежда, грязная обувь, общий неопрятный вид.

Поведение в школе вызывающее, никаких правил и авторитетов для них не существует. Безусловно, данная группа носит деструктивный характер, но она является одной из составляющих современной городской молодежи, которая определилась с собственным местом в лицее.

Противопоставлением выделяемым группам являются «творческие натуры» и «интеллектуалы».

«Интеллектуалов», помимо хорошей учебы, выделяет опрятный вид и скудная творческая составляющая. Ощущая свое интеллектуальное превосходство, они, бесспорно, пользуются им, часто унижая окружающих. Их отношение к представителям собственной группы нейтральное, сдержанное, иногда чувствуется соперничество. Редкостью является тяга к творчеству. Прекрасно разбираясь в школьной программе, зная творчество великих мировых умов, они не стремятся к созданию чего-то нового. Единственной творческой составляющей является научная деятельность, написание работ по интересующим их темам. Но глубокого развития эта деятельность не получила. Внутренняя сплоченность достаточно низкая. Но, несмотря на это, каждым в данной группе осознается свое исключительное место в школе, в обществе в целом.

Особое место в приведенной дифференциации занимают «творческие натуры», которые являются самой немногочисленной группой. Сюда были отнесены те ученики, которые проявляют себя в различных творческих направлениях: танцы, музыка, изобразительное искусство и т. д. Они характеризуются прежде всего достаточно высоким интеллектуальным уровнем, проявлением большой самостоятельности в принятии решений, воспитанностью, вежливостью, но вместе с тем и некоторой заносчивостью. Именно эта группа проявляет большую сплоченность, но только среди некоторых членов, в зависимости от направления. «Творческие натуры» чаще всего обладают обширным кругозором.

Визуально они фактически идентичны с представителями такой группы, как «интеллектуалы», но уделяют больше внимания аксессуарам. Собственная идентификация в рамках общества затруднительна, так как нет ощущения удовлетворенности собой, идет постоянный процесс самосовершенствования, что не позволяет говорить об осознании своего места в обществе.

Выделенные группы не охватывают абсолютно весь массив учащихся. За рамками дифференциации остались некоторые участники исследования, которые не могут быть четко отнесены к какой-либо из групп. Они не проявляют интереса к творчеству, спорту. Свою жизнь замыкают в рамках «учеба – дом», при этом в них могут проявляться особенности сразу нескольких групп.

Несмотря на приведенную дифференциацию, современная молодежь младшей возрастной группы представляет собой пеструю группу, которая не имеет единого направления. Каждое из выделенных направлений отлично от другого, следовательно, учащиеся создали собственные группы «по интересам», в которых

им комфортно. Поэтому формирование культурно-творческой идентичности учащихся средней школы на данном этапе представляется крайне затруднительным. Единой платформы, на которой возможно появление общих культурных ориентиров, построенных через творческую деятельность, не существует.

**Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН
gutira@mail.ru**

In this article the possibility of forming the cultural identity among the youth of the young age group is being questioned. Can the creative work of the student influence the determination of their principles and the acknowledgement of the notion of personal «I» in the society. As for example a certain educational institution was taken in order to conduct a study.

Youth, creative work, culture, identity, group differentiation.

Л. Н. Дони́на

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТАТАРСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО КОСТЮМА В ТЕАТРЕ (на примере музыкальной комедии Дж. Файзи «Башмачки»)

В статье на примере ретроспективы одного спектакля рассматривается проблема выявления национального своеобразия татарского костюма в его театральных интерпретациях. Проводится анализ эскизов театральных костюмов, выполненных художниками разных поколений. Сделан вывод, что костюм на протяжении всей истории татарского театра претерпевал существенные изменения в силу причин объективного характера и особенностей национального театрального процесса.

Национальный татарский костюм, театральная интерпретация, эскиз театрального костюма.

Процессы становления общенациональной культуры, которая в своих основных чертах сложилась на базе традиционной казанско-татарской городской культуры, и освоение в Казани такого вида европейского профессионального творчества, как театр, приходится на рубеж XIX–XX столетий.

Татарский театр, ведущий свою историю с 1906 г., только в 1920 г. обосновался в Казани и получил статус Первого татарского государственного театра. Фото-документальных источников первого десятилетия не сохранилось. Известно, что спектакли ставились руководителями трупп, оформление было сборное – из материалов, находившихся в арендуемых артистами клубах или театрах.

Первые годы театр ставил чрезвычайно большое количество спектаклей, в основном однодневок, по принципу комедий дель-арте. Прямой перенос на сцену колоритных героев, не выходящих за границы реальности, допускал включение

в сценическое пространство костюма в «готовом виде». Театроведами отмечается, что для этапа становления была характерна установка на натуралистическое жизнеподобие и создание на сцене «иллюзии жизни», поэтому в пьесах, в основном о жизни городского татарского купечества, использовался имевшийся в гардеробе каждого артиста так называемый городской костюм. В спектаклях использовался костюм как в неизменном виде, так и выполненные художниками его интерпретации. Последние в основном представляют собой синтез татарского классического костюма XVIII – первой половины XIX в. и общенационального костюма второй половины XIX – начала XX в. при доминировании последнего.

Основой формирования общенационального татарского костюма явилась традиционная одежда казанских татар. Костюм нового стиля формировался в период, характеризующийся свободным творческим подходом к традициям, процессом утраты местных специфических черт одежды [Мухамедова, 1997, с. 8]. На рубеже веков ещё сохранялись многовековые мусульманские традиции, однако художественная культура приобрела значительный европейский компонент. Одним из источников усиления условно-традиционного характера городской культуры татар было воздействие на неё русской культуры и европейской моды XIX в. Среди казанских татарок-мусульманок одновременно начали функционировать разные по стилю типы одежды и соответствующие им комплексы украшений. В 1920–1930-е гг. народный традиционный костюм практически исчез. Его отдельные реминисценции сохранялись в народной среде – в способах ношения головных платков, крое платьев и характерных цветосочетаниях [Сусллова и др., 2000].

В театре использовались все известные вариации национального татарского костюма рубежа XIX–XX вв. Театральные интерпретации обогащались устойчивыми признаками костюма традиционного, такими как полихромия, орнаментальность и многослойность. Театральный костюм утрачивал утилитарные, но сохранял знаковые функции: служил для передачи социальных, возрастных, этнических признаков.

Одним из ярких примеров театральной интерпретации татарского костюма является музыкальная комедия Дж. Файзи «Башмачки», поставленная в 1942 г. на сцене Татарского оперного театра. В комедии нет точной исторической установки. Согласно режиссерской концепции в ней показывались картины старого казанского купеческого быта конца XIX в.

Традиционно в татарском драматическом театре действие всех пьес ставилось и «развивалось в павильонах, а не на улице». На сцене оперного театра художник П. Т. Сперанский перенес действие пьесы «во двор». Критики считали, что перевод места действия на улицу «снял национальный колорит» [СТД РТ. Ф. 10. С. 1–35]. Однако качества, прежде всего привлекательные для национального зрителя: опора в музыке и сюжете на традиции музыкальной драмы с колоритными, национально-определенными, узнаваемыми характерами, много массовых, танцевально-хоровых и бытовых сцен, – обусловили устойчивость спектакля в репертуаре.

Поскольку оперетты в татарской музыке не существовало, «Башмачки» являлись собой совершенно новое произведение с развитием сюжета, построенным на музыке, и музыкальной характеристикой каждого персонажа [СТД РТ. Ф. 10. С. 4]. В данном контексте особые требования возлагались на костюм и пластику актера.

В частной коллекции П. Т. Сперанского сохранились три эскиза костюмов жены богатого казанского купца. Фахрия изображена в выходном костюме городской

знати: свободное платье на кокетке из среднеазиатского атласа, отделанное серебряной бахромой; поверх платья надет парчовый камзол с богатым серебряным кружевом; на голове бархатный, расшитый золотой канителью калфак, поверх которого повязан шелковый шарф; на ногах башмачки, вышитые бисером. Эскиз нарисован с необыкновенной тщательностью, темпера и золотая краска позволили художнику передать материальность тяжелых тканей, соответствующих этнографическим прототипам. Критиками было отмечено, что «в костюмах проведена русификация» [СТД РТ. Ф. 10. С. 7].

Постановки 1953 и 1958 гг. оформлялись П. Т. Сперанским, костюмы изготовлялись по эскизам Л. Л. Сперанской-Штейн. Реалистически трактованным психологическим образам в интерпретации художницы свойственен романтизм, тонко нюансированный налет идеального. Особое внимание уделяется деталям костюма, которые становятся в спектакле характеристикой персонажа.

Зия Гафуров, богатый сибирский купец, – нарицательный образ сеннобазарца, ставший почти устойчивым комедийным типом. Крупная фигура купца с выставленным вперед солидным животом требовала лепки формы при помощи театральных толщинок. Значительность образу придавала прямоспинная бархатная, с шалевым воротником шуба, надетая поверх камзола из яркой бухарской ткани; кунья шапка цилиндрической формы с плоским дном и широкие шаровары, заправленные в сафьяновые сапоги. Для создания костюмного образа художница изучает натуру с точки зрения сохранения в ней устойчивых черт и этнических признаков. Эскиз включен в созданный ею альбом как «Костюм казанских купцов» [Сперанская, 1972, с. 60–62]

Сарвар, дочь Карим-бая, изображена в атласном приталенном платье, отделанном бахромой и воланами; низкий стоячий воротничок застегнут с помощью воротниковой застежки (*яка чылбыры*), на голове калфачок-наколка, поверх которого наброшена шелковая фабричная шаль с кистями; в две косы вплетены *накосники-чулпы*.

Джихан, сваха, старушка, торгующая по домам разной мелочью, – образ комедии положений, собранный из отдельных деталей (в том числе элементов костюма) в подчеркнуто смешном, нелепом виде. Драматургически он меняется, что выражается в ряде отдельных эскизов. Джихан изображена в костюме пожилой женщины: длинное свободное платье с нагрудником *изу* и одной широкой оборкой по подолу; камзол из бархата, обшитый мехом и галуном; на голове нижний легкий платок, повязанный вроспуск, и шапка (*камчат-бурек*); в качестве верхнего покрывала нарисована большая, с кистями кашемировая шаль, наброшенная так, чтобы скрыть лицо; на ногах вышитые ичиги. На двух эскизах Джихан закутана в джилян (*жилэн*) из дорогой ткани, надетый на голову так, что ворот приходится на лоб, а рукава свисают по спине. Необычайно выразительна Джихан, изображенная с поклажей на голове: она одета в сатиновое платье, вырез на груди украшен позументным нагрудником *изу*; через плечо перекинута перевязь *хэситэ*; полубархатный камзол с меховой опушкой; меховая шапка из недорогого меха с плоским дном надета поверх нижнего платка; на шапку наброшена шерстяная узорчатая шаль. Чтобы подчеркнуть пожилой возраст героини и ее приверженность «старорежимным принципам», Сперанская вводит в костюм элементы вышедшего из бытования традиционного костюма. Эскизы также нашли отражение в вышеназванном альбоме [Сперанская, 1972, с. 38, 60, 63, 64, 68].

Влюбленная в красоту традиционной татарской одежды, зная ее семантические функции, Сперанская органично соединила этноспецифические элементы в завершённые художественные образы. Поскольку труппа театра в эти годы была постоянная, в эскизах просматривается портретное сходство. Свою подлинную жизнь персонажи, нарисованные художницей, обретали в сценическом пространстве во взаимодействии с игрой актеров. По словам очевидцев, спектакль «сверкал национальным колоритом». В эти годы элементы костюма отшивались в театральных цехах. Использовались исключительно натуральные ткани, приближенные по фактуре и пластическим свойствам к этнографическим оригиналам: платья – из китайского атласа и сатина, туалеты и эксельсиора, камзолы – из плюша и бархата; на отделку шла золотая и серебряная бахрома, золотой галун; обувь изготавливалась из мягкой кожи, на кожаной подошве; использовались готовые головные уборы – калфаки и тюбетейки [ЦГА РТ. Ед. хр. 19. С. 19].

В 1960-е гг. в театре резко ощущался кризис национального репертуара. Поскольку «на 1967 год не оказалось ни одного национального произведения», была капитально возобновлена комедия «Башмачки» [ЦГА РТ. Ед. хр. 406. С. 79, 124]. Художественное оформление было решено в остросатирической манере художником Э. Б. Гельмсом. «В “Башмачках” Гельмс не просто проникает в уклад жизни, в мир национального самоощущения и вещественного бытия, он усиливает юмор, доводит его до сатирического звучания, гротеска, не теряя при этом цельности, органичности образного решения» [Саттарова, 1982, с. 119]. Особенности творческого почерка художника ярко проявились в решении костюмных образов. В них нашло отражение изменение жанра спектакля, наметился отход от этнографической формы костюма, за счет стилизации, к приоритету формы, выступающей эквивалентом характеристики образа; пропорции отдельных элементов костюма нарушены в угоду выявлению той же внутренней характеристики; некоторые персонажи одеты в условные современные костюмы, но с этническим элементом, исполненным театральным способом, например декоративно расписанной тюбетейкой на голове; и наконец, для пошива отдельных элементов костюмов были выбраны материалы, противоположные по фактуре этнографическим прототипам.

В 1980 г. «Башмачки» поставили как спектакль-мюзикл. В эти годы «постановочная часть театра находилась в катастрофическом положении» [ЦГА РТ. Ед. хр. 273. С. 45]. Для оформления спектакля был приглашен Т. Г. Еникеев, в совершенстве владеющий техникой конструктивно-архитектонического решения сценического пространства. Художником были разработаны «интересные, но технически сложные декорации», национальный колорит «восполнялся множеством деталей», «костюмы были выдержаны в стиле эпохи» [ЦГА РТ. Ед. хр. 273. С. 36]. Условность декораций органично включала в себя подведенные к этнографическому прототипу костюмы.

В 1986 г. театр осуществляет постановку для показа в Москве. Замысел и оформление спектакля были заложены Н. К. Даутовым, который успел выполнить только эскизы. Художник А. Б. Кноблок вспоминал: «В спектакле Даутов видел Казань своего детства» [Татарский академический театр ... , 1994, с. 76]. Согласно режиссерскому замыслу, зритель должен был относиться к обстановке сцены как к картине, ко всему представлению в целом – как к театральному зрелищу, подчиненному законам особого порядка – законам театра. Художественные образы

создавались художником в соответствии с сюжетом и интонационным контрастом в музыке: красоте жизнерадостных мелодий, характеризующих положительные образы, противопоставлены отрицательные «музыкальные» карикатуры негативных персонажей [ЦГА РТ. Ед. хр. 415. С. 20–36]. В процессе подготовки спектакля костюмы тщательно редактировались и обсуждались с актерами, игравшими в ранних постановках.

Со времени первой премьеры спектакль не сходил со сцены, было осуществлено шесть постановок. «Башмачки» выдержали более пятисот представлений, были поставлены во многих театрах СССР. Комедия ставилась на русском языке в Свердловске и Улан-Удэ, на украинском – в Киеве и Харькове, на узбекском – в Ташкенте и Самарканде [ЦГА РТ. Ед. хр. 158. С. 3]. В настоящее время в Казани спектакля в репертуаре театра нет.

Ретроспектива одной из постановок позволила проследить сохранение этнического своеобразия татарского костюма в его театральных интерпретациях, которые, в свою очередь, определялись как объективными причинами: общественно-политической ситуацией, творческой индивидуальностью художника, концепцией режиссера, требованиями жанра, обеспеченностью материальной базы театра, изменением театральных технологий и появлением новых материалов, так и проблемами из системы исключительно национального театра.

Библиографический список

- Мухамедова Р. Г.* Татарская народная одежда. Казань : Таткнигоиздат, 1997. 225 с.
Саттарова Н. З. Сценография татарского театра // Сцена и время. Казань : ИЯЛИ АН РТ им. Г. Ибрагимова, 1982. 144 с.
Сперанская Л. Л. Костюм казанских татар. Казань : Таткнигоиздат, 1972. 95 с.
Сулова С. В., Мухамедова Р. Г. Народный костюм татар Поволжья и Урала (середина XIX – начало XX в.). Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань : Фэн, 2000. 312 с.
Татарский академический театр оперы и балета им. Мусы Джалиля / под общ. ред. Г. М. Кантора. Казань, 1994. 145 с.

Источники

- СТД РТ. Ф. 10. Оп. 8.
ЦГА РТ. Ф. Р–6663. Оп. 1. Ед. хр. 158; Оп. 2. Ед. хр. 19; Оп. 7. Ед. хр. 273, 406, 415.

**Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук
Республики Татарстан (Россия, Казань)
lis.art@mail.ru**

In this article for a retrospective of the play deals with the problem of preservation and identification of national identity Tatar costume in his theatrical interpretations. The analysis of sketches of theatrical costumes, the artists of different generations. It is concluded that the costume throughout the history of the Tatar theater underwent significant changes due to objective reasons and the characteristics of the national theater of the process.

The Tatar national costume, theatrical interpretation sua, sketch of a stage costume.

М. А. Жигунова

НОВАЦИОННЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В СОВРЕМЕННОЙ СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ РУССКИХ СИБИРИ

В статье рассматриваются новые элементы, появившиеся в свадебной обрядности русского населения Западной Сибири во второй половине XX – начале XXI в. Анализируются основные факторы, влияющие на формирование современной обрядовой культуры.

Русская культура, Сибирь, обряды, свадьба, семья, традиции, новации.

Свадьба является едва ли не самым ярким и значимым событием в жизни каждого человека, в современности – это массовое торжество, сохранившее в большей или меньшей степени конкретные местные традиции [Листова, 1995, с. 150]. В традиционно-бытовой культуре свадебный ритуал являлся одним из наиболее сложных комплексов, формируемых из разнохарактерных компонентов, связанных с социально-правовыми представлениями, имущественными и семейными отношениями [Жигунова, 2005, с. 99]. Несмотря на то, что свадебная тематика обычно рассматривается в рамках духовной культуры, в нем присутствует немало материальных компонентов [Лебедева, 1977, с. 104–116; Липинская, Сафьянова, 1978, с. 180–201]. Свадебный ритуал формировался из разнохарактерных элементов: приданое невесты, наряды молодоженов, праздничное застолье и обрядовые кушанья, ритуальные действия, фольклорное сопровождение и т. д. И в настоящее время он связан с целым комплексом социальных и правовых представлений, имущественных и семейных отношений, верований и представлений. Несмотря на то, что среди семейных обрядов свадебный является наиболее исследованным, актуальность его изучения не проходит, поскольку сохраняется его особая значимость и чрезвычайно высокая вариативность. Практически невозможно встретить два абсолютно одинаковых его описания (за исключением официального церемониала). Заявленная проблематика очень широка, и охватить все относящиеся к ней аспекты в одном докладе не представляется возможным. Поэтому мы рассмотрим лишь некоторые моменты, иллюстрирующие новые элементы свадебных обрядов, появившиеся со второй половины XX в.

Основными источниками послужили материалы, собранные экспедициями Омского государственного университета и Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, проведенными под руководством автора в 1985–2011 гг. на территории Западной Сибири, Северного Казахстана, Хакасии и Красноярского края. Дополнительными источниками послужили сведения, полученные в архивах загсов и в результате преподавательской деятельности автора (чтение спецкурсов: «Обряды жизненного цикла восточных славян», «Современные этнические процессы у русских Сибири» и «Русские сибиряки: проблемы самосознания и культуры» и др.).

Традиционный русский свадебный обряд имел трехчленную структуру, делясь на обряды, предшествующие свадьбе, сопровождающие ее и проводящиеся

после ее окончания. В середине XX в. у многих не было материальной возможности соблюдать все традиции свадебного обряда. По свидетельству информаторов, «свадьбы презирались», «гулять их широко и торжественно считалось неприличным, так как еще от войны не отошли». Поэтому большинство свадеб ограничивались гражданской регистрацией и скромным семейным торжеством. Иногда молодых расписывали сразу после подачи заявления в отдел загса: «Мы решили пожениться, сели на велосипеды, поехали в сельсовет и расписались». Соответственно, никаких специальных свадебных нарядов и блюд не готовили.

В 1950–1970-е гг. свадьба являлась началом совместной жизни, в настоящее время она зачастую становится актом, официально закрепляющим уже сложившиеся супружеские отношения (нередко встречаются случаи регистрации брака после рождения нескольких совместных детей). Часть современной молодежи (особенно – в городской местности) довольно скептически относится к традиционным свадебным обрядам и предпочитает совместное проживание без официального закрепления обоюдных обязательств. Так, согласно опросам 2000-х гг., около 80 % респондентов в возрасте до 35 лет считают свадьбу ненужной тратой денег и времени.

Традиционные сроки проведения свадеб не всегда соблюдаются, зачастую свадьбы гуляют в периоды религиозных постов, когда православная церковь запрещает венчание. Дата свадьбы назначается исходя из личных соображений, обычно стараются приурочить регистрацию к ближайшим выходным дням или празднику. У молодоженов появилась возможность выбрать предпочитаемый день для своего бракосочетания. В начале XXI в. возникла своеобразная мода на проведение свадеб в «магические дни», например: 02.02.02, 03.03.03, 04.04.04, 05.05.05 и т. д. Как оказалось, согласно данным архивов загса, традиционная примета, согласно которой «В мае жениться – век маяться», многими во второй половине XX в. воспринимается как шуточная или устаревшая. Количество свадеб в мае существенно не отличается от других месяцев. Более того, статистика разводов свидетельствует об обратном: майские браки являются одними из наиболее стойких. При проведении гражданской церемонии бракосочетания возможны различные варианты ритуала, разработанные в связи с пожеланиями жениха и невесты.

Вопросы создания и внедрения новой обрядности, соответствующей современному уровню развития социалистического общества, начали активно обсуждаться в СССР как в исследовательском, так и в практическом плане с 1960-х гг. Прежде всего, к обрядам в целом предъявлялось общее и главное требование советской культуры: быть социалистическими по содержанию, национальными по форме и интернационалистическими по духу. Особое место отводилось пропаганде межэтнических браков. В отдельных регионах Западной Сибири такие браки в 1950–1980-е гг. составляли до 70 % от всех зарегистрированных. В 1980-х гг. проблема внедрения новой свадебной обрядности находилась в центре внимания официальных органов культуры, шли постоянные поиски «оптимальных путей комплексной разработки этой проблемы», внедрение авторских сценариев свадебного обряда [Макашина, 1995, с. 155].

В конце 1980-х гг. происходит всплеск этнического самосознания, усиливается активность религиозных организаций, возрастает интерес к проведению свадеб в русле русских народных традиций. Повсеместно начинают функционировать многочисленные свадебные салоны и фирмы, занимающиеся полной организацией

свадеб и предоставлением всех необходимых для этого услуг и атрибутов. В настоящее время существует самостоятельная свадебная индустрия, начиная с деятельности брачных агентств и заканчивая выездными церемониями бракосочетания, проводимыми по индивидуальным заказам. В городской местности сложилась целая система, специализирующаяся на проведении свадеб. Она включает свадебных распорядителей и ведущих, визажистов и парикмахеров, фотографов и операторов, дизайнеров и режиссеров, владельцев кафе и ресторанов, салонов свадебной одежды, автомобилей различных марок, цветочных магазинов, специалистов по изготовлению свадебной атрибутики и др.

В настоящее время существенно расширился круг брачных партнеров, нередко стали браки с иностранцами. В данном случае свадебное торжество может проводиться дважды – в каждой стране проживания жениха или невесты, с учетом местных традиций. Родители имеют всё меньшее влияние на выбор брачного партнера, большинство опрошенных считают, что *«дети сами должны выбирать, с кем им жить»*. В 1980-е гг. подбором идеального брачного партнера занимались уже не только свахи, но и компьютеры, появились специальные вечера знакомств *«Для тех, кому за 30»*, в газетах стали печатать объявления о поиске жены или мужа, обладающих набором предпочитаемых качеств. Если в традиционной культуре девичник – это время от сватовства до свадьбы, предназначенное для подготовки приданого, то теперь это – вечеринка невесты с подругами. Все чаще они проводятся не в доме невесты, а в кафе, ресторане, кинотеатре или ночном клубе. Стали отмечаться и мальчишники, которые проводит жених со своими друзьями. Здесь практически нет никаких ограничений и возможны любые творческие импровизации.

С конца 1980-х – начала 1990-х гг. возобновились церковные обряды венчания. Причем в настоящее время они проводятся как одновременно с гражданским обрядом бракосочетания, так и до или после него. Встречаются случаи венчания людей, не состоящих официально в браке. Иногда венчаются люди, прожившие вместе уже не один десяток лет и имеющие нескольких совместных детей. Если раньше (в соответствии с народными этическими нормами), члены семьи умершего должны были до года носить траурную одежду, им запрещалось выходить замуж (или жениться) и участвовать в различных развлечениях, то сейчас эти запреты соблюдаются не всеми или срок их исполнения сокращается до 9–40 дней.

По желанию молодоженов торжественную регистрацию можно провести не только в загсе, но и в музее, театре, концертном зале, загородном коттедже и др. В учреждениях культуры Омской области при регистрации брака в качестве сопровождающей живой музыки может применяться фортепьяно, скрипка и квартет. За последние три года только в Омском областном музее изобразительных искусств им. М. А. Врубеля было зарегистрировано более 100 супружеских пар, в том числе – известного омского боксера, двукратного олимпийского чемпиона Алексея Тищенко (июль 2011 г.). Помимо зала для официальной регистрации заключения брака, музей предоставляет уникальную возможность провести фотосессию в залах музея и на парадной лестнице. Наиболее аутентичными и зрелищными следует признать свадебные действия, которые проводятся на территории музеев под открытым небом, в экомузеях и музеях-заповедниках. Так, например, в экомузее *«Гюльбергский городок»* в 2005 г. «женили» телеута на русской студентке, посмотреть на это действие приехало много телеутов во главе с шаманом. В августе 2010 г. на терри-

тории экомuzeя прошла свадьба, сценарий которой полностью был разработан невестой и научным сотрудником экомuzeя – П. В. Кимеевой [Жигунова, 2013, с. 61].

Наибольшей динамике подверглись материальные компоненты свадебного обряда: изготовление и состав приданого, свадебная одежда (особенно – у невесты) и атрибутика, праздничное застолье. Свадебная еда существенно различается в зависимости от времени года, региона проживания, личных взглядов, вкусов и материальных возможностей. Так, например, в северных районах Западной Сибири на столах обычны уха из стерляди (горбуши, муксуна, нельмы), рыбные пироги. В целом угощения становятся все более разнообразными и обильными. Появились на свадебном столе различные бутерброды, салаты, консервы, фрукты, сладости, а также заимствованные блюда (плов, манты, голубцы, баурсаки и др.). При совершении современных обрядов недостаток нужной информации приводит к известным ляпсусам. Так, например, на свадебных столах часто можно увидеть две бутылки шампанского, перевязанные красной лентой или бантом. На самом деле подобным образом они украшались лишь на второй день свадьбы, в знак целомудрия (честности) невесты.

Утро второго свадебного дня в Сибири традиционно начиналось с «бани», когда опоздавших гостей «парили» березовыми (дубовыми, пихтовыми) вениками и требовали оплатить услуги «банщиков». В 1980–1990-е гг. появились новые услуги, оплачиваемые по особым тарифам – «эротический массаж», «омоложение и лифтинг». Также характерными обрядами второго дня свадьбы являлись разнообразные испытания для молодоженов: муж колот дрова, жена носила воду в ведрах на коромысле, совместно они пилили бревно, подметали мусор и продавали блины.

В настоящее время зачастую все обрядовые действия проводятся за один день. Интересно, что раньше дырявый блин давали родителям невесты, оказавшейся «нечестной», а теперь некоторые гости специально прокусывают блин посередине и требуют молодых «склеить блин» своими поцелуями. При продаже блинов появились такие новые моменты, как проведение аукциона для первого блина, разнообразие предлагаемых начинок по различной цене (ягоды, варенье, сгущенное молоко, творог, мясной фарш, красная икра). На многих свадьбах можно встретить обряд «подметания мусора» (в который бросаются деньги), на некоторых – разжигание костров и прыжки через них всех присутствующих.

В свадебных обрядах русских Сибири на протяжении второй половины XX в. происходило упрощение и размывание традиций, исчезновение их архаичных элементов, унификация отдельных ритуальных действий и появление новых элементов. Основные перемены обусловлены изменением социально-экономических, политических и идеологических составляющих российского общества. Всё большую роль начинают играть личные предпочтения, стремление сделать свою свадьбу особенной, «непохожей на других». Существенное значение имеют и материальные возможности, одни молодожены предпочитают скромное семейное торжество, другие приглашают более 100 гостей на выездную регистрацию в загородный отель, третьи улетают с ближайшими родственниками за границу. В 2000-е гг. появилась своеобразная мода на проведение тематических и костюмированных свадеб. Складывается традиция, согласно которой молодожены отправляются в свадебное путешествие. Появились новые элементы, превратившиеся в традицию, – в конце свадьбы невеста бросает свой букет подружкам (кто поймает, тот вскоре выйдет за-

муж), а жених бросает подвязку друзьям (правда, два варианта: кто поймает – женится, кто поймает, у того «защита» на три года от свадьбы). На современных свадьбах воруют не только невесту, но и жениха. Предлагают взамен три других кандидатуры (как правило, русский Иван, восточный Султан и сибирский Чукча). Популярны различные костюмированные и театрализованные представления. Так, например, в Новосибирске в 2010 г. свадебный сценарий был представлен в виде сценки «Заячья семья», где заяц ушел к другой, потом вернулся. Мораль такова: жена должна уметь терпеть и ждать.

На протяжении второй половины XX в. изменяется состав присутствующих на свадьбах: все меньшая доля приходится на родственников и представителей старшего поколения, все больше присутствует молодежи. По словам многих информаторов, «раньше неженатую молодежь на свадьбы не пускали». Из свадебных чинов сохраняются только дружки, которых называют чаще свидетелями. Как правило, они выбираются из числа незамужних подруг и неженатых друзей. Все чаще функции дружки – ведущего и распорядителя свадебного гуляния – переходят к профессиональным ведущим, именуемым «тамада».

В современной свадебной обрядности содержание и последовательность многих обрядовых действий утрачена, особенно – в послесвадебный период. Современная свадебная обрядность характеризуется постоянным поиском новых форм проведения и организации торжеств (попытки проведения безалкогольных свадеб в 1980-е гг., свадеб по народным традициям и т. д.). Доброй традицией становится отмечание свадебных юбилеев. Повсеместно известны и широко отмечают 25-летие (серебряная свадьба) и 50-летие (золотая свадьба) совместной жизни. Другие годовщины большинство опрошенных знают слабо. В целом современные свадебные обряды, с одной стороны, отличаются большой вариативностью и контаминацией, а с другой – унификацией отдельных ритуальных действий. Практически исчезли послесвадебные обряды, предсвадебные сохраняются частично. Содержание и последовательность многих традиционных обрядовых действий утрачиваются, как и их сакральный смысл, а также сопровождающий их фольклор. Начиная с конца 1980-х – начала 1990-х гг. православная составляющая семейных праздников характеризуется положительной динамикой. С каждым годом усиливается профессиональная составляющая свадьбы. В целом можно констатировать, что отдельные традиционные элементы свадебного обряда исчезли, другие – частично сохраняются и трансформируются, приспособившись к изменяющимся условиям российской действительности. Наряду с этим появляются новые элементы, которые постепенно, с течением времени превращаются в традицию, зачастую воспроизводится уже угасшая традиция.

Библиографический список

Жигонова М. А. Свадьба // Русский народный праздник : науч.-метод. пособие для работников культуры и образования. Омск : Издат. дом «Наука», 2005. С. 196–209.

Жигонова М. А. Свадебная тематика в современной музейной деятельности Западной Сибири // Роль музеев в формировании и трансляции региональной идентичности. Новосибирск : Параллель, 2013. С. 52–70.

Лебедева А. А. Роль материальных компонентов в традиционном свадебном обряде русских старожилов Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.) // Советская этнография. 1977. № 3. С. 104–116.

Липинская В. А., Сафьянова А. В. Свадебные обряды русского населения Алтайского горного округа // Русский народный свадебный обряд: исследования и материалы. Л. : Наука, 1978. С. 180–201.

Листова Т. А. Заметки о русской свадьбе // Русские народные традиции и современность. М. : Наука, 1995. С. 114–153.

Макашина Т. С. Русская свадьба: создание современного образа и традиция // Русские народные традиции и современность. М. : Наука, 1995. С. 154–174.

**Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН
marizh.omsk@rambler.ru**

In this article the new elements introduced in the wedding rites of the Russian population of Western Siberia in the second half of the 20th – early 21st century are discussed. The main factors influencing the formation of the modern ceremonial culture are identified.

Russian culture, Siberia, ceremonies, wedding, family, traditions, innovations.

А. А. Ильина

ТВОРЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В ВОПРОСАХ СОХРАНЕНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ

Статья поднимает вопрос о реализации творческих возможностей в повседневной работе национально-культурных объединений. Параллельно рассматривается проблема соотношения в рамках деятельности национально-культурных объединений творческого начала, имеющего новаторскую сущность, и традиционного начала, направленного на сохранение этнических традиций. В статье дается определение понятия «национально-культурное объединение», приводится их краткая типология.

Творчество, этнические традиции, национально-культурные объединения.

История человечества неразрывно связана с творчеством с тех самых древних времен, когда наши предки начинали проявлять примитивные творческие способности. Люди веками создают нечто новое, а затем передают подобный культурно-исторический опыт последующим поколениям. Творчество и по сей день сопровождает нашу жизнь, будь то индивидуальное или коллективное его проявление.

Проявление творческого начала в наши дни характерно, в том числе, и для деятельности национально-культурных объединений (НКО) – добровольных объединений граждан определенной национальности, созданных с целью удовлетворения потребностей в общении с представителями своего этноса, сохранения и по-

пуляризации этнической культуры, восстановления ее утраченных элементов, а также сохранения родного языка и этнической самобытности. В наше время сохранение национальной самобытности и этнических традиций отдельных народов, несомненно, имеет большое значение. Именно желание сохранять и поддерживать свои этнические и исторические корни, передавать свой язык и культуру последующим поколениям, общаться с представителями своего этноса не только в кругу своей семьи, но и за ее рамками стало отправной точкой для создания в России НКО.

Право на создание НКО является для граждан нашей страны конституционным. Правовой статус национально-культурных объединений регулируется различными законодательными актами: Гражданским кодексом РФ, Федеральными законами «О некоммерческих организациях», «Об общественных объединениях», «О национально-культурной автономии». С точки зрения закона «Об общественных объединениях», НКО – это общественное объединение, созданное в форме общественной организации. С точки зрения Гражданского кодекса РФ, НКО – это некоммерческая организация: организация, созданная для достижения своих уставных целей и не имеющая целью извлечение прибыли, но занимающаяся предпринимательской деятельностью и использующая полученный в ее результате доход для достижения этих самых уставных целей. Как правило, НКО проходят государственную регистрацию и действуют в виде общественных объединений, организационной формой которых является общественная организация. Гораздо реже они действуют как неформальные организации, т. е. не проходят государственную регистрацию.

Не вызывает сомнения тот факт, что НКО выступают субъектом творческой деятельности. НКО призваны решать задачи воспроизводства этнической культуры, что предполагает ее изучение, сохранение и трансляцию как внутри одного поколения, так и между несколькими поколениями, а также задачи презентации культурных достижений своего этноса, изучения и сохранения родного языка. Один из аспектов деятельности НКО – это презентация культурных достижений своего этноса, поскольку любому народу важен не только «образ для себя», создаваемый культурными традициями, но и «образ для других», и именно с этим аспектом мы связываем возможность проявления творческого начала в работе НКО. В рамках НКО у представителей различных этносов появляется возможность самореализации, в том числе реализации своих творческих способностей, что во многом дает дополнительный толчок развитию отдельно взятого НКО. Для НКО как таковых характерно коллективное решение вопросов сохранения этнических традиций и национальной культуры. То же самое можно сказать и о проявлениях творческих возможностей в рамках НКО – это в первую очередь возможность коллективного, коллегиального решения вопросов сохранения этнических традиций, в том числе путем реализации творческих способностей членов НКО. Это было особенно важно в момент создания первых НКО в нашей стране и на первом этапе их деятельности, когда многое зависело от инициативы и усилий национальных активистов – как правило, людей с большим творческим потенциалом и огромным желанием действовать во благо своей культуры и традиций. Первые НКО, создававшиеся на рубеже 1980–1990-х гг., зачастую образовывались из самодеятельных коллективов, являя ярчайший пример реализации творческих возможностей и способностей их участников.

Отметим, что творческий потенциал НКО в деле сохранения этнических традиций связан с типом НКО. Среди наиболее распространенных типов НКО (в зависимости от институциональной формы и основных направлений деятельности) можно выделить национально-культурный центр, национально-культурную автономию и собственно национально-культурное объединение. Последние два типа НКО исследователи нередко объединяют в один – национально-культурные автономии и объединения (НКАиО), поскольку они по закону являются сугубо общественными объединениями, в то время как национально-культурные центры чаще действуют как учреждения культуры муниципального или регионального уровня. Рассмотрим творческие возможности представителей различных этносов в рамках национально-культурных центров и в рамках НКАиО.

Национально-культурный центр – это многопрофильное учреждение культуры, целью работы которого является проведение мероприятий национальной культуры, имеющее разветвленную структуру, включающую национальные самодеятельные и творческие коллективы, кружки, студии и т. д., а также зачастую филиалы в районах области [Ильина, 2010, с. 8]. Национально-культурные центры проводят системную работу по возрождению и сохранению этнической культуры и традиций. Если национально-культурный центр имеет статус государственного учреждения культуры (муниципального или регионального уровня), то его преимуществом является наличие штата сотрудников, в том числе художественных руководителей, руководителей кружков и студий, бюджетное финансирование, стабильная материально-техническая база.

Национально-культурные центры имеют четкую и весьма разветвленную структуру. Как правило, они включают такие подразделения, как вокальные, вокально-инструментальные, эстрадные и хореографические коллективы и студии, различные кружки (по изучению народных традиций и обычаев, культуры, декоративно-прикладного искусства и пр.), курсы (как правило, языковые) и др. Также они могут иметь в своем составе музей и библиотеку. Наиболее развитые центры имеют методический отдел по сбору фольклора и материалов по истории своего этноса, научно-исследовательские подразделения (лаборатории), а самые «продвинутые» и финансово оснащенные могут даже обладать собственными средствами массовой информации для освещения своей деятельности (теле- или радиостудией, выпускать собственное печатное издание). Работники национально-культурных центров могут заниматься научными изысканиями, изучением истории и фольклора, используя полученные знания в работе своего центра. В своих мероприятиях национально-культурные центры стараются задействовать все возрастные категории граждан: детей, молодежь, представителей среднего поколения, пожилых людей.

Поскольку работа национально-культурных центров должна иметь наглядный характер, они в большей мере ориентируются на празднично-фестивальный аспект сохранения этнической культуры посредством проведения культурно-массовых мероприятий: фестивалей, смотров и конкурсов, религиозных и календарных праздников и обрядов, выступлений национальных самодеятельных коллективов во время проведения общегосударственных праздников, межнациональных фестивалей, областных конкурсов, дней города, а помимо этого – вечеров отдыха, открытых

уроков, круглых столов и т. д. Без национально-культурных центров не обходится ни одно важное событие в жизни региона.

Исходя из этого, творческие возможности национально-культурных центров, обусловленные их спецификой (прежде всего – наличием материально-технической базы и штата квалифицированных специалистов), весьма широки. Они могут проявляться в разработке сценариев мероприятий различного уровня и проведении подобных мероприятий, внедрении новых форм работы, направленных на привлечение населения в свой центр, и т. д. Национально-культурные центры постоянно экспериментируют в своей работе, однако вместе с тем они должны более бережно относиться к сохранению этнических традиций. Процессы глобализации и урбанизации неизбежно сопровождаются утратами многих традиционных ценностей в материальной и в духовной сферах, а обрядово-праздничная культура обрывает новыми элементами. Вопрос о том, можно и нужно ли четко следовать исконной, старинной этнографической основе праздников и обрядов, избегая при этом новационных, наносных элементов, которые возникают в результате творческой инициативы, на наш взгляд, является спорным. Вместе с тем многие современные исследователи вполне обоснованно опасаются проявлений в работе национально-культурных центров так называемого фольклоризма – ситуации, когда элементы традиционной культуры воспроизводятся неправильно, шаблонно, без учета региональных традиций и обращения к свидетельствам о тех или иных элементах традиционной культуры людей старшего поколения. Использование и трансляция культурных шаблонов, по нашему мнению, является актуальнейшей проблемой, препятствующей корректному и бережному сохранению этнических традиций. Чтобы избежать проявлений фольклоризма, разработчикам мероприятий, методистам национально-культурных центров следует обращаться к этнографической литературе с описаниями традиционных праздников, обрядов и обычаев, прислушиваться к советам ученых-этнографов, иными словами, придерживаться разумного соотношения инновационного (творческого) и традиционного начал в вопросах сохранения этнических традиций.

Перейдем к национально-культурным автономиям и объединениям. Определение национально-культурного объединения было дано в начале статьи. Что касается национально-культурной автономии, то, согласно закону, это форма национально-культурного самоопределения, представляющая собой объединение граждан Российской Федерации, относящих себя к определенной этнической общности, находящейся в ситуации национального меньшинства на соответствующей территории, на основе их добровольной самоорганизации в целях самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры [О национально-культурной автономии]. Национально-культурная автономия (НКА) – это вид общественного объединения, организационно-правовой формой которого является общественная организация. В отличие от обычного НКО, НКА имеет более серьезную процедуру создания и регистрации, более разветвленную структуру, включающую три уровня: местные НКА, региональные НКА и федеральные НКА, являясь, таким образом, весьма серьезной и представительной организацией.

Итак, если национально-культурные центры силу своих материально-технических возможностей широко внедряют различные формы культурно-просветительской, культурно-массовой и культурно-досуговой деятельности, то специфика работы НКАиО по большей части связана с выявлением потребностей представителей своего этноса в том или ином регионе, приобщением соплеменников к проблемам этнокультурного возрождения. Можно сказать, что НКАиО выступают проводниками идей среди своих соплеменников.

Творческое начало в рамках НКАиО, на наш взгляд, по большей мере связано с проявлением креативности как показателя творческого развития – творческих возможностей человека, которые могут проявляться в мышлении, чувствах, общении, отдельных видах деятельности. Иными словами, креативность – это способность к выдвиганию проблем, генерированию оригинальных идей и нестандартному их решению. Креативность в работе НКАиО проявляется при решении насущных вопросов в жизни своего этноса, выработке программ развития этнической культуры и родного языка, региональных программ комплексного развития этнических культур, в процессе межрегионального или межгосударственного сотрудничества и т. д.

Подводя итог, отметим, что у национально-культурных объединений (включая национально-культурные центры и национально-культурные автономии), несомненно, имеются широкие возможности для преобразования предшествующих форм культуры (в нашем случае – этнических традиций), помимо очевидной возможности их сохранения. В то же время творчество как процесс создания неотделимо от традиции как сохранения созданного. Забвение и отказ от традиций, несомненно, негативно влияют на творческие возможности национально-культурных объединений. В целом же национально-культурные объединения имеют большой творческий потенциал, однако при его использовании им необходимо бережно относиться к сохранению этнических традиций, в чем заключается одна из важных составляющих их миссии.

Библиографический список

Ильина А. А. Национально-культурные объединения татар Западной Сибири: история создания и результаты деятельности (1988–2008) : дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2010. 363 с.

О национальной-культурной автономии : федерал. закон. Гл. I. Ст. 1 // Консультант-Плюс. URL: <http://www.consultant.ru/online/base/?req=doc;base=LAW;n=73072> (дата обращения: 15.05.2013).

Сибирский филиал Российского института культурологии (Омск)
like_a_sun@mail.ru

The question of realization of creative opportunities in daily work of national and cultural associations is discussed in the article. The ratio problem within activity of national and cultural associations of the creative beginning having innovative essence, and the traditional beginning directed on preservation of ethnic traditions is in parallel considered. In the article definition of the concept “national and cultural association” and their short typology are given.

Creativity, ethnic traditions, national and cultural associations.

Л. Ю. Китова

ТВОРЧЕСТВО В АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Цель данной публикации – привлечь внимание исследователей к понятию «творчество» как феномену культуры в археологическом аспекте. Нами отмечено, что археологи прежде всего фиксируют производственно-технический вид творчества. В археологии термин «творчество» часто синонимичен терминам «создание» и «изобретение». В архаические эпохи импульсом для творчества могли служить природно-климатические изменения, которые заставляли первобытного человека придумывать что-то новое, для того чтобы выжить. Социальная значимость таких изобретений была очень высока. Художественное творчество древнего человека раскрывало его мироощущение и совсем не обязательно было совершенным в исполнении.

Творчество в археологическом измерении, виды творчества первобытного человека, научное творчество археолога.

Отечественные археологи целенаправленно не занимались изучением понятия «творчество» как феномена культуры. Наиболее успешные методологические разработки в этом плане принадлежат философам и психологам.

В общенаучном аспекте «творчество – деятельность, порождающая нечто качественно новое, никогда ранее не бывшее» [Ярошевский, 1976, с. 330].

В современной философии определился круг основополагающих проблем, сформировавшихся при определении сущности понятия «творчество». Исследователи дискутируют по следующим вопросам: 1) кто выступает субъектом творчества; 2) творчество является бессознательным или сознательным процессом, или это волевое деяние, базирующееся на целеполагании и свободе; 3) связано ли творчество с обыденным существованием, поведением людей, их повседневной деятельностью и трудом, или оно элитарно; 4) определяема ли «иерархия видов творчества по степени их креативности, каковы критерии этого упорядочивания»; 5) что является импульсом и ресурсом творчества – автономная субъективность творца или его контакты с культурой; 6) «в чем состоит критерий творчества – в одной новизне или в комплексе показателей, присущих исключительно человеческой деятельности» [Яценко, 2001, с. 20].

Различают следующие виды творчества: научное, производственно-техническое, художественное, политическое, религиозное, мифологическое, повседневно-бытовое и т. д.

Творчество в археологическом измерении познается в первую очередь через материальную культуру. Сам термин «творчество» крайне редко используется в археологических исследованиях. Это совсем не значит, что археологи отказывают древним людям в способности творить, наоборот, в археологических артефактах в первую очередь фиксируются изобретения, любые новшества. Не имея письменных источников от древних эпох, мы очень скрупулезно отмечаем приемы обработки камня или металла, способы изготовления керамики и т. д., а сами переходы

от производства каменных орудий к медным, от бронзовых к железным поистине считаются техническими «революциями» в истории.

Более того, рассматривая вопросы появления *Homo sapiens sapiens*, зарождения первобытного искусства, современные исследователи поддерживают идею Б. Ф. Поршнева о том, что мышление и творчество – это кардинальные признаки человека, принципиально отличающие его от животных [Шер, 2011, с. 365].

Археологи фиксируют прежде всего производственно-технический вид творчества. В археологии термин «творчество» часто синонимичен терминам «создание» и «изобретение». Первое появление или изобретение новых орудий труда приводит человечество к новому витку культуры, к новому этапу развития. Так, например, переход от палеолита к неолиту в Прибайкалье основывался, согласно А. П. Окладникову, на раннем возникновении высокоразвитого охотничьего хозяйства, что археологически выражалось в появлении лука и стрел, а также шлифовальных орудий [Окладников, 1950, с. 171–186]. Таких примеров из работ отечественных археологов можно привести множество.

Исследователи, изучающие проблемы первобытного искусства, отмечают разные составляющие творчества первобытного человека: художественное, мифологическое, религиозное.

Наличие множества разнообразных художественных изделий из Пазырыкского кургана дало возможность М. П. Грязнову дать развернутую характеристику изобразительного искусства и мировоззрения древних кочевников Алтая. Анализируя мифологию скотоводов Горного Алтая, исследователь высказал гипотезу о наличии у них представлений о трехуровневом строении мира (небо, земля, подземный мир) [Грязнов, 1950, с. 72–85]. Ученый сделал предположение о зарождении героического эпоса в эпоху ранних кочевников [Грязнов, 1950, с. 5–6; 1961, с. 7].

С. И. Руденко в изобразительном искусстве племен Горного Алтая скифского времени зафиксировал безграничное разнообразие мотивов и приемов стилистического оформления предметов. В первую очередь он обращал внимание на декоративность искусства, которое, по его мнению, являлось «ярким показателем своеобразной культуры народа, уровня его художественного восприятия и силы его творчества». Сергей Иванович, не отрицая смыслового значения некоторых мотивов в художественном творчестве племен Горного Алтая, их мировоззренческой направленности, в отличие от М. П. Грязнова, настаивал на том, что задачей искусства было украшение всевозможных утилитарных вещей [Руденко, 1960, с. 245, 322].

На эстетическую составляющую первобытного искусства обращал внимание А. П. Окладников. Он считал, что истоки художественной деятельности нужно искать в творческой фантазии древнего человека и в его способности наслаждаться прекрасным. Предпосылкой для нового витка художественного творчества, по его мнению, было накопление технического опыта в производстве орудий [Окладников, 1967, с. 30–32].

С. В. Киселев видел основу древнего архаического реализма карасукского искусства, «уживающегося с условностью изображений предков и геометризмом керамического орнамента», в уровне хозяйственного и общественного развития карасукских общин [Киселев, 1951, с. 177]. Сергей Владимирович выявил сложный характер прикладного искусства кыргызов, вобравшего в себя традиции «высокого скифо-сибирского стиля» и переработавшего «в новые оригинальные формы все

накопленное веками, а также все привнесенное с иранского запада и китайского востока». Исследователь отмечал «большую творческую силу» кыргызского искусства и считал, что оно возникает из той «реальной обстановки, в которой оно развивается» [Киселев, 1951, с. 620]. Идеи об отражении первобытным искусством окружающей человека реальной действительности характерны для советского периода археологии и были одной из форм борьбы с марризмом [Окладников, 1952, с. 9].

Сегодня археологи, исследующие первобытное искусство, в первую очередь отмечают не эстетическую сторону творчества (о ней, возможно, древний человек и не думал или думал в последнюю очередь), а мировоззренческую, религиозную, мифологическую, отображенную в образах. Среди многообразия трудов отечественных археологов особенно выделяются, по нашему мнению, работы Д. С. Раевского [1977, 1985 и др.], в которых на основе системного анализа широкого круга вещественных и письменных источников были восстановлены такие виды творчества племен скифского круга, как мифологическое, эпическое, идеологическое.

На наш взгляд, любое изобретение древнего человека, используемое для качественного улучшения его жизни, можно назвать творчеством.

Творчество, безусловно, основывается на труде, развивая новые нестандартные подходы к решению тех проблем, которые были поставлены перед древним человеком.

Более того, археологические данные могут дополнить материалы дискуссий философов и психологов. По нашему мнению, импульсом для творчества древнего человека могли быть не только контакты с культурой или субъективная неординарность творца, но и изменение природно-климатических условий жизни человека. Например, освоение долины Нила и занятие поливным земледелием, приведшим к получению устойчивого прибавочного продукта, заложили экономическую базу для формирования одной из древнейших мировых цивилизаций. Не начнись усыхание почв в Северной Африке и превращение степи в пустыню, древние египтяне не освоили бы так рано земли по берегам Нила и не создали бы ирригационные системы, которые во второй половине IV тыс. до н. э. были совершенно новым гидротехническим сооружением, неизвестным дотоле в мире. Многие древние народы, создав сеть искусственных каналов и плотин, называли их именами богов и правителей и считали их техническими совершенствами той эпохи. Эти сооружения поистине были источником жизни для людей. Недаром сохранившиеся до наших дней система ирригации в Шуштаре (V в. до н. э. – III в. н. э.) на территории юго-западного Ирана и Дуцзяньская ирригационная система в провинции Сычуань (III в. до н. э.) в Китае объявлены памятниками Всемирного наследия.

Роль природы в развитии творческих способностей человека отмечал Б. Э. Петри. Он показал в своих работах, что климатические изменения подтолкнули человека к новым занятиям, открытиям, изменениям в технике обработки камня и металлов [Петри, 1923; 1926; 1928].

Таким образом, импульсом для творчества древнего человека часто выступала жизненная необходимость сохранить свой род, свою жизнь. Благодаря развитию своих навыков, умений, в конце концов, развитию ума человек смог приспособиться к новым условиям жизни.

Для понимания истоков творчества древнего человека актуальна, на наш взгляд, разрабатываемая на протяжении многих лет гипотеза Я. А. Шера о происхождении

искусства как естественно-исторического феномена, порожденного особыми, присущими только *Homo sapiens sapiens* функциями системы высшей нервной деятельности [Шер, 1998, с. 133–176; 2006; 2011].

Творчество в археологическом измерении – это не только интерпретация и реконструкция разных видов творчества древнего и средневекового человека, поиски его корней и импульсов развития. Сам исследователь выступает как создатель научного вида творчества. При этом в деятельности археолога могут присутствовать элементы как творчества, так и нетворчества (сбор материалов, первичная обработка артефактов в ходе раскопок и др.).

В целом человек в любую эпоху (независимо от измерения археологического, этнографического и пр.) выступает творцом. Способность к творчеству – одна из главных черт человека. На наш взгляд, в архаические эпохи импульсом для творчества могли служить природно-климатические изменения, которые заставляли первобытного человека придумывать что-то новое, для того чтобы выжить. Социальная значимость таких изобретений была очень высока. Художественное творчество древнего человека раскрывало его мироощущение и совсем не обязательно было совершенным в исполнении.

Оценка научного творчества археологов требует специальных серьезных историографических исследований, а верность новых научных идей проверяется временем.

Библиографический список

- Грязнов М. П.* Первый Пазырыкский курган. Л. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 1950. 92 с.
- Грязнов М. П.* Древнейшие памятники героического эпоса Южной Сибири // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. 1961. Вып. 3. С. 7–31.
- Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Изд-во АН СССР, 1951. 643 с.
- Окладников А. П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Историко-археологическое исследование. М. ; Л. : Изд-во АН СССР. 1950. Ч. I, II. (МИА № 18). 412 с.
- Окладников А. П.* К вопросу о происхождении искусства (В связи с критикой взглядов Н. Я. Марра на первобытное искусство) // Советская этнография. 1952. № 2. 22 с. (Отдельный оттиск).
- Окладников А. П.* Утро искусства. Л. : Искусство, 1967. 135 с.
- Петри Б. Э.* Сибирский палеолит. Иркутск : ВСОРГО, 1923. 47 с.
- Петри Б. Э.* Сибирский неолит. Иркутск : ВСОРГО, 1926. 39 с.
- Петри Б. Э.* Далекое прошлое Прибайкалья. Иркутск, 1928. 73 с.
- Раевский Д. С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен: опыт реконструкции скифской мифологии. М. : Наука, 1977. 216 с.
- Раевский Д. С.* Модель мира скифской культуры. Проблемы мировоззрения ирано-язычных народов евразийских степей I тыс. до н. э. М. : Наука, 1985. 256 с.
- Руденко С. И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1960. 359 с.
- Шер Я. А.* Происхождение искусства // Первобытное искусство (проблема происхождения). Кемерово : Никалс, 1998. С. 133–176.
- Шер Я. А.* Первобытное искусство. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2006. 351 с.

Шер Я. А. Первобытное искусство. 2-е изд., перераб. и доп. Кемерово : КемГУ, 2011. 436 с.

Ярошевский М. Г. Творчество // Большая советская энциклопедия. М. : Сов. энцикл., 1976. Т. 25. С. 330–332.

Яценко Л. В. Творчество // Новая философская энциклопедия. М. : Мысль, 2001. Т. 4. С. 20–21.

Кемеровский государственный университет (Россия)
lyudmila.kitova@mail.ru

This article is aimed at drawing researchers' attention to the concept of "creativity" as a cultural phenomenon in archaeological perspective. We noted that archaeologists tend to observe primarily production and technical types of creativity. In archaeology the term "creativity" is often a synonym of "making" and "inventing". During archaic period, natural and climate changes could be an impetus for creativity, as they forced primitive man to invent something new in order to survive. Social significance of such inventions was very high. Artistic creativity of ancient man revealed his perception of environment, but it may not necessarily be perfect in its execution.

Creativity in archaeological dimension, types of creativity of primitive man, scientific creativity of archaeologist.

М. А. Корусенко

ТВОРЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА В СОВРЕМЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ БАРАБИНСКИХ И ТАРСКИХ ТАТАР

На основе этнографических материалов, собранных автором среди тарских и барабинских татар в 1993–2009 гг., анализируется творение пространства человеком, носителем традиционного мировоззрения. Этот процесс осмысливается в понятиях «порядок – хаос», «окультуренное – природное» пространство с помощью анализа представлений о духах-хозяевах мест, запретов и предписаний для поведения человека в таких пространствах, использования оберегов.

Тарские и барабинские татары, традиционное мировоззрение, освоенное и неосвоенное пространство, мифологическое создание, порядок, поддержание, хаос, преодоление.

Пространство и время относятся к числу базовых элементов традиционного мировоззрения. В настоящей работе мы рассмотрим представления о пространстве у тюркоязычного населения Барабинской лесостепи и бассейна р. Тары на основе материалов, собранных автором в 1993–2009 гг. Полученные нами данные позволяют проанализировать этот феномен в самых общих чертах – с точки зрения его освоенности человеком, с точки зрения оппозиций «порядок – хаос», «свое/освоенное – чужое/неосвоенное», «окультуренное – природное».

При этом освоенное пространство понимается как некая градация пересекающихся подпространств, где безусловным центром служит жилище человека и далее, с точки зрения освоенности, по убыванию расположены хозяйственные постройки (двор), территория поселения, пространство полностью чужое – не освоенное за его пределами [Байбурин, 2005, с. 24–25; Традиционное мировоззрение ... , 1988, с. 41].

Каждую сферу (подпространство) традиционное мировоззрение наших информантов наделяет определенными свойствами и населяет своими мифологическими персонажами, положительными или вредоносными. Они являются своеобразной персонификацией свойств этих пространств. Движение человека в подобных пространствах зачастую оказывается взаимодействием с таким мифологическими персонажами. Очевидно, что эти контакты протекают в рамках ритуальной практики – они ограничены целым перечнем предписаний, запретов. Человек, как можно себе представить из анализа собранных данных, вынужден постоянно поддерживать освоенное пространство вокруг себя, творить его.

Жилище.

В мифологической картине мира жилище предстает центром миропорядка, это место максимально освоено человеком, место, где царит порядок, окультуренное место, место, противоположное неосвоенному, неокультуренному [Байбурин, 2005, с. 18].

Материалы, полученные у тарских и барабинских татар, позволяют охарактеризовать жилое пространство (жилище) именно так. Традиционное мировоззрение рассматривает создание жилища как акт творения, преобразования природного, неокультуренного пространства в пространство порядка, центр этого порядка. В представлениях наших информантов удалось выявить и зафиксировать целую серию запретов и предписаний, касающихся сооружения нового жилища. Особенно хорошо этот пласт представлений иллюстрирует ключевой момент в таких действиях – выбор места для его сооружения. Считается, что жилище нужно сооружать в хорошем месте, где нет *сахмят* [Корусенко, Диянова, 2011, с. 189], сопровождать этот процесс молитвами и т. д.

В этом окультуренном пространстве, по сведениям наших информантов, существует положительный персонаж демонологии – *уй иясе* (букв.: дома хозяин, здесь и далее – сиб. тат.). Характерная черта взаимодействия людей и этого сверхъестественного существа – необходимость поддержания порядка в доме. Причем порядок осмысливается не только как явление физическое, материальное (чистота – отсутствие грязи на кухне, в самом доме), но и как нематериальное (отсутствие в доме ссор, конфликтов и т. д.). Это своеобразная граница в представлениях о «хорошем» доме, о его правильном, комфортном, своем пространстве, за которой вместо положительного, но строгого к людям *уй иясе* в жилище может проникнуть *шайтан*. Соответственно, миропорядок в жилище оказывается нарушен, комфортное для человека пространство находится под угрозой.

Поэтому в сознании информантов старшего возраста существует стойкое убеждение, что порядок в доме нужно постоянно поддерживать в приведенных выше смыслах, а для защиты от вредоносного окружения используются молитвы, обереги с текстами молитв, обереги из определенных растений (*шайтан тегенек* – чертовой колючки, вязанок красного перца и т. д.).

В пространстве жилища человек передвигается свободно, хотя, как мы отметили, выполняет предписания, ограничен запретами, а вот при перемещении во дворе, в хозяйственных постройках движение осмысливается несколько иначе.

Хозяйственные постройки.

При рассмотрении собранных данных оказалось, что, по мнению информантов, при входе во двор из жилища человек должен выполнять определенные действия. Известно, например, что при выходе во двор из дома нужно «пошуметь», чтобы хозяин двора/скота *мал иясе, кура иясе* (букв.: двора, хлева хозяин) «успел спрятаться», так как видеть его человеку нельзя. Входя в хлев, необходимо поздороваться, фактически произнести звуки – опять же произвести шум.

Мы полагаем, что в таких представлениях в образной форме, свойственной традиционному мировоззрению, описано создание пространства двора, создание в нем порядка. Это пространство уже менее упорядочено, чем домашнее, поэтому к его созданию с нужными человеку свойствами нужно приложить определенные усилия. Здесь пространство жизни, упорядоченное пространство подвержено инверсии, которая, например, наступает в темное время суток, когда, как считается, выходить во двор нельзя. Пространство приобретает вредоносные свойства, где неисполнение определенных предписаний становится опасным для человека.

Особенно хорошо подобная инверсия – превращение освоенного пространства двора / хозяйственных построек, изменение его «правильных» свойств – становится заметна, когда мы рассматриваем комплекс представлений, связанных с баней (*мунча, мунца*). Эта хозяйственная постройка находится в освоенном, человеческом пространстве, однако традиционное мировоззрение населяет его персонажем демонологии *мунча иясе* (букв.: бани хозяин), имеющим определенно отрицательные, вредоносные черты. Здесь в представлениях информантов всё предельно четко: в некоторых ситуациях (например, в темное время суток, на закате и т. д.) в бане формируется безусловно вредоносное для человека пространство*. Система запретов указывает на то, что пространство бани в подобных ситуациях невозможно окультурить, упорядочить и появляться там человеку опасно.

Поселение.

Поселение в традиционном мировоззрении относится к освоенным локусам пространства. Но в этой освоенности, окультуренности так же, как в пространстве двора / хозяйственных постройках, присутствуют элементы природного хаоса. В пространстве поселения есть места, нахождение в которых для человека попросту опасно. К таким местам относятся так называемые общественные постройки, например мечеть, а также брошенные дома. Эти места в темное время суток, а брошенные дома всегда, в представлениях наших собеседников, населены *шайтанами*. Как явствует из полученных нами материалов, ключевой момент при описании таких случаев в понимании информантов – именно отсутствие постоянных жителей в таких местах, т. е. человек осмысливается как необходимый элемент создания порядка, творения пространства порядка.

Неосвоенное пространство.

При движении по такому пространству, по сведениям наших информантов, человек взаимодействует с духами – хозяевами различных его частей – *су анасы, су иясе* (букв.: воды мать, хозяйка), *урман иясе, ялан иясе* (букв.: леса, поля хозяин), конкретного объекта (например, охотничьей избушки и т. д.). Потенциальную вра-

* См. аналогичные представления у восточных славян [Байбурин, 2005, с. 45–47].

ждебность или инаковость таких пространств можно временно преодолеть, окультурить с помощью известных предписаний и запретов, а также с помощью оберегов (вещей, текстов, действий).

В то же время представления о неосвоенном (потенциально враждебном, неупорядоченном) пространстве хранят сведения о так называемых плохих местах. Информанты располагают их в разных точках за пределами пространства порядка – иногда это места на дорогах, вблизи рек, озер, в лесных массивах. Относительно этих локусов пространства данные собрать оказалось достаточно просто, однако в рассказах информантов о них нет определенности. Часто наши собеседники уверенно утверждали, что преодолеть (окультурить) такое пространство можно с помощью громких звуков, упорядоченных или неупорядоченных (ругани или же, напротив, молитвы). Иногда порядок восстанавливают с помощью острого металлического предмета (ножа, топора), который необходимо бросить, чтобы разрушить вредоносность такого места. А иногда информанты сообщали, что в таких местах ничего не действует и нужно полагаться только на удачу.

Мы склонны считать, что выявленные элементы представлений о пространстве у исследуемого населения в такой форме сформировались в XIX–XX вв., хотя, возможно, их истоки и генезис можно соотнести с более ранними периодами (XVI–XVII вв.) формирования этнотерриториальных групп сибирских татар. Разумеется, пока нами предложена самая общая схема представлений о пространстве, прежде всего в связи с человеком, за пределами нашего внимания остались другие части традиционного мироустройства – структуры миропорядка, пространство духов, пространство инобытия и т. д. Это будет предметом наших дальнейших изысканий.

Библиографический список

Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. М. : Языки славянской культуры, 2005. 224 с.

Корусенко М. А., Диянова А. М. Традиционное мировоззрение барабинских татар во второй трети XX – начале XXI в.: представления о духах-хозяевах освоенных пространств // Вестн. археологии, антропологии и этнографии (Тюмень). 2011. № 2 (15). URL: <http://www.ipdn.ru/tics/va/pdf/368.pdf> (дата обращения: 18.05.2013).

Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир / Э. Л. Львова, И. В. Октябрьская, А. М. Сагалаев, М. С. Усманова. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1988. 225 с.

**Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН,
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (Россия)
korusen@omsu.ru**

The author bases his research on the ethnographical data gathered from the Tara and the Barabinsk Tatars in 1993–2009. The author analyses the creation of the space by a person as an embodiment of the traditional world outlook. This process acquires meaning through such concepts as “order – chaos”, “manmade – natural” space with the help of the analyses of the ideas of spirits-masters of places, bans and prescriptions for behavior in such places, use of talismans.

The Tara and the Barabinsk Tatars, traditional world outlook, developed and undeveloped land, order, mythological perception, support, chaos, negotiation.

С. Н. Корусенко

**МИФОТВОРЧЕСТВО СИБИРСКИХ ТАТАР:
О ПОЕЗДКЕ АЛИМШИХА К ЦАРЮ**

В статье на основе этнографических полевых и опубликованных источников анализируются исторические предания сибирских татар как отражение коллективной памяти об обращении их предков к центральным властям (на примере рассказов о поездке представителя знатного бухарского рода Шиховых к царю).

Сибирские татары, исторические предания, бухарцы, мифотворчество.

Изучение родословных татар Западной Сибири невозможно без изучения истории возникновения и развития поселений, формирования их населения. Поэтому важным моментом в этногенеалогических исследованиях является изучение исторических преданий, связанных с историей основания и функционирования поселений, а также исторических сюжетов о деятельности конкретных людей – предков современных жителей. В основном это короткие рассказы, большая часть которых мифологизирована. Исторические предания – жанр несказочной фольклорной прозы, рассказ об исторических событиях и лицах, как правило, локального характера. Предания отражают народный взгляд на события и их участников. Предания не имеют четко выраженных жанрово-структурных признаков, но им, как повествованиям исторического порядка, присущи некоторые особенности: ссылки на предков, на старейших людей, от которых дошло то или иное предание, на реалии, которые должны утвердить справедливость рассказываемого, и т. д.

В истории формирования современного сибирско-татарского населения можно выделить три основных этнических компонента: местное тюркоязычное население, которое включало частично тюркизированное угорское население; сибирские бухарцы – выходцы из различных районов Средней Азии, начиная с XVI в., и их потомки; поволжско-приуральские татары – в основном поздние переселенцы конца XIX – первой трети XX в. С каждым из них связаны исторические легенды и предания, в которых повествуется, например, о древних людях, которые жили в этих местах до появления татар, о расселении здесь бухарцев, о взаимоотношениях с русскими казаками в период их первоначального заселения Сибири и т. п. Во многом исторические и этногенетические предания являются достоверными рассказами о прошлом. С другой стороны, в этих преданиях иногда смещены хронологические рамки исторических фактов, события разных эпох происходят в одно и то же время. Пересказ этих событий носит упрощенный характер. Наконец, встречаются искажения фактов и в целом мифологизация тех или иных образов и сюжетов.

Одним из ярких событий, которые отложились в коллективной памяти сибирско-татарского населения, являлась поездка некоего Алимшиха к царю. В ходе анализа нескольких рассказов выяснилось, что речь идет об Алиме Шихове (вариант написания в российских делопроизводственных документах) или Алим-шайхе (вариант написания в шаджара – родословной Шиховых). Шиховы, наравне с Имяминовыми и Айтикиными, – знатный бухарский род, обосновавшийся в Тарском

уезде Тобольской губернии в XVII – начале XVIII в. До настоящего времени в деревнях, основанных и заселенных в XVII–XIX вв. бухарцами в Тарском уезде (современные Большереченский и Тарский районы Омской области), продолжают функционировать в коллективной памяти предания, связанные с появлением представителей этого рода в Сибири и теми событиями, которые являлись знаковыми для сибирских бухарцев. Глубина генеалогической памяти в данном случае определяется тем, что Шиховы длительное время сохраняли письменные родословия шаджэре (араб. *шаджара* – дерево), большая часть которых была уничтожена в первые десятилетия советской власти. Часть представителей этого рода в начале XX в. переехала в Турцию, основав там отдельное поселение, благодаря чему один из письменных вариантов шаджара был сохранен. В настоящее время благодаря усилиям тюрколога А. К. Бустанова (Амстердам) известно о трех вариантах шаджара Шиховых на арабском, персидском и тюркском языках, которые готовятся им к публикации в оригинальном виде с переводом и комментариями: 1) опубликован в начале XX в. в Оренбурге на татарском языке; 2) найден в архиве Риза ад-Дина б. Фахр ад-Дина (хранится в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН); 3) хранится у жителя с. Богруделик вилайата Конья (Турция).

Сам факт появления основателя рода Шиховых Авазбаки – спорный момент. Потомки Шиховых в своих рассказах определяют это концом XVI в. (1572 г. – прибытие Авазбаки с четырьмя сыновьями в Сибирь), в действительности факт прибытия Шиховых в начале XVIII в., вскользь упомянутый в одной из работ Г. Н. Потанина [1868, с. 71], подтверждается архивными источниками, в частности ревизскими сказками [Корусенко, 2013]. По рассказам, Авазбаки приехал в Сибирь со своими сыновьями: Баба-шайхом (1692–1782 – сведения взяты из ревизских сказок), Алим-шайхом (1699 г. р., указан в материалах 4-й ревизии 1782 г., дата смерти неизвестна в связи с отсутствием материалов 5-й ревизии 1795 г., в материалах 6-й ревизии 1811 г. в качестве глав семей указаны 5 его внуков), Файзи-шайхом (1700–1772) и Ашки-шайхом (1704–1791).

По материалам ревизий проведена реконструкция генеалогической схемы Шиховых. В имеющихся у А. К. Бустанова рукописных шаджара представлены линии от двух сыновей Авазбаки – Бабы-шайха и Файзи-шайха. В реконструированной по архивным материалам генеалогической схеме выявлены потомки всех четырех сыновей. Часть потомков Алим-шайха и Файзи-шайха уже в XVIII в. носили вполне закрепленную фамилию Шиховы и имели трехсоставную именную основу, что говорит о значимости именно их потомков. У остальных представителей рода Шиховых фамилия в каждом поколении была образована от имени отца, поэтому потомки Шиховых в результате стали носить разные фамилии, закрепленные уже в XX в.

Имеется три варианта рассказа местных жителей о поездке Алима Шихова к царю. Первый рассказ был собран во время экспедиции 1994 г. в д. Берняжка Большереченского района Омской области у Абдрахима Сагитовича Князева (1913 г. р., сибирский татарин): *«Было это давно. Во времена войны с Кучумом царь выпускал листовки, в которых призывал татар переходить к нему. Тогда группа татар поселилась в Усть-Таре (Тартамак). Через некоторое время русские разбойники стали их притеснять. Тогда татарин по имени Пучкаков Алимших поехал к царю с жалобой. Царь принял его, дал княжеский титул, издал указ о наделении его земель, где пожелает. Алимших приехал и взял себе землю от Нагорной Ивановки до*

Полумбаевки. Кроме того, ему отдали земли до деревни Евгащино. В это время татары из-под Усть-Тары жили бедно, в домах из прутьев и из бревен. Алимших нашел их, и они поселились ближе к современной деревне Берняжка на два километра. А через год Алимших взял себе несколько тысяч гектаров земли в Барабинской степи. Место, куда переселились, было не особенно удачным: случилось наводнение. Татары решили переселиться куда-нибудь повыше. Такое высокое место они нашли выше по реке и стали просить губернатора разрешить им переселиться. Губернатор разрешил, но за новую землю им пришлось платить налог. На новом месте татары основали деревню, которая теперь называется Берняжка. Вероятно, это слово есть не что иное, как искаженная Пирнагуловка (у Алимшиха был товарищ по имени Пирнагул)» [МАЭ ОмГУ. Ф. 1. П. 90–4. К. 133].

Второй вариант собран в с. Уленкуль Большереченского района Омской области во время экспедиции 2000 г. у Шаиха Вакировича Саинтыкова (1917 г. р., сибирский татарин), который эту историю знал со слов стариков: *«Когда-то очень давно пришли в Сибирь четыре брата из Бухары. Звали их Бабаших, Ашкаших, Файсших и Алимших. Раньше в Сибири жили в основном русские, православной веры. Братья были грамотными, образованными и распространяли здесь магометанскую веру. Алимших остался в Уленкуле. Он и основал это селение и Яланкуль. Остальные братья пошли вниз по Иртышу и там проповедовали ислам. Люди здесь были необразованные, слушали рассказы братьев и постепенно меняли православную веру на мусульманскую.*

При царях сибирские татары считались добровольными бухарцами, их брали в армию. Старик Алимших поехал в Петербург, чтобы освободить татар от службы. Пошел Алимших к Петру I. У каждого царя были собаки для охраны. Алимших вошел, собаки испугались, даже самая старая собака Хатныйр прижала хвост. Царь испугался, подумав, что здесь какой-то гипноз. Петр I согласился освободить татар от армии на один год, написал Алимшиху грамоту. Старик читать не умел (по-русски. – С. К.) и попросил об этом русского офицера. Узнав, что бумага дана на один год, он вернулся обратно. Алимших сказал Петру I: “Отруби голову, не уйду отсюда, пока не напишешь, что вечно не брать!” Петр I написал: “Вечно не брать”. Сибирских татар не брали в армию до 1929 г., а казанских татар брали. Один раз только в 1916 г. татары копали окопы в Риге. Со времен четырех братьев все в селениях были Шиховыми. А потом уже стали давать фамилии по именам: как зовут – такая и фамилия (Шакир – Шакировы, Сатык – Сатыковы и т. п.). Люди все перемешались, теперь здесь живут русские, инородцы, а бухарцев мало осталось. Моими предками могли быть узбеки. Старики говорили, что братья оставили здесь бумагу с круглой печатью – “зачара” (шаджара. – С. К.). В ней было написано, откуда татары родом» [МАЭ ОмГУ. Ф. 1. П. 144–6. К. 379–380].

Третий рассказ про поездку Алима Шихова изложен в книге краеведа Х. К. Садыкова, уроженца д. Яланкуль Большереченского района Омской области, потомка сибирских бухарцев, который для подготовки своей книги использовал, помимо рассказов местных жителей из ряда основанных бухарцами поселений в нынешнем Большереченском районе Омской области, опубликованные исследователями факты и архивные материалы. Небольшая выдержка из его описаний: *«Один из четырех сыновей Абаза Бакыя Шихова (Авазбакы-шайха. – С. К.) – легендарный Алим*

шык (Шихов) был человеком внушительного телосложения с длинными руками... Он с молодых лет занимался торговлей и сам вызвался на государеву службу... За хорошую службу царскому правительству в области торговли с 1742 года он был назначен постоянным торгово-экономическим и дипломатическим представителем в Средней Азии. <...> Власти выделили Алиму Шихову в двадцати пяти верстах от деревни Аубаткан... десять тысяч десятин земли... Местными властями постоянно нарушались жалованные царями права бухарцев. Земельные угодья, занятые бухарцами, с позволения местных чиновников захватывались русскими переселенцами. ...Тарских бухарцев стали облагать всяческими налогами, крестьян начали брать в рекруты, то есть на военную службу, использовать в различных извозах. Бухарцы вынуждены были делегировать Алима Шихова с ходайством к царю.

Алим Шихов ради Аубаткана и тарских бухарцев щедро расходовал свои честно заработанные деньги, ездил, рискуя жизнью, в самые опасные места во времена джунгарской войны; успешно проводил самые смелые и выгодные для царской казны операции; настойчиво добивался царской милости во имя справедливости по религиозным вопросам, налогам, земельным угодьям и рекрутству.

Об одной такой поездке Алима Шихова к царю ходили легенды. Видимо, это были времена джунгарской войны и народных волнений. Он с большими трудностями и потерями добрался до столицы. Его неоднократно в пути пытались ограбить. Чтобы спастись от ограбления, Алим Шихов раскидывал золотые монеты по пути, и грабители отставали, собирая разбросанные монеты. Алим Шихов был на приеме у царицы два раза. В первый раз царица дала грамоту на сорок лет, однако Алима это не устраивало, и он решил добиться грамоты на вечные времена. Вторичной аудиенции он ждал очень долго... Есть легенда о том, как Алим Шихов отбивался от охранной собаки при дворе. Когда он настойчиво добивался пропуска на прием к царице, охрана якобы спустила на него огромную собаку. Он успел снять тюбетейку и ударить собаку по голове. Собака закрутилась, завизжала от боли, а Алим Шихов взял за хвост это огромное животное и, размахнувшись, кинул в сторону охраны. Тут охранное начальство, видя, что имеет дело с богатырем недюжинной силы, добивается у царицы приема Алима Шихова.

На приеме царица с улыбкой спросила: “Много ли у вас таких богатырей?” Алим, сам будучи человеком с юмором, ответил: “Я самый последний”. Царица спрашивает:

– Что тебе еще нужно? Я ведь дала тебе жалованную грамоту.

– Ты дала мне грамоту на сорок лет, а это только одно поколение. А что потом будут делать наши потомки? Голова моя, сабля твоя, но я с этой грамотой домой не поеду.

– А на сколько лет ты бы хотел?

– На вечные времена. Мы, в том числе и я, верой и правдой служим твоей короне. Вы неоднократно давали нам, бухарцам, жалованные грамоты, которые постоянно нарушаются местными властями: на наших землях заселяют русских, облагают нас налогами, берут в рекруты, отвлекают в извозы.

Тут царица дает ему “Золотую грамоту” следующего содержания: “Бухарских верноподданных, пока существует Дом Романовых, в рекруты не брать, налогами не облагать, землями не обделять”.

По словам пожилых людей, данная грамота действовала до 1924 года, хранилась в Таре в сейфе бухарского миллионера Айтикина и исчезла после его отъезда из Тары. <...>

До 1924 года “Золотая грамота” действовала и помогала бухарцам Тарского уезда. Татары в аулах, где жили бухарцы, рождались с ними и пользовались жалованными царями правами. Быстро поднималась экономика деревень. Много стало зажиточных крестьян (бухарцев и татар. – С. К.). Земли было достаточно. Крестьян налогами не облагали, в солдаты не брали. Только в Первую мировую войну молодых неженатых некоторых бухарцев мобилизовали в трудовую армию. Во время Первой мировой войны они трудились в Риге и других городах» [Садыков, 2011, с. 161–165].

В другом разделе книги автор коротко упомянул взятые из работ Г. Н. Потанина и П. Головачева сведения о поездке Алима Шихова в 1751 г. в Петербург и обращения его к Елизавете по поводу насильственного крещения татар и бухарцев [Садыков, 2011, с. 161]. В работе Потанина приведен оригинал «Доношения тарского Юртовского бухаретина, Алима Шихова, 1 мая 1760 года», в котором описывается поездка Алима Шихова вместе Вениамином Хансеитовым (Имьямин Хансеитов являлся представителем другого элитного бухарского рода Имьяминовых [Бустанов, Корусенко, 2010]), совершенная ими в 1751 г. в Петербург «для жалобы на насильственное крещение татар бывшим Митрополитом Сильвестром» [Потанин, 1867, с. 59]. Об этой же поездке А. А. Крих были обнаружены документы в РГАДА, но там идет речь о поездке в Москву для подачи челобитья в Сенат о насильственном крещении митрополитом Сильвестром татар и бухарцев [Крих, 2012]. По словам автора статьи, из документов так и осталось неясным, доехал ли Шихов в Петербург. Таким образом, Алим Шихов действительно ездил с челобитьем к центральным органам власти во время правления Елизаветы Петровны.

Что же тогда отражено в рассказах о поездке Шихова к царю? В первом варианте есть указание на поездку Алимшиха Пучкакова к царю без указания времени. В данном варианте переплелись сведения о двух разных событиях. Алимшиху приписана челобитная князю юрт Усть-Тарских или Тартамак (современная д. Берняжка) Иткучука Бучкакова 1701 г. о выселении русских и закреплении за татарами их исконных земель. Любая челобитная этого времени начиналась с обращения к царю, например: *«И в нынешнем 1701 г. августа 25 били челом Великому Государю, царю и великому князю Петру Алексеевичу, всей Великой, и Малой, и Белой России самодержцу, тарские Аялынской волости Усть-Тарских да Бернагуловых Бечиковых юрт ясачные татары – князец Иткучук Бучкаков, Токмачик Чотаев, Богдашка Ералгашев, Курмачичка Иванов, Бекчичка Булунбаев с товарищами, тридцать человек. А в Таре на съезде на дворе переписчику московскому дворянину Ивану Родионовичу Качанову подали за рукой челобитную»* [РГАДА. Ф. 214. Кн. 1182. Л. 366]. Челобитная, а также выданные по результатам подачи ее выписи, закрепившие за татарами земли, являлись значимыми для населения Берняжки, так как опосредованно с этими событиями были связаны и переселения местного населения с одного берега Иртыша на другой – во всех преданиях о данном населенном пункте обязательно указывается факт «перенесения» деревни на другой берег Иртыша. Потомки Иткучука Бучкакова в конце XIX в. стали носить фамилию Князевых (помня свое княжеское происхождение). Подробно взаимоотношения

татар и русских конца XVII – начала XVIII в. (по данным Дозорной книги Тарского уезда 1701 г.) на этой территории освещены в работе М. Л. Бережновой и С. Н. Корусенко [2006].

Во втором рассказе идет речь о поездке Алимшиха к Петру I по поводу освобождения «татар из бухарцев» от службы. Сам сюжет очень интересен, так как рассказчик говорит то о сибирских татарах, то о бухарцах, смешивая тех и других. В действительности речь идет об указе за подписью Петра I 19 марта 1724 г. «с Тобольских и других городов бухарцев рекрут не брать и по данным им грамотам и привилегиям их, бухарцев, в посады не писать и никакими службами не утеснять» [ГИАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 158. Л. 2]. С самого момента освоения сибирской территории правящие круги стремились привлечь выходцев из Средней Азии для поселения их в Сибири с целью поддержания торговых и политических связей с государствами Средней Азии. Поэтому на протяжении конца XVI – XVIII в. им постоянно предоставлялись различные льготы. Местное тюркоязычное население частично участвовало в военной службе, составив категорию служилых татар, остальная часть была отнесена к ясачным и никогда не привлекалась к военной службе. По-видимому, возникшие в начале XVIII в. прецеденты с привлечением бухарцев к военной службе и стали причиной появления данного указа. Алимших никак не мог способствовать этому, так как в этот период он был довольно молодым и вряд ли стал бы доверенным лицом бухарцев. В данном рассказе реальный указ о запрете привлекать бухарцев к военной службе связан с реальной же фигурой Алимшиха и с его другой поездкой. Это связано в целом с мифологизацией образа Алимшиха последующими поколениями в связи с его высоким социальным статусом.

В третьем рассказе отражены частично те льготы, которые имели бухарцы, ограничение которых происходит уже в XIX в. Во-первых, речь идет о земельных владениях бухарцев, которые сформировались на протяжении второй половины XVII – XVIII в. благодаря царским грамотам об освобождении их от уплаты налогов. В начале XVIII в. центральные власти с подачи местных властей начинают постепенно включать сибирских бухарцев в систему налогообложения, первоначально это связано с их земельными владениями. В то же время бухарцы, обладая средствами, продолжали приобретать земельные наделы. Известно, что переселившиеся в Тарское Прииртышье в первое десятилетие XVIII в. Шиховы на протяжении почти всего XVIII в. постоянно приобретали земли и получали грамоты на их использование. Так, в «Ведомости по Тарскому округу о количестве владимой бухарцами земли» (документ не датирован, в сравнении с другими документами можно предположить, что создан в 1830-е гг.) имеются сведения о трех участках Шиховых, закрепленных за ними в разные годы: 1) «отхожий Ибейский остров единственного владения юрт Аубатканских бухарцев» – владели по выписи бывшей Тарской воеводской канцелярии 13 июня 1738 г., выданной на имя ныне владеющих предкам Бабе да Файзе Шиховым на владение в Тарском уезде дачи, называемой Ибейским островом; 2) «юрт Себеляковских части земли единственного владения бухарцев» – по выписи бывшей Тарской воеводской канцелярии 9 декабря 1745 г. предку ныне владеющих бухарцев Алимму да Авазбаки Шиховым; 3) «отхожая земля Тюкалинского округа Карасукской волости» – по данной выписи из бывшей Тарской воеводской канцелярии 21 сентября 1776 г. на имя ныне владеющих бухарцев деда

Алима Шихова на пустопоросшие земли [ГИАОО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 3. Л. 13 об. – 17]. Из документов 1850-х гг. известно и о других земельных владениях Шиховых. Но именно постепенно, начиная с 1830-х гг., местные власти, проводя постоянную инвентаризацию земель с целью выявления свободного фонда для переселенцев из Европейской России, начинают изымать у бухарцев документы на владения землями, что в дальнейшем привело к изъятию и их земель.

Также в этом рассказе представлен сюжет с запретом на рекрутирование бухарцев, о чем шла речь ранее. Пожалуй, больший интерес вызывает сюжет о «Золотой грамоте», которую царица (какая?) вручила Алимшиху. Еще раз отметим, что Алимших обращался к центральным властям во время правления Елизаветы Петровны. Под «Золотой грамотой» все же следует понимать подписанные Екатериной II документы: 1) «высочайший рескрипт к бывшему Сибирскому Генерал-губернатору Чичерину 1769-го августа 20-го: *“всемилоостивейше повелеваем выехавшим и выезжающим в Сибирь для поселения бухарцам и ташкенцам быть по-прежнему на таком основании как об них грамоты нашего Деда Государя Императора Петра Первого гласят”*»; 2) «высочайший же рескрипт 1787 г. декабря 9-го числа к бывшему Сибирскому генерал-губернатору Кашкину: *“Тобольские бухарцы и ташкенцы по данным нам прошением изъявляя пожалованные роду их от предков наших и от нас самих грамоты, на основании коих оставя они свое отечество, основали всегдашнее обитание в Империи нашей, просят о неподчинении их городovým магистратам по торговле и промыслам, об увольнении их от службы и податей мещанских; о позволении им составить из между себя словесные суды для решения дел на их природном языке; и об оставлении их на прежних им пожалованных грамотах. Снисходя на такое их прошение и желая способствовать как умножению сих жителей тамошнего края одноплеменными им выходцами из-за границы, так и распространению торговли их с прилежными к той стороне разными народами, повелеваем оставить их на том самом основании, на каком они были до открытия тамошнего наместничества по новому образу устройства, позволяя им сверх того в Тобольске и других городах, где вы признаете за лучшее и удобнеее, составить из их обществ словесные суды, покуда с умножением числа их могут и пожелают они сами иметь собственную ратушу сообразно правилам в учреждениях наших о управлении губерний изображенным”*» [ГИАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 158. Л. 3 – 3 об]. Фактически Екатерина II закрепила все те привилегии, которые были выданы бухарцам предыдущими правителями, расширив их возможностью создания своих органов управления, так как после подписания рескрипта 1787 г. в сибирских губерниях стали создаваться Бухарские волости.

Период конца XVIII – начала XIX в. ознаменовался дальнейшим включением бухарцев местными властями в систему налогообложения, в частности привлечением их к содержанию постов, построению сельских запасных магазинов и взносу в них хлеба, собиранием средств на содержание дорог и т. д. Местные власти рассматривали в этот период бухарцев уже наравне с другими податными сословиями, которые прочно обосновались как в сельской, так и в городской среде. Все это вызывало активное сопротивление бухарцев, которые в первые годы XIX в. подали прошение генерал-губернатору И. Б. Пестелю, подписанное тобольских, тюменских и тарских бухарцев и ташкенцев поверенными Маметом и Магометом Шиховыми. Эти тобольские Шиховы не связаны с тарскими Шиховыми родственными

связями, однако сам факт отстаивания своих прав и привилегий глубоко отразился в сознании сибирских бухарцев, это привело к тому, что в коллективной памяти тарских бухарцев данный процесс связывается с именем Алимшиха (например, его обращение к царице: «*Вы неоднократно давали нам, бухарцам, жалованные грамоты, которые постоянно нарушаются местными властями: на наших землях заселяют русских, облагают нас налогами, берут в рекруты, отвлекают в извозы*»).

Таким образом реальный Алимших стал ассоциироваться в коллективном сознании современных потомков бухарцев с борцом за права и привилегии данной группы, а его «поездка к царю» растянулась по времени на целое столетие.

Библиографический список

Бережнова М. Л., Корусенко С. Н. Дозор вражды и дружбы, или Взаимоотношения татар и русских в Нижнем Притарье по документам и устным свидетельствам // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. История, филология. 2006. Т. 5. Вып. 3. Археология и этнография (Приложение 1). С. 108–116.

Бустанов А. К., Корусенко С. Н. Родословные сибирских бухарцев: Имяминовы // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 2 (42). С. 97–105.

Корусенко С. Н. Из истории рода Шиховых: генеалогический метод в этноисторических исследованиях // Интеграция археологических и этнографических исследований. Иркутск, 2013. Т. 1. С. 111–115.

Крих А. А. Взаимодействие сибирских татарских религиозных общин с имперскими властями: середина XVIII в. // Региональное управление и проблема эффективности власти в России (XVIII – начало XXI в.). Оренбург, 2012. С. 87–92.

Потанин Г. Н. Материалы для истории Сибири. М., 1867. 234 с.

Потанин Г. Н. О караванной торговле с Джунгарской Бухарией в XVIII столетии // Чтения в обществе истории и древностей российских. М., 1868. Кн. 2. Оттиск. 93 с.

Садыков Х. К. Малая моя родина – золотая колыбель: из истории бухарцев Тарского уезда: в 2 ч. Ч. 1. Воспоминания, размышления о Яланкуле и земляках. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2011. 416 с.

Источники

ГИАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 158; Ф. 183. Оп. 1. Д. 3.

МАЭ ОмГУ. Ф. 1. П. 90–4, 144–6.

РГАДА. Ф. 214. Кн. 1182.

**Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН
tomil65@rambler.ru**

The historical tales of the Siberian Tatars as the reflection of their collective memory of their ancestors' address to the authorities (on the basis of stories about a representative of a noble family, the Shikhovs, appealing to the tsar) are analysed in this article. The research is based on field-trip data and published matter.

Siberian Tatars, historical tales, the Bukhartsy, mythogenesis.

С. В. Коч, А. А. Пригарин

МАТЕРИАЛЬНОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОГО И ПРОБЛЕМА ДВИЖЕНИЯ ТРАДИЦИИ

В статье рассматриваются методологические подходы к анализу материальной культуры как формы проявления этнического. Представлен анализ места материального воплощения этнического при различных способах передачи культурной информации. Акцентируется внимание на том, что принцип движения культурной информации, способы ее организации и кодирования предопределяют характер этнических процессов, объясняют особенности функционирования этнического в сферах материального и вещественного, духовного и поведенческого.

Традиция, новация, культурная информация, материальная культура, вещь.

Анализируя практику бытования вещей в реальных этнокультурных контекстах, мы сталкиваемся с различными инструментальными и методологическими подходами. Каждый из них находит вещам особое место в познании человеческого общества в целом и конкретного этноса в частности. Материальная культура как яркое воплощение и проявление культурной традиции одновременно предполагает существование системы отношений и ценностей в пределах вещественного мира, которые аккумулируют и порождают способы передачи культурной информации в системе диахронных (межпоколенных) и синхронных (социально-политических, однопоколенных) связей. Принцип движения культурной информации, способы ее организации и кодирования предопределяют характер этнических процессов, объясняют особенности функционирования этнического как в сферах материального, так и в сферах психологического, духовного.

Поиск эффективных методов описания и интерпретации материального и его места в характеристике этнической культуры отражает процесс становления научного поля (объекта и предмета) этнологии, особенно относительно современного этапа развития науки.

По функции этнология относится к числу источниковедческих наук, в которых материальный артефакт – «вещь» – выступает основой для изучения человеческих смыслов. Акцентируя внимание на онтологических проблемах, этнографы почти всегда занимались материальным миром человека, изучая в каждом материальном объекте – «вещи» – его духовное – знаковое, смысловое – выражение. Иногда это происходило завуалированно: реконструируя мировоззренчески-ритуальные особенности или социально-нормативные отношения, антрополог описывает материальное воплощение этих институтов, реликтов, феноменов. Здесь «вещь» выступает одновременно и объектом, и источником познания. Согласно П. Белкову, «если мы принимаем тезис о двойственности предмета этнографии (текстов и вещей. – С. К., А. П.), не менее понятным выглядит вывод, согласно с которым этнограф должен интересоваться “вещевой” статус мифа (в целом духовной культуры)» [Белков, 2009, с. 114].

Далеко не все этнологи признают такую дуальность. Радикальное противопоставление такому пониманию – семиотический дискурс. Его сторонники принимают доминанту знаковой природы культуры, которую главным образом и следует изучать. В отличие от семантической особенности, по мнению авторов этого направления, «вещность» лишена этнической специфики, не может быть полезным предметом исследования [Байбурин, 1981, с. 215–226].

Эта артикулированная дихотомия может выступать основным вопросом современной этнологии вместе с проблемой смысла и границ применения этнических категорий. С одной стороны, во множестве публикаций про вещный мир человека предметное поле культуры получило легализацию в качестве специфической темы исследования. Правда, за этими вещами иногда теряется их конкретный создатель/пользователь. Демонстрацией такого подхода является практика создания и функционирования этнографических коллекций в музейном пространстве, в которых корпус избранных, выразительных предметов представляет «всю» культурную традицию. С другой стороны, текстологический анализ избегает/игнорирует вещественный контекст. С этой точки зрения, материальные объекты только косвенно касаются работы этнолога. Они воспринимаются как результаты знаковых событий человеческой культуры, как хранилище семиотических стратегий личности, как физическое воплощение иррационального мировоззрения. Фольклор (текст) – «специфическая “вещь” традиционной культуры, отличающаяся от других “языков” – орнамента, мелоса, знаковой и символической информации, передаваемой вещами – предметами материальной культуры» [Чистов, 1986, с. 8–9].

В обоих случаях накоплено значительное количество продуктивных моделей изучения культуры, но они расходятся в возможности диалога, порождая вопрос об основном предмете научного внимания в этнологии. Возможность сочетания признается как умалчиваемый компромисс.

Работая с повседневностью, ученые с XIX в. обращались к вещам как признакам своеобразия. Таким общечеловеческим явлениям, как колесо, печь, гончарный круг, животноводство, в течение всего XX в. пытались найти «историческую родину». Сейчас такую тенденцию можно обнаружить в стремлении вписать символические универсалии доэтнического уровня в культурные традиции определенных народов (например, разновидности креста).

Внимание к материальному миру в этнографии можно продемонстрировать через отношение к этнографии современности. Она возникает в 1920–1930-е гг. в ответ на вызов почти тотального увлечения разновидностями «метода остатков», когда эволюционисты пытались проследить следы первобытной культуры, доказать непрерывность в движении традиции, особенности и закономерности ее развития и трансформации, консервации и прерывания. Новое направление получило развитие в советской науке 1970–1980-х гг. [Куббель, 1985; Маркарян, 1981; Чистов, 1972]. Этнография современности или социальная антропология рассматривала культуру без разделения на современную и традиционную. Культура всегда традиционна, так как является унаследованной, а не изобретенной и переосмысленной формой действия. Традиция была интерпретирована как форма хранения и трансляции культурной информации во времени и пространстве, как наследуемый актуальный опыт социальной организации. Способность к непрерывному воспроизводству, постоянный процесс преодоления одних видов социально-организованных стереоти-

пов другими продемонстрировали способность традиции к изменчивости и адаптации (движению). Отсюда стало понятным отношение к традиции как к живой и движущейся, а не застывшей и реликтовой.

Исследование современных проявлений традиции всегда так или иначе было объектом внимания ученых. Народоведы эпохи позитивизма занимались описанием того, что они наблюдали. Лишь со временем актуальные практики получили коннотации чего-то наносного, в котором нужно профессионально рассматривать только реликты прошлого, а уже из этого выводить реконструкции предыдущих этапов человеческой истории. Такой подход провоцировал понимание традиции как формы замершей «сельской» культуры с элементами рудиментарных социальных отношений и музейной фрагментарностью. Сторонники такого взгляда предлагали на основании наблюдаемых явлений выявлять смыслы или феномены знаков, которые вышли из активного использования или прошли процедуру вторичного кодирования.

Доминанта «поля» и «эмпирического факта» над исследовательскими схемами, сохранение вещей и текстов, в которых профессионалы более осведомлены, чем их обладатели или носители традиций, доминанта исследовательских предпочтений и задач при выборе параметров сбора этнографического материала и предметов для описания, авторские интерпретации в качестве научного анализа – все это неполная характеристика ситуации в этнологической науке периода XX в. [Прігарін, 2009] .

«Овеществление» советской этнографии и западной антропологии не было тотальным. В пределах структурно-функционального анализа явления культуры постепенно теряли свое реальное воплощение, которое замещалось знаковым и символическим проявлением вещей (К. Леви-Стросс, В. Пропп, Ю. Лотман, А. Байбурин и др.).

Доминирование исследований феноменов материальной культуры в советское время соответствовало внутреннему пониманию задач этнографии. Это отразилось, например, в названии Института материальной культуры, в реализации ряда масштабных научных проектов, среди которых – «Атлас материальной культуры народов СССР» (1960–1970-е). При разработке типологии отдельных комплексов быта было сделано немало успешных штудий изучения синхронной и диахронной вариативности хозяйства, жилья, одежды, систем питания. Ощущение нереализованности аналитического направления (кроме классификационных схем, доведенных до мелочей, материальная культура не давала возможности развернуться интерпретаторам) обусловило появление новых подходов, которые в основном были очерчены еще в 1970-х гг. В то время С. Токарев писал, что «материальная вещь не может интересовать этнографа вне ее социального бытования, вне отношения к человеку – тому, кто ее создал, и тому, кто ею пользуется» [Токарев, 1970, с. 3]. Этот поворот к человеку стал основным на протяжении последних десятилетий. Оформились три концептуальных мостика от технического описания вещи к аналитическим вписываниям вещей к человеческому миру.

Первый из них – системный анализ культуры как совокупности потребностей личности в ее социальном измерении. Здесь определяющим фактором выделения культуры выступают не форма, а функция явления. Материальный мир нашел место среди культуры первоначального производства и культуры жизнеобеспечения

[Маркарян, 1969; Мкртумян, 1978]. «Понятие “материальная культура” охватывает не только материально объективированные явления в области производства и использования, но и связанные с ними формы человеческой деятельности, ориентации и опыт... Собственно целью этнографического исследования выступает изучение жизненного уклада» [Арутюнов и др., 1989, с. 6].

Такой подход стал популярен среди современных ученых. По словам С. Арутюнова и С. Рыжаковой, «проблемы материальной культуры... продолжают сохранять важное значение в культурно-антропологических исследованиях. Но в результате нивелирования действия в пределах... интенсивной тотальной урбанизации быта, интернационализации моделей потребления удельный вес исследований в этой области снижается» [Арутюнов и др., 2004, с. 92]. Однако, по мнению украинского исследователя Г. Щербия, применение системного анализа «является перспективным при исследовании реалий современной культуры, которые в основном считаются утратившими функцию этнических маркеров, а следовательно, выбыли из поля зрения этнологической науки» [Щербій, 2005, с. 138].

Второй подход сформировался в 1970–1990-х гг., с расцветом структуралистического дискурса и семиотики. На языке его адептов, «вещь становится фактом культуры лишь в том случае, если соответствует практическим и символическим требованиям» [Байбурин, 1989, с. 78]. С опорой на методологию, заданную в работах К. Леви-Стросса и М. Елиаде, материальная культура рассматривалась как органическая часть человеческой коммуникации, которую можно называть «зоной пониженной семиотичности» (метафора А. К. Байбурина). Этот подход в его крайнем выражении приводит к парадоксу – отказу от «объективных» свойств материального мира и акцентированию ритуального значения. Традиционная культура понимается как замкнутая, изолированная от внешнего влияния система. Из всего набора значений часто выбираются исключительно архаические сюжеты, а современные вариативные нормы традиции и вторичные коды исключаются из научного анализа. Крайнее выражение этой позиции лишает традицию жизненной силы, так как инновация является условием нормального хода культурного развития и обеспечивает традиции дальнейшую адаптацию и развитие.

В этом направлении получает развитие аксиома тождества культуры и этничности, оформляется представление о существовании этнографического золотого времени – этапа традиционной культуры с эталонными формами и стереотипами. Концептуальным выражением подхода стало понимание этнической выразительности как структуры контекстуальной специфичности явления культуры [Арутюнов, 1989, с. 160]. Уязвимость этого подхода в том, что он апеллирует к сознанию/восприятию носителей традиции и ученых, а не к самой реальности. Он не учитывает факта того, что стереотипы являются постоянным отражением структуры существующих социальных отношений, иерархии различных этнических групп, что степень знаковости стереотипов может меняться во времени. Это способствовало переносу гносеологического приема в онтологическую действительность – ситуативное восприятие своеобразия в определенных обстоятельствах привело к идеализации бытия.

Третья позиция возникла из-за кризиса семиотики. Поиск новых подходов привел к возвращению эмпирического как исходного в научных срезях (постмодерн в смысле феноменологического метода). Приобретает распространение кол-

лекционирование. Нехватка реальных артефактов приводит к их созданию. С точки зрения движения традиции можно наблюдать процесс изменения временных параметров развития культурной традиции (замедление и архаизация или ускорение, приводящее к растягиванию – разрыву непрерывной связи в потоке культурной информации). Естественная потребность в сохранении соответствия исходного объема и целостности передаваемой культурной информации приводит к необходимости замещения утраченных или размытых элементов культурного кода новыми, более поздними информационными пакетами. Такое воссозданное, подмененное информационное поле традиции может восприниматься, по мнению Л. Куббея [1985], как аутентичная основа традиции. В итоге традиция и современность оказываются практически тождественными. Традиция лишается исторической глубины. Формируются вторичные культурные формы. Такого рода «коррекция» может носить как естественный (желание сохранить традицию в неизменном виде – возвращение к истокам (религии, бытовым приоритетам и т. д.)), так и целевой характер (формирование национальной традиции – отбор востребованных элементов в сфере культуры и социальных отношениях, их пропаганда и внедрение в жизнь общества). В обоих случаях происходит насильственное расширение сферы действия традиции.

Вот почему современные этнологи не столько изучают фактические проявления материального измерения современности, сколько постоянно возвращаются к обществу и собственно к вещам, давно исчезнувшим из настоящего обращения. Вместо того, чтобы изучать «культуры одноразовых бутылок», наша корпорация выстраивает из аналогичных комплексов устойчивые символы национальной, социальной или иной направленности. Ярким показателем этого является категория «традиционная культура», которая заменяет собой весь материальный мир человека или сообщества, которое изучаем [Українська етнологія, 2007, с. 94–201]. Опираясь на артефакты, можно не только изучать современность, но и конструировать ее по старинным образцам или в заданном направлении.

Эмпирическое и вещественное как проявление традиционного (многопоколенного или пережитого) на современном этапе развития культуры утрачивает монополию на визуализацию культурного пространства. В глобальном, материально-маргинализированном мире этническое все больше проявляется в поведенческом, мотивационном, оценочном и психологическом аспектах. Маркировка этнической границы чаще происходит без овеществления культурных кодов, посредством бытования поведенческих норм и стереотипов, а также в пространстве вербализированной культуры. Происходит процесс «овеществления знака».

В актуальном опыте анализа места «вещи» в понимании этнического определяется несколько подходов. Дескриптивный, эмпирический подход направлен на детальное накопление представлений о вещественных элементах культуры, предоставляет преимущества «остаткам» предыдущих эпох в современных практиках. Системный подход предлагает сосредотачиваться на функциях и потребностях человека, которые удовлетворяются, в том числе, с помощью мира вещей. Семиотический подход почти полностью игнорирует формальную сторону материальной культуры, за ней остается право выступать в качестве поля, на котором реализуются мировоззренческие стратегии человека. Соотношение этих подходов в актуальной историографии отражает одновременное использование различных методологических парадигм в рамках этнологии.

Библиографический список

- Арутюнов С. А.* Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М. : Наука, 1989. 247 с.
- Арутюнов С. А., Бенцин У., Вайнхольд Р.* Введение // Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 3. Материальная культура. М. : Наука, 1989.
- Арутюнов С. А., Рыжакова С. И.* Культурная антропология. М. : Весь мир, 2004. 216 с.
- Байбурин А. К.* Семиотический статус верей и мифология // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XXXVII. Материальная культура и мифология. Л., 1981. С. 215–226.
- Байбурин А. К.* Семиотические аспекты функционирования верей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л. : Наука, 1989. С. 63–88.
- Белков П. Л.* Этнос и мифология. Элементарные структуры этнографии. СПб. : Наука, 2009. 281 с.
- Куббель Л. Е.* Культурная традиция и информационные сети культуры: функционирование и трансформация // Советская этнография. 1985. № 6. С. 17–28.
- Маркарян Э. С.* Очерки теории культуры. Ереван : Изд-во АН Армянской ССР. 1969. 228 с.
- Маркарян Э. С.* Узловые проблемы теории культурной традиции // Советская этнография. 1981. № 2. С. 78–96;
- Мкртумян Ю. И.* Основные компоненты культуры этноса // Методологические проблемы исследования этнической культуры : материалы симп. Ереван, 1978. С. 42–47.
- Токарев С. А.* К методике этнографического изучения материальной культуры // Советская этнография. 1970. № 4. С. 3–17.
- Чистов К. В.* Народные традиции и фольклор. Очерки теории. Л. : Наука, 1986. 304 с.
- Чистов К. В.* Традиционные и «вторичные» формы культуры // Расы и народы. М., 1972. № 5. С. 124–133.
- Prigarin O. A.* Факт(ор) в етнологічному дослідженні: про варіативність стратегій в антропологічній корпорації // Ейдос: Альманах теорії та історії історичної науки / відп. ред. І. І. Колесник. К., 2009. Вип. 4. С. 270–294.
- Українська етнологія* : навч. посібник / за ред. В. К. Борисенко. К. : Либідь, 2007. С. 94–201.
- Щербій Г.* Культура життєзабезпечення в умовах глобалізації // Українська культура в контексті світових глобалізаційних процесів / Інститут мистецтвознавства, фольклору та етнології ім. М. Т. Рильського НАН України ; відп. ред. Г. А. Скрипник. К., 2005.

Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова (Украина)
svkoch@mail.ru;
prigarin_alexand@mail.ru

The methodological approaches to the analysis of material culture as a form of appearance of ethnic are considered in the article. The analysis of the place of material objectification of ethnic with the different ways of transfer of the cultural information is represented. The attention is focused on the principal that the movement of cultural information, the ways of its organization and codification predetermine the nature of ethnic processes, explain the features of functioning of ethnic in the fields of material and objective, spiritual and behavioral.

Tradition, novation, cultural information, material culture, thing.

Н. А. Левочкина

НАРОДНЫЙ ТАНЕЦ КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В статье рассматривается народный танец как источник по изучению пластической памяти человека, отраженных в нем исторических, культурных и этнических напластований, а также как источник по созданию народных танцев в профессиональных и самодеятельных коллективах.

Народный танец, пластический менталитет человека, историко-культурный и этнографический источник.

Органическая связь фольклора, в том числе и хореографического, как специфической области художественного творчества с традиционным бытом, со всем комплексом производственных, социально-бытовых и семейных отношений является, по мнению ряда ученых, бесспорным, научно доказанным фактом. Именно поэтому автор определяет традиционную хореографию (танцевальный фольклор) как ритмико-пластическую структурную единицу (систему), функционирующую или ранее функционировавшую и передаваемую из поколения в поколение через пластическую память какого-либо этноса, его локальной или иной первичной контактной группы и отражающую его мифологические, мировоззренческие и иные представления об окружающем и внутреннем мире.

В произведениях народного творчества, в том числе в танцах и играх, находят отражение прежде всего практические нужды человека, особенности его трудовой деятельности. Поэтому изучение различных форм искусства, в частности анализ народной хореографии, невозможно без учета особенностей материальной и духовной жизни, уровня развития производства, общественного сознания людей, характеристики историко-этнографических особенностей.

Танец, особенно народный, всегда сопровождал и сопровождает в настоящее время человека в его жизнедеятельности. Именно это делает его источником для изучения различными исследователями, а при использовании дополнительных письменных, исторических и иных источников расширяет как их спектр, так и значение полученных научно-практических результатов подобных исследований. Условно в изучении народной хореографии можно выделить три основных периода: 1-й период – до XIX в. (накопление знаний о народном танце, фиксация телодвижений); 2-й период – XX в. (обработка и классификация полученных источников); 3-й период – конец XX – начало XXI в. (систематизация, обобщение знаний о народной хореографии). Каждый период, безусловно, имеет свои особенности, как национально-этнические, так и государственно-территориальные, субъективные исследовательские особенности. Однако интерес к народному танцу как историко-культурному, этническому, социально-профессиональному источнику все возрастает, что наглядно видно на российском примере. Так, если до начала XX в. изучением народного танца или отдельных его аспектов занималось небольшое число исследователей, таких как И. И. Георги, П. С. Паллас, В. В. Радлов, И. Фальк

и др., то уже с 1950-х гг. их количество начало возрастать. Среди них надо отметить таких исследователей, как Д. Т. Абиров, А. И. Гуменюк, М. Я. Жорницкая, Г. В. Иноземцева, А. Исмаилов, С. Ф. Карабанова, Э. А. Королева, С. С. Лисициан, Е. М. Марголис, Л. Г. Степанова, Х. Ю. Суна, Ж. К. Хачатрян и др. [Левочкина, 2002, с. 14–15, 157–176].

Начиная с 1990-х гг. народный танец стал предметом изучения в ряде работ по этнохореологии, а именно в работах В. Н. Байтуганова, А. Г. Бурнаева, Н. А. Левочкиной, Л. Я. Николаевой, О. В. Ромаха, В. З. Савинова, А. С. Фомина и др. Так, в работах А. С. Фомина выявлены три этнохореологических слоя. Первый слой народного танца, отражающий мотивы, эволюцию народной пляски, ее древние элементы, выявляется на основе анализа композиции фигур и моделей построения отношений в танце между участниками. Второй слой, отражающий музыкальную характеристику народного танца, его особенности, выявляется на основе анализа его сюжета, действий солистов, комбинаций количества участников пластических телодвижений. Третий, творческий слой, по мнению А. С. Фомина, отражает современные напластования в народном танце, зависящие от самих субъектов и их количества в нем. Причем каждый из перечисленных признаков, в том числе по видам используемых невербальных знаков и языку танца, позволяет автору еще и классифицировать изучаемые народные танцы. В. З. Савин на основе анализа мотивов танца, его хореографической формы, выразительных средств, а также использования косвенных источников (поэтических, этнографических, исторических) выстраивает теоретическую модель шорского танца периода XVIII–XIX вв. и его классификацию [Левочкина, 2002, с. 155]. Современный исследователь народных танцев Германии И. Петер считает, что танец как «живой элемент» культуры постоянно меняется и его нельзя изучать вне среды бытования. Именно поэтому сегодня следует изучать народный танец как источник системно, с учетом множества факторов (от влияния социокультурной среды до уровня профессиональных компетенций как исследователя, так и носителя пластической памяти этноса) и сохранить танцевальное наследие отдельных народов, этносов и локальных групп в быстро меняющихся современных условиях для будущих поколений.

Библиографический список

Левочкина Н. А. Традиционная народная хореография сибирских татар Барабинской степи и Омского Пииртышья (конец XIX – XX в.). Новосибирск : Наука, 2002. Т. 8. 178 с.

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (Россия)
lna1970@yandex.ru

The folk dance as a source in the plastic of human memory and reflection in its historical, cultural and ethnic layers, and as a source for the creation of folk dances in professional and amateur collectives is considered in the article.

Folk dance, plastic mentality of the person, historical, cultural and ethnographical source.

Д. А. Мягков

ТВОРЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРАКТИКИ ТОБОЛЬСКИХ ТАТАР НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ*

В статье рассматриваются новационные элементы хозяйственной деятельности тобольских татар в конце XX – начале XXI в. Показана их связь с общими кризисными явлениями в современной российской экономике.

Тобольские татары, экономика, новации.

На протяжении последних десятилетий советской власти на юге Западной Сибири функционировала более или менее стабильная хозяйственная система, обеспечивавшая воспроизводство этнической общности тобольских татар. Экономической основой жизнедеятельности татарского населения являлась работа на государственных предприятиях сельского хозяйства и лесной промышленности в сочетании с ведением подсобного хозяйства; при этом вспомогательную роль играли лесные промыслы и рыболовство.

Крушение государства, провозглашавшего социалистический способ производства, кардинально нарушило устоявшийся образ жизни татарских сельских обществ. Введение новых конституционных основ экономической деятельности, включающих свободу экономической деятельности и равную защиту разных форм собственности, привело вначале к трансформации государственных предприятий советского периода в производственные кооперативы и хозяйственные общества, которые, как показала практика, в большинстве своем оказались нежизнеспособными. В результате советская система жизнеобеспечения тобольских татар оказалась разрушенной, а рыночная – неспособной реализовать свои функции, т. е. удовлетворять материальные потребности населения. В условиях, когда стандартные формы хозяйства исчезли или стали неэффективными, локальные сообщества сибирских татар были поставлены в ситуацию творческого поиска новых, альтернативных форм и методов организации хозяйства, сущность которых логически не вытекала из предшествующего состояния в силу общего господства иных экономических принципов.

Специфика обозначенной ситуации поиска и выбора дальнейшей стратегии хозяйственной деятельности состояла в индивидуальном характере способа ее решения, поскольку самостоятельный выбор в каждой отдельной ситуации осуществляли конкретные домохозяйства. В значительной степени это было обусловлено неспособностью государства предложить универсальное, понятное и эффективное решение проблемы.

В сложившихся кризисных условиях перед индивидами и семьями тобольских татар стоял выбор между несколькими возможными вариантами дальнейшей экономической деятельности. С одной стороны, очевидной перспективой было возрож-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Модернизационные процессы в системе жизнеобеспечения тобольских татар в 1990–2000-е гг.», проект № 12–31–01273.

© Мягков Д. А., 2013

дение традиционных форм хозяйства, предшествовавших советской системе, с адаптацией их элементов к новым условиям рыночной экономики. С другой стороны, было возможно развитие новых форм хозяйства, не имевших прецедентов в историческом прошлом изучаемой этнической группы. Наконец, не был исключен вариант, при котором субъект выбора не находит приемлемого для себя решения при данных условиях и в результате изменяет сами обстоятельства – покидает традиционное место расселения тобольских татар. Обращение к эмпирическому материалу позволяет сделать вывод о том, что в 1990–2000-е гг. все три возможности получили практическое воплощение.

В 1990-е гг. среди тобольских татар получают распространение *новые виды хозяйственной деятельности*, нехарактерные для их традиционной культуры. Так, кризисные экономические явления придали импульс развитию свиноводства, которое традиционно отвергалось татарским населением в силу религиозной приверженности к исламу. Высокая продуктивность свиноводства позволяла удовлетворять внутренние потребности в мясе семей, приступивших к разведению свиней, а также позволяла отчуждать часть продукции на продажу (см. рисунок).

Хозяйственная постройка для содержания свиней.
Село Митькинское Вагайского района Тюменской области, 2011

Характерно, что разведение свиней начало практиковаться тобольскими татарами еще в советский период, причем зарождение этой отрасли происходило в конфликтных обстоятельствах. Вот как описывает первый соответствующий опыт хозяин, одним из первых начавший разведение свиней в с. Митькинское Вагайского района Тюменской области: *«Ну, как вам сказать. Вообще-то татары свиней не держат, но я держал. Как приехал в свою деревню [в 1962 г.], стал держать. Из ограды [их тогда] не выпускали, боялись выпускать, потому что свиней татары [не любят] – они пакостят и картошку роют везде. А потом местные видят, что мы всегда мясом обеспечены, и потом один, другой, третий, – вся деревня стала держать. Сначала меня ругали, старухи плевались. Но потом многие поняли, что мясом круглый год будешь обеспечен»* [Мягков, 2012, с. 46].

В 1990-е гг. и особенно в 2000-е гг. в населенных пунктах, примыкающих к крупным массивам строевого леса (Лаймы, Индери, Юрмы Вагайского района), получило широкое распространение строительство срубов, которым занималось практически все мужское население. Эта стихийная практика стала продолжением плановой деятельности леспромхозов, функционировавших в советский период.

После ликвидации государственных предприятий строительство перешло в частные руки местных жителей, которые занимались им вне рамок правового регулирования. Рынок сбыта охватывает крупнейшие города юга Тюменской области, прежде всего Тюмень и Тобольск.

В 1990-е гг. получил определенное распространение и сохраняется до сих пор такой специфический вид экономической деятельности, как сбор и сдача лома черных металлов. Как правило, сбор осуществлялся на прилегающим к населенным пунктам территориях: первоначально – на заброшенных с советского времени предприятиях, в настоящее время – на свалках. Сбыт металлолома обычно осуществлялся в районных центрах.

Постперестроечный период характеризуется возвращением тобольских татар к традиционным видам хозяйственной деятельности, ориентированным на присвоение местных природных ресурсов. В ряду этих занятий по своему экономическому значению выделяются сбор ягод и белых грибов, кедровый промысел, рыболовство, в меньшей степени охота. Однако, если в досоветский период названные отрасли хозяйства носили преимущественно натуральный характер, удовлетворяя внутренние потребности домохозяйств, в настоящее время они имеют ярко выраженную рыночную направленность, являясь едва ли не основным источником финансовых средств населения. Удобные рынки сбыта (близость татарских населенных пунктов к городским центрам и транспортным коммуникациям, связывающим север и юг Тюменской области), большая ликвидность продуктов промыслов, богатейшие запасы соответствующих природных ресурсов вблизи татарских поселений и свобода их сбора стали факторами, которые обусловили чрезвычайную привлекательность лесных промыслов для населения. В результате произошло стремительное увеличение как числа хозяйств, занятых промыслами, так и объемов продукции, получаемых в отдельно взятых хозяйствах. Ключевую роль в развитии этих процессов сыграла доступность природных ресурсов, которая значительно возросла благодаря усовершенствованию технологической базы промысловой деятельности.

Были изобретены *новые средства хозяйственной деятельности*, т. е. такие предметы, которые, в отличие от орудий, не участвуют непосредственно в экономической деятельности, а создают оптимальные условия для ее осуществления. В частности, огромную роль в развитии присваивающих отраслей хозяйства сыграло внедрение в промысловую практику самодельных самоходных машин «болотоходов», решивших проблему транспортной доступности промысловых территорий.

В советское время, в силу труднодоступности болотистой местности, проникновение в ягодники и кедровые острова (*утрау*) и транспортировка из них готовой продукции в теплое время года осуществлялись в подавляющем большинстве случаев пешком. По этой причине господствующей хозяйственной стратегией было накопление и хранение ягод и орехов в специально устроенных на болотах лабазах (*клед* или *тосхак*) вплоть до наступления заморозков, после чего их одновременно вывозили в деревню по зимнику. Таким образом, в советский период сбор дикоросов в одних случаях был сопряжен со значительными затратами времени и физических сил на их транспортировку, которые, помимо всего прочего, входили в противоречие с занятостью людей на работе в совхозах и леспромхозах. В других случаях эффект промысловой деятельности в виде доходов от продажи собранной продукции существенно (на несколько месяцев) отстоял по времени от непосредственных

хозяйственных действий по сбору плодов. Как в первом, так и во втором случае указанные обстоятельства были факторами, сдерживавшими развитие промысловой деятельности и тем самым не позволявшими с определенного момента удовлетворить возросшие потребности людей в альтернативных источниках существования.

Переориентация присваивающих отраслей на рынок означала резкое увеличение объемов соответствующей продукции, которое могло быть достигнуто, в том числе, за счет повышения производительности труда. Последнее реализовывалось благодаря применению *новых орудий и методов труда*. Так, в сфере ягодного промысла получили широкое распространение самодельные приспособления для сбора клюквы – «комбайны», представляющие собой консервные контейнеры, насаженные на деревянные рукояти. Применение «комбайнов» существенно ускоряет процесс сбора плодов клюквы, но в то же время причиняет механический вред побеговой системе растения, что, с учетом массового характера использования, негативно сказывается на общем состоянии клюквенных ресурсов.

В сфере кедрового промысла вследствие возросшей конкуренции за сбор шишек на месяц раньше обычной нормы переместилось начало промыслового сезона (с конца августа на конец июля). Поскольку к этому времени плоды кедрового шишки не успевают созреть, снизилась эффективность традиционного метода сброса шишек при помощи шестов (*шиштэм*). В последние десятилетия это привело к распространению среди татарского населения хищнических приемов промысла, сопряженных с разрушением или уничтожением деревьев и причиняющих таким образом существенный вред состоянию кедровых ресурсов. Часто «ломовщики», чтобы добыть шишки, специально ломают ветки деревьев. Известны случаи, когда в стволы деревьев врезаются тяжелой техникой или спиливают деревья.

В ряду форм адаптации тобольско-иртышских татар к социально-экономическим трансформациям переходного периода следует выделить также *освоение новых – искусственных промысловых пространств*. Этот процесс носит локальный характер и фиксируется, в частности, в нескольких татарских населенных пунктах, расположенных вдоль р. Агитки (к востоку от с. Вагай). Процесс связан с миграцией из сельской местности в городскую, в результате которой в 1990–2000-е гг. прекратили существование многие русские поселения этой местности. В частности, был заброшен дачный поселок Заречное, в котором сохранились насаждения многолетних культурных растений – малины, смородины, крыжовника, вишни. Этим воспользовались жители близлежащих татарских населенных пунктов (Казанское, Митькинское, Сулейменская), которые в массовом порядке стали вновь использовать заброшенные дачи для сбора ягод.

В целом, характеризуя описанные выше новации в хозяйственном комплексе тобольских татар, следует признать их формами адаптации населения к принципиально изменившимся внешним социально-экономическим условиям жизни. Эти новации представляют собой не что иное, как ответы индивидов и коллективов на объективные вызовы – новые угрозы для нормальной жизнедеятельности, связанные с прекращением известных и стабильных источников существования. Поиски решений возникшей проблемы по существу являлись актами творческой деятельности в экономической сфере – деятельности, направленной на создание качественно новых материальных ценностей в форме средств труда или экономического поведения для удовлетворения первичных потребностей людей. При этом оценка результатов этого творческого процесса не может быть однозначной. В короткой

перспективе найденные решения показали свою эффективность, однако некоторые из них причиняют значительный ущерб природной среде. В более отдаленной перспективе, как нам представляется, это обстоятельство способно подорвать сложившуюся на сегодняшний день у тобольских татар систему жизнеобеспечения.

Библиографический список

Мягков Д. А. Хозяйственный комплекс и экологическая культура тобольских татар во второй половине XX – начале XXI в. : отчет о проведенных экспедиционных работах в 2011 г. // Архив Музея народов Сибири Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН. Ф. VII–2. Д. Т–4. Омск, 2012. 127 с.

**Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН
tomich-84@mail.ru**

The innovations in economic activity of Tobol Tatars for the end of XX – beginning of XXI centuries are considered in the article. Their connection with general crisis phenomena in contemporary Russian economy is shown.

Tobol Tatars, economy, innovations.

О. М. Рындина

МАГИЯ ТВОРЧЕСТВА В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ОБСКИХ УГРОВ

В статье на основе главным образом современных публикаций, посвященных обрядовому фольклору обских угров, определяется мировоззренческая роль художественного творчества. Рассматриваются такие его виды, как песня, танец и орнамент. Раскрывается механизм превращения их исполнителей в посредников между миром духов и миром людей и наделяния вследствие этого магическими свойствами. Реконструируется трактовка творчества традиционным сознанием как приобщения к миру невидимого и сакрального.

Творчество, видимый и невидимый миры, магия песни, танца, орнамента.

Слитность, нерасчлененность мифологического мышления определяли синтез искусства и религиозных верований на ранних ступенях развития человека и в традиционных культурах, хранящих реплики указанного типа познания мира. При этом единой основой для обеих форм общественного сознания служило представление о трансцендентной, т. е. не воспринимаемой чувственно, реальности, которая наделялась статусом объективности и существование которой мыслилось не зависящим от сознания человека. На языке философии традиционного сознания две сферы бытия именовались миром видимым и невидимым/заглазным, и обе представлялись в равной степени реально существующими и, более того, образующими единый цикл бытия, в котором вращаются и природа, и человек. Из невидимого мира человек

приходил в момент рождения и возвращался в него в момент смерти. Так, в традиционном миропонимании манси процесс рождения обозначается фразой «глазастым стал», а смерть трактуется как переход в иной, невидимый мир [Попова, 2003, с. 86, 58]. Ханты о только что родившемся ребенке говорят как о «попавшем на глаза том», а об умершем – как о «за глаза ушедшем» [Талигина, 2005, с. 84, 111]. Таким образом, заглазный мир служит местом обитания душ умерших людей до их реинкарнации в новорожденных. Кроме того, здесь обитают и «заглазные люди», под которыми понимаются сверхъестественные существа [Земля ... , 2003, с. 75, 112], т. е. духи. В силу этого попавшие в заглазный мир люди потенциально наделяются большой магической способностью, поскольку магия есть обращение за помощью к сверхъестественным существам в целях обеспечения удачи в конкретных жизненных делах.

Видимый и невидимый миры параллельны, но строго разграничены, автономны, но возможны проникновения из одного в другой через систему переходов. К ней принадлежали, например, употребление мухомора и «дымопитие» табака, что вызывало галлюцинации, отождествляемые с пребыванием в ином, заглазном мире [Рындина и др., 2008, с. 143–145], сон и сновидения, трактуемые как контакт души сновидца с «заглазными людьми» [Молданова, 2001, с. 51, 99]. Мощным и надежным каналом связи с потусторонним миром являлось творчество. Демиург, доводя человека до определенной черты, передавал ему свою творящую функцию и тем самым уподоблял себе. Творящий человек создавал не только жизненно необходимые вещи, но и духовный слой культуры [Топоров, 1995, с. 9–10] и при этом воспринимался как создатель, наделенный особенными качествами, уподобившийся божеству и тесно связанный с его миром.

Среди разнообразных видов художественного творчества, проявляющих себя в обско-угорской обрядовой сфере, выделяется устная поэтическая традиция, обретенная песенной формой выражения – священные песни, песни-сказки, богатырские сказки – и отмеченная высоким сакральным статусом, который определен мифологическими сюжетами об акте творения мира и происхождении богов [Земля ... , 2003, с. 4]. Священные песни исполнялись в особой манере, только в контексте ритуала и с разрешения соответствующего божества [Земля ... , 2003, с. 12].

У хантов и манси не было профессиональных сказителей и певцов, их функции выполняли обычно мужчины, отличающиеся прекрасной памятью, музыкальными и вокальными способностями.

Песни знающие многие мужчины

Заходили, заходили.

Песни знающих многих мужчин

Приводили, приводили...

Песни поющие многие мужчины

Вставали, вставали.

Водными рыбами многие мужчины переодевались.

Богом проведенные семь дней,

Богом проведенные шесть дней

Проживали, проживали

[Земля ... , 2004, с. 103, 147].

Исполнение священных песен, согласно венгерской фольклористке Е. Шмидт, проходило в особом психическом состоянии: варьирование монотонного мотива, частые повторы не только строк, но и крупных фрагментов приводили певца к состоянию, близкому к экстазу. Создавалось впечатление, что певец превращался в персонаж, от имени которого пел. Продолжительное пение отключало исполнителя и публику от реальности, очнувшись, они ощущали себя и весь мир словно рожденными заново [Лукина, 1990, с. 38]. Творчество порождало магию начала. Для достижения описанного эффекта раньше сказители перед началом исполнения, длившегося иногда целую ночь, как и шаманы перед камланием, съедали мухоморы, числом, кратным 7 [Патканов, 1891, с. 5].

Пространственно-временные координаты священной песни, песни-сказки совпадали с местом локализации и хронологией бытования мира богов-творцов. «Песенное время, сказочное время», «время сказочного человека, время песенного человека» предшествовало появлению человека на земле, а его герои в человеческую эпоху превратились в божеств [Земля ... , 2001, с. 40, 109; 2003, с. 9, 109]. Сопричастность невидимому миру через священную песню, песню-сказку отчасти наделяла и самих исполнителей, подобно шаманам, особыми качествами, магическими способностями влиять на здоровье и успех человека, а фольклорная традиция сближала их с духами [Земля ... , 2004, с. 79].

Священные песни принадлежат к важнейшим составляющим главного обрядового действия обских угров – медвежьего праздника. От лица прибывших богов исполнители обращаются к присутствующим с наказаниями и благопожеланиями, обязуясь заслонять от болезней, даровать долгую жизнь, лесных зверей, водных рыб, охранять оленей. Сама песня, таким образом, превращается в продуцирующую магию, обеспечивающую воспроизводство народа. Подчеркну одно немаловажное обстоятельство: при исполнении песен духов-охранителей родов и территорий певец и персонаж слиты в одном лице, а при исполнении песен духов-богов самого высокого ранга разъединены. Песню поет «молящийся человек», а само божество танцем представляет другой исполнитель [Молданов, 1999, с. 33].

Медвежий праздник реализуется в спорадическом и периодическом вариантах, и оба определяются через танец: «звериный (медвежий) танец» и «богов (духов) танцы» [Молданов, 1999, с. 9]. Более того, в заключительной части песен, поющих от имени богов, которые содержат благопожелания, тоже речь идет о танце как гаранте обещанного. Так, Казымская богиня поэтично завершает свое напутствие следующими словами:

*Изобилие рыб приносящий танец,
Изобилие дичи приносящий танец,
Удачу на оленей приносящий танец,
Дочерей долгой жизни танец,
Сыновей долгой жизни танец
Я оставляю Вам!*

[Молданов, Молданова, 2000, с. 25–26].

С небольшими вариациями, обусловленными специфическими функциями определенного божества, приведенная заключительная часть повторяется и в других священных песнях.

Танец божеств обеспечивал защиту от болезней, войны и прочих напастей (охранительная магия), удачу на охоте, в рыбной ловле и оленеводстве (промысловая магия). Выполнял танец и функцию катартической магии: им очищали помещение перед священной частью праздника, и поэтому он назывался «разметающим танцем» [Молданов, 1999, с. 32]. Через танец демиурга Торума воссоздавали сотворение земли, создание людей и происхождение человеческого рода [Молданов, 1999, с. 53–54], реализуя магию начала и ведя отсчет бытия, жизни и времени заново. Магию танца как все созидающей и разрушающей силы символизировал танец *Ас тый ики* (Мир сусне хума). Проходя 7 кругов, он танцевал в белом халате, один рукав которого был пустым. Размахивающие движения совершала лишь правая рука, а левая бездействовала. Считается, что если бы божество задействовало в танце обе руки, то разнесло бы вселенную [Молданов, 1999, с. 41]. Параллели с индуистским повелителем танца Шивой-Натараждей просто поразительны.

Можно вполне обоснованно вести речь еще об одной чрезвычайно развитой у обских угров составляющей системы переходов между мирами – орнаменте. Не останавливаясь на детальных исследовательских реконструкциях смыслового поля отдельных серий мотивов, обратимся к узорам как специфическому способу отображения и моделирования реальности. Понятие узора («ханши») родственно в языке глаголу «писать» [Скамейко, Сязи, 1992, с. 92], а точнее изображать, фиксировать. Фольклорные сюжеты раскрывают орнамент как письмо высших духов, т. е. сакральное, связанное с заглазным миром. Главное женское божество Калтац, подательница жизни, отмеряла и фиксировала отпущенный ею же срок жизни для каждого человека, а также регламентировала сферу жертвоприношений духам:

*С листьями на краях священная бумага,
Мальчиков долгой жизни бумага,
Девочек долгой жизни бумага.
Столошадной жертвы узоры
Острыми орлиными перьями
Кто же выводит, птенчики?
Мать, это восседает мать*
[Молданов, Молданова, 2000, с. 40].

Божество смерти и болезни, в свою очередь, тоже сидит за золотым письменным столом и «пишет нескончаемые узоры на многих листах бумаги», «нескончаемые с золотыми концами многие бумаги орлиными перьями пишет» [Земля ... , 2001, с. 67, 74], очевидно ведя учет душам, определенным к нему в назначенный срок богиней Калтац.

Оба приведенных отрывка воспроизводят сравнительно поздние варианты фольклорной обработки сюжета. Более архаичный описывает письмо/узоры богини Средней Сосьвы женщины *миш* как орнаментальную мозаику, в которой приоритетны изображения зверей, в том числе и соболя, и частей их тела, и раскрывает их великую созидательную силу, соотносимую с актом творения мира:

*Я, женщина, непрерывно соболиные сотни стежков,
Торумом [сотворенные] многочисленные славные дни
[шила].*

*В то время как шила,
Этот светлый божественный день
Был сотворен*
[Молданов, 1999, с. 108].

Женщина, исполняющая узоры в видимом мире, становилась преемницей функций заглазных людей в плане фиксации и трансляции информации. На нее частично переходил и высокий статус сакрализованных исполнителей: посредством изготавливаемых узоров мастерица могла оказывать воздействие на жизнь людей, но одновременно это налагало на нее и высокую ответственность, предъявляло к ней высокие требования. В фольклоре распространены сюжеты, в которых женщина с помощью орнамента дает знать своим дальним родственникам о грозящей опасности, связанной с нарушением ею запретов применительно к узорам [Сязи, 2000, с. 109].

Процесс орнаментации изделий строго регламентировался, что указывает на его ритуальный характер. Во-первых, мастерица должна была точно исполнять канонизированный вариант узора. Во-вторых, строго следовать временным предписаниям, например, во время траура не разрешалось вырезать орнамент [Шешкин, Шабалина, 2001, с. 6]. В-третьих, число изделий с узором-изображением медведя, предназначенных для медвежьего праздника, не должно быть менее 7 [Сязи, 2000, с. 111]. В-четвертых, она должна была наносить узоры специальным ножом, «ножом, которым вырезают узоры» [Земля ... , 2001, с. 49].

Общность орнамента и танца как сакральных и магических начал проявляется в сходной номинации их элементов: «веткой» называют простейшее движение и простейшую составляющую орнамента, а сложные танцы и узоры определяют эпитетом «со многими ветвями узор/танец». При этом считалось, чем сложнее танец/узор, тем надежнее он заслонит человека от бед и гарантирует здоровье и благополучие [Молданова, 1999, с. 62–63]. Тесная магическая связь песни, танца и орнамента в традиционном мировоззрении, очевидно, обусловлена их единой основой – ритмом. Ритм пронизывает все формы бытия, ему подвластно и биение сердца, и движение планет, и существование вне его невозможно. Равномерность повторения, размерность служат мощнейшим средством структурирования, упорядочения мира, преобразования хаоса в космос, и тот, кто владеет ритмом, способен создавать и разрушать миры, определять миропорядок.

Итак, согласно традиционному мировоззрению обских угров, первоначальными исполнителями рассмотренных видов творчества выступали наиболее почитаемые духи, обитающие в невидимом, заглазном мире. Песня, танец и орнамент прежде всего благодаря заложенному в них ритму воспринимались средствами моделирования вселенной и жизни природы и человека, через них духи определяли нормы взаимоотношений с людьми и наделяли их удачей и благополучием в различных областях мира видимого. Люди, представляя в обрядах духов, получали через те же виды искусства доступ в заглазный мир к сверхъестественным силам и вследствие этого наделялись магическими способностями влиять на обилие добычи, удачу, здоровье. Следовательно, творчество мыслилось в традиционной культуре обских угров как приобщение к миру невидимого, скрытого, тайного, священного, а творцы из мира людей – певцы, танцоры, исполнители орнамента – как посредники между мирами, способные воздействовать на ход событий.

Библиографический список

- Земля Кошачьего Локотка*. Вып. 2 / Тимофей Молданов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. 245 с.
- Земля Кошачьего Локотка*. Вып. 3 / Тимофей Молданов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. 230 с.
- Земля Кошачьего Локотка*. Вып. 4 / Тимофей Молданов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004. 202 с.
- Лукина Н. В. Предисловие // Мифы, предания, сказки хантов и манси. М. : Главная редакция восточной литературы, 1990. С. 5–59.
- Молданов Тимофей. Картина мира в песнопениях медвежьих игрищ северных хантов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1999. 141 с.
- Молданов Тимофей, Молданова Татьяна. Боги земли казымской. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. 114 с.
- Молданова Т. А. Орнамент хантов Казымского Приобья: семантика, мифология, генезис. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1999. 261 с.
- Молданова Т. А. Архетипы в мире сновидений хантов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. 354 с.
- Патканов С. Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. СПб., 1891. 74 с.
- Попова С. А. Обряды перехода в традиционной культуре манси. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. 180 с.
- Рындина О. М., Боброва А. И., Ожередов Ю. И. Ханты Салымского края: культура в археолого-этнографической ретроспективе. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. 412 с.
- Скамейко Р. Р., Сязи З. И. Словарь хантыйско-русский и русско-хантыйский (шурьш. диал.). СПб. : отд-ние изд-ва «Просвещение», 1992. 271 с.
- Сязи А. М. Орнамент и вещь в культуре хантов Нижнего Приобья. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. 248 с.
- Талигина Н. М. Обряды жизненного цикла у сынских хантов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. 176 с.
- Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического: избранное. М. : Издат. группа «Прогресс-Культура», 1995. 624 с.
- Шешкин П. Е., Шабалина И. Д. Мансийские орнаменты. СПб. : филиал изд-ва «Просвещение», 2001. 128 с.

**Национальный исследовательский
Томский государственный университет (Россия)
rynom_97@mail.tomsknet.ru**

In the article, basing mainly on modern related publications, devoted to the ritual folklore of the Ob Ugrians, the role of craft is determined in terms of world outlook. The author accounts such varieties as a song, dance and ornament. The mechanism of a performer's transformation into a mediator between the world of spirits and the world of men is revealed and the acquisition of magical abilities of the latter. The rendering of the creative work by the traditional consciousness is reconstructed as inclusion into the world of unseen and sacred.

Creative work, perceptible and unseen worlds, magic of a song, dance, ornament.

А. Г. Селезнев*, И. А. Селезнева**

САКРАЛЬНЫЙ ЦЕНТР КАК ТВОРЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС: ОКУНЕВСКИЙ ФЕНОМЕН*

В статье обсуждаются результаты полевых исследований сакрального центра в районе деревни Окунево Муромцевского района Омской области. Реализуются методологические принципы нового подхода – иеротопии, подчеркивающего творческий аспект сакрального пространства. Рассмотрены история формирования Окунево как священного комплекса; планиграфия и организации сакрального пространства; идеология религиозных общин, ритуальная деятельность, священные артефакты.

Современность, сакральный центр, Окунево, иеротопия, ритуалы, артефакты.

Поздне- и постсоветская эпоха характеризуется распространенным, но не вполне осмысленным социокультурным явлением – бурным ростом новых сакральных пространств и ритуальных практик: Аркаим на южном Урале, Церковь Последнего Завета и Город Солнца в Красноярском крае, скифские погребения Укока, окуневские изваяния в Хакасии, Долина царей в Тыве, дольмены на Кавказе и многие другие. Развитие этих центров проходит на фоне характерных тенденций развития мировоззрения современной России. Деконструкция привычных культурных идентичностей, бурный всплеск иррациональных и мистических настроений, стремление части современной российской элиты к эскапизму, бегству от реальностей сегодняшней жизни («номадизм» в терминах постструктуралистской философии Жиля Делёза) – вот составляющие этого процесса. Внешние его проявления разнообразны – неоязычество и неошаманизм, увлечение восточным оккультизмом, иррациональные практики, причудливые сакральные пространства [Ахметова, 2010; Клейн, 2012; Михайлов, 2013; Ондар, 2009; Шнирельман, 2011; 2013].

Как ни странно, феномен новых сакральных пространств недостаточно привлекает внимание серьезных исследователей. Имеющиеся оценки полярны и сводятся, с одной стороны, к взглядам тех, кто безоговорочно верит в особую священную силу и благодать этих мест, жаждет мистического приобщения к чуду; с другой – к мнению тех, кто походя, поверхностно, безапелляционно, не вникая в детали и не приводя серьезных контраргументов обличает происходящее как духовное мракобесие, торжество иррациональных сил, культ мистицизма и т. д. Настоятельно необходим безусловный отказ от этих крайностей и серьезное, взвешенное антропологическое и культурологическое исследование сложного социокультурного и психологического феномена.

Настоящая работа посвящена сакральному центру, возникшему в последние 20 лет внутри и вокруг д. Окунево Муромцевского района Омской. По оценке, дан-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «“Жить в эпоху перемен”: динамика идентичностей населения юга Западной Сибири (1940–2000-е годы)», проект № 12–31–01043.

© Селезнев А. Г., Селезнева И. А., 2013

ной нам в интервью главой администрации Бергамакского сельского поселения Сергеем Эдуардовичем Соловьевым, за сезон количество туристов, посещающих Окунево, составляет около 40 тыс. человек – население среднего города. Численность коренного населения Окунево составляет при этом всего 750–770 человек. Люди приезжают из самых разных регионов России и из многих стран мира. Посещение этих мест становится своего рода модой, обязательным ритуалом для медийных персон и представителей так называемой творческой «элиты» современной России.

В результате выполненного в 2012 г. полевого этнографического исследования была получена информация относительно генезиса и функционирования сакрального комплекса в районе д. Окунево.

Рождение феномена

Начало окуневского феномена связано с прибытием сюда из Индии в 1992 г. гражданки США латвийского происхождения Расмы Розитис, получившей духовное имя Раджани. Приехала она из Индии, где провела несколько лет в ашраме, в котором проповедовал Шри Бабаджи, являвшийся воплощением бога Шивы на Земле. По благословлению своего духовного учителя Мунираджа, который, в свою очередь, был преемником Бабаджи, Раджани отправилась на север (по некоторым данным, именно в Сибирь) искать храм Ханумана. В конце концов Расма оказалась в Окунево, основала общину последователей Бабаджи – бабаджистов и храм – *ашрам*, к слову сказать, единственный в России.

Нынешний лидер религиозной организации Омкар «Шива Дхам» церкви Хайдакан ди Самадж (общины шиваитов, бабаджистов), носящая духовное имя Дурга, рассказала нам в интервью от 22 июля 2012 г.:

«Это место никто не знал, единственное, что ее (Расму – Раджани. – А. С., И. С.) привлекло, – это что работали археологи, профессор Матющенко с нашего университета (Владимир Иванович Матющенко (1928–2005) – выдающийся российский археолог, профессор Омского государственного университета. – А. С., И. С.). Много здесь было найдено захоронений, исторических ценностей...

Привлек внимание Омск, почему Омск? Почему “Ом” – первый звук во Вселенной – и вдруг город так называется? И вот шаг за шагом она шла сюда. И Окунево. Про Окунево тогда вообще ничего не было известно, и вот ее познакомили с Матющенко. Он ей раскрыл много глубин и исторических фактов (ср. с традиционным образом божественного демиурга, открывающего людям тайны мира. – А. С., И. С.). И вот когда она приехала, она пошла на Омкар, взяла мантры, взяла принадлежности для огненной церемонии, поставила там палатку и стала медитировать, читать мантры, стала проводить там хаван (индуистский ритуал огненного жертвоприношения. – А. С., И. С.). И на четвертую ночь у нее было видение, она прямо на физическом плане и свет видела, и звуки слышала. Это было знамение, подтверждение, что это место – то, что она искала».

Таким образом, становление феномена в значительной степени стимулировалось своеобразным мифологическим осмыслением местного богатого археологического наследия. Новые сакральные пространства вообще часто базируются на местах археологических памятников. Самый известный в России пример, конечно, Аркаим [Шнирельман, 2011].

Впоследствии в Окунево сформировались и другие общины. В настоящее время официально зарегистрированы три религиозно-культурных организации: 1) Омкар «Шива Дхам» церкви Хайдакан ди Самадж; 2) община кришнаитов и 3) «Культурное наследие и творчество» (ведические православные, «славяне»). Если у первых двух организаций довольно много общего в вопросах вероучения, имеющего индуистские корни, то последняя отличается тем, что проповедует идею возрождения праславянских традиций.

Планиграфия и организация сакрального пространства

Сакральное пространство Окунево разделяется на несколько зон. Первая зона – территория самой деревни, прежде всего Центральная улица, которая также поделена на локальные участки. На одном из них расположен ашрам последователей Бабаджи и кришнаитский храм, а также несколько домов с изображениями и артефактами с явно индуистской символикой: флажками, изображением Ганеши, соответствующими надписями. Другой участок занят постройками «славян» – жилые дома и усадьбы, магазин сувениров «Ладное Подворье», кафе.

Главная сакральная зона – Омкар, Пуп Земли, Энергетический центр – территория так называемого Татарского Увала – высокого мыса на террасе Тары в полутора километрах к северо-западу от деревни. Здесь на возвышенном живописном месте возник целый комплекс сакральных артефактов разных религиозных направлений: православная часовня Михаила Архангела, православный крест, славянский знак коловорота, индуистский жертвенник «дхуни». На этом месте проводятся индуистские праздники. На окрестных деревьях повязаны ленточки.

Третья сакральная зона – Яр – место расположения туристского лагеря на дороге между Омкаром и деревней. Здесь проводят свои фестивали представители славянской культуры. Наконец, четвертая зона – Тюп – пространство, образованное излучиной Тары (местные эзотерики утверждают, что эта излучина образует знак «омега», и придают этому факту особое значение).

Идеология религиозных общин, обрядовая деятельность, священные артефакты

Как было отмечено, основная обрядовая деятельность сосредоточена в пределах трех культурно-религиозных общин. Ашрам бабаджистов представляет собой большую по площади территорию, на которой расположены дом для отдыха; дом, где совершаются обрядовые действия, с храмовым пространством на втором этаже, на мансарде и помещениями для совместных трапез на первом этаже; хозяйственные постройки, летняя веранда, индуистский алтарь-жертвенник «дхуни», огород, где выращиваются овощи и ягоды для собственного употребления. Информаторы особо подчеркивают сакральный статус некоторых артефактов, расположенных во дворе ашрама и в доме. Это пористые камни, которыми обложены дорожки во дворе, облицована площадка вокруг дхуни, один из которых даже находится непосредственно внутри храмового помещения. Как нам рассказывали, камней здесь нет и не было во всей округе. Но когда Расма ехала из Бергамака (соседнее село), то увидела, что камни выходят прямо из-под земли, они непонятно какого происхождения, могут передвигаться и расти (ср. представления о передвигающихся и растущих камнях в традиционной культуре [Виноградов, Громов, 2006]).

Кроме того, особый сакральный статус имеет так называемый столб Шивы. Столб установили сначала на Омкаре, но его вырывали, ломали, уносили и прятали и тогда его перенесли внутрь ашрама. У подножия столба установлена индуистская скульптура, привезенная из Индии. Кроме того, в разных местах развешаны колокольчики, издающие мелодичное звучание. В храмовом помещении вдоль длинной стены установлен алтарь с портретным изображением Бабаджи, скульптурами божеств индуистского пантеона «мурси»: Шивы и его божественной жены, Ганеши и др. Интересно, что наряду с индуистскими изображениями на алтаре присутствуют изображения Христа и каллиграфически исполненные суры Корана.

Идеология общины выражается формулой, представляющей квинтэссенцию учения Бабаджи: «Истина, простота, любовь». Однако за этой внешне простой формулой стоит весьма строгая регламентация жизни. Ежедневная жизнь общины бабаджистов происходит строго по расписанию, включающему совместные трапезы и общение на тему служения Богу; *карма-йогу*, т. е. ежедневную по несколько часов физическую работу по ашраму; и обрядовые молитвы-песнопения «*арти*». Особое внимание уделяется работе – карма-йоге. Нам цитировали слова Бабаджи: работа есть поклонение, служение человечеству – это и есть служение и поклонение Богу.

Арти происходит в храмовой части по два раза в день, каждый раз по 1,5–2 часа. Обряд представляет собой совместное воспевание индуистских мантр. Песнопения – *бхаджаны* и *киртаны* – происходят очень эмоционально, по нарастающей – от спокойного до очень ритмического темпа. Песнопения сопровождаются громкими ритмическими ударами барабанов с нарастающим темпом, а также звуками колокольчиков (таракалы) и переносной клавишной гармонии. Наиболее повторяемой фразой является «*Ом Намах Шивайя*» (с ударением на последнем слоге). Зачастую участники впадают в глубокое экстатическое состояние. Каждый входящий в храмовое помещение падает ниц перед изображением Бабаджи, такой же поклон совершают, удаляясь из помещения. Интересно, что у участников имеются книжечки с текстами мантр, написанных кириллическими буквами. Во дворе ашрама установлен жертвенник дхуни, где по особым дням совершается малая огненная церемония – *хаван*. Суть церемонии – соединение мужского и женского начала, олицетворенных в женском символе *йони* и мужском – *шива-лингам*.

Обитель кришнаитов располагается позади ашрама и включает в себя летний шатер, небольшую конусообразную постройку для обрядовых действий, хозяйственные постройки, огород. Ежедневная жизнь общины также упорядочена и включает в себя медитации, совместные трапезы и обсуждения теологических вопросов, *хатха* и *карма йогу*, вечерние песнопения. Фактически здесь на разный мотив и под музыкальные инструменты повторяется знаменитая мантра «Харе Кришна». Члены общины одеты в белые и желтые одеяния-покрывала. На ладонь одной руки одеты специальные мешочки, внутри которых люди пальцами перебирают четки, повторяя про себя или вслух мантру. Мантра произносится очень быстро, иногда стремительной скороговоркой. Кришнаиты особое внимание уделяют практикам йоги, которые проводятся ежедневно. Интересно, что эти практики осуществляются на берегу Тары, при этом местная природа становится как бы частью ритуала, и с ними связаны ритуальные омовения в реке. Информаторы отмечали, что воды Тары способствуют активному очищению организма. Ограничена сексуальная жизнь. Секс разрешен только для продолжения рода, но не чаще одного раза в месяц.

Индуистские праздники отмечаются по лунному календарю. Участникам экспедиции удалось присутствовать и зафиксировать на фото- и видеоносители шиваистский праздник Наваратри, который начался в 2012 г. 18 августа и продолжался 9 дней. Праздник собрал большое число людей, по нашим оценкам, свыше 170 человек. Торжество было чрезвычайно насыщено обрядовыми действиями. Началось все с красочного шествия от ашрама к Омкару (Татарскому Увалу). Участники двигались колонной с портретом Бабаджи и хоругвями, распевая и выкрикивая мантры. Когда прибыли на Омкар, в дхуни уже пылал огонь.

Началась большая огненная церемония – *ягья*. В специальном выступе на краю дхуни, выполненном в женской символике, – *йони* был вставлен мужской символ – *Шива-лингам*. Люди разместились вокруг дхуни и начали повторять ритуальные тексты, сопровождаемые общими возгласами «*Джей*» и бросанием в огонь зерен. Затем начался обряд прохождения участников перед изображением Бабаджи и очищения огнем из священных чаш. Далее под ритмичный бой барабанов, звуки раковин и колокольчиков начались песнопения, все действия имели характер экстаза. Многие танцевали, совершая плавные круговые и поступательные движения. Если учесть, что все это происходило на фоне православной часовни и славянского коловорота, все участники были одеты в экзотические индийские одеяния, действие перемежалось выступлениями кришнаитов и представителей экстремального неформального движения *файеров*, то все это предоставляло собой чрезвычайно впечатляющее зрелище.

Завершался день совместной трапезой «*бандара*», в которой всем присутствующим, в том числе и участникам экспедиции, преподносили угощения: имбирный сок, салат из свежих овощей, фасолевую похлебку и кашу. Вечером того же дня уже в деревне бабаджисты совершили длинную аарти, а кришнаиты устроили совместную трапезу «*просад*» и песнопения.

Приверженцы славянских традиций также проводят свои праздники. О размахе этих торжеств свидетельствует хотя бы тот факт, что на фестивале «Солнцестояния» 22–23 июня 2012 г. одновременно присутствовало около 7 тыс. человек, т. е. численность населения деревни увеличилась в 10 раз!

Было зафиксировано проведение праздника Перуна 21–22 июля 2012 г. Действие начиналось на Яру, на высоком берегу р. Тары. Праздник начинается с наступлением сумерек. Женщины и мужчины (многие из которых одеты в одежды, отражающие представления о славянской языческой культуре, – белые просторные женские и мужские рубахи, широкие штаны у мужчин, аксессуары представлены налобными лентами, нагрудными украшениями со свастико-«коловоротной» символикой, браслетами из бисера и т. п.) выстраиваются в ряд, друг напротив друга, образуя «ручеек». «Ручеек», сопровождаемый музыкой и пением, спускается вниз, в пойму реки, на поляну, где установлено устройство для добывания огня трением. Все собравшиеся (около 500 человек) встают в несколько кругов: первый круг – те, кто был одет в ритуальную одежду; второй круг – женщины, третий круг – мужчины. Под звуки барабанов и пение мужчины начинают добывать огонь при помощи трения. От добытого огня поджигают факелы и двигаются в хороводе по направлению к месту, где заранее сооружен ритуальный костер. После произнесения здравий языческим славянским богам начинается движение хороводов: «женский» идет по часовой стрелке, а «мужской» – в обратную сторону. Затем вновь происходит

восхваление богов, людям раздается крупа, которая приносится в жертву огню, олицетворяющему Перуна. Далее организаторы праздника угощают всех присутствующих хлебом и квасом. После религиозных ритуалов начинается время развлечений. Люди прыгают через костер, ходят по углям, совершают омовение в Таре.

Вообще ритуальная жизнь весьма насыщена. Из других церемоний отметим обряд сжигания в дхуни на Омкаре листков бумаги с записанными желаниями с целью их исполнения. Кроме того, для исполнения желания надо обнять сосну, растущую рядом с Омкаром. На Тюпе также есть Древо желания, в расщелину которого нужно вложить листок с пожеланием, и оно непременно сбудется. Посещение Тюпа – особая серия обрядовых действий. Здесь развиты медитации, практики йоги. Практика медитации состоит в отрешенном движении по кругу, образованному растущими здесь деревьями. Для сосредоточения можно также прислониться к дереву.

Местные жители в целом доброжелательно относятся к членам вышеназванных общин. Всеми отмечается отсутствие таких явлений, как пьянство, драки и т. п., весьма распространенных в соседних деревнях. Людям импонирует доброжелательная, интеллигентная манера общения, здесь принято здороваться и улыбаться. Интересно, что наблюдается лексический перенос распространенных в местной культуре терминов на новые экзотические реалии. Так, одна пожилая жительница деревни говорила нам, что у находящихся по соседству с ее домом общин бабаджистов и кришнаитов есть свои попы. Когда зашла речь о детях, рожденных в семьях в религиозных общинах, она отметила, что эти дети на редкость здоровы и жизнерадостны. При этом муж, как она выразилась, сам «бабничает». Это редкое слово означает «принимать роды», «находиться в роли бабки-повитухи».

* * *

Относительно недавно известный российский историк искусств А. Лидов предложил новое понятие – *иеротопия*, обозначающее создание сакральных пространств, рассмотренное как особый вид творчества, а также специальную область исторических исследований, в которой выявляются и анализируются конкретные примеры такого творчества [Лидов, 2007; 2009]. Феномен Окунева укладывается в концепцию иеротопии, подчеркивающую творческий аспект деятельности по преобразованию профанного пространства в сакральное. Отличительной чертой и особым объектом этнографического и антропологического изучения Окунево делает то обстоятельство, что этот комплекс сформировался в настоящую эпоху постиндустриального общества и постмодерна, в обстановке бурного роста мистических и иррациональных настроений.

Библиографический список

- Ахметова М. В.* Конец света в одной отдельно взятой стране: религиозные сообщества постсоветской России и их эсхатологический миф. М. : ОГИ ; РГГУ, 2010. 336 с.
- Виноградов В. В., Громов Д. В.* Представления о камнях-валунах в традиционной русской культуре // Этнографическое обозрение. 2006. № 6. С. 125–143.
- Клейн Л.* Рациональный взгляд на успехи мистики // В защиту науки. 2012. № 10. С. 57–68.

Лидов А. Иеротопия. Создание сакральных пространств как вид творчества и предмет исторического исследования. 2007. 31 мая // Полит.ру : [сайт]. URL: <http://polit.ru/article/2007/05/31/hier> (дата обращения: 21.04.2013).

Лидов А. Иеротопия. Пространственные иконы и образы-парадигмы в византийской культуре. М. : Феория, 2009. 352 с.

Михайлов Д. А. Алтайский национализм и археология // Этнографическое обозрение. 2013. № 1. С. 37 – 51.

Ондар Т. А. Социально-психологический анализ терминов «шаманство», «шаманизм» и «неошаманизм» // Вестн. Тывин. гос. ун-та. Социальные и гуманитарные науки. 2009. № 1. С. 95–101.

Шнирельман В. А. Аркаим: археология, эзотерический туризм и национальная идея // Антропологический форум. 2011. № 14. С. 133–167.

Шнирельман В. А. Национализм и археология // Этнографическое обозрение. 2013. № 1. С. 9–25.

* Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН
seleznev@myttk.ru;

** Сибирский филиал Российского института культурологии (Омск)
ir_selez@mail.ru

The results of the field research the sacred center of Okunevo village (Omsk oblast, Muromtsevo district) are discussed in the article. The methodological principles new anthropological and culturological approach – “hierotopia”, accentuated creative aspect of sacred space are realized. A history of formation of Okunevo as sacred complex; a planigraphy and organization of sacred space; an ideology of religious communities, ceremonial activity and sacred artifacts are considered.

Modernity, sacred centre, Okunevo, hierotopia, rituals, artifacts.

М. С. Сергеева

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕЗНАЯ КОСТЬ В ЮЖНОЙ РУСИ: К ВОПРОСУ О ПУТЯХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ТВОРЧЕСКИХ ИДЕЙ

В работе ставится вопрос о путях распространения творческих идей в художественной обработке кости на территории Южной Руси в X–XIII вв. Рассматривается роль странствующих мастеров в развитии местного косторезного ремесла и влияние их деятельности на формирование местной продукции. Выявлены изделия, представляющие два возможных пути заимствования художественных идей в декоре резной кости: распространение на широкой территории работ одного мастера и использование разными мастерами одного и того же прототипа или похожих образцов.

Древняя Русь, художественное ремесло, странствующие мастера, резная кость, зооморфный декор.

Начало формирования профессионального косторезного ремесла и особенно освоение такого его специфического направления, как художественная обработка костных материалов, на территории Южной Руси относится ко времени не ранее X в. При этом обращает на себя внимание тот факт, что в этот период в течение очень короткого времени появляется достаточно разнообразный ассортимент косторезной продукции, в то время как на памятниках VIII–IX вв. она в основном представлена примитивными орудиями труда, изготовленными в рамках домашнего ремесла (проколки и лоцила из осколков костей и т. п.). Изделия, более сложные в изготовлении, обнаружены на отдельных славянских памятниках указанного времени в единичных экземплярах, а продукция художественного ремесла практически отсутствует. Развитое косторезное ремесло позднееримского времени (Черняховская культура) не имело продолжения в раннеславянских культурах, что исключает его из числа источников формирования древнерусского ремесла. Можно с полным основанием утверждать, что специализированная обработка кости в Киевской Руси не имела глубоких местных корней и возникла как совершенно новое явление в процессе развития древнерусского художественного ремесла, прежде всего городского.

В этой связи встает вопрос о роли инокультурных влияний на данный процесс. Особое внимание следует обратить на соседние регионы, где формирование косторезного ремесла как отдельной специализированной отрасли в силу разных обстоятельств началось раньше. Прежде всего, следует учесть интенсивные культурные контакты между Русью и северной Европой, имевшие место в IX–X вв., которые оказали существенное влияние и на рассматриваемую отрасль ремесленного производства. Разумеется, нет оснований полностью выводить древнерусское косторезное ремесло с Севера и связывать его исключительно с варягами, однако североевропейский стиль явно прослеживается в декоративном оформлении многих образцов резной кости указанного периода. Целый ряд изделий, связанных с северной традицией, входит в основной набор южнорусской косторезной продукции X – начала XI в. Сюда относятся некоторые типы односторонних наборных гребенок, в том числе характер их орнаментации, остроконечники с завершениями в виде зооморфных голов, некоторые художественные изделия с зооморфными изображениями. В их числе следует упомянуть резную рукоять из погребения в районе Десятинной церкви [Івакін, Іоаннісян, 2008, рис. 14, 1], накладки на луку седла с зооморфным декором из Шестовицы [Черненко, 2007, рис. 45, 3, 4], похожую накладку из киевского погребения [Беляшевский, 1903, с. 361] и др. В целом можно констатировать, что основная часть зооморфных изображений рассматриваемого периода напрямую связана с североевропейской художественной традицией.

С другой стороны, в это же время появляются элементы материальной культуры кочевых народов (в частности, использование деталей из кости и рога в конструкции предметов вооружения), а также в отдельных случаях декоративное оформление изделий, предположительно восходящее к искусству кочевых народов и, далее, к восточной традиции. Однако такие изделия крайне немногочисленны. Что касается византийского мира, то влияние с его стороны на развитие художественной резной кости в Южной Руси в указанный период практически не прослеживается.

Большую роль в развитии местного косторезного ремесла могли играть приезжие мастера, которые принесли с собой как художественные традиции, так и мно-

гие технические приемы обработки кости и рога. Тема странствующих ремесленников неоднократно поднималась в литературе (К. Амброзиани, З. Курнатовска, А. Кристоферсен, Л. И. Смирнова, В. Е. Флерова и др.). Учитывая историческую ситуацию, можно допускать, что некоторые ремесленники, особенно выходцы с североευропейского ареала, мигрировали и поселялись в городах Южной Руси, где и проходила их дальнейшая деятельность, которая играла особо важную роль на этапе становления местного ремесла, особенно в начальный период (IX–X вв.). С влиянием извне можно связывать появление в разных ареалах Европы похожих по форме и орнаментации изделий, прежде всего наборных односторонних гребенок общеевропейских типов. С североευропейскими традициями связано формирование местной школы южнорусского художественного ремесла, о чем свидетельствует распространение изделий, ориентированных на североευропейскую стилистику. Логично допускать, что основателями этой школы были приезжие мастера.

В XI–XII вв. с развитием местного ремесла роль внешних контактов уменьшается, однако не исчезает. Среди изделий из кости и рога этого периода присутствуют вещи, в том числе художественные, выпадающие из местной косторезной традиции. Некоторые из них относятся к явному импорту, однако такие находки немногочисленны. В ряде случаев подобные изделия, несмотря на «импортный» облик, имеют местное происхождение. В их числе – неоднократно публиковавшиеся предметы в виде ножен (амулеты?), найденные в Воинской Гребле [Довженок, Гончаров, Юра, 1966, табл. XXIV, 3; Сергеева, 2012, с. 143, рис. 21], в целом характерные для древностей севера Восточной Европы. На местное происхождение упомянутых изделий из Воинской Гребли указывает то, что одно из них не закончено. В связи с вопросом о внешних импульсах развития южнорусского косторезного ремесла особо следует отметить находку на одной из усадеб Киева остатков моржовых черепов и изделий из моржового бивня, а также изделий неместного облика из костных материалов [Сагайдак, Хамайко, Вергун, 2008; 2009, с. 266]. Указанные находки наглядно свидетельствуют в пользу продолжения деятельности приезжих мастеров в период расцвета местного ремесла в XII в.

В указанный период одним из важнейших вопросов, связанных с изучением древнерусского косторезного ремесла, становится выявление путей распространения творческих идей, используемых мастерами-косторезами. В этом плане наименее информативным является геометрический орнамент. Совпадение орнаментальных мотивов в широких территориально-хронологических рамках может быть вызвано не только культурными контактами (и, соответственно, общеевропейской традицией или модой), но и ограниченным количеством возможных вариантов создания таких орнаментов, а также общими закономерностями орнаментации определенного вида поверхностей (например, орнамент дисковидных изделий, бордюров и пр.).

В случае явно заимствованных вещей, особенно вооружения, генетически восходящего к степным прототипам (например, орнамент функциональных и, часто, декоративных деталей колчанов), характерный орнамент сохраняется и является элементом уже сложившейся традиции. Таковы колчаные петли, орнаментированные насечками, иногда циркульным орнаментом. Другой пример – колчаные накладки XIII–XIV вв., имеющие своим прототипом аналогичные ордынские экземпляры. Однако в этом случае сохраняется только общий стиль декора, а в самом орнаменте проявляется индивидуальное начало мастера, что вообще характерно для древнерусских (и не только древнерусских) декоративных накладок любого назначения.

Наибольший интерес в связи с поставленным вопросом вызывают образцы художественных изделий из кости и рога, происходящие с разных территорий, но при этом имеющие идентичный или похожий зооморфный декор. Именно они позволяют поставить вопрос об источниках для одинаковых изображений.

Такой декор мог быть результатом или работы одного странствующего мастера, или использования разными мастерами одного и того же образца или похожих образцов, выполненных в едином стиле. В последнем случае можно говорить о существовании общей изобразительной традиции, бытовавшей на широкой территории, которой придерживались разные мастера.

Особое значение имеют биоморфные изображения на нескольких группах изделий из кости, наглядно демонстрирующие оба названных пути распространения творческих идей. Обратимся к наиболее характерным из них:

1) идентичные изображения птиц в контурной технике на фрагменте кости из Киева (случайная находка на берегу Днепра) и ручке ножа из Старой Рязани;

2) игольники в виде рыбки, происходящие из Новгорода, городища Иван-Гора (Ржищев) и Чернигова. При этом игольники из Ржищева и Новгорода практически идентичны по характеру исполнения. Декор черниговского игольника несколько отличается, однако выполнен в том же стиле;

3) зооморфные застёжки (предположительно, детали конской узды), выполненные в одном стиле, происходящие из Киева, Вышгорода (этот экземпляр – полуфабрикат) и Шестовицы. Полуфабрикат из Вышгорода следует рассматривать как попытку изготовить изделие, аналогичное киевскому, шестовицкая застёжка несколько отличается по форме.

Автору уже приходилось обращаться к указанным группам изделий и давать их подробное описание в связи с рассматриваемой проблемой [Сергеева, 2010, 2011б, с. 141–142, 145–146], поэтому нет необходимости их детального описания в настоящей работе. Суммируя сказанное ранее, отметим, что указанные изделия можно рассматривать в контексте разных путей распространения художественной продукции на территории Руси. Кость из Киева с вырезанной на ней птицей дает яркий пример копирования какого-то исходного образца, использовавшегося также в орнаментации рукоятки из Рязани. Не исключен также общий прототип для зооморфных застёжек, хотя в этом случае он остается спорным. Что касается игольников в виде рыбы (по крайней мере, идентичных экземпляров – ржищевского и новгородского), на их примере правомерно ставить вопрос о путях распространения продукции одного мастера. Предварительно предполагается два возможных варианта: попадание на другую территорию в составе импорта и передвижение самого странствующего мастера, охватывающее значительную территорию Руси. Третий экземпляр (черниговский), учитывая стилистические отличия, могли изготовить позже, по имеющемуся образцу. Вероятно, это работа другого мастера.

Занимая важное место в формировании древнерусского косторезного ремесла, культурные взаимодействия, однако, не привели к его нивелировке на всей территории Древней Руси. Имеющая место общность технологии обработки костных материалов и наличие большого количества стандартных изделий, общих для всей территории Руси и, шире, Восточной Европы, не исключают региональных различий в древнерусском ремесленном производстве XII–XIII вв. Специальное исследование косторезного ремесла Киева и Воинской Гребли – двух памятников Южной

Руси с наиболее репрезентативными косторезными комплексами [Сергеева, 2011a] продемонстрировало наличие местной специфики производства, проявляющейся даже в пределах одного региона на локальном уровне.

Библиографический список

- Беляшевский Н.* Курган-могилки на территории Киева // АЛЮР. 1903. Т. 6. С. 357–361.
- Довженко В. Й., Гончаров, В. В., Юра, Р. О.* Древнерусское место Воїнь. Київ : Наукова Думка, 1966. 148 с.
- Івакін Г. Ю., Іоаннісян О. М.* Перші підсумки вивчення Десятинної церкви у 2005–2007 р. // Дьнеслово: збірка праць на пошану дійсного члена Національної академії наук України Петра Петровича Толочка з нагоди його 70-річчя. Київ : Корвінпрес, 2008. С. 191–213.
- Сагайдак М. А., Хамайко Н. В., Вергун О. І.* Новые находки древнерусских играль-ных фигурок из Киева // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради. Збірка наукових праць. Коростень, 2008. Т. 2. С. 137–145.
- Сагайдак М. А., Хамайко Н. В., Вергун О. І.* Нові дослідження торговельно-ремісничих садиб давньокиївського Подолу // АДУ 2008. – Київ, 2009. С. 264–267.
- Сергеева М. С.* Два приклади давньоруського художнього різьблення по кістці з території Середнього Подніпров'я // Церква – наука – суспільство : матеріали Восьмої Міжнародної наукової конференції (26–28 травня 2010 р.). Київ, 2010. С. 69–71.
- Сергеева М. С.* К вопросу о локальных традициях в древнерусском косторезном ремесле // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганськ : Вид-во СНУ ім. В. Даля, 2011а. Вип. 11. С. 240–251.
- Сергеева М. С.* Косторізна справа у Стародавньому Києві. – Київ : КНТ, 2011б. 256 с.
- Сергеева М. С.* Вироби з кістки та рогу з Воїнської Греблі // Колекції Наукових фондів Інституту археології НАН України: джерела та дослідження. Київ : ІА НАНУ, 2012. Вип. 8. С. 133–145.
- Черненко О.* Археологічна колекція Чернігівського історичного музею імені В. В. Тарновського (1896–1948 рр.). Чернігів : Чернігівський історичний музей ім. В. В. Тарновського, 2007. 136 с.

**Институт археологии НАН Украины (Київ)
sergeeva_m@ua.fm**

The article raises the question of the ways of creative ideas in the artistic treatment of the bone in South Rus in the X–XIII centuries. The role of itinerant craftsmen in the development of local bone carving crafts and impact of their activities on the formation of local production are examined. Two possible ways to borrow artistic ideas in the decoration of carved bone are identified, they are: the spread of work of one master on a wide area, and the use of the same prototype or similar items by different masters.

Ancient Rus, Arts and Crafts, itinerant craftsmen, carved bone, zoomorphic decoration.

Р. А. Смирных

УЛИЧНОЕ МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСПОЛНИТЕЛЬСТВО КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Статья посвящена уличному музыкальному исполнительству в г. Омске в XX в. Речь пойдет не только об отношении к данному виду искусства, но и его инструментальной составляющей и факторах, влияющих на выбор репертуара в разное время. Автор приходит к выводу, что на сегодняшний день лидирует гитарное исполнительство, что объясняется, с одной стороны, легкостью освоения игры, а с другой – ролью гитары как главного инструмента в музыкальной массовой культуре.

Музыкальное исполнительство, городская культура, Омск, репертуар, гитара.

Феномен уличного музыканта является отнюдь не новым как для городской культуры, так и для развития музыкального исполнительства как такового. Как и любой вид искусства, уличное исполнительство развивалось все прошедшие столетия, и от узкой направленности репертуара, выражающейся в воспевании подвигов рыцарей и женской красоты, перешло к очень широкому отражению самых различных тем песенного искусства, в том числе и музыкального, как общенационального, так и этнического [Уличные музыканты ...].

На территории Омска с начала XX в. главным инструментом для уличного исполнительства являлась балалайка. Широкое распространение этого инструмента, с одной стороны, отражало интерес разных слоев населения к музицированию, с другой – способствовало сохранению и развитию традиционной культуры в условиях города, было инструментальной реакцией на глубинные процессы, имевшие место в народной культуре. Взаимосвязь ряда обстоятельств исторического, социального, хозяйственного и культурного характера породила феномен балалайки.

В условиях города балалайка легко и просто вписывается в обрядовые и вновь формируемые традиции городской музыкальной среды. Она находит применение в хороводных играх, сопровождает одиночное и хоровое пение, пляски, развлекает молодежь на вечеринках и посиделках. Звуки балалайки сопровождают выступления затейников на ярмарках и массовых гуляньях на городских площадях [Яковлев, 1999, с. 116].

Интерес к балалайке проявлялся в повседневном музыкальном быту Омска еще с дореволюционных времен. Здесь на любительской сцене появлялись свои балалаечные оркестры, отдельные солисты, удивлявшие слушателей беглостью исполнения на инструменте, еще не воспринимаемом всерьез широкой публикой. Наконец, заезжали в город с концертами именитые гастролеры, блестящей игрой популяризирующие этот инструмент.

Известно, что в 1903–1904 гг. существовал детский хор учеников и «хор балалаечников» под руководством преподавателя пения, хормейстера, балалаечника и музыкально-общественного деятеля Н. С. Лысенко [Белокрыс, 2009, с. 330]. Откуда он появился в городе и какое у него было образование, неизвестно. В Омске он получил признание как любитель и пропагандист русских народных инстру-

ментов. Многие из них он знал хорошо, но балалайкой владел мастерски. Одно из первых его выступлений относится к 17 июля 1905 г. на концерте скрипача П. И. Золотарева. В газете «Степной край» появились сразу две рецензии на концерт, принадлежавшие разным авторам. В одном они были едины: игравший на сцене скрипач П. И. Золотарев оказался, по мнению рецензентов, музыкальной бездарностью. Игра же Н. С. Лысенко, как и само появление на эстраде народного инструмента, была оценена критиками по-разному. Эти оценки характерны для восприятия балалайки и ее возможностей в русском культурном провинциальном обществе начала XX в. Так, например, в заметке, подписанной инициалами «И. Я.», в шуточной форме отмечалось, что «...г. Лысенко очень ловко теребил свою балалайку... Мне все время было за него страшно: как бы он не обломил себе палец. Больно уж быстро он стучает им по балалайке» [Белокрыс, 2009, с. 332]. В этой рецензии отразился взгляд на балалайку как на простонародный, сугубо развлекательный инструмент, недостойный обстоятельного разговора. Действительно, многие представители привилегированного общества с пренебрежением относились ко всему русскому, к народной музыке в частности. Балалайка считалась «плебейским» простонародным инструментом. Игра на ней ассоциировалась с несерьезными словами типа «бренчать», «наяривать», «набрякивать». Это было очень удобно для исполнения незамысловатых наигрышей, в первую очередь плясовых, скорых, частушечных песен, для организации любого танцевального движения. Она стала незаменимым средством забавы, развлечения. Это сделало балалайку в общественном сознании неким синонимом дилетантского исполнительства, балагурства [Имханицкий, 2002, с. 104].

В другой рецензии некто «N» писал: «Единственным исполнителем талантливого исполнения была балалайка. Несмотря на наше отрицание прав этого инструмента на классицизм, г. Лысенко исполнил три номера приятной и серьезной мелодии. Г. Лысенко поражает замечательным и выдающимся искусством на таком скромном, далеко нехудожественном инструменте» [Белокрыс, 2009, с. 331–332]. Можно констатировать, что усилиями таких музыкантов, как Н. С. Лысенко, в периферийных городах России постепенно проходило утверждение на эстраде русской балалайки, ее осознание как самодостаточного концертного инструмента.

Росту популярности балалайки способствовали и поступающие сведения из столицы об успешных выступлениях кружка балалаечников В. Андреева, а в дальнейшем и его Великорусского оркестра. Разумеется, массовый спрос на популярные инструменты в значительной степени должен был влиять на количество изготавливаемых балалаек. Инструменты для музицирования заказывали в Москве через музыкальные магазины Омска. Однако уже с 1911 г. их можно было купить и в городе. Об этом свидетельствует фотография, сделанная в музыкальном отделе торгового дома «Ганшин и К». Развитию искусства игры на балалайке, ее распространению в Омске в 1930–1970-х гг. способствовали солисты-балалечники Е. Ф. Лунев, В. Ф. Лыч, Г. И. Захаренко, И. И. Хохов, В. В. Сысуев, С. Е. Щегловитов [Белокрыс, 2008, с. 62]. Но, как и в случае с гуслиями, попытки популяризации балалайки в городской среде носят единичный характер и не могут полностью возродить этот инструмент в качестве самого популярного для повседневного музицирования. И если применительно к первой половине XX в. мы можем говорить о массовом характере игры на балалайке среди населения, в том числе и городского, то во второй поло-

вине столетия балалайку вытесняет гитара, отводя ей место исключительно в Оркестре русских народных инструментов.

Примерно в это время появилась бардовская песня. Авторская песня, или бардовская музыка, – песенный жанр, возникший в середине XX в. в разных странах. Его отличительными особенностями являются: совмещение в одном лице автора музыки, текста и исполнителя, гитарное сопровождение, приоритет значимости текста перед музыкой, ориентация на коллективное пение непрофессионалами.

Авторская песня второй половины XX в. все же сохранила в своей основе черты старого русского городского романса, хотя авторы это, думаю, не очень осознавали. Изменились лишь действующие лица и обстановка. Конечно, чиновники и военные вряд ли бы пели эти песни, как в старые времена. Авторская песня была о молодежи, для молодежной студенческой аудитории, для среднего поколения бывших выпускников вузов. Она звучала в кругах артистической богемы и технической интеллигенции, но никогда в кругах музыкантов. В 50–70-е гг. XX в. гитару взяли в руки студенты, ученые, актеры и поэты.

Авторская песня всегда о чем-то, всегда осмысливает предмет, о котором поют, что почти всегда отличает ее от эстрадной, где поют о незначительном эпизоде жизни, или о поверхностных переживаниях, или в легкомысленной форме, используя штампы и заезженные сюжеты и образы [Саверский, 2008]. Труднее сравнивать авторскую песню с творчеством отдельных музыкальных групп, таких, например, как «Машина времени», «Аквариум», «Кино», чье творчество также пронизано осмыслением и философией жизни, отчетливой жизненной позицией, прекрасной стихотворной и музыкальной формой. Здесь необходимо признать, что границы жанра эстрады и авторской песни при таком сравнении смыкаются, что на самом деле неудивительно. Однако есть и отличие. Эстрадные певцы работают на публику изначально: это и аранжировка, и вокальные данные, и шоу-сопровождение. И здесь мы обнаруживаем еще один критерий отличия авторской песни от эстрады – несмотря на то, что она принадлежит определенному автору, с определенным мировоззрением и жизненным опытом, в массовом сознании обезличена именно потому, что философия автора, его взгляд близок многим людям [Саверский, 2008].

В 80-е гг. XX в. сохраняется тенденция к распространению гитары в городской среде, интерес к которой опять же подогревался влиянием массовой культуры, одним из проявлений которой являлась рок-музыка, как западная, так и отечественная. Игра на гитаре в компании подростков становится уже модным веянием времени, образ «парня с гитарой» приобретает романтический полугероический оттенок.

Переломный момент наступил в девяностые годы, после перестройки, когда многие профессиональные камерные коллективы остались без денежных средств и вышли на улицы и в переходы зарабатывать тем, что они умеют лучше всего – своей игрой. С начала девяностых годов и по наши дни уличных музыкантов стало возможным встретить по всему городу, потому что было отменено уголовное преследование и наказание за игру в публичном месте.

Как правило, у профессиональных уличных исполнителей «свое» место и время игры. Что важно, жесткой конкуренции между музыкантами-«ветеранами» нет: так или иначе, человек либо находит свою нишу, либо уходит. Многие из музыкантов считают, что игра на публике – наилучший способ развиваться в плане исполнения.

Но основной причиной, побуждающей музыкантов к исполнительству на улице, является материальная составляющая: «Игра на улице – это достаточно тяжелый труд. Если никого не дурить и не попрошайничать. Поэтому, если доход от такой деятельности достаточный, то он с трудом претендует на то, чтобы называться “благодарным”... Я – ради денег. Вот вопрос: для чего деньги? – более интересен...» Но также нередко встречаются музыканты, играющие не только ради заработка, но и для творческой самореализации: «Играю на улице всего неделю. Заставила нужда – тупо нечем было за детский сад расплатиться. А когда долг был погашен, меня снова потянуло – и вот тогда я ощутил весь кайф по полной! Второй день играю, про деньги даже не думаю!» – рассказывает Андрей Завьялов, музыкант.

Итак, уличное исполнительство за свою историю претерпело немало изменений, и это можно проследить на примере г. Омска. В начале XX в. в бытовом исполнительстве преобладала балалайка, которая в середине века была смещена гитарой. Последняя лидирует в городском уличном исполнительстве и по сей день, что объясняется, с одной стороны, легкостью освоения игры, а с другой – ролью гитары как главного инструмента в музыкальной массовой культуре.

Библиографический список

Белокрыс М. А. «Омскому виртуозу посвящается...» // Омская муза. 2008. № 3 (22). С. 62–65.

Белокрыс М. А. Музыкальная элита старого Омска: исторические очерки (XVIII – нач. XX вв.) / Департамент культуры Администрации г. Омска. Омск, 2009. 363 с.

Имханицкий М. И. История исполнительства на русских народных инструментах : учеб. пособие для музыкальных вузов и училищ. М. : Изд-во РАМ им. Гнесиных, 2002. 351 с.

Саверский А. Авторская песня в России // Авторская песня: в поисках жанра. 2008. 15 дек. URL: http://www.bards.ru/press/press_show.php?id=418&show=topic&topic=6&page=1 (дата обращения: 17.05.2013).

Уличные музыканты как объект исследования фотожурналистики // Библиофонд – электронная энциклопедия. URL: <http://bibliofond.ru/view.aspx?id=560238#1> (дата обращения: 17.05.2013).

Яковлев Ю. В. Русская балалайка. Очерк социокультурной истории // Славянская традиционная культура и современный мир : сб. материалов науч.-практ. конф. М., 1999. Вып. 3. С. 116–132.

**Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН
guitarbaron@mail.ru**

The article is devoted to street music performing in the city of Omsk in the twentieth century. We are not talking only about the attitude to this kind of art, but his instrumental component and the factors influencing the choice of repertoire in different times. The author comes to the conclusion that by far the leader guitar performance, that is explained on the one hand easily familiar with the game, and on the other – the role of the guitar as the main instrument in the music of mass culture.

Musical art, urban culture, Omsk, repertoire, guitar.

Г. Н. Стоянова

ТОСТЫ КАК ФОРМА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ (из услышанного, подсмотренного, увиденного)

В статье на основе авторских материалов и анализа интернет-ресурсов прослеживается роль тостов в сфере межкультурной коммуникации. Для этого проведена классификация тостов, выявлена специфика определенных групп тостов и поведенческие особенности в сфере их реализации.

Тост, коммуникация, Интернет, ритуал.

Когда мы слышим тонкий звон бокалов,
Душа, как говорится, требует вокала!

Поздравления и пожелания в стихах.

URL: <http://www.pozdrav.ru/tost>

Одна из немногих традиций, которая сохранилась с далеких времен, – это тосты. Этот вербальный ритуал можно вполне считать языческим, но не согласиться с его красотой и привлекательностью нельзя. Привлекли тосты внимание и ученых. Исследователи рассматривают их с различных позиций: и как форму фольклора, и как форму языковой игры, и как этикетный речевой акт. Подчеркнем важность последнего аспекта именно для этнологических исследований, поскольку системы этикетных формул для выражения различных речевых актов (приветствие, благодарность, извинение, поздравление и т. д.) содержат национально-культурную специфику и помогают постичь мирозерцание другого народа [Мунгалова, 2005]. Тост является одним из ритуализованных вербальных актов в поведении многих народов. В современных реалиях наблюдается тенденция, когда тост лишь ситуативно несет этническую нагрузку, однако его коммуникативная направленность остается неизменной. Актуальность выбранной тематики обусловлена недостаточностью ее изучения именно в данном контексте. Основной нашей целью будет проследить проявления коммуникативного кодекса социального взаимодействия в современном мультикультурном обществе, основываясь на материалах тостов. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: классифицировать тосты, выявить специфику той или иной группы, поведенческие особенности в сфере реализации тоста, проследить роль тостов в сфере межкультурной коммуникации. Источниками для исследования послужили тосты, представленные на различных специализированных интернет-сайтах, а также авторские материалы, собранные в результате включенного наблюдения. Основными методами исследования выступили: обобщение, сравнение, описательный метод и метод классификации.

Классификация тостов, или Из подсмотренного

В данном подразделе будем пользоваться исключительно материалами, представленными в сети Интернет, так как это наиболее развивающийся вид коммуникации на данный момент, именно он в последнее время прочно занял лидирующие

позиции в системе межлического общения. Кроме этого, одним из новых перспективных векторов современной этнологической науки является исследование различных потенциалов интернет-ресурсов, в том числе и социального [Лапкина, 2011]. Как отмечают ученые, уникальность и особенность Интернета заключается в том, что он объединяет межлическую и массовую коммуникации и направлен, как и масс-медиа в целом, на определенное конструирование социокультурной реальности [Дьякова, Трахтенберг, 1999].

Данная сеть действительно оправдывает свое название, потому как предоставляет необходимую информацию по любой проблеме, демонстрируя глобальный подход. Что же предоставил нам Интернет для решения наших исследовательских задач? Интернет-ресурсы позволяют не только пройти обучающий курс «начинающего» тамады, предполагая как теоретическую, так и психологическую подготовку, дабы избежать казусов и неловких ситуаций, но и классифицировать тосты, согласно их тематической направленности. Итак, мы имеем:

– *популярные тосты*: с днем рождения, юбилейные тосты, за любовь, за прекрасных дам, за хозяев и т. д. [Toast.com.ua]. Популярность их, скорее всего, определяется наиболее частым обращением к ним пользователей, что продиктовано частотой возникновения именно таких поводов. Практически идентичной является группа тостов, представленная на сайте Тостовка.Ру, но она предоставляет не только общие поздравления с днем рождения, но и конкретизирует их по определенным социальным группам, а именно по случаю дня рождения любимых, родных, друзей, коллег, начальника, мужчины/женщины. Данную группу, включив сюда еще тосты за здоровье, назовем *универсальной*, потому что именно здесь мы найдем «тостовый набор» практически на все случаи жизни. Эти тосты в большинстве своем будут уместны в разных социовозрастных группах;

– *свадебные тосты* представлены отдельной большой и обязательной группой на всех сайтах, посвященных как конкретно тостам, так и праздникам в целом, и чаще всего имеют свои подразделы: за молодых, за родителей, за тещу, за гостей, за детей, тосты от свидетеля/свидетельницы;

– *праздничные тосты* конкретизируются в основном по следующим праздникам: Новый год, Рождество, День св. Валентина, 23 Февраля, 8 Марта, Масленица, Пасха, 1 Апреля, 1 Мая, День Победы, 1 Сентября, сюда же добавим День ВДВ, День независимости, День конституции. Как видим, данная группа содержит как традиционные государственные, религиозные, так и праздники, недавно вошедшие в наш праздничный календарь;

– *обособленные тосты* – к ним относятся те, которые сами по себе составляют отдельную группу и будут уместны лишь в определенной среде и в зависимости от ситуации, поэтому определим их как *ситуативные*, а именно: за новоселье, напутствие в армию, в день крестин, мужские (например: «Мужчина, будь мужчиной»), за мужчин/женщин, за новорожденного, за долголетие, восточные (иногда отдельно выделяют грузинские), мудрые тосты, короткие тосты, тосты-напутствия, тосты-анекдоты (шутки), тосты-легенды. Сюда же можно отнести группу под названием «Без повода», которая выручает в случае, когда, как говорится, было бы что выпить, а повод найдется;

– *профессионально-корпоративные тосты*, среди которых отдельно можно выделить просто корпоративные, объединяющие коллектив независимо от профессиональной направленности (за нашу компанию, за то, что мы сегодня собрались, за коллег, за начальника, от коллектива) и соответствующие конкретным профессиональным сообществам (студенческие, морские, за врачей) и профессиональным праздникам (День учителя, День медработника, День рыбака и т. д.). Встречается также более разветвленная сетка профессиональных праздников по месяцам и соответствующие поздравления к ним [Поздравления и пожелания ...].

Приведем пример еще одной хоть и субъективной, но довольно лаконичной и удачной, на наш взгляд, классификации тостов, представленной на страничке одного из пользователей livejournal.com, согласно которой тосты «делятся на стратегические, локальные и ситуативные. Начнем с первых. Стратегическими тостами я считаю те, в рамках которых провозглашается пожелание здоровья, долголетия, процветания и утверждения семейных ценностей. Самым красочным стратегическим тостом считается: “Я присоединяюсь ко всему сказанному раньше!” В рамках локальных тостов тамада говорит о перевыполнении плана, удачной покупке стиральной машины, крестинах младенца и т. д. Смысловым наполнением такого тоста является красочное описание достоинств объекта, ради которого устроено торжество. И наконец, тост ситуативный. Мой любимый, в его рамках можно говорить о чем угодно: вспоминать случай из жизни, сравнить накрытый стол с политической картой довоенной Европы, цитировать классиков, изводить людей за столом долгоиграющими кавказскими притчами или пересказывать новый фантастический сериал. Текст поздравления должен быть как можно ярче, как фотографии, тем лучше он запомнится тому, кому он адресуется» [Журнал об истории].

Исходя из классификаций, тосты могут выполнять интегрирующую функцию в определенных социо- и половозрастных группах, в зависимости от личного/коллективного праздничного события личностного характера (день рождения, свадьба, рождение ребенка и т. д.) и в соответствии с календарным циклом (Новый год, Рождество, Пасха и т. д.). Профессиональные тосты имеют разделительно-объединительную направленность: с одной стороны, они демонстрируют обособленность конкретно взятого профессионального сообщества с его специфическими интересами, с другой стороны, консолидируют его членов в один сплоченный коллектив.

«Тостовые правила», или Из услышанного

В данном подразделе ограничимся лишь некоторыми правилами при провозглашении тостов, не претендуя на создание универсальных регламентаций по поводу данного вербального этикетного акта. В результате личных наблюдений был накоплен определенный «полевой» материал, касающийся застольных и «тостовых» правил. Ввиду того что первоначально наблюдения были бессистемными и продиктованы лишь любознательностью, а уж потом научным интересом, первоисточник в большинстве случаев будет указать затруднительно.

Правило № 1. Когда произносится тост, сидящие за столом держат поднятыми вверх рюмки/бокалы, ни в коем случае не опуская их ниже стола. Данное правило

не касается поминальной трапезы. По поверью, опуская ниже стола рюмку, человек таким образом поминает умерших.

Правило № 2. При произнесении тоста обязательно смотреть в глаза. Данное правило является устойчивым на Балканах [Записано со слов А. И. Ганчева, 1976 г. р., жителя Одессы].

Правило № 3. Пустой рюмкой либо рюмкой с неалкогольным напитком чокаться нельзя, это считается проявлением неуважения к человеку, произносящему тост. Однако в США тост в память военных заключенных и пропавших без вести принято произносить исключительно с бокалом воды. Так выражается не только память и уважение к этим людям, но и показывается, что у них также не было вина для тостов [Евграфова, 2008–2009].

Правило № 4. Чокнулся – рюмку на стол ставить нельзя. Если все-таки поставил, то нужно чокаться по новой. Материалы одного из интернет-форумов дополняют это правило: два раза рюмками чокаться нельзя. Чокнулся дважды, надо чокнуться и в третий раз [Большой воронежский форум].

Правило № 5. На весу напиток не наливают, рюмку обязательно ставят на стол. А вот перед новым тостом надо обязательно «освежить» – чуть-чуть добавить напитка.

Правило № 6. Пустую бутылку нельзя ставить на стол. Данное правило знакомо всем, а вот чем оно продиктовано? Можно найти исключительно прагматическое объяснение этому: пустая тара просто мешает на столе, и вместо нее ставят полную. Другие версии находим благодаря интернет-ресурсам: версия *суеверная*: пустота – всегда плохая примета. «Пустую бутылку на столе не держи – денег не будет», – гласит народная пословица. Или на столе пусто будет. А по народному поверью, в пустой посуде может завестись нечистая сила. Также пустая бутылка – к ссоре или не слишком вежливый намек гостю, что пора бы и честь знать. С указанной ранее прагматикой перекликается найденная *практическая* версия: пустая бутылка легче полной и менее устойчива. А во время яростного застолья может упасть ненароком и разбиться. А тут и неудобство хозяевам, и другие плохие приметы. И наконец – *историческая* – бытует предание, что эта традиция появилась благодаря русским казакам, которые вернулись из Франции, совершив военный поход в 1812–1814 гг. В то время парижскими официантами не велся строгий учет числа проданных бутылок со спиртным. Намного легче было вести учет пустых бутылок, которые оставались после застолий. Кому-то из казаков пришло на ум, что можно прилично сэкономить за счет того, что какое-то число пустых бутылок будет убрано со стола [Home bar]. Другие источники указывают на происхождение этого обычая со времен Первой мировой войны, когда плата с солдат взималась по количеству пустых бутылок. Для того чтобы сэкономить, ребята часто прятали их под стол [Почему?].

Правило № 7. Третий тост – за женщин. Зачастую это соблюдают в компании, где присутствуют и мужчины, и женщины. В исключительно женской компании третий тост чаще всего поднимают за мужчин [Записано со слов И. М. Николиной, 1976 г. р., жительницы Одессы]. А вот в семье, где есть моряки (отец, муж, сын и т. д.), третий тост – за тех, кто в море. Данная традиция существует и в семье ав-

тора данной публикации (муж, свекор, кум, друзья – моряки). Моряки же на корабле третий тост поднимают за тех, кто на суше [Записано со слов С. Н. Стоянова, 1971 г. р., жителя Одессы].

Правило № 8. – беззвучное чоканье. Его можно назвать «правилом подпольщиков», потому как при этом рюмку охватывают полностью рукой и чокаются костяшками пальцев, чтобы никто не услышал звона бокалов/рюмок. Распространено в судовладельческих компаниях, где принят сухой закон [Записано со слов С. Н. Стоянова, 1971 г. р., жителя Одессы].

Правило № 9. Выпьешь из бокала другого человека – узнаешь его мысли.

Правило № 10. За будущее не пьют. Это, скорее всего, делается из-за того, чтобы все получилось так, как задумано, другими словами, чтобы «не спугнуть удачу». По аналогии, когда загадывается желание – вслух оно не произносится.

Вышеперечисленные правила в основном носят универсальный характер, за исключением некоторых регламентаций, касающихся женщин/мужчин, моряков и их семей (правила № 7–8). Это говорит в пользу интегрирующей направленности тостов независимо от пола, возраста и социального статуса участников застолья.

Тост-ритуал, или Из увиденного

В данном подразделе ограничимся наиболее яркими примерами из «полевых» материалов, собранными в результате личного наблюдения/участия, которые касаются поведенческой специфики во время выполнения определенной категории тостов. Речь пойдет лишь о некоторых популярных тостах, а именно: за исполнение желаний и за любовь. Выбор обусловлен тем, что в первом случае речь идет о единичной регламентации поведения, соблюдение которой является залогом успеха, а во втором – коллективной. Заметим, что данная категория тостов наиболее излюблена женщинами, посему и описывать ритуальные особенности тоста будем, основываясь на материалах, собранных в женской среде.

За исполнение желаний. Особенности данного ритуала состоят в том, что исполнение своего заветного желания может загадать тот, кому в рюмку будут налиты последние капли из бутылки во время застолья. При этом загадывающий подставляет под последние капли мизинец, смачивает его ими и затем потирает за ухом, а потом дует в бутылку, проговаривая про себя желание, и бутылка после этого обязательно закрывается пробкой либо подручными средствами – «чтобы желание не улетело» [Записано со слов Т. А. Дорониной, 1978 г. р., жительницы Одессы]. Акт закрытия в данном случае означает невозвратность и таким образом выступает определенным гарантом исполнения желания. При этом, как показывает практика, в женском застолье создаются условия, чтобы все присутствующие получили такую возможность.

За любовь. Пьют за данный тост, соблюдая строгую последовательность: для начала необходимо взять рюмку сверху большим пальцем, а снизу придерживать мизинцем, затем, оторвав ноги от земли, чокнуться со всеми присутствующими за столом и, закрыв глаза, выпить содержимое рюмки до дна [Записано со слов Е. Данилко, жительницы Москвы].

Наверное, отнюдь не случайно церемониальность по отношению к определенным тостам была отмечена именно среди женской аудитории застолья. Это еще раз подтверждает склонность женщины к сохранению традиций и ритуалов, ведь

именно строгое соблюдение последовательности станет залогом успеха в сфере реализации позитивной направленности тоста.

Таким образом, можно прийти к следующим выводам: произносить тосты – это не просто давняя, но и очень устойчивая традиция, которая имеет как горизонтальное (обширная география), так и вертикальное разнообразие. Именно благодаря тостам можно проследить наличие в современном обществе различных социальных, половозрастных, профессионально-корпоративных групп, особенности их поведения в празднично-ритуальной сфере. Также именно тосты позволяют определенным образом нивелировать границы между существующими сообществами, субкультурами и выступают в роли одного из интегрирующих факторов в сфере их коммуникации.

Библиографический список

Дьякова Е. Г., Трахтенберг А. Д. Массовая коммуникация и проблема конструирования реальности: анализ основных теоретических подходов. – Екатеринбург, 1999. URL: <http://visiology.fatal.ru/texts/mass-communication.htm> (дата обращения: 19.05.2013).

Евграфова Т. В. Английские тосты как отражение национального английского характера (в сфере развития междисциплинарных страноведческих знаний) // Вуз культуры и искусств в образовательной системе региона : тез. VI электрон. Всерос. науч.-практ. конф. URL: http://smrgaki.ru/8/4/1_7/3.htm (дата обращения: 19.05.2013).

Лапкина Н. А. Социальный потенциал интернет-ресурсов в дискурсе этничности : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2011. URL: http://www.iea.ras.ru/cntnt/levoe_meny/publikacii/avtorefera/avtorefera1.html (дата обращения: 19.05.2013).

Мунгалова О. М. Национально-культурная специфика реализации речевого акта «тост» в пиренейском варианте испанского языка // Вопр. иберо-романской филологии : сб. ст. Вып. 7 (юбилейный): посвящ. 80-летию профессора В. С. Виноградова. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2005. URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-107333.html?page=23#3260781> (дата обращения: 19.05.2013).

Источники

Журнал об истории : блог пользователя al_vdovin. URL: <http://al-vdovin.livejournal.com/19913.html> (дата обращения: 20.05.2013).

Большой воронежский форум. URL: <http://bvf.ru/forum/archive/index.php/t-229364.html> (дата обращения: 21.05.2013).

Поздравления и пожелания в стихах, тосты, афоризмы : [сайт]. URL: <http://www.rojelanie.ru/rozdrav/prof/> (дата обращения: 21.05.2013).

Почему? : [сайт]. URL: <http://pochemu.su/pochemu-nelzya-stavit-pustuyu-butylku-nastol/> (дата обращения: 21.05.2013).

Тостовка.Ру : [сайт]. URL: <http://www.tostovka.ru> (дата обращения: 21.05.2013).

Home bar : [сайт]. URL: <http://home-bar.ru/pochemu-nelzya-stavit-pustuyu-butylku-nastol> (дата обращения: 21.05.2013).

Toast.com.ua – тосты и поздравления на праздники : [сайт]. URL: <http://www.toast.com.ua/tosty> (дата обращения: 21.05.2013).

Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова (Украина)
z_galya@mail.ru

The article shows us the role of toasts in the intercultural communication field. It is based on the author's materials and the analysis of the Internet-resources. For this toasts were classified, it was analyzed specific of certain toast groups and behavior specific in their implementation.

Toast, communication, the Internet, ritual.

М. Н. Тихомирова

КУЛИНАРНОЕ ТВОРЧЕСТВО ТАТАР ЮГА ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ: НОВАЦИИ И ТВОРЦЫ*

Статья посвящена анализу некоторых элементов, которые позволяют проиллюстрировать творческий подход к приготовлению пищи у татар юга Тюменской области. Рассмотрено два аспекта темы: 1) новые черты в питании в конце XX – начале XXI в. (подражание продуктам фабричного производства, блюда, которые противоречат традиции) – здесь рассмотрены причины появления новаций, механизмы их передачи; 2) в разделе «Творцы» рассказывается о женщинах – признанных мастерицах кулинарного дела.

Творчество (креативность), кулинария, новые черты, татары, юг Тюменской области.

Приготовление пищи, как и любой акт культурной деятельности, несет в себе элемент творчества. Наиболее ярко творческий (креативный) подход в приготовлении пищи проявляется в повседневной жизни, где хозяйка не ограничена рецептурой блюда, а ее навыки в данном виде деятельности опираются на традиции семьи, деревни, народа и собственный опыт. При этом хорошему повариху, помимо вышеперечисленных качеств и знаний, еще отличает широта кругозора, необходимого для восприятия новинок, умение импровизировать в процессе приготовления пищи, способность на основе старого и нового создать что-то уникальное и неповторимое, наличие смекалки и эстетического вкуса, необходимого для создания блюда и сервировки стола.

Целью работы является анализ некоторых элементов, относимых к творческому (креативному) подходу в приготовлении пищи у татар юга Тюменской области.

Данный вопрос мы рассмотрим по полевым этнографическим материалам, собранным в населенных пунктах татар юга Тюменской области (преимущественно в Вагайском, Тобольском, Ялуторовском районах) и отражающим состояние кулинарного дела конца XX – начала XXI в.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Модернизационные процессы в системе жизнеобеспечения тоболо-иртышских татар в 1990–2000-е гг.», проект № 12–31–01273.

© Тихомирова М. Н., 2013

Для этого периода нами зафиксированы наиболее яркие примеры креативного мышления в кулинарии у татарских женщин, что можно объяснить несколькими причинами.

Во-первых, сложившейся к середине 1980-х гг. реальностью, основной чертой которой был кризис советской и последовавшей постсоветской политической и экономической систем. Во времена переломных исторических событий креативное мышление, а в бытовой жизни – смекалка позволяли индивиду и семье найти выход из сложных жизненных ситуаций и адаптироваться к новым условиям.

Во-вторых, особенностями и спецификой источника, на который опирается наше исследование. Метод непосредственного наблюдения за современной домашней пищей и блюдами, знания об изучаемом предмете позволяют исследователю выявить новые черты в питании, появившиеся как результат творческого подхода хозяйки. То есть мы хотим сказать, что опросы информаторов не всегда позволяют достичь этой цели, так как не каждый человек способен провести оценку той информации, которую он сообщает, и обратить внимание на специфику.

1. Новые элементы в кулинарии татар юга Тюменской области.

Перестройка советской политической и экономической систем середины 1980-гг. и экономические реформы 1991–1992 гг. привели к падению потребительских способностей населения, разрушению розничной торговли, повышению значения подсобного хозяйства. Поэтому татарки научились готовить блюда, похожие на те, которые ранее производила пищевая промышленность.

В 1980–1990-е гг. среди татар Тюменской области получил широкое распространение вареный творожный сыр, в котором основным ингредиентом был домашний творог. По вкусу он напоминал плавленый сыр, только по консистенции был твердым, и его можно было резать ножом.

Его готовили для разнообразия повседневного рациона питания и еще потому, что творога в хозяйстве производилось много, а полностью употреблять в питание или продавать его не было возможности. В отличие от традиционных молочных продуктов, творожный сыр дольше хранится, поэтому его брали с собой на сенокос.

В некоторых семьях научились готовить зельц (прессованное вареное колбасное изделие) из головы коровы, заменивший покупные колбасы. Интересно, что первоначально в рецепте, который жительница д. Юрмы Вагайского района Р. Я. Биктимирова (Ильясова) 1957 г. р. записала, это изделие готовилось из свинины, а так как в хозяйстве татар держали только крупный рогатый скот, то его стали делать из говядины.

В населенных пунктах, расположенных у крупных озер (Юрмы, Куларовское), где рыба добывалась для питания в изобилии, стали готовить различные консервы. Например, в д. Юрмы некоторые хозяйки готовили рыбный паштет. Мелкую рыбу, а иногда даже головы разваривали, а потом протирали через сито.

В с. Куларовском Вагайского района весной, перед тем как устанавливалась теплая погода, остатки рыбы без головы и внутренностей тушили в чугунной посуде (утятницах) вместе с морковью и репчатым луком (Н. И. Марганов, 1961 г. р.; С. Б. Марганова, 1964 г. р.).

В этот период в татарских населенных пунктах Вагайского и Тобольского районов получило распространение маринование овощей, а затем и консервирование на зиму салатов, изготовление заготовок для борщей.

При этом жительница д. Юрмы Р. Я. Биктимирова (Ильясова) 1957 г. р. отметила, что ранее маринованные овощи, консервированные заправки для щей, рассольников, борщей приобретались в магазине, поэтому делать заготовки для зимы не было необходимости.

Жительница д. Ирек Тобольского района сибирская татарка А. С. Сияутдинова вспоминает об этом периоде: *«Зарплату не давали, в магазинах ничего не было. Тогда и солянки всякие начались. Борщи готовые делали. Свеклу, морковь, лук отдельно пережаривали и томаты. И на водяной бане, уксус и закатывали. Канусту с рисом».*

В этот период для разнообразия десертов, помимо варенья, еще стали делать джемы. Ягоды пропускались через сито, затем жидкая часть варилась на медленном огне. В настоящее время джемы готовят очень редко из-за длительного процесса приготовления, предпочитая замораживать ягоды в морозильных камерах.

В 1980–1990-е гг. из фабричных кондитерских изделий татарки наиболее часто копировали халву, ирис, шоколадную пасту. Халву изготавливали из семечек подсолнечника. Их мыли, поджаривали, перекручивали два-три раза. Затем эту массу обжаривали на растопленном сливочном масле и смешивали с сахарным сиропом. По материалам, собранным в Омской области, известен еще один способ изготовления халвы – из обжаренной на масле пшеничной муки, которая потом смешивалась с сахарным сиропом.

К началу XXI в. произошло полное восстановление покупательной способности населения юга Тюменской области и снабжения продуктами питания, поэтому необходимость в копировании фабричной продукции отпала. К настоящему времени практически все названные блюда, за исключением маринования овощей и консервирования салатов, перестали готовить.

Начало XXI в. для питания татар юга Тюменской области отличается большим количеством новаций, что объясняется прежде всего бурными темпами экономического развития региона. Однако мы рассмотрим лишь те факты, которые непосредственно касаются темы статьи.

В этот период возросли возможности передачи информации о новых блюдах и способах приготовления из-за увеличения числа телевизионных передач, печатных изданий (специализированных журналов и газет по кулинарии – «Скатерть-самобранка», «Тысяча рецептов»; периодики на татарском языке – «Янарыйш») и доступности интернет-ресурсов. Из всего объема информации женщинами выбираются рецепты изделий, не противоречащие их мировоззренческим установкам – эти блюда близки к традиционной кухне по ингредиентам, технологии, внешнему виду, вкусовым предпочтениям и т. д. Например, некоторые жительницы с. Новоатъялово Ялуторовского района готовят пирог из песочного теста с начинкой из свежих ягод. По словам А. И. Кадыровой (Балдиной) 1973 г. р., *«рецепт мы [с подругой] прочитали в Интернете и начали экспериментировать... [с различными ягодами]».* В ходе сбора полевой информации мы зафиксировали это изделие уже в с. Аслана Ялуторовского района. По словам информаторов, рецепт пирога заимствован от новоатъяловских знакомых женщин. Отметим, что среди татарских населенных пунктов с. Новоатъялово выделяется своими изделиями из теста с ягодной начинкой, так как только в его окрестностях в основном растут клюква, брусника, голубика, черника, земляника, поэтому не удивительно, что женщины выбрали из всех рецептов пирог, где начинка состоит из свежих ягод и крема (рис. 1).

Рис. 1. Пирог из песочного теста с ягодами – это новое блюдо в кухне татар Ялуторовского района. Новоатъялово, 2013

Доступность ингредиентов для блюда также определила широкое распространение за последние десять лет среди татар юга Тюменской области (Ялуторовский, Ярковский районы) еще одного пирога из песочного теста – с начинкой из творога. В печатных изданиях и на специализированных интернет-ресурсах он известен как «Королевский пирог» или «Королевская ватрушка». Его часто делают по особым случаям – на день рождения, *ниятлык* и пр., поэтому, чтобы пирог был еще вкуснее, добавляют ингредиенты, не прописанные в рецепте: в творог – курагу, ванилин, в тесто – какао, ванилин (Новоатъялово).

С развитием огородничества и садоводства в населенных пунктах Ялуторовского района стали готовить пирог с дольками яблок. В д. Авазбакеево мы наблюдали данное изделие, но выполненное по форме традиционного ягодного пирога открытого типа, – в сковороде, поэтому круглой формы, его края приподняты и чуть-чуть присобраны. Некоторые хозяйки для улучшения его вкусовых свойств начинку из яблок еще сверху намазывают кремом.

В настоящее время как дань моде и для разнообразия повседневного рациона питания некоторые хозяйки готовят блюда, копирующие продукты из магазинов и блюда общественного питания (конфеты «Рафаэлло», пицца, блюда «Рагу овощное с мясом в горшочке», «Бедро окорочка в тесте» и др.). Впрочем дальнейшая судьба этих изделий зависит от того, насколько они будут соответствовать кулинарным традициям народа, его потребностям.

Еще хотелось бы привести примеры креативного мышления татарок в работе с тестом. Так в с. Бегитно Вагайского района куриные яйца, прежде чем добавить в тесто для хвороста (*урама*), сначала на некоторое время помещают в морозильную камеру холодильника, для того чтобы жидкость, содержащаяся в них, вымерзла. Такой способ позволяет затрачивать меньше времени на вымешивание теста, но готовый хворост все равно получается рассыпчатым.

Особыми навыками отличаются татарки с. Новоатъялово. Например, чтобы лапшу порезать очень тонко, как паутинку, необходимо раскатанные сочни теста подсушивать. Обычно их кладут на ткань, а ее предварительно, для удобства, расстилают на подушке, кровати и т. д. Сверху сочень теста закрывают тканью, считается, что так он быстрее подсушивается.

Чтобы тесто еще быстрее подсушивалось и лучше резалось, придумали гладить его утюгом через ткань. Горожанки из Тюмени еще более модернизировали этот процесс – для этих целей они применяют фен.

2. Творцы.

Творческий акт – это, как правило, индивидуальное проявление в созидательной деятельности, поэтому уместно рассказать о некоторых женщинах, которые в своих населенных пунктах считаются признанными мастерицами кулинарного дела.

В первую очередь нам хотелось бы отметить жительницу с. Новоатъялово Суфию Сайрамовну Калмаганову (Гафарову) 1951 г. р. Она очень хорошо готовит блюда традиционной кухни – *ция шаньга*, *баурсак* и др. Вообще, в ее мастерстве приготовления блюд сконцентрированы лучшие качества новоатъяловских женщин – аккуратность, изготовление миниатюрных изделий, художественная красота.

Кулинарный талант С. С. Калмагановой передался по наследству от матери, которая отличалась также выдающимися навыками готовки пищи, поэтому ее приглашали для подготовки свадебных блюд.

С. С. Калмаганову в 2013 г. приглашали в школу на Дни татарской культуры для проведения мастер-класса детям по готовке изделия *ция шаньга*. Это миниатюрное изделие (диаметром около 6 см) круглой формы, открытого типа, с небольшим отверстием по центру, красиво оформленное защипом. С. С. Калмаганова учила детей правильно и красиво делать этот защип. Заметим, что многие опрошенные женщины считают *ция шаньгу* отличительным – новоатъяловским изделием из теста, поэтому детей учили его готовить (рис. 2).

Рис. 2. *Ция шаньга*. Изделие из теста с ягодной начинкой. Новоатъялово, 2013

Еще одна жительница с. Новоатъялово – Начия б/о Тузмухаметова (Ярова) 1952 г. р. Она работала поваром в школе и столовой совхоза двадцать лет, поэтому ее нередко приглашали на свадьбы, где она выполняла обязанности *казан баши* – главной женщины по готовке горячих блюд. Н. Тузмухаметова отличается от других мастериц интересом к рецептам современной кухни. У нее мы записали многие рецепты, которые были популярны в 1980–2000-е гг. В настоящее время она является постоянной участницей и нередко победительницей кулинарных конкурсов районного общества инвалидов.

Жительница с. Кулларовского Найля Нуруловна Ярмаметова (Кинчагулова) 1960 г. р., род. в д. Вармахли. В своем населенном пункте она общепризнанная мастерица в приготовлении традиционных татарских блюд. На это указывали нам многие жители данного населенного пункта. Мы не раз наблюдали, как татарские женщины готовят хворост (*урама*), но ее изделия отличались особой гармонией вкуса и внешнего вида.

В с. Кускургуль Нижнетавдинского района Тюменской области проживает Гульнур Хатиповна Сайдулина (Сайфутдиновна) 1966 г. р. Она хорошо стряпает все блюда татарской кухни. Большинство блюд, собранных нами в Кускургуле, было записано с ее слов и в результате наблюдения за ней.

Как и все вышеназванные женщины, имеет склонность к экспериментированию и восприятию новинок. Она готовит новые, еще неизвестные в данной местности блюда. Например, мы наблюдали, как она на поминки (*хатым*) постряпала «Медовую горку», заменив при этом сироп из сахара и меда на сгущенку.

Еще мы наблюдали, как она стряпала из покупных маринованных опят (! – грибы не используются для начинки в данной местности), риса, зеленого лука пирог, который по форме и технологии похож на традиционный татарский пирог с мясом и картофелем *бэлеш* (рис. 3).

Рис. 3. Пирог с начинкой из маринованных опят, риса и лука. Кускургуль, 2006

The article is devoted to the analysis of some elements which allow to illustrate creative approach to cooking at Tatars of the South of the Tyumen region. Two aspects of a subject are considered: 1) new lines in a food for the end of XX – the beginning of the XXI century (imitation products of manufacturing, a dish which traditions contradict) – there are considered reasons of emergence of innovations, mechanisms of their transfer; 2) in the section «Creators» it is told about women – recognized skilled workers of culinary business.

Creativity, cookery, new lines, Tatars, South of the Tyumen region.

С. С. Тихонов

АНАЛИЗ ПРОЦЕССА ТВОРЧЕСТВА В АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОАРХЕОЛОГИИ

В работе рассмотрен процесс творчества в научных исследованиях на примере археологии и этноархеологии. Определив творчество как создание новых культурных ценностей, автор рассматривает его «анатомию» на материалах изучения эпохи бронзы Верхнего Приобья. Достоверность полученных выводов автор проверяет на материалах этноархеологических исследований системы расселения аборигенов и русских Западной Сибири.

Творчество, методология, методика, эпоха поздней бронзы, этноархеология.

Полагаю, что изучение творчества в археологии и этнографии является больше вопросом науковедения, нежели этих дисциплин. Однако знание основных черт творческого процесса поможет правильно выстроить процедуру исследования. Поэтому разработка подобных тем является весьма актуальной.

В русском языке слово «творчество» имеет несколько смыслов, в том числе и связанных со значениями «творение», «созидание» [Даль, 1978], «создание культурных ценностей» [Ушаков, 1935–1940] или «новых по замыслу культурных и материальных ценностей» [Ожегов, 1949]. В этом легко убедиться, посмотрев указанные словари или их электронные версии. Исходя из этого, представим, что применительно к археологии и этнографии творчеством может являться процесс создания новых концепций, методик и методологий или же новая интерпретация имеющихся фактов, представлений и т. д.

Попытаемся сначала рассмотреть движущие мотивы и побудительные причины творческого процесса и выделить его узловые моменты, рассмотрев этот процесс на материалах эпохи бронзы Верхнего Приобья. В его изучение внесли вклад В. В. Бобров, М. П. Грязнов, А. М. Илюшин, Ю. Ф. Кирюшин, С. А. Ковалевский, М. Ф. Косарев, А. И. Мартынов, А. В. Матвеев, В. И. Матющенко, В. И. Молдин, В. А. Посредников, Е. А. Сидоров, Т. Н. Троицкая, Н. Л. Членова, А. Б. Шамшин и их коллеги. Выбор времени и региона, где проходили исследования, обусловлен тем, что активная разработка вопросов бронзового века Верхнего Приобья давно

закончилась, и мы можем рассмотреть феномен целно от начала до конца. К сожалению, объем данной работы ограничен, и нет возможности детально проанализировать деятельность всех ученых, поэтому напомним читателю только узловые моменты означенного процесса.

В 1960 г. была выделена томская археологическая культура [Матющенко, 1960], первый этап которой был соотнесен с самусьскими древностями, а второй – с карасукскими (еловскими). С таким подходом к классификации древностей При томья не согласился М. Ф. Косарев [1964], который оперировал материалами со значительно большей территорией – не только Томского Приобья, но и сопредельных территорий. Он говорил о двух культурах – самусьской (гребенчато-ямочный и отступающе-накольчатый комплексы) и еловской (геометрические орнаменты, выполненные техникой печатной гребенки). В. А. Посредников раскопал серию памятников на р. Вах, в том числе Большой Ларьяк II и Большой Ларьяк III, а также исследовал технологические показатели керамики поселения Самусь IV. В результате он сделал вывод о том, что самусьский комплекс неоднороден, а генезис еловской культуры связан с таежными комплексами гребенчато-ямочной керамики [Посредников, 1970, с. 110–115; 1972, с. 28–41; 1973, с. 95–107]. В. А. Матющенко раскопал на широкой площади Самусь IV (при этом пытался рассмотреть соотношение разных типов керамики в культурном слое) и комплекс памятников у д. Еловка. Его вывод был следующим: комплексы Самусь IV стратиграфически не разделяются, следовательно, едины; в Верхнем Приобье от Алтая до южной тайги существует еловско-ирменская культура с двумя этапами: еловским и ирменским [Матющенко, 1973; 1974]. Забегая вперед, отметим, что многие археологи не поддержали его мнение о культуре с двумя этапами, говоря о самостоятельных культурах – еловской и ирменской. Ю. Ф. Кирюшин, изучив памятники Васюганья (Тух-Эмтор, Тух-Сигат), в целом поддержал В. А. Посредникова, выделив при этом раннееловские этап, связанный с гребенчато-ямочной керамикой [Кирюшин, 1977]. Работая в лесостепном Алтае Ю. Ф. Кирюшин раскопал серию памятников, в том числе и поселение Корчажка, и пересмотрел ранее полученные материалы. Анализ данных позволил ему прийти к выводу, что памятники этого региона (их иногда называли «южная еловка») не имеют отношения к еловской культуре, а относятся к самостоятельной корчажкинской культуре с фирсовским и иткульским этапами [Кирюшин, 1987]. Его позицию поддержал А. Б. Шамшин [Кирюшин, Шамшин, 1987; Шамшин, 1988]. С ними археологи согласились, отнеся памятники на Оби в южной и центральной части Новосибирской области к корчажкинской культуре.

На этом в общем-то дискуссия и закончилась, не оставив ничего от томской культуры, поставив под сомнение существование еловско-ирменской культуры, переменив культурную принадлежность памятников лесостепного Алтая и юга Новосибирской области. На самом деле процесс был еще сложнее, чем описан, поскольку одновременно с самусьскими и еловскими памятниками необходимо было анализировать комплексы кротовские, андроновские, ирменские (старое название – томский и верхнеобский варианты карасукской культуры) и позднеирменские.

Полагаю, что поскольку при изучении генезиса культур Верхнего Приобья были созданы новые концепции, использованы новые материалы, разработаны и использованы новые методики обработки данных (археологические и естественно-

научные), то это процесс, безусловно, творческий. Его можно охарактеризовать как ветвящийся, поскольку постоянно появлялись новые направления исследований, в нем можно выделить узловые точки (или точки бифуркации), когда из-за флуктуаций система изучения может перейти на новый уровень исследования. Необходимым условием для успешного творчества является наличие новых материалов или разработка новых методик, методологий. В постнеклассических науках (для них характерна междисциплинарность, внедрение принципа эволюционизма) возможен переход на другую методологическую основу. Побудительными мотивами участия ученых в творческом процессе может быть научное любопытство, частичное или полное несогласие с концепциями коллег, особый склад ума, позволяющий увидеть скрытые взаимосвязи (что нередко в ученой среде). Наградой ученому послужит признание научного сообщества, изменение статуса ученого и получение научного доминирования. Последнее ведет к преимуществу в использовании материальных ресурсов на исследования, возможности более быстрой и качественной публикации результатов работ, организации процесса обучения новых специалистов. Обратная сторона научного доминирования может выражаться в необходимости постоянно защищать выдвинутые концепции, иногда даже вопреки новым фактам, их опровергающим.

Выяснив вопрос о мотивах и причинах развития творческой деятельности, проверим их на материалах этноархеологических исследований, обратившись к рассмотрению особенностей заселения Западной Сибири в разные эпохи. Основные положения этого сюжета опубликованы коллективом авторов, поэтому позволю себе не приводить подробный список использованной литературы, который есть в указанных изданиях [Археологические микрорайоны ... , 2011; Нижнетарский археологический микрорайон, 2001]. Он заинтересовал меня, когда я в конце 1980-х гг. занимался изучением закономерностей распространения памятников еловской, корчажкинской и ирменской культур. Источниками послужили полевые публикации об этих памятниках и полевые отчеты некоторых исследователей, а инструментарием были карты-пятикилометровки и линейки. Картографирование памятников показало, что они располагаются группами, которые были названы «кустами». Расстояние между ними было от 15 до 25–30 км, т. е. в пределах дневного пешего перехода или полудневного конного.

В начале 1990-х гг. группа археологов, руководимая В. И. Матющенко, обратилась к изучению археологических микрорайонов, методология и методики исследования которых существенно отличались от картографирования древних памятников. Источниками стали результаты раскопок и разведок омских археологов в нижнем течении р. Тары, а также опубликованные археологические карты Кемеровской, Курганской, Новосибирской, Томской, Тюменской областей, материалы к археологическим картам Омской области и Алтайского края. В продаже появились двухкилометровые карты ряда областей Западной Сибири, что позволило составлять более точные карты распространения памятников. Оказалось, что высказанное мнение о расстоянии между группами памятников подтверждается, а наиболее заселенными оказались берега больших сибирских рек (Оби, Иртыша, Тобола, Томи в нижнем течении) и устья их крупных притоков. Глубинные таежные районы были заселены менее плотно. Знакомство с изданиями статистического ха-

рактера типа многочисленных «Списков населенных мест...» показало, что такая же картина расселения прослеживается во второй половине XIX – начале XX в. Было высказано предположение о том, что существуют категории земель: для проживания, для охоты и рыболовства, сакральные или «худые» территории.

В 2000-е гг. появились оцифрованные копии карт километровок, сервисы Wikimapia, Google Earth, Яндекс-карты и им подобные, в Интернете появились электронные копии редких изданий типа карт С. У. Ремезова и записок Н. Милеску (Спафария). Эти книги были опубликованы и в бумажных вариантах [Служебная чертежная книга, 2006; Чертежная книга Сибири, 2003; Хорографическая чертежная книга Сибири, 2011; Спафарий, 2010]. Использование компьютеров в купе с изданными ранее записками Г. Ф. Миллера [Сибирь XVIII в. ... , 1996] позволило уточнить места расположения населенных пунктов, определить их некоторые топографические особенности, отметить на картах районы ведения промыслов, наметить границы между группами населения по картам, топонимам и гидронимам и получить подтверждения этому на других материалах [Малиновский, 1844].

Таким образом, тенденция получения новых знаний – использование новых источников, новой методики, переход к другим методологиям (междисциплинарность, синергетика и т. д.) – подтверждается и в этноархеологических исследованиях.

Библиографический список

Археологические микрорайоны Западной Сибири: теория и практика исследований. Омск, 2011. 196 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М., 1978 (репринт изд. 1880–1884).

Кирюшин Ю. Ф. Бронзовый век Васюганья : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1977. 20 с.

Кирюшин Ю. Ф. Энеолит, ранняя и развитая бронза Верхнего Приобья : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1987. 48 с.

Кирюшин Ю. Ф., Шамшин А. Б. Корчажкинская культура лесостепного Алтайского Приобья // Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987. С. 137–158.

Косарев М. Ф. Бронзовый век Среднего Обь-Иртышья : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1964. 15 с.

Малиновский Ф. Л. Исторический взгляд на межевание в России до 1765 г. СПб. : Тип. И. Сычева, 1844.

Матющенко В. И. Неолит и бронзовый век в бассейне Томи : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1960. 20 с.

Матющенко В. И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч. 2. Самусьская культура // Из истории Сибири. Томск : ТГУ, 1973. Вып. 10. 139 с.

Матющенко В. И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч. 4. Еловско-ирменская культура // Из истории Сибири. Томск: ТГУ, 1974. Вып. 12. 188 с.

Нижнетарский археологический микрорайон. Новосибирск, 2001. 260 с.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1949. 968 с. (До 1990 г. вышло 23 издания словаря, и еще 4 издания словаря, дополненных Н. Ю. Шведовой, вышло до 1997 г. – С. Т.)

Посредников В. А. О Самусь–IV и его времени // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970. С. 101–115.

Посредников В. А. Культурно-генетическое место комплексов Самусь-IV и некоторых других памятников Приобья // СА. 1972. № 4. С. 28–41.

Посредников В. А. О культурно-этнической принадлежности поселения Большой Ларьяк II и некоторых других памятников в таежном Приобье (эпоха бронзы) // Из истории Сибири. Томск : ТГУ, 1973. Вып. 7. С. 95–107.

Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. История Сибири. Первоисточники. Новосибирск : Сибирский Хронограф, 1996. Вып. VI. 312 с.

Служебная чертежная книга. Т. 1. Факсимильное издание рукописи Российской национальной библиотеки. [Б. м.] : [б. и.], 2006. 334 с.

Спафарий Н. Путешествие в Китай. М. : Директ-Медиа, 2010. 230 с.

Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка : в 4 т. М. : Гос. ин-т «Советская энциклопедия» ; ОГИЗ. Т. 1 ; Гос. изд-во иностр. и нац. словарей. Т. 2–4. 1935–1940.

Хорографическая чертежная книга Сибири С. У. Ремезова. Т. 1. Факсимильное издание Houghton library of the Harvard college Harvard university. Тобольск : [б. и.], 2011. 350 с.

Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г. Т. 1. Факсимильное издание. М. : [б. и.]. 2003. 201 с.

Шамшин А. Б. Эпоха поздней бронзы и переходное время в Барнаульско-Бийском Приобье (XII–VI вв. до н. э.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1988. 16 с.

**Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН
st-57@mail.ru**

In work creativity process in scientific researches on the example of archaeology and ethnoarchaeology is considered. Having defined “creativity” as creation of new cultural values, the author considers it's “anatomy” on materials of studying of an era of bronze of Upper Ob area. The author checks reliability of the received conclusions on materials of ethnoarchaeological researches of system of settles of natives and russians of Western Siberia.

Creativity, methodology, technique, late bronze epoch, ethnoarchaeology.

Н. А. Томилов

ТВОРЧЕСТВО ПРИ СОЗДАНИИ НОВЫХ НАУЧНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ И ДИСЦИПЛИН

Статья посвящена творческому процессу при создании нового научного направления – этноархеологии. Подробно описан процесс становления этой дисциплины в науке, выделены основные этапы и проблемы.

Творчество, наука, этноархеология, интеграция, междисциплинарность.

Творчество является существенной составляющей научного познания природного и социального миров. Оно представляет собой целенаправленную созидательную деятельность человека по созданию новых ценностей, прежде всего в культуре. Последняя в широком понимании включает в себя многие области функционирования социумов человечества – не только культуру в ее узком понимании (при-

родно-средовая, материальная, соционормативная и духовная сферы культуры), но и науку, образование, просвещение и т. д.

Творчество в сфере науки определяется получением новых открытий и изобретений, новых результатов и выводов. Но творчеством охвачены и процессы создания (выделения) новых научных направлений и новых научных и учебных дисциплин. С развитием науки возникла необходимость интеграции знаний разных научных отраслей. И эта необходимость усиливалась, особенно с середины XX в., и продолжает быть приоритетом в процессах познания и в наше время. Отсюда актуальность изучения творчества в создании новых научных направлений и дисциплин. И здесь мы остановимся на характеристике творческих действий в работе по формированию в российской науке этноархеологии.

Десять лет назад мною вместе с А. В. Жуком и С. С. Тихоновым было опубликовано учебное пособие для студентов исторических факультетов высших учебных заведений «Введение в этноархеологию» [Жук, Тихонов, Томилов, 2003]. В этой книге рассмотрены отдельные аспекты этого относительно нового научного направления, фактически сформировавшегося путем интеграции археологических и этнографических знаний и методов этих наук. В книгу включены следующие разделы: «Этноархеология и потребность в этноархеологических знаниях», «Этноархеология как научное направление», «Очерк истории этноархеологического направления», «Методика этноархеологических исследований». Не вдаваясь в содержание всех разделов этой книги, тем более что наше видение этноархеологии достаточно подробно изложено в ряде научных статей [Бережнова, 2003, с. 36–39; Богомолов, Томилов, 1981, с. 125–128; Корусенко, Тихонов, 2013, с. 106–111; Корусенко, Томилов, 2005, с. 18–22; Тихонов, 2001, с. 40–42; Томилов, 1999, с. 75–84; 2002б, с. 9–19; Томилов, 2003, с. 82–85; и др.], остановимся только на вопросе о процессе формирования и развития российской этноархеологии во второй половине XX – начале XXI в.

ЭТНОАРХЕОЛОГИЯ (Ethnoärcheologie, Ethnoarchaeology, Ethnoarchéologie; синонимы – археологическая этнография, археология действия, живая археология, точнее было бы сказать: этнографоархеология) – научное направление, складывающееся со второй половины XX в. в результате интеграции археологических и этнографических исследований и призванное решать круг проблем по истории культуры и общества особым способом – на основе сопряжения археологического и этнографического видения этих проблем.

Исследования на стыке археологии и этнографии в XX – начале XXI в., особенно в последние четыре десятилетия, ввели в научный оборот относительно большой объем фактических данных и привели к новым методолого-теоретическим обобщениям, выводам, к разработке источниковедческих и методических аспектов археолого-этнографических работ. Это позволило ряду ученых за рубежом, а затем и в России заявить о формировании нового направления исследования на стыке археологии и этнографии. Оно получило название этноархеологии и стало широко распространяться начиная с 1960-х гг.

Потребность в этноархеологических знаниях возникла тогда, когда использование прямых и косвенных аналогий для археологов в этнографии и поиски этнографами следов традиционных культур предков современных народов в археологических материалах зашли как бы в тупик. Специалисты двух наук стали осозна-

вать ограниченность таких «прямых» обращений археологов к этнографии, а этнографов – к археологии.

Эти обращения существенно не увеличивали объем информации в области этнической истории – формирования (этногенеза) и последующего развития этносов (этнодинамика) и, шире, историко-культурных общностей вплоть до этнораспада (гибели или трансформации в другое этническое образование).

Но казалось, что и для изучения истории социальных образований (институтов), социальных структур и отношений то, что часто именуется социогенезом, а также поиски археолого-этнографических аналогий путем сравнительно-исторического метода, метода классификации и даже метода типологии в основном исчерпали себя.

То же самое виделось и в изучении процессов культурогенеза – становления и дальнейшего функционирования отдельных явлений культуры и традиционных систем культуры. И хотя результативность связи археологии и этнографии как смежных наук в изучении культур традиционных обществ была явно выше, чем в исследованиях социогенеза и социодинамики, все же и здесь выявлялась недостаточность простого сосуществования двух наук.

Таким образом, к середине XX в. возникло понимание того, что перевод по отдельности археологических и этнографических источников в область исторических знаний стал недостаточным для нового информационного «взрыва» в исследовании истории населения первобытной эпохи и последующих исторических эпох вплоть до Новейшего времени (особенно в тех случаях, когда речь идет о так называемых бесписьменных народах). Тогда некоторые археологи стали заниматься поисками путей внедрения этнографических знаний и методов в археологию, в том числе изучением процессов изготовления орудий труда, предметов быта, жилищ и т. д. А отдельные этнографы решили овладеть смежной археологической наукой и самостоятельно проводить археологические раскопки и археолого-этнографические исследования. В советской науке благодаря во многом идеям и деятельности тогдашнего директора Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР С. П. Толстова (но не только его) были предприняты широкомасштабные меры, приведшие к многолетним работам Тувинской и Хорезмской комплексных археолого-этнографических экспедиций.

В 1960–1980-е гг. ученые стали понимать, что просто консолидация усилий археологов и этнографов в изучении исторической действительности, включая прежде всего социокультурную действительность (действительность вообще – это действительное бытие сущего), хотя и приносит новые результаты, но все же недостаточно эффективна в этом деле. Тогда-то и появилась идея интеграции археологических и этнографических исследований, которая, в отличие от консолидации ученых двух наук, требовала новых исследовательских программ. Эти программы должны были быть направлены в первую очередь на восстановление связанности отдельных дифференцированных явлений археологической культуры и социума (в данном случае понятие «социум» понимается как синоним «общества»). Ставилась задача воссоздания археологического социокультурного организма (комплекса) в целостности. И здесь выяснилось, что без этнографического видения трудно реконструировать и конструировать такой комплекс. Именно этнография могла помочь восстановить недостающие звенья в таком комплексе путем видения сопряженности социокультурных явлений и их функций в единой системе. Действи-

тельно, социокультурные явления в системе – природная среда, способы производства и жизнедеятельности, поселения, жилища, пища, народные знания, религия, искусство, стереотипы поведения и т. д. – тесно взаимосвязаны (мы говорим: сопряжены) друг с другом.

Объем взаимодействия и взаимопроникновения археологии и этнографии в деле реконструкции и конструирования социокультурных комплексов археологического прошлого и их отдельных составных, в деле изучения этих комплексов и процессов их формирования и функционирования оказался очень большим. Поэтому встал вопрос о качественно новом сближении этих наук на уровне интеграции и появлении нового этноархеологического научного направления.

Представляется, что актуальность этноархеологических исследований связана с получением новых знаний, с переосмыслением (насколько это возможно) под углом предмета и проблем этноархеологии результатов прошлых исследований (видимо, прежде всего в археологии и палеоэтнографии), с использованием этноархеологических знаний в других науках (культурологии, социологии, социальной философии и др.), а также отчасти в современной практике решения социокультурных проблем.

Свой вклад в формирование этноархеологии как научной и учебной дисциплины стараются увеличить омские ученые [о работах омских этноархеологов см.: Корусенко, Тихонов, Томилов, 1998, с. 263–271; Корусенко, Томилов, 2004, с. 279–297; Корусенко, Томилов, 2009, с. 313–349; Томилов, 1998, с. 3–14; 2002а, с. 75–81; 2004, с. 84–94; 2007, с. 40–48; Томилов, Бережнова, Корусенко и др., 2006, с. 13–38; и др.]. Отметим, что ученые-сибиреведы в отечественной науке не только не отставали в разработке данной проблематики от зарубежных ученых, но и нередко во второй половине XX в. брались за организацию и проведение междисциплинарных исследований по проблемам этнической и социокультурной истории. Это выразилось во многих событиях – и в разработке выдающимся сибирским ученым А. П. Дульзоном в 1947 г. подробного перспективного плана всестороннего комплексного изучения происхождения народов Сибири и их языков (план был опубликован в 1952 г.), и в проведении грандиозных научных работ Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедицией ленинградских, московских и сибирских ученых, и в многолетнем совместном изучении археологами, этнографами и антропологами Сибири и Урала проблемы «Этнокультурная история народов Западной Сибири», и в активном применении археологами метода сравнительного анализа археологических и этнографических культур и отдельных социокультурных явлений и т. д.

Важно и то, что вновь выдвинутая во второй половине 1970-х гг. идея интеграции археологических и этнографических работ попала в Омске на благодатную почву – появились энтузиасты этой идеи.

В начале 1993 г. в открытом за год до этого Омском филиале Объединенного института истории, филологии и философии Сибирского отделения РАН (ОИИФФ СО РАН) несколько молодых ученых подняли вопрос о необходимости стыковки археологических и этнографических работ при изучении истории и культуры народов южной части Западной Сибири. 15 марта 1993 г. в филиале состоялось научное совещание археологов и этнографов на тему «Интеграция археологических и этнографических исследований в Западной Сибири». В его работе приняли участие

также ученые из Сибирского филиала Российского института культурологии, омских государственных вузов – университета, педагогического и технологического институтов. На совещании было высказано единодушное мнение о необходимости организации в филиале научно-поисковой группы по проведению фундаментальных исследований многокомпонентных социокультурных этнографо-археологических комплексов. На другой день по Омскому филиалу ОИИФФ СО РАН был издан приказ о начале работ по теме «Этнографо-археологический комплекс» и о формировании группы для ее выполнения. Она и развернула совместные археолого-этнографические работы по изучению археологических памятников и этнографии тарских татар (одна из этнических групп сибирских татар) XVII–XX вв. С 1994 г. были начаты такого рода исследования по истории и культуре русских бассейна Нижней Тары.

Сегодня в Омске работает постоянно действующий научный семинар «Этнографо-археологические комплексы народов Западной Сибири». С целью широкого обмена мнениями по данной проблеме с коллегами из разных научных центров страны был организован ежегодный всероссийский (с 1998 г. – международный) научный семинар-симпозиум «Интеграция археологических и этнографических исследований» (с 1993 по 2013 г. он был проведен в городах Алматы, Владивостоке, Иркутске, Казани, Красноярске, Москве, Нальчике, Новосибирске, Одессе, Омске, Санкт-Петербурге, Уфе, Ханты-Мансийске и др. [Томилов, 2008, с. 35–60]). В 1996 г. омские археологи и этнографы выпустили в свет через Сибирскую издательскую фирму РАН «Наука» первый том серии «Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума» – всего выпущено 12 томов [Корусенко, Томилов, Томилова, 2010, с. 61–66]. Основная цель издания именно такой серии заключается, по нашему мнению, в том, чтобы стимулировать формирование и развитие этноархеологии в России.

В связи с развертыванием работ этноархеологического характера и возникла проблема подготовки кадров по данному направлению. В целом проблема возможностей и сложностей создания этноархеологии как новой дисциплины в отечественной исторической науке была обсуждена на Третьей региональной научно-методической конференции «Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории» в мае 1997 г. в Омске. Тогда и было высказано мнение, что подготовку кадров этноархеологов можно начать осуществлять на базе Омского государственного университета.

Сегодня здесь на историческом факультете для студентов существуют специализации по археологии, этнографии, осуществляемые кафедрой первобытной истории и кафедрой этнографии и музееведения. Но предстоит большая работа по созданию совершенно новых курсов лекций – базового курса по этноархеологии в составе вспомогательных исторических дисциплин, специальных курсов по историографии, источниковедению и методике этноархеологии, по конкретным этноархеологическим исследованиям в России и зарубежных странах, а также по разработке планов практических занятий, специальных семинаров. Необходимо будет подготовить несколько новых учебников и учебных пособий, в том числе программ по сбору полевых материалов. Кроме того, нужно расширить круг курсовых работ и защит дипломных работ по этноархеологии, начать учебу аспирантов по этому научному направлению. Залогом успеха здесь может стать то обстоятельство, что

в Омске сегодня на деле осуществляется интеграция академической и вузовской наук, а их, в свою очередь, – с системой высшего образования.

Теперь вопрос о том, является ли этноархеология в российской науке научной дисциплиной. Пока большая часть тех ученых, которые высказывались и высказываются на эту тему, предпочитают вести речь о направлении. При этом некоторые ученые говорят об этом нейтрально по отношению к археологии и этнографии, подчеркивая, что это направление сложилось или складывается на стыке этих двух наук. Другие ученые прямо относят этноархеологию к археологии, а некоторые из них называют ее методом археологии. Наконец, встречается понимание этноархеологии как субдисциплины этнографии. Такое разночтение связано с определенной этапностью возникновения и дальнейшего развития этноархеологических знаний. Первоначально этноархеология осмыслялась более как направление археологии и даже как ее субдисциплина методического характера. А несколько позднее возникло представление, что этноархеологические исследования – это те, которые проводятся более в традициях этнографии.

Для формирования новой научной дисциплины необходимы определенные условия и факторы. Среди них основными являются: 1) социальная потребность в знаниях нового научного направления; 2) научные разработки, методы, накопленные знания и т. д.; 3) уровень дисциплинарной организации науки, взаимодействие между учеными и т. д.; 4) подготовка специалистов данного профиля (наличие специальности, учебных курсов, учебников, кафедр и т. д.).

На вопрос о наличии социальных и научных условий для формирования отечественной этноархеологической дисциплины можно ответить положительно – такие условия складываются, о чем говорится во «Введении» названного пособия и ниже, во второй главе. А что касается третьей и четвертой позиций, то здесь пока обнаруживается явный недобор, хотя и имеется положительная динамика.

Дисциплинарная организация этноархеологии как науки только намечается. Так, имеется сектор этноархеологии в Институте этнологии и антропологии РАН (Москва), небольшие группы по этноархеологии в Сибири (Кемерове, Омске, Сургуте, Томске) и других регионах России (даже сведения по ним еще не обобщены) и небольшое число специалистов, работающих почти в одиночку в области этноархеологии. В Омском государственном университете при кафедре этнографии и музееведения создана научно-исследовательская лаборатория этноархеологии. То есть пока явно недостаточно научно-исследовательских учреждений или их отдельных подразделений в сфере этноархеологических знаний, чтобы можно было бы считать этноархеологию частной научной дисциплиной.

Также недостаточна здесь частота и плотность взаимодействия ученых. Проблемы этноархеологии, конечно же, обсуждаются на разных международных, российских и региональных научных конгрессах, конференциях, семинарах и симпозиумах, проводимых в России. Надежды омских ученых связаны с проведением ими в разных научных центрах страны ежегодного всероссийского научного семинара-симпозиума «Интеграция археологических и этнографических исследований» и возведением его в ранг международного мероприятия. Но пока в России нет общественной соорганизованности специалистов в этой области в виде ассоциации, научно-координационного совета или какой-либо другой организации.

Нет и научного журнала по этноархеологии, объединяющего ученых. Научные труды в этой области печатаются в различных сборниках, результаты этноар-

хеологических исследований публикуются и в отдельных монографиях. Омскими учеными издаются книги многотомной научной серии «Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума», и уже часть ученых разных научных центров России и некоторых зарубежных стран публикуют в этой серии работы этноархеологической направленности.

Что касается подготовки специалистов данного профиля, то здесь предпринимаются лишь первые шаги в рамках либо археологии, либо этнографии. Нет выделенной специальности этноархеологии в вузах, нет кафедр, аспирантуры. И все же разрабатываются учебные курсы по этноархеологии и по ее отдельным разделам, готовятся специалисты высокой квалификации, подготовлены и защищены первые диссертации по этноархеологической тематике.

Этноархеология как отрасль научных знаний продолжает формироваться в России. И это подтверждает тот факт, что современные научные дисциплины, как пишет Л. С. Сычева, «...отнюдь не находятся в застывшем, статическом состоянии» и что «в науке происходят, как принято выражаться, “бурные” процессы дифференциации и интеграции» [Сычева, 1991, с. 3]. В связи с этим на данном этапе важно определить возможное место этноархеологии в системе гуманитарных наук, наметить направления и программы исследований.

Этноархеология в случае ее формирования определяется как научная дисциплина общественности – семейства наук, в которое входят такие частные науки, как история, социология, психология, экономика и др. Последние относятся к традиционным, классическим наукам. Но в истории выделяют также частные традиционные науки, среди них – археологию и этнографию. Видимо, такой же научной дисциплиной может стать и этноархеология. Ее цель, так же как и цель археологии и этнографии, – получение новых знаний.

Сегодня вопрос о предмете формирующейся в отечественной науке этноархеологической дисциплины дискуссионен. Он связан, в свою очередь, с вопросом об объекте исследования – что нужно изучать: действительность или методы? или то и другое? И ответ на этот вопрос будет иметь практическое значение. Если этноархеология будет сведена к разработке методик, то она окажется в ряду так называемых нетрадиционных дисциплин, связанных с предписаниями (созданием проектов, технологий и т. п.) и разработками методик исследования. Это верное направление, именно здесь имеются определенные этноархеологические наработки не только в зарубежной, но и в отечественной науке.

Но видны и перспективы этноархеологии в изучении социокультурной действительности прошлого. Возникают и, видимо, будут и в дальнейшем возникать новые конкретные исследовательские программы. Имеются возможности создания программ новой систематизации уже десятилетиями накопленных и известных в археологии и этнографии знаний. А единство исследовательских и коллекторских программ может открыть горизонты получения качественно новых знаний в этноархеологии, которые существенно пополнят исторические знания. Сегодня есть потребность и в методологических программах этноархеологического исследования. Конечно же, важное место должно быть отведено программам по разработке методик исследования этноархеологического объекта.

Поиск есть поиск. И нет необходимости опасаться, что представления (версии) ученых о новой формирующейся дисциплине «этноархеология» сегодня не сов-

падают. Это и естественно, так как процесс становления любой научной дисциплины отражается в самосознании ученых по-разному. Главное – не сузить горизонты и проблематику этноархеологических исследований. От этого зависит и подготовка кадров в сфере этноархеологии. Здесь могут возникать разные научные направления, а в будущем, возможно, и различные научные школы (как это бывает в любой научной дисциплине). Это нормальное явление. Но некоторая опасность при явной зауженности проблематики этноархеологии из-за разных трактовок ее объекта и предмета видится в подготовке специалистов с односторонним уклоном знаний.

Оценивая нынешнее состояние творческого процесса интеграции археологических и этнографических знаний, следует, видимо, считать, что объединение ряда областей этих знаний в виде образования этноархеологического научного направления в последние два десятилетия в России проходит с большей интенсивностью. И все же этот процесс, как нам представляется, проходит сложно и порой противоречиво. А. В. Большаков выделяет три стадии в творчестве в области интеграции информации, т. е. интеграции наук: исходная – наличие самостоятельных областей знаний, которые затем включаются в процесс интеграции; стадия сопряжения знаний интегрирующихся наук и образования перемешивающего слоя; стадия выхода из этого перемешивающего слоя [Большаков, 2006]. Скорее всего, интеграция ряда областей археологических и этнографических знаний в российской науке испытывает переход к третьей стадии, в результате чего и сформировалась этноархеология как новое научное направление.

Библиографический список

Бережнова М. Л. Этноархеология: сумма наук или интеграция? // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. Омск, 2003. С. 36–39.

Богомолов В. Б., Томилов Н. А. Теоретические и методические аспекты археолого-этнографических исследований // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск, 1981. С. 125–128.

Большаков А. В. Видовая структура творчества // Аналитика культурологии. 2006. Вып. 1. URL: <http://analculturolog.ru/archive/item/616-the-specific-structure-of-creativity.html> (дата обращения: 22.05.2013).

Жук А. В., Тихонов С. С., Томилов Н. А. Введение в этноархеологию : учеб. пособие для студентов исторических факультетов высших учебных заведений / отв. ред. В. И. Молодин. Омск : Издат. дом «Наука», 2003. 72 с.

Корусенко М. А., Тихонов С. С. Современная российская этноархеология // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. Иркутск ; Омск, 2013. Т. 1. С. 106–111.

Корусенко М. А., Тихонов С. С., Томилов Н. А. Список работ омских ученых по этноархеологической проблематике (1981–1995) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Новосибирск, 1998. Т. 3. С. 263–271.

Корусенко М. А., Томилов Н. А. Список работ омских ученых по этноархеологической проблематике (1996–2000 гг.) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Омск, 2004. Т. 8. С. 279–297.

Корусенко С. Н., Томилов Н. А. Этноархеология и культурология традиционных сообществ: междисциплинарный подход (на материалах культур населения юга Западной Сибири) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск, 2005. С. 18–22.

Корусенко М. А., Томилов Н. А. Список работ омских ученых по этноархеологической проблематике (2001–2005 гг.) // *Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума.* Омск, 2009. Т. 11. С. 313–349.

Корусенко М. А., Томилов Н. А., Томилова В. С. Научные журналы и серии по археологии, этнографии, этноархеологии и культурологии в Омске // *Интеграция археологических и этнографических исследований.* Казань ; Омск, 2010. С. 61–66.

Сычева Л. С. Гносеологический анализ процессов формирования научных дисциплин. М., 1991. 38 с.

Тихонов С. С. Некоторые проблемы интеграции научных дисциплин // *Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. науч. тр.* Нальчик ; Омск, 2001. С. 40–42.

Томилов Н. А. Проблема этнографо-археологических комплексов в исследованиях омских этноархеологов // *Этнографическое обозрение.* 1998. № 1. С. 3–14.

Томилов Н. А. Этноархеология как научное направление // *Этнографическое обозрение.* 1999. № 6. С. 75–84.

Томилов Н. А. Некоторые направления этноархеологии в омском научном центре России // *Интеграция археологических и этнографических исследований.* Омск ; Ханты-Мансийск, 2002а. С. 75–81.

Томилов Н. А. Этноархеология: понятие, объектно-предметная и проблемная сферы // *Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума.* Новосибирск, 2002б. Т. 5. С. 9–19.

Томилов Н. А. Этноархеология как научная и учебная дисциплина в российском обществе // *Интеграция археологических и этнографических исследований.* Омск, 2003. С. 82–85.

Томилов Н. Основные направления этноархеологии в омском научном центре // *Р. Ф. Кайндль 1 Украинская историческая наука.* Вижница : Черемош, 2004. Ч. 1. С. 84–94.

Томилов Н. А. Этноархеологическое направление в омском научном центре России // *Интеграция археологических и этнографических исследований.* Одесса ; Омск, 2007. С. 40–48.

Томилов Н. А. Международный научный симпозиум (семинар) «Интеграция археологических и этнографических исследований» (к 15-летию со дня основания) // *Интеграция археологических и этнографических исследований.* Новосибирск ; Омск, 2008. С. 35–60.

Томилов Н. А., Бережнова М. Л., Корусенко М. А., Корусенко С. Н., Матвеев А. В., Смирнова Е. Ю., Татауров С. Ф., Татаурова Л. В., Тихомиров К. Н., Тихомирова М. Н., Тихонов С. С. Этноархеологические исследования русских и татар Тарского Прииртышья // *Интеграция археологических и этнографических исследований.* Красноярск ; Омск, 2006. С. 13–28.

**Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН,
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского,
Сибирский филиал Российского института культурологии (Омск)
n.a.tomilov@gmail.com**

The article is devoted to the creative process when creating a new scientific field – ethnoarchaeology. Described the process of formation of the discipline of science, and the main stages and problems.

Creativity, science, ethnoarchaeology, integration, interdisciplinary.

В. В. Ушницкий

**СКАЗИТЕЛЬ И ШАМАН:
НОСИТЕЛИ ФОЛЬКЛОРНОГО И КУЛЬТОВОГО ДЕЙСТВИЯ**

Сказители и шаманы олицетворяют древнее сценическое искусство, представляют первобытную культуру. Они умели сливаться с силами природы, показывать свое духовное искусство окружающим. Их вполне можно признать предтечами современного театра, музыкальной культуры, носителями фольклорной традиции и мифического творчества.

Шаманизм, сказительство, эпос, Сибирь, миф.

В архаичных культурах Северо-Восточной Азии между сказителем и шаманом, мастером устного рассказа и человеком, обладающим чудесной целительной силой, существует тесная связь, а следы шаманизма можно обнаружить во всех традициях тюркского устного эпоса. Взаимосвязь между шаманом и сказителем наиболее очевидна у тех тюркских групп, где шаманизм практиковался вплоть до недавнего времени, т. е. у якутов и различных тюркских групп Алтая. Фигуры певца и шамана в этих традициях четко различаются, но многое указывает на то, что первоначально они были одним целым, как среди некоторых тунгусских и палеоазиатских народов [Райхл, 2008, с. 54–55].

Чем архаичнее культура, тем органичнее выступает слитность функций жреца, шамана и сказителя. Одно из самых ярких свидетельств родства шамана и сказителя оставил нам Л. Я. Штернберг. О гиляцком (нивхском) сказителе он писал, что это – «исключительная натура», «настоящий избранник богов». «Недаром сказочниками чаще всего являются шаманы или их наследники. О знаменитых гиляцких шаманах рассказывают, что они проводили целые дни в непрерывном рассказывании сказок и распевании импровизированных поэм» [цит. по: Путилов, 1997].

Д. А. Функ в монографии «Миры шаманов и сказителей» сопоставляет шамана и сказителя эпоса в шорской традиции. По его утверждению, любой шорский сказитель-кайчи хорошо знает о существовании того, кто владеет искусством «рассказывания сказок», о хозяйине кая. Этот дух может надолго обосноваться в каком-то одном месте, принося славу сказителям, может и уйти к другому народу, тогда традиция сказителя в регионе приходит в упадок [Функ, 2005, с. 259].

В Северной Шории, например, очень сильным камом считался кайчи Капрол, к нему свозили больных не только из ближних, но и из дальних улусов. В шорской традиции сказителем кайчи, как и шаманом, становятся в результате избранничества; эпические песнопевцы часто повествуют о чудесном получении дара сказителя во сне. Получение необычных способностей «во сне» – довольно распространенное явление, о котором свидетельствуют шаманы, сказители, колдуны.

Важным моментом в избранничестве сказителей, как и шаманов, считалось сошествие к будущему сказителю духов-тос. В отношении шаманов такое сошествие обычно определялось стандартной формулой «тос пасыпчылар» – «духи дают» и влекло за собой то, что обычно именуется «шаманской болезнью». Старики-

шорцы считают, что сказитель, как и шаман, должен отличаться от обычных людей какими-то особенностями физического или психического плана.

Казахи считали, что хороший шаман (баксы) должен быть хорошим музыкантом и певцом. Существовало представление о получении дара поэта и певца (акын, жирау) по воле сверхъестественных сил. По казахским поверьям, у каждого акына имелся дух-покровитель, являвшийся ему в образе льва, серого волка, сизой утки. Туркмены, узбеки и каракалпаки словом «бакши» именовали народного певца и сказителя, кыргызы, казахи, уйгуры под этим словом знали шамана. Значит, в древности этим словом называли и певца, и шамана, объединенных в одной фигуре.

В шаманских песнопениях эвенков (эзивун – букв. «клич») музыкальная характеристика (ритм и мелодия) задается особым запевом, который неоднократно повторяется как припев. Запевы-припевы (икэвкэ) организуют музыкальную ткань поющих монологов и в таких эпических жанрах эвенкийского фольклора, как мифы и сказания, где каждый герой имеет собственный мотив [Новик, 2004, с. 79].

Долганы прибегали к услугам песенников для исцеления больных: «В годы, изобилующие болезнями, песенничество принимало массовый характер. При этом песенники – мужчины и женщины – одеваются в нарядное платье и разъезжают по чумам, распевая песни от имени вселившихся в них духов и предсказывая будущую судьбу хозяев» [Попов, 1937, с. 19].

Шаманское пение было отнесено музыковедом-фольклористом Э. Е. Алексеевым к стилю дьйэрэтии ырыа (плавная, протяжная, цветистая песня), в отличие от бытового пения дэгэрэн ырыа (подвижная, размеренная песня). По поводу стиля дьйэрэтии он замечает, что «это не просто гортанное или горловое пение. Исполнение в стиле дьйэрэтии обильно уснащается специфическими фальсетными призвуками – кылысахами, техника которых вырабатывается длительной тренировкой» [Алексеев, 1976, с. 11]. В перечень жанров, исполняемых в этом стиле, входили песенные импровизации тоюки и благопожелания алгысы, которые, являлись одной из наиболее распространенных у якутов форм обрядовой поэзии; в форме тоюков передавалась и прямая речь героев олонхо.

Среди бурят устные предания в виде улигеров (былинных сказаний) служили важным средством передачи шаманских традиций из поколения в поколение. И шаман, и сказитель играли большую роль в сохранении древних знаний. Сказитель почти не отличался от шамана: его пение, считалось, обладало шаманской силой врачевания, подобно пению хатаали (певцов-лекарей североамериканских индейцев) навахо. Заклинания шаманов по призыванию духов, которыми начинались все обряды, облекались в стихотворную форму.

Рассказывать сказки или сказание – это магический дар, сопоставимый с даром шамана, способность видеть духов и общаться с ними. Рассказывание сказки или сказания – это общение с Ханом Алтая и другими духами-ээзи. Духи больше всего любят слушать сказки, всегда собираются, когда где-нибудь кайчи начинает сказывать горловым пением, потому всегда перед началом сказки или сказания кайчи поет благопожелание – топшуру и Хану Алтай.

Так же как шаман в своем путешествии, сказитель входит в эпический мир, следуя за героем: сказывая, сказитель постепенно переходит на первое лицо. Шаманы перевоплощались в разных героев. Аналогичный выход исполнителя из сюжета используется в сказках, героических сказаниях, при благопожеланиях, шаман-

ских камланиях: «чѐ-ѐк» – слово, имеющее магическую силу. Но этот смысл не первичен для сказителя, он первичен для шамана; может встречаться в других местах шаманских текстов сказания.

При обращении к айыы, духу-хозяйке Земли, духам-хозяевам природы (иччи) «белый» шаман должен был только петь. Для этого подбирали шамана, у которого был нежный, тихий, тонкий голос, так как считалось, что на громкий, раскатистый голос айыы не отвечали. Поэтому Е. Н. Романова отождествляет «белого» шамана с певцом. Она предполагает, что «белый» шаман якутов мог выступать сразу в роли певца и шамана. К кругу лиц, близких к шаманам, у хакасов относились музыканты-сказители кайчи. Певец у якутов обладал некоторыми свойствами, присущими шаману. По сведениям В. Л. Серошевского, встречались такие редкие певцы, пение которых женщин повергало в истерику, а мужчин приковывало к земле. От такого пения высыхали деревья, люди теряли рассудок. Великие певцы, по поверьям, своим пением могли убить даже шамана. Как и певцами, шаманами становились избранники судьбы [Романова, 1994, с. 63].

Аржан Кузереков – алтайский кайчи – проживает в д. Курота. Он считается шаманом, так как лечит людей звуком кая. С утра около его юрты толпится народ. При этом больные прибывают со всей России. В основном приводят детей родители. Аржан обычно через арчын (можжевельник) смотрит судьбу людей и лечит с помощью кая через алгыш. По его словам, в последнее время культуру алтайцев сильно развратили. Очень многие хотят использовать традиции. В Сибири имеется очень большая культура. Она связана с кровью – хааном. Обычно у шаманов большое давление. У каждого человека должна быть мысль. Когда человек рождается, должна быть белая и черная сторона. У огня дух очень большой. Поэтому он всегда обращается через огонь.

Аржан с детства был необычным мальчиком: предпочитал общаться с собаками, но не с людьми, которые его не всегда понимали. В итоге в школе почти не учился из-за болезненных проявлений психофизиологического характера. Каю стал учиться с 12 лет в артистической среде, учился играть на топшуре, стал заучивать различные запевы из эпоса [Харитоновна, 2006, с. 252].

Согласно хакасским представлениям, у шамана и сказителя-хайджи дорога считалась единой. То есть пути у богатырей сказаний (нымах чолы) и шаманских духов (хам чолы) считались общими. Во время исполнения героических сказаний души богатырей – алыптын сунези на своем пути могут встретиться с тесями камлающего в этот момент шамана. Это объяснялось тем, что теси и горные духи очень любят слушать сказания и горловое пение – хай. Считалось, что хай притягивает шаманских тесей. Многие великие сказители-хайджи становились шаманами, ибо способность к горловому пению они получали от горных хозяев. Хайджи, выбравший путь сказителя, приобретал чатхан или хомыс. Если он возьмет шаманский костюм, то станет камом. С другой стороны, великие шаманы умели петь горлом – каем [Бутанаев, 2006, с. 62].

Е. Е. Ямаева настаивает на том, что на Алтае некоторые сказители могли выполнять функции шамана, а некоторые – функции ярлыкчы (жрецы в бурханизме). К сказителям-шаманам она относит А. Г. Калкина [Харитоновна, 2006, с. 86].

Сказители и шаманы олицетворяют древнее сценическое искусство, представляют первобытную культуру. Они умели сливаться с силами природы, показывать

свое духовное искусство окружающим. Их вполне можно признать предтечами современного театра, музыкальной культуры, носителями фольклорной традиции и мифического творчества.

Библиографический список

- Алексеев Э.* Проблемы формирования лада. М., 1976.
- Бутанаев В. Я.* Традиционный шаманизм Хонгоря. Абакан : Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2006. 254 с.
- Попов А. А.* Долганский фольклор. Л., 1937.
- Путилов Б. Н.* Эпическое сказительство: типология и этническая специфика. М. : Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 1997. 295 с.
- Райхл К.* Тюркский эпос: традиции, формы, поэтическая структура / пер. с англ. В. Трейстер ; под ред. Д. А. Функа. М. : Вост. лит., 2008. 383 с.
- Романова Е. Н.* Якутский праздник Ысыах: истоки и представления. Новосибирск : ВО «Наука», 1994. 160 с.
- Новик Е. С.* Обряд и фольклор в сибирском шаманизме: опыт сопоставления структур. М. : Вост. лит., 2004. 304 с.
- Функ Д. А.* Миры шаманов и сказителей: комплексное исследование телеутских и шорских материалов. М. : Наука, 2005. 401 с.
- Харитонова В. И.* Феникс из пепла? Сибирский шаманизм на рубеже тысячелетий. М., 2006. 372 с.

**Институт гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск)
voma@mail.ru**

Storytellers and shamans embody the ancient performing arts, represent the primitive culture. They knew how to blend in with the forces of nature, to show their spiritual art to others. They may well be to recognize the precursors of the modern theater, music culture, native folk traditions and the mythical creation.

Shamanism, storytelling, epic, Siberia, myth.

ХРОНОЛОГИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНЕГО И СОВРЕМЕННОГО ТРАДИЦИОННОГО ИСКУССТВА НАРОДОВ СИБИРИ. ВКЛАД РОССИЙСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ УЧЕНЫХ В ИССЛЕДОВАНИЕ ДРЕВНЕГО И СОВРЕМЕННОГО ТВОРЧЕСТВА НАРОДОВ СИБИРИ

А. К. Акматов*, А. Ю. Борисенко**,
К. Ш. Табалдиев***, Ю. С. Худяков****

ИЗОБРАЖЕНИЯ ВОИНОВ НА ПЕТРОГЛИФАХ ОРНОКА В КЫРГЫЗСТАНЕ

В статье исследуются изображения воинов, нанесенные на поверхность каменных валунов, расположенных на северном берегу оз. Иссык-Куль, в окрестностях с. Орнок, в Кыргызстане. Среди исследованных рисунков выделена группа пеших воинов, изображенных в широкополой, возможно, защитной одежде с клинками на поясе. Предложен вариант интерпретации многофигурной композиции с участием нескольких взрослых воинов и подростка. Проанализированы изображения конных воинов с клинковым оружием на поясе и копьями в руках.

Петроглифические памятники, изображения воинов, вооружение, местонахождение Орнок, Иссык-Куль, Кыргызстан.

В течение последних лет на территории Кыргызстана было изучено несколько средневековых петроглифических памятников, на которых представлены изображения конных и пеших воинов, вооруженных разными видами оружия [Жолдошев, 2005, с. 67–69]. Среди исследованных в эти годы местонахождений, на которых имеются рисунки людей с оружием, определенный научный интерес представляют подобные изображения, выбитые на поверхности массивных валунов, расположенных на северном берегу оз. Иссык-Куль, в окрестностях с. Орнок [Акматов, 2008, с. 11–17]. Наскальные рисунки в этом районе ранее уже становились объектом исследования. В 2001 г. документированием наскальных рисунков в Иссык-Кульской котловине, в том числе в районе Орнока, по проекту ЮНЕСКО занималась группа кыргызских и германских исследователей под руководством К. И. Ташбаевой

[Акматов, 2008, с. 11]. Некоторая часть рисунков на валунах в этой местности подверглась разрушению при строительстве дороги от оз. Иссык-Куль в Алматы [Улеманн, 2003, с. 12]. В 2012 г. ряд изображений воинов, нанесенных на валунах в окрестностях Орнока, были обследованы авторами настоящей статьи в рамках проекта «История военного дела народов Южной Сибири и Центральной Азии в средние века» по договору между Омским производственным объединением «Радиозавод им. А. С. Попова» (РЕЛЕРО) и Институтом археологии и этнографии Сибирского отделения РАН [Худяков и др., 2012, с. 306]. Рассматриваемые рисунки нанесены техникой точечной выбивки на поверхности нескольких крупных валунов, которые расположены в составе моренных выходов, протянувшихся из горного ущелья до северного берега оз. Иссык-Куль, восточнее с. Орнок. Исследуемые изображения выполнены углубленным контррельефом в силуэтной стилистической манере.

Среди изученных композиций привлекает внимание изображение группы, состоящей из пяти антропоморфных фигур, выбитых на патинизированной поверхности крупного валуна [Акматов, 2008, рис. I, 2]. Она включает четыре укрупненных человеческих фигуры и одну уменьшенную фигуру, которые изображены стоящими анфас, на прямых ногах, с согнутыми в локтях руками, которыми они держат в области пояса слегка наклоненный в левую сторону вытянутый предмет, который напоминает достаточно длинный прямой клинок, меч или палаш в ножнах, подвешенный на пояском ремне. Воины изображены в момент, когда они вынимают клинок из ножен, держа одной рукой рукоять клинкового оружия, а другой – ножны. Между ног у всех четырех воинов изображена длинная прямая линия. Вероятно, подобным образом показан второй меч, или палаш. На головах у воинов воспроизведены островерхие головные уборы с конической, сферической или ромбовидной тульей. У трех крупных и одной небольшой фигуры эти головные уборы имеют в нижней части загнутые кверху широкие поля, которые напоминают кыргызские колпаки. У одного воина конический верх колпака отогнут в сторону. У воина в сферическом головном уборе на верхней части головного убора показан выступ, похожий на навершие сферического шлема. Все воины изображены в верхней наплечной одежде, расширенной от пояса к плечам и с расширяющимися полями к подолу, который находится на уровне бедер или колен. Возможно, это верхняя одежда, представляющая собой кафтан [Акматов, 2008, с. 12]. Однако нельзя исключить, что эти особенности костюма можно трактовать в качестве воинского защитного доспеха. В пользу такого предположения могут свидетельствовать выполненные резной техникой изображения древнетюркских панцирных воинов в доспехах с расширенным подолом на памятнике Жалтырак-Таш в Таласской долине в Кыргызстане [Жолдошев, 2005, рис. I, 2, 3, 7; Шер и др., 1987, с. 73]. Сюжет изображения не вполне ясен. Возможно, данная композиция воспроизводит изображение четырех вооруженных и защищенных доспехами взрослых воинов и одного подростка в защитном облачении с клинками на поясе, стоящего в центре, среди них. С обеих сторон от него стоит по два взрослых воина. Вероятно, таким образом могли изобразить сына или наследника какого-то правителя в окружении телохранителей. На другом валуне, на том же Орнокском петроглифическом

местонахождении, имеется еще одна силуэтная фигура человека, стоящего в аналогичной позе, на прямых ногах, с согнутыми в локтевых суставах обеими руками, которыми он держит прямой клинок, вынимая его из ножен. На теле у него показана свободная, широкая одежда с расширенной юбкой. Между ног – короткая вертикальная полоса. Часть поверхности валуна в том месте, где должно быть изображение головного убора, повреждена [Акматов, 2008, рис. I, 3].

В ходе изысканий, проведенных в сентябре 2012 г. на Орнокском петроглифическом памятнике, было обнаружено не привлекавшееся ранее для анализа выбитое изображение воина, воспроизведенного в статичной позе, стоящего в полный рост на прямых ногах, фигура которого повернута анфас, одетого в верхнюю, вероятно, защитную одежду, расширяющуюся к подолу, с клинковым оружием на поясе. Судя по этому рисунку, подобные изображения относятся к числу достаточно характерных сюжетов для данного местонахождения. На других петроглифических местонахождениях Кыргызстана подобные изображения пеших воинов с клинковым оружием на поясе пока не выявлены. Судя по изображению пеших воинов в доспехах, изображенных на местонахождении Жалтырак-Таш в Таласской долине, орнокские рисунки могут относиться к эпохе средневековья [Жолдошев, 2005, с. 67–69]

На нескольких валунах в пределах местонахождения Орнок имеются выбитые рисунки всадников с различными видами оружия в руках или подвешенного к поясу. На одном из рисунков, выполненных в силуэтной манере, который передает едущего верхом конного воина, показана горизонтально расположенная полоса, которую можно интерпретировать как меч или кинжал в ножнах, закрепленный в области пояса, который по манере изображения напоминает клинковое оружие на поясе у проанализированных выше пеших орнокских воинов. На голове у всадника изображен головной убор с кисточкой на навершии [Акматов, 2008, рис. VII, 6]. Еще два всадника в широких костюмах, верхом на мчащихся навстречу друг другу лошадях изображены в поединке с копьями в руках. У конных копьеносцев не выделены головные уборы. Всадники сблизилась настолько, что головы лошадей слились в один силуэт [Акматов, 2008, рис. VII, 8]. Несмотря на недостаточно четкую проработанность деталей ряда рисунков, изображения пеших и конных воинов отличаются большой выразительностью.

По наличию характерных реалий и манере исполнения рассмотренные рисунки конных воинов на петроглифическом местонахождении Орнок находят аналогии среди выбитых изображений эпохи средневековья в Саяно-Алтае и Центральной Азии [Худяков, 1987, с. 181–183].

Исследованные на памятнике Орнок изображения пеших и конных воинов могут служить ценным изобразительным источником для реконструкции внешнего облика и комплекса вооружения средневековых воинов Иссык-Кульской котловины Кыргызстана.

Библиографический список

Акматов К. Т. Петроглифы Орнока // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Бишкек : Илим, 2008. Вып. 3. С. 11–18.

Жолдошев Ч. М. Изображение вооружения в средневековых петроглифах Кыргызстана // *Материалы и исследования по археологии Кыргызстана*. Бишкек : Илим, 2005. Вып. 1. С. 67–74.

Улеманн К. Виды культурно-исторических памятников // *Биосферная территория Ысык-Кель. Культурно-исторические памятники*. Балыкчы; Бишкек : проект «Поддержка биосферной территории Ысык-Кель», 2003. С. 12–18.

Худяков Ю. С. Образ воина в наскальном искусстве Южной Сибири и Центральной Азии // *Антропоморфные изображения*. Новосибирск : Наука, 1987. С. 181–190.

Худяков Ю. С., Табалдиев К. Ш., Борисенко А. Ю., Акматов К. Т. Изучение изображений воинов на петроглифических памятниках Прииссыккуля и средневековых предметов вооружения в музейных собраниях Кыргызстана // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий : материалы Итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2012 г.* Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. Т. XVIII. С. 306–309.

Шер Я. А., Миклашевич З. С., Самашев З. С., Советова О. С. Петроглифы Жалтыракташа // *Проблемы археологических культур степей Евразии*. Кемерово : Кемеров. гос. ун-т, 1987. С. 70–78.

***Государственный исторический музей Кыргызской Республики
(Кыргызстан, Бишкек)**

kunbolot@mail.ru;

****Новосибирский государственный университет (Россия)**

aborisenko2@mail.ru;

*****Кыргызский национальный университет им. Жусупа Баласагына
(Кыргызстан, Бишкек)**

tabaldievk@yahoo.com;

******Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
(Россия, Новосибирск)**

khudjakov@mail.ru

Images of warriors, deposited on the surface of stone boulders placed on the northern shore of Lake Issyk-Kul around with Ornok in Kyrgyzstan are investigated in the article. Among the studied group is selected drawings foot soldiers depicted in broad, perhaps, protective clothing with knives on his belt. The interpretation variant of multi-figure compositions with several adult men and adolescents is offered. Images of mounted warriors with bladed weapons on his belt and spears in their hands are analyzed.

Petroglyph sites, images of warriors, weapons, location Ornok, Issyk-Kul, Kyrgyzstan.

А. Ю. Борисенко

**ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА
НАРОДОВ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ЕВРОПЕЙСКИМИ УЧЕНЫМИ
КОНЦА XVII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА**

Представленная работа посвящена истории исследования петроглифических памятников на территории Сибири и Центральной Азии европейскими учеными XVII – первой половины XVIII в. Первые упоминания о подобных памятниках относятся к XVII в. Труд Н. Витзена, посвященный археологическим древностям Сибири, выдержал несколько изданий, что свидетельствует о существовании широкого интереса к такой информации в обозначенное время. Результатами экспедиций XVIII в. по изучению древних и традиционных культур Сибирского и Центрально-Азиатского регионов стала фиксация большого количества изобразительных памятников и их дальнейшее осмысление и интерпретация, что сделало их доступными для отечественной и мировой научной общественности.

Наскальные рисунки, петроглифические памятники, изображения людей и животных, европейские ученые.

Интерес к петроглифическим памятникам Сибири и Центральной Азии возник в Европе достаточно давно. Еще в конце XVII в. бургомистром Амстердама, известным ученым и собирателем сибирских артефактов Н. К. Витзеном была опубликована книга, в которой приводятся некоторые сведения о писанице с р. Ирбит на Урале [Witsen, 1692]. Тогда им было высказано предположение, что рисунки Ирбитской писаницы являются «неизвестным родом письма» [Борисенко, Худяков, 2005, с. 49]. В дальнейшем монументальный труд неоднократно переиздавался, что говорит о живом интересе у европейской общественности к представленным материалам [Witsen, 1705; 1785]. Такая интерпретация Ирбитских рисунков была поддержана позже Ф. И. Страленбергом, который многие наскальные изображения считал «письменными знаками» [Stralenberg, 1730, s. 356–362]. Точку зрения голландского исследователя о принадлежности изображений Ирбитской писаницы «неведомому письму» довольно подробно изложил и критически проанализировал Г. Ф. Миллер [Миллер, 1937, с. 526–528]. Он сопоставил рисунки писаницы с иллюстрациями из работ Г. Купера и Ф. И. Страленберга, с собственными наблюдениями и пришел к выводу, что на Ирбитской писанице представлены только изображения людей и животных, но нет знаков письменности [Миллер, 1937, с. 528–529].

Во время первой научной экспедиции, направленной в Сибирь по инициативе императора Петра I в 1721–1727 гг., ее руководителем Д. Г. Мессершмидтом и другими участниками было отмечено несколько петроглифических памятников на территории Минусинской котловины. В долинах рек Есть и Тея в Абаканской степи было обнаружено большое скопление курганов, принадлежавших, по мнению Д. Г. Мессершмидта, скифам, над ними возвышалось несколько крупных камней, некоторые более 2 м в высоту, с изображениями людей, спиралей, геометрических фигур и абстрактных рисунков. На одном из них было изображено 12 человеческих фигур в 6 рядов по две-три фигуры в ряд. По одной фигурке было изображено в самом

низу и на самом верху данной каменной стелы. Такая схема изображения рисунков позволила ученому предположить, что на камне изображено генеалогическое древо [Messerschmidt, 1962, s. 299]. По пути из Саянского острога в Красноярск ученый посетил памятник Городовая стена, который представлял собой скальный утес сильно патинизированного коричневого цвета. На высоте более 8 м над водой исследователем были отмечены рисунки, выполненные «в незапамятные времена» малиновой, «неугасаемой», по выражению Д. Г. Мессершмидта, краской. Они были зарисованы и отправлены в Санкт-Петербург [Messerschmidt, 1962, s. 326]. Среди изображений на этом петроглифическом памятнике были представлены геометрические знаки – спиральные символы, линии, а также изображения коней, человека и колчана со стрелами. Через некоторое время на Писаном камне, на правом берегу Енисея, участниками экспедиции были зафиксированы другие наскальные рисунки, выполненные все той же красной краской на высоте примерно 9 м над уровнем воды. Зарисовки в дневнике Д. Г. Мессершмидта представляют Писаный камень с двумя изобразительными поясами. На нижнем из них показан человек и конь, на верхнем – стоящий человек и всадник. Кроме того, изображения двух всадников были зафиксированы на правом берегу р. Верхняя Тунгуска. Они были нанесены на скальной породе серого цвета [Messerschmidt, 1968, s. 153].

Рисунки различных животных и схематичные фигуры людей, а также различных знаков, выявленные ученым в ходе осмотра Томской писаницы и петроглифических памятников в долине р. Енисей, представляют собой один из первых опытов фиксации наскальных изображений с целью их научного изучения [Борисенко, Худяков, 2005, с. 72–73].

В 1730 г. в Стокгольме была опубликована книга другого участника экспедиции Д. Г. Мессершмидта – находившегося в плену в Сибири шведского офицера Ф. И. Табберта, получившего после возвращения на родину дворянское достоинство и фамилию фон Страленберг, «Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia», в которой имеются приложения из нескольких рисунков, выполненных, вероятно, самим автором [Stralenberg, 1730]. На таблице VII этой книги представлены рисунки изображения человека, копытных животных, личины, вероятно, тамги и другие знаки, которые трудно определить [Stralenberg, 1730, s. 338]. Ф. И. Страленберг отметил, что подобные изображения встречались в районе г. Чердын в Великой Перми и были выполнены на скале красной краской.

Таблица VIII содержит рисунки петроглифов, которые были обнаружены между Томском и Кузнецком на берегу р. Томи и на которых изображены фигурки людей, животных и птиц, вероятно, солярные знаки и другие изображения. Ф. И. Страленберг отмечал сходство изображений на уральском и томском памятниках с изображениями, встреченными им позднее на Енисее между Красноярском и Абаканом. Он выражал искреннее удивление, как древние мастера могли выполнять эти картины на такой высоте, так как летом отвесный скальный берег Томи не имеет никаких подходов, а зимой это место недоступно из-за снега и мороза. Это был один из первых опытов изучения известного петроглифического памятника Томская писаница [Stralenberg, 1730, s. 337].

На таблице XI в книге Ф. И. Страленберга представлено четыре каменных стелы (А, В, С, D) с рисунками, они были вкопаны в землю и стояли возле курганов. Как пишет Ф. И. Страленберг, частично они были высечены на камне при помощи орудия, частично – «выжжены» [Stralenberg, 1730, s. 358]. Только на одном

камне (А) имеется изображение фигуры человека и копытного животного. Остальные покрыты абстрактными знаками.

В 1730–1740-х гг. в Сибири путешествовала Великая Северная экспедиция Российской академии наук. Руководитель сухопутного отряда этой экспедиции, выдающийся историк Г. Ф. Миллер посвятил петроглифам Сибири значительное внимание в своем труде «История Сибири». Им была написана специальная статья, в которой он высказал свое мнение о некоторых изображениях, которые его предшественники считали надписями. Им была достаточно подробно описана и проанализирована Ирбитская писаница, на которой, по его оценке, имеются «разные беспорядочные изображения», а также исследованы рисунки на «Писаных камнях» с сибирских рек Томи, Енисея и Лены [Миллер, 1937, с. 528–529, 536–537, 544–545, 560–561]. При современных переизданиях книги по истории Сибири Г. Ф. Миллера в нее были включены статьи о сибирских древностях, в том числе статья о сибирских писаных камнях [Миллер, 1999, с. 519–534]. В приложении к этому изданию были опубликованы рисунки петроглифических памятников с рек Томи, Енисея и Лены, созданные работавшими в составе экспедиции профессиональными художниками И. В. Люрсениусом и И. Х. Бергханом [Миллер, 1999, рис. 30–35]. В своем сочинении Г. Ф. Миллер подробно останавливается на результатах исследований своих предшественников, в том числе Н. К. Витзена и Ф. И. Страленберга, которые некоторые изображения на Ирбитской писанице считали письменными знаками. Посетив и осмотрев этот памятник, ученый установил, что изображения нанесены красной краской, причем довольно беспорядочно. Среди этих рисунков не было ничего, что «было бы похоже на связный ряд изображений». Мнение Ф. И. Страленберга о том, что это иероглифы, он считал ошибочным [Миллер, 1999, с. 523]. Исследователь довольно подробно описал изображения диких животных и людей, нанесенные на поверхность скалы на Писаном Камне на р. Томи [Миллер, 1999, с. 526–527]. Он привел описание рисунков с еще одного петроглифического местонахождения на Енисее, осмотренного другим участником Великой Северной экспедиции – И. Г. Гмелиным. Этим исследователем были отмечены фигуры людей и животных, нанесенные краской на скальную поверхность Писаного Камня на Енисее [Миллер, 1999, с. 527]. Г. Ф. Миллер отмечал, что многие петроглифические памятники, расположенные на территории Сибири, пользуются почитанием у коренных народов Сибири, возле них совершаются языческие религиозные обряды и шаманские камлания [Миллер, 1999, с. 532–533].

Европейскими исследователями конца XVII – первой половины XVIII в. были заложены основы научного изучения и осмысления наскальных рисунков на территории Сибири. Ими были зафиксированы, осмотрены и зарисованы некоторые петроглифические памятники и предприняты первые попытки их научного осмысления и интерпретации.

Библиографический список

Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Изучение древностей Южной Сибири немецкими учеными XVIII–XIX вв. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2005. 270 с.

Миллер Г. Ф. История Сибири. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937. Т. 1. 607 с.

Миллер Г. Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. М. : Вост. лит., 1999. Т. I. 630 с.

Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Berlin : Akademie-Verlag, 1962. B. 1. 379 S.; 1968. B. 4. 283 S.

Strahlenberg F. I. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia. Stockholm : der Berlegung des Autoris, 1730.

Witsen N. Noord en Oosten Tartarien. Amsterdam, 1692.

Witsen N. Noord en Oosten Tartarien. Amsterdam : Halma, 1705. 503 S.

Witsen N. Noord en Oosten Tartarien. Amsterdam : Halma, 1785. 548 S.

Новосибирский государственный университет (Россия)
aborisenko2@mail.ru

The present work is devoted to the study of history petroglyph sites in Siberia and Central Asia, European scientists XVII – the first half of the XVIII century. The first mention of these monuments belong to the XVII century. The work of N. Witsen dedicated to archaeological antiquities Siberia, published in several editions, indicating the existence of broad interest to such information in the designated time. The results of the expeditions of the XVIII century. the study of ancient and traditional cultures of the Siberian and Central Asian region was fixing a large number of fine monuments and their further understanding and interpretation, making them available for the domestic and world scientific community.

Rock paintings, petroglyph sites, images of people and animals, scientists in Europe.

А. Л. Заика

«СКЕЛЕТНЫЙ» СТИЛЬ В НАСКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ СЕВЕРНОЙ АЗИИ (вопросы генезиса)

«Скелетный» стиль появился в петроглифах Северной Азии в эпоху неолита. В основе его происхождения, возможно, лежит культовая практика выполнения изображений животных с целью их «оживления» жидкими красителями (кровь, охра), которые оставляли на скале вертикальные подтеки. Отсутствие сцен охоты показывает превалирование идеи возрождения пищевых ресурсов над темой их продуктивного изъятия. Архетипичность представлений о цикличности жизни и смерти объясняет популярность «скелетного» стиля в искусстве Северной Азии.

Петроглифы, неолит, «скелетный» стиль, охра, возрождение, пищевые ресурсы.

В науке давно закрепилось мнение о сакральной значимости образов петроглифов, выполненных в «скелетном» стиле, или, как он известен в мировой науке, рентгеновском стиле («RX»). Характерным признаком, маркирующим данную манеру изображения, является поперечное сечение телесного контура зоо- или антропоморфных фигур линиями «ребер». В древнем искусстве Северной Азии изображения в «скелетном» стиле встречаются не только на скалах, но и в металле (рис., 7), на дереве (рис., 9), керамике (рис., 11).

© Заика А. Л., 2013

1 – Шалаболинская писаница [по: Пяткин, Мартынов, 1985]; 2 – Шалаболинская писаница (копия А. Л. Заики); 3 – Второй каменный остров [по: Окладников, 1966]; 4 – Томская писаница [по: Окладников, Мартынов, 1972]; 5 – писаница Тепсей (копия А. Л. Заики); 6 – писаница Сибиктэ [по: Кочмар, 1994]; 7 – кулайское культовое литье [по: Ковтун, 1993]; 8 – Большая Када [по: Окладников, 1966]; 9 – Шигирский идол [по: Дэвлет, 2000]; 10 – писаница Укыр [по: Дэвлет, 2000]; 11 – поселение Самусь-IV [по: Глушков, 1987]; 12 – писаница Бэс-Юрях [по: Кочмар, 1994]; 13 – писаница Манзя [по: Заика, 2012]; 14 – изображение на оленем камне (копия А. Л. Заики); 15 – Американский Конь – вождь индейцев сиу (фотопортрет, 1870-е гг.); 16-18 – писаница Ленкова гора (копия А. Л. Заики)

Традиционно принято считать, что «скелетный» стиль в наскальном искусстве Сибири зародился в эпоху позднего неолита и получил свое широкое распространение в эпоху бронзы, в рудиментарном виде сохраняясь в эпоху раннего железного века. В свое время А. П. Окладников относил к периоду железа изображения лосей в «скелетном» стиле и личины с трехрогим головным убором [Окладников, 1959]. После того как раскопки в Минусинской котловине выявили целый пласт гравировок II тыс. до н. э., содержащих такие личины и контурные рисунки быков, заштрихованные в клетку или поперечными полосами, стало ясно, что и «скелетный» стиль, и личины свойственны уже развитому бронзовому веку [Вадецкая, 1965]. Учитывая это, в книге «Петроглифы Ангары» А. П. Окладников [1966] зачислил все изображения лосей «скелетного» стиля в неолитическую группу, а личины отнес к эпохе бронзы [Формозов, 1967, с. 73].

К настоящему времени мнения исследователей переменчивы. К точке зрения А. П. Окладникова о неолитическом возрасте изображений животных (лосей) в «скелетном» стиле впоследствии примкнул А. И. Мартынов [Мартынов, 1971, с. 103–118; Окладников, Мартынов, 1972, с. 255]. Подобной датировки придерживается Н. Л. Подольский и Я. А. Шер [Шер, 1980, с. 187–189]. К неолиту отнес подобные изображения животных на могильных плитах Каракола (Горный Алтай) В. Д. Кубарев, полагая, что они переиспользованы для погребений [Кубарев, 1988, с. 171].

К эпохе раннего металла (III тыс. до н. э.) отнес данную группу животных Западной Сибири А. А. Формозов [Формозов, 1973, с. 262]. Еще более молодой возраст подобных изображений предложил Н. В. Леонтьев [Леонтьев, 1978, с. 102], включив их в круг распространения изобразительных традиций (вместе с антропоморфными личинами), характерных для окуневского искусства. Изображения лосей, выполненные в «скелетном» стиле, датирует эпохой бронзы С. В. Студзицкая; она считает, что «начальную стадию такой манеры можно проследить на писаницах Прибайкалья в глазовское время...» [Студзицкая, 1981, с. 42]. По мнению В. И. Молодина, изображения лосей на каракольских погребальных ящиках, как и другие изображения подобного вида в Западной Сибири и сопредельных регионах, датируются периодом развитой бронзы, т. е. двумя первыми третями II тыс. до н. э. [Молодин, 1993, с. 16].

При стилистическом анализе набора доокуневских рисунков авторы известной монографии «Шалаболинские петроглифы» отмечают изображения, выполненные в «скелетном» стиле: «...стилистическое, сюжетное, репертуарное сопоставление с хорошо датированными наскальными рисунками Сибири позволяет отнести время их создания по крайней мере к IV, а может быть, и к V тысячелетиям до н. э.» [Пяткин, Мартынов, 1985, с. 107, 138].

С чем же связано появление данной изобразительной традиции в древнем искусстве Северной Азии?

Априорно, опираясь на широко известные образцы наскального творчества, например, австралийцев, многие исследователи считают, что в такой форме показано внутреннее строение изображаемого объекта. С опорой на данные этнографии поперечные линии трактуются как ребра, обозначая скелет и, соответственно, символическую смерть, что, по шаманской практике, маркирует переход в другую – ирреальную ипостась образа. Так называемый «скелетный», или «рентгеновский», стиль изображений обозначал «чистоту» образа, подчеркивал красоту души и тела [Кокшаров, Широков, 1990, с. 15]. «Прозрачность», по представлениям многих на-

родов, подчеркивала «святость» персонажа, его культовую значимость. «Скелетная» проработка антропоморфной фигуры в петроглифах, по мнению Е. Г. Дэвлет, олицетворяла промежуточное состояние между смертью и возрождением в другом качестве [Дэвлет, 2000, с. 94]. Соответственно, изображения ребер на переднике шаманского костюма свидетельствовали о символической смерти простого человека и перерождении его в шамана – избранника духов (рис., 10). Традиция получения подобного нагрудника существовала у индейцев Северной Америки, когда юноша во время инициации обретал новый социальный статус мужчины/воина (рис., 15). В данном случае нагрудник дополнительно носил функцию оберега, щита, что сближает его по форме и содержанию с изображениями «щитов» на оленных камнях Евразии (рис., 14).

Необходимо отметить, что вышеприведенные факты – свидетельства культурных традиций сравнительно недавних эпох, что вызывает определенные сомнения в однозначности собственно «скелетной» трактовки в вопросах генезиса рассматриваемого стиля. Поэтому обратимся к ранним изображениям животных в древнем искусстве Северной Азии:

1. Многие изображения промысловых животных наносились охрой или промазывались ею по выбитому контуру.

2. Органическим компонентом минерального красителя являлась кровь – «поток жизни».

3. Поперечные линии контура нередко помещались не на месте ребер, а в области шеи, часто совмещались с «линией жизни» (изображение сердца и аорты) (рис., 4).

Вышеприведенные факты позволяют полагать, что в основе происхождения «скелетного» стиля, возможно, лежит архаичная культовая практика промазывать красной охрой (а первоначально – кровью) контуры фигур животных с целью их «оживления». Таким образом, по древним представлениям, можно было добиться восполнения поголовья представителей таежной фауны – объектов охоты, возрождения погибших животных, возвращения ушедших стад. Для более интенсивного «кровообращения» появились дополнительные поперечные каналы, которые могли обеспечить большую «жизнеспособность» образа, его более высокую потенциальную роль во время совершения магических ритуалов, направленных на благополучие жизни первобытного коллектива (рис., 1, 3). Не исключено, что одним из поводов для развития данной традиции могли послужить наблюдения за вертикальными подтеками жертвенной крови или красящего пигмента на отвесных фризах скалы во время обрядовых действий (рис., 6, 12)*. Соединив линии хребта и живота животного соответствующими желобками, можно было «помочь» движению «потока жизни», направить его в нужное русло**. Развитие подобной практики привело к появлению и широкому распространению изображений животных, густо заполненных «тельняшкой» поперечных линий (рис., 2, 5).

Примечательно, что в ранних петроглифах Северной Азии (особенно лесной зоны) практически отсутствуют сцены охоты, но получает свое развитие «скелет-

* Подтеки охры приводят к появлению «каблуков», гипертрофированных фаллосов у антропоморфных фигур, нередко заливают их контуры (рис., 16–18).

** У антропоморфных фигур с этой целью поперечные линии соединяли, как правило, по диагонали (рис., 8, 13).

ный» стиль. Диаметрально противоположная ситуация наблюдается в архаичных наскальных рисунках Средней Азии и Кавказа, наскальном искусстве Карелии, онежских петроглифах.

По всей видимости, мы встречаемся с различными формами проявления промысловой охотничьей магии, причем различными не только по форме выражения, но и по своему содержанию.

Если в первом случае исполнение рисунков и связанных с ними обрядовых действий направлено на возрождение природного окружения, в частности «поголовья» промысловой фауны, редящего по естественным причинам (мор, миграции) или вследствие антропогенного воздействия (прямое или косвенное истребление человеком), т. е. преследует своей целью сохранения гармоничного баланса между человеком и природой, дабы не иссякли ее пищевые ресурсы. То во втором случае изобилие промысловых сюжетов в наскальном искусстве иллюстрирует культовую практику магических действий, связанных с обеспечением удачи в охоте, рыболовстве, продуктивным изъятием пищевых ресурсов из природного окружения.

Таким образом, в петроглифах различных регионов представлены два аспекта решения общей задачи достижения жизнеспособности первобытного социума на уровне присваивающего хозяйства: «экологический» и «потребительский».

Архетипичность представлений о цикличности жизни и смерти, универсальность идеи возрождения/воскрешения объектов природы в древнем мировоззрении определили широкое распространение «скелетного» стиля в искусстве Северной Азии. Со временем изначальный смысл ритуальной практики был забыт, но культовая значимость изображений, выполненных в данной манере, сохраняется еще очень продолжительное время, дополняясь новым смыслом.

Библиографический список

Вадецкая Э. Б. О каменных стелах эпохи бронзы в Хакасско-Минусинской котловине // СА. 1965. № 4. С. 211–219.

Глушков И. Г. Иконографические особенности некоторых самусьских изображений человека // Первобытное искусство: антропоморфные изображения. Новосибирск : Наука, 1987. С. 89–95.

Дэвлет Е. Г. Антропоморфные наскальные изображения в рентгеновском стиле и мифологический сюжет об обретении шаманского дара // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 2 (2). С. 88–95.

Заика А. Л. Личины в наскальном искусстве нижней Ангары // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 1 (49). С. 62–75.

Ковтун И. В. Петроглифы Висящего Камня и хронология томских писаниц. Кемерово : Кузбассвузиздат, 1993. 140 с.

Кокшаров С. Ф., Широков В. Н. Материалы по изобразительной деятельности древнего населения Урала. Свердловск : ИИА УрО АН СССР. 1990. 77 с.

Кочмар Н. Н. Писаницы Якутии. Новосибирск : ИАиЭ СО РАН, 1994. 262 с.

Кубарев В. Д. Древние рисунки Каракола. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1988. 171 с.

Леонтьев Н. В. Антропоморфные изображения окуневской культуры // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности. Неолит и эпоха металла. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1978. С. 88–118.

Мартынов А. И. Петроглифы Сибири: анализ конкретных источников и «всемирно-исторический масштаб» // Изв. Сиб. отд-ния АН СССР. Сер. обществ. наук. 1971. № 3. С. 103–118.

Молодин В. И. Еще раз о хронологии и датировке Турочакских писаниц // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул : Изд-во АлтГУ, 1993. С. 4–25.

Окладников А. П. Шишкинские писаницы. Иркутск : Иркут. кн. изд-во, 1959. 210 с.

Окладников А. П. Петроглифы Ангары. М. ; Л. : Наука, 1966. 322 с.

Окладников А. П., Мартынов А. И. Сокровища томских писаниц. М. : Наука, 1972. 255 с.

Пяткин Б. Н., Мартынов А. И. Шалоболинские петроглифы. Красноярск : Изд-во КГУ, 1985. 192 с.

Студзицкая С. В. Скульптура эпохи ранней бронзы на Верхней Ангаре // Бронзовый век Приангарья. Иркутск : Иркут. ун-т, 1981. С. 38–42.

Формозов А. А. О наскальных изображениях эпохи камня и бронзы в Прибайкалье и на Енисее // СЭ. 1967. № 3. С. 6–82.

Формозов А. А. Новые книги о наскальных изображениях в СССР (обзор публикаций 1968–1972 гг.) // СА. 1973. № 3. С. 257–265.

Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М. : Наука, 1980. 327 с.

**Красноярский государственный педагогический университет
им. В. П. Астафьева (Россия)
zaika_al@mal.ru**

“Skeleton” style appeared in petroglyphs of Northern Asia during a neolith era. Probably, the basis of its genesis is the cult of the practice of implementation images of animals for the purpose of their “revival” by liquid dyes (blood, ochre) which left vertical smudges on the rock lies. Lack of scenes of hunting shows a prevalence of idea about revival of food resources over a subject of their productive withdrawal. The arkhetipicness of ideas of recurrence of life and death explains popularity of “Skeleton” style in art of Northern Asia.

Petroglyphs, neolith, “skeleton” style, ochre, revival, food resources.

Тэцу Масумото

СЕРЕБРЯНАЯ ЧАРКА, НАЙДЕННАЯ У СЕЛА БАТЕНИ, И ЕЕ МЕСТО В ИСТОРИИ ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

В статье представлен анализ серебряной чарки, найденной у с. Батени, определяется ее место в истории прикладного искусства Восточной Азии. Устанавливается время ее изготовления и описываются художественные приемы ее оформления. Подробно рассматривается ситуация распространения подобных предметов из Китая на сопредельные территории и их влияние на культуры местных народов.

Китай, посуда, серебро, стиль, чарка.

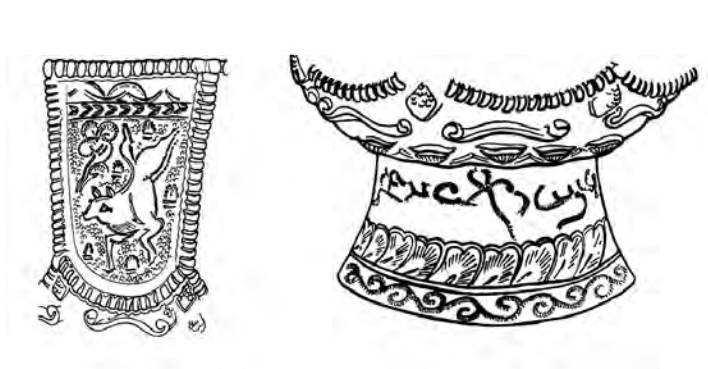
О серебряной чарке с ручкой, которая была обнаружена при раскопках Л. А. Евтюховой и С. В. Киселева в могильнике Над Поляной у с. Батени, 140 км севернее г. Абакана, упоминалось в 1968 г. в статьях А. А. Гавриловой [Гаврилова, 1968, с. 24–30] и А. М. Щербака [Щербак, 1968, с. 31–33] (рис. 1).

1-а

1-б

1-в

2

Рис. 1. Восьмигранная чарка с ручкой:

1-а, б, в – [Государственный музей Токио, 1985]; 2 – [Гаврилова, 1968]

В 1985 г. эта чарка экспонировалась в Государственном музее Токио и Городском музее Осака в Японии в связи с открытием выставки «Сокровища Шелкового пути – культурные контакты между Востоком и Западом в древних и средних веках» [Государственный музей Токио, 1985, табл. 157].

Как известно, в хранилище Шосойн в г. Нара (древней столице Японии) хранятся сокровища разных сортов, в том числе металлические реликты, подаренные японским императорам китайскими императорами Танского периода, большинство из которых насыщено материалами источников. И до сих пор такие импортные вещи часто служат полезным критерием для датировки при сравнительном исследовании.

В 1970-х гг. после обнаружения этой чарки в Китае находки золотых и серебряных предметов следовали одна за другой. К тому же бывает, что их сопровождали реликты с надписями, включающими конкретные даты и другую информацию.

Накопление таких материалов, полученных при раскопках, стало гораздо важнее и открыло новые перспективы для изучения металлических сосудов эпохи Тан, так как до того времени для изучения обычно использовали вещи из простых коллекций, а редко – вещи, найденные при раскопках.

Обращая внимание на результаты, достигнутые исследователями по металлическим сосудам этой эпохи за последние 40 лет, в данной работе мы касаемся только некоторых характерных черт прикладного искусства, наблюдаемых у рассматриваемой чарки.

По мнению А. А. Гавриловой [1968, с. 28], поздние танские аналогии позволяют отнести чарку к концу IX – началу X в. Она выдвигает гипотезу о месте ее производства на территории Уйгурского княжества в данное время, где встречались и сплетались китайские и среднеазиатские связи, о чем свидетельствует уйгурская надпись на ее поддоне.

А. М. Щербак [1968, с. 33] сделал расшифровку уйгурской надписи. Мы должны оговориться, что некоторые японские специалисты по древнесреднеазиатским языкам, которые смогли наблюдать оригинал в ходе выставки, считают необходимым пересмотреть его интерпретацию.

Моуримицу Тосихико сделал группировку и определил хронологию металлических сосудов (для преподношения, для хранения, для кипячения и т. д.), найденных в Китае, Японии и на Корейском полуострове. Он получил очевидные доказательства того, что в Китае уже в Иньское время и Западно- и Восточножюуское время было изготовлено много солидных бронзовых сосудов в качестве церемониальных предметов. Со второй половины Восточножюуского времени до Циньского времени традиционная бронза вышла из употребления и ей на смену пришли бронзовые предметы для обыденной жизни, затем эта тенденция перешла в Ханьское время. В следующую, Танскую эпоху развивается производство позолоченных и посеребренных сосудов, а потом эта традиция наследуется в эпоху Северной Сун и в эпоху Ляо. Такие металлические сосуды существуют и в эпохи Мин и Цинь [Моуримицу, 2004, с. 1].

Судя по представленной хронологии, предметы, подобные рассматриваемой чарке, появляются с начального этапа (618 г. – начало VIII в.) до развитого этапа (начало VIII в. – 756 г.) эпохи Тан. В такой период, с одной стороны, развиваются новые сорта и формы сосудов, относящиеся к Суйскому времени, с другой – проникают в Китай новые западные прикладные элементы, в том числе сасанидские. Эти западные влияния сильнее, чем в первой половине Южных и Северных династий, что значительно меняет формы сосудов. В VII в. значительное место занимают позолоченные медные и бронзовые изделия, а в VIII в. – серебряные изделия и позолоченные серебряные. Среди сосудов для питья этого времени выступают теперь восьмигранные чарки с ручкой типов VIa и VIIa, которые показаны в хронологической таблице Моуримицу Тосихико. По его мнению, такие находки пока не встречены в комплексах, принадлежащих к среднему и позднему этапам Танской эпохи и к эпохам Пяти государств и Южных и Северных династий [Моуримицу, 2004, с. 92] (рис. 2).

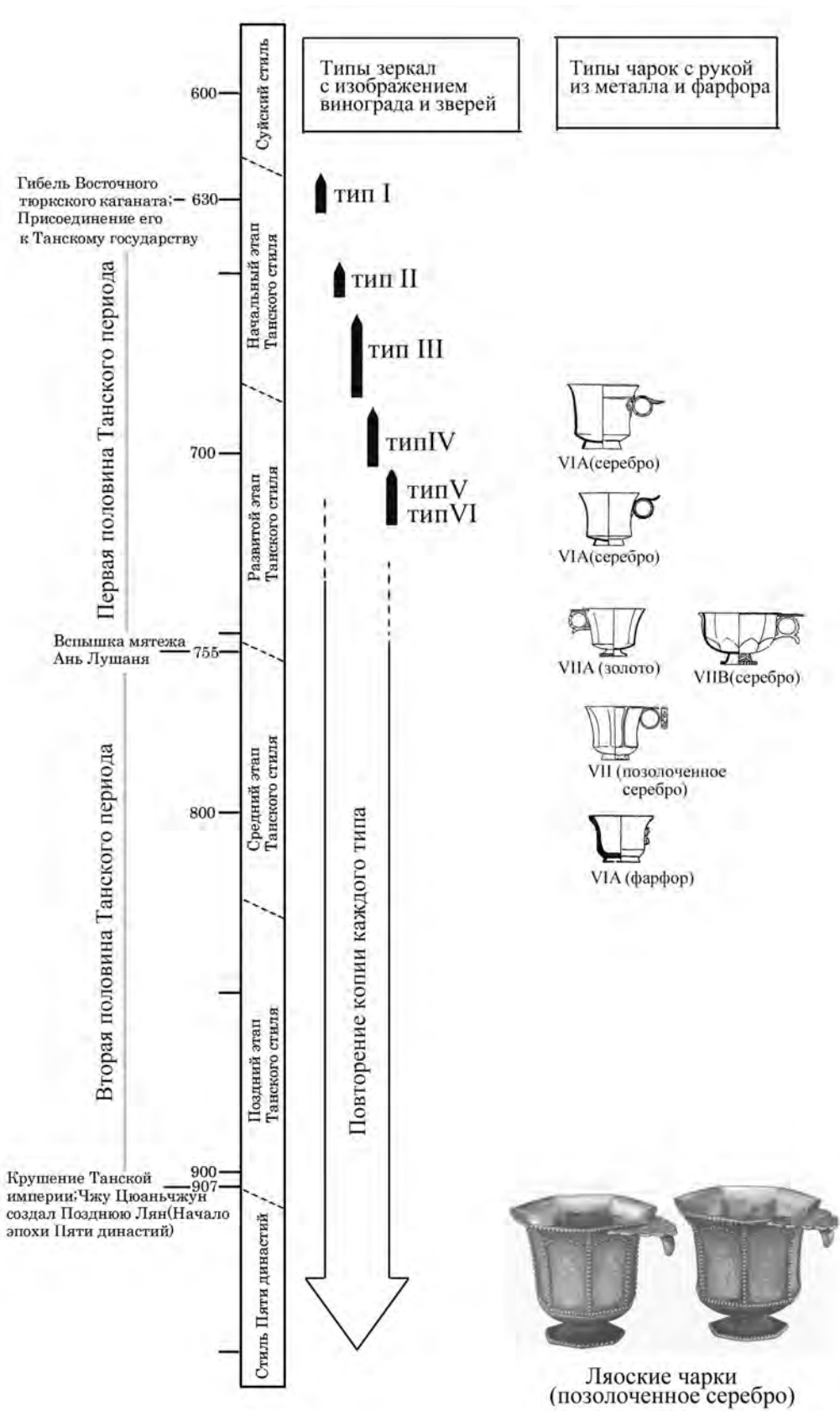

Рис. 2. Схема изменения типов зеркал с изображением винограда и зверей и восьмигранных чарок [составлена на основе: Мориясу, 2007; Акияма, 1983; Моурилицу, 2004; Государственный музей Кюсю, 2001]

Жан Моли, который специально изучает орнамент танских сосудов из золота и серебра, распределяет композиции из восьмигранных чарок в три группы: к первой принадлежат восьмигранные чарки с изображением портретов и с растительными орнаментами, развертка из каждой стороны у которых вызывает визуальный эффект для зрителей; ко второй – чарки с восьмигранными сторонами в U-образном виде, на каждой из которых нанесены портреты; к третьей – чарки с гранями, на каждой из которых имеются портретные, звериные или растительные орнаменты. Из них первая и вторая группы чарок появляются в танском Китае под влиянием Запада через Шелковый путь, а не относятся к традициям самого Китая (рис. 3). Следуя мнению Цзи Дунфан, он допускает, что такие композиции часто были приняты в согдийских сосудах, и оттуда они получили распространение даже на танские изделия. Композиция третьей группы исходит из решетчатой орнаментации в традиции Китая [Жан, 2002, с. 318].

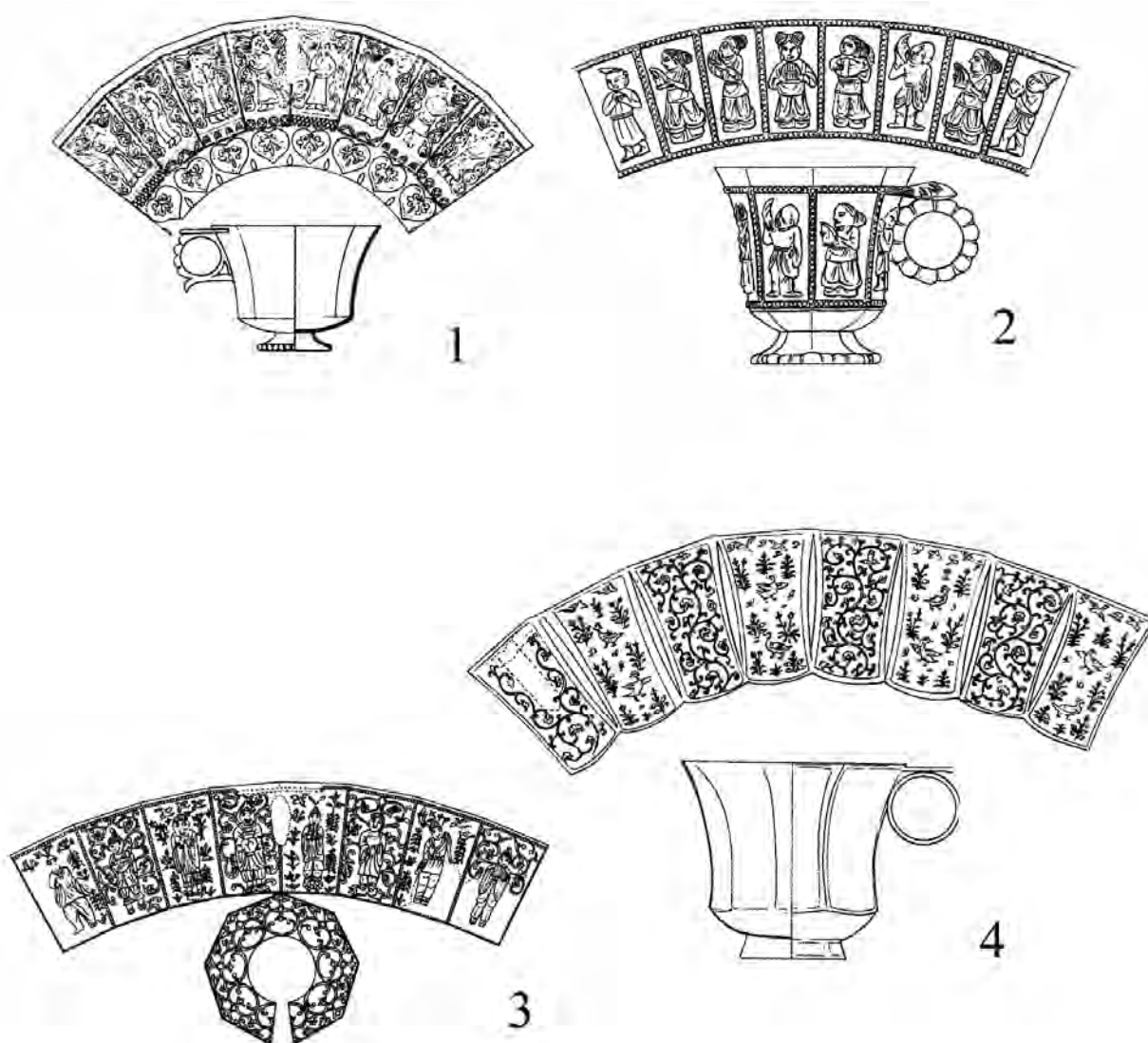

Рис. 3. Варианты восьмигранной чарки первой группы в Китае [Жан, 2002]:
 1–3 – клад в с. Хэцзя района Бэйлинь г. Сянь в провинции Шаньси;
 4 – клад в Ханьсэньчжай района Синьчэн г. Сянь в провинции Шаньси

На чарке каждая из четырех пар изображений на восьми гранях состоит из одинаковых рисунков, но расположенных зеркально. Такие парные композиции отсутствуют на найденных в Китае восьмигранных чарках. Это позволяет нам считать, что такой художественный прием введен не столько в орнаментацию сосудов, сколько в орнаментацию других металлических предметов, например бронзовых зеркал.

Для изучения прикладной истории танских металлических сосудов большое значение имеет комплект из 267 металлических сосудов в кладе, найденном в 1970 г. в с. Хэцзя района Бэйлинь г. Сянь в провинции Шаньси в Китае. В 1977 г. Куваяма Шосин опубликовал статью с подробным анализом этих вещей. Клад датирован сопровождающимися монетами, самая поздняя из которых – монета Вадо Кайчин, выпущенная в 708 г. императрицей Гэмьмэй и проникшая в Китай при прибытии седьмой посольской миссии от японцев в 716 г. Учитывая это обстоятельство, он относит клад к периоду с начального по развитый этап Танского периода. Перечисляя серебряные сосуды тех типов, которые включены в «Согдийское серебро» Б. И. Маршака, он поддерживает гипотезу, что центр прикладного искусства расположен в Согдиане в VII–VIII вв. между династиями Сасанидов и Аббасидов [Куваяма, 1977, с. 65–66].

Уделяя внимание восьмигранным чаркам VII–VIII вв. у Б. И. Маршака, Куваяма отмечает, что у чарки VII в. тулово выполнено прямолинейно от венчика до горизонтального выступа выше дна, венчик не отогнут наружу каждая грань не согнута внутри. У чарки VIII в. тулово выше выступа постепенно отогнуто к венчику, но каждая грань не согнута внутри. Хотя нельзя заметить погнутость, характерную для китайского типа, но, лишь без этого, такие типы больше всего приближаются к китайскому. Кроме этого, такие детали, как орнамент четок на нижней части поддона, форма ручки, похожи на типы Ib (восьмигранный) и III (цилиндрический) [Куваяма, 1977, с. 73–76].

Неизвестно, какая оригинальная форма ручки была сделана у чарки, найденной у с. Батени, так как она отломана, но, к счастью, осталась горизонтальная накладка, которая была прикреплена к верху ручки. Судя по находкам таких чарок из Китая и примерам у Б. И. Маршака, горизонтальные накладки характерны для восьмигранных чарок. Накладка украшена изображением бабочки (рис. 1, 2). Как считает А. А. Гаврилова, изображение бабочки наиболее близко к изображениям на бляшках из курганов у с. Курай на Алтае, относящимся к VII–VIII вв. Это бляшки на двух костяных обкладках, оставленных на деревянном луке, который положен вдоль правого бока на руке и ноге у погребенного [Гаврилова, 1968, с. 28]. Кстати, в кургане найден обломок китайского бронзового зеркала. По С. В. Киселеву [1951, с. 537–539], он относится к VI–VIII вв. Нам кажется, что этот обломок является фрагментом внутреннего поля орнамента у зеркала с лентой из изображений зверей, очерченных тонкими линиями, которое относится к пятому этапу ханьского стиля, датируемого серединой – второй половиной I в. до н. э. [Окамура, 1993, с. 76–77]. Но по рисунку ясно, что шишка-петля по размеру относительно меньше, чем у оригинала этого типа, так что зеркало это, несомненно, копия более поздних времен, что часто встречается у китайских зеркал в Сибири.

Что касается бабочек в прикладном искусстве на зеркалах с изображением винограда и зверей, то они стали появляться под западным влиянием в Танский пери-

од. Согласно хронологическому исследованию Акияма Синго [1983], стиль этого уникального зеркала создан с применением орнамента винограда, привезенного в Китай с Запада, с зеркал предыдущего, суйского стиля.

Зеркала этого стиля классифицированы в шесть типов (рис. 4, 5). У зеркал типа I звери в качестве главного мотива на внутреннем поле орнамента составляют парную композицию. Они разделены на две формы: звери, которые показаны видом сбоку почти без движения (тип Ia), и звери, которые изображены так, как будто двигаются не столько налево и направо, сколько вверх и вниз (тип Ib). Звери этого типа с одним или с двумя рогами называются волшебными живыми существами Тяньлюй, которые показаны в результате соединения китайских традиционных изображений животных с виноградными лозами, а не в виде композиции животных под растущими деревьями западного происхождения. Стиль такой же, как у зеркал с чудесными зверями суйской традиции, но звери показаны видом сверху, как у зеркал типа Ib, что связывается с установлением оригинального стиля у зеркал с изображением винограда и зверей. Звери выполнены реалистично и даже с сильно действующим движением, что не вытекает из китайского традиционного мотива. Акияма дает основание предположить, что существует разница во времени между типами Ia и Ib, что следует из двух источников: с одной стороны, из описания Таншу, в котором изложено, что в 635 г. летом в апреле государство Канго – одна из зависимых стран Западного тюркского каганата – преподнесло льва, с другой – из описания Суйшу, в котором изложено, что в стране Канго добывается большое количество винограда.

атрибуты типы	форма шишки-петли			внутреннее поле орнамента		выпуклая перегородка			лента с надписью		без лент с надписью	наружное поле орнамента				бортик		
	полушарие	лежащий зверь с лицом вверх	лежащий зверь с лицом вниз	парные звери	отдельные звери	с двумя линиями	с четками	с одной линией	отдельная орнаментальная трапециевидная в сечении полоса	звери		птицы		насекомые	непрерывный орнамент	облачный орнамент	орнамент с лежащими одна на другой горами	
										вид сбоку		вид сверху	вид сбоку					вид сверху
I	a	○		○		○			○		○				○			
	b	○		○		○			○		○		○		○			
II	a		○	△ ₁	○	○			△ ₁		○		○		△ ₁	○		
	b		○		○	○				○	○	○	○	○			○	
III	a		○		○		○			○	○	○	○	○	○	○		
	b		○		○		○			○	○	○	○	○	○	○		
IV	a		○		○	○				○	○	○	○	○	○			○
	b		○		○	×	○			○	○	○	○	○				○
V	a		○	△ ₂	○			○		○	○	○	○	○				○
	b			○	○	×		○		○	○	○	○	○				○
VI	a		○		○			○		○		○	○	○				○
	b		○		○			○		○		○	○	○				○

Рис. 4. Классификация типов зеркал с изображением винограда и зверей [Акияма, 1983]:

○ – элемент присутствует; × – нечетное количество зверей; △₁ – пока один экземпляр; △₂ – подробности неизвестны

Рис. 5. Составные части зеркал с изображением винограда и зверей (пример типа IIa)

У зеркала типа I шишка-петля имеет форму полушария, а потом у типа II ее форма видоизменяется в форму лежачего зверя с лицом вверх, которая повторно продолжается до типа VI. На внутреннем поле орнамента парные звери со следующего этапа (тип II) получают форму отдельных зверей. На выпуклой перегородке наблюдается изменения от двух линий (типы I и II) до одной линии (типы V и VI) через орнамент четок (типы III и IV). Лента с надписью, которая сохраняет бывшую суйскую традицию, еще остается на этапах типов I и IIa, но на этапах типов IIb и III ей на смену приходит простая трапециевидная в сечении полоса вокруг выпуклой перегородки, а потом после типа IV совершенно исчезает. На наружном поле орнамента звери получают вид сбоку от типа I до типа IVa, а от типа IIIb – еще и вид сверху. Рядом – птицы от типа Ib, а потом от типа II прибавляются насекомые, в том числе и бабочки. На бортике замечено изменение от непрерывного орнамента (типы I–III) до орнамента с лежащими одна на другой горами (типы IV–VI) через промежуточный облачный орнамент (типы IIb–IIIa). На этапе типа V виноградные завитки лежат по выпуклой перегородке с ее обеих сторон и внутреннего и наружного полей, но они пока еще не переходят через нее, тогда как на типе VI они уже переходят через перегородку туда и обратно. И разница между типами VIa и VIb состоит в том, как они переходят через нее. Иначе говоря, в типе VIa виноградные завитки переходят через перегородку, вытягиваясь равно крестообразно к шишке-петле от внутреннего до наружного полей, а в типе VIb виноградные завитки переходят через перегородку, вытягиваясь косо крестообразно к шишке-петле.

Что касается датировки по каждому типу, например, зеркало типа IVa найдено в могильнике, расположенном на востоке г. Сянь в провинции Шаньси, в котором был похорон бюрократ династии Тан Дугу Сычжэнь. Из эпитафии, найденной в могиле, известно, что он умер в 697 г. и был захоронен в 698 г., так что зеркало

этого типа датировано не раньше 698 г. Зеркало, изготовленное из одной и той же формы для отливки, найдено в кургане Такамацу дзука, сооруженном в VII в. (расположен в префектуре Нара в Японии). Зеркало типа Va найдено в могильнике генерала Аньпу с супругой, расположенном на юге г. Лоян в провинции Хэнань. Род Ань принадлежал к одному из девяти княжеств под властью Западного тюркского каганата в Согдиане. Среди погребальных инвентарей есть золотые монеты такого византийского императора, как Фока Флавий (602–610). Аньпу умер в 664 г., а его жена Хэ умерла в 704 г., а потом оба были вновь захоронены вместе в 709 г. Из этого следует, что зеркало это датировано не раньше 709 г. Зеркало Vb найдено в могильнике Ян Люйтин, который умер в 692 г., а потом в 711 г. он вновь вместе с женой был захоронен, что позволяет нам датировать его 692–711 гг. [Акияма, 1983, с. 122–133, 142–152].

Таким образом, судя по хронологии, составленной Акияма, мотив бабочки в качестве орнамента у зеркал с изображением винограда и зверей выступает на стадии типа Па – в середине начального этапа Танского периода. Восьмигранные чарки появляются в Китае в середине VIII в. Не исключено, что бабочка из мотивов насекомых, выступающих на внутреннем поле орнамента у зеркала с изображением винограда и зверей, появилась раньше, чем восьмигранные чарки, и использовалась для украшения ручек у чарок. Например, заслуживает внимания позолоченное изделие из серебра с семью гранями, которое обнаружено в могильнике Елюй Юйчжи в префектуре Алюйкээрцинь в г. Цифэн во Внутренней Монголии в 1992 г. По эпитафии известно, что Елюй Юйчжи был хорошим помощником известного императора государства Ляо Елюй Абаоцзи и занимал важную должность в государстве Дундань, страна-сателлит Ляо. Он умер в 941 г., а вслед за ним умерла его жена, которая захоронена в его могильнике. Отсюда можно датировать семигранную чарку первой половиной X в. [Государственный музей Кюсю, 2011, с. 98–99].

Следуя материалам о ляоских золотых и серебряных изделиях, накопленных после 1950-х гг. во Внутренней Монголии и в ее сопредельных регионах, первый период от императора Тайцзу к императору Шэнцзун (907–1030) характеризуется разнообразными сортами изделий, систематической закономерностью в их орнаментации, сильным влиянием танской традиции. Во второй период, в годы правления императора Синцзун (1013–1054), с одной стороны, умножается количество религиозных предметов под сильным развитием буддийской веры, а с другой – уменьшается число их вариантов, и взамен этого появляются сосуды с ляоскими этническими признаками, хотя пока еще остается и танское, и западное влияния. В третий период, в годы правления с императора Даоцзун по императора Тяньцзо (1055–1125), число золотых сосудов сокращается, а увеличивается число серебряных, но уменьшаются варианты сосудов. На смену приходят золотые и серебряные сосуды из государства Сун, что приводит к распространению сунской культуры.

Семигранная чарка относится к первому периоду, когда еще танское влияние сильно ощутимо. В 907 г. рухнула Танская империя, и Чжу Цюаньчжун создал Позднюю Лян. С этого времени недолговечные государства следовали одно за другим, что продолжалось более 70 лет. Впрочем, культурное процветание отмечалось даже в этот период [Мориясу, 2007, с. 15–16]. Семигранную чарку с ручкой можно упомянуть как наглядный пример культурного процветания. Выбор семигранной,

а не восьмигранной чарки исходит из нужности изображать семь известных древнекитайских мудрецов, которые обратились к практике свободных философских дискуссий с точки зрения Лао-цзы и Чжуан-цзы, так называемой «чистой критики» в III в. [Государственный музей Кюсю, 2011, с. 99]. Одним словом, китайской традиционный культ святых мудрецов принимали у ляосцев. Такая тенденция наследовать танскую культуру в этот период Ляоской империи могла появиться и в кыргызском мире Южной Сибири. Тот факт, что приблизительно в то же время восьмигранная чарка с ручкой появилась на территории кыргызов, может свидетельствовать о том, что разные культурные элементы проникали к северным народам, видоизменялись в их привычные варианты и становились составной частью их са-мобытной культуры.

Г. В. Длужневская предлагает выделить в истории енисейских кыргызов три стадии: тюркскую (середина IX в. – первая четверть X в.), тюхтятскую (вторая четверть X в. – середина XI в.) и аскизскую (XI–XII вв.) [Длужневская, 1944, с. 12]. По ее периодизации можно отметить, что эта ляоская чарка по хронологии соотносится с периодом с конца тюркской культуры до первой половины тюхтятской культуры. В связи с тем, что изделия «тюхтятского» облика просуществовали среди кыргызов до середины XI в., она высказывает следующее предположение: «Расцвет художественного мастерства не совпал с расцветом государств в целом...» [Длужневская, 1944, с. 11]. То же самое приемлемо для второй половины Танского периода.

Художественность, достигнутая в период расцвета государства и в политическом, и в экономическом отношениях, даже после его падения продолжает получать распространение среди чужих народов, раньше стоявших против него, тем более что эта художественность более высокого уровня.

Таким образом, исследование восьмигранной чарки, найденной у с. Батени, затрагивает разнообразные аспекты прикладного искусства, связанные с выяснением истории кыргызов.

Библиографический список

Гаврилова А. А. Новые находки серебряных изделий периода господства кыргызов // Краткие сообщения Института археологии. М. : Наука, 1968. Вып. 114. С. 24–30.

Длужневская Г. В. Енисейские кыргызы. Историко-культурный аспект // Fasciculi Archaeologiae Historicae. Lodz, 1994. VII. С. 9–12.

Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. 638 с.

Щербак А. И. Древнеуйгурская надпись на серебряной чарке из могильника Над Поляной // Краткие сообщения Института археологии. М. : Наука, 1968. Вып. 114. С. 31–33.

Акияма Синго. Кайдзю будокё то содзю будокё [Зеркала с изображением винограда и зверей и зеркала с изображением винограда и бегущих зверей] // Тояма дайгаку дзимбунгакубу киё [Бюллетень Гуманитарного факультета Тояма университета]. Тояма : Изд-во «Тояма университет», 1983. № 7. С. 119–167.

Государственный музей Кюсю. Согэн но оутё кйттан [Династия степи Кидань]. Фукуока : Ниси нихон симбунся, 2011. 231 с.

Государственный музей Токио. Сирукуродоноихоу: кодайтюсэйнотодзайбункакоулю [Cultural Contacts between East and West in Antiquity and Middle Ages from USSR]. Токио : Нихонкэйдайсимбунша, 1985. 38 с.

Жан Моли. Тодай кингинки монъё но кокогакутэки кэнкю [Археологическое исследование танских сосудов из золота и серебра]. Токио : Юдзанкаку, 2002. 318 с.

Куваяма Шосин. 1956 нэнрай сюцудо но тодай кингинки то соно хэнънэн [Золотые и серебряные сосуды Танской династии, обнаруженные с 1956 г. и их хронология] // Сирин [Лес истории]. Киото : О-во изучения истории. Киото ун-т, 1977. Т. 60, № 6. С. 44–82.

Мориясу Такао. Сирукуродототоутэйкоку (Коубоносэкайси 5) [Шелковые пути и Танская империя]. Токио : Коуданша, 2007. 396 с. [Всемирная история подъема и падения; № 5].

Моуримицу Тосихико. Кодайхигасиадзианокйндзокусэйёуки I: тюгокухэн [Металлические сосуды древней Восточной Азии I: часть Китая]. Нара : Гос. ин-т культурной ценности Нара, 2004. 107 с.

Окамура Хидэнори. Гоканъкё но хэнънэн [Хронология позднеханских зеркал] // Кокурицу рэкиси миндзоку хакубуцукан кэнкю хоукоку [Научный доклад Государственного музея истории и фольклора]. Токио : Дай ити хоуки, 1993. № 55. С. 76–77.

Комитет образования администрации префектуры Осака (Япония)
tet-ma@kg8.so-net.ne.jp

The discovery of the silver cup (charka) near village Bateni are analyzed in the article. Its place in the history of arts of East Asia, the time of its production determined, methods of its processing are described. The situation of the spread of such artifacts from the China to the adjacent territories and their impact on the culture of the native peoples are examined.

China, plate, silver, style, charka.

В. В. Михалев

ДЕРЕВЯННАЯ ЛИЧИНА ИЗ ГОРОДИЩА МУРЛИНСКОЕ I (к 30-летию находки)

Раннее средневековье Омского Прииртышья представлено памятниками самобытной потчевашской культуры. Мурлинская личина, изготовленная на тонкой деревянной пластине, является уникальным образцом раннесредневекового изобразительного искусства.

Раннее средневековье, потчевашская культура, Омское Прииртышье, изобразительные традиции, личина, Мурлинское городище.

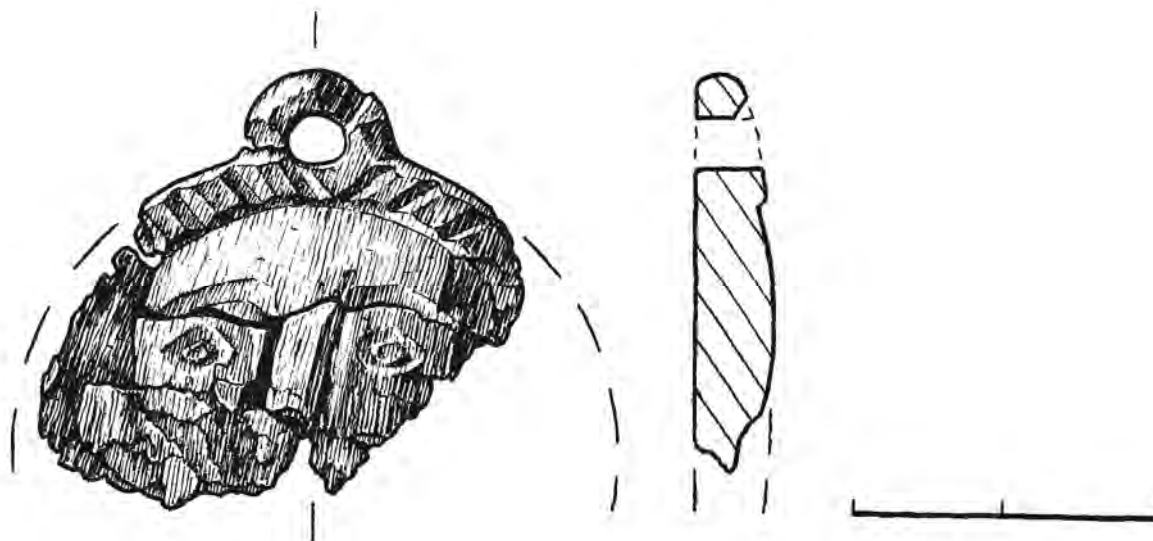
В 1983 г. В. И. Матющенко вернулся к исследованию выдающегося памятника потчевашской культуры – Мурлинского I городища. В литературе оно также известно как Айткуловское I городище. Планомерные исследования на памятнике, начатые В. И. Матющенко в 1962 г., были продолжены А. С. Чагаевой в 1965 и 1967 гг. Всего на городище вскрыто 1160 кв. м [Скандаков, 1988, с. 55]. В настоящее время это наиболее полно исследованный раннесредневековый памятник потчевашской

культуры Среднего Прииртышья. К сожалению, богатейшие материалы этого городища не получили монографического изучения и многие уникальные находки остаются мало известными научной общественности. Не упоминается Мурлинское I городище и в недавно вышедшей монографии А. П. Зыкова по средневековой Сургутского Приобья, хотя материалы другого интересного памятника Омского Прииртышья – могильника Усть-Тара VII, расположенного в семи километрах южнее, разбираются довольно подробно [Зыков, 2012, с. 48–50].

Первым на мурлинскую находку обратил внимание Б. А. Конилов в своей монографии, посвященной средневековой таежного Прииртышья, дав её схематический рисунок и краткое описание [Конилов, 1993, рис. 46, 5].

Находки древних личин, изготовленных из дерева, крайне редки. Нам известно только одно подобное изделие Среднего Прииртышья, происходящее с могильника эпохи бронзы Боровянка XVII, могила 103 [Погодин и др., 2008, рис. 6, 1].

Мурлинская личина (см. рисунок) была обнаружена при расчистке жилища 1, находившегося в мысовой части памятника в скоплении, состоявшем из фрагментов сгоревших деревянных предметов, керамики, бус, бронзовой пряжки. В скоплении также была обнаружена согдийская монета, выпущенная не позднее VIII в. н. э., что надежно датирует городище [Смирнова, 1970, с. 166].

Мурлинское I городище. Личина. Дерево

Личина была изготовлена на деревянной пластине толщиной 0,04 см. В верхней части изделия имеется округлое ушко для подвешивания (внешний диаметр ушка – до 1 см, внутренний – до 0,45 см). Личина имела округлую форму (максимальные размеры сохранившейся части – 3,5 × 2,3 см) диаметром до 4 см. По внешнему краю пластины оформлен рассеченный валик шириной до 0,4 см. Само изображение оформлено с помощью прорезанных на пластине углублений. Дугообразные брови переходят в прямой нос шириной до 0,2 см, овальные глаза также оформлены в виде углублений, в центре которых сохранены возвышения.

Оформление мурлинской находки с ушком для подвешивания имеет аналогии среди средневековых бронзовых личин Западной Сибири [Конилов, 2007, рис. 239,

3, 6, 9; Чиндина, 1991, рис. 20, 5, 13, 16]. При этом отметим, что выбранный для мурлинской личины материал – дерево – слишком хрупкий для постоянного использования. Особенно это относится к ушку для подвешивания, которое не могло выполнять функцию надежного крепления изделия. Обращает на себя внимание, что деревянное изображение было обнаружено в строении, в котором производилась работа с металлом, о чем свидетельствует обнаруженное в нем скопление льячек [Скандаков, 1988 с. 59]. Возможно, мурлинская личина являлась своеобразным образцом (эталоном), по которому отливались бронзовые изделия.

Библиографический список

Зыков А. П. Барсова гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековые и новое время. Екатеринбург : Уральский рабочий, 2012. 232 с.

Конилов Б. А. Таежное Прииртышье в X–XIII вв. н. э. Омск : ОГПИ, 1993. 176 с.

Конилов Б. А. Омское Прииртышье в раннем и развитом средневековье. Омск : Издат. дом «Наука», 2007. 466 с.

Погодин Л. И., Полеводов А. В., Труфанов А. Я. Бронзовая антропоморфная пластика могильника Боровянка XVII // Барсова гора: древности таежного Приобья. Екатеринбург ; Сургут : Урал. изд-во, 2008. С. 195–205.

Скандаков И. Е. Потчевашские жилища на Мурлинском городище // Источники и историография: археология и история. Омск : ОмГУ, 1988. С. 55–69.

Смирнова О. И. Очерки из истории Согда. М., 1970. 287 с.

Чиндина Л. А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (релкинская культура). Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1991. 184 с.

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (Россия)
maeomgu@yandex.ru

Early Middle Ages Omsk Irtysh region is distinctive monuments potchevashskaya culture. Murlinskaya mask made on a thin wooden plate is a unique example of early medieval art.

Early Middle Ages, potchevashskaya culture, Omsk Irtysh region, figurative tradition, mask, Murlinskoe mound

А. Ф. Назарова

**КУЛЬТУРА МАЛЬТЫ И ФОРМИРОВАНИЕ
ЕВРОПЕОИДНЫХ ПРИЗНАКОВ**

Вычислена матрица генетических расстояний 11 человеческих популяций Европы, Азии и Америки по 28 аллелям 12 локусов белков, ферментов и групп крови. Построенная по этой матрице дендрограмма показала определенное родство европейских и североазиатских народов, а также американских индейцев. Вычисленная нами матрица генетических расстояний 55 человеческих популяций и построенная мирозволюционная дендрограмма этих популяций, принадлежащих к четырем расам, подтвердили это родство. Сопоставление этих данных с общими гаплогруппами митохондриальной ДНК у европейцев, алтайцев и американских индейцев позволило нам сделать предположение о происхождении указанных этносов из одной предковой азиатской палеолитической популяции. Антропологические данные о распределении частот надглазничных каналов черепа человека и расшифровка забайкальских петроглифов как древнейшей письменности подтверждают нашу гипотезу.

Дифференциация популяций, генетические расстояния, реконструкция, палеолитические популяции, эволюция человеческих популяций.

Стоянка Мальта времен верхнего палеолита была открыта в 1828 г. в с. Мальта, на берегу р. Белой, левого притока Ангары. Исследование стоянки проводил М. М. Герасимов [1931; 1935].

Главным открытием стоянки Мальта является обнаружение погребения палеолитического человека [Герасимов, 1931]. Дата фрагмента черепа, полученная в Оксфорде, – 19 880 лет назад. Сохранность человеческих костей стоянки Мальта была плохой, поэтому антропологическое изучение костных останков Мальты продолжалось долго. И. И. Гохман обнаружил, что в погребении Мальты было два ребенка – 4-летний и годовалый [Алексеев, Гохман, 1991, с. 54–60]. А. А. Зубов установил, что в морфологии зубов детей из Мальты нет ни одного монголоидного признака [Зубов, Гохман, 2003]. И. И. Гохман считал, что захороненные в Мальте дети относились к европеоидной расе. А. П. Окладников также говорил о европеоидных корнях мальтийской культуры.

Известный американский антрополог А. Хрдличка посетил в 1912 г. районы Южной Сибири к западу и востоку от о. Байкал и Монголию. Он считал, что в обширных областях Восточной Сибири имеются многочисленные остатки, входящие теперь как составные элементы в более новые племена или народы [Хрдличка, 1913].

Обнаружение нами европеоидных частот генов белков и ферментов крови [Назарова, Кузнецова, 1993] в семи популяциях алтайцев и вычисление генетических расстояний по частотам 28 аллелей белков, ферментов и групп крови 11 человеческих популяций Европы, Азии и Америки: саамов (лопарей), ненцев, нганасан, эвенков, якутов, монголов, алтайцев, русских, финнов, немцев и американских

индейцев – показали определенную близость европеоидов и северных монголоидов [Назарова, 1999; 2010; Nazarova, 2005]. Построенная по матрице генетических расстояний перечисленных выше человеческих популяций Европы, Азии и Америки дендрограмма родства популяций [Назарова, 1999; 2010; Nazarova, 2005] показала, что отделение от общей праазиатской популяции предков американских индейцев произошло раньше других популяций. Предположительно, это происходило около 50 тыс. лет назад – это время разделения европеоидов и монголоидов, по данным Нея [Nei, 1978], вычислившего генетические расстояния крупнейших человеческих рас по большому числу генетических маркеров. Цель нашей работы – показать биологическими методами доказательства формирования европеоидных популяций, северных монголоидов и предков американских индейцев в палеолите в Северной Азии, а также представить небиологические доказательства этого процесса.

После индейцев, по данным дендрограммы [Назарова, 1999; 2010; Nazarova, 2005], от предковой популяции, обитавшей в регионе Южной Сибири и (или) в соседних регионах Центральной Азии, отделились предки саамов. Оставшиеся популяции, указанные на дендрограмме (рис. 1), далее разделяются на два кластера, в один из которых входят два субкластера: ненцев, нганасан и эвенков, другой – якутов, монголов и алтайцев; во второй кластер входят популяции современных европеоидов – русских, немцев и финнов. Родство европеоидов и северных монголоидов подтверждается данными о полиморфизме митохондриальной (мт) ДНК: обнаружено наличие одинаковых гаплогрупп у алтайцев и европеоидов Европы – H, J, K, T, U, V, W, F [Деренко и др., 2001]; у саамов, эвенков и американских индейцев – гаплогруппа V [Lahermo et al., 1996]; у алтайцев и американских индейцев – гаплогруппы A, B, C, D [Сукерник и др., 1996]. Наконец, обнаружение идентичной и одинаково древней гаплогруппы X мтДНК у европеоидов и у американских индейцев [Brown et al., 1998] подтвердило общность их происхождения.

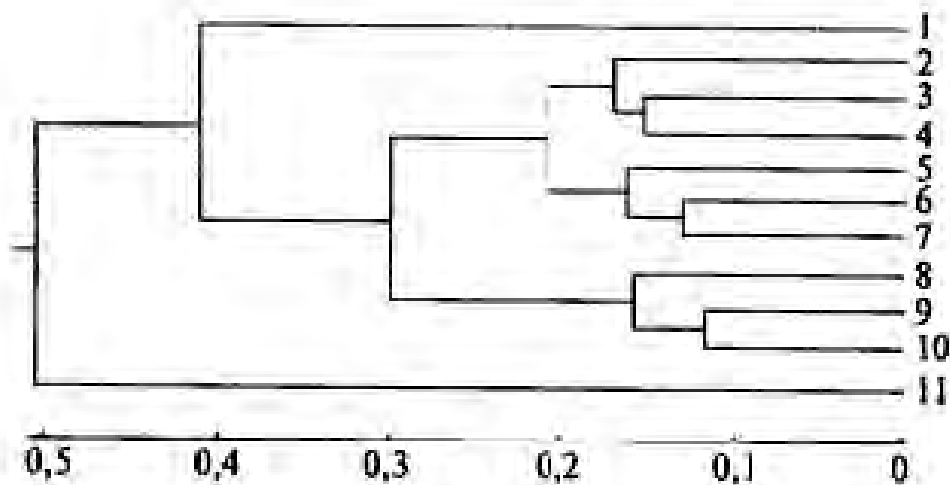

Рис. 1. Микроэволюционная дендрограмма 11 человеческих популяций Европы, Азии и Америки: 1 – саамы; 2 – ненцы; 3 – нганасаны; 4 – эвенки; 5 – якуты; 6 – монголы; 7 – алтайцы; 8 – русские; 9 – финны; 10 – немцы; 11 – американские индейцы. По горизонтальной оси отложены значения генетических расстояний

Вычисление нами матрицы генетических расстояний по 28 аллелям 12 локусов белков, ферментов и групп крови 55 человеческих популяций, принадлежащих к четырем большим человеческим расам и обитающих в Европе, Азии, Америке, Африке и Океании [Назарова, Алхутов, 2000; Назарова, 2009], и построение эволюционной дендрограммы по данным этой матрицы (рис. 1) подтвердили наше предположение о возможной дифференциации европеоидных и монголоидных популяций в палеолите в Северной Азии. Раньше всех, как и на малой дендрограмме (рис. 1), на дендрограмме 55 популяций отделяются предки американских индейцев, затем – саамы (рис. 2). Нахождение между ветвями индейцев и саамов ветви индийцев, видимо, обусловлено тем, что популяция индийцев возникла в результате смешивания европеоидных племен, пришедших с севера в неолите, с имевшими ряд негроидных признаков дравидами, населявшими Индостанский полуостров.

В один субкластер с русскими на дендрограмме (рис. 2) входят поляки, а в соседний субкластер – иранцы, коми и чуваша, что, возможно, связано с тем, что в состав русского этноса вошли около 1000 лет назад племена финно-угорского происхождения – меря, мурома, мешера и др. В работах академика Т. И. Алексеевой [1954; 1973] показано наличие финно-угорского антропологического субстрата в русских популяциях.

Исследование нами митохондриальной ДНК сельской русской популяции Ярославской области выявило наличие практически всех гаплогрупп, присущих русским и даже европеоидам в целом (H, W, I, U, X, T*, T1) [Назарова, Кузнецова, Алхутов, 2007].

Предки же немцев мигрировали, по нашему мнению, в Европу из Азии по тому же приблизительно пути, по которому шли уже в историческое время хунну. В работах Сарияниди и его соавторов [Величко и др., 2000] описывается фактически открытие поселений древних европеоидов, – по мнению Щербакова [2001], предков германских племен – в Средней Азии, на территории нынешней Туркмении.

В настоящее время исследованы генетические маркеры Y-хромосомы многих человеческих популяций [Клесов, 2008]. Оказалось, что разные этнические популяции обладают четко определенным набором таких маркеров, которые передаются только по мужской линии, поскольку Y-хромосома передается только по мужской линии, от отца к сыну. Эти маркеры являются постоянными, поэтому можно пронаблюдать путь человеческих популяций со времен палеолита до наших дней, а редкое мутирование маркеров позволяет видеть пути разделения (дифференциации) популяций. Далекие предки людей современности около 100 тыс. лет назад вышли из Африки и попали в Азию. Уже в Азии общий маркер Y-хромосомы M168 изменился на M89, сейчас этот маркер есть у 90 % мужчин-неафриканцев. Дойдя через будущие Иран и Афганистан до гор Памира и Гиндукуша, приобретшие мутацию M9 около 40 тыс. лет назад предки европейцев и азиатов проникли на север, в регион Южной Сибири. Там у них возникла мутация Y-хромосомы M45, около 35 тыс. лет назад. Современным славянским популяциям, например русским, присуща гаплогруппа Y-хромосомы R1a1.

По нашему мнению, предки таких славянских популяций, как русские, мигрировали в палеолите из Южной Сибири на север Сибири, жили некоторое время в Циркумполярной зоне, после чего заселили сначала Восточную, а затем и значительную часть Западной Европы. Недалеко от Красноярска недавно обнаружена

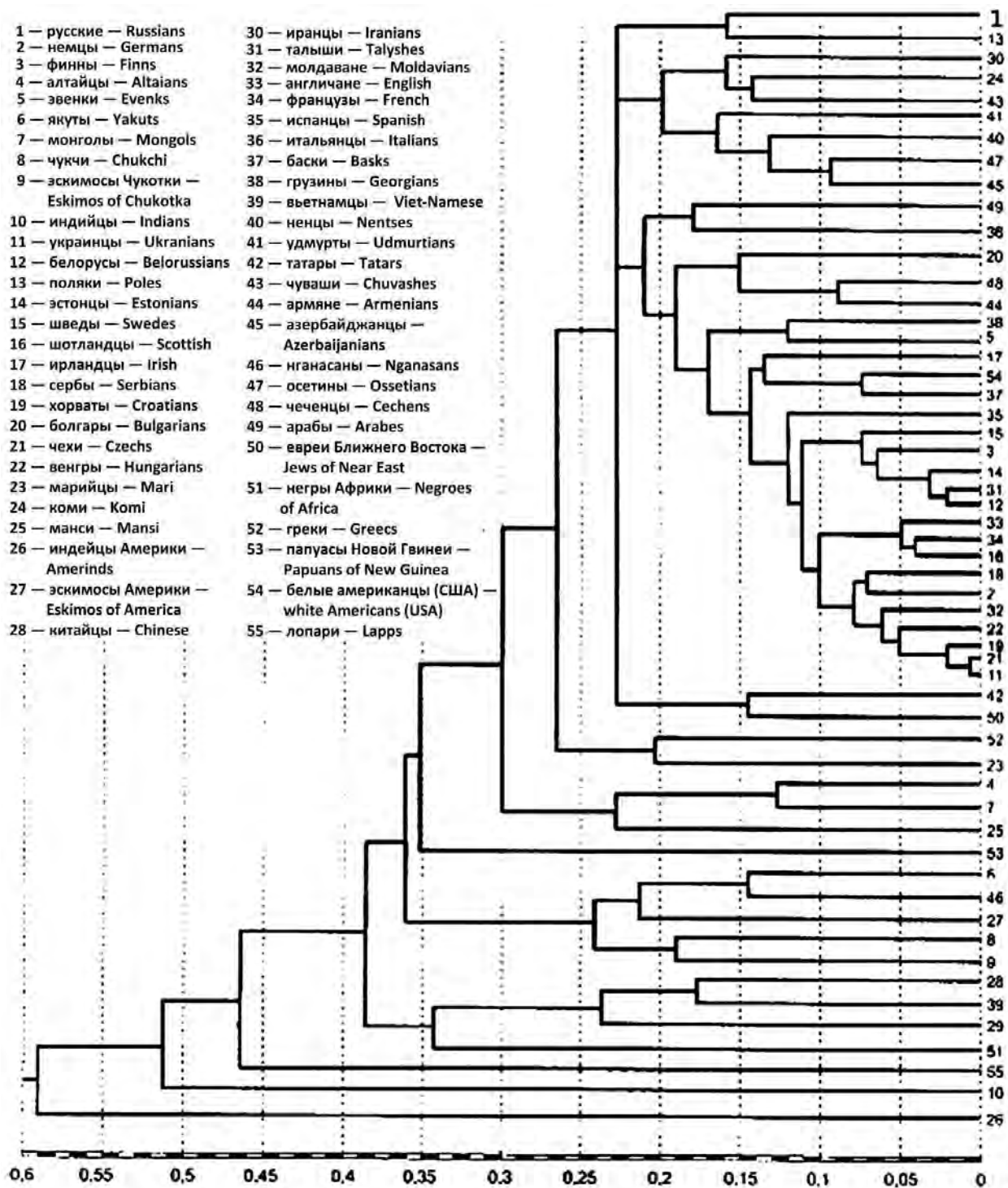

Рис. 2. Микроэволюционная дендрогрaмма 55 человеческих популяций Европы, Азии, Америки, Африки и Океании. По горизонтальной оси отложены значения генетических расстояний

лобная кость, предположительно, европеоида с датировкой около 28 тыс. лет назад, [Бужилова и др., 2009], а в районе Тобольска – часть стопы неантропа, датированная 43 тыс. лет назад [Kuzmin et al., 2009]. На стоянке Сунгирь в нынешней Влади-

мирской области были обнаружены европеоиды, жившие там около 25 тыс. лет назад, на стоянке Костенки обнаружены детские европеоидные черепа, датируемые 18 тыс. лет назад. Часть европеоидов-протославян, приобретшая мутацию Y-хромосомы M-173, пошла на Запад, в Европу. В Западной Европе славяне жили до XI–XII вв. н. э., но с VIII–IX вв. постепенно вытеснялись с территории будущей Германии на восток. Уже при Карле Великом германские племена вытесняли славянские племена ободритов, полабских славян, поморян, руян с территории будущей Германии на территорию будущей России. О пребывании славян в средние века и, видимо, ранее на территории будущей Германии говорится в работах Т. И. Алексеевой [1954; 1973]. И сейчас славянский этнос (лужицкие славяне) обитает на территории Германии.

Мы показали возможный путь миграции человеческих популяций, маркированных гаплогруппами мтДНК, а также гаплогруппами Y-хромосомы, начиная со среднего палеолита, от места их дифференциации в центре Азии до мест их теперешнего обитания (рис. 3). По нашему мнению, дифференциация этих древних популяций в регионе Южной Сибири могла быть вызвана увеличением числа мутаций по структурным и регуляторным генам в результате глобального катаклизма – взрыва вулкана Тоба в районе нынешней Индонезии около 70 тыс. лет назад, после чего Европа и Северная Америка, и до этого значительно оледеневшие, подверглись чему-то вроде ядерной зимы в результате загрязнения атмосферы. Однако условия жизни в регионе Южной Сибири были лучше, данные палеогеографии говорят о том, что на исходе среднего палеолита оледенение там было связано лишь с вершинами гор, а равнины были свободны ото льда [Величко и др., 2000].

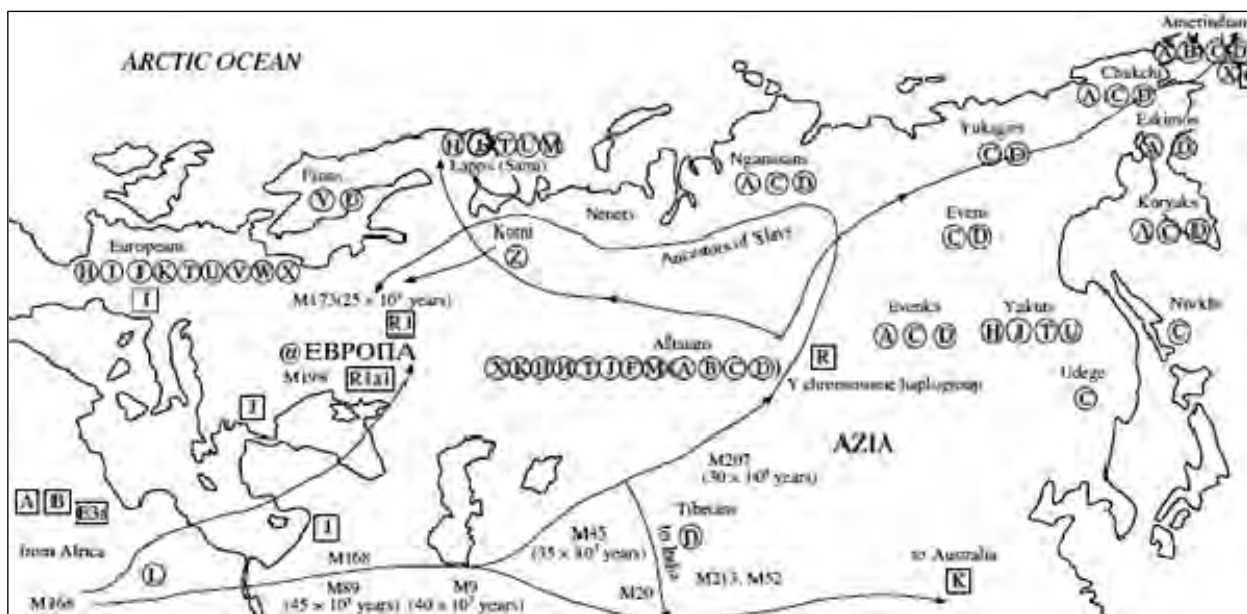

Рис. 3. Схема палеолитических миграций человеческих популяций, маркированных гаплогруппами митохондриальной ДНК согласно работам разных авторов. В кружках латинскими буквами даны обозначения гаплогрупп мтДНК

Миграция древних человеческих популяций могла быть обусловлена изменениями климата и вызванными этим миграциями животных, на которых охотились люди палеолита. Известно, что предки американского северного оленя (карибу) и предки бизонов в палеолите обитали в регионе Южной Сибири [Верещагин, 1988] и с изменением климата продвинулись на крайний северо-восток Сибири, а затем перешли по существовавшему тогда Берингийскому перешейку в Америку. За ними шли племена предков американских индейцев. Об общей тенденции представителей животного царства к миграциям в древности с юга Сибири на ее север говорят данные о миграциях беспозвоночных (кольчатых червей) и о миграциях птиц, приведенные в книге [Кобельт, 1903]. Есть антропологические данные о существовании европеоидов в палеолите в Северной Азии. Так, академик В. П. Алексеев [1978] писал о палеолитических черепках с европеоидными признаками в пещере Дунь-Дянь в Китае.

Т. В. Томашевич [1988] вычислила градиент распределения частот надглазничных каналов черепа человека (см. таблицу). Оказалось, у саамов, американских индейцев, а также северных монголоидов-якутов, юкагиров, эвенков, чукчей, эскимосов – наиболее высокая частота встречаемости надглазничных каналов. У кетов, юкагиров, русских, манси, осетинов, армян частота надглазничных каналов очень близка и варьирует в пределах 30–38 %, это может быть связано с происхождением этих народов из древней палеоазиатской популяции.

Распределение частот надглазничных каналов черепа человека

<i>Популяции</i>	<i>Частота надглазничных каналов, %</i>	<i>Популяции</i>	<i>Частота надглазничных каналов, %</i>
Поляки	21,3 (47)	Русские	35,9 (204)
Армяне	30,6 (242)	Манси	32,1 (112)
Кеты	33,3 (38)	Юкагиры	38,1 (42)
Осетины	39,4 (314)	Башкиры северные	40,0 (122)
Саамы	47,4 (221)	Индейцы	50,2 (124)
Чукчи береговые	57,1 (70)	Эвенки	57,5 (40)
Эскимосы	57,4 (302)	Якуты	63,0 (144)
Англичане	17,0 (186)	Монголы	48,3 (60)
Словене Новгородской губ., XII–XIV	32,5 (152)	Поляне киевские, IX–XIII вв.	25,0 (92)
Этрусски, VIII–III вв. до н. э.	26,9 (70)	Голландцы	21,2 (170)
Древние египтяне	28,3	Негры Руанды	33,6 (61)
Индийцы Уттар Прадеш	25,2 (238)	Негры США	22,3 (202)
Японцы	43,2 (1008)	Корейцы	46,1 (660)
Австралийцы	19,0 (122)	Китайцы	46,5 (202)

По мнению А. Г. Кифишина [2008], обнаруженная археологами А. П. Окладниковым, В. Е. Ларичевым близ с. Суон-Тит на р. Алдан на скальной надписи, сделанная в XVIII тыс. до н. э. (культура Мальты) (рис. 4), расшифровывается как протошумерское письмо, появляющееся позже на Бородинской скале под Челя-

бинском на Урале, в протошумерском архиве Каменной Могилы в Приазовье (XII–III тыс. до н. э.), и лишь в III тыс. до н. э. такое письмо появляется в месопотамском Уре. Это подтверждает наши данные о дифференциации европеоидных и монголоидных народов в Азии и их дальнейшей миграции до мест современного обитания, так как видны несколько пунктов многотысячелетней миграции древних народов из региона Сибири через Приазовье в Переднюю Азию.

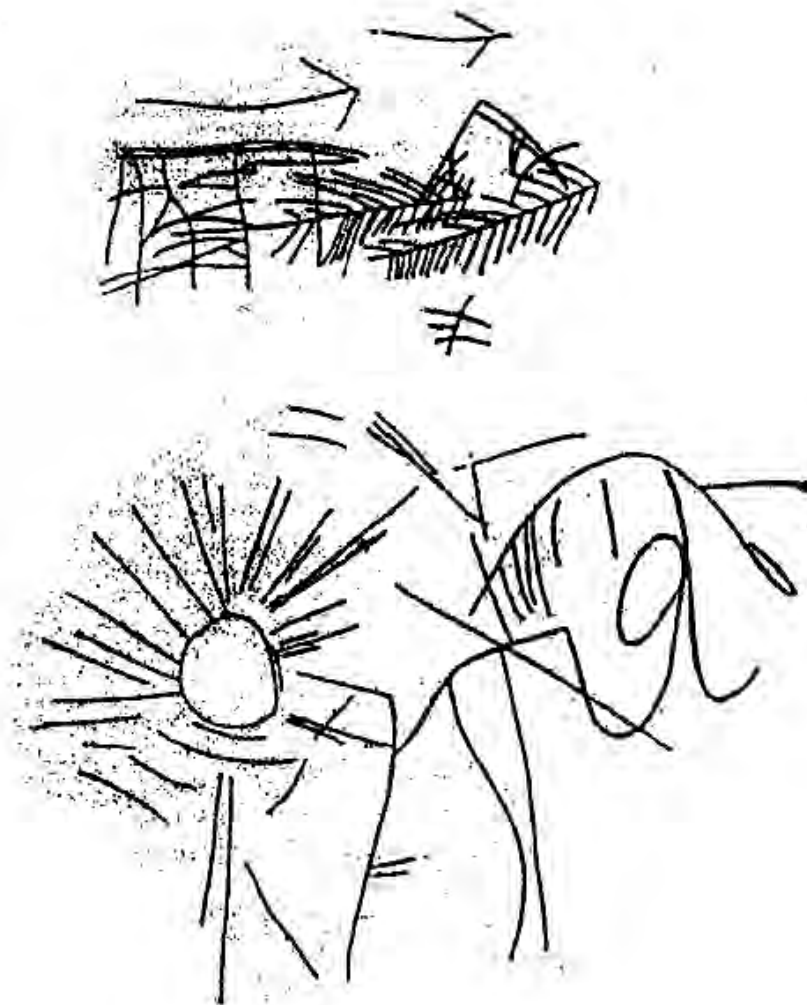

Рис. 4. Петроглиф у Хана-Шулуун в Прибайкалье, расшифровываемый как палеолитическое протописьмо

Таким образом, генетические и антропологические данные, а также данные археолого-лингвистические говорят о том, что европеоиды Европы и Азии, северные монголоиды и американские индейцы произошли из общей праазиатской популяции, обитавшей в палеолите в регионе Алтая, Прибайкалья и в соседних регионах, а в дальнейшем мигрировали до современных мест обитания.

Библиографический список

- Алексеев В. П.* Палеоантропология земного шара и формирование человеческих рас. М. : Наука, 1978. 284 с.
- Алексеев В. П., Гохман И. И.* Костные остатки детских скелетов из погребения на палеолитической стоянке Мальта // Изв. Сиб. отд-ния АН СССР. Сер. ист., филол. и филос. Новосибирск, 1991. Вып. 1. С. 54–60.
- Алексеева Т. И.* Антропологический состав Мещеры (к проблеме славяно-финских взаимоотношений в Поволжье) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1954.
- Алексеева Т. И.* Этногенез восточных славян по данным антропологии. М. : МГУ, 1973. 330 с.
- Бужилова А. П., Добровольская М. В., Медникова М. Б.* Лобная кость Ното из верхнепалеолитического местонахождения Покровка II в Сибири // Вестн. МГУ. Сер. Антропология. 2009. № 3. С. 4–13.
- Величко А. А., Кононов Ю. М., Фаустова М. А.* Геохронология, распространение и объем оледенения Земли в последний ледниковый максимум в свете новых данных // Стратиграфия. Геологическая корреляция. 2000. Т. 8, № 1. С. 3–16.
- Верещагин Н. К.* Вопросы териологии. Общая и региональная териогеография. М. : Наука, 1988. С. 5–32.
- Герасимов М. М.* Палеолитическая стоянка в Мальте // Сообщ. Гос. акад. истории материальной культуры. Л., 1931. Вып. 11/12. С. 55–57.
- Герасимов М. М.* Раскопки палеолитической стоянки в селе Мальте // Палеолит СССР. М. ; Л., 1935. С. 78–123.
- Деренко М. В., Денисова Г. А., Мальярчук Б. А., Дамбуева И. К., Лузина Ф. А., Лотош Е. А., Доржу Ч. М., Карамчакова О. Н., Соловечук Л. Л., Захаров И. А.* Структура генных пулов этнических популяций Алтае-Саянского нагорья на основании данных о полиморфизме митохондриальной ДНК // Генетика. 2001. № 10. С. 1402–1410.
- Зубов А. А., Гохман И. И.* Некоторые одонтологические данные по верхнепалеолитической стоянке Мальта // Вестн. антропологии. 2003. Вып. 10. С. 14–23.
- Кифишин А. Г.* Палеоазиатские корни шумеро-вавилонского мифоритуала // Языки и мифоритуалы народов Севера. Новосибирск : Наука, 2008. С. 22–43.
- Клесов А. А.* Се-человек // Вестн. Рос. акад. ДНК-генеалогии. 2008. Т. 1, № 2. С. 237–251.
- Кобельт В.* Географическое распространение животных в холодном и умеренном поясах Северного полушария. СПб. : А. Ф. Девриен, 1903. 643 с.
- Назарова А. Ф.* Популяции, переходные между европеоидами и монголоидами, и возможный путь формирования европеоидов // Генетический портрет народов мира. М. : Липецк. изд-во, 1999. С. 14–16.
- Назарова А. Ф.* Популяционная генетика и происхождение народов Евразии. М., 2009. 304 с.
- Назарова А. Ф.* География процессов дифференциации северных монголоидов, европеоидов и предков американских индейцев // В мире научных открытий. 2010. № 2. С. 38–43.
- Назарова, А. Ф., Алхутов С. М.* Генетические расстояния 55 человеческих популяций Европы, Азии, Америки, Африки и Океании по 28 аллелям 12 локусов белков, ферментов и групп крови // Эволюция человеческих популяций. М. : Липецк. изд-во, 2000. С. 14–20.
- Назарова А. Ф., Кузнецова М. Г.* Генетика популяций алтайцев // Докл. АН. 1993. Т. 333, № 3. С. 405–409.
- Назарова А. Ф., Кузнецова М. Г., Алхутов С. М.* Генетика, экология и демография русской сельской популяции Ярославской области в прошлом и настоящем // Социально-

медицинские аспекты экологического состояния Центрального экономического района России. Тверь, 2007. С. 132–141.

Сукерник Р. И., Шур Т. Г., Стариковская Е. Б., Уоллес Д. С. Изменчивость митохондриальных ДНК у коренных жителей Сибири в связи с реконструкцией эволюционной истории американских индейцев // Генетика. 1996. № 3. С. 432–439.

Томашевич Т. В. Закономерности распределения частот надглазничных каналов черепа человека // Вопр. антропологии. 1988. Вып. 80. С. 119–128.

У истоков цивилизации : сб. ст. к 75-летию Виктора Ивановича Сарияниди / под ред. М. Ф. Косарева, П. М. Кожина, Н. А. Дубовой. М. : Старый сад, 2004. 469 с.

Хрдлычка А. Остатки в Восточной Азии народа, населившего Америку // Тр. Троицко-савско-Кяхтинского отд-ния Приамурского отд. ИРГО. СПб., 1913. Т. 15, вып. 2. С. 70–75.

Щербаков В. И. Асгард – город богов. М. 2001. 364 с.

Brown M. D., Hosseini S. H., Torroni A. et al. mtDNA haplogroup X: an ancient link between Europe / Western Asia and North America? // American Journal of Human Genetics. 1998. V. 63. P. 1852–1861.

Kuzmin Y. V., Kosintsev P. A., Razhev D. I., Hodgins G. W. L. The oldest directly-dated human remains in Siberia: AMS 14C age of talus bone from the Baigara locality, West Siberian Plain // Journal of Human Evolution. 2009. Vol. 57. P. 91–95.

Lahermo P., Sajantila A., Sistonen P., Lukka M., Aula P., Peltonen L., Savontaus M.-L. The genetic relationship between the Finns and the Finnish Saami (Lapps): analysis of nuclear DNA and mtDNA // American Journal of Human Genetics. 1996. V. 58. P. 1309–1322.

Nazarova A. F. Genetic Data concerning the Problem of Differentiation of Northern Mongoloids, American Indians and Caucasoids in the Northern Territory of Eurasia // Anthropologischer Anzeiger. 2005. N 4. P. 353–364.

Nei M. The theory of genetic distance and evolution of human races // Jap. J. Human Genet. 1978. V. 23. P. 341–369.

**Институт проблем экологии и эволюции РАН (Москва)
afnazar@yandex.ru**

The matrix of genetic distances of 28 alleles of 12 loci of proteins, enzymes and blood groups of 11 populations of Europe, Asia and America were calculated. On data of this matrixes we made the evolutionary dendrogrammes, which demonstrated common origin of European, North Asian peoples and Amerinds. The calculated matrix of genetic distance of 55 human populations and construction of micro-evolution dendrogramme of these populations which belongs to the 4 races confirmed this relationship. Correlation these data with common haplogroups of mitochondrial DNA of Europeans, Altaians and Amerinds allows us to suggest the origin of these ethnoses from the one ancient Asian Palaeolithic population. Anthropological data on the distribution of frequencies of supraorbital canals and decoding of the petroglyphs near Baikal lake as ancient inscription confirmed our hypothesis.

Differentiation of populations, genetic distances, reconstruction, Paleolithic population, the evolution of human populations.

В. А. Новоженев

**ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ КОММУНИКАЦИИ
НАСЕЛЕНИЯ УРАЛО-КАЗАХСТАНСКИХ СТЕПЕЙ
В ЭПОХУ ЭНЕОЛИТА И РАННЕЙ БРОНЗЫ**

В статье рассматриваются изобразительные коммуникации и их развитие в пространстве и во времени; значение изобразительных коммуникаций в сосуществовании и самоидентификации племен урало-казахстанских степей в эпоху энеолита и ранней бронзы.

Изобразительное искусство, энеолит – ранняя бронза, коммуникации.

К изобразительным коммуникациям мы относим изобразительную, фигуративную и мегалитическую традиции энеолитических и раннебронзовых, а также более поздних социумов степной Евразии и развитие этих традиций в пространстве и во времени. Эти традиции стали важным средством внутренней и внешней коммуникации этих социумов, надежным индикатором самоидентификации проживавших здесь племен, анализ и изучение духовной культуры которых позволяют прояснить многие спорные вопросы их этнокультурной атрибуции.

Настоящая работа представляет собой обзор наиболее ярких изобразительных памятников, отражающих распространение вышеназванных традиций в урало-казахстанских степях в период III тыс. до н. э., и посвящена попытке выделения «изобразительных рядов» – своеобразных знаковых кодов – по коммуникационному принципу «свой – чужой» в этих традициях и, соответственно, в известных археологических культурах с целью прояснения спорных вопросов их генезиса и этнической истории [Новоженев, 2012а].

Ямно-афанасьевская изобразительная традиция. В последние годы на территориях Южного Урала и Западного Казахстана (Мугоджары, Прикаспий), в Сары Арке, на Алтае, в Восточном Туркестане, Монголии и в Южной Сибири открыта серия изобразительных памятников и фигуративных артефактов раннего периода, существенно отличающихся по своим иконографическим особенностям и технике исполнения от основного и значительного массива выбитых повсеместно на скалах Центральной Азии петроглифов, традиционно датируемых эпохой бронзы.

К их числу относятся местонахождения петроглифов, вырезанные и выбитые на скалах в урочище Акбидаик, близ Екибастуза, и Олентинские писаницы в долине одноименной реки [Мерц, 2002; 2007], а также пока не опубликованные в должном виде петроглифы Мугоджар, обнаруженные В. В. Ткачевым в северо-восточной части Казахстана, и прикаспийские памятники Коскудук, грот Толубулак [Самашев, 2006, с. 17–21]. Рисованные петроглифы найдены в живописных гротах (Драверта) и скальных нишах на оз. Жасыбай, в гроте Тесиктас (в окрестностях пос. Аксу Аюлы, Центральный Казахстан) и в примыкающем географически к региону на востоке (в предгорьях Алтая) Тарбагатае. В тех местах открыт грот Акбаур, по стенам и потолку которого темно-красной краской нанесены

геометрические знаки, изображения легких переносных жилищ типа шалаша и распряженной двуколки, всего свыше 80 фигур [Самашев, 2010].

На своде грота Тесиктас красной краской нарисованы различные геометрические знаки и две массивные фигуры быков. Всего обнаружены две группы рисунков. Стиль их изображения полностью совпадает с трактовкой аналогичных фигур на плитах могильника Черновая 8 и в синхронных петроглифах долины р. Чулуут (Монголия). Эти сюжеты с массивными быками практически всегда сочетаются с антропоморфными существами, пальцы которых намеренно расставлены в стороны, и с женщинами-прародительницами в «интересных» позах и сценах [Новгородова, 1989, с. 89; Новоженев, 1987, с. 68–78; 2002].

Среди рисунков на оз. Жасыбай выделяется центральный антропоморфный персонаж с отходящими от головы лучами – вероятный прообраз знаменитого «солнцеголового» божества, позднее повсеместно распространенного в петроглифах эпохи бронзы Центральной Азии.

У с. Каракол на Алтае раскопан могильник, большая часть могил – каменных ящичков которого оказалась ограбленной или разрушенной. При этом на стенках этих ящичков открылись удивительные полихромные росписи и гравировки (рис. 1), главный персонаж которых – антропоморфное «солнцеголовое» существо, изображенное как в «анфас», так и в «профиль» [Кубарев, 1988]. Ближайшие аналогии этой фигуре находим в росписях на каменных ящиках могильника Тас-Хааза, петроглифах Чулуута, на стенках гробниц кургана 28 у ст. Новосвободная [Резепкин, 1987].

В 50–60 км от станции Каракол обнаружена уникальная плита серого сланца, на которой техникой выбивки в сочетании с элементами барельефа и резьбой нанесены 13 фигур животных. Уверенно определяются только быки. Авторы публикаций не находят прямых аналогий этим изображениям в Центральной Азии и указывают на характерное сходство с барельефами Египта и древнего Ближнего Востока [Молодин, Погожева, 1990, с. 167–177].

Все больше данных появляется по обоснованию афанасьевского пласта в древнем искусстве Южной Сибири, Алтая и Монголии. Новые материалы из Минусинской котловины, Тувы и Хакасии дают дополнительные аргументы в пользу выделения раннего пласта в окуневском искусстве (петроглифы и стелы) и позволяют связывать его возникновение с западной миграцией скотоводческого населения [Лазаретов, 1997; 2011, с. 59–64; Подольский, 1999]. Ю. Н. Есин в ряде работ аргументированно выделяет афанасьевский пласт в петроглифах Минусинской котловины [Есин, 2008, с. 81–98; 2010, с. 53–73].

Такое широкое географическое распространение представляется далеко не случайным. Очевидно, что перечисленные выше изобразительные памятники с большой долей вероятности по запечатленным в них образам и их многочисленным аналогиям выражают своеобразную ямно-афанасьевскую изобразительную традицию. Скорее всего, древнейшие изображения рисовались на скалах охрой, в укромных, потаенных местах. Таких мест – гротов и скальных ниш – в Казахском мелкосопочнике, например, не так уж и много, значительно больше отдельных и небольших скальных выступов, покрытых коркой темного пустынного загара. В какой-то момент необходимость подчеркнуть важные художественные детали потребовала от древних художников изменить технику рисунка и добавить к краскам резные и гравированные линии, что привело к вероятному комбинированию раскрашен-

ных и резных фигур, как это могло быть на Оленты и зафиксировано на могильнике Тас-Хааза в Хакасии, например, а позднее – совсем отказаться от красок и перейти к точечной выбивке и гравировке, не зависящей от наличия природных гротов или пещер.

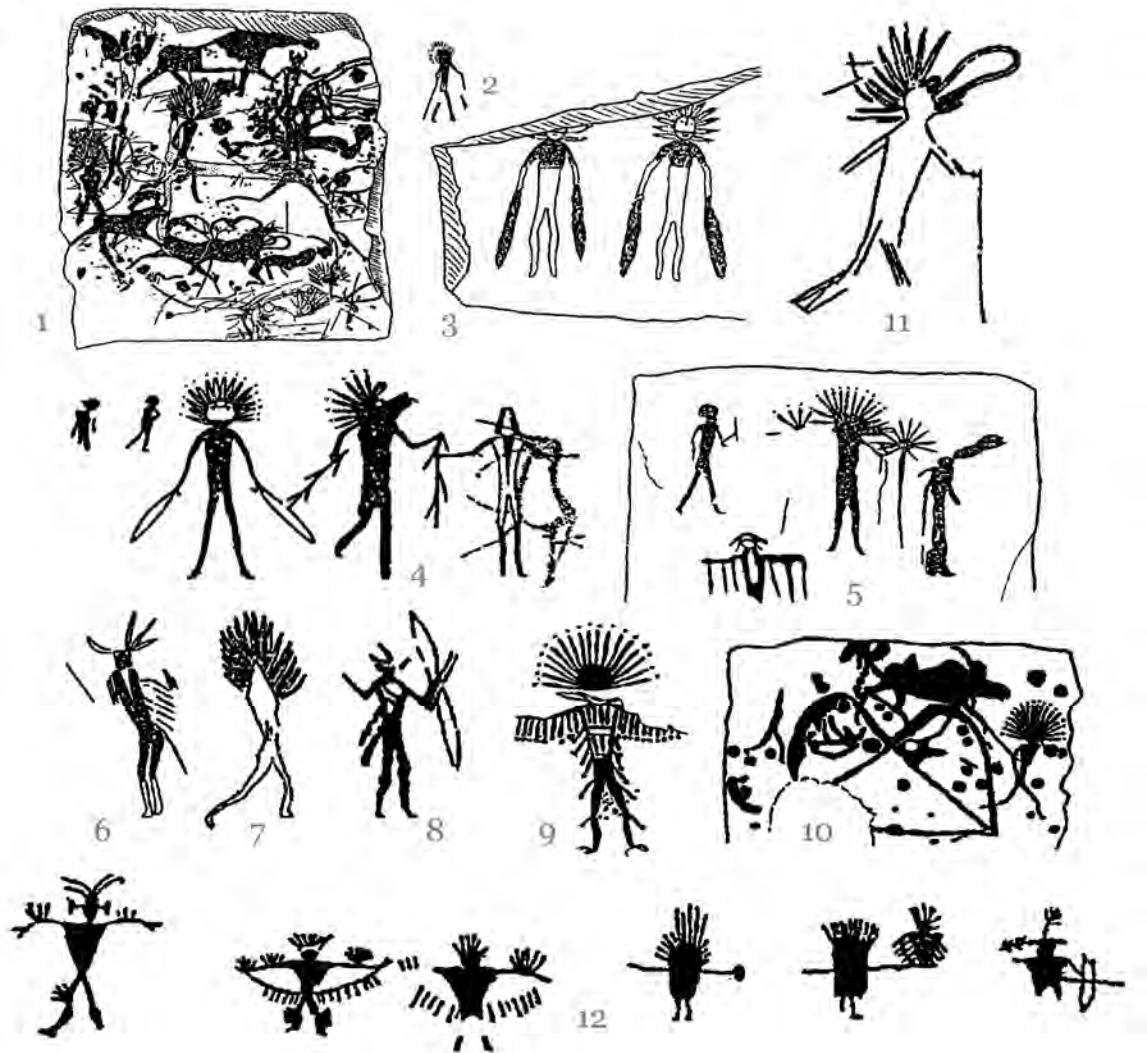

Рис. 1. Изображения «солнцеголовых» существ на плитах могильника Каракол в Горном Алтае и их аналогии в Китае: 1 – курган 2, могила 2, плита 3; 2 – курган 2, могила 2, плита 4; 3 – курган 2, могила 2, плита 1; 4 – могила 5, плита 1; 5 – могила 5, плита 6; 6 – курган 2, могила 2, плита 2; 7, 11 – курган 2, могила 2, плита 2 (гравировка); 8 – могила 5, плита 4; 9 – курган 2, могила 2, плита 5; 10 – могила 5, плита 3; [по: Кубарев, 1988]; 12 – Кангуан, провинция Юнань [по: Chen Zhao-fu, 1988]

Ямно-афанасьевская мегалитическая и фигуративная традиция. Под этой традицией мы здесь понимаем установку крупных антропоморфных стел, часто с нанесенными на их грани изображениями или просто сооружение оград и менгиров – стел без изображений и использование погребальных каменных ящиков; в широком смысле – изготовление монументальных погребальных сооружений из крупных камней и плит, установку каменных стел-менгиров, а также изготовление пред-

метов мелкой пластики – миниатюрных антропоморфных скульптурок, представляющих собой, по нашему мнению, «портативный» вариант монументальных антропоморфных изваяний.

К числу ярких памятников Южной Сибири относятся многочисленные, очень крупные антропоморфные стелы, на которых, как правило, сочетаются скульптурные изображения лица человека на торцевой части и различные петроглифы на боковых сторонах. Иногда это просто каменные плиты с различными изображениями, но почти всегда выбиты личины с отходящими от головы лучами, «антеннами», непонятными отростками [Вадецкая, Леонтьев, Максименков, 1980, с. 123–147; Леонтьев, Капелько, Есин, 2006].

Сходные антропоморфные стелы и свидетельства собственно традиции изготовления каменных погребальных ящиков обнаружены за тысячи километров, на западе, в синхронных кеми-обинских, усатовских памятниках. Так, Керносовский идол в Причерноморье представляет собой антропоморфную стелу, на лицевой стороне которой выбиты топор, посоховидные предметы (жезлы?), нож, булава и другие предметы, а в основании – вереница лошадей (?). На боковой стороне стелы – две человеческие фигуры, одна из которых показана с преувеличенно растопыренными пальцами.

Коллекция каменных антропоморфных скульптурок (рис. 2) состоит из случайных находок, происходящих из северных и северо-восточных регионов Казахстана, а также из раскопанных памятников Минусинской котловины, и имеет широкие аналогии в петроглифах Центральной Азии. Эта коллекция многократно публиковалась в специальной литературе и наиболее полно представлена в превосходном каталоге О. П. Ченченковой [2004].

Объединяет их общая, стандартная поза – все они изображены сидя, руки согнуты в локтях и направлены параллельно вперед, как будто удерживая что-то. Основу образа составляют огромные глаза, выполненные с большим реализмом и изяществом. Показаны ступни ног, фаллос, кулаки, в одном случае – пальцы рук и всегда намеренно большой треугольный нос, гордо задранный вверх. У одной минусинской фигурки нос оказался обломан еще в древности и зашлифован. Одна из казахстанских фигурок сохранила мелкие следы красной краски, т. е. была раскрашена в древности, вероятно, охрой.

Исследователи уже зафиксировали наличие у двух казахстанских фигурок круглой шапочки типа тубетейки, сходной с головным убором человека на рукояти бронзового кинжала из Ростовки [Самашев, 2012, с. 24].

Следует особо остановиться на шестой фигурке из этой серии. Она наиболее документирована [Леонтьев, 2000; 2001], поскольку происходит из раскопанной могилы 5 окуневского кургана Черновая 11 (раскопки Минусинского музея 1999 г.). При общей ее условности, хорошо проработана голова, присутствуют уже известная нам округлая шапочка и спадающие на плечи волосы. Черты лика достаточно четкие: показаны большие глаза, борода (?) и орлиный нос. Туловище проработано условно.

Обратимся к петроглифам, точнее – к изображениям повозок (рис. 3). Наблюдается совпадение иконографии, позволяющее рассматривать их в комплексе с данной серией и вслед за Н. В. Леонтьевым и Ю. Н. Есиным, интерпретировать их как фигурки возничих.

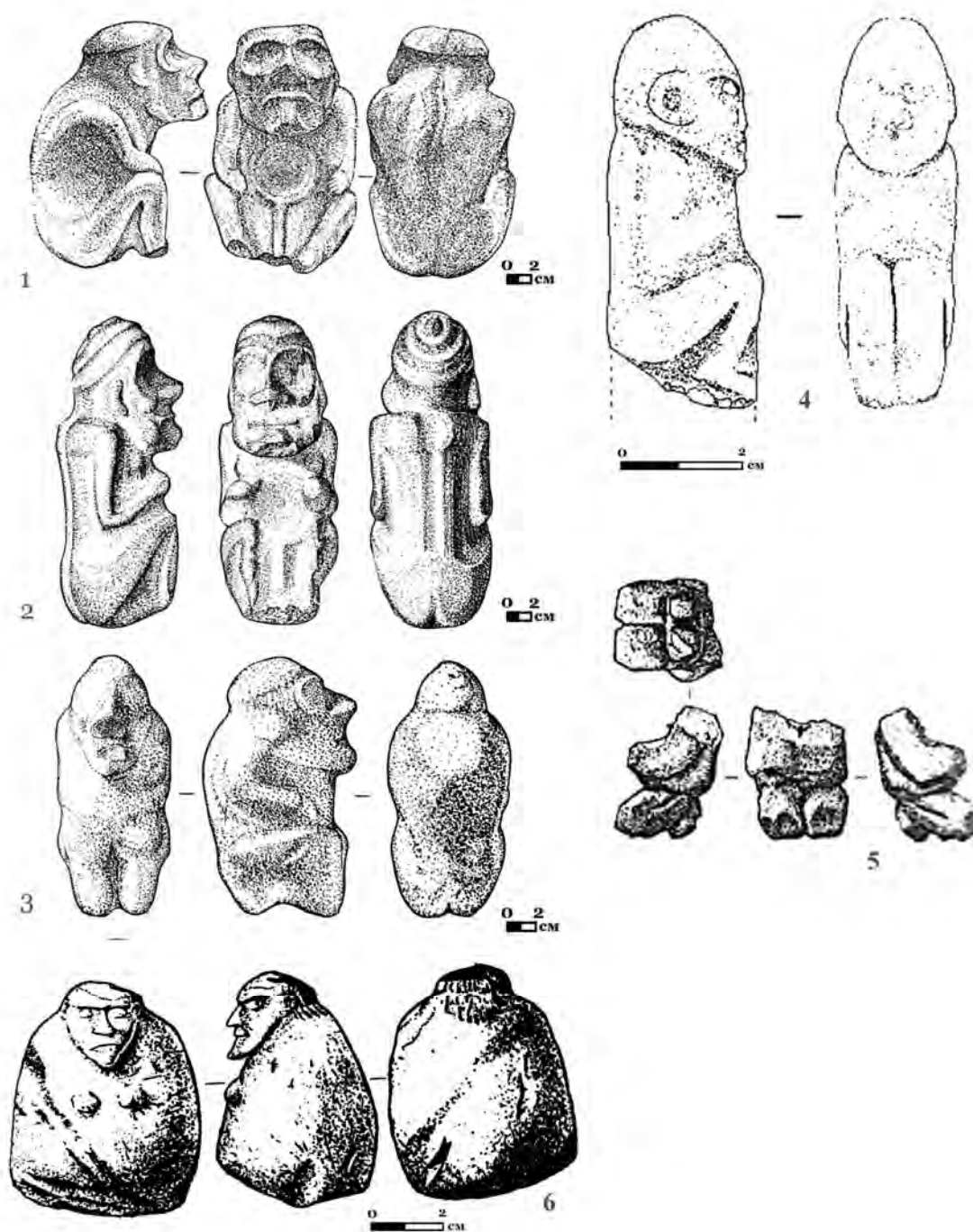

Рис. 2. Коллекция каменной антропоморфной мелкой пластики в стандартной позе возничего. [по: Ченченкова, 2004, с. 112–122, номера по каталогу 48–52; Зайберт, 2009, с. 492, рис. 83]:

- 1 – фигура сидящего человека из Костанайской обл., Костанайский музей (№ 48);
- 2 – фигура сидящего антропоморфа из Акмолинской обл., Эрмитаж (№ 49);
- 3 – фигура сидящего человека из Костанайской обл., Костанайский музей (№ 50);
- 4 – фигура из Минусинской котловины, д. Калы, Хакасия, Минусинский музей (№ 51);
- 5 – поселение Ботай, раскоп 21; 6 – из кургана Черновая 11, могила 5, Хакасия, Минусинский музей (№ 52)

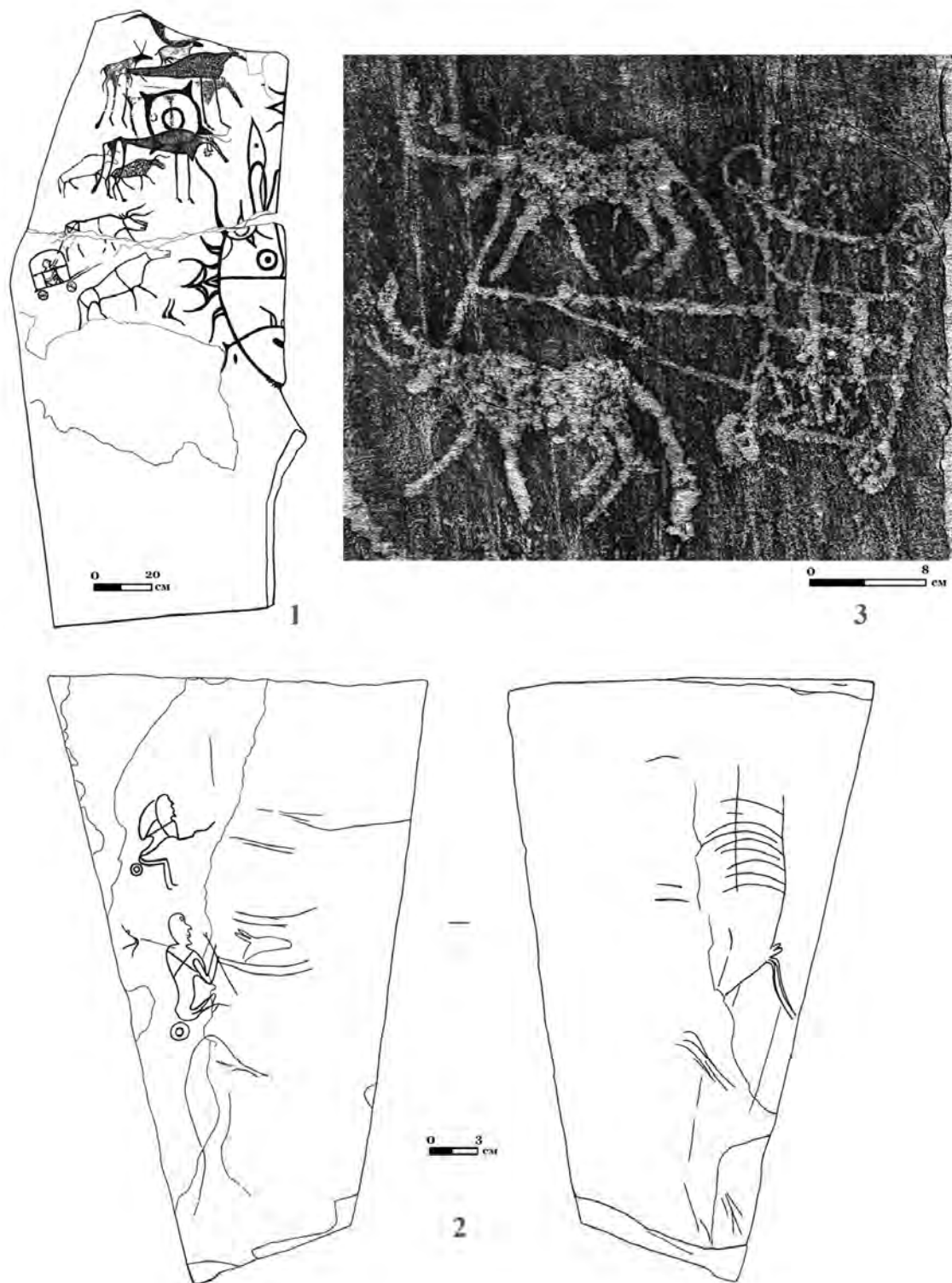

Рис. 3. Изображения возничих и повозок на стелах и в петроглифах [по: Есин, 2012]:
 1 – Знаменская стела (прорисовка Ю. Н. Есина); 2 – плита из могильника Черновая VIII;
 3 – петроглифы Кулжабасы

В. Г. Шкода выявил существенную связь казахстанских фигурок с южным памятником – поселением Саразм в долине р. Зеравшан в Таджикистане [Шкода, 1992; 1997]. При распашке верхнего слоя памятника здесь найден вырезанный из порфирита зооморфный сосуд с человеческой личиной. Иконографические особенности изображенного здесь человека – глубоко посаженные глазницы, треугольный выступающий нос, линия рта – не вызывают сомнения в таком сходстве.

К коллекции мелкой пластики возникших может быть отнесена фигурка человека из поселения Ботай (раскоп 21). Она сохранилась фрагментарно – отсутствует голова, человек показан сидящим на коленях, руки вытянуты вперед [Зайберт, 2009, с. 189–190].

Таким образом, в петроглифах и в мелкой пластике Центральной Азии наблюдаем существование единого изобразительного канона – поразительно сходной трактовки одного образа – возникшего. В этом образе персонифицированы самые современные и передовые для того времени достижения социума, связанные с навыками приручения упряжных животных, строительством собственно повозок и распространением идеи преимуществ колеса в хозяйственной и ритуальной практике. Несомненно, этот образ связывался с вожаком – возникшим, опытным и просвещенным вождем – хранителем инноваций и традиций социума, возможным строителем повозок, а в широком смысле – с первопредком, основателем этого клана. Этот образ полиморфный, главным атрибутом такого возникшего-вождя-первопредка является ритуальная чаша.

Серия антропоморфных, «портативных» изваяний-жезлов, несомненно являющихся статусными, если не культовыми предметами (рис. 4), также хорошо описана [Ченченкова, 2004], включая новые находки последних лет [Самашев, 2012, с. 23–26]. Она состоит из двух глиняных скульптурок головы человека, происходящих из северного и восточного Казахстана, бронзовой миниатюрной головы человека на подставке из музея г. Зайсан, нуринского каменного «песта», 7 каменных жезлов из Алтайских предгорий (в том числе двух новых) и 8 скульптурок из культурных слоев поселения Самусь 4.

Применительно к рассматриваемой серии нельзя не упомянуть и об удивительных находках из Таримской впадины (Синьцзян). Природные условия пустыни помогли законсервировать и сохранить здесь как знаменитые мумии, так и многие культовые предметы, недоступные в археологии степной Евразии [Qi Xiaoshan, Wang Bo, 2008]. К их числу относятся антропоморфные деревянные скульптурки, миниатюрные «куклы»-идолы, одетые в роскошные одежды, и небольшая деревянная маска из могильника Сяохэ, размером около 8 см, основу иконографии которой составляет гипертрофированный треугольный нос и большие глаза.

Представляется, что ритуальная целесообразность и семантическое значение миниатюрных скульптурок и монументальных антропоморфных стел погребальных памятников совпадают, как совпадает и их коммуникативная функция, их использование определялось скорее условиями обитания каждого конкретного клана – социума: образ жизни диктовал использование в ритуальной практике «портативных» идолов или жезлов, стационарное размещение социума в комфортной экологической нише приводило к установке монументальных, многотонных каменных изваяний – стел.

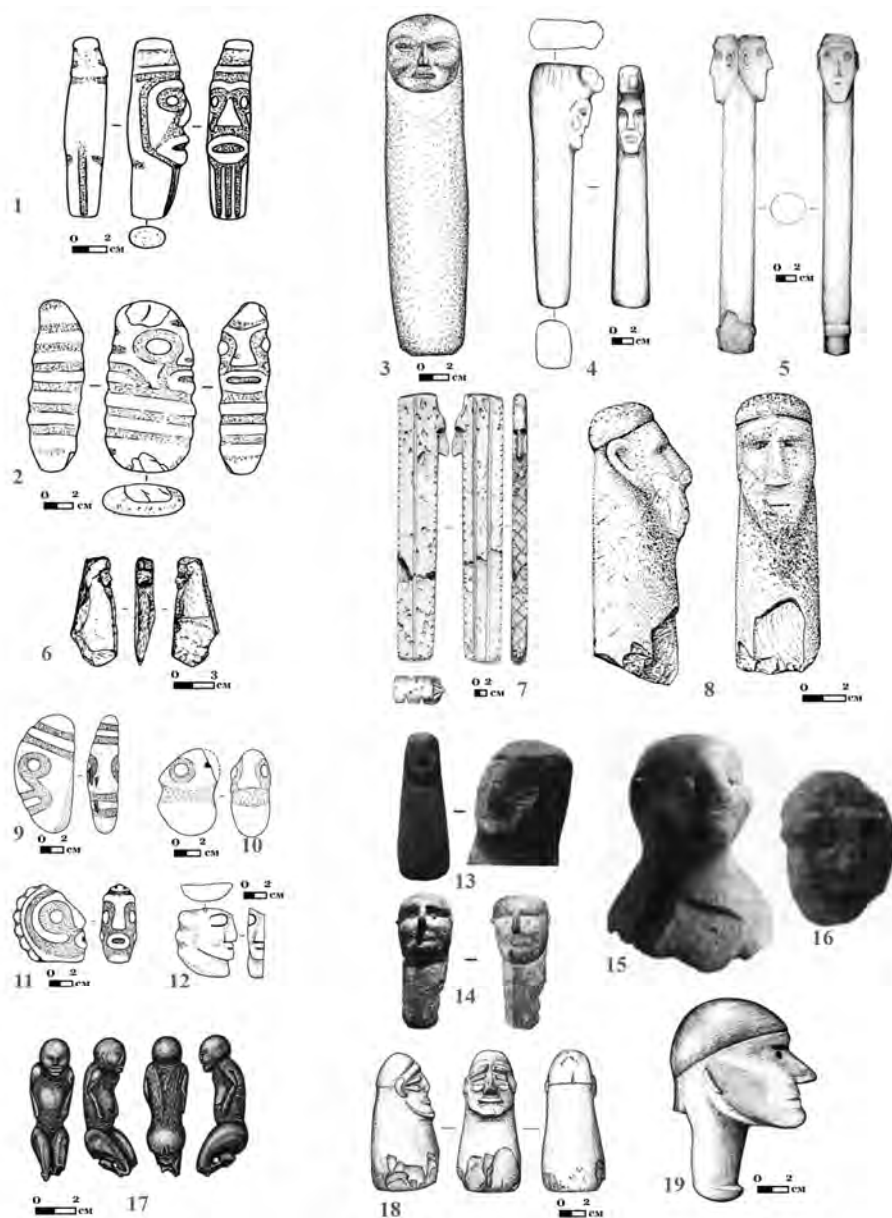

Рис. 4. Серия антропоморфных «портативных» жезлов-изваяний [по: Есин, 2009, с. 452–453, 455, табл. 3; Ченченкова, 2004, с. 203–215; Самашев, 2012]:
 1, 2, 6, 9–12, 17 – поселение Самусь 4, каменные скульптурки; 3 – каменный жезл из Семипалатинской области (№ 93); 4 – каменный антропо-зооморфный жезл из Восточного Казахстана, хранится в Эрмитаже (№ 92); 5 – Ирский янусовидный каменный жезл из Омской области, хранится в Омском музее (№ 96); 7 – антропоморфный каменный жезл из поселения Палатки 2 на Среднем Урале, хранится в музее Екатеринбурга (№ 98); 8 – фрагмент каменного жезла из с. Савушки на Алтае, хранится в музее Алтайского университета; 13 – каменный пест, случайная находка; 14 – бронзовый стержень с головой человека, случайная находка из Восточного Казахстана, хранится в краеведческом музее г. Зайсана; 15 – терракотовая скульптурная голова человека, случайная находка, Восточный Казахстан, хранится в областном музее; 16 – голова человека из необожженной глины, случайная находка в долине р. Ишим, Северный Казахстан, хранится в музее Петропавловска; 18 – нуринский каменный пест из Северного Казахстана, хранится в музее Петропавловска (№ 95); 19 – Туйская голова, камень, случайная находка на р. Туй (приток Иртыша), Восточный Казахстан (№ 97)

Изобразительные ряды и фрагменты кода. Репертуар образов в рассматриваемой изобразительной традиции достаточно устойчивый. Центральное место занимает своеобразный солярный антропоморфный образ – мужчины или женщины. Как правило, этот образ изображен с отходящими от головы «лучами», «перьями», с птичьей головой (Тас Хааза), часто показан гипертрофированный нос, руки и пальцы разведены в стороны, показаны элементы одежды со свисающими вниз «кистями». Женщина представлена в образе матери-прародительницы в соответствующих позах и в одеждах подтреугольной формы (Алтай, Монголия). Особое место занимает образ возничего-первопредка, изображенного как на скалах, в петроглифах, так и в мелкой пластике в канонизированной позе, руки вытянуты вперед, показан орлиный нос, небольшая круглая шапочка, детали экипировки. Семантически близки этому образу изображения повозок, которые представлены двумя типами – четырехколесными телегами (фургон) (Знаменка, Кулжабасы и др.) и двухколесными двуколками (Минусинская котловина, Акбаур, Байконур). Все известные в этой изобразительной традиции повозки изображены только на сплошных дисковых колесах и их вариантах, без спиц. Примечательно, что все телеги запряжены парой поджарых (комолых) быков и изображены с сидящими в них одним (Знаменка) или двумя (Кулжабасы) возничими. Двуколки, напротив, изображены всегда распряженными, без упряжных быков и без возничих, типологически представлены двумя конструкциями – с центральным дышлом (Акбаур, Байконур – здесь двуколка запряжена парой верблюдов) и с «А»-образным дышлом (Аскиз и др.). Отметим, что точная аналогия последней, «А»-образной конструкции раскопана в Большом Ипатовском кургане (погребение 32) и на Кавказе в более поздних памятниках.

Несомненным элементом рассматриваемого изобразительного кода следует признать многочисленные фигуры быков, представленных в двух вариантах: тучные, массивные и поджарые, тощие животные. Следует согласиться с мнением Ю. Н. Есина о том, что поджарые, комолые быки, как наиболее покладистые, использовались для запряжки в повозки [Есин, 2012]. Тучные быки отличались своей производящей силой и служили для воспроизводства поголовья в стаде. При этом мы не исключаем, что детальное изучение в ближайшей перспективе многочисленных случаев перекрывания изображений тучных и тощих быков позволит выявить их хронологические различия в рамках одной изобразительной традиции.

Таким образом, реконструируются следующие фрагменты изобразительного кода (ряда): «солярный» или «птицеголовый» персонаж (первопредок – мужчина, или возничий, или женщина) => повозка на дисковых колесах (фургон, или телега, или двуколка) => бык (массивный или поджарый, на юге – верблюд) => птица (журавль) => крестообразные или фаллические знаки =>...

Несомненно, что по мере накопления новых изобразительных и фигуративных материалов из разных регионов Центральной Азии этот изобразительный ряд будет пополняться и уточняться.

Этническая и культурная атрибуция. В эпоху ранней бронзы в степной Евразии с запада на восток формируется культура скотоводов, которая фиксируется памятниками древнеямной культурно-исторической области [Мерперт, 1974; 1988, с. 7–36], с ее многочисленными вариантами, которые соотносятся с конкретными экологическими нишами в степи и связаны, вероятно, с циклическим характером скотоводства.

Выделяются контактные зоны взаимосвязей скотоводов с аборигенным населением. К их числу в западной части Евразии относятся: чересполосное сосуществование древнеямных и других энеолитических и раннебронзовых групп населения в Восточной и Центральной Европе, отмеченное В. А. Сафроновым [1989, с. 203–204], группа памятников в степном Предкавказье – новотиторовская культура, Причерноморская группа памятников, старосельская, Приуральская и другие [Гей, 2000].

В азиатской части степной Евразии контактные зоны фиксируются памятниками афанасьевской и окуневской культур в Южной Сибири и Монголии, каракольской и чемурчекской культуры на Алтае, таримских мумий в пустыне Такламакан, заманбабинской группы памятников в Средней Азии.

В разновременном могильнике Карагаш, в Казахском мелкосопочнике, раскопан древнеямный курган, материалы которого соотносятся с находками в Зауралье и на Эмбе [Евдокимов, Ломан, 1989, с. 34–46]. Экспедицией под руководством В. К. Мерца в северной части Сарыарки раскопана серия синхронных памятников сходного типа [Мерц, 2008; 2010, с. 134–144].

Материальная культура племен терсекской и суртандинской культур в Северном Казахстане и прилегающих районах показывает генетическое сходство ее с ямно-афанасьевскими памятниками и более поздними андроновскими [Логвин, 1991, с. 51–52; Матюшин, 1981]. Наряду с известными на севере региона терсекскими, суртандинскими, атбасарскими (ботайского типа) [Зайберт, 2009] и перечисленными выше памятниками, древнеямные сосуществуют в Сарыарке синхронно и аналогично «чересполосному» их существованию, зафиксированному для западного ареала распространения древнеямной культурно-исторической области.

Продвигающиеся с запада на восток в течение всего III тыс. до н. э. древнеямные кланы (и их дериваты) обладали рядом прогрессивных для того времени инноваций, которые, очевидно, и позволили обеспечить как такую продолжительную миграцию саму по себе, так и их конкурентное преимущество в сравнении с аборигенным населением. Очевидно, что этот исторический процесс связан с распадом единой индоевропейской общности. Этнически (и по языкам) это могли быть протоиндоарийские, протоиндоиранские, протокафирские, прототохарские группы населения, имевшие свои собственные и часто обособленные линии своего исторического развития. Именно для коммуникации между сородичами внутри этих обособленных кланов скотоводов, а также между этими кланами на удаленных территориях и развивались рассматриваемые выше традиции.

С учетом изложенных замечаний представляется, что выделенный Саянский блок археологических культур [Соколова, 2012] и близкие им каракольская, чемурчекская, заманбабинская и, возможно, культуры Лобнор Синцзяня генетически связаны с древнеямно-афанасьевской (и ее дериватами), носителями которой были передовые евразийские скотоводы. Вышеназванные археологические культуры отражают хронологические изменения главным образом в материальной культуре, которые претерпели здесь первые немногочисленные переселенцы из западной части степной Евразии. Показательными в этом смысле представляются смешанные памятники Минусинской котловины или Монголии [Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2010, с. 91–108]. Скотоводы, пришедшие с запада, преуспели в изготовлении и использовании колесного транспорта, принесли с собой традицию устанавливать менгиры и антропоморфные изваяния и собственную изобразительную традицию. Местное развитие проявилось в изменениях стиля, многочисленных наложениях изображе-

ний друг на друга. В монгольских и казахских степях «мегалитическая идея» позднее развилась в обычай устанавливать оленные камни. А в тюркское время эта традиция возродилась (или продолжилась?) в установке каменных антропоморфных изваяний-балбалов (очень часто – с ритуальными сосудами в руках) повсеместно на огромных просторах степной Евразии.

Что касается изобразительной традиции, то она стала художественной основой для более поздних: окуневской, андроновской (сейминско-турбинской) и карасукской. Ее изобразительные ряды (коммуникационные коды) творчески перерабатывались, обогащались новыми персонажами (прирученные лошади, колесницы, разные типы оружия и др.) и композициями, которые мы уже детально рассматривали в других работах [Новоженков, 2002; 2012б]. Многочисленные петроглифические святилища, обнаруженные в различных степных и предгорных районах Центральной Азии, повсеместно демонстрируют концентрацию изобразительных рядов (кодов), принадлежащих различным традициям, многие из которых намеренно трансформировались из ранних в более поздние путем замены персонажей-знаков, изменения вида животных и стиля их изображения. Однако место действия – святилище – было одним и тем же, оставаясь таковым вплоть до этнографической современности. Наиболее кардинальные изменения изобразительных рядов и стиля произошли в сакское время. В гунно-тюркский период трансформация изобразительных рядов получила свой законченный коммуникативный вариант в виде классических этнических маркеров – тамг, в сочетании с новыми образами и персонажами.

В заключение несколько слов о коммуникативной функции орнаментальной традиции эпохи бронзы, наиболее ярко представленной в декоре посуды андроновской культурно-исторической общности. Выделение этнических орнаментальных кодов – устойчивых сочетаний элементов орнамента, а также их семантическая интерпретация – задача будущих исследований. Из многочисленных элементов андроновского орнамента определенно выделяются заштрихованные равнобедренные треугольники в сочетании с солярными знаками – крестом и свастикой. Фестоны из таких заштрихованных треугольников встречаются в декоре посуды и вещей в археологических культурах более раннего времени повсеместно в степной Евразии – на чемурчекских антропоморфных изваяниях и каменных сосудах, на новотиторовской посуде и на многочисленных «булавках» и в декоре рукоятей кинжалов сейминско-турбинского типа и т. д. Возможно, заштрихованный треугольник есть своеобразный коммуникативный маркер – знак, фиксирующий определенную этническую идентификацию клана, естественно, в сочетании с другими, пока еще не идентифицированными знаками.

Библиографический список

- Вадецкая Э. Б., Леонтьев Н. В., Максименков Г. А.* Памятники окуневской культуры. Л.: Наука, 1980. 148 с.
- Гей А. Н.* Новотиторовская культура. М.: Старый сад, 2000. 224 с.
- Грязнов М. П.* Писаница эпохи бронзы из д. Знаменки в Хакасии // КСИИМК. 1960. Вып. 80. С. 85–89.
- Евдокимов В. В., Ломан В. Г.* Раскопки ямного кургана в Карагандинской области // Вопр. археологии Центрального и Северного Казахстана. Караганда: Изд-во ун-та, 1989. С. 34–46.

Есин Ю. Н. «Солнцеголовые» изображения в раннеокуневском искусстве Минусинской котловины // Тропую тысячелетий : сб. науч. тр., посвящ. юбилею М. А. Дэвлет. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2008. С. 81–98.

Есин Ю. Н. Древнее искусство Сибири: самусьская культура : тр. музея археологии и этнографии Сибири. Томск : Томск. гос. ун-т, 2009. Т. 2. 526 с.

Есин Ю. Н. Проблемы выделения изображений афанасьевской культуры в наскальном искусстве Минусинской котловины // Афанасьевский сборник. Барнаул : Азбука, 2010. С. 53–73.

Есин Ю. Н. Древнейшие изображения повозок Минусинской котловины // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2012. № 1 (3). С. 14–47.

Зайберт В. Ф. Ботайская культура. Алматы : ҚазАқпарат, 2009. 576 с.

Зданович Г. Б. Феномен протоцивилизации бронзового века урало-казахстанских степей // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989. С. 179–189.

Зданович Г. Б., Плешаков А. А. Каменная скульптура эпохи бронзы из Притоболья // СА. 1981. № 3. С. 258–262.

Ковалев А. А., Эрдэнэбаатар Д. Афанасьевско-чемурчекская курганная группа Кургак гови (Хуурай говь) и вопросы внешних связей афанасьевской культуры // Афанасьевский сборник. Барнаул : Азбука, 2010. С. 91–108.

Кубарев В. Д. Древние росписи Каракола. Новосибирск : Наука, 1988. 173 с.

Лазаретов И. П. Окуневские могильники в долине р. Уйбат // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб. : Петро-РИФ, 1997. С. 19–64.

Лазаретов И. П. Окуневские личины джойского типа – маркеры древних путей // Наскальное искусство в современном обществе : материалы междунар. науч. конф. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2011. С. 59–63.

Леонтьев С. Н. Мелкая пластика окуневской культуры из кургана Черновая 11 // Вестн. Сиб. ассоц. исследователей первобытного искусства. 2000. Вып. 3. С. 15–17.

Леонтьев С. Н. Памятник окуневской культуры курган Черновая 11 // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. № 4 (8). С. 116–123.

Леонтьев Н. В., Капелько В. Ф., Есин Ю. Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. Абакан : Хакаское кн. изд-во, 2006. 217 с.

Логвин В. Н. Каменный век Казахстанского Притоболья (мезолит-энеолит). Алма-Ата: Изд-во пед. ин-та, 1991. 64 с.

Матюшин Г. Н. Энеолит Южного Урала. М. : Наука, 1981. 328 с.

Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М. : Наука, 1974. 152 с.

Мерперт Н. Я. Об этнокультурной ситуации IV–III тыс. до н. э. в циркумпонтийской зоне // Древний Восток. Этнокультурные связи. М. : Наука, 1988. Вып. 80. С. 7–36.

Мерц В. К. Наскальные рисунки края Кереку-Баян. Павлодар : Изд-во Павлодар. ун-та, 2002. 114 с.

Мерц В. К. К проблеме миграций в эпоху раннего металла (о погребении ямного типа на Иртыше) // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь. К 70-летию Т. М. Потемкиной. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2007. С. 71–75.

Мерц В. К. Периодизация голоценовых комплексов Северного и Центрального Казахстана по материалам многослойной стоянки Шидерты 3 : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2008. 26 с.

Мерц В. К., Мерц И. В. Погребения «ямного» типа Восточного и Северо-Восточного Казахстана (к постановке проблемы) // Афанасьевский сборник. Барнаул : Азбука, 2010. С. 134–144.

Молодин В. И., Погожева А. П. Плита из Озерного (Горный Алтай) // СА. 1990. № 1. С. 167–177.

Новгородова Э. А. Древняя Монголия. М. : Наука, 1989. 383 с.

Новожинов В. А. О датировке наскальных изображений Сары-Арки // Проблемы периодизации и хронологии археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда : Изд-во ун-та, 1987. С. 79–89.

Новожинов В. А. Петроглифы Сары Арки. Алматы : Изд-во Ин-та археологии, 2002. 125 с.

Новожинов В. А. Чудо коммуникации и древнейший колесный транспорт Евразии / под ред. Е. Е. Кузминой. М. : Таус, 2012а. 500 с.

Новожинов В. А. Андроновская изобразительная традиция: конец мифа? (методологический аспект) // Археология и история Сары Арки. Караганда : Изд-во КарГУ, 2012б. С. 114–145.

Подольский М. Л. Становление степного скотоводства на Саяно-Алтае (по материалам Минусинской котловины) // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск, 1999. Вып. 2. С. 7–10.

Резепкин А. Д. К интерпретации росписи из гробницы майкопской культуры близ ст. Новосвободная // Краткие сообщ. Ин-та археологии АН СССР. 1987. Вып. 192. С. 26–32.

Самашев З. Петроглифы Казахстана. Алматы : Өнер, 2006. 200 с.

Самашев З. Наскальные изображения Казахстана как исторический источник: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Алматы, 2010. 59 с.

Самашев З. Изобразительная деятельность в бронзовом веке (к изучению проблемы в контексте культурогенеза) // Материалы республ. науч.-практ. конф. «IV Оразбаевские чтения» на тему «Проблемы и достижения отечественной археологии и этнологии в XXI столетии», приуроченной к 90-летию А. М. Оразбаева. Алматы : Казак университеті, 2012. С. 20–31.

Сафронов В. А. Индоевропейские прародины. Горький : Волго-Вятское кн. изд-во, 1989. 398 с.

Соколова Л. А. Саянский блок археологических культур как индикатор кросс-культурного взаимодействия // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями : материалы междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М. П. Грязнова. СПб. : Периферия, 2012. Т. 2. С. 229–235.

Ченченкова О. П. Каменная скульптура лесостепной Азии эпохи палеометалла III–I тыс. до н. э. / под ред. Д. Г. Савинова. Екатеринбург : Тезис, 2004. 336 с.

Шкода В. Г. К вопросу о северных связях Саразма // Северная Евразия от древности до средневековья : тез. конф. к 90-летию со дня рождения М. П. Грязнова. Археологические изыскания. СПб. : ИИМК РАН, 1992. Вып. 2. С. 57–59.

Шкода В. Г. Две каменные скульптуры палеометалла // Сообщ. Гос. Эрмитажа. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 1997. С. 48–51.

Qi Xiaoshan, Wang Bo. The Ancient Culture in Xinjiang Along the Silk Road. Xinjiang, 2008. 304 p.

**Сарыаркинский археологический институт при Карагандинском
государственном университете (Казахстан)
vnovozhenov@gmail.com**

The visual communications and their development in space and time; the importance of visual communications in co-existence and identity tribes of the Ural-Kazakhstan steppes in the Eneolithic and Early Bronze Age are discussed in the article.

Visual arts, Eneolithic – Early Bronze Age, communications.

Ж. Орозбекова

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВОЕННОЙ И ОХОТНИЧЬЕЙ СИМВОЛИКИ
В ОФОРМЛЕНИИ НАДМОГИЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ
КЫРГЫЗОВ ТЯНЬ-ШАНЯ***

В статье описаны надмогильные сооружения кыргызов Тянь-Шаня, в оформлении которых присутствуют военные и охотничьи атрибуты. Погребальный канон мусульманской религии запрещает создавать изображения живых существ и помещать предметы в могилу. Однако в погребальной обрядности кыргызов (в погребениях батыров, воинов и охотников) сохранились надгробья, на которые наносились красочные рисунки, над могилой устанавливали головы оленей и архаров, а в захоронения помещали предметы вооружения.

Тянь-Шань, кыргызы, надмогильные сооружения, военные и охотничьи атрибуты.

Оружие являлось неизменной принадлежностью средневековых кыргызских воинов и охотников. Предметы вооружения использовались не только по своему прямому функциональному назначению, их применяли также в погребальной и поминальной обрядности. Согласно традиционным представлениям кыргызов, когда хоронили умершего правителя, воина или охотника, в могилу помещали некоторые вещи, которыми они пользовались при жизни, с верой в то, что они понадобятся «на том свете». После принятия ислама, в соответствии с канонами этой религии, вещи перестали класть в погребения. Однако пережитки прежних традиций сохранились в погребальных и поминальных обрядах у кыргызов.

Впервые предметы вооружения, отраженные символически в оформлении надмогильных сооружений в Тянь-Шане, стали попадать в поле зрения путешественников и ученых начиная со второй половины XIX в. В это время как раз начинаются посещения ученых, путешественников, специалистов разного профиля территории Тянь-Шаня. В 1856 г. в Иссык-Кульской котловине российским офицером и казахским ученым Ч. Ч. Валихановым в долине р. Тюп, близ ее устья, была зарисована кыргызская могила с прямоугольной глинобитной зубчатой оградой, над которой возвышается наклонно стоящий деревянный шест, увенчанный бунчуком. К древку этого шеста был прикреплен лук с натянутой тетивой [Валиханов, 1984, с. 331]. Он упоминает гумбез Ногая как одно из великолепных сооружений, которое возведено в честь известного батыра из рода Салмаке. Также ему удалось зарисовать и описать гумбез Джантая из рода Атаке-сарыбагыша. Этот гумбез представлял собой сооружение с высоким порталом и куполом, которые соорудили кашгарские мастера. Он был выбелен, внутри имелись росписи разными цветами в восточном стиле [Валиханов, 1984, с. 330–331].

В 1857 г. Иссык-Кульскую котловину посетил российский путешественник П. П. Семенов-Тянь-Шанский. Им был осмотрен памятник Ногая и описан более

* Работа выполнена по проекту «История военного дела народов Южной Сибири и Центральной Азии», по договору № 25/08/12 на выполнение научно-исследовательских работ с РЕЦЕРО.

© Орозбекова Ж., 2013

подробно. По его материалам, мавзолеем расположен в местности Тасма, в междуречье Джаргалана и Тюпа. Он пишет, что его соорудили лучшие кашгарские мастера по заказу родственников батыра Ногоя. Памятник представлял собой «вид небольшого храма восточной архитектуры с куполом и башней». Здесь обращает на себя внимание купол, расписанный грубыми фресками, на которых изображен сам Ногой. Он был на коне с длинной пикой в руке, за ним – также на коне его сын Чон-Карач и далее все члены семейства Ногоя и ряд выючных верблюдов. Сооружение этого мавзолея стоило очень дорого – «две ямбы серебра, два верблюда, пять коней и 3000 баранов» [Семенов-Тянь-Шанский, 1946, с. 182–183].

Исследования такого рода кыргызских надмогильных сооружений с воинской и охотничьей символикой было продолжено учеными в XX в. А. Н. Бернштам проводил свои исследования в Таласской долине. Гумбезы у селения Орловка также имели внутри фресковую роспись, в том числе «изображения живых существ, столь запрещаемые исламом» [Бернштам, 1941, с. 110]. О таласских гумбезах А. Н. Бернштам говорит, что это творчество художника, происходившего из кочевой среды, который является далеко не ревностным хранителем идей ислама. «Руке такого художника, возможно, принадлежат и изображения техникой граффитио людей, лошадей, горных козлов, выгравированных иногда на скалах, иногда внутри гумбезов» [Бернштам, 1941, с. 111]. В дальнейшем гумбезы у с. Орловка и в местности Беш-Таш были зафиксированы в ходе экспедиции в 1984 г. Б. А. Дуйшеевым. На осколках внутренней штукатурки купола им были обнаружены следы цветочного орнамента, симметрично повторяющиеся геометрические мотивы, изображения лошадей, верблюдов, собак, диких козлов, барсов и человеческие фигурки [Дуйшеев, 1986, с. 70]. Возможно, в этих росписях воспроизведены охотничьи сцены, поскольку представлены горные козлы, барсы, собаки и люди. Подобные типы архитектурных сооружений появились в эпоху Караханидов. В дальнейшем этот тип надгробных сооружений сохранился у кыргызов в течение XVI–XX вв. [Бернштам, 1950, с. 39]. Постепенно, под влиянием кочевников, в оформлении гумбезов начинают преобладать геометрические мотивы и сюжеты животного царства над растительной росписью, «складываются черты индивидуального своеобразия декора архитектурного наследия» Кыргызстана [Бернштам, 1950, с. 39]. «Как видим, ортодоксальный ислам с его запретами изображать все живое, особенно человека, не очень беспокоил древнего зодчего. Это говорит о том, что ислам в кочевой среде не пустил глубокие корни, и при сооружении памятников основное внимание киргизы старались уделить красоте – традиционной архитектуре в сочетании с живописью» [Дуйшеев, 1986, с. 59]. Надгробные сооружения «имеют совершенно необычные формы и основываются на свободном творчестве народных мастеров, не стесненных канонами, профессиональными традициями, существовавшими в “мусульманском” зодчестве» [Дуйшеев, 1986, с. 70].

Еще в конце XVIII в. у кыргызов были случаи, когда в могилу клали оружие умершего. Подобные сведения были зафиксированы С. М. Абрамзоном. По его материалам, собранным у кыргызского информатора Чоробаева, в местности Ак-Терек (в Ак-Талинском районе) были похоронены рядом два богатыря – Кемпир-бала и Чомой-батыр. Они враждовали при жизни друг с другом. Поэтому в могилу Чомой-батыра было положено боевое копьё – *найза*, чтобы он имел возможность вое-

вать со своим противником «на том свете», если он не примирится с Кемпир-бала [Абрамзон, 1971, с. 325]. Этот случай свидетельствует о сохранении пережитков домусульманских верований, поскольку помещение каких-либо предметов, в том числе оружия, в могилу умершего противоречит канонам мусульманской погребальной обрядности.

В свое время исследователь К. Айдаркулов провел специальное исследование по выявлению в кыргызском героическом эпосе «Манас» упоминаний об архитектурном строительстве – возведении гумбезов и изобразительном искусстве – художественной росписи. В ходе его работы обнаружено, что во второй части трилогии эпоса «Семетей» имеется описание возведения Каныкей – женой Манаса – гумбеца в память о знаменитом муже-богатыре. В этих описаниях говорится о росписях на гумбеце Манаса. Согласно эпосу, Каныкей сооружает на берегу р. Талас монументальный гумбес – прообраз ханской ставки. Это было куполообразная ставка-юрта с величественным порталом, вход украшал богатый орнаментированный декор *кыял* (мечта) – символ непобедимости и безграничной власти погребенного. «Интерьер гумбеца составляли жанровые сцены эпических богатырей. Центральной фигурой был сам Манас, здесь же – звери-покровители: тигр, лев, леопард, орел. Манас представлялся в доспехах и во всеоружии, на боевом коне, также в панцирной попоне. Его спутники-богатыри *кырк чоро* (сорок сподвижников, сорок витязей. – Ж. О.) изображались в бою и единоборстве с врагами. Здесь же и многочисленные бытовые сцены, отображающие полукочевой образ жизни киргизского народа» [Дуйшеев, 1986, с. 71–72]. Исходя из вышеизложенного, можно полагать, что такие гумбезы с богато оформленными военными, охотничьими и бытовыми сценами получили распространение у кыргызов с эпохи Средневековья.

В ходе полевых исследований в 2000 и 2003 гг. автором данной работы были осмотрены гумбезы с охотничьей символикой в Иссык-Кульской котловине и Алайской долине. На кыргызском кладбище у с. Орто-Орукту Иссык-Кульского района был зафиксирован гумбес с красочным изображением охотника, стреляющего в дикого горного козла. Гумбес имеет мощный портал, сверху – отдельно строившиеся три возвышения, каждое из которых состоит из двух частей. На вершине западного возвышения установлены рога горного козла, а между ними на тонкой проволоке укреплен звездочка из железа. На восточном возвышении специально установлено большое зеркало. В прошлом на лицевой и боковых сторонах этих возвышений в специальных нишах также были установлены зеркала. Эти ниши были покрашены в серебристый цвет. Центральное возвышение имеет более крупные размеры, чем боковые. На его передней побеленной стороне в нише – надпись: имя, фамилия и годы жизни усопшего. Возвышение увенчано пирамидальным навершием, под которым находится прямоугольная ниша. Под центральным и боковыми навершиями имеются горизонтальные углубления, в которых размещены специально вырезанные небольшие зеркала прямоугольной формы. Нижняя часть гумбеца имеет дверной проем и четыре куполообразных ложных окна, двое из которых украшены росписями, а двое по бокам побеленные. В нише передних окон имеются изображения. В восточном окошке нарисован охотник, стреляющий в архара, изображенного в западном окне. Охотник одет в желто-коричневую одежду длиной до колен. На голове у него белый головной убор. За ним изобра-

жены голубое небо, снежные горы и зеленые ели. В другом окошке также на фоне белой высокой горы стоит архар, повернувший голову в сторону охотника. С задней стороны портала, впритык к нему сооружена ограда без купола из жженого кирпича, где находится могила умершего. Портал оштукатурен и покрашен в ярко-красный цвет. С течением времени краска поблекла, часть штукатурки облупилась.

На этом кладбище есть еще один памятник, предназначенный охотнику Майрыку Тургунбаеву. По словам местных жителей, он был участником Великой Отечественной войны, при жизни занимался охотой, помогал людям, пользовался большим уважением со стороны родственников и односельчан. После его смерти на его надмогильном памятнике в знак уважения установили рога оленя. Этот знак символизировал также профессию умершего. Кроме этого, голову оленей, архара и горного козла ставили на надгробных сооружениях в честь усопших, которые были из рода Бугу (олень). Их ставили в знак уважения к умершим [Орозбекова, 2009, с. 272].

Если обратимся к материалам Алайской долины, собранным автором данной работы, то на могильнике Куртук-Ата, расположенном на северной террасе р. Куртук-Ата, имеется такой же памятник, указывающий на профессию охотника. Памятник представляет ограду, сооруженную из деревянных досок, прямоугольной формы, площадью 2×2 , высотой 1 м. Четыре основных угловых столба высотой 2 м имеют украшенные концы в виде ромбиков. На лицевой части, посередине специально установленных квадратных деревянных палок, помещена фотография усопшего Жума уулу Балы. Верхняя доска украшена с обеих сторон с ромбическими деревянными фигурками, посередине которых установлена голова архара, а под ней написаны данные усопшего. По сведениям местного аксакала Сатыбаева Уркунбай (1911 г. р., с. Уч-Добо), Жума уулу Балы был свое время известным охотником [Орозбек, 2003, с. 58; Орозбекова, 2009, с. 272].

Из вышеперечисленных материалов можно заметить, что те предметы, которые в свое время клались в могилу, в конце XIX – XX в. стали помещать и изображать на надгробных сооружениях.

По нашему мнению, эти изменения отражают эволюцию кыргызской погребальной обрядности в течение последних столетий. Несмотря на требования мусульманской погребальной обрядности, запрещающей помещать какие-либо предметы в могилу, в заупокойной традиции кыргызов сохранились прежние обычаи, которые восходят к эпохе Средневековья. Таким образом, можно сказать, что предметы вооружения символически использовались в оформлении надгробных сооружений. При сооружении надмогильных памятников в честь героя, батыра или охотника их оформляли красочными изображениями или символически использовали оружие и охотничьи атрибуты.

Библиографический список

- Абрамзон С. М.* Кыргызы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л. : Наука, 1971. 403 с.
- Бернштам А. Н.* Археологический очерк северной Киргизии. Фрунзе : Изд. Ком. наук при СНК Кирг. ССР, 1941. 112 с.
- Бернштам А. Н.* Архитектурные памятники Киргизии. М. ; Л.: Изд-во Академии наук ССР, 1950. 146 с.

Валиханов Ч. Ч. Дневник поездки на Иссык-Куль 1856 г. // Собр. соч. : в 5 т. Алма-Ата : Гл. ред. Казах. сов. энцикл., 1984. Т. I. С. 306–357.

Дуйшеев Б. А. Память Тянь-Шаня. Фрунзе : Мектеп, 1986. 120 с.

Орозбек кызы Ж. Могильник Куртук-Ата в Алайской долине Кыргызстана // Материалы ХLI Междунар. науч. студ. конф. «Студент и научно-технический прогресс»: археология. Новосибирск : Ред.-издат. центр Новосиб. гос. ун-та, 2003. С. 57–58.

Орозбекова Ж. Надмогильные сооружения кыргызов Тянь-Шаня (предварительные сведения по материалам этноархеологического исследования могильников Куртук-Ата, Орто-Орукту, Мукаачы) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. История, филология. 2009. Т. 8, вып. 5: Археология и этнография. С. 270–274.

Семенов-Тянь-Шанский. Путешествие в Тянь-Шань в 1815–1857 гг. М. : Гос. изд-во геогр. лит., 1946. 256 с.

Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск)
bjkut@yandex.ru

In the article Kirghiz grave structures of Tian Shan area in which are found military and hunting attributes are described. The Muslim burial tradition forbids creation of animalistic pictures and placing objects in graves. However there are gravestones with painting pictures, placing heads of deer or argali over the grave and placing items of arms in grave in Medieval Kirghiz burial practice of famous warriors, ordinary warriors and hunters.

Tian Shan, Kirghiz, grave structures, military and hunting attributes.

И. Ю. Понкратова

М. А. КИРЬЯК (ДИКОВА) И ИСКУССТВО СЕВЕРА ДАЛЬНОГО ВОСТОКА РОССИИ

Статья посвящена вкладу доктора исторических наук Маргариты Александровны Кирьяк (Диковой) в исследование древнего искусства народов севера Дальнего Востока России.

М. А. Кирьяк (Дикова), север Дальнего Востока России, мобильное искусство, граффити, петроглифы, каменная скульптура.

Север Дальнего Востока России (СДВР) – территория, исследование которой началось еще в XVII в. с приходом русских первооткрывателей, оставивших ценные сведения о хозяйстве, быте, культуре народов края, и продолжается по настоящий день. Открыты сотни стоянок, описаны тысячи артефактов, выделены культуры от палеолита до палеометалла, накоплены требующие осмысления различные материалы, в том числе имеющее непосредственное отношение к искусству древнего человека.

Исследование древнего искусства – дело сложное, подчас неблагодарное. Увидеть в простом на первый взгляд камне скульптуру, «прочитать» скупые строки

© Понкратова И. Ю., 2013

«каменных документов», понять, что хотел изобразить древний художник, дано не каждому исследователю. И для этого надо обладать не только художественным даром, но и определенной смелостью, чтобы донести до научной общественности раскрытые тобой древние сюжеты.

Одним из ярких исследователей, кто не побоялся и попытался расшифровать для нас загадочный мир искусства северных народов, является Маргарита Александровна Кирьяк (Дикова). Сегодня Маргарита Александровна – доктор наук, ведущий научный сотрудник лаборатории комплексного изучения Чукотки Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института Дальневосточного отделения РАН. Она живет и работает в Анадыре. А когда-то, начитавшись «Апельсинов из Марокко» В. Аксенова, «Поисков большого медведя» О. Куваева, легенд, связанных с оз. Эльгыгытгын, приехала она из Украины на далекий Север и, влюбившись в него, осталась здесь навсегда. Ее жизненный путь на Чукотке начался с работы учителем истории и географии в маленьком поселке золотодобытчиков Алискерово. Но судьба свела ее с основоположником магаданской археологии Н. Н. Диковым, и Маргарита Александровна со свойственным ей упорством и энтузиазмом взялась за исследование Западной Чукотки. Пешими маршрутами, речными сплавами открывались ей неизвестные страницы истории Заполярного круга. Она открыла и исследовала десятки памятников от позднего плейстоцена до этнографической современности, предложила свое видение периодизации истории Чукотки. Ею опубликованы статьи, монографии, посвященные древнейшему прошлому Чукотки [Дикова, 2008; 2010а; Кирьяк, 1993; Кирьяк (Дикова); 2005; 2007; и др.]; ее работы востребованы и переведены на иностранные языки [Kiryak, 2009; Kiryak (Dikova), 2010]. Но главным ее открытием все же остается удивительный мир искусства северных аборигенов [Дикова, 2009; 2010а; 2010б; 2010в; 2011; Кирьяк (Дикова), 2000; 2002; 2003; 2012; и др.].

По праву можно считать сводом памятников изобразительного искусства народов СДВР монографию Маргариты Александровны «Древнее искусство Севера Дальнего Востока как исторический источник (Каменный век)» [2000; 2003]. Здесь привлечены к анализу материалы, добытые как самим автором в результате многолетних работ на Чукотке, так и исследователями региона – Н. Н. Диковым, М. М. Бронштейном, А. И. Лебединцевым, А. А. Ореховым. Это первый труд, где рассматривается искусство народов СДВР в широком хронологическом диапазоне – от палеолита до палеометалла. В монографии описываются и интерпретируются каменная скульптура малых форм, миниатюрные граффити на камне, Пегтымельские петроглифы, предлагаются новые подходы к их датировке. В репертуаре скульптуры малых форм выделены антропоморфные, зооморфные изображения, фигурки символического характера. Совершенно справедливо, на наш взгляд, делается вывод о том, что основой создания антропоморфных скульптур является «фетишизация первобытным человеком ландшафтных природных объектов антропоморфного вида» [Кирьяк (Дикова), 2003, с. 253]. Выявлена традиция изготовления «каменных голов» на стоянках Сибердик (Верхняя Колыма), Лопатка III (Южная Камчатка), Токарева (Северо-Западное Приохотье), в основе которых, по мнению автора, лежат культурные заимствования с тихоокеанских территорий.

Особое место, по мнению автора, в искусстве древнего человека Севера занимает зооморфная тема: животные, такие как мамонты, киты, тюлени, северный

олень и пр., служившие объектом охоты человека, становились объектами скульптурного и графического изображения. При этом доминирующее положение в палеолитическом искусстве СДВР занимал мамонт, тогда как в неолитических комплексах многочисленную группу изображений представлял образ медведя. Кроме этого, в коллекции каменной скульптуры северных народов имеются фигурки птиц и рыб, которые автор считает зооморфными классификаторами высшей и нижней космических зон. Среди орнитоморфных персонажей – изображения филина, гуся, куропатки и пр. Коллекцию каменных рыбок автор делит на две группы, отличающиеся по технике и времени изготовления. Изготовленные из отщепов, обработанные минимально изделия обнаружены на верхнепалеолитических стоянках Ульхум I и Ушки I; скульптурки, тщательно отретушированные, – на поздне-неолитических стоянках Западной Чукотки и Камчатки. Аналогии зооморфным каменным изделиям М. А. Кирьяк (Дикова) находит как на сопредельных территориях (Приамурье, Приморье, Восточная Сибирь, северо-западное побережье США), так и на весьма отдаленных территориях (Вологодская область).

В блоке скульптуры малых форм автор видит и космические символы в виде астральных и лунарных фигурок – свидетельство наблюдений древнего человека за видимым космосом. Это голова оленя (?) с лунницей, лунницы, фигурка звездочки, женские и мужские символы.

Заслуживает внимания приведенная в монографии техническая характеристика каменной скульптуры, где на основе анализа сырья, используемого древними мастерами в разные периоды каменного века, справедливо подмечено, что скульптура с верхнепалеолитических и мезолитических стоянок изготавливалась преимущественно из грубых и неярких пород (песчаников, сланцевых плиток и пр.), тогда как в неолите при изготовлении фигурок широко использовались самые разнообразные породы – обсидиан, халцедон, яшмоиды, кремль, роговики [Там же, с. 81–85]. Выявлена и такая характерная особенность неолитических скульптурок, как подробная детализация персонажей, подбор цветовой гаммы каменного субстрата, передающей нюансы изображаемых объектов. Импонирует идея о том, что использование каменного сырья красного и желтого цветов при изготовлении подвесок в токаревской культуре эпохи палеометалла могло быть связано с подражанием образцам из металла (меди, бронзы, железа), который спорадически попадал в Северное Приохотье [Там же, с. 84].

Большой интерес представляет глава, посвященная роли малой скульптуры в религиозно-обрядовой практике народов Северной Евразии, где особое значение имели мамонт, медведь, кит, касатка, мелкие морские животные – нерпа, лахтак и пр.

Наиболее сложной и наименее разрешимой проблемой является выяснение семантики и функционального назначения скульптурных изображений. Анализируя материалы, автор верно подметила, что внимание человека в палеолите было сосредоточено преимущественно на образе мамонта, в мезолите появляются еще два персонажа – бизон и медведь, в неолите значительное место занимают образ человека (женщины), а также представители фауны: наземные и морские млекопитающие, рыбы, птицы, тритон. Каменные фигурки широко использовались во время праздничных церемоний, ритуальных действий, имели сакральное значение. Некоторые из них, в частности фигурки, изготовленные из обсидиана, могли отражать представления, связанные с природной стихией, например с громом. Наличие в кол-

лекции астральных символов дает возможность автору предположить наличие культа солнца у народов СДВР.

В целом же, по мнению М. А. Кирьяк (Диковой), система образов древних каменных скульптур представляет спектр материальных и духовных ценностей первобытного общества, в котором сфокусированы реальное бытие, культово-обрядовая практика, мифы и «зерна будущих научных знаний» [Там же, с. 253].

Графике на камне посвящена вторая часть монографии. Графическое искусство северо-восточно-азиатских племен, по мнению автора, реконструирует отдельные стороны духовной и материальной жизни первобытного общества, отражает определенный этап в познании человеком окружающего мира, демонстрирует способность его сознания к абстрагированию и созданию универсальных мировоззренческих концепций [Там же, с. 161–232]. Источники, описываемые в данной части, представлены в широком хронологическом диапазоне. Наиболее древними считаются гравировки VI верхнепалеолитического слоя стоянки Ушки I, верхнепалеолитической стоянки Большой Эльгахчан II. Представительная серия гравировок на камне имеет место в токаревской культуре эпохи палеометалла. Основной блок граффити обнаружен автором на поздненеолитической стоянке Раучувагытгын I, датированной 2500 л. н. [Там же, с. 168]. Учитывая компоновку отдельных элементов и характер символов, Маргарита Александровна выделяет несколько групп рисунков: сложные композиции в овале, граффити с многоярусным двойным зигзагом, граффити с элементами жилых конструкций, с зооморфными изображениями, со сложным сюжетным рисунком, композиции из простых геометрических фигур. На основе графического решения, содержания и семантики изобразительных источников блок граффити разделен на четыре тематические группы, в сюжетах которых воплощены космологические идеи, фаллическая символика, дерево и грибы. За основу тематической интерпретации автором были взяты только полномерные изображения и привлечены надежно идентифицируемые фрагменты. Проведенные параллели в мировых традиционных культурах выявили как общие закономерности графического искусства, так и региональные особенности.

Третья часть монографии содержит историю открытия и изучения Пегтымельских петроглифов, их описание, ставится вопрос об их датировке, определяется место петроглифов в наскальном искусстве Северной Евразии. Автор справедливо считает, что этот источник представляет две сюжетные линии, одна из которых повествует о жизни человека в суровых условиях арктических широт, а вторая раскрывает ирреальный, отображенный микоморфными фигурами, представшими перед зрителем в ритуальных действиях, мир.

Нельзя не согласиться и с заключением автора, «что развитие древнего искусства в суровейших природно-географических районах Крайнего Севера шло теми же путями, которые были характерны для всего мирового искусства каменного века», а «формиравшееся на основе промыслово-хозяйственных и духовных потребностей первобытного общества изобразительное искусство северо-восточно-азиатских племен отражало все грани их бытия» [Там же, с. 255].

О том, что монография «Древнее искусство Севера Дальнего Востока как исторический источник (Каменный век)» представляет огромный интерес для науки, свидетельствуют те факты, что она была переиздана в России в 2003 г., а затем

в 2009 г. в США. Совсем недавно вышла в свет новая монография Маргариты Александровны – «Загадочный мир древних граффити: по материалам поздненеолитической стоянки Раучувагытгын I (Чукотка)» [Кирьяк (Дикова), 2012]. Анализируемый материал собирался автором в течение нескольких лет и составил 70 предметов на каменном субстрате и китовом усце. Датируется материал 2500 ± 100 л. н. (МАГ–902). На территории стоянки Раучувагытгын I было вскрыто более 200 кв. м, выявлено четыре жилища наземного типа округлой формы с закрытыми очагами. Комплекс культурных остатков составил хозяйственный инвентарь, заготовки орудий и художественных изделий, отходы камнеобрабатывающего производства, фрагменты керамики. В качестве поделочного материала преобладали каменные породы, кость и рог, китовый ус. Типовой инвентарь представлен наконечниками стрел, резцами, ножами, скребками и пр. Ведущей отраслью хозяйства оставалась охота на северного оленя. Сравнительно-типологический анализ инвентаря позволил автору отнести комплекс стоянки Раучувагытгын I к ымыяхтахской культуре «как ее локальному варианту на заключительном этапе» [Там же, с. 24–30].

Особый комплекс находок на стоянке составили графические миниатюры, описанию которых посвящено основное содержание монографии. Их анализ позволил выявить такие характерные признаки, как техника нанесения рисунков (все изображения процарапаны желобчатыми линиями различной толщины), однородный стиль (изображения выполнены в линейно-геометрической форме), миниатюрный размер граффити (10–11 см).

Рассуждая о смысловой нагрузке раучуванских рисунков, автор выделила несколько их категорий с учетом функциональной направленности: обрядовый рисунок, связанный с определенными магическими действиями; рисунки, служившие пиктографическим письмом и содержавшие информацию для соплеменников; рисунки, отражающие мировоззренческие идеи, космогонические или космологические представления. Не исключает автор существование и категории охранителей, оберегов, которые носили как амулеты. В графике на камне автор видит материализацию представлений древних северных народов об окружающем мире, природных явлениях, отражение различных верований и культов.

Подводя итог, необходимо отметить, что всем исследованиям Маргариты Александровны особую специфику придает привлечение для интерпретации изображений этнографических материалов, опубликованных известными учеными – В. И. Юхельсоном, В. В. Антроповой, И. С. Вдовиным, И. С. Гурвичем, В. Г. Богоразом и др. В каждой ее работе проводятся широкие параллели сюжетных мотивов произведений северных художников как с соседними с исследуемым районом регионами – югом Дальнего Востока России, Сибирью, Якутией, северо-западным побережьем Америки, так и с известными мировыми памятниками искусства Гватемалы, Алжира, Восточного Памира, Тибета и пр.

Есть у Маргариты Александровны и оппоненты среди исследователей региона, которые отрицают некоторые ее идеи и не хотят видеть произведения искусства в каменных субстратах. Но чаще рассуждения оппонентов сводятся к простому отрицанию, не подкрепленному ни достоверными фактами, ни убедительными доводами. К счастью, сторонников идей М. А. Кирьяк (Диковой) намного больше, в том числе и среди всемирно известных ученых. О ней пишут в газетах и журналах

[Бродянский, 2012; Калинин, 2002]. О ее незаурядном таланте свидетельствуют отзывы от докторов исторических наук В. Е. Ларичева, А. В. Табарева и др., в которых отмечается, что исследователь древнего искусства должен обладать способностью проникнуть в мир сакральной (глубинной, скрытой, второго плана) содержательности объекта искусства, иметь широкий научный кругозор, свободно воспринимать и оценивать материалы сопредельных с археологией отраслей знаний. Всем этим, безусловно, и обладает исследователь древнего искусства народов СДВР Маргарита Александровна Кирьяк (Дикова).

Несомненно, исследования М. А. Кирьяк (Диковой) – яркое явление в археологии не только своего региона, они представляют особую ценность как для сопредельных территорий России, так и для всего мира.

Библиографический список

Бродянский Д. Л. Самый северный археолог России // Россия и АТР. 2012. № 2. URL: http://www.riatr.ru/2012/2/Russia_and_ATR_2012-2_230-232.pdf (дата обращения: 16.05.2013).

Дикова М. А. К вопросу о заселении внутриконтинентальных районов Чукотки в древности // Столетие великого АПЭ. К юбилею академика Алексея Павловича Окладникова. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. С. 40–45.

Дикова М. А. Таинственные письмена Большого Шатра // Чукотка в прошлом и настоящем. Наследие народов Российской Федерации. Можайск, 2009. Вып. 11. С. 208–212.

Дикова М. А. Семантическая версия волосяных антропоморфных фигурок древнеэскимосской культуры (Чукотка) // Гуманитарные науки в Сибири. 2010а. № 4. С. 14–16.

Дикова М. А. Этнографические параллели в символике граффити малых форм (поздний неолит, бронза) // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. Ч. 1. Казань : Ин-т истории им. Ш. Маржани АН РТ, 2010б. С. 220–224.

Дикова (Кирьяк) М. А. Жилище в древнем мифоритуальном пространстве (Север Дальнего Востока) // Мустье Забайкалья, загадочные догу и другие древности тихоокеанских стран. Владивосток, 2010в. С. 38–49.

Дикова М. А. Символика в погребальной обрядности и в искусстве ушковского палеолита (Камчатка) // Вестн. Сев.-Вост. науч. центра Дальневост. отд-ния РАН. 2011. № 1. С. 88–100.

Калинин А. Служение Крайнему Северу // Дальневосточный ученый. 2002. № 10, 22 мая. URL: <http://www.dvuch.febras.ru/article.php?n=86> (дата обращения: 16.05.2013).

Кирьяк М. А. Археология Западной Чукотки в связи с юкагирской проблемой. М. : Наука, 1993. – 224 с.

Кирьяк (Дикова) М. А. Древнее искусство Севера Дальнего Востока как исторический источник (Каменный век). Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2000. 288 с.

Кирьяк (Дикова) М. А. Древнее искусство Севера Дальнего Востока как исторический источник (Каменный век) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Владивосток, 2002. 56 с.

Кирьяк (Дикова) М. А. Древнее искусство Севера Дальнего Востока как исторический источник (Каменный век). 2-е изд., испр. и доп. Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2003. 278 с.

Кирьяк (Дикова) М. А. Каменный век Чукотки: новые материалы. Магадан : Кордис, 2005. 254 с.

Кирьяк (Дикова) М. А. Древнее искусство в мифологии северо-восточных палеоазиатов // Миф и символ в прошлом и настоящем. Нижний Тагил, 2007. С. 5–21.

Кирьяк (Дикова) М. А. Загадочный мир древних граффити: по материалам поздненеолитической стоянки Раучувагытгын I (Чукотка). Магадан : Кордис, 2012. 167 с.

Kiryak M. Early art of the northern far east (the stone age). Anchorage, Alaska, 2009. 313 p.
Kiryak (Dikova) Margarita A. The Stone Age of Chukotka, Northeastern Siberia (New Materials) / BAR International Series 2099. Oxford England, 2010. 270 p.

Северо-Восточный государственный университет (Россия, Магадан)
ponkratova1@yandex.ru

This article is devoted to contribution of M. A. Kiryak (Dikova) in the studying of the ancient art of peoples of the North Far East of Russia.

M. A. Kiryak (Dikova), North Far East of Russia, mobile art, graffiti, petroglyphs, stone sculpture.

Н. Н. Серегин

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МЕТАЛЛ В ПОГРЕБЕНИЯХ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРОК АЛТАЕ-САЯНСКОГО РЕГИОНА И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ*

Одной из весьма информативных категорий находок из погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии являются художественно оформленные изделия из цветных и благородных металлов. Исследование таких предметов имеет особое значение для реконструкции различных аспектов социальной истории кочевников. В статье рассмотрены показатели, определяющие принадлежность предметов тюркской культуры к «социальным маркерам» погребального обряда раннесредневековых тюрок, а также обозначена специфика их распространения в захоронениях на различных территориях.

Раннесредневековые тюрки, художественный металл, погребальные комплексы, Алтае-Саянский регион, Центральная Азия, социальная интерпретация.

Художественно оформленные изделия из цветных и благородных металлов являлись важной частью предметного комплекса раннесредневековых кочевников Центрально-Азиатского региона. Выполняя зачастую утилитарные функции, такие вещи имели большое значение как показатели социального положения человека, отражая статус индивида в обществе, в военной иерархии и демонстрируя его принадлежность к элите кочевников. При этом рассматриваемые изделия, без сомнений, относятся к предметам декоративно-прикладного искусства, оформление которых зависело, с одной стороны, от устойчивого комплекса мировоззренческих представлений кочевников, а с другой – от динамично меняющейся моды. Важность предметов тюркской культуры как источника для изучения истории кочевников Централь-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Реконструкция социальной организации раннесредневековых тюрок Центральной Азии (по археологическим и письменным источникам)», № 12–31–01245а2.

© Серегин Н. Н., 2013

ной Азии раннего средневековья определила повышенное внимание к их исследованию. В серии обобщающих статей и монографий рассмотрены различные аспекты анализа наборных поясов, металлических зеркал, украшений конской амуниции, а также украшений костюма из памятников 2-й половины I тыс. н. э. [Добжанский, 1990; Король, 2008; Горбунова, Тишкин, Хаврин, 2009; Тишкин, Серегин, 2011 и др.]. В настоящей статье кратко представлен опыт изучения комплекса вопросов, связанных с исследованием особенностей распространения предметов торевтики в погребальных комплексах раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии с акцентом на социальную значимость таких изделий.

Исследование специфики распространения предметов торевтики у раннесредневековых тюрок, а также социальная интерпретация таких изделий были основаны на рассмотрении результатов раскопок погребальных комплексов Алтае-Саянского региона и Центральной Азии. Для выявления общих тенденций учитывались материалы более 350 захоронений, однако детализация отдельных вопросов потребовала формирования более «качественной» выборки. В итоге анализ закономерностей распространения художественно оформленных изделий из цветных и благородных металлов у раннесредневековых кочевников основывался на изучении 204 погребений (133 мужских, 40 женских и 31 детское захоронение), для которых был известен весь комплекс необходимых показателей.

Распространение предметов торевтики в погребальных комплексах раннесредневековых тюрок было в значительной степени обусловлено существовавшими гендерными стереотипами, а также возрастной дифференциацией, нашедшими отражение в ритуальной практике [Серегин, 2011]. Наиболее четкая закономерность связана с использованием в обряде такого важного элемента костюма, как наборный пояс. Эта деталь одежды являлась важным показателем воина-кочевника и встречена в 68 (51,12 %) погребениях мужчин. Фрагменты наборного пояса зафиксированы также в двух (5 %) женских и трех (9,67 %) детских могилах. Различные виды украшений, что вполне закономерно, получили наибольшее распространение в захоронениях представительниц слабого пола. Серьги из цветных металлов зафиксированы в половине (50 %) женских погребений и только 23 раза (17,29 %) находились рядом с умершим мужчиной.

Достаточно четким маркером могил женщин были металлические зеркала. Такие предметы обнаружены в погребениях представительниц слабого пола в 13 (32,5 %) случаях, а в погребениях мужчин и детей являются единичными. Противоположные тенденции характерны для распределения металлической посуды. За единственным исключением серебряные сосуды, встреченные рядом с умершим шесть раз (4,5 %), являлись частью предметного комплекса мужских погребений.

В целом состав предметов торевтики в погребальных комплексах раннесредневековых тюрок в значительной степени отражал их использование в реальной жизни. Такое соответствие, за редким исключением, демонстрируется и расположением изделий в могиле. Место нахождения наборных поясов, серег, украшений костюма человека и конского снаряжения было напрямую связано с назначением таких предметов [Серегин, 2012]. Достаточно своеобразной являлась традиция расположения металлических зеркал, в значительном количестве случаев помещенных в районе головы умершей женщины. В изголовье погребенного также находились

серебряные сосуды, полностью повторяя наиболее распространенную традицию расположения керамики в захоронениях раннесредневековых тюрков.

Состав предметов торевтики в конкретной могиле, помимо обозначенных факторов, определялись статусом человека в обществе. Важным фактором для определения «престижных» изделий является материал, из которого такие вещи изготовлены. Наиболее ценными были находки, произведенные с применением драгоценных металлов. В тех погребениях, где зафиксированы предметы торевтики из серебра или золота, обнаруживаются и другие социально значимые изделия (вооружение, импорт и др.). Существенным показателем является также редкость обнаружения обозначенных находок. Наборные пояса с накладками из серебра и золота встречены только в 14 (10,52 %) мужских погребениях тюркской культуры Алтае-Саянского региона. Еще более редкими являются украшения конского снаряжения и серьги из драгоценных металлов, обнаруженные, соответственно, в 10 (7,51 %) и 9 (6,76 %) могилах. Похожие тенденции характерны для погребений женщин. Украшения амуниции лошади и серьги, изготовленные из серебра или золота, зафиксированы только в 7 (17,5 %) и 5 (12,5 %) объектах. Показательно, что в детских захоронениях предметов торевтики из драгоценных металлов не встречено вообще.

Наблюдаются некоторые закономерности в распространении рассматриваемых изделий на различных территориях. В первую очередь обратим внимание на редкость предметов торевтики в погребениях тюркской культуры Минусинской котловины. В ходе изучения захоронений с конем на этой территории практически не зафиксированы вещи, изготовленные с применением серебра или золота*. Справедливым представляется замечание Ю. С. Худякова [2004, с. 78], подчеркнувшего периферийный характер развития племен кочевников рассматриваемой общности на Среднем Енисее. Наибольшая концентрация различных категорий предметов торевтики наблюдается в погребениях тюркской культуры Алтая. Именно на этой территории чаще всего фиксируются наборные пояса, украшения конского снаряжения, серьги и сосуды, изготовленные из драгоценных металлов. Добавим, что в обозначенной части Алтае-Саянского региона исследовано и наибольшее количество «элитных» погребений тюрков раннего средневековья [Серегин, 2010].

Важным показателем, подтверждающим социальную значимость наборных поясов, украшений конского снаряжения и сосудов, изготовленных из драгоценных металлов, является обнаружение таких вещей в ходе исследований мемориальных «каганских» комплексов в Монголии. На памятнике в честь Тоньюкука (Цаган-Обо-I) зафиксированы золотые бляхи, относящиеся к конской амуниции [Войтов, 1996, с. 18]. В ходе раскопок мемориального комплекса Бильгэ кагана обнаружено большое количество предметов торевтики, среди которых были серебряные и золотые сосуды, бляхи наборного пояса и украшения снаряжения лошади [Баяр, 2004, с. 79, рис. 10–15]. Кроме того, в состав клада входили золотые серьги, которые, по всей видимости, также относились к престижным элементам материальной культуры раннесредневековых кочевников.

Таким образом, представляется возможным утверждать, что художественно оформленные изделия из цветных и благородных металлов являлись «социальными

* Исключение представляют отдельные находки из ограбленных памятников тюркской культуры на Среднем Енисее [Митько, 1999, с. 156, рис. 1, 2; Тетерин, 1999, с. 115–117, рис. 6].

маркерами» обряда раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии. Корреляция встречаемости данных предметов с особенностями распространения других категорий сопроводительного инвентаря, а также некоторыми показателями погребальной практики позволяет рассматривать вопросы, связанные с реконструкцией социальной структуры и моделированием организации общества кочевников раннего средневековья.

В заключение обратим внимание на необходимость реализации комплексного подхода в изучении предметов торевтики. В ходе работы мы столкнулись с тем, что металл, из которого изготовлены рассматриваемые находки, в большинстве случаев определен лишь по характеристикам, фиксируемым визуально. Очевидно, такие заключения не всегда являются объективными. Кроме того, за рамками внимания исследователей остаются многие вопросы, связанные с анализом технологии производства вещей. Имеющийся опыт в комплексном изучении предметов торевтики [Бородовский и др., 2005; Горбунова, Тишкин, Хаврин, 2009; Тишкин, Серегин, 2011; и др.] демонстрирует важность такой работы, результаты которой весьма актуальны и в ходе осуществления социальных реконструкций.

Библиографический список

Баяр Д. Новые археологические раскопки на памятнике Бильгэ кагана // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 4 (20). С. 73–84.

Бородовский А. П., Оболенский А. А., Бабич В. В., Борисенко А. С., Морцев Н. К. Древнее серебро Сибири. Новосибирск : Изд-во ИАиЭт СО РАН, 2005. 88 с.

Войтов В. Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М. : Изд-во ГМВ, 1996. 152 с.

Горбунова Т. Г., Тишкин А. А., Хаврин С. В. Средневековые украшения конского снаряжения на Алтае: морфологический анализ, технология изготовления, состав сплавов. Барнаул : Азбука, 2009. 144 с.

Добжанский В. Н. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск : Наука, 1990. 162 с.

Король Г. Г. Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки. М. ; Кемерово : Кузбассвузиздат, 2008. 332 с.

Митько О. А. Образ грифона в искусстве народов Евразии в древнетюркскую эпоху // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск : НГУ, 1999. Вып. 2. С. 155–161.

Серегин Н. Н. «Элитные» погребальные комплексы тюркской культуры Саяно-Алтая (вторая половина V – XI вв.) // Культ предков, вождей, правителей в погребальном обряде. М. : Ин-т археологии РАН, 2010. С. 46–47.

Серегин Н. Н. Гендерный анализ погребальных комплексов тюркской культуры Саяно-Алтая // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. История, филология. 2011. Т. 10, вып. 7. Археология и этнография. С. 236–245.

Серегин Н. Н. Опыт выявления традиций расположения инвентаря в погребениях раннесредневековых тюрок Саяно-Алтая и Центральной Азии // Кадырбаевские чтения–2012. Актобе : [б. и.], 2012. С. 339–347.

Тетерин Ю. В. Погребение знатного тюрка на среднем Енисее // Памятники культуры древних тюрок в Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск : НГУ, 1999. С. 113–128.

Тишкин А. А., Серегин Н. Н. Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая (по материалам Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета). Барнаул : Азбука, 2011. 144 с.

Худяков Ю. С. Древние тюрки на Енисее. Новосибирск : Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2004. 152 с.

Алтайский государственный университет (Россия, Барнаул)
nikolay-seregin@mail.ru

The artly issued artifacts from non-ferrous and precious metals are one of very informative categories of finds from funeral complexes of early medieval Turcis tribes of the Altai-Sayan region and Central Asia. Research of such subjects has special value for reconstruction of various aspects of nomad`s social history. The indicators defining accessory of considered finds to “social markers” of early medieval Turk’s funeral ceremony are considered, and also specifics of their distribution in burials in various territories is designated.

Early medieval Turks, art metal, funeral complexes, Altai-Sayan region, Central Asia, social interpretation.

С. Ф. Татауров

КЕРАМИКА ТЮРКОЯЗЫЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ XII–XVI ВЕКОВ: ОТ ПОИСКА К СТАНДАРТУ

Процесс появления нового культурного элемента проследить по археологическим материалам очень трудно. Фактически идет фиксация уже готового, сформировавшегося явления и делаются попытки выяснения причин его появления. Только в исключительных случаях, когда ученому удастся поймать конкретную ситуацию рождения этого элемента, в полной мере открываются истоки появления инновации в культурной жизни древнего населения. Именно о таком моменте повествуется в этой работе.

Культура, явление, инновация, ситуация, орнамент, керамика.

Рождение нового культурного явления у населения на определенной территории, будь то новые формы сосудов, элементы орнамента или виды украшений, в археологической науке почти всегда связывают с контактами с другими этническими группами. Но этот культурный элемент, как правило, фиксируется в уже сложившемся виде, и практически невозможно проследить причины и сам процесс его появления и закрепления на уровне традиции. Это возможно только в исключительных случаях, когда археологические материалы позволяют воссоздать этнографическую ситуацию, т. е. события, связанные с тем или иным моментом жизнедеятельности древнего населения [Савинов, 1994]. Однако, на наш взгляд, эту этнографическую ситуацию необходимо разделить на два порядка. Первый порядок – это фиксация сиюминутного динамического события – например, военного столкновения, стихийного бедствия (пожар, наводнение и т. д.). Второй – это воссоздание опреде-

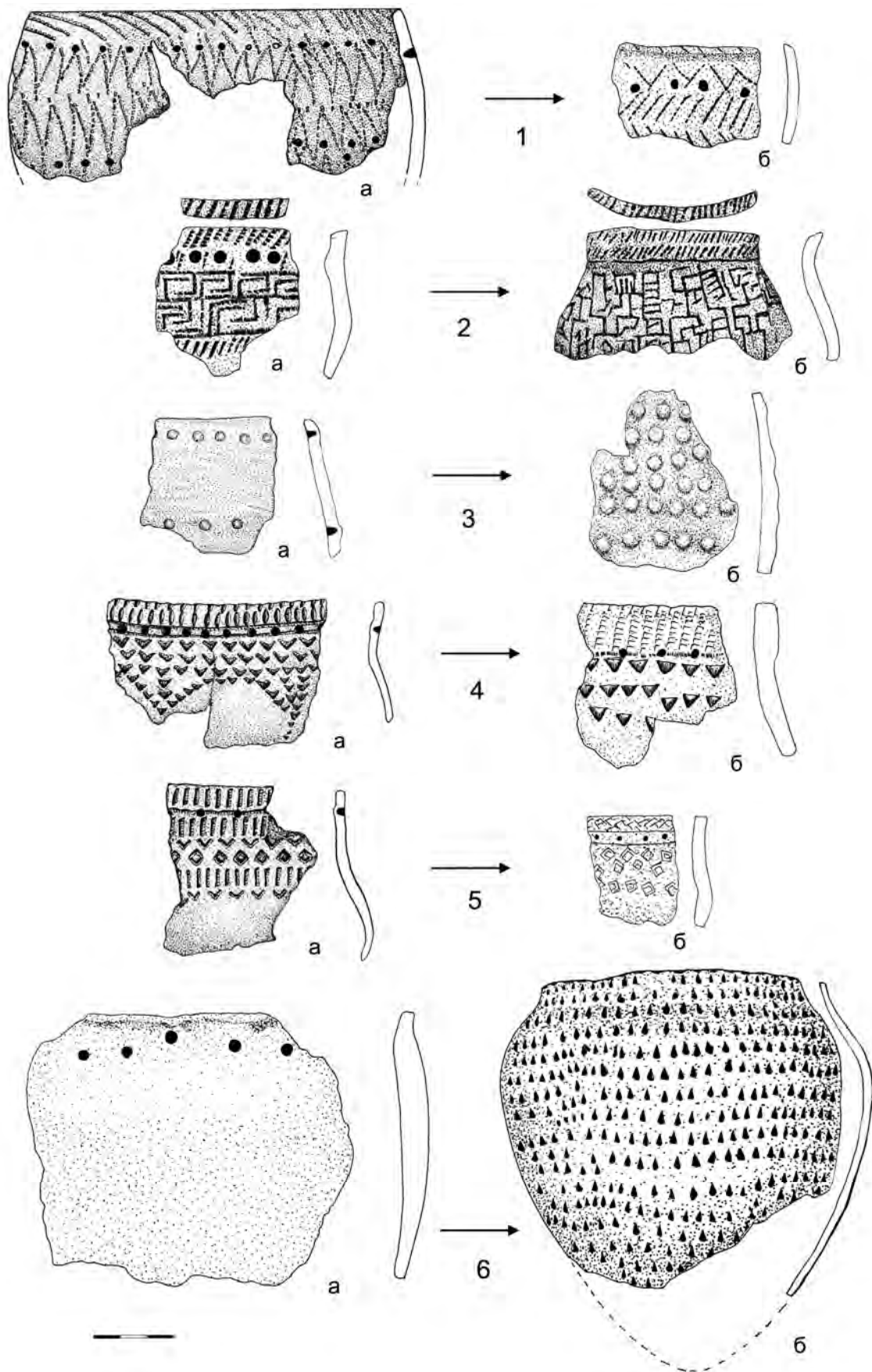
ленного процесса, происходящего в силу определенных причин, например: оседание кочевников на землю из-за потери скота, вытеснения более сильными группами и т. д. с выделением всех последствий, вызванных этим процессом.

При работе на средневековых археологических комплексах в Тарском Прииртышье нам удалось зафиксировать как в целом появление нового культурного элемента, так и непосредственно сам механизм его зарождения. Речь идет о формировании керамического комплекса у мигрировавших на эту территорию тюркоязычных групп населения. Следует сказать, что процесс освоения мигрантами этого района занял довольно продолжительное время, но для нас наибольший интерес представляет период с IX по XVI в. н. э.

Тарское Прииртышье в эпоху средневековья неоднократно становилось на пути миграций тюркоязычного населения. Некоторые группы мигрантов уходили дальше на север, другие оседали на богатых природными ресурсами долинах Иртыша и его крупных притоков. Благодаря особенностям своего образа жизни, специфике систем жизнеобеспечения, выразительным чертам материальной и духовной культур на время прихода и в первоначальный этап заселения на этой территории, их поселенческие и погребальные комплексы четко выделяются на фоне памятников аборигенного населения. В течение сравнительно непродолжительного времени (одно-два поколения) это население в результате интенсивных контактов с местным населением, адаптации к новым местным природно-географическим условиям утрачивает значительную часть своей самобытности и в конечном итоге растворяется в местной среде.

Тот же самый процесс наблюдается с керамикой переселенцев. Придя на эту территорию с изготовленными из плохого сырья, плохо обожженными, невыразительными толстостенными сосудами баночной формы с минимумом орнамента, по мере продвижения на север они заменяли ее на более сложную по форме и орнаменту посуду. Появляется несколько новых форм сосудов, их орнаментация усложняется, появляются типичные для памятников лесной зоны орнаменты, выполненные гребенчатыми и фигурными штампами. И, как мы уже отмечали, постепенно тюркский компонент размывается в местных керамических традициях. Но свою лепту в керамическое производство в Тарском Прииртышье пришлое население привнесло – это общее «огрубление» керамики, увеличение размеров орнаментов, небрежность в нанесении орнамента, ухудшение качества сырья. Поэтому тезис о том, что «в целом в IX–XIII вв. тюркский компонент, ставший ведущим в степи и лесостепи, не оказал заметного влияния на развитие керамических традиций в южнотаежной зоне Прииртышья, населенной по преимуществу предками современных угров» [Корусенко, Михалев, 2006, с. 253], не совсем правомерен.

Для нас интересен механизм превращения «степной» керамики в «таежную». Фактически тюркоязычные мастера, столкнувшись с проживавшим здесь ранее населением, могли использовать любые орнаментальные композиции и формы, но в итоге все свелось к довольно строгому и, если так можно выразиться, «стандартизированному» для всей лесостепной полосы Западной Сибири облику (рис., б). Для нас интересен как механизм заимствования новых форм сосудов и орнаментов, так и причины распространения на всей территории проживания тюркоязычного населения однотипных форм и орнамента.

Керамика городища Надежинка VII

Первую часть обозначенной проблемы в некоторой степени могут решить наши наблюдения, проведенные при раскопках городища Надеждинка VII. При исследовании этого комплекса, у которого поздний слой мы датировем второй половиной XVI в. и соотносим его с татарским городком Тунус, нам удалось зафиксировать «этнографическую ситуацию», которая дает ответ на вопрос о собственно появлении орнамента на керамике тюркоязычного населения. Нами было локализовано рабочее место гончара. На небольшой площадке между двумя жилищами у углубленного в землю очага было найдено скопление разновременной керамики – от эпохи ранней бронзы до средневековья и довольно большое количество слабо обожженной керамики с репликами орнамента с этих фрагментов.

На наш взгляд, ситуация выглядела следующим образом. В силу каких-то причин, вероятнее всего, в ходе строительства жилищ, котлованы которых прорезают более ранние культурные слои, гончар подобрал обломки посуды с наиболее интересными для него орнаментами и попробовал их воспроизвести. Следует оговориться, что фрагмент позднебронзовой керамики (рис., 2а) был принесен из находящегося примерно в полутора километрах сузгунского поселения Надеждинка IV, так как на городище позднебронзовый комплекс отсутствует. Мастер наносил орнамент на полностью вылепленные и подсушенные сосуды и на плоские лепешки глины, придавая им слегка изогнутую форму. Затем мастер сразу же обжигал керамику в очаге, об этом свидетельствует мелкая сеть трещин, которая образуется при обжиге плохо высушенной керамики. То есть какой-то практической цели по использованию посуды гончар не имел. Поэтому эти реплики так и остались рядом с очагом. Рассмотрим некоторые наиболее интересные реплики.

Естественно, нельзя утверждать, что мастер сделал копию с именно этого фрагмента, мы постарались подобрать наиболее близкие аналогии. На рисунке под буквой «а» изображен оригинал, под буквой «б» – реплика.

Первая пара (рис., 1) представляет собой реплику с раннебронзового сосуда екатерининской культуры. Автор постарался передать общую схему расположения элементов орнамента, но не смог воспроизвести прием нанесения орнамента «качалкой», поэтому у него получилась несколько иная композиция, близкая к общепринятой елочке.

Вторая пара представляет реплику с позднебронзовой керамики (рис., 2). В данном случае автор попробовал изобрести геометрический орнамент, но в результате получилось хаотическое нагромождение из различных фигур и связывающих линий.

Третья пара представляет собой фрагмент керамики новочекинской культуры раннего железного века и реплику на него (рис., 3). Автор не просто воспроизвел орнамент, он сделал максимальное количество жемчужин на поверхности керамики. Следует отметить, что было изготовлено по крайней мере три сосуда с подобным «орнаментом» и несколько отдельных пластинок, причем глубина вдавлений с внутренней стороны была различна, т. е. мастер смотрел, как поведет себя посуда с таким орнаментом при обжиге.

Четвертая (рис., 4) и пятая (рис., 5) пары представляют нам реплики средневековой посуды усть-ишимской культуры. В обоих случаях была попытка использования фигурного штампа, причем орнаментальные композиции не соблюдались. Но если в первом случае это практически получилось, то во втором глина

уже высохла, поэтому автор скорее процарапал ромбические фигуры, чем нанес их штампом.

Для нас не столь важно, действительно ли найденное нами скопление керамики является продуктом деятельности гончара или это детские забавы подростков, хотя мы склоняемся к первому варианту. Слишком продуманной выглядит вся ситуация. Для нас важен факт фиксации бесконтактного восприятия новых элементов орнамента и, возможно, форм сосудов. Именно об этом феномене говорил известный сибирский археолог И. Г. Глушков, много времени в своей деятельности уделявший керамике и керамическому производству [Глушков, 1996, с. 118]. Тем самым очевидно, что изменения в керамическом производстве могли происходить не только под влиянием контактов с другим населением, но и путем копирования элементов орнамента со случайных находок более ранней керамики. И еще один тезис Игоря Геннадьевича нашел подтверждение: в дискуссии на одной из конференций в своем выступлении он сказал, что любой мастер-гончар, увидевший хотя бы один раз новый для себя элемент орнамента, обязательно в той или иной форме впоследствии воспроизведет его на своей посуде. В данной ситуации мы видим, как человек не только повторил увиденный орнамент, а сознательно работал над воспроизведением целой серии элементов орнамента, причем для этого он использовал разные инструменты, или пытался сделать похожие орнаменты.

Вторая часть проблемы, а именно распространение однотипной посуды по всей территории проживания тюркоязычного населения в Западной Сибири, еще требует своего решения. Практически у всех групп тюркоязычного населения лесостепной полосы Западной Сибири к концу XVI в., т. е. к моменту присоединения Сибири к Российскому государству, произошел переход от толстостенной открытой банки с малым количеством орнамента к круглодонному и полностью покрытому монотонным орнаментом сосуду (рис., б). Причины такого перехода на настоящий момент еще не становились объектом научных исследований. Возможно, это связано с тем, что к концу XVI в. эта территория была окончательно объединена в границах государственных тюрко-татарских образований, что привело к интенсификации социально-экономических контактов между отдельными группами населения. Не исключено, что на стандартизацию форм и орнаментов посуды повлияли и проведенные ханом Кучумом административные реформы.

Библиографический список

Глушков И. Г. Керамика как археологический источник. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1996. 328 с.

Корусенко М. А., Михалев В. В. К вопросу о влиянии степных традиций на развитие керамического производства в южнотаежном Прииртышье в IX–XVI веках нашей эры // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. Красноярск ; Омск : Издат. дом «Наука», 2006. С. 252–256.

Савинов Д. Г. Основные вопросы теории палеоэтнографических исследований // Археологические микрорайоны Западной Сибири. Омск, 1994. Ч. 2. С. 130–132.

**Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН
tatsf2008@rambler.ru**

It is very difficult to track process of emergence of a new cultural element on archaeological materials. Actually there is a fixing of already ready, created phenomenon and attempts of clarification of the reasons of its emergence become. Only in exceptional cases, when the scientist manages to trace a concrete situation of the birth of this element, sources of emergence of an innovation in cultural life of the ancient population fully open. About such moment is narrated in this work.

Culture, phenomenon, innovation, situation, ornament, ceramics.

Л. В. Татаурова

**ОРНАМЕНТАЛЬНОЕ ТВОРЧЕСТВО НА ПОСУДЕ
РУССКИХ СИБИРЯКОВ В XVII–XVIII ВЕКАХ
(по материалам археологических исследований)***

В статье представлены результаты исследования орнаментов на русской керамике XVII–XVIII вв., полученной в ходе археологических исследований в Западной Сибири. Рассматриваются как традиционные композиции, мотивы и элементы, принесенные русскими переселенцами из Европейской России, так и новые, появившиеся в Сибири. Анализируется семантика орнамента.

Керамическая посуда, русские, орнамент, творчество, семантика, технология.

Керамика в виде целых сосудов, а чаще их фрагментов на русских комплексах Сибири является основным видом находок. Несмотря на это, исследований, посвященных типологии, технологии изготовления посуды и хронологии этого источника, немного. А работ, рассматривающих орнаментацию русской посуды: композиции, мотивы и элементы орнамента; технику и технологию его нанесения, – единицы.

Целью настоящей публикации стал анализ орнаментального творчества на керамической посуде русских сибиряков в XVII–XVIII вв. по материалам археологических исследований Западной Сибири.

Задачами работы стали: рассмотрение типов орнаментов на русской посуде по опубликованным материалам и коллекциям, полученным из сельских памятников Омского Прииртышья; изучение технологии их нанесения, мотивов и композиций. В основу исследования в первую очередь положены археологические материалы ряда памятников Омского Прииртышья, которые изучались автором с 1996 г. (комплексы XVII–XVIII вв. – Бергамак–I, Изюк–I, Ананьино–I).

Орнаментированной русской посуды в общей массе керамического материала немного, однако имеющаяся коллекция показывает разнообразие орнаментального

* Работа выполнена по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», проект «Культура русских в археологических исследованиях: адаптация, трансформация и развитие в условиях Западной Сибири в конце XVI – XVIII веках».

© Татаурова Л. В., 2013

творчества, разную технику нанесения орнамента и его функции: от декоративной, до технологической. В работе мы попытаемся рассмотреть как традиционные композиции, мотивы и элементы, принесенные русскими переселенцами из Европейской России, так и новые, появившиеся в Сибири в процессе адаптации русских к новым условиям, инокультурным влияниям и заимствованиям.

Так как орнамент часто связан с технологией изготовления сосуда, рассмотрим кратко технологические особенности изготовления посуды в обозначенный период. В Сибири уже в XVII–XVIII вв. можно наблюдать различные уровни гончарного ремесла, во-первых, и, как следствие, различное качество посуды, во-вторых.

Оценивая археологические материалы, полученные из раскопок городских слоев XVII–XVIII вв. и сельских поселений Омского Прииртышья, можно сделать вывод, что в технологическом плане прослеживается «замедленная эволюция» гончарного ремесла. Так, по материалам Европейской России, лепная посуда (изготовленная методами скульптурной лепки без использования гончарного круга) исчезает в X–XII вв. [Розенфелдт, 1997, с. 24]. В Сибири она доживает до середины XX в., причем даже в специализированном гончарном производстве мастера, владея гончарным кругом, посуду предпочитали делать частично или полностью методом скульптурной лепки [Новиков, 1999, с. 59], а на круге лишь обрабатывали поверхность. В сельской же местности существовало по крайней мере три уровня гончарного ремесла: первый – это производство посуды примитивными способами (кольцевой, ленточный налеп, лепка на шаблоне и из куса глины) для удовлетворения потребностей своей семьи и родственников; второй уровень – это изготовление керамики примитивными способами, но с использованием поворотного столика или ручного гончарного круга для окончательного оформления форм сосудов и обработки поверхностей. Посуда предназначалась для нужд семьи гончара, его родственников и односельчан, иногда реализовывалась в соседних селениях. Для этих двух уровней гончарства орнамент часто выполнял технологическую функцию – его наносили в самых уязвимых местах – по венчику, на стыке лент венчика и тулова, что дополнительно укрепляло эти стыки, и они более качественно обжигались, повышая прочность изделия. Третий уровень гончарного ремесла – это изготовление посуды на гончарном круге (ручном, ножном) и реализация ее как среди односельчан и жителей соседних деревень, так и на рынке. В городах был четвертый уровень гончарного производства – специализированные мастерские, работавшие на рынок. Эти уровни гончарства характерны для всей Сибири.

Типы и формы сибирской посуды не были оригинальны и воплощали керамические традиции, сложившиеся у русского населения европейской части России, откуда они и были принесены. Археологический материал свидетельствует, что самым распространенным типом изделий был горшок. В коллекциях керамики, полученных при исследовании городских слоев, горшки составляют более 90 % от общего количества посуды. Естественно, что большинство орнаментированных форм мы находим среди этого типа. Вообще надо заметить, что типологическое разнообразие городской керамики минимально, в основном это горшки, корчаги, миски и сковороды. С чем связан этот факт, пока неясно, возможно, с более широким использованием посуды из других материалов. В селе наблюдается обратная картина: самое широкое типовое разнообразие керамики, причем посуды разного качества – от лепной до гончарной поливной. Но горшок как тип преобладает и в селе. Здесь

уместно привести и такие наблюдения: горшки из городских слоев более стандартизированы по морфологии, что наглядно видно, например, по исследованию керамики Тобольска [Селиверстова, 2011, с. 369–377]. Сельская посуда, вероятно в большинстве случаев производимая на месте в домашних условиях, в рамках одного типа более вариативна: в размерах, морфологии, форме венчика, орнаменте, технологии изготовления.

Обратимся к орнаментации посуды. В типологическом отношении наиболее часто орнаментировали корчаги и горшки. И это понятно, ведь, как сказано выше, горшки повсеместно были наиболее востребованным типом посуды. Орнамент на них выполнял и технологическую (для повышения качества изделия, так как в деревенских условиях пользовались в основном лепной посудой), и декоративную функцию. На корчагах (это большие сосуды горшковидной формы) [Татаурова, 1998, с. 88–123] орнамент выполнял в большей степени технологическую функцию – его наносили в самом уязвимом для этих сосудов месте – на стыке плечиков и венчика. По технике нанесения орнамент можно разделить на три типа: прочерченный, штампованный, наlepной. Наиболее распространены первые два.

Техникой прочерчивания выполняли горизонтальные желобки (каннелюры), волнистые линии, кресты, геометрические фигуры. Для этого мог использоваться любой из рабочих инструментов гончара, например острый край лопатки, ножа, а также случайные предметы – щепка, палочка и др.

Штампом выполнялись различные округлые, каплевидные, подтреугольные вдавления, которые делали закругленным концом палочки, подтреугольные – уголком. Были и фигурные штампы. Их делали специально, скорее всего, из дерева или кости, их применяли не только при работе с глиной, но и в украшении изделий из бересты. Блестящей иллюстрацией этого сюжета можно считать берестяной туесок, найденный на поселении Изюк–I, где для орнаментации использовали решетчатый, с округлыми и прямоугольными зубцами, и фигурный (в виде четырехлепесткового цветка) штампы, аналогичные оттиски которых встречены и на керамике с этого памятника. В других случаях решетчатый штамп имел округлые зубцы, а цветки были многолепестковые. Встречены штампованные узоры, для получения которых использовали бытовые предметы, например ключ от навесного замка.

К наlepному орнаменту можно отнести валики и «жемчужник». Последний имеет оригинальную технологию нанесения. В керамических традициях ранних эпох жемчужины выполняли путем выдавливания их с внутренней стороны сосуда. На сибирской русской посуде «жемчужник» нанесен методом наlepа кусочков глины на наружную поверхность и придания им округлой формы. Вероятно, для того чтобы орнамент не отваливался, после сушки сосуда до кожетвердого состояния его залащивали.

Рассмотрим композиции и мотивы орнаментов. Анализируя их морфологию и стилистику, можно заключить, что часть орнаментов принесена из Европейской России и отражает общерусский стиль. Самыми древними мотивами на русской посуде, известными уже в IX–X вв., были каннелюры и волна, прочерченные по горлышку или шейке. Волну Б. А. Рыбаков интерпретировал как идеограмму воды и наполненности сосуда [1987]. Вероятно, как дань традиции русская керамика Сибири в основном орнаментирована тоже только в верхней части, реже – включая

плечики, и в единичных случаях орнаментирована вся поверхность до дна. Хотя орнаментирование только верхней части сосуда могло иметь и чисто технологическое значение.

В Сибири каннелюры и волна – наиболее распространенные мотивы, однако нередко волна «превращается» в зигзаг, иногда в сочетании с насечками и ямками. Каннелюры, нанесенные по венчику, часто выполняли роль «закрепителя и уплотнителя» лент на стыке венчика и тулова. Встречены образцы, в которых желобки сочетаются с ямками.

Вероятно, с христианскими традициями связано помещение на сибирскую посуду прочерченного креста. Он использовался как самостоятельный элемент, так и в сочетании с другими. На древнерусской посуде крест известен в IX–X вв. [Розенфельдт, 1997, с. 260, 261].

Кроме этих композиций, в Сибири бытовал орнамент из ямочных вдавлений, который наносили, в том числе, с использованием полых птичьих косточек, а также различные фигурные мотивы.

Орнаментальных композиций на имеющемся материале выделено более тридцати. Причем к известным элементам добавились новые, в том числе «фигурные штампы», выполненные, например, ключом от замка или иными подсобными орнаментами, а также заимствованные, видимо, из культуры местного населения или более древних культур. Поясню последний тезис. Издревле люди старались селиться в наиболее благоприятных для жизни местах. Эти места, как правило, содержат культурные слои многих эпох.

Русские не были исключением в заселении таких участков. Например, в нижнем горизонте культурного слоя русского поселения Бергамак–I зафиксированы фрагменты керамики потчевашской археологической культуры раннего средневековья. Недалеко от д. Ананьино (памятник Ананьино–I) располагалось средневековое городище и неолитическое поселение. Все это сказано к тому, что русские гончары могли копировать элементы орнамента с древней посуды, как использовали, например, неолитические и раннебронзовые изделия из камня в качестве кресальных и ружейных кремней [Гатаурова, Толпеко, 2010, с. 190–198].

В заимствованиях можно выделить два направления: элементы орнамента и техника его нанесения.

К новым элементам можно отнести:

– «жемчужник», о котором мы упоминали выше, широко распространенный в орнаментике ранних культур;

– семечковидные или каплевидные насечки и грубые подтреугольные или аморфные вдавления. Они присутствуют на керамике более ранних эпох, а последние – в большей степени на посуде тарских татар в XVI–XVII вв. [Нижнетарский археологический микрорайон, 2001, с. 126–218]. Встречен мотив, где насечки, в лучших традициях ранних культур, составляют «елочку», идущую по шейке сосуда. Копировали не только элементы орнамента более ранних культур, но и сосуды из других материалов. В этой связи интересен фрагмент из слоя Ананьино–I, который имитировал сосуд с заклепками.

В технике нанесения орнамента можно выделить следующие новшества: использование наклепного орнамента, о котором речь шла выше; применение отступающей и накольчатой техники, которая использовалась в оформлении среза вен-

чика. Отступающей палочкой стали выполнять традиционный мотив волны (зигзага), который приобрел своеобразную ажурность, тогда как в большинстве случаев он прочерченный.

Подводя итог, можно сказать, что орнаментальное творчество на посуде русских сибиряков претерпело изменения, связанные с адаптацией традиционной культуры к новым условиям. Эти новшества проявились в заимствованных элементах и композициях орнаментов, хотя типы и технологии изготовления русской посуды в Сибири не отличаются от керамики европейской части России, откуда они и гончарное ремесло пришли в наш регион. Однако основные орнаментальные мотивы – каннелюры, волна, крест – остались неизменны и востребованы в Сибири, являясь маркером русской традиции.

Библиографический список

- Нижнетарский археологический микрорайон.* Новосибирск : Наука, 2001. С. 126–218.
- Новиков А. В.* Традиционное гончарство русского населения лесостепи Западной Сибири в конце XIX– первой половине XX в. // *Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума.* Новосибирск : Наука, 1999. Т. 4. С. 59
- Розенфельд Р. Л.* Домашняя утварь. Керамика // *Археология. Древняя Русь. Быт и культура.* М. : Наука, 1997. С. 24.
- Рыбаков Б. А.* Язычество Древней Руси. М., 1987.
- Селиверстова Т. В.* Русская гончарная посуда из культурного слоя Тобольска // *Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии.* Омск : Изд-во Омского ин-та (филиала) РГТЭУ, 2011. С. 369–377.
- Татаурова Л. В.* Типология русской керамики (по этнографическим материалам) // *Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума.* Новосибирск : Наука, 1998. Т. 3. С. 88–123.
- Татаурова Л. В., Толпеко И. В.* Использование изделий из камня в хозяйственной и бытовой деятельности русских (по материалам комплексов Омского Прииртышья) // *Вестник Омского университета.* 2010. № 4 (58). С. 190–198.

**Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН,
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (Россия)
Lara250165@rambler.ru**

The results of research of ornaments are presented in the article on the Russian ceramics of the XVII–XVIII centuries, have been received during archaeological researches in Western Siberia. Traditional compositions and motives by Russians to immigrants from the European Russia, and new, were appearing in Siberia, are considered. Semantics of an ornament is analyzed.

Ceramic ware, Russians, ornament, creativity, semantics, technology.

А. А. Тишкин

ОЛЕННЫЕ КАМНИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ИЗОБРАЖЕНИЯ НА НИХ: ОБЗОР СУЩЕСТВУЮЩИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ И НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

Изваяния, обозначаемые в научной литературе как оленные камни, являются объектом изучения около 150 лет. За этот период накопился значительный объем информации, которая касается различных сторон фиксации и интерпретации этого важного исторического источника. Однако до сих пор существует множество проблем, требующих не только современного рассмотрения, но и обобщения накопленного опыта. Данный подход обозначился в процессе исследований автором статьи оленных камней на территории Монгольского Алтая. Необходимость обзора существующих точек зрения обусловлена достоверностью копирования самого обелиска и изображений на нем.

Изваяния, аржано-майэмирское время, изображения, Монгольский Алтай, оленные камни, копирование, фотофиксация, воин-кочевник, предметы вооружения, пояс, украшения.

Выявление и изучение оленных камней уже имеют продолжительную историю. Эти монументальные памятники обнаружены в Монголии, Забайкалье, Туве, Алтае, Сибиряке, Средней Азии, Казахстане, Приуралье, Причерноморье, на Кавказе и в некоторых других регионах Евразии [Диков, 1958; Кубарев, 1979; Членова, 1984; Савинов, 1994; Волков, 2002; Ольховский, 2005; и др.]. Основные этапы их изучения до 1990-х гг. кратко представлены Д. Г. Савиновым [1994, с. 8–17].

В ходе первых систематических фиксаций необычных изваяний кроме характерных «летающих» оленей отмечены разные предметы древнего вооружения. С накоплением сведений стало понятно, что на многих скульптурах своеобразно запечатлен образ воина-кочевника. При этом были обнаружены каменные стелы с другими изображениями или с минимальным набором каких-либо существовавших реалий. Несмотря на имеющееся многообразие, все рассматриваемые археологические объекты объединяет один самый важный признак, который отечественный археолог В. В. Волков [2002, с. 18] выразил так: «...антропоморфные черты в той или иной мере характерны для всех типов оленных камней и, видимо, заложены в них изначально». С данным утверждением трудно не согласиться. Более того, специальное и системное изучение позволит рассматривать такие многочисленные изваяния в качестве источника для разноплановых социальных реконструкций и более детальной демонстрации мировоззренческих представлений древних кочевых сообществ.

К настоящему времени сложились и другие уже общепринятые трактовки, касающиеся оленных камней. Однако существуют проблемы интерпретации целого ряда изображений. Это обусловлено не только качеством копирования или количеством обнаруженных памятников, но и некоторыми другими факторами. Об устойчивых и спорных объяснениях деталей, зафиксированных на оленных камнях, а также о некоторых новых открытиях пойдет речь в данной статье. Следует указать,

что данная работа является продолжением специальных исследований, осуществляемых автором в течение нескольких лет на территории Монгольского Алтая [Тишкин, 2009; 2010; 2011; 2012].

Открытию и анализу рассматриваемых скульптур начального этапа ранних кочевников посвящено большое количество публикаций [Окладников, 1954; Членова, 1962; Кубарев, 1979; Волков, 1981; 2002; Новгородова, 1984; Худяков, 1987; Савинов, 1990; 1994; Ольховский, 1989; 2005; Ковалев, 2000; и мн. др.]. Однако археологи мало внимания уделяли комплексной расшифровке всех изображений в целом и проработке отдельной, даже мельчайшей детали. На пройденном этапе этого, по-видимому, и не требовалось, так как стояли другие актуальные задачи. Как показывают результаты современных исследований, за универсальными моделями кроется индивидуальность и выявляющиеся особенности каждого зафиксированного изваяния [Тишкин, Усова, 2011]. При этом очень важен процесс грамотного научного документирования памятников. Заключение, сделанные на основе некачественных копий или прорисовок по фотоснимкам, а также вне контекста с археологическим комплексом, создают массу проблем и спорных ситуаций. Данное обстоятельство обозначило необходимость приступить к фиксации оленных камней, основываясь на апробированных методиках, а также с использованием современной аппаратуры и материалов.

В течение нескольких лет Буянтская российско-монгольская археологическая экспедиция, созданная в 2007 г. ходе выполнения совместных проектов тремя университетами (Алтайский, Ховдский, Улан-Баторский), исследует памятники археологии в Западной Монголии [Тишкин, Эрдэнэбаатар, 2007; Тишкин, 2007; 2009; 2010; и др.]. Одним из направлений такой деятельности является выявление, комплексная фиксация и всестороннее изучение оленных камней. В ходе полевых работ уже неоднократно обследованы известные изваяния и обнаружены новые скульптуры, а также реализованы мероприятия по целостному копированию каменных монументов, на которых имеются различные изображения. В настоящее время получены микалентные копии более пяти десятков оленных камней, находящихся на территории Монгольского Алтая. Еще более значительная часть таких памятников сфотографирована и описана. В 2010 и в 2011 гг. участниками Буянтской экспедиции специально и неоднократно изучались оленные камни у высокогорного поселка Баян зурх (Монгольский Алтай). Все выявленные там скульптуры скопированы на микалентную бумагу. Кроме дневной фотофиксации, дополнительно использовалась ночная съемка. Проведенная работа позволила существенным образом уточнить известные изображения, а также открыть новые (ранее неизвестные и не опубликованные) объекты. Большой объем работы был проделан при исследовании аналогичных памятников в долине р. Буянт, а также в других местах Ховдского аймака Монголии. Полученный в экспедициях опыт выявления, фиксации и изучения оленных камней позволил еще раз обратиться к рассмотрению сложившихся точек зрения.

Как уже было отмечено, среди зафиксированных реалий особое место занимают предметы вооружения, размещение которых отражает определенный и повторяющийся стандарт. Кинжал, как правило, располагается на передней (лицевой) грани обелиска, чекан фиксируется на его правой боковой стороне, а горит с луком – на левой боковой. Такая схема, наряду с другими изображениями, демонстрирует

довольно устойчивый канон и часто смещена к верхушке изваяния. Данное обстоятельство связано, вероятно, с тем, что оленный камень должен был стоять глубоко в насыпи кургана, а видимые изображения маркировали конкретное погребение. Такое объяснение требует дополнительной аргументации и больше конкретных демонстраций. Оно в определенной мере соотносится с уже зафиксированными ситуациями, а также может рассматриваться как отражение реальной традиции или моделирование ее в другом масштабе [Кубарев, 1979; Савинов, 1994; Тишкин, 1996; Турбат, 2008; Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2007; 2010; и др.]. Кроме указанных предметов вооружения, зафиксированы боевые топоры и ножи, а также детали снаряжения (пояса, оселки, крюки и др.). Иногда с налучьями изображались колчаны.

Если при идентификации перечисленных предметов наступательного вооружения у исследователей особых проблем не возникало, то по поводу наличия изображений щитов на оленных камнях дискуссии еще до конца не закончились. Об этом В. В. Волков [2002, с. 17] написал так: «Спорным остается вопрос о пятиугольных решетчатых фигурах, которые помещались над поясом, обычно на задней стороне изваяний». В целом ряде публикаций изложены интерпретации и доказательства по поводу того, что на оленных камнях так изображены именно щиты [Новгородова, 1975; Дэвлет М. А., Дэвлет Е. Г., 2007; Дэвлет, 2012; и др.]. К этой же точке зрения склонялся В. В. Волков [2002, с. 17], ее поддерживает и автор настоящей статьи. Совершенно ясно, что указанный вид защитного вооружения присутствовал и был довольно широко распространен среди кочевых обитателей Монголии. Особенно ярко щиты демонстрируются на оленных камнях в урочище Жаргалант [Волков, 2002, табл. 111–112, 114, 116–118]. Они также представлены на многих других памятниках, в том числе у поселка Баян зурх. Д. Г. Савинов [1994, с. 149–150] считает, что высказанная идея о наличии щита является наиболее аргументированной, но при этом приводит и другие мнения по поводу интерпретации «пятиугольных решетчатых фигур». Он не исключает, что это были изображения временных «хранилищ» душ умерших. В качестве «конструкций храмового назначения» недавно предложил их рассматривать А. М. Смирнов [2012, с. 138–140]. Однако приведенные аргументы, основанные на рассмотрении лишь ограниченного количества оленных камней, не выдерживают критики. Имеющиеся многочисленные материалы свидетельствуют о том, что к уже зафиксированному «стандарту» вооружения из кинжала, чекана и горита с луком можно смело добавить щит. Кстати, такой набор реалий встречается широко и не только на оленных камнях с изображениями животных. Он присутствует и в чистом виде (например, на одном из скопированных обелисков у перевала Тавт).

Целый ряд зафиксированных скульптур имеет свою специфику, которая, в частности, обусловлена другими дополнительными показателями. Так, особенностью некоторых, как правило, крупных оленных камней является наличие боевого или парадного пояса. «Боевой пояс – первостепенная деталь мужского воинского снаряжения...» – справедливо отмечал В. Д. Кубарев [1979, с. 55]. Кроме него, изучением поясных наборов на оленных камнях занимались В. Н. Добжанский [1990], Д. Г. Савинов [1994, с. 104–105] и др. Однако такие исследования необходимо продолжить, чтобы иметь обширные и качественные материалы для объективных реконструкций.

Зафиксированные на оленных камнях предметы наступательного и оборонительного вооружения ранних кочевников Монгольского Алтая свидетельствуют о довольно напряженной военно-политической ситуации на территории Центральной Азии в аржано-майэмирское время. Война являлась повседневным занятием. Она не только формировала корпоративную воинскую культуру, но и влияла на все сферы жизнедеятельности древних кочевых обществ [Тишкин, 2012]. Необходимо отметить, что в настоящее время становится актуальным детальное изучение каждого предмета вооружения, изображенного на оленных камнях. Это необходимо для поиска аналогий, построения классификации, установления датировки, а также для проведения многоплановых реконструкций. Хорошую основу для такой работы предоставляют находки, сделанные на памятниках Аржан-2 [Сугунов, Parzinger, Nagler, 2010; Чугунов, 2011a; и др.] и Чинге-Тэй-1 [Чугунов, 2011b], так как в Монголии подобные комплексы еще не исследованы и очень мало фактического предметного материала.

Часто в верхней части оленных камней широкой и сплошной линией выбита полоса, которую В. В. Волков [2002, с. 17] однозначно трактовал в качестве ленты-диадемы. Однако при тщательном рассмотрении данного элемента в ходе зарисовки и копирования многих оленных камней становится совершенно ясно, что фиксируемая показательная черта демонстрирует, скорее всего, изображение части головного убора с характерными чертами. Подобные выбивки, а также специфические детали оформления верхней части логичнее связывать с таким важнейшим этносоциальным показателем, как шапка. Хотя не стоит исключать, что в некоторых случаях изображались повязки в виде ленты или шнура.

Следующее и часто фиксируемое изображение демонстрирует нашейное украшение, которое как бы висит, о чем свидетельствует наклон линии лунок, выбитых по периметру стелы. Иногда так называемое ожерелье сопровождают дополнительные детали: застежка и подвеска. Такое сочетание ярко демонстрирует недавно обнаруженное автором специфическое изваяние на памятнике Баян булаг-1 в долине р. Буянт.

Между краем головного убора и «ожерельем» на лицевой части оленного камня фиксируются три почти параллельных желобка слабой изогнутости. Смысл такого элемента, широко распространенного на стелах, до сих пор до конца не ясен. Предлагается довольно большое количество частных интерпретаций, неоднократно представленных в публикациях [Кубарев, 1979, с. 49–50; Савинов, 1994; Волков, 2002, с. 17; Турбат, 2008, с. 226; и др.]. В конечном итоге многие исследователи признают в выбитых коротких параллельных линиях антропоморфный символический знак (например, раскраска или основные детали лица), несущий дополнительную смысловую нагрузку. Так это или иначе, еще предстоит выяснить при дальнейшем комплексном изучении оленных камней. Другая часть зафиксированных изображений (серьги, гривны, зеркала и др.) может найти соответствующие подтверждения при проведении археологических раскопок и получении находок древних изделий, о чем свидетельствуют уже осуществленные параллели [Кубарев, 1979; Волков, 1981; 2002; Савинов, 1994; и др.].

Следует обратить внимание на предположение некоторых ученых о том, что реалии на оленных камнях могли иметь цветовую окраску. Для этого формулировались отдельные доказательства. В копилку таких данных можно занести мате-

риалы, полученные автором статьи при изучении памятника Баян булаг–I. Хорошо фиксируемые следы красноватой краски отмечены на трех косых линиях в верхней части уже упомянутой скульптуры с «ожерельем», застежкой и подвеской, а также особенно ярко – на изображенном кинжале другого изваяния. На отдельных оленных камнях комплекса Баян зурх также прослежены аналогичные особенности.

Многие из представленных интерпретаций имеют схожие отражения. Заданный объем этой публикации не позволяет остановиться на всех моментах, особенно тех, что касаются изображений животных. Такая тематика широко освещена в научных трудах Д. Г. Савинова [1994; 2010; и др.], в которых отражен и опыт классификации оленных камней, требующей дальнейшей проработки.

Изображения «летающих» оленей всегда привлекали исследователей своей необычностью. Оригинальную трактовку их совсем недавно предложил немецкий исследователь А. Наглер [2011]. Своеобразный подход к объяснению оленных камней обозначил А. В. Тиваненко [2005], основываясь на древнекитайских пиктографических знаках (иероглифах). Стоит надеяться, что обозначенные подходы привлекут внимание исследователей и позволят продолжить дальнейшие поиски объективных решений.

В заключение необходимо отметить, что в статье не затронуты многие вопросы рассмотрения оленных камней (датировка, культурная принадлежность, особенности размещения и т. д.). Их необходимо осветить отдельно, как и целый ряд других. Это все свидетельствует о том, что назрела необходимость разработки и реализации международной программы всестороннего изучения имеющегося историко-культурного феномена евразийского масштаба.

Библиографический список

- Волков В. В.* Оленные камни Монголии. Улан-Батор : Изд-во АН МНР, 1981. 254 с.
- Волков В. В.* Оленные камни Монголии. М. : Науч. мир, 2002. 248 с.
- Добжанский В. Н.* Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск : НГУ, 1990. 164 с.
- Диков Н. Н.* Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1958. 108 с.
- Дэвлет М. А.* Еще раз об интерпретации решетчатых фигур на оленных камнях // Археология Южной Сибири. К 80-летию А. И. Мартынова. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2012. Вып. 26. С. 123–130.
- Дэвлет М. А., Дэвлет Е. Г.* Изображения щитов на оленных камнях // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. Барнаул : Азбука, 2007. С. 96–99.
- Ковалев А. А.* О происхождении оленных камней западного региона // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М. : Геос, 2000. С. 138–179.
- Ковалев А. А., Эрдэнэбаатар Д.* Две традиции ритуального использования оленных камней Монголии // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. Барнаул : Азбука, 2007. С. 99–105.
- Ковалев А. А., Эрдэнэбаатар Д.* Поздний бронзовый век и начало раннего железного века Монголии в свете открытий Международной Центрально-Азиатской археологической экспедиции // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. 104–117.
- Кубарев В. Д.* Древние изваяния Алтая (оленные камни). Новосибирск : Наука, 1979. 120 с.

Наглер А. О стилизованных изображениях оленей на оленных камнях Центральной Азии // *Terra Scythica*. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. С. 178–184.

Новгородова Э. А. К вопросу о древнем центрально-азиатском защитном вооружении // Соотношение древних культур Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Наука, 1975. С. 223–228.

Новгородова Э. А. Мир петроглифов Монголии. М. : Наука, 1984. 168 с.

Окладников А. П. Оленный камень с р. Иволги // Советская археология. 1954. Т. XIX. С. 207–220.

Ольховский В. С. Оленные камни: к семантике образа // Советская археология. 1989. № 1. С. 48–62.

Ольховский В. С. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей раннего железа. М. : Наука, 2005. 299 с.

Савинов Д. Г. Проблема оленных камней (в историческом аспекте) // История археологических исследований Сибири. Омск : Омск. ун-т, 1990. С. 106–133.

Савинов Д. Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1994. 208 с.

Савинов Д. Г. Реалистические изображения животных на оленных камнях монголо-забайкальского типа // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. 118–125.

Смирнов А. М. Решетчатые конструкции в накаменном искусстве Древней Европы и щитовидные фигуры на оленных камнях Центральной Азии // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб. : ИИМК РАН : Периферия, 2012. Кн. 1. С. 134–141.

Тиваненко А. В. О функциональном назначении «оленных» камней плиточных могил (по материалам древнекитайской пиктографии) // Древние кочевники Центральной Азии (история, культура, наследие). Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. С. 88–91.

Тишкин А. А. Погребальные сооружения курганного могильника Бийке в Горном Алтае и культура населения, оставившего их // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 20–54.

Тишкин А. А. Обзор исследований в Западной Монголии и на Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. Т. XIII. С. 382–387.

Тишкин А. А. «Оленные» камни в долине Буянта (Западная Монголия) // Туухийн товчоон. Улаанбаатар : Соёмбо принтинг, 2009. Т. IV. С. 97–104 (на рус. яз).

Тишкин А. А. «Оленные» камни Западной Монголии как отражение культа предков и вождей: результаты изучения археологических объектов в долине Буянта // Культ предков, вождей, правителей и отражение его в погребальном обряде. М. : Ин-т археологии РАН, 2010. С. 32–33

Тишкин А. А. «Оленные» камни в долине Бодонча (Монгольский Алтай) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2011. Вып. 2. С. 256–265.

Тишкин А. А. Изображения предметов вооружения на «оленных» камнях Монгольского Алтая // Роль войны и военного дела в развитии древних и средневековых обществ. М. : Ин-т археологии РАН, 2012. С. 28–29.

Тишкин А. А., Усова И. А. «Оленные» камни как источник для реконструкции костюма населения Азии аржано-майэмирского времени (по материалам памятников Монгольского Алтая) // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии. Караганда : Ин-т археологии им. А. Х. Маргулана КН МОН РК, 2011. С. 158–163.

Тишкин А. А., Эрдэнэбаатар Д. Первые результаты Буянтской археологической экспедиции // Алтай-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 165–167.

Турбат Ц. Оленные камни Западной части Монгольского Алтая // Культуры и народы Северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения. Томск : Томск. ун-т, 2008. Вып. 2. С. 223–233.

Худяков Ю. С. Херексуры и оленные камни // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск : Наука, 1987. С. 136–162.

Членова Н. Л. Об оленных камнях Монголии и Сибири // Монгольский археологический сборник. М. : Изд-во АН СССР, 1962. С. 27–35.

Членова Н. Л. Оленные камни как исторический источник (на примере оленных камней Северного Кавказа). Новосибирск : Наука, 1984. 100 с.

Чугунов К. В. Аржан–2: реконструкция этапов функционирования погребально-поминального комплекса и некоторые вопросы его хронологии // Российский археологический ежегодник. 2011а. № 1. С. 262–335.

Чугунов К. В. Дискретность постройки «царских» мемориалов Тувы и хронология раннескифского времени // Terra Scythica. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011б. С. 358–369.

Čigunov K. V., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Fürstengurgan Aržan 2 in Tuva. Mainz : Verlag Philipp von Zabern, 2010. 330 S.

**Алтайский государственный университет (Россия, Барнаул)
tishkin210@mail.ru**

The sculptures called in scientific literature as deer stones, are object of studying about 150 years. For this period the great volume of information which concerns the various aspects of fixing and interpretation of this important historical source was collected. However still there are a lot of problems demanding not only modern consideration, but also synthesis of the saved up experience. That approach was designated during researches by the author of deer stones in the territory of the Mongolian Altai. Need of the review of the existing points of view is caused by reliability of copying of the obelisk and images on it.

Sculptures, Arzhan-Mayemir time, images, the Mongolian Altai, deer stones, copying, photofixing, soldier-nomad, arms subjects, belt, jewelry.

К. Н. Тихомиров

**ДВА ПЕРСТНЯ XVI–XVIII ВЕКОВ ИЗ СРЕДНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ:
К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ПОВСЕДНЕВНОГО ПРОСТРАНСТВА***

В статье на примере изображений на двух перстнях из могильников Бергамак II и Сеитово IV ставится вопрос о влиянии русской культуры на формирование повседневности тюркоязычного населения Среднего Прииртышья.

Формирование повседневности, культурные влияния, изображения на перстнях, кентавры, всадники.

Человек живет не в абстрактной истории, он живет своей каждодневной обычной жизнью. Именно из этой повседневности и складывается история человеческой жизни. Совокупность людских историй и создает повседневную историю больших образований, которые, в свою очередь, формируют исторические процессы. Формирование повседневности отдельного человека, несмотря на кажущуюся статичность, – это довольно динамичный и ранимый процесс, часто зависящий как от рациональных, так и от иррациональных факторов.

Одним из них является введение новых образов в искусстве. Наиболее часто они попадали в культуру сибирских народов на предметах быта или украшениях, являвшихся товаром русского производства и экспорта. Одним из таких товаров были металлические перстни. Так как перстни довольно часто встречаются в материалах раскопок позднесредневековых памятников, они могут служить свидетельством существования определенных сюжетов в искусстве. Примером такого вхождения нового в повседневность населения Среднего Прииртышья могут выступать два перстня в материалах с позднесредневековых могильников Сеитово IV и Бергамак II.

Археологический контекст следующий: находки получены из курганно-грунтовых могильников, датировка которых – XVI–XVIII вв. Один из могильников, по мнению авторов раскопок, был оставлен тюркоязычным населением Нижнего Прииртышья, второй также предварительно можно отнести к древностям аборигенного населения Среднего Прииртышья. Один из могильников располагается в Муромцевском районе Омской области в нижнем течении р. Тары, на ее правом берегу. Второй – в Тарском районе на правом берегу р. Иртыш, в междуречье р. Тары и р. Уй. В этнографическое время здесь проживали татары аялынской и туралинской групп. При этом следует отметить, что один из памятников (Сеитово IV) располагался на западной, а другой (Бергамак II) – на восточной окраинах территорий освоения этой группы.

Бергамак II. Могильник. Располагается на краю правобережной террасы р. Тары в 0,79 км к ВСВ от устья р. Бергамак, в 1,94 км к ЮЗ от моста на р. Бергамак,

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 13–06–98028, и Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и новации в истории и культуре», проект «Культура русских в археологических исследованиях: адаптация, трансформация и развитие в условиях Западной Сибири в конце XVI–XVIII веках».

© Тихомиров К. Н., 2013

в 3,99 км к ССВ от крыльца церкви в с. Бергамак. На террасе в данном месте растет сухой сосновый лес, практически без подлеска. Раскопки на нем проводили С. С. Тихонов (1991, 1993, 1996), К. Н. Тихомиров (1999), М. А. Гаркуша (2009). В результате были получены материалы, позволяющие судить о погребальном обряде населения низовьев р. Тары в XVII–XVIII вв.

Одним из показательных комплексов на могильнике стал объект № 87. Его значимость связана со сложными действиями при его сооружении. Об этом свидетельствует то, что после снятия насыпи на поверхности могильного пятна фиксировались остатки перекрытия в виде лежавших параллельно вдоль пятна деревянных плах. В могиле покоились останки женщины в возрасте около 35 лет, лежавшей вытянуто на спине головой на северо-запад. Инвентарь в могиле: на груди бронзовая подвеска с синим камнем; на левой руке бронзовый браслет и перстень из белого металла (скорее всего, билона) на указательном пальце и бронзовый браслет на правой руке.

Следует отметить, что данный перстень (рис., 2) был не единственным на этом комплексе. Перстни также известны по раскопкам С. С. Тихонова 1993, 1996 гг. в могилах 10, 13, 17а [Татауров, Тихонов, 1996, с. 58–83], 20, 28, 40в1, 47 (серебряный) [Корусенко, 2003]. Однако он единственный выполнен из указанного сплава, остальные – из бронзы, а один – из серебра. Представленная композиция также довольно оригинальна. Из других перстней лишь часть щитковые, имеются также и со вставками. На щитковых перстнях представлены орнитоморфные изображения, стилизованный растительный орнамент, изображение некоего кошачьего животного. Данные перстни имеют широкие аналогии среди сибирских материалов и являются предметом русского экспорта [Мельников, Холостых, 1994, с. 210].

Определенный интерес для нас представляет указанный перстень. Предположительно, он выполнен из билона. Состоит из кольца и припаянного щитка овальной формы размерами 11,95 × 12,2 мм. На щитке представлено животное, похожее на лошадь, на спине которого фиксируется антропоморфная фигура.

Сеитово IV. Грунтовый могильник. Располагается на краю низкой правобережной террасы в пойме р. Иртыш в 0,09 км к ЮВ от водонапорной башни, в 0,24 км к ЮЗ от руин фермы, в 0,62 км к ЮЗ от дороги Сеитово – Самсоново, в 1,02 км к ЮЗ от крыльца каменного магазина в д. Сеитово. В этом месте местные жители в течение 20 лет берут грунт (светло-серо-коричневую супесь) для своих нужд, вследствие чего здесь образовался карьер. При этом здесь находят различные материальные остатки (подвески, стеклянные бусы, медные котлы и др.), а также человеческие кости. Находки, полученные в могиле 1, – русские монеты, а также инвентарь (бронзовые перстни, бронзовый наперсток, медный котел и др.), позволяют датировать ее XVII – началом XVIII в. Одним из предметов, найденных здесь, стал металлический перстень (бронза), подаренный автору, который был передан на постоянное хранение в Музей народов Сибири Омского филиала Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН.

Перстень выполнен из бронзы. Конструкция перстня – щитковый с круглым щитком (20,1 × 20,45 мм), на котором выгравировано изображение кентавра с коротким копьём острием вниз в правой руке и саблей острием вверх, обушком к телу в левой руке (рис., 1). Судя по изображению, кентавр поражает змея. Изображение окантовано рядом насечек, расположенных между двумя окружностями. На

дужках перстня, в областях, прилегающих к щитку, с двух сторон выгравирован растительный орнамент в виде двух рядов листьев, направленных друг к другу, так, что они образуют «елочку». Судя по имеющимся аналогам из европейской части России, данный перстень можно датировать XVI–XVIII вв. и говорить о том, что он был ввезен оттуда.

Так, на сайте «Виртуальный музей» представлены два подобных перстня, один из которых является практически полным аналогом нашего артефакта [Виртуальный музей]. По мнению Б. В. Мельникова и Г. В. Холостых [1994, с. 210], перстни с геральдическими изображениями, мифологическими сюжетами (изображения кентавра, Георгия Победоносца) – явно русские.

Несмотря на определенные различия (материал, техника выполнения орнамента и т. д.), сюжеты на этих перстнях имеют определенные общие черты, главной из которых является изображение всадников. Такие изображения не составляют большинство на перстнях Сибири. Более того, на перстне из могильника Сеитово IV изображен кентавр, еще более редко встречающийся на западносибирских перстнях русского производства. Данный сюжет, появившись в Азии, приходит в Россию в XIII в., а получает широкое распространение в XVII в. При этом в русской культуре он трансформируется, приобретая иное значение.

Необходимо обратить внимание на тот факт, что на русских серебряных копейках, довольно часто встречающихся в материалах из могильников XVII–XVIII вв. в Западной Сибири, изображался также всадник. И. Г. Спасский отмечает, что на ранних монетах XIV–XV вв. великих княжеств Московского, Тверского, Суздальско-Нижегородского часто встречались изображения Китовраса (кентавра), Сирина, Самсона со львом, всадников и т. д. [Спасский, 1962, с. 98]. Можно предположить, что изображения кентавра и всадника привлекли внимание к ним и определили перенесение их на другие предметы. Возможно, использование изображений с указанным сюжетом было, в том числе, маркером социальной престижности, определенной принадлежности к социальной и культурной элите, подтверждением чего может быть факт существования местных реплик перстней с указанным сюжетом.

В то же время известно, что изображения всадников, коней, коней на змее широко бытовали в финно-угорской повседневности как Сибири, так и Приуралья начиная с эпохи раннего средневековья [Голубева, 1979, с. 41–42, с. 102, табл. 16; Конилов, 2007, с. 444, рис. 245; Семенова, 2001, с. 72, табл. 48–8; Татауров и др., 2001, с. 121, рис. 5, 11]. При этом Л. А. Голубева указывает, что данные подвески существовали только в финно-угорской среде от Прикамья до Приладожья, и связывает их с местным культом Великой Матери, которая вступает в поединок со злым божеством подземного мира, воплощенном в образе змея [Голубева, 1979, с. 42]. Следовательно, в данном случае такие изображения выступают маркером определенных изобразительных традиций и могут в числе прочего указывать на распространение групп населения.

Следует отметить, что данные изображения бытовали в определенном историко-культурном контексте. Указное время – сложный период, когда аборигенное население Среднего Прииртышья находится «на перепутье». В это время начинается размывание традиционного мировоззрения под воздействием русской культуры и укрепляющего свои позиции ислама. В определенной мере этому способствовал

Перстни (1, 2) и жетон (3) с территории могильников Сеитово IV (1, 3) и Бергамак II (2):
1, 3 – бронза; 2 – сплав белого металла (билон?)

и импорт русских изделий, в особенности с каким-либо орнаментом. По утверждению Б. В. Мельникова и Г. В. Холостых, некоторые сюжеты на украшениях были более востребованы местным населением Западной Сибири в связи с тем, что они были наиболее близки их мироощущению. Так, например, авторы утверждают, ссылаясь на Е. А. Хелимского, что сюжеты, связанные Георгием Победоносцем и Кентавром, были популярны в связи с мифом о Мир-Сусне-Хуме [Мельников, Холостых, 1994, с. 211]. Однако в этом случае остается непонятным, почему они имели довольно широкое распространение среди предков аялыных татар.

Если насчет населения, оставившего могильник Бергамак II, не сохранилось письменных источников, то про жителей, хоронивших своих усопших на могильнике Сеитово IV, имеются определенные сведения. Так, на листе 92 «Хорографической книги» С. У. Ремезова [2011, с. 109–110 (лист 92)] в этом районе показаны только населенные пункты аялыных и туралыных татар, Г. Ф. Миллер также называет здесь деревни татар [Сибирь XVIII века ... , 1996, с. 90]. Конечно, неясно, насколько это были не ханты, однако не вызывает сомнения тот факт, что официальное название населения в русских источниках было «татары». Тем не менее мы видим, что сюжеты, связанные с всадниками и кентаврами, были популярны среди этого населения. Еще одним подтверждением этого может стать жетон с изображением Георгия Победоносца, хранящийся у жителя д. Сеитово и найденный, по его словам, на могильнике Сеитово IV (рис., 3).

Итак, мы можем подтвердить тот факт, что местное население активно использовало данные изображения в своей повседневности. Остается открытым вопрос о том, как оно их использовало. Возможен был вариант использования этих изображений только в погребальной практике. Или наоборот, использование этих вещей было очень престижно. Например, в погребальной обрядности могильника Бергамак II в подавляющем большинстве использовалась станковая керамика, скорее всего, русского производства.

Однако следует отметить, что в любом случае изображения, присутствующие на предметах русского импорта, выбирались и входили в культуру местного населения, формируя часть повседневности.

Библиографический список

Голубева Л. А. Зооморфные украшения финно-угров // Археология СССР. Свод археологических источников. М., 1979. 112 с.

Конилов Б. А. Омское Прииртышье в раннем и развитом средневековье. Омск, 2007. 466 с.

Корусенко М. А. Погребальный обряд тюркского населения низовьев р. Тара в XVII–XX вв.: опыт анализа структуры и содержания // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Новосибирск : Наука, 2003. Т. 7. 192 с.

Мельников Б. В., Холостых Г. В. Украшения позднего комплекса Окуневского могильника Ом VII // Матющенко В. И., Полеводов А. В. Комплекс памятников на Татарском увале у деревни Окунево. Новосибирск, 1994. 223 с.

Семенова В. И. Средневековые могильники Юганского Приобья. Новосибирск, 2001. 296 с.

Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. История Сибири. Первоисточники. Новосибирск, 1996. Вып. 6.

Спасский И. Г. «Русская монетная система». Историко-нумизматический очерк. Л., 1962. 256 с.

Татауров С. Ф., Тихонов С. С. Могильник Бергамак II // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Т. 1. Культура тарских татар. Новосибирск, 1996. С. 58–84.

Татауров С. Ф., Тихонов С. С., Чудаков Д. В. Могильник Алексеевка I // Материалы по археологии Обь-Иртышья : сб. науч. тр. Сургут, 2001. 151 с.

Хорографическая чертежная книга Сибири С. У. Ремезова. Тобольск, 2011. 626 с.

Источники

Виртуальный музей. URL: <http://www.web-collection.ru/collection/view/1568/>; <http://www.web-collection.ru/collection/view/1991/> (дата обращения: 07.08.2013).

Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН (Россия)
ktikhomirov@gmail.com

In the article on the example of the images on the two rings from burial grounds Bergamak II and Seitovo IV the impact of Russian culture in the formation of everyday life Turkic-speaking population of the Middle Irtysh region is discussed.

Formation of everyday life, cultural influences, the image on the rings, centaurs, horsemen.

И. В. Толпеко

ПАРНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ЭПОХИ НЕОЛИТА – РАННЕЙ БРОНЗЫ У НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ

Статья посвящена предметам первобытного искусства периода неолита – ранней бронзы Среднего Прииртышья. На основе материалов могильников Окунево–VII и Усть-Куренга выделяется серия парных изображений животных. Для каждой пары анализируется общее и особенное в исполнении. Прослеживаются характерные черты, объединяющие все подобные находки Среднего Прииртышья. Проведенное исследование позволяет считать наличие парных изображений особенностью погребальной практики населения Среднего Прииртышья в период неолита – ранней бронзы.

Первобытное искусство, духовная культура, Среднее Прииртышье, неолит, ранняя бронза, парные изображения, Окунево–VII, Усть-Куренга.

С территории Среднего Прииртышья происходит целая серия предметов первобытного искусства в хронологическом диапазоне от эпохи неолита до средневековья включительно. Среди них представлены как случайные находки, так и хорошо документированные артефакты. Галерея образов разнообразна – это лось, медведь, лошадь, верблюд, человек и т. д. Изделия различаются материалом (камень,

кость, глина, металл) и стилем исполнения. Внешний облик конечного продукта – произведения первобытного искусства – формировался под воздействием многих факторов. Это выбор образа и его семантическая нагрузка, культурная традиция, в рамках которой происходило его воплощение, функциональное назначение предмета, мастерство изготовителя, техника изготовления и материал и т. д. Все это становится предметом изучения исследователей духовной культуры и творчества древнего населения. Однако есть и другие составляющие контекста, используемого для анализа изображений. Одна из них наиболее ярко проявилась в ходе обнаружения предметов искусства эпохи неолита – ранней бронзы в Среднем Прииртышье. Речь пойдет о парных находках.

Первые парные изображения животных на территории Среднего Прииртышья были обнаружены в могильнике Усть-Куренга (верховья р. Шиш, правобережного притока р. Иртыш) [Чернецов, 1953, с. 34]. Погребальный инвентарь из разрушенного захоронения (предположительно – одного) поступил в Тарский музей от колхозников д. Усть-Куренга. Находки были представлены шлифованным теслом, наконечником копья из кости, фрагментом наконечника копья или дротика из кости и, наконец, изделиями, которые можно отнести к области духовной культуры – украшениями из кабаньих клыков (с тщательно вырезанными по краям зубчиками) и двумя парами артефактов, которые будут рассмотрены ниже.

Одна пара находок из захоронения представлена плоскостными изображениями животных. Они выполнены из серого сланца в технике шлифования и вырезания [Там же, с. 34, табл. XII, 2, 3]. Переданы голова и шея животного. Голова у обоих отделена от туловища врезанными линиями (у одного – глубокой и широкой, у другого – более мелкой и узкой). Каплевидным сквозным отверстием показана пасть. Уши моделированы небольшим приостренным выступом на стыке головы и шеи. Одно из изображений выполнено с большей детализацией – круглой ямкой показан глаз, проведены две параллельные линии, идущие от уха до конца морды. От «ошейника» прочерчено несколько тонких линий (таким приемом могла быть передана шерсть животного). Оба изделия имеют отверстия для крепления (пришивания).

Размеры и пропорции изображений (с учетом обломанной шеи одного из них) практически идентичны.

В. Н. Чернецов высказал предположение, что «это хищники, но может быть и собаки, так как на одной из головок имеется “ошейник”... и черточки, напоминающие какую-то упряжь» [Там же, с. 34]. Предположение относительно собак можно признать верным, но требующим дополнительной аргументации. Изображенные особи подходят под описание современной западносибирской лайки. Ее предками были местные охотничьи собаки древнего происхождения – в основном хантыйские (остяцкие) и мансийские (вогульские) [Полузадов, 2007–2009]. Из описания породы: голова сухая, морда острая, длинная, но не узкая, с некоторым расширением в области клыков. Длина морды приблизительно равна или чуть меньше длины черепной коробки, профиль ее умеренно клинообразный. Черепная коробка вытянута в длину. Переход ото лба к морде выражен, но не резко. Верхняя линия морды параллельна линии лба. Затылочная часть черепной коробки округлена. Шея сухая, по длине равна голове. По отношению к продольной оси туловища поставлена под углом 45–55° [Там же]. Именно эти признаки мы наблюдаем на рассматриваемых

изображениях. Что же касается «упряжи», то интерпретировать линии на морде одной из собак достаточно сложно. Шлейка (алык) у ездовых собак охватывает грудь или туловище животного. Она не касается морды и шеи. По всем известным вариантам дополнительного снаряжения ездовых или охотничьих собак мы можем интерпретировать только линию, разделяющую у обеих фигурок голову и шею, предположив, что это ошейник.

Среди находок из могильника Усть-Куренга присутствовала еще одна пара изделий – овалы шлифованные пластинки (из красного и зеленовато-серого сланца) с приостренными шлифовкой краями [Там же, с. 34, табл. XIII, 1, 4]. Это не изображения животных, однако их несомненная парность и стиль оформления представляют особый интерес для нашего исследования. Пластинка красного цвета немного сколота с одного конца и обломана с другого. По всему сохранившемуся краю она украшена как бы сглаженными зубцами. Они получились в результате нанесения через небольшие расстояния треугольных пропилов.

Пластинка зеленоватого цвета сохранилась полностью. Она имеет более вытянутую форму. На одной из длинных сторон присутствуют пять треугольных пропилов. Четыре из них сгруппированы и нанесены с небольшими отступами друг от друга. В результате, как и у красной пластинки, образовались как бы срезанные зубцы. Пятый из пропилов располагается отдельно. Один конец изделия овальный, другой – скошен и заострен. Последний, с двух сторон и с небольшим отступом от края, оформлен треугольными пропилами. Можно предположить, что это приспособление для привязывания. На плоских сторонах обоих предметов прослеживаются поперечные полоски. На красной пластинке они нанесены через небольшие, почти одинаковые расстояния узким прочерчиванием и вызывают ощущение орнаментации. По одному краю пластинки зубцы нанесены были чаще, по другому – реже. Мастер взял для ориентации край с более редкими зубцами и прочерчивал полоски (вероятно, сверху вниз) через два зубца параллельно друг другу. В средней части пластины он «ошибся» и начал чертить через один, но не закончил эту линию и вновь вернулся к прежнему ритму.

На зеленой пластинке прочерчивание более разреженное, каждая полоска достаточно широкая, так как образована многими линиями. Тем не менее определенный ритм также присутствует. Сбой происходит только в «хвостовой» части изделия. Несмотря на некоторую разницу в цвете, пропорциях и деталях, оба изделия обнаруживают несомненную близость в исполнении. Это, в свою очередь, позволяет предполагать общность предназначения.

А. И. Петровым при раскопках могильника Окунево–V, VII в захоронении 33 также была обнаружена пара изделий. Могила содержала два захоронения. Первого умершего сопровождало навершие булавы. Второго – две плоскостные шлифованные фигурки лося из черного сланца [Матющенко, 1994, с. 15–16; Петров, 1987а, рис. 1, 59; 1987б, рис. 86, 4, 5]. Исходя из планиграфии, В. И. Матющенко предположил, что первое захоронение было сделано чуть раньше второго [Матющенко, 1994, с. 15].

Оба изображения передают голову и туловище лося. Последнее оформлено в виде прямоугольника со скругленными углами. Голова у обоих типично лосиная – массивная, вытянутая, горбоносая. Ноздри показаны каплевидными углублениями, пасть намечена черточкой, глаза круглые. Голова сразу (без шеи) переходит в ту-

ловище. Она немного опущена вниз. Такой прием позволил передать еще одну характерную черту лося – горбатую спину.

По спине и животу первой фигурки идут мелкие частые насечки. По спине второй – мелкие насечки-зубчики, а туловище от спины пересекают 14 поперечных линий, большинство из которых сгруппированы парами.

Изображения имеют сквозные отверстия, предназначенные, вероятно, для крепления или подвешивания.

Изображения в целом очень похожи. Наиболее существенное отличие прослеживается в размерах – одно практически в два раза крупнее другого (103 × 19 мм и 51 × 14 мм).

Еще одна пара изображений была также обнаружена при исследовании могильника Окунево–V, VII (раскопки В. И. Матющенко). Эти находки не располагались непосредственно в погребении, однако вполне обоснованной выглядит их связь с могилой 76 [Матющенко, Полеводов, 1994, с. 21, 48]. В подчетыреугольной могильной яме (размерами 220 × 210 см) были обнаружены останки пятерых человек, следы огня и изделия из бронзы. Захоронение нарушено. Рядом с ним находились фигурки овальной формы, уплощенные, миндалевидные в сечении. Первая изготовлена из крупнозернистого диорита (?) грязно-зеленого цвета [Там же, с. 48, рис. 48, 2]. Спинка и брюшко ее слегка выгнуты. Морда животного немного опущена, а хвостовая часть приподнята. На конце последней выполнен перехват. Слева по боку фигурки нанесены 10 поперечных желобков, справа – 12. Желобки не закругляются, а располагаются только на наиболее выпуклой части сторон. По краям, по всей длине изделия, также выполнены небольшие углубления. Голова животного моделирована условно.

Вторая фигурка изготовлена из более качественного сырья – мелкозернистого грязно-зеленого диорита [Там же, с. 48–49, рис. 48, 1]. У животного почти прямая спина и свисающий живот. Такое впечатление создают приподнятые вверх голова и хвостовая часть. На конце последней выполнен перехват. Туловище животного переходит в массивную голову. Их разделяют небольшие уступы. По моделировке головы можно отметить только вытянутые пропорции, покатый лоб и намеченную с двух сторон желобком пасть. По обоим бокам животного (в наиболее выпуклой части) нанесены поперечные желобки – по пять с каждой стороны.

Оба изображения достаточно схематичны, и остается только предполагать, образ какого животного они передают. В общем оформлении фигурок читается некоторая рыбоподобность. Однако оформление голов совершенно не характерно для рыбы. Возможно, как и в предыдущей паре, это изображения лосей. Их сближают общие черты исполнения – голова без ушей, туловище без ног, которое сразу переходит в голову. В обеих парах проступает некий фантастический персонаж – лось-рыба. Не проводя прямые параллели, отметим, что образ лося с такими чертами вполне традиционен для многих народов Сибири. Зафиксированы представления о превращенном лосе, который в конце своей жизни становится мамонтом – гигантским полужверем-полурыбой, живущим под землей [Косарев, 2003, с. 57].

Усть-куренговские и окуневские парные изображения животных и пластинки из Усть-Куренги имеют много общего:

- 1) принадлежность к погребальному инвентарю;
- 2) выполнение в технике шлифования;
- 3) сырье, одинаковое в каждой паре (кроме пластинок);

4) общий стиль исполнения:

а) профильность;

б) плоскостное изготовление;

в) особое внимание к голове у животных;

г) зубцы по краю и/или поперечные полосы на плоскости изделия;

5) большое сходство исполнения в каждой паре;

б) перехваты для привязывания (фигурки у могилы 76 Окунево–V, VII и пластинки из Усть-Куренги) или отверстия для пришивания (подвешивания) (собаки из Усть-Куренги и лоси из могилы 33 Окунево–V, VII).

При детальном рассмотрении обнаруживается еще большая близость в деталях. Например, перехваты для привязывания располагаются в зауженной и приподнятой «хвостовой» части изделий. Пасть у собак и ноздри у лосей из могилы 33 имеют каплевидную форму и т. д.

Возможно, специфической чертой является и принадлежность парных изображений к коллективным захоронениям. Это фиксируется на могильнике Окунево–V, VII. Могила 33 содержала два захоронения, могила 76 – пять. Однако нам не известен полный контекст обнаружения находок из Усть-Куренги.

Интересен подход мастеров к исполнению изображений. С одной стороны, в каждой паре их объединяет общий стиль как в целом, так и в деталях. С другой стороны, изготовитель явно не стремился достичь полной идентичности. Мастера каменного века при изготовлении изделий из камня демонстрировали высокий профессионализм. Создать два практически одинаковых изделия, вероятно, не составило бы особого труда, тем более что каждая пара, скорее всего, изготавливалась одним человеком. Однако, выполняя все в одном стиле, мастер вовсе не стремился к полной идентичности.

Могилы, к которым относятся все рассмотренные изображения, датируются периодом позднего неолита – ранней бронзы [Матющенко, Полеводов, 1994, с. 69; Чернецов, 1953, с. 36]. Помимо них, в Среднем Прииртышье для этого хронологического диапазона из хорошо документированных известна только одна находка – стержень из окаменелого дерева, один конец которого напоминает морду зверя – Окунево–V, VII, могила 79 [Матющенко, Полеводов, 1994, с. 21–22]. Таким образом, в более чем ста изученных захоронениях рассматриваемых периода и территории обнаружено семь изображений животных. Из них шесть найдены парами. Проведенное исследование показало, что в каждой паре они соединены не случайно. Сходство между ними, как и принадлежность к погребальному инвентарю, позволяет считать наличие таких парных изображений особенностью погребальной практики населения Среднего Прииртышья в период неолита – ранней бронзы.

Библиографический список

Косарев М. Ф. Основы языческого миропонимания: по сибирским археолого-этнографическим материалам. М. : Ладога–100, 2003. 352 с.

Матющенко В. И., Полеводов А. В. Комплекс археологических памятников на Татарском увале у деревни Окунево. Новосибирск : Наука, 1994. 223 с.

Петров А. И. Периодизация и хронология памятников екатерининской культуры в Среднем Прииртышье // Источники по истории Западной Сибири (история и археология). Омск : ОмГУ, 1987а. С. 4–20.

Петров А. И. Эпоха позднего неолита и ранней бронзы в Среднем Прииртышье : дис. ... канд. ист. наук. Омск, 1987б.

Полузадов Н. Б. Западно-сибирская лайка. Описание породы // *Pets.academ.org* 2007–2009. URL: <http://pets.academ.org/pets/sobaki/zapadno-sibirskaya-laika/478> (дата обращения: 17.05.2013).

Чернецов В. Н. Древняя история Нижнего Приобья // *Материалы и исследования по археологии СССР*. М. : Академия наук СССР, 1953. № 35. С. 7–71.

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (Россия)
itolpeko@yandex.ru

The article is devoted to the objects of primitive art of Late Stone Age – Early Bronze Age in the Middle Irtysh region. On the basis of burial grounds material in Okunevo–VII and Ust-Kurenga a series of paired images of animals can be pointed out. For each pair the author analyses the common and the individual in design. We can trace characteristic features which are common for all the similar findings of the Middle Irtysh region. The research done can let us consider paired images a special feature of funeral practice among the inhabitants of the Middle Irtysh region in Late Stone Age – Early Bronze Age.

Primitive art, spiritual culture, Middle Irtysh region, Late Stone Age, Early Bronze Age, paired images, Okunevo–VII, Ust-Kurenga.

Н. М. Чаиркина*, Я. В. Кузьмин, Дж. С. Бурр*****

**ХРОНОЛОГИЯ ПРЕДМЕТОВ ДРЕВНЕГО ИСКУССТВА
ИЗ ТОРФЯНИКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ ЗАУРАЛЬЯ:
НОВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ УМС (AMS) ¹⁴С ДАТИРОВАНИЯ***

В статье рассмотрены некоторые проблемы периодизации и хронологии археологических культур Зауралья, а также специфика торфяниковых памятников региона. Приведены новые УМС ¹⁴С даты, полученные по деревянной антропоморфной и орнитоморфной скульптуре VI Разреза Горбуновского торфяника. Новые материалы позволяют предположить одновременность бытования по меньшей мере в эпоху раннего металла деревянных антропоморфных скульптур с проработкой головы, тулова, ног, а также отдельных голов-личин и деревянных ковшей и ложек с навершиями в виде голов водоплавающих птиц.

Зауралье, торфяниковые памятники, орнитоморфная и антропоморфная деревянная скульптура, радиоуглеродное датирование, эпоха раннего металла.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательских проектов: «Среда обитания, периодизация и хронология археологических культур эпохи мезолита – раннего железного века Зауралья (по материалам торфяниковых памятников)» (№ 13–06–00363) и «Научный проект проведения комплексной археолого-палеогеографической экспедиции по исследованию среды обитания, периодизации и хронологии археологических культур Зауралья (по материалам торфяниковых памятников)» (№ 13–06–10012).

© Чаиркина Н. М., Кузьмин Я. В., Бурр Дж. С., 2013

Зауралье – горная страна, специфика почвообразовательных процессов которой привела к преобладанию здесь смешанных нестратифицированных археологических комплексов с не всегда надежным для радиоуглеродного (далее – ^{14}C) датирования материалом. Этим отчасти объясняется малое количество ^{14}C дат, ряд из которых был получен в 50–70-х гг. XX в. по смешанным комплексам, имеют большие среднеквадратические ошибки и явно не точны. Появившиеся в последнее время ^{14}C даты, полученные в основном по углю или керамике береговых (минерогенных) памятников, пока тоже в силу своей немногочисленности и уже отмеченной ненадежности не позволяют точно определить время появления и генезис культур эпох мезолита – раннего железного века Зауралья, а также синхронизировать их с культурами сопредельных и отдаленных территорий. Для построения хронологических шкал различных археологических эпох Зауралья особенно перспективны торфяниковые памятники, которые дают разносторонний материал для ^{14}C датирования: керамику, нагар на керамике, уголь; большое количество изделий, выполненных из органики: посуду, орудия охоты и рыболовства, бытовой инвентарь, конструкции деревянных сооружений; вмещающие слои (торф, сапрпель). Специфика и особый колорит торфяниковых памятников Зауралья заключаются в наличии здесь зооморфной, орнитоморфной и антропоморфной скульптуры, выполненной из органических материалов. В последние годы для культурных слоев ряда торфяниковых памятников этого региона получены серии ^{14}C дат, определяющих время бытования некоторых археологических культур, а также тех или иных категорий инвентаря [Чаиркина, 2005; Жилин и др., 2007]. Однако значительная часть уникальных изделий – деревянной и костяной скульптуры, в основном не имеющей аналогий в материалах современных исследований, была обнаружена в XIX – первой половине XX в. в неясном археологическом контексте. Других вариантов определения времени их создания, кроме прямого ускорительного масс-спектрометрического (УМС, англ. AMS) ^{14}C датирования, в настоящее время нет. Эти обстоятельства побудили нас начать программу датирования материалов торфяниковых памятников Зауралья [Chairkina, Kuzmin, Burr, 2013]. Первые результаты исследований приведены в предлагаемой статье.

На торфяниковых памятниках региона обнаружено несколько категорий деревянных орнитоморфных изображений. Самая многочисленная группа (21 предмет) – *орнитоморфные навершия на рукоятях ложек и ковшей* [Кашина, Чаиркина, 2011, с. 157–169], представленная заготовками (4), целыми изделиями (5) и обломками (12). Три обломка найдены на поселении Шигирское А (2) и Кокшаровско-Юрьинской стоянке. Подавляющее большинство (16) обнаружено в составе деревянных сооружений на культовом памятнике – VI Разрезе Горбуновского торфяника. Это ложки и ковши, рукоятки которых венчают скульптуры головы водоплавающих птиц; они совершенны, стилистически органичны, по форме соответствуют естественным пропорциям плывущих птиц и являются по существу скульптурами птиц (ложе – туловище птицы, рукоять – шея орнитоморфа, край рукоятки – голова). На зауральских ложках и ковшах представлены лебеди (2), утки (5), гуси (5), гусь или лебедь (1), гагара (1); остальные изображения до вида не определяются. Основная часть рассмотренных орнитоморфных наверший при некоторых отличиях в форме и размерах стилистически близка, реалистична, хотя и выполнена в силуэтной манере, без проработки графических деталей. Присутствуют и более реалистичные

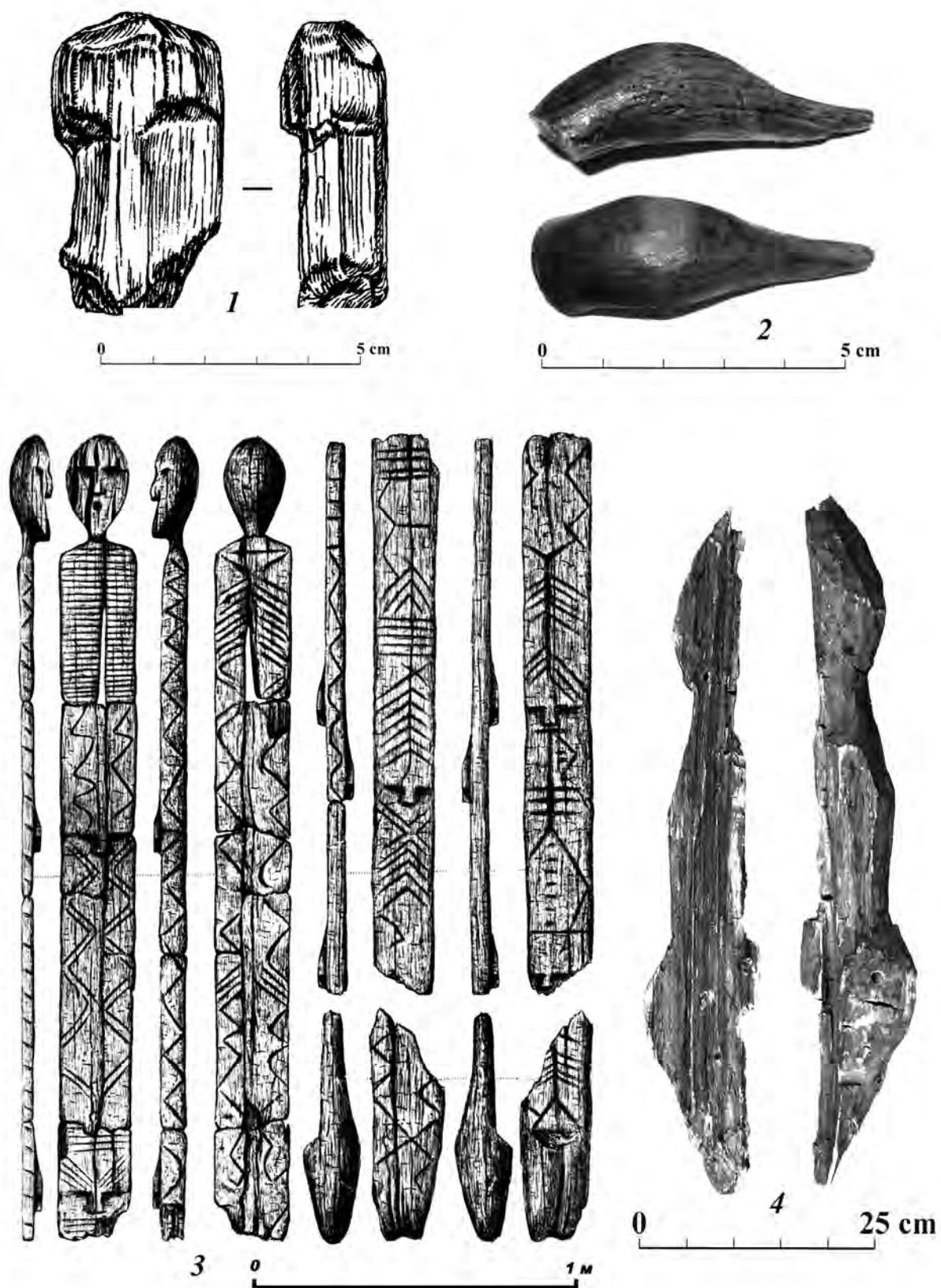
скульптуры с тщательной, но стилистически различной манерой оформления некоторых элементов и глаз (поселение Шигирское А, Шигирская коллекция).

Относительная хронология устанавливается для изделий поселения Шигирское А, где они найдены в слое раннего металла, и для ковша в виде лебедя с VI Разреза Горбуновского торфяника, обнаруженного в сооружении раннего бронзового века. Нами в 2010–2013 гг. получены УМС ^{14}C даты для трех наверший: скульптурной головки гагары – 3815 ± 90 л. н. (АА–86209) (или 2550–1980 гг. до н. э.) [Chairkina, Kuzmin, Burr, 2013] (рис., 2); для головки гуся – около 3930 л. н. (около 2400 г. до н. э.); для обломка заготовки – около 4010 л. н. (около 2650 г. до н. э.). Датированные изделия обнаружены в 2009 г. в составе деревянного сооружения раннего бронзового века на VI Разрезе Горбуновского торфяника. Этот возраст подтверждают ^{14}C даты, полученные по вмещающему сооружению слою и по фрагментам кольев. Учитывая эти данные, а также стилистическое и технологическое единство рассмотренных скульптурных наверший, можно предположить их бытование на территории Зауралья в эпоху раннего металла, в III – начале II тыс. до н. э.

На зауральских торфяниках обнаружено не более 12–13 *антропоморфных скульптур* и их обломков. Три изображения найдены на Шигирском торфянике, в том числе так называемые Малый и Большой Шигирские идолы. На стоянке Разбойничий Остров обнаружено миниатюрное изображение головы человека. Самая большая коллекция – голова и две целые фигуры, а также обломки по меньшей мере пяти антропоморфных скульптур – найдена на VI Разрезе Горбуновского торфяника.

Деревянная антропоморфная скульптура Зауралья представлена головами-личинами, колообразными фигурами с изображениями лица и фигурами с проработанными головами, туловищем и ногами. Для нее характерна вариативность общей формы, преобладание специально смоделированной головы и канонизм в изображении лица. В оформлении тулова встречается расположение фигур (контуры лица) одна над другой, изображения с согнутыми ногами; характерно отсутствие рук. Такое стилистическое и техническое многообразие при наличии ряда канонов определено, вероятно, полифункциональностью образа антропоморфной скульптуры Зауралья. Такие признаки, как колообразные формы, отдельные головы, манера трактовки лица, отсутствие у некоторых изображений рта, сближают зауральскую антропоморфную скульптуру с фигурами, происходящими из торфяниковых комплексов неолита – раннего металла Прибалтики, Финляндии, Восточной Европы.

Все антропоморфные скульптуры, кроме изделия, обнаруженного на стоянке Разбойничий Остров, найдены в XIX – первой половине XX в. Археологический контекст этих скульптур, к сожалению, не ясен. ^{14}C даты получены пока только для двух скульптур. Большой Шигирский идол (рис., 3) датирован эпохой мезолита – 8680 ± 140 л. н. (ГИН–9467/1), 8750 ± 60 л. н. (ГИН–9467/2), 8620 ± 70 л. н. (Ле–5303); даты соответствуют времени 7696–7540 гг. до н. э. и 7886–7498 гг. до н. э. Скульптура изготовлена из цельного ствола лиственницы или ели; первоначально имела размеры около 530 см. Основная ее часть – тулово – представляет собой доску, на которой вырезаны схематичные антропоморфные изображения. Нижняя часть фигуры представляет собой бревно, затесанное на конус. Средняя часть длиной около 200 см утрачена. Сохранилась голова размером 21×34 см; верхняя часть, состоящая из нескольких соединяющихся обломков, общей длиной 233,5 см и шириной 23–25,5 см; а также не соединяющийся с ними конец доски (скорее, бревна), слегка сужающейся к основанию, длиной 66 см и шириной 20 см.

Деревянная антропоморфная (1, 3, 4) и орнитоморфная (2) скульптура Зауралья: 1 – стоянка Разбойничий Остров; 2, 4 – VI Разрез Горбуновского торфяника; 3 – Шигирская коллекция

В слое раннего металла стоянки Разбойничий Остров обнаружено миниатюрное изображение головы человека (рис., 1). Оно обожжено, однако детали формы не деформированы. Лицевой отдел имеет выпуклую форму. Противоположная сторона обработана одним срезом, доходящим до затылочной области, который оформлен в виде карниза. Он, вероятно, имитировал волосы или головной убор. Лицо трактовано обобщенно: глаза и щеки показаны одной плоскостью, рот отсутствует. По обработанной древесине из культурного слоя изделие датируется 4960 ± 210 л. н. (ИЭРЖ–131) (4320–3130 гг. до н. э.).

УМС ^{14}C дата 5070 ± 60 л. н. (АА–86207) (3970–3710 гг. до н. э.) получена по фрагменту антропоморфной скульптуры с проработкой тулова и ног, обнаруженной на VI Разрезе Горбуновского торфяника [Chairkina, Kuzmin, Burr, 2013]. Фиксируется узкое плечо, обработанная затесами спина, сужающаяся к талии, широкие бедра (рис., 4).

Таким образом, УМС ^{14}C даты, полученные в последние годы, демонстрируют одновременность бытования на территории Зауралья в эпоху раннего металла деревянных антропоморфных скульптур с проработкой головы, тулова, ног и отдельных голов-личин. На VI Разрезе Горбуновского торфяника они обнаружены в составе деревянных сооружений вместе с ковшами и ложками со скульптурными навершиями в виде голов водоплавающих птиц.

Новые определения возраста, полученные УМС ^{14}C методом, дают возможность, с одной стороны, надежно датировать отдельные уникальные изделия, выполненные из органики, составляющие или не составляющие типологические серии; с другой стороны, становится возможной процедура их корреляции с уже имеющимися ^{14}C датами, полученными обычным (не УМС) ^{14}C методом, что позволяет получить объективную хронологическую характеристику археологических культур региона. В последние годы намечается явная тенденция удревнения эпохи неолита Зауралья до середины (возможно, начала) VI – середины IV тыс. до н. э., а начала раннего металла – по меньшей мере до середины IV тыс. до н. э. (отдельные даты – до начала IV тыс. до н. э.). Одним из наиболее слабо исследованных периодов в истории Зауралья является ранний бронзовый век. Наиболее полно материалы этого времени в археологических памятниках Среднего Зауралья пока представлены на VI Разрезе Горбуновского торфяника. Поэтому получение любых новых, тем более прямых ^{14}C дат чрезвычайно важно. Судя по ним, нижняя граница бытования комплексов эпохи бронзы приходится на вторую половину III тыс. до н. э., что не противоречит ^{14}C датам, полученным по вмещающему артефакты слою и по фрагментам деревянных сооружений ранней бронзы из раскопов 2007 и 2009 гг. [Чаиркина, 2010; Антипина, Панова, Чаиркина, 2013].

Библиографический список

Антипина Т. Г., Панова Н. К., Чаиркина Н. М. Динамика природной среды в голоцене по данным комплексного анализа VI Разреза Горбуновского торфяника (в печати).

Жилин М. Г., Антипина Т. Г., Зарецкая Н. Е., Косинская Л. Л., Косинцев П. А., Панова Н. К., Савченко С. Н., Успенская О. Н., Чаиркина Н. М. Варга–2: раннеэнеолитическая стоянка в Среднем Зауралье (опыт комплексного анализа). Екатеринбург : Режевской печатный дом, 2007. 98 с.

Кашина Е. А., Чаиркина Н. М. Деревянная посуда с навершиями в виде голов водоплавающих птиц на территории Зауралья, лесной зоны Восточной и Северной Европы //

Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. История, филология. 2011. Т. 10, вып. 7. Археология и этнография. С. 157–169.

Чаиркина Н. М. Энеолит Среднего Зауралья. Екатеринбург : УрО РАН, 2005. 314 с.

Чаиркина Н. М. Древности Горбуновского торфяника. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2010. 198 с.

Chairkina N. M., Kuzmin Y. V., Burr G. S. Chronology of the perishables: first AMS ^{14}C dates of wooden artefacts from Aeneolithic – Bronze Age waterlogged sites in the Trans-Urals, Russia // *Antiquity*. 2013. V. 87. P. 418–429.

*Институт истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург)

chair_n@mail.ru;

**Институт геологии и минералогии им. В. С. Соболева СО РАН
(Новосибирск)

kuzmin@fulbrightmail.org;

***Лаборатория ускорительной масс-спектрометрии Национального фонда США,
отделение физики Университета Аризоны
burr@u.arizona.edu

Several problems related to periodization and chronology of archaeological complexes in the Trans-Urals are considered, along with particular features of the wetland sites in the region. New AMS ^{14}C dates obtained for anthropomorphic and ornithomorphic figurines from the Cutting VI at the Gorbunovo peat bog are presented. These new data allows us to assume the simultaneous existence (at least in the Paleometal) of wooden anthropomorphic figurines with head, torso, and legs, and also of head-faces and wooden spoons and ladles with heads of waterfowl.

Trans-Urals, wetland sites, ornithomorphic and anthropomorphic wooden figurines, radiocarbon dating, Early Paleometal.

Е. В. Шелепова

ВКЛАД Й. Г. ГРАНЁ В ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ*

Исследования финских ученых составляют насыщенный страницу в историко-этнографическом изучении Монголии, Саяно-Алтая и Минусинской котловины в XIX и начале XX в. Достойное место занимают работы Й. Г. Гранё. Основное внимание ученого было направлено на геолого-географическое и археологическое освоение Западной Монголии, которая долгое время оставалась белым пятном на карте Центральной Азии. Й. Г. Гранё открыл целый ряд разновременных памятников, зафиксировал их конструкцию и расположение. Заслуга финского специалиста заключается в создании классификации древностей Западной Монголии, их картографировании, интересных интерпретациях назначения.

Археологический памятник, Западная Монголия, Й. Г. Гранё, история изучения, херексуры, изваяния, оленные камни, тюркская культура.

* Статья выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ «Изучение историко-культурного наследия Западной Монголии в XIX – начале XX вв.» (№ 12–31–01222a2).

© Шелепова Е. В., 2013

В археологическом и этнографическом «освоении» Южной Сибири и Центральной Азии во второй половине XIX и начале XX в. приняли активное участие ученые из Финляндии: А. О. Гейкель, И. Р. Аспелин, Г. Н. Рамстедт, З. Пельси, Й. Г. Гранё и др. Традиционно высокий интерес к Монголии со стороны этих и многих других исследователей объяснялся попытками найти прародину финского народа. В названной плеяде выделяется фигура Й. Г. Гранё (1882–1956). Сведения о жизни и деятельности этого финского географа до недавнего времени оставались совсем скудными. Но благодаря реализации проекта по переводу книги Й. Г. Гранё «Алтай. Увиденное и пережитое в годы странствий» [2012] открылись отдельные сюжеты его биографии и научной судьбы. Необходимо также отметить, что работы Й. Г. Гранё в Монголии и на Алтае не остались без внимания при рассмотрении истории открытия и изучения археологических памятников этих территорий [Alt-Altäische Kunstdenkmäler, 1931, p. 32; Грач, 1980, с. 10; и др.]. Еще одной положительной тенденцией стало специальное обращение к наследию ученого, продемонстрированное в ряде публикаций [Борисенко, 2010; 2013; Шелепова, Мунхбаяр, 2007].

Энтузиазм, обширные познания в географии, ландшафтной геологии и смежных областях обеспечили финскому специалисту успех в археологических работах. Следует сказать, что Й. Г. Гранё одним из первых документально зафиксировал и описал древние и средневековые объекты на плато Укок, обнаружил целые археологические комплексы в Западной Монголии, зафиксировал легенды и предания о жителях Алтая, трансформации их обычаев и верований в начале XX в. (например, описал влияние бурханистского учения на культуру местных аборигенов).

В данной статье обратимся к концепции ученого, занявшей достойное место в истории археологической мысли. Она сформировалась под влиянием как его личных полевых наблюдений, так и скрупулезного изучения трудов предшественников. Й. Г. Гранё был знаком с работами Н. Я. Ядринцева, В. В. Радлова, Г. Н. Потанина, А. М. Позднеева, Д. А. Клеменца, что неоднократно демонстрировал в своих сочинениях [Гранё, 2012, с. 42, 45; Granö, 1910a, p. 9–10; 1910b, p. 2; и др.].

В 1905 г., еще будучи студентом, он побывал на Алтае вместе со своим отцом. В следующую самостоятельную поездку он был направлен в 1906 г. Финно-угорским обществом, и ее цель была археологическая: изучить «древнетюркские наскальные надписи», а уже во вторую очередь заняться географией [Гранё, 2012, с. 11–12]. Началось путешествие в Минусинске. Маршрут пролегал по южной части Минусинской котловины, восточной части Тувы (по рекам Большой и Малый Енисей). Затем экспедиция направилась вдоль хребта Танну-Ола к оз. Убс и г. Улангому, а далее – в направлении г. Ховда (Западная Монголия) [Granö, 1910a, Kartenbeilage 1].

На обратном пути Й. Г. Гранё прошел вдоль р. Иртыш и оз. Зайсан в направлении Усть-Каменогорска (Казахстан). В поездке ему помогали финны (приехавшие вместе с Й. Г. Гранё, а также представители местной диаспоры), русские, нанятые в качестве рабочих, а также теленгиты, владевшие монгольским языком [Гранё, 2012, с. 12–13].

В 1907 г., во время второй экспедиции, Й. Г. Гранё выехал из Бийска к Кош-Агачу, проследовал до г. Улангома. После этого он направился на север и дошел до

бассейна Енисея. Поездка завершилась в Минусинске. Своеобразным трофеем путешествия стал вывезенный в Хельсинки из Монголии «могильный камень» [Гранё, 2012, с. 13].

В мае 1909 г. по направлению Финно-угорского общества Й. Г. Гранё вновь отправился на Алтай и в Монголию. Из Хельсинки он прибыл в Санкт-Петербург, а затем из Москвы выехал в Омск. Далее по р. Иртыш ученый проследовал до Павлодара, Семипалатинска и Усть-Каменогорска (Казахстан). Осенью того же года были обследованы Хангай и север Монголии.

Наконец, в 1913–1916 гг. Й. Г. Гранё отдельно занялся исследованием Алтая. Судя по всему, он сделал неплохие успехи в изучении алтайского языка [Гранё, 2012, с. 25], что помогло полнее и достовернее понять традиционную культуру.

В ходе отмеченных поездок Й. Г. Гранё регулярно обращался к изучению археологических памятников. В связи с тем, что возможности производить раскопки не было, все свое внимание он сосредоточил на проблемах их распространения, фиксации размеров, рассмотрении «морфологии» (*Morphologie*) и выделении типов памятников [Granö, 1910b, p. 6]. Й. Г. Гранё осознавал, что выйти на широкие исторические реконструкции такой подход не позволит, но по внешнему виду курганов и других объектов можно определить некоторые элементы мировоззрения древних народов. Подчеркивалась тесная связь между природой и человеком в древности и на современном этапе, обусловившая возникновение сооружений определенного типа. При этом фиксировались топография и планиграфия объектов и крупных комплексов, особенности их местонахождения в разных природно-экологических нишах [Granö, 1910b, p. 5].

Еще один подход, который сейчас мы бы назвали археолого-этнографическим, заключался в изучении современных способов организации хозяйства и образа жизни народов Монголии, проецировании его на древние культуры.

Уже в 1910 г. в журнале Финно-угорского общества были опубликованы две работы Й. Г. Гранё, ставшие результатом его археологических наблюдений [Granö, 1910a, b]. Исследователь писал, что с археологической точки зрения Северо-Западная Монголия богаче, чем прилегающие области. При этом он пытался понять сходство в археологической картине Западной Монголии и Алтая, которые рассматривал как единый историко-культурный регион. Сейчас предположения финского ученого подтверждаются [Тишкин, 2007].

Й. Г. Гранё отмечал, что древности в Монголии сосредоточены в местах, пригодных для занятий скотоводством [Granö, 1910b, p. 2]. А вот в пустынях юга и юго-запада, в лесных участках северной части памятников меньше. В большом количестве они появляются на восточных границах, в окрестностях Минусинска и к северу от Саянского хребта.

Разработанная финским специалистом классификация археологических памятников Монголии была основана на изучении их конструктивного своеобразия. Данный подход до Й. Г. Гранё, например, использовал Г. Н. Потанин [Шелепова, 2012, с. 217]. Финский ученый пошел еще дальше: он попытался проанализировать конструктивные элементы памятников и объяснить их значение. Рассмотрим подробнее результаты выполненной работы.

I. Курганы или «могильные холмы» (*Grabhügel*). По сути в данный тип сооружений Й. Г. Гранё включил разнообразные херексуры периода поздней бронзы и раннескифского времени. Он писал, что они располагаются одиночно или группа-

ми, занимают широкие речные долины с видом на высокие снежные горы. Размеры курганов различны, от 3–4 до 100 м в диаметре. Встречаются «могильные холмы» на территории Урянхайского края (Тува), Западной Монголии (в долине оз. Убс, по рекам Шара-нур, Тэс, в долине Цаган-гола) [Granö, 1910b, p. 8–9]. Такие курганы Й. Г. Гранё подразделил на несколько видов [Granö, 1910b, p. 21–26]:

1. Простые «могильные холмы» (дополнены каменными столбами и выкладками, распространены широко в Урянхае).

2. С круглой оградой (встречаются в Китайском Алтае и Хангае). Камни в ограде в один ряд и небольшого размера. Иногда в ограде по сторонам света стоят «каменные столбы» или небольшие каменные насыпи. Вся площадь между основной насыпью и оградой покрыта сплошь камнями. Ограды находятся в 15–20 м от курганной насыпи. Курганы такого типа сопровождаются также маленькими насыпями за пределами ограды. Форма ограды различна (например, эллиптической формы, как на Цаган-голе).

3. Курганы с квадратной оградой (Китайский Алтай и особенно Хангай). Этот тип курганов сходен с предыдущим наличием каменных насыпей. Й. Г. Гранё отмечал большое разнообразие в конструкции таких херексуров [Granö, 1910a, taf. III, fig. 4, V, fig. 6].

4. Курганы с маленькой насыпью, небольшими круглыми оградками, сопровождающиеся каменными выкладками.

5. Курганы с круглыми оградками, каменными выкладками. Встречаются одиночно или группами, больше всего характерны для Хангая. Выкладки располагаются только на одной стороне кургана или отдельными скоплениями.

6. Курганы с каменными столбами, некоторые из которых украшены рисунками или надписями. Есть объекты с одним столбом, а есть такие, которые сопровождаются целыми рядами (например, в долине Кобдо). Й. Г. Гранё в данном случае отметил разницу в оформлении курганов с простыми стелами (насыпи обычно большие) и курганов с камнями, на которых есть рисунки и надписи (низкие насыпи из больших камней).

7. Курганы, на которых установлены каменные колонны. Й. Г. Гранё описал широко распространенные в Монголии жертвенники с оленными камнями. В качестве примера он назвал комплекс из Даган-деля (Хангай) [Granö, 1910a, taf. XVII], который был открыт и впервые обследован именно финским ученым.

8. Четырехугольные курганы. Довольно редкий тип, встречается на Южном Алтае, возле Улясутая. Й. Г. Гранё ссылается на описания таких курганов Г. Н. Потаниным и В. В. Радловым. А отличаются они наличием подквадратной ограды и невысокой насыпью внутри.

9. Круглые «могильные холмы». Составлены из больших угловатых камней в виде кольца. Характерны для Китайского Алтая, меньше – Урянхая. Перед кольцом может находиться каменная колонна.

Й. Г. Гранё попытался курганы проранжировать. Он считал, что есть могилы богатые и бедные [Granö, 1910b, p. 17]. Сложные и большие курганы, несомненно, посвящены влиятельным личностям. В простых в оформлении сооружениях были захоронены бедняки.

II. «Степные могилы» (Steppengräber). Составлены из каменных плит сланца, песчаника [Granö, 1910b, p. 8–19]. Длина стороны такой могилы может быть менее

1 м и не более 5 м. Встречаются они реже, чем «могильные холмы». Больше всего их на Алтае, а также в Хангае. Описанные Й. Г. Гранё сооружения четко идентифицируются с тюркскими ритуальными оградками эпохи средневековья. Исследователь обозначил разные варианты планиграфии и конструкции этих объектов (одиночные, смежные, расположенные в ряд, с изваяниями/стелами, балбалами и т. д.), совершенно справедливо обратив внимание на ориентировку отдельных элементов комплекса по сторонам света.

III. «Каменные кладки» (Steinsetzungen). Сюда включены разнообразные выкладки (в том числе тюркские оградки), которые имеют небольшие размеры, встречаются там же, где курганы и «степные могилы», но собственно с могилами не связаны. Больше всего «каменных кладок» на Алтае, особенно в истоках р. Кобдо, меньше – в Хангае и остальных районах Западной Монголии. С «каменными кладками» связаны ряды камней, чаще неотесанных.

IV. «Каменные столбы» (Steinpfeiler). Встречаются отдельно, вместе со «степными могилами» или «могильными холмами», имеют различную форму, содержат рисунки и надписи [Granö, 1910b, p. 35]. Все изваяния Й. Г. Гранё разделил на необработанные камни; камни со следами обработки (с заглаженными гранями); камни с рисунками. В свою очередь камни с рисунками подразделены на следующие разновидности: с тамгой на боковой стороне; с опоясывающими линиями, кругами, решетчатыми фигурами, изображением параллельных линий; с изображениями животных. В общих чертах данная классификация согласуется с современной типологией оленных камней Евразии, разработанной В. В. Волковым и Д. Г. Савиновым. Й. Г. Гранё обратил внимание, что с помощью рисунков изваяние делится на две-три зоны, назначение которых различно [Granö, 1910b, p. 40]. Как и А. М. Позднеев, он полагал, что название не отражает специфику объектов. На некоторых стелах изображения оленей вовсе отсутствуют и есть другие реалии [Granö, 1910a, p. 53–54; 1910b, p. 45].

V. Статуи. Сюда включены так называемые каменные бабы, т. е. тюркские изваяния, а также скульптуры животных из Восточного Хангая и Урянхая [Granö, 1910b, p. 48–50]. Й. Г. Гранё обозначил различные типы антропоморфных изваяний (с сосудом в одной руке, в двух и т. д.).

VI. Наскальные рисунки и надписи. Развалины городов. Й. Г. Гранё писал, что надписи встречаются в Монголии на склонах гор. Чаще всего это изображения животных; есть и тамги. Выявлены старомонгольские, китайские и тибетские письма. Пытаясь обнаружить остатки городской культуры в Западной Монголии, Й. Г. Гранё пришел к выводу, что она там не получила развития из-за кочевого образа жизни.

Изучая разнообразные типы памятников, Й. Г. Гранё пытался реконструировать древние верования. Исходным пунктом его рассуждений было предположение, что древние народы наблюдали за движением солнца. День они якобы сравнивали с жизнью, ночь – со смертью [Granö, 1910b, p. 18]. Ряды каменных стел возле могил указывают направление в сторону нахождения потустороннего мира. Так же можно объяснить расположение относительно стран света других сооружений. Наиболее важной являлась восточная сторона света. Такая ориентация древних сооружений могла быть связана и с поклонением природным объектам (священная гора и др.).

В целом исследования Й. Г. Гранё показали уникальность историко-культурного развития Западной Монголии в древности и средневековье. Корпус открытых памятников и первые попытки их научной интерпретации стали основой для последующих изысканий. Выделенные типы памятников по объективным причинам не могли быть идентифицированы с конкретными культурами. Но дальнейшее изучение региона подтвердило концепцию Й. Г. Гранё, наполнив ее конкретным содержанием.

Библиографический список

Борисенко А. Ю. Археологические исследования И. Г. Гранэ в Северо-Западной Монголии в 1909 г. // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Удэ : Изд-во Алт. ун-та, 2010. С. 177–181.

Борисенко А. Ю. Наскальные рисунки и стелы с тамгами в Монгольском Алтае, обнаруженные экспедицией И. Г. Гранэ в 1909 г. // Интеграция археологических и этнографических исследований. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2013. Т. 1. С. 71–74.

Гранё Й. Г. Алтай. Увиденное и пережитое в годы странствий. М. : Индрик, 2012. 608 с.

Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. М. : Наука, 1980. 256 с.

Тишкин А. А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. 356 с.

Шелепова Е. В. Изучение памятников истории и культуры Западной Монголии в XIX – начале XX в. // Изв. Алт. гос. ун-та. 2012. № 4–2 (76). С. 215–221.

Шелепова Е. В., Мунхбаяр Ч. Археологические исследования И. Г. Гранэ на территории Монголии // Немецкие исследователи на Алтае. Горно-Алтайск : [б. и.], 2007. С. 194–198.

Alt-Altäische Kunstdenkmaler. Briefe und Bildermaterial von J. R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887–1889. Hrsg. von Hjalmar Appelgren-Kivalo. Hfors, 1931. 47 s.

Granö J. G. Archäologische Beobachtungen von meiner Reise in Südsibirien und der Nordwestmongolei im Jahre 1909 // Journal de la Societe Finno-Ougrienne. Helsingorfs : Druckerei der Finnischen Literaturgesellschaft, 1910a. No XXVIII. P. 1–59.

Gräno J. G. Über die Geographische Verbreitung und die Formen der Altertümer in der Nordwestmongolei // Journal de la Societe Finno-Ougrienne. Helsingfors : Druckerei der Finnischen Literaturgesellschaft, 1910b. No XXVIII–2. P. 1–56.

**Алтайский государственный университет (Россия, Барнаул)
ele-shelepova@yandex.ru**

Researches of the Finnish scientists make the saturated page in historical and ethnographic studying of Mongolia, Sayano-Altai and Minusinsk Depression in XIX and the beginning of the XX century. The worthy place is taken by J. G. Granyo's works. The main attention of the scientist was directed on geological and geographical and archaeological development of the Western Mongolia which long time remained a white spot on the map of Central Asia. J. G. Granyo opened a number of monuments occurring at different times, recorded their design and an arrangement. The merit of the Finnish expert consists in creation of classification of antiquities of the Western Mongolia, their mapping, interesting interpretations of appointment.

Archaeological monument, the Western Mongolia, J. G. Granyo, history of the study, khirigsuur, statues, deer stones, Turkic culture.

И. В. Шмидт

О ГЕНЕРАЛИЗАЦИИ И КОНКРЕТИЗАЦИИ В ПАЛЕОИСКУССТВОВЕДЕНИИ (по материалам Северной Азии)

Интерпретация содержательности палеолитических изображений – процедура непростая и невозможная в условиях обращения к привычным археологическим методикам. С этим мало кто спорит. Но разрешение данной методической проблемы осложнено рядом факторов, среди которых наличие традиции первичного объяснения вновь обнаруженного материала с опорой на привычные для археолога практики – типологизацию и классификацию. Первичное объяснение часто оказывается единственным и достаточным, что понижает актуальность палеоискусствоведческого исследования специфического материала. О достоинствах и недостатках данных практик, их результатах в контексте исследования палеолитических антропоморфных изображений пойдет речь в данном сообщении.

Методика интерпретации палеолитического искусства, история интерпретации палеолитического искусства.

Многообразие вариантов познания того, что окружает человека, сводится к двум основным – к генерализации исследуемого материала или же к его конкретизации. Правильной стратегией исследования является та, что понижает процент научных потерь. От верности выбора зависит объем научных приобретений и потерь. В данном сообщении остановимся на рассмотрении последствий одного такого «выбора», неизбежность которого была определена связью палеоискусствоведения и археологии.

Важность стилистических исследований палеоизображений для реконструкции многих сфер первобытной культуры подробного объяснения не требует. У каждого исследователя свои представления о том, что является стилистикой, поэтому в археологии оперируют такими понятиями: «стилистическая хронология», «стилистические аналогии» и т. д. «Стилистическое ядро», известное как «стилистический тип» – близкое вышеназванным явление, результат реализации определенных методических процедур анализа изобразительного материала, связанный с его генерализацией по стилистическому признаку. Так, например, рассмотрение палеолитической антропоморфной пластики часто начинается с отнесения изображения к одному из двух генеральных типов: «тучному» или же «худощавому» (тот же принцип, но поданный через «региональность»: «западноевропейский» или «североазиатский»). Характерные для каждого из них детали, редко представленные в одном конкретном изображении*, и являются тем ядром, с которым в дальнейшем происходит соотношение вновь обнаруженного материала. Данная процедура – типологизация – обладает определенной научной ценностью. Материал формально упорядочен, готов к дальнейшим когнитивным манипуляциям в качестве абстрактной модели. Рассмотрим, к каким результатам привела привычная в археологии процедура в осознании необычного материала.

* Есть, конечно же, так называемые эталонные изображения, но их единицы, а все, что соотносится с ними, может оказаться далеким от заданных эталоном параметров.

В историографии исследования изобразительной деятельности палеолита Северной Азии принято начинать с 1871 г. [Черский, 1872]. В настоящий момент все интересующиеся данным вопросом обращаются к находкам Мальты, появившимся в конце 1928 г. [Герасимов, 1931а; 1931б]. В этот же год немецкий палеоискусствовед Г. Кюн оценил колорит мальтийской антропоморфной фигурки и присвоил ей порядковый номер в мировой коллекции – «34-я в мире», не проронив ни слова о существующих аналогиях [Khün, 1928, s. 97].

В 1931 г., в год выхода монографии М. М. Герасимова, Альфред Сальмони предложи первую типологию мальтинских антропоморфных изображений. Он выделил три основных типа: «виллендорфский», «полноватые статуэтки», «женские фигурки нормальных пропорций» [Salmoni, 1931, s. 4].

В 1970-х гг. в Европе появились и другие типологии [см., напр.: Ozols, 1971], но для нас важно отметить, что данная процедура в отечественной археологии заявила о себе лишь в 1960-х гг. М. М. Герасимов отказался проводить классификацию найденных им антропоморфных изображений, каждое из них казалось ему неповторимым [Герасимов, 1931а, с. 19]. С этим был согласен и А. П. Окладников, открывший антропоморфные изображения Бурети. Первые его описания материала сконцентрированы на презентации деталей статуэток, но не на попытках их возможных группировок [Окладников, 1937, 1940, 1941а; 1941б]. Эта идея придет к нему позже [Окладников, 1960, с. 286; История Сибири ... , 1968, с. 50].

Итак, тридцать лет исследования находок в условиях отсутствия привычной для археологов процедуры. Сравнения с западными аналогами (рис. 1) подчеркивали уникальность найденного в Сибири материала (рис. 2) и мешали запуску упрощенной модели его интерпретации. Прозвучали предположения общего характера о передаче расовых признаков прототипов и магии (тема, не знавшая в науке конца XIX – начала XX в. каких-либо границ) [Герасимов, 1931а, с. 16; 1958, с. 28–53; Salmoni, 1931, s. 3; Montbrison, 1960, s. 121–122], но нужны были стилистически идентичные западноевропейским группы, приемлемые абстракции, были необходимы типологии «отечественного происхождения». К середине 1960-х гг. таковые появились [Абрамова, 1962, с. 55–57; 1966, с. 12; Замятнин, 1961, с. 67–70], а с ними и варианты интерпретации. Расширены и снабжены топографическими подробностями темы «прародительниц» и «хозяек очага и огня», «покровительниц стихий и животных». Но эти темы были сформулированы, следовательно, и уместны в отношении «тучного типа» статуэток, характерного для памятников Западной Европы. В стержневидных, худощавых изображениях, составляющих более половины материала Северной Азии, сложно усмотреть черты европейских прародительниц или же покровительниц. Таким образом, объяснения единичных изображений были спроецированы на остальные*.

Проведенная в 1960-х гг. генерализация с выделением в ней стилистического, семантически «объясненного» ядра (5–8 статуэток) на некоторое время скрыла

* Впоследствии тематический спектр был дополнен за счет этнографических параллелей, суть которых все те же иллюстративные сравнения. О несправедливости этого приема в отношении реконструкций культуры палеолита неоднократно делались сообщения [см., напр.: Шнирельман, 1984; Шмидт, 2004].

важную проблему – необходимость разработки методика объяснения и интерпретации обнаруженного уникального в масштабах мировой коллекции материала. Если бы привычный для археологии методический прием не был бы запущен в палеоискусствоведении, то проблема, обозначив себя в 1930-х гг., возможно, уже наметила бы пути к своему решению.

Рис. 1. Покровительницы, прародительницы, охранительницы «европейские»: 1 – Фельс; 2 – Виллендорф; 3 – Гагарино

Рис. 2. Покровительницы, прародительницы, охранительницы «сибирские»: три статуэтки из Мальты

Итак, о чем могут рассказать детали, если их ставят в центр исследований. О методической оправданности данной процедуры размышляли первооткрыватели сибирского палеолитического искусства. Если М. М. Герасимов с опорой на художественную интуицию и объективную (стилистическую) реальность не стал объединять обнаруженные статуэтки в группы, то А. П. Окладников пытался ответить на вопрос, почему этого нельзя делать. Он обратился к метрическому анализу «Венеры» из Бурети. В дальнейшем этот прием в одной из своих работ развила З. А. Абрамова [1987], доказывавшая очевидное – диспропорцию тел сибирских статуэток. Индивидуальность каждой статуэтки была метрически зафиксирована, но полученные данные их интерпретации не помогли. Вероятно, это и заставило обратиться к профессиональным приемам: типологизировать, сосредоточить внимание на поисках шаблонных моментов, «глобализировать» ойкумену условно выявленного стилистического единства.

В. Е. Ларичев взял на себя смелость восполнить очевидный пробел. В его исследованиях любой аспект изобразительной информации преобразован в семантическую характеристику предмета. Уточнив особенности фигурок, исследователь пришел к заключению, что информационный статус каждой статуэтки неповторим [Ларичев, 1994; 1998; 2000а; 2000б; 2000в].

Открытым остается вопрос о верности подобранных ключей для дешифровки полученных данных. Есть варианты восприятия их метрологических эталонами эпохи [Золотников, 1995], календарями и астрономическими таблицами, математической базой данных [Absolon, 1957], сакральными текстами [Фролов, 1974], недавно предложена социоонтологическая модель метрической информации [Шмидт, 2010]. Факт интерпретационной активности очевиден. На мой взгляд, поддержка данной тенденции возможна лишь в условиях конкретизации объекта исследования, что будет способствовать оформлению семиотического направления в палеоискусствоведении.

В заключении еще раз отмечу, что в данной статье рассмотрению подлежит вопрос о возможностях и ценности результатов различных подходов к исследованию информационного потенциала стилистической составляющей палеоизображений. Конкретизация переводит необычный для археологов артефакт в факт культуры если и не успешнее, то более динамично, чем отработанные на индустриальном материале археологические приемы. Анализу подвергается конкретный предмет, а не обобщенная модель, имеющая важный недостаток – объективное отсутствие в реальности. Внимание к «мелочам», а это, по сути, все, что нам осталось от палеолита, нивелируются, когда материал загоняется в типологические таблицы.

В связи с этим, возвращаясь к вопросу о «приобретениях» и «потерях», нужно согласиться с тем, что не любой добытый археологом предмет раскрывает себя через привычные ему процедуры. Более того, в некоторых случаях этих приемов лучше избегать, не создавая иллюзии изученности материала.

Библиографический список

Абрамова З. А. Палеолитическое искусство на территории СССР. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1962. (Свод археологических источников ; вып. А 4–3).

Абрамова З. А. Изображения человека в палеолитическом искусстве Евразии. М. ; Л. : Наука, 1966. 221 с.

Абрамова З. А. О некоторых особенностях палеолитических женских статуэток Сибири // Антропоморфные изображения. Первобытное искусство. Новосибирск : Наука, 1987. С. 28–36.

Герасимов М. М. Мальта. Палеолитическая стоянка (предварительные данные): результаты работ 1928/29 г. Иркутск : Власть труда, 1931а. 34 с.

Герасимов М. М. Палеолитическая стоянка в Мальте // Сообщ. Гос. акад. истории матер. культуры. 1931б. № 11–12. С. 55–57.

Герасимов М. М. Палеолитическая стоянка Мальта (Раскопки 1956–1957) // СЭ. 1958. № 3. С. 28–53.

Герасимов М. М. Памятник родового общества Прибайкалья. Иркутск : Оттиск, 2007. 156 с.

Григорьев Г. П. «Статуэтки из Гагарино» // Искусство и ритуал ледниковой эпохи. Луганск : ЧП «Вега», 2005. С. 71–83.

Замятнин С. Н. Очерки по палеолиту. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. 123 с.

Золотников Л. М. Древнее искусство и ценности метрологии // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Археология и этнография. 1995. № 3. С. 18–22.

История Сибири с древнейших времен до наших дней. Л. : Наука, 1968. Т. 1. 454 с.

Кернер В. Ф. «Укрощение строптивой»: образ женщины в пластике Северной Евразии // I Северный археологический конгресс. Екатеринбург ; Ханты-Мансийск: ИИиА, УрО РАН, 2002. С. 122–138.

Ларичев В. Е. Богиня Луны (расшифровка знаковой системы мальтинской скульптуры и семантика ее) // Древние культуры Южной Сибири и Северо-Восточного Китая. Новосибирск : Наука, 1994. С. 40–52. (История и культура Востока Азии ; т. XXIII.)

Ларичев В. Е. Венера Сибирская: антропоморфная скульптура из Бурети и прочтение связанной с нею знаковой записи // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. Новосибирск : ИАиЭ СО РАН, 1998. Т. 2. С. 94–112.

Ларичев В. Е. Сатурн драконический (антропоморфная скульптура из Мальты и прочтение связанной с ней знаковой записи) // Вестн. Рос. акад. естеств. наук. Зап.-Сиб. отд-ние. Кемерово : Изд-во Кузбасского ГТУ, 2000а. Вып. 3. С. 70–84.

Ларичев В. Е. Открытие в Сибири первой антропоморфной скульптуры древнекаменного века и проблема интерпретации так называемых женских статуэток // Исторический ежегодник. Омск : Изд-во ОмГУ, 2000б. С. 120–133.

Ларичев В. Е. Астральные боги древнекаменного века Сибири (мальтинская культура) // Рериховские чтения. Новосибирск : Изд. Рериховского о-ва, СО РАН и ИАиЭ СО РАН. 2000в. С. 403–415.

Окладников А. П. Археологические исследования на Ангаре // СА. 1937. № 4. С. 319–328.

Окладников А. П. Новые данные о палеолитическом прошлом Прибайкалья (к исследованиям в Бурети 1936–1939 гг.) // КСИИМК. 1940. Вып. V. С. 59–62.

Окладников А. П. Палеолитическая статуэтка из Бурети (раскопки 1936 г.) // МИА СССР. 1941а. № 2. С. 104–108.

Окладников А. П. Палеолитические жилища в Бурети (по раскопкам 1936–40 гг.) // КСИИМК. 1941б. Вып. 10. С. 16–31.

Окладников А. П. Палеолитические женские статуэтки Бурети // МИА СССР. 1960. № 79. С. 281–288.

Фролов Б. А. Числа в графике палеолита. Новосибирск : Наука, 1974. 240 с.

Черский И. Д. Несколько слов о вырытых в Иркутске изделиях каменного периода // Изв. С.-Петерб. отд. РГО. 1872. № 3, т. 3. С. 167–172.

Шмидт И. В. К глубине метода. Из истории методического актива семантического анализа палеоискусства Северной Азии // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. Алмааты ; Омск : Издат. дом «Наука», 2004. С. 290–292.

Шмидт И. В. Особенности «мальтинского реализма». К практике интерпретации антропоморфных изображений палеолита Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 3 (43). С. 50–57.

Шнирельман В. А. Этноархеология – 70-е гг. // СЭ. 1984. № 2. С. 100–113.

Abramova Z. A. L'art mobilier paléolithique en URSS // Quartär. 1967. B. 18. S. 99–126;

Absolon K. Dokumente und Beweise der Fähigkeiten des fossilen Menschen zu zahlen in mährischen Paleolithikum // Artibus Asiae. 1957. Bd. 20, № 2–3. S. 123–150.

Khün H. Eine neue weibliche Statuette des Aurignacien // JPEK. 1928. S. 96–97.

Montbrison H.-D. Problèmes d'Interpretation de la Venus de Tursac // Quartär. 1960. Bd. 12. S. 119–129.

Ozols J. Zum Schamanismus der jungpaläolithischen Rentierjäger von Mal'ta // Kölner Jharbuch für Vor- und Frühgeschichte. 1971. Bd. 12. S. 27–49.

Salmoni A. Die Kunst des Aurignacien in Malta (Sibirien) // JPEK. 1931. S. 1–6.

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (Россия)
rebew@rambler.ru

Interpretation of the meaning Paleolithic images is a complicated procedure, which is impossible if only usual archaeological techniques are used. Only few people will argue with this statement. But the resolution of the present methodological problem is complicated by a number of factors, such as the tradition of primary explanation of a newly discovered material in context of the usual practice for the archaeologist – typology and classification. The primary explanation is often the only explanation and is considered as sufficient. This practice lowers the relevance of studying this specific material. The advantages and disadvantages of these practices and their results in the context of studies of Paleolithic anthropomorphic images will be contemplated in this article.

Methods of interpretation of Paleolithic art, the history of the interpretation of Paleolithic art.

СОХРАНЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНЕГО И ТРАДИЦИОННОГО ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ И ИХ АКТУАЛИЗАЦИЯ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

К. Алтынбеков

ТВОРЧЕСТВО ХУДОЖНИКОВ-РЕСТАВРАТОРОВ КАК АКТУАЛИЗАЦИЯ ДРЕВНЕГО ИСКУССТВА

Статья посвящена творческим работам автора и других художников-реставраторов научно-реставрационной лаборатории «Остров Крым», выполняющих консервацию и реставрацию археологических находок. Рассмотрена невозможность самовыражения художника в данном виде деятельности в соответствии с профессиональной этикой. Показаны творческие работы специалистов по мотивам произведений древнего искусства, которые предположительно относятся к гипотетической реконструкции. Сделан вывод, что социальное значение новых произведений заключается в приобщении современного человека к творческому культурному наследию, в духовном единении людей.

Консервация археологических находок, профессиональная этика, творческие работы.

«Профессиональная деятельность консерватора-реставратора отличается от деятельности художественных и прикладных профессий. Основным критерием отличия служит то, что консерватор-реставратор не создает по роду своей деятельности новых культурных объектов» [Кодекс этики ... , 1986].

Постоянно имея дело с высокохудожественными произведениями изобразительного искусства прошлого, художник-реставратор борется с желанием проявить себя, иногда хочется даже поправить древнего мастера. Однако профессиональная этика требует от реставратора забыть, что он художник, сохраняя аутентичность памятника, следуя принципам уважительного отношения, целостности и невмешательства, сформулированным норвежским археологом А.-С. Хиген. «Уважительное отношение должно рассматриваться с двух позиций: как уважение к людям прошлого, их мыслям... способу их выражения в том, что для нас является археологическими памятниками; и как уважительное отношение к людям, живущим сегодня в среде, где имеются свидетельства прошлого. Целостность, которая охватывает

и цельность, приписываемую нами людям прошлого и их материальным проявлениям, и нашу собственную цельность как археологов, консерваторов, ученых, исследователей. *Невмешательство*, означающее выполнение документации, менеджмента и консервации без необратимых изменений рисунков, изобразительных поверхностей...» [Хиген, 2004, с. 9].

Казалось бы, в работах по реконструкции археологических комплексов, которые также выполняются в нашей лаборатории после консервации и реставрации отдельных артефактов, предоставлена большая свобода творчества, но полет фантазии здесь ограничен используемыми достоверными источниками.

Самовыражение художника-реставратора со всей полнотой проявляется в творческих работах по мотивам произведений древнего изобразительного искусства.

Для искусства ранних кочевников характерна гармония изображения с формой предмета, произведения искусства неотделимы от тех предметов, на которых они размещены, и смысл вещи, по существу, дополняется смыслом изображения [Королькова, 2006, с. 6; Мацына, 1999, с. 15]. К сожалению, далеко не все шедевры древних мастеров дошли до нашего времени. Этот пробел гипотетически восполняют творческие работы художников-реставраторов, долгое время занимающихся консервацией и реставрацией археологических находок. Древнее искусство является источником и питательной средой их творчества, а новые произведения можно рассматривать как попытку разгадать скрытый смысл отдельных образов и композиций или, наоборот, придать им новый контекст. Проиллюстрируем наш подход на примере нескольких работ автора.

В кургане № 11 могильника Берел в Казахском Алтае была найдена деревянная скульптура синкретического существа – орлиноголового тигрогрифона, назначение ее пока не выяснено. Крылья были утрачены, но имелись пазы для них (рис. 1).

Рис. 1. Тигрогрифон до реставрации

Рис. 2. Тигрогрифон после реставрации

Рис. 3. Авторская работа Крыма Алтынбекова ритон «Тигрогрифон»

После консервации и реставрации артефакта (рис. 2) была выполнена реконструкция скульптуры в качестве штандарта, которая затем использована в авторской работе «Ритон». Сохраняя в целом образ тигрогрифона, мы обогатили его дополнительными, утраченными в оригинале деталями (рис. 3). Созданы также ритоны с протомами крылатых и рогатых коней, украшающих кулахи «Золотого воина» из кургана Иссык (рис. 4), златокрылого лоса, прообразом которого послужила находка из могильника Берел (рис. 5).

Рис. 4. Авторская работа Крыма Алтынбекова ритон «Крылатый конь»

Рис. 5. Авторская работа Крыма Алтынбекова ритон «Златокрылый лось»

В 90-е гг. прошлого века в краеведческий музей пос. Аксуат Восточно-Казахстанской области поступил бронзовый сакский светильник с квадратной чашей, найденный строителями, разломанный ими на части, отдельные фрагменты которых были потеряны (рис. 6). Истерзанная древняя реликвия была как символ перестроечного периода, когда казалось, что рушится все. В данном случае по просьбе жителей поселка к находке был применен в порядке исключения метод частичной реконструкции, т. е. воссоздания утраченных фрагментов (рис. 7). Восстановление внешнего вида и функционального назначения древнего предмета сыграло магическую роль. Ритуальный светильник, зажженный в заброшенном поселке, вдохнул в него жизнь – музей, который хотели закрыть, продолжил работу; в поселок дали газ и свет... Затем был создан новый светильник круглой формы с теми же крылатыми барсами (рис. 8). На наш взгляд, «модель мира» стала гораздо информативнее благодаря дополнениям: 1) наверху центральной оси в виде золотого архара, олицетворяющего солнце; 2) зооморфные ножки с изображением крылатых и рогатых коней. Разработаны и изготовлены светильники с другим набором животных, но они никогда не были только копией существующих (рис. 9).

Рис. 6. Светильник из Аксуат до реставрации

Рис. 7. Светильник после реставрации

Рис. 8. Авторская работа Крыма Алтынбекова «Ритуальный светильник»

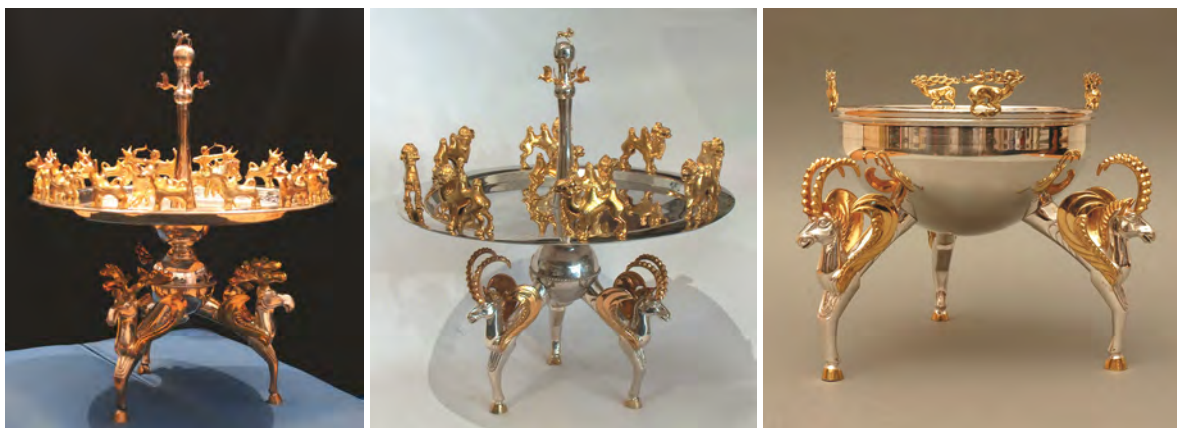

Рис. 9. Авторские работы Крыма Алтынбекова «Ритуальные светильники» и «Ритуальный казан»

Молодые художники-реставраторы, прошедшие мою школу, также создают новые вещи, вписывая древние образы в современные предметы и ювелирные украшения (рис. 10).

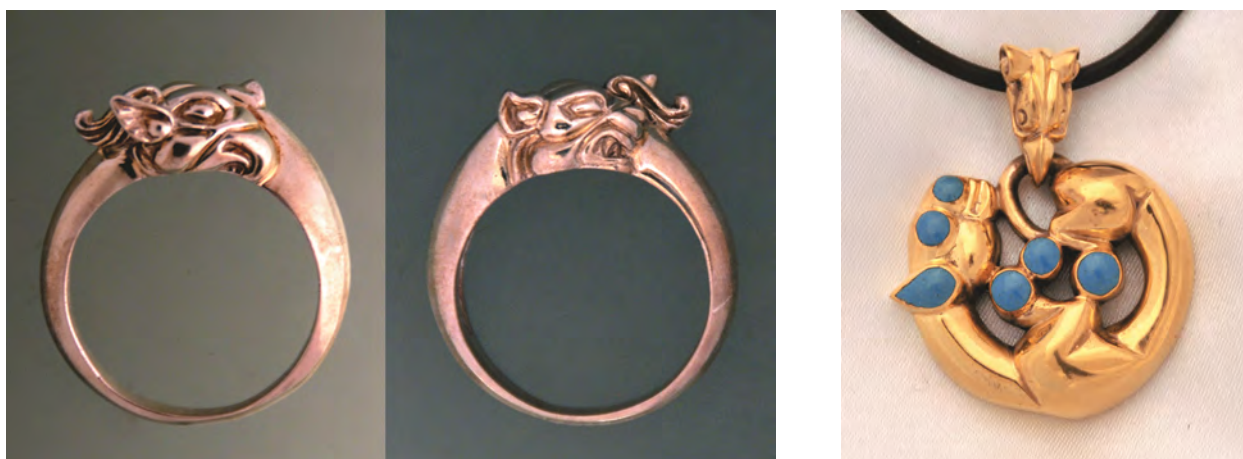

Рис. 10. Авторские работы лаборатории «Остров Крым»: перстень «Тигрогрифон», кулон «Скрученный барс»

Мы особо не задумывались, каким термином обозначается направление нашего творчества (мы практики, а не теоретики). Заимствуя существующие образы и формы, мы создаем то, что *могло быть* создано в древности, возможно, это гипотетическая реконструкция... Но мы знаем, что трансформируя древние культовые вещи в утилитарные, приобщаем современного человека к культурному наследию, даем ему возможность буквально прикоснуться к истории, используя предметы по назначению. Перенесение в наш быт архаичных образов и сюжетов обогащает его, воспитывает уважение к историческим корням, искусству и мастерству предков. Люди, собравшиеся по той или иной причине в доме, где имеются наши произведения, как бы перенесенные из глубины веков, обязательно проводят дискуссию о мифологии и символике изображений, значит, достигнута основная цель нашего творчества – духовное единение людей, которого так не хватает современному технократическому обществу. Не последнюю роль здесь играет профессионализм

специалистов лаборатории «Остров Крым» – художников-реставраторов-ювелиров, овладевших техникой, технологией и изобразительным языком древнего искусства. И это является органичным следствием нашей основной деятельности по сохранению археологического наследия.

Библиографический список

Кодекс этики комитета по консервации Международного совета по делам музеев ICOM, 1986.

Королькова Е. Ф. Звериный стиль. СПб. : Петербургское востоковедение, 2006.

Мацына А. И. Грифон. К содержанию образа // Вестн. Челяб. ун-та. Сер. 1. История. 1999. № 1. С. 15–34.

Хиген А.-С. Этические основы документации, консервации и менеджмента памятников наскального искусства // Памятники наскального искусства Центральной Азии. Общественное участие, менеджмент, консервация, документация. Алматы, 2004. С. 8–10.

Научно-реставрационная лаборатория «Остров Крым» (Казахстан, Алматы) tengri05@mail.ru

The article is dedicated to art works of the author and other artist-restorers of the scientific-restoration laboratory “Ostrov Krym”, who make conservation and restoration of archaeological finds. It is reviewed the impossibility of artist's self-expression in this kind of activity according to professional ethics. There are shown creative works of specialists, made by the motifs of ancient works of arts, they presumably can be referred to hypothetical reconstruction. It is drawn the conclusion, that the social significance of new works of art is involving contemporary person in creative cultural heritage, and spiritual unity of people.

Conservation of archaeological finds, professional ethics, creative works.

Ш. К. Ахметова

ТРАДИЦИОННОЕ ЖЕНСКОЕ ПРИКЛАДНОЕ ТВОРЧЕСТВО В КУЛЬТУРЕ КАЗАХОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

В статье рассматриваются техники изготовления и орнаментации мозаичных лоскутных, тканых и войлочных изделий у казахского населения Западной Сибири. В научный оборот вводится региональная терминология.

Алаша, текемет, түскиіз, сырмақ, төр көрпе.

Центрально-азиатские ковры ручной работы высоко ценятся знатоками и коллекционерами. Казахские женщины ткали ковры только для собственных нужд, творчески подходя к подбору цветов и орнамента, экспериментируя с окрашиванием нитей. У каждой мастерицы был свой наработанный уникальный опыт передачи

через цветовую гамму и орнамент ковра своего настроения и мироощущения. Поэтому ковровые изделия отличались не только высоким качеством из-за использования натуральной шерсти и красок, но и самобытностью, неповторимостью.

К сожалению, в результате постсоветского разрушения сельского хозяйства овцеводство стало нерентабельным. поголовье овец снизилось также и в личных подворьях казахов. Наряду с ускоренными темпами модернизации и развития рыночных отношений, это привело к значительному сокращению домашнего производства у казахов Западной Сибири. Широко распространенные еще в 1980-х гг. в быту сельских казахов Западной Сибири, изготовленные в домашних условиях войлочные ковры (*текемет, түскиіз, сырмақ*) и тканые паласы (*алаша*) в настоящее время встречаются гораздо меньше ковровых изделий фабричного производства. Ковроткачество и валяние войлока стало редким явлением в аулах. В аулах это было событием для женщин, приходивших на помощь хозяйке. Процессы валяния войлока и приготовления к ткачеству всегда сопровождались песнями, шутками и угощением [КЭЭ ОФ ОИИФФ СО РАН, 2002, аул Большой Искак Шербакульского района Омской области; 2003, Кулундинский район Алтайского края; 2004, Благовещенский, Славгородский районы Алтайского края].

Тканые безворсовые постилочные ковры называются *алаша* (пестрый). Их ткют на узконовойном горизонтальном станке плотного плетения *өрмек*. Станок состоит из стоек – *ағаш*, основы (продольных нитей) – *жіп*, утка (поперечных нитей) – *арқау*, ремизок – *адарғы*, треноги, которая в разных аулах имеет свое название: *мосы*, *мос ағаш* (треножник), *қос* (стан), *шатыр* (крыша), *үш аяқ* (три ноги), *үш тармақ* (три ответвления, вилки), *күрке* (шалаш, навес), нитченок – *күзеу*, деревянного приспособления для поднимания и опускания нитей основы – *серу*, плоской деревянной планки клиновидной формы – *қылыш*. *Қылыш* часто еще называют *қалақ*, *қалақша* – лопатка, плоская дощечка [Материалы автора, Омск, 2013. Информатор С. С. Жусанова 1953 г. р., учитель казахского языка Томарской общеобразовательной школы Шербакульского района Омской области].

Приготовление основы начинается с очерчивания круга диаметром от 6–7 м и более. По окружности забивают много колышков, на которые наматывают по очереди клубки нитей. Каждый клубок весом в 1–1,5 кг имеет определенный цвет. Затем устанавливают *мосы*, который собирают из трех кольев, соединенных вместе в виде высокой треноги. К нему подвешивают *адарғы*, состоящий из двух горизонтально установленных, деревянных, круглых в сечении палочек, между которыми закрепляются нити *күзеу* – нитченки. Намотанные по кругу на колышки разноцветные нити по очереди пропускают в петли *күзеу*. В результате нити основы оказываются разделенными на верхнюю и нижнюю части. Между двумя частями основы вставляется еще одна деревянная планка длиной в 50–60 см – *серу*, которая переплетается нитью – *серу жіп*. В эти переплетения продергиваются с небольшими промежутками по две нити верхней половины основы. Колышки убираются, в землю вбивают с разных сторон две основные прочные стойки – *ағаш*, между которыми растягиваются нити основы, разделенные *адарғы* на верхнюю и нижнюю разноцветные части. *Серу* поднимает *жіп*, в образовавшееся между ними отверстие, называемое в профессиональной терминологии зевом, пропускают *арқау* – челнок и продергивают утковую нить, которую сразу же для уплотнения прибавляют

қылышем. В процессе ткания *мосы* передвигается вперед, при этом сотканное остается внизу, а нити – наверху. В отличие от продольных нитей (*жип*), поперечные нити могут быть любого цвета и качества. Вместо шерстяной нити могут использоваться хлопковую или синтетическую. Но нити основы и утка должны быть одинаковой плотности [Материалы автора, Омск, 2013. Информатор С. С. Жусанова 1953 г. р., учитель казахского языка Томарской общеобразовательной школы Шербакульского района Омской области].

Количество нитченок определяется переплетением. На изготовление алаша без узоров нити основы делятся на две равные части, поэтому достаточно одного *кузеу* для создания простого полотняного переплетения. Изготовленные таким способом паласы в Омской области называют *қақпа* (от слова *қағу* – ударять, бить) *алаша*, в Кулундинском районе Алтайского края и некоторых районах Казахстана их называют *тақта* (полоса) *алаша* [КЭЭ ОФ ОИИФФ СО РАН, 2003]. *Қақпа* или *тақта алаша* состоят из разноцветных полос без узора. Орнаментированные паласы называются *терме* (импровизация) *алаша*. Их отличает высокая плотность ткачества, рельефность фактуры и сложность орнамента. Для их изготовления требуется несколько нитченок и *қылыш* поменьше и намного тоньше. Используется столько катушек цветной пряжи, сколько цветов будет задействовано в паласе [Материалы автора, Омск, 2013. Информатор С. С. Жусанова 1953 г. р., учитель казахского языка Томарской общеобразовательной школы Шербакульского района Омской области].

Для изготовления простых и сложных алаша ткют сначала узкие дорожки, которые разрезают на равные части, измеряя расстоянием между руками, вытянутыми в разные стороны. Эта мера длины называется *құлаш*, поэтому и дорожки называются так же. Одна дорожка состоит из трех рядов, выполненных в разной цветовой гамме. К примеру, нити основы алаша, изготовленного в 1966 г. в ауле Қаскат Исилькульского района Омской области, были окрашены в синий, желтый, красный, коричневый цвета, нитки утка – в голубой [Томилов, Ахметова, 2013]. В ауле Большой Искак Шербакульского района дорожки *терме алаша* состояли из сине-красной, желто-черной и зеленой с бордо полос [КЭЭ ОФ ОИИФФ СО РАН, 2002, аул Большой Искак Шербакульского района Омской области]. Дорожки соединяются петельным швом – *шалма* или простым швом *жөрме* – большими стежками через край по цвету полос теми же нитями, которые использовались при тканье паласа. Края алаша отделяют тканью, в основном вельветом или плюшем. В с. Михайловское Алтайского края для декоративного шва использовали всю цветовую гамму нитей *алаши*. Всего получилось в данном конкретном случае 10 дорожек (*құлаш*) длиной в 1,5 м один *құлаш*. Хозяйка израсходовала на *терме алаша* 6 мотков пряжи по 1 кг красного, синего, зеленого, черного, желтого и бордового цветов. В этом же ауле мы видели *қақпа алаша* (без узоров), который состоит из 17 *құлаш* – дорожек. Один *құлаш* составлял семь узких по 1,5–2 см полосок. Орнаментальные узоры – это различные вариации *қошқар мүйіз*, *төрт құлақ* – ромбы, *тақта* – полоски, *ұш жапырақ* – трилистник, *таңдай* – елочки [КЭЭ ОФ ОИИФФ СО РАН, 2003, с. Малиновое Озеро Михайловского района Алтайского края].

Алаша обычно ткали из шерстяных ниток домашнего прядения. В старину их окрашивали пигментами естественного происхождения. Желтый краситель полу-

чали из настоя корней ревеня – *рауагаиш*, коричневый цвет – из коры сосны карагая, более светлые золотистые оттенки коричневого цвета получали из настоя хны. Для прочности красок раньше добавляли соль, позже – уксус. Нити основы окрашивали в разные цвета, а нити утка оставляли в натуральном виде или окрашивали в один цвет, потому что их все равно не видно [Материалы автора, Омск, 2013. Информатор С. С. Жусанова 1953 г. р., учитель казахского языка Томарской общеобразовательной школы Шербакульского района Омской области]. В старину цвета орнамента несли важное смысловое содержание. Голубой и синий символизировали Великое Небо – *Таңір*, красный – энергию огня, белый – чистоту, желтый – солнце, черный – землю, зеленый – возрождение и плодородие [Каирбекова, 2005].

С первой половины XX в. наблюдаются отклонения от традиционной технологии, проявляющейся в использовании нитей и красок промышленного производства. Применение синтетических красок привело к утрате естественного благородства ковровых изделий. Краски новых изделий поначалу чрезмерно яркие, но со временем цвета сильно тускнеют. При использовании натуральных красителей ковры с течением времени становятся только лучше вследствие приобретения более мягких и теплых оттенков в тонах. В последней четверти XX в. использовали также нити тракторного маслофильтра, которые окрашивали, как и нити домашнего прядения, красками промышленного производства [КЭЭ ОФ ОИИФФ СО РАН, 2002, аул Большой Искак Шербакульского района Омской области].

Войлочные ковровые изделия *кигіз* бывают разных видов: *түскііз*, *сырмақ*, *бітпес*, *текемет*. Процесс изготовления кошмы очень трудоемкий, поэтому приглашают односельчан. Народ охотно откликается не только из-за угощения, но и из-за веселой творческой атмосферы, сопровождаемой шутками и песнями. Шерсть теребят. *Ши* покрывали мешковиной, на которую равномерно раскладывали шерсть. Поверх разложенной шерсти наносили узоры шерстью контрастного цвета, который иногда по контуру отделявали окрашенной в разные цвета шерстью, но более тонкими, чем узоры, полосками. Поливали горячей водой, вместе с *ши* очень плотно скатывали в рулон и завязывали в нескольких местах. Молодые женщины и мужчины, взяв друг друга под локти, вставали вдоль рулона и били по нему ногами, чтобы все сбилось в один рисунок. Под воздействием воды шерсть скатывалась, лишняя вода выливалась. Потом рулон разворачивали, и женщины локтями разравнивали поверхность кигыза, текемета, сушили. Творческий поход к валянию войлочных изделий выразился в народных песнях – танце, фрагменты разных сохранившихся вариантов которых мы записали в аулах Большой Искак Шербакульского, Байымбет Называевского, Жалтыркол Черлакского районов Омской области [КЭЭ ОФ ОИИФФ СО РАН, 2002; МКЭЭ ОФ ИАЭТ СО РАН, 2006; 2008]. Реконструкция отрывков представлена далее:

*Ақ қозыны бірыңғай
Өз алдына қырқайық.
Алты қырдан асыра
Ақ текемет төсейік.
Жеті қырдан жеткізе
Кигіз домалатайық.
Бұған қандай түр лайық,*

Снимем первую шерсть
Одинаковых белых ягнят.
На расстояние шести холмов
Расстелем белое покрывало.
Достигнув семи холмов,
Свяляем кошму.
К этому какой узор лучше подойдет,

*Түр біткенді жинайық,
Ақ қошқардың мүйізін
Ою етіп салайық.
Қуй ыстық су устіне
Қара құрым пісті ме?
Білекті жігіттер алдында
Қыз – келіншек артына.
Бас-бас басайық.*

*Алты қырдан асыра
Ақ текемет төсейік.
Жеті қырдан жеткізе
Кігіз домалатайық.
Жібек кілем жаямыз
Осы үйге тойын жасайық.*

Рассмотрим все узоры.
Барана белого рога
Мы выложим орнамент.
Поливай горячей водой,
Сварилась ли черная шерсть?
Сильные парни впереди,
Девушки с молодыцами в конце.
Пинай, пинай.

На расстояние шести холмов
Расстелем белое покрывало.
Достигнув семи холмов,
Сваляем кошму.
Расстелем шелковый ковер,
Устроим праздник этому дому.

В ауле Большой Искак объемный текемет размерами $4,27 \times 1,81$ см назвали *өрелі кигіз*. Он принадлежал З. К. Бейсембаевой 1923 г. р. и датировался концом XIX – началом XX в. На мягкий белый войлок были нанесены узоры из коричневого войлока, отделанными шерстяными полосками, окрашенными в розовый и желтый цвета [КЭЭ ОФ ОИИФФ СО РАН, 2002].

Ковровые изделия на территории Западной Сибири измеряют розетками центрального поля в виде квадрата или ромба. В Омской области их называют *табақ* – блюдо в Благовещенском, Бурлинском районах Алтайского края – *көз* (глаз); в Славгородском районе – *орта үшкіл* (ромб). Когда квадраты сшиваются, промежутки заполняются отдельно выкроенными треугольниками. Два симметричных больших треугольника образуют один квадрат – *бір табақ* (*бір көз* или *бір үшкіл*). Довольно часто по четырем углам располагают маленькие треугольники, образующие все вместе один *табақ* (*көз* или *үшкіл*). В Омской области верхний край *бітпес* называют *басы* или *жоғар жағы*, нижний край – *аяғы* или *туменгі жагі*, боковые бордюры называют *жаньы*. Все вместе называется *жіеге*. С обратной стороны – *астары* *бітпес* протрачивается для плотности тканью. В Славгородском районе Алтайского края бордюры называют *жиiek үшкіл*, части бордюра – *жиiek болектері*. В ауле Байгамут Благовещенского района края ковра так и называют – *шет* (край) [КЭЭ ОФ ОИИФФ СО РАН, 2004, Благовещенский, Славгородский районы Алтайского края].

Настенные ковры – *түскиіз*, *сырмақ*, *бітпес* шьют из кошмы и ткани. В ауле Ортақшил Шербакульского района в семье Кеменгеровых *түскиіз* был сшит хозяйкой из кошмы и плюша. Кошму разрезали на квадраты, поверх которых были нашиты узоры в виде традиционного казахского орнамента *қошқар мүйіз* из плюша, отделанные по краям белой зигзагообразной тесьмой. Затем квадраты были соединены друг с другом в виде ромбов, по краям также отделанных цветной тесьмой. Описываемый настенный ковер состоит из двух *табақ* в ширину и четырех *табақ* в длину. Из них три целых квадрата располагаются в середине ковра, а по двум краям – по половине квадрата (по треугольнику). Ковер по контуру обработан уз-

кой полосой кошмы. Сверху на эту кошму пришиты узоры из деталей, образовавшихся при вырезании основных узоров орнамента. Таким образом, была использована только одна выкройка орнамента [КЭЭ ОФ ОИИФФ СО РАН, 2002, аул Большой Искак Шербакульского района Омской области]. Мастерицы вырезают узоры ножницами сразу на глаз, без чертежа. Настенные ковры могут быть по бордюру украшены национальной вышивкой – *кесте*. В настоящее время семантический код цветовых совмещений уже предан забвению. Мастерицы отталкиваются от сочетаемости красок, а не смысловых характеристик. Сегодня в узорах казахских ковров можно встретить европейские цветы и другие не национальные образцы орнамента [КЭЭ ОФ ОИИФФ СО РАН, 2002, аул Большой Искак Шербакульского района Омской области].

В Западной Сибири широко распространены мозаичные изделия, выполненные в лоскутной технике – *құрақ*. Представлены они в основном напольными и настенными покрытиями: *төр көрпе, құрақ көрпе, құрақ түскііз, құрақ төсеніш*. Обычно их шьют из лоскутков саржи, вельвета или плюша – *жыртыс, кәде*, которые раздают на свадьбах, похоронах и тоях. Лоскутки аккуратно соединяют в виде геометрических фигур и сшивают машинной строчкой. Лицевую сторону обычно украшают различными вариациями орнамента *қошқар мүйіз* методом аппликации. Края узора обшивают цветной или однотонной тесьмой. *Төр көрпе* или *құрақ төсеніш* часто орнаментируют геометрическими узорами, основным элементом которых являются вписанные один в другой ромбы. Мастерицы трактуют их по-своему. Жунусова Алима из аула Большой Искак Шербакульского района Омской области орнамент на *төр көрпе* из восьми ромбов, заключенных в квадрат, назвала *сегіз канат* – восемь крыльев. Рисунок состоит из восьми ромбов, заключенных в квадрат. Мастерица заимствует узоры из жизни, например, рисунок паркета в общественной бане или рисунок ткани на китайских тапочках. Изнаночную сторону *төр көрпе* или *құрақ төсеніш* делают из плотной ткани. Для мягкости их прокладывают ватином или поролоном. В сельской местности в качестве прокладки применяют также перо или пух домашних птиц, пряжу из овечьей шерсти. *Төр көрпе* бывают прямоугольной, квадратной, иногда круглой формы разных размеров, используют при приеме гостей за низкими столами [КЭЭ ОФ ОИИФФ СО РАН, 2002, аул Большой Искак Шербакульского района Омской области].

В целом женское традиционное творчество продолжает развиваться, хотя и претерпевает значительную трансформацию, выражающуюся в применении современных материалов и технологий.

Библиографический список

Каурбекова А. Р. Узор алаши ложится как стих... (о казахских тканых коврах) // Деловой Усть-Каменогорск. 2005. № 6. URL: <http://www.silkroadadventures.net/ru/Kazakhstan/13Culture/13Culture-12.html> (дата обращения: 11.05.2013).

Томилов Н. А., Ахметова Ш. К. Казахи аула Қасқат: традиции и инновации в культуре казахского населения Западной Сибири. Омск : Издат. дом «Наука», 2013.

Источники

Материалы Казахской этнографической экспедиции Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН (КЭЭ ОФ ОИИФФ СО РАН).

Материалы Международной казахской этнографической экспедиции Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН (МКЭЭ ОФ ИАЭТ СО РАН).

Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН
ack-sholpan@yandex.ru

In the article technologies of production and an ornamentation of mosaic scrappy, woven and felt products at the Kazakh population of Western Siberia are considered. Regional terminology is introduced into scientific circulation.

Alasha, tekemet, tuskiis, sirmak, tor korpe.

Э. Р. Ахунова

**ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ СИБИРСКИХ ТАТАР
В МУЗЕЕ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ИМЕНИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО
(КУНСТКАМЕРА) РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

В статье рассматривается вопрос о создании Отдела Сибири в Музее антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН, о формировании этнографических коллекций коренных народов Сибири. Рассматривается история формирования, количественный и качественный состав коллекции по сибирским татарам. Отмечено небольшое количество предметов по культуре сибирских татар в Музее и роль музейных предметов в изучении этнографии коренного населения Сибири.

Этнографические коллекции, коренные народы Сибири, экспедиции, формирование этнографических коллекций, сибирские татары.

В Санкт-Петербурге находятся два знаменитых на весь мир этнографических музея – это Музей антропологии и этнографии (МАЭ) им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН и Российский этнографический музей (РЭМ). В этих музеях сосредоточены обширнейшие этнографические коллекции по народам России и всего мира, и значительное место среди них занимает коллекция народов Сибири. Музей антропологии и этнографии был создан в 1879 г., в 1933 г. на его базе был создан Институт этнографии АН СССР, а в 1992 г. этот институт и музей был преобразован в Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

В МАЭ РАН коллекция по народам Сибири считается одним из лучших собраний мира по традиционной культуре этого региона. В своем докладе на научной конференции, посвященной 285-летию Кунсткамеры, Ч. М. Таксами, бывший в то время директором этого музея, отметил, что «в настоящее время основной фонд Отдела Сибири включает 747 коллекций с общим числом предметов более 27 тыс. единиц» [Таксами, 2000, с. 8]. Начало формирования сибирских коллекций относится ко времени основания Петербургской Кунсткамеры в 1714 г. Уже в первых коллекциях Кунсткамеры находились вещи, привезенные из Сибири, но планомерный характер работа по сбору этнографических материалов, в частности в Сибири,

приняла только тогда, когда специальные экспедиции стали направляться в Сибирь. В 1725 г. большое количество этнографических предметов по культуре народов Сибири и Монголии поступило от Д. Г. Мессершмидта, обследовавшего эти районы по заданию Академии наук, в 1733 г. состоялась Великая Северная экспедиция. Большой ущерб нанес Кунсткамере в 1747 г. пожар, который уничтожил значительную часть книг и первых музейных коллекций. Как пишет Ч. М. Таксами, «на протяжении XVIII в. Академия наук направляла экспедиции для комплексного изучения России, ее природных ресурсов и населявших ее народов, прежде всего в Сибирь. Возглавляли эти экспедиции такие известные ученые, как С. П. Крашенинников, Г. Ф. Миллер, П. С. Паллас, И. И. Георги, И. Г. и С. Г. Гмелины... и другие, обогатившие музей новыми материалами» [Таксами, 2000, с. 7].

Утрата этнографических коллекций начала восполняться в Кунсткамере уже в 1748 г., после возвращения из экспедиции Г. Ф. Миллера. К 1768 г. сибирские коллекции Кунсткамеры значительно возросли в связи с Указом Сената и требованием Академии наук о приобретении для музея коллекций, направленных губернатору Сибири графу Самойлову. И эти коллекции, в большинстве своем состоящие из меховой одежды, к сожалению, утрачены. Сохранившаяся часть коллекции имеет плохо составленную документацию музейных предметов и могла быть включена в так называемые старые коллекции Кунсткамеры.

Кругосветные путешествия XIX в. открыли новую страницу в истории российской этнографии. В этот период в музей поступают коллекции по культуре народов Камчатки, Чукотки и Тихоокеанского побережья России. Этнографические коллекции по культуре хантов, манси, селькупов приобретены М. А. Кастреном, коллекции по якутам собрал А. Ф. Миддендорф во время своей экспедиции в Восточную Сибирь (1842–1844).

В первые годы XX в. в связи с началом формирования Отдела этнографии Сибири в музее резко усиливается собирательская работа среди коренного населения Северной Азии. Среди блестящих ученых, которые вели эту работу, можно назвать В. К. Арсеньева, В. И. Анучина, В. Г. Богораза, В. Н. Васильева, В. И. Иохельсона, Д. А. Клеменца, Б. Э. Петри, Ф. В. Радлова, С. М. Широкогорова, Л. Я. Штрэнберга и др.

В 20–30-е гг. XX в. к собирательской работе приступают А. А. Данилин, А. А. Попов, Г. Н. Прокофьев, В. Н. Чернецов и др. А в 50–80-е гг. XX в. этнографические коллекции по Сибири пополнились благодаря таким ученым, как Е. А. Алексеев, И. С. Вдовин, В. П. Дьяконова, В. А. Кисель, Л. Р. Павлинская, Ч. М. Таксами, Л. В. Хомич и др. Как пишет Ч. М. Таксами, именно «в эти годы коллектив Отдела Сибири создал фундаментальные труды: “Историко-этнографический атлас Сибири” и том “Народы Сибири. Этнографические очерки” (М.; Л., 1956)» [Таксами, 2000, с. 13]. В эти годы в МАЭ выходят классические труды по этнографии, такие как монографии С. В. Иванова «Орнамент народов Сибири как историко-этнографический источник», А. А. Попова «Нганасаны», Г. М. Василевич «Эвенки. Историко-этнографические очерки», Л. П. Потапова «Очерки по истории и этнографии алтайцев» и др.

В последние десятилетия интенсивность пополнения этнографических коллекций МАЭ снизилась, что связано прежде всего с экономическим положением страны, постепенным исчезновением предметов традиционной культуры и разви-

тием местных краеведческих, этнографических музеев, которые ведут активную исследовательскую и собирательскую деятельность в своих регионах.

Основная задача, стоявшая перед Отделом Сибири МАЭ в момент его создания, – сбор полевых этнографических материалов по всем народам Сибири, изучение традиционных культур региона, подготовка и издание монографий – была выполнена. Собранные учеными МАЭ материалы хранятся в настоящее время в архиве МАЭ, они поражают своим высоким научным уровнем и широтой охвата изучаемой культуры. По некоторым народам Сибири, например бурятам, якутам, алтайцам и др., собрано большое количество этнографического материала, о других народах Сибири в МАЭ имеется немного сведений. К коренным народам Сибири, культура которых представлена в МАЭ РАН небольшим числом предметов, относятся и сибирские татары, коллекция представлена всего 40 предметами.

Возможно, из-за утраты или неточной документации дореволюционного периода некоторые собранные этнографические коллекции сибирских татар были отнесены к коллекциям других сибирских народов или были включены в так называемые старые коллекции Кунсткамеры.

Сбор этнографической коллекции по сибирским татарам в МАЭ начался в 1948 г. с экспедиции научного сотрудника МАЭ В. В. Храмовой в Тюменскую область, Тобольский район, Лайтамакский сельский совет. Экспедиция была организована к татарам, живущим в Заболотье. Обследованная В. В. Храмовой группа тобольских татар относится к «заболотным татарам». Как отметила сама В. В. Храмова, «татары очень слабо изучены этнографически, а “заболотные” совсем не исследованы. Это изолированная и этнографически обособленная группа татар представляет интерес прежде всего вследствие хозяйственного своеобразия: они – в основном рыболовы, чем резко отличаются от остальных групп сибирских татар... “Заболотные” татары представляют особый интерес для выяснения этногенеза сибирских татар вообще» [Храмова, 1950, с. 174]. В. В. Храмова подробно описала поселения «заболотных татар», трудный и долгий путь через болота от одного поселения до другого на маленькой и легкой лодке – долбленке. Подробно показан быт, традиционные занятия и промыслы татар. В. В. Храмова сделала вывод, что «заболотные татары» относятся к тюркской группе народов, но историю этих татар нужно будет изучать, используя археологические находки в этих местах, так как она считала, что «находки керамики принадлежат, по-видимому, не татарам, а какому-то другому народу, жившему здесь в начале нашей эры» [Храмова, 1950, с. 177]. Так как в топонимике рек, урманов и озер встречается много хантыйских слов, она сделала предположение, что этногенез «заболотных татар» связан с жившими по соседству в этих местах хантами.

В этой экспедиции было собрано 35 предметов этнографической коллекции «заболотных татар», больше всего – украшений сибирских татар (15 пр.) и детских игрушек (10 пр.). Среди украшений собрано 9 серебряных дутых пуговиц с узорами, ручной браслет из серебряных монет, пара металлических блях для пришивания к лентам, вплетающимся в косы девушкам, раковина «каури», металлический нагрудник на детскую одежду и пара женских металлических дутых серег с подвесками.

Раздел игрушек состоит из шести тряпичных кукол размером от 6 до 8 см, двух деревянных стрел и двух костей уток для детской игры. Предметы охоты и рыболовства представлены 5 экземплярами – это деревянная стрела с металлическим наконечником (длина – 67 см), плоский наконечник копья со втулкой (35,5 см), часть веревки из лыка, кирпичное грузило с круглым отверстием диаметром 3 см и рыболовный крючок (блесна) длиной 21 см. Одежда представлена женской головной повязкой «сарауц» длиной 45,5 см и высотой 12 см из темно-коричневого бархата, вышитой золотыми нитками. Утварь представлена двумя «чуманами» – берестяной посудой из березовой коры высотой 8 и 6 см. В. В. Храмова отметила широкое употребление «заболотными татарами» берестяной посуды: «...из нее едят, пьют, в ней моются, хранят воду и пр. Раньше здесь не знали никакой посуды, кроме берестяной» [Храмова, 1950, с. 182] (см. рисунок). К предметам искусства (2 пр.) В. В. Храмова отнесла узорный занавес на окно, а также копию узора наличника с дома в Лайтамакских юртах, выполненную на кальке. Присутствие резных наличников на окнах В. В. Храмова объяснила тем, что прежде дома «заболотным татарам» строили пришлые люди, которые и делали наличники.

Таким образом, мы видим, что собранный материал разный по количеству и составу. Больше всего собрано предметов в разделе игрушек и украшений, единичные экземпляры приходится на одежду и утварь. Данные о предметах заполнены довольно подробно, с описанием материала, из которого сделан предмет, размера, указанием места приобретения и, если есть, автора изделия. Сохранность большинства предметов хорошая. Эта этнографическая коллекция «заболотных татар» 1948 г. под № 4221 хранится в фондах МАЭ РАН.

Берестяная посуда «чуман» из коллекции В. В. Храмовой 1948 г.

Следующую экспедицию В. В. Храмова совершила в 1953 г. в с. Карбана Тюменской области. Ею была собрана коллекция украшений из 5 предметов: 3 нагрудных металлических украшения в виде пуговиц, детский браслет из белого металла диаметром 13,5 см и образец вышивки шерстью на куске материи красного

цвета. Узоры вышиты в виде листьев. Эта коллекция под № 6066 за 1953 г. также хранится в фондах МАЭ РАН.

Таким образом, мы видим, что этнографическая коллекция сибирских татар в МАЭ РАН представлена небольшим числом предметов. Практически нет предметов одежды, утвари, орудий труда и др. Небольшим количеством и довольно однотипно представлены украшения и детские игрушки. По сведениям хранителя фонда и научных сотрудников Отдела Сибири, после В. В. Храмовой экспедиций к сибирским татарам в последние десятилетия не было. Архивных материалов по экспедиции к сибирским татарам тоже очень мало, так что изучать культуру татар по материалам, которые есть в МАЭ, очень сложно.

П. И. Каралькин, другой исследователь народов Сибири, в том числе и сибирских татар, отметил, что «от полноты содержания коллекций по тому или иному народу и от тщательности их изучения зависит нередко полнота сведений по этнографии данного народа» [Каралькин и др., 1964, с. 2]. Кроме того, этнографические коллекции музея широко используются в качестве источника при решении вопросов, связанных с происхождением народа и его этнической историей. Ценность этнографических фондов обуславливается и тем, что отдельные категории предметов в ряде случаев больше всего сохраняют этнические особенности. Поэтому небольшая коллекция по культуре сибирских татар и этнографические коллекции и материалы экспедиций по другим народам Сибири, находящиеся в МАЭ РАН, дают полную картину всего культурного разнообразия коренного населения от Урала до Дальнего Востока.

Библиографический список

Каралькин П. И., Крюкова Т. А., Предтеченская З. Б. Использование этнографической коллекции как источника в научно-исследовательской работе (из опыта Государственного музея этнографии народов СССР). М. : Наука, 1964. 9 с.

Таксами Ч. М. Первый академический музей на новом этапе развития // 285 лет Петербургской Кунсткамере. СПб. : Наука. 2000. Т. XLVIII. С. 5–24.

Храмова В. В. «Заболотные татары» // Изв. Всесоюз. геогр. о-ва. 1950. № 2. С. 174–183.

**Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН
aehlfira@yandex.ru**

The creation of the Department of Siberia in the Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), the formation of the ethnographic collections of indigenous peoples of Siberia are discussed in the article. The history of the formation, the quantitative and qualitative composition of the collection of the Siberian Tatars are considered. There was a small number of items on the culture of Siberian Tatars in the Myuseum and the role of museum objects in the study of ethnography of indigenous peoples of Siberia.

Ethnographic collections, the indigenous peoples of Siberia, expeditions, formation of the ethnographic collections, Siberian Tatars.

Е. П. Борисенко

**ДЕРЕВЯННОЕ ЗОДЧЕСТВО ПРИАНГАРЬЯ
ПО ПОЛЕВЫМ ЭТНОГРАФИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ 2010–2011 ГОДОВ**

Исследование направлено на выявление архитектурных особенностей жилищ в рассматриваемом районе. Основным источником послужили полевые этнографические материалы, собранные в ходе Богучанской археологической экспедиции в 2010–2011 гг. В рамках работ проводилась также фотофиксация населенных пунктов. Сравнительный анализ позволил выделить как общие черты в деревянном зодчестве Приангарья, так и локальные особенности бытования жилищ.

Приангарье, визуальные и полевые материалы, жилище.

Летом 2010 и 2011 гг. в составе Богучанской археологической экспедиции работал историко-этнографический отряд, основной задачей которого было изучение традиционной культуры населения Приангарья. Его участниками была обследована территория Кежемского района Красноярского края (с. Кежма, Проспихино, Болтурино, Чадобец), а также проведена работа по сбору материала в фондах Кежемского историко-краеведческого музея им. Ю. С. Кулаковой.

Население данного района очень сложно по своему составу. Потомки старожильческого населения здесь тесно перемешаны с поздними переселенцами. Особенно стоит, пожалуй, с. Кежма, отличающееся своеобразной замкнутостью. Социум здесь достаточно настороженно относился к пришлым. Сложность этнографического состава потребовала внимательного изучения каждого населенного пункта. Наше внимание по большей части было сосредоточено на старожильческих поселениях, среди которых особым колоритом отличаются с. Кежма и с. Чадобец, основанные в XVII в. Собранные сведения об истории населенных пунктов дают ценный материал по истории и культуре населения края.

Так, один из информантов в с. Ёдарма Иркутской области (1941 г. р., род. в д. Ката Иркутской области) в интервью указал на существующие отличия между населением Красноярского края и Иркутской области: «Мы красноярских “макчонами” зовем (макчон – это рыба пескарь так называется), а нас, иркутских, “брундуками” красноярцы зовут» [МЭЭ БАЭ, 2011]. По всей видимости, здесь фиксируется разница в хозяйственных занятиях населения, так как в Иркутской области преобладающим занятием была охота. Но название «макчон» не устраивало местное население, многие относились к нему негативно, предпочитая, чтобы их звали ангарцами. При этом к числу ангарцев относили себя даже относительно поздние переселенцы. Так, житель с. Проспихино Кежемского района Красноярского края (1947 г. р., род. в г. Златоуст Челябинской области) отметил в этой связи: «Нам так больше нравится» [МЭЭ БАЭ, 2010]. В обоих случаях мы видим заимствования терминологии аборигенного населения.

Отдельной группой среди ангарского населения были так называемые кежмари – жители с. Кежма. Об этом свидетельствует существовавшее деление населенных пунктов на верхние и нижние, в котором в качестве точки отсчета как раз

и выступала Кежма. Показательны в этом отношении воспоминания одного из информантов 1960 г. р., длительное время прожившего в Кежме: «...кежмари вообще люди суровые, сначала приглядывались ко мне, потом видят, что дома у меня порядок, во дворе порядок, стали принимать за свою. А вообще, есть в той местности верховские и низовские. Верховские – это те, что жили выше по течению Ангары от Кежмы, а низовские – вниз по течению Ангары. Верховские считались что ли “лучше”» [МЭЭ БАЭ, 2010]. Эти слова подтверждает и другой информант 1954 г. р. из ныне не существующей д. Усольцево Кежемского района Красноярского края: «У нас деревни делились на верхние, т. е. те, что вверх были по Ангаре от Кежмы, и нижние. Верхние они более гостеприимные, вот мама, помню, моя говорила: “Человеку много не надо, хлеба, крышу да чаю”. У нас можно было безо всего приехать – накормят, напоят и еще в дорогу дадут. А нижние даже чаю не нальют» [МЭЭ БАЭ, 2010].

Часть исследователей отмечают преобладание старожильческого населения, которое может быть отнесено к севернорусской группе русских, опираясь на данные фольклористов и пофамильный фонд, представленный такими фамилиями, как Брюхановы, Сизых, Привалихины, Колпаковы, Быковы, Лушниковы, Карнауховы, Поповы, Пановы, Верхотуровы, Кулаковы и Усольцевы [Глушкова, 2011].

Однако Н. А. Новоселова, соглашаясь с выводом об относительной однородности старожильской культуры Приангарья и близости ее севернорусскому типу, указывает, что при определенной культурной близости в регионе существовали значительно отличающиеся локальные поэтические традиции. Она отмечает, что на территории современного Богучанского района в прошлом сформировалось два культурных ареала: Чадобский и Богучанский. Автор оговаривает, что границы каждого ареала определены с известной долей условности [Новоселова, 1991].

Пестрота этнического состава отразилась и в жилище, и в хозяйственных постройках населения региона. Так, в Кежме и Чадобце сохранилось большое количество севернорусских черт, полностью аналогичных тем, что были зафиксированы Ангарской археологической экспедицией 1957 г.: относительное единообразие построек, двухэтажные амбары, связевые дома, отличающиеся предельной строгостью своей архитектуры, скупо украшенные резьбой на повалах, иногда скульптурой в виде конька на охлупне; наличники с односторчатыми ставнями [Маслова, Сабурова, 1958, с. 154–167]. Эти особенности нашли свое отражение в двух сохранившихся в Кежме и Чадобце домах, относящихся к первой половине XIX в.

Кроме того, широкое распространение на территории исследуемого региона получили и пятистенки с нарядными наличниками и двусторчатыми ставнями, декор которых тесно связан с деревянным зодчеством сибирских городов XIX – начала XX в. [Маслова, Сабурова, 1958, с. 154–167]

Аналогии с деревянным зодчеством Русского Севера обнаруживаются и в распространении двухэтажных амбаров и стоек. Так, в с. Кежма до 2010 г. сохранилось несколько «старинных» амбаров, один из которых признан памятником архитектуры. Как отмечают информанты, «амбар был на каждом подворье, в Кежме было много двухэтажных амбаров. Первый этаж был разделен на две части: одна, как правило, отдавалась под “дуплё” – ледник, а вторая, поменьше, – под спальню. На втором этаже был собственно амбар, там сушили веники, заготовки для сбруй» [МЭЭ БАЭ, 2010]. «Старинные» двухэтажные амбары с галереей-выносом – это

своего рода визитная карточка Приангарья, они встречаются и в Кежме, и в Чадобце – населенных пунктах, основанных в XVII – XVIII вв. Однако подобные амбары не сохранились в Едарме. Единственными «высокими» сооружениями в деревне сохранились стайки для скота с сеновалом во втором уровне, которые по технологии строительства очень похожи на амбары [Чертилов, 2012].

По всей видимости, это стало следствием существующих различий в хозяйственной сфере между населением разных районов Приангарья. Так, в Кежемском районе, ориентированном в том числе и на сельское хозяйство, были распространены двухэтажные амбары и отдельно стоящие закрытые помещения для скота. В Иркутской же области, где важную роль в хозяйстве играла также охота, – двухэтажные «стайки».

Кежма и Едарма – традиционные объекты исследовательского интереса начиная с 1970-х гг. до 2011 г.

В Едарме сохранилось несколько объектов деревянного зодчества, самым колоритным из которых является усадьба Захара Зарубина (позже – его сыновей), «построена в конце XIX – середине XX столетий, сохранилась практически в эксплуатационном состоянии... Этот цельный усадебный комплекс состоит из десяти объектов жилого и хозяйственного назначения: жилой дом, зимовье, двухсекционный амбар, два навеса, баня, стайка с поветью, собачник, уборная в огороде, ворота с заплотом. Изначально дом состоял из двух объемов срубов, соединенных холодными сенями (т. н. дом-связь), в начале 2000-х гг. дворовую часть разобрали и перевезли на заимку выше по Ангаре. Собачник на шесть отделений – достаточно крупное, вытянутое в плане сооружение – появился в усадьбе за скотным двором, по-видимому, в 1950–1960-е гг. Это редкое, уникальное сооружение для содержания и разведения сибирских охотничьих лаек, аналоги нам неизвестны. Баня, скорее всего, появилась в усадьбе позже, ее могли перекачать с берега Ангары. Интерес представляет планировка усадьбы: имеет два чистых двора (слева и справа от дома), второй переходит в скотный двор» [Чертилов, 2012].

Один из потомков владельца усадьбы, 1941 г. р., описал нам традиционный, наиболее распространенный в Едарме вариант усадьбы: «Домам здешним всем больше 100 лет, хозяева сами строили. Из “листвяка” (лиственницы) делали “клад” (первые 3 ряда), чтоб фундамент не гнил, а сам дом – из сосны в основном. Дома большие все были, обычно делали 3 ямы под картошку (подполья). Дворы все крытые были и застелены досками. Из построек были амбары (длинные), сеновал, дровник. У охотников еще загон для собак был, типа амбара. Ледник делали, летнюю кухню (зимовье). Ставни в домах делали чаще всего двойные, закрывались они на перекладину. Наличники делали, все сами. Был тут у нас мастер Захар, все мастерил – туески, “бирки” (приспособления для сбора ягод), наличники... Кузница была в деревне» [МЭЭ БАЭ, 2011].

Существование летней кухни, которая именовалась «зимовье» и действительно была похожа на таежную избушку, можно отнести к архитектурным особенностям в застройке данного населенного пункта. Располагалось зимовье чаще всего в глубине двора. Аналогичное название летней кухни было и в Кежме, но там зимовье выходило окнами на улицу, как и жилой дом. Информанты отмечают обязательность этого элемента на подворье. Так, один из жителей Кежмы, 1962 г. р., род. в с. Фролово Кежемского района Красноярского края, отмечает: «На подворье

раньше обязательно вместе с домом должно было быть зимовьё, что-то вроде летней кухни. Зимовьё обычно было большим, у многих оно было разделено на 2 части. С мая по ноябрь обычно туда переходили хозяйки, а в дом приходили только ночевать» [МЭЭ БАЭ, 2010].

Также можно отметить, что в Приангарье было принято располагать бани близко к воде, так как воду брали из реки. Бани, разбросанные вдоль берега Ангары, – традиционная картина до настоящего времени. Особенно колоритно они смотрелись в Чадобце. В основном это были маленькие баньки, топившиеся «по-черному». Описание бань встретилось и в воспоминаниях одного из жителей Едармы 1941 г. р.: «Бани были, топили “по-черному”, каменки там делали, в ней боковушки открываешь, чтоб золу выгрести, выгребаешь. Воду в такой бане камнями грели, камень на печке нагреешь, в бочку деревянную с водой бросишь. Потом на каменку “бросишь ковшик” (воды на камни нальешь), уши скручиваются» [МЭЭ БАЭ, 2011]. Сейчас большая часть из них либо заброшена, либо используется не по назначению, а, например, в качестве лодочных сараев.

Большой интерес для исследователей представляют и жилые дома. В Кежме и Чадобце широкое распространение получили дома на подклети, срубленные либо «в лапу», либо «в обло». Вот как их описывают информанты: «На ул. Гагарина, 38 (в с. Кежма. – Е. Б.) стоит дом большой, там раньше жили очень зажиточные кежмари. Он смотрится как двухэтажный, но на самом деле он одноэтажный. Там просто вход в подпол был с двух сторон – со стороны улицы и со стороны дома. В подполе в этих домах обычно стояла голландка – железная печка, ее труба выходила обычно в русскую печь. Голландку топили каждый день, а русскую печь – только тогда, когда пекли хлеб, примерно раз в неделю» [МЭЭ БАЭ, 2010]

Встречаются дома, срубленные «в охряпку», но их не так много. Дома более раннего периода имеют более строгое оформление, позднее появляются дома, украшенные «узорьём» (подзорами), ажурными наличниками. В этой связи из сохранившихся к 2010 г. в Кежме домов можно выделить небольшую избу, построенную в начале XX в. Расположена она была на ул. Партизанской, 52. «Этот дом привезла из деревни Савино бабушка Фиса, 1915 г. р. Это было перед войной, потом муж ее ушел на войну и не вернулся. Она после того так и не вышла замуж, всю жизнь прожила в этом доме. В нем пол интересный, он как бы из плах полукруглых сверху, они покрашенные, но торчат. Там еще комод раньше был старинный» [МЭЭ БАЭ, 2011]. Аналогов данного дома в ходе экспедиций мы не встретили.

Таким образом, можно сказать, что деревянное зодчество отражает особенности традиционной культуры (с упором на хозяйство и материальную составляющую) и этнической истории населения Приангарья. Большой сохранностью и устойчивостью отличаются старожильческие черты, которые, однако, подвергаются трансформации, затрагивающей чаще всего внешнюю сторону (изменение оформления дома и т. п.). Каждый из населенных пунктов имеет свои особенности в архитектурном оформлении.

Библиографический список

Глушкова В. Стержень Кежемского района – Брюхановы // Советское Приангарье. 2011. 2 сент. URL: <http://sp-gazeta.ru/raznoe/sterzhen-kezhemskogo-rajona-bryuxanovy/> (дата обращения: 12.07.2012).

Маслова Г. С., Сабурова Л. М. Этнографическое изучение русского населения Восточной Сибири // СЭ. 1958. № 3. С. 154–167.

Новоселова Н. А. Локальные черты устно-поэтической традиции Приангарья // Фольклор: песенное наследие. М.: Наука, 1991. С. 132–145. URL: <http://feb-web.ru/feb/byliny/critics/fpn/fpn-132-.htm> (дата обращения: 12.07.2012).

Чертилов А. К. Объекты народного деревянного зодчества в зоне затопления ложа водохранилища Богучанской ГЭС. Иркутская область, Усть-Илимский район, деревня Ёдарма // Проект Байкал. Архитектурный журнал. 2012. 15 мая. URL: <http://www.pribaikal.ru/architecture-item/article/14588.html> (дата обращения: 12.07.2012).

Источники

Материалы этнографической экспедиции в составе Богучанской археологической экспедиции (МЭЭ БАЭ).

Реставрационно-строительная компания «АльфаРекон» (Россия, Москва)
arecon@bk.ru

The main objective of the study is to identify the architectural features of houses in the study area. Served as a major source of field ethnographic materials collected in the course of an archaeological expedition Boguchanskaya in 2010–2011 years. As part of the work was also carried out photographic images settlements. Comparative analysis allowed to identify common features in wooden architecture Angara region and local features existence of dwellings.

Angara region, visual and ethnographic materials, housing.

А. А. Бурханов

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ЮНЕСКО ПО ИЗУЧЕНИЮ ПАМЯТНИКОВ ПРИРОДЫ И ИСТОРИИ КОЙТЕНДАГСКОЙ ЗОНЫ ЛЕБАПСКОГО РЕГИОНА ВОСТОЧНОГО ТУРКМЕНИСТАНА (некоторые итоги и перспективы исследований)

В юго-восточном Туркменистане располагаются неисследованные объекты природы в горах Койтендага и памятники археологии на побережье Амударьи. В 2012 г. в этом регионе под эгидой ЮНЕСКО и правительства Туркменистана работала Международная комплексная экспедиция, по итогам которой была проведена конференция по проблемам изучения природных и историко-культурных богатств.

Туркменистан, ЮНЕСКО, культурное наследие, археология, Амударья.

В Туркменистане особое внимание уделяется созданию и развитию государственных природных и историко-культурных музеев-заповедников, проведению комплексных исследований и международных конференций, изданию научных и популярных книг и журналов, развитию туризма по объектам природы, археологическим и архитектурным памятникам.

Амударьинский, Койтендагский, Репетекский, Бадхызский, Копетдагский, Гасан-Кулийский природные заповедники, а также историко-археологические музеи-заповедники в Нисе, Мерве, Куня-Ургенче, Дехистане, Абиверде, Серахсе, Атамурате – все это достояние и гордость Туркменистана, народов Центральной Азии, Востока и Евразии. И не случайно памятники Древнего Мерва, Куня-Ургенча и Нисы включены в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Идет работа по включению в этот список караван-сарая Дая-Хатын, городищ Амуля, Мисриана и Серахса, объектов Койтендагского, Амударьинского и Бадхызского природных заповедников.

Одним из слабоизученных в научном плане, но интереснейших в природно-географическом и историко-культурном отношении является регион Восточного Туркменистана – территория Лебапского вelaya в пределах среднего течения Амударьи. Здесь располагаются уникальные объекты природы в зоне каменистых гряд гор Койтендага (Кугитанг-тау) – карстовые пещеры и уникальное «Плато динозавров», священные роции, особо почитаемые озера и водные каскады, а также красивый ландшафт в зоне Амударьинского заповедника.

На Средней Амударье множество древних и средневековых памятников: развалины городищ-крепостей Амуль-Чарджуй, Одей-депе, Усты-кала, Битык-кала, кешк Зухра-Тахир (Навидах), Ходжа-Идат-кала, Кутнам-кала, караван-сарай Дая-Хатын (рабат аль-Тахирия), сардобы Талимарджана, мавзолеи Астана-баба и Аламбердара, медресе Идрис-баба и др. В зоне Койтендага сохранились следы обитания людей эпохи камня, развалины *кала* и остатки *депе* – руин древних и средневековых городищ и поселений, подавляющее большинство которых изучены на уровне рекогносцировки.

В ходе поездки по Лебапскому вelaya в 2011 г. президент Туркменистана Г. М. Бердымухамедов посетил объекты Койтендагского заповедника и подчеркнул, что это место станет важнейшим объектом международного туризма, а памятники природы должны стать достоянием всего человечества путем научного изучения и включения их в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

И эта идея руководства Туркменистана была поддержана ведущими учеными, специалистами ЮНЕСКО, что привело к проведению в мае 2012 г. первой Международной комплексной экспедиции по объектам юго-восточного Туркменистана и конференции, посвященной изучению природных и историко-культурных богатств Койтендагского региона.

На юго-восточной части Туркменистана тянется каменная гряда гор Койтендаг, отходящая на юго-запад от пиков Памиро-Алая. Еще в начале XX в. здесь в «дикий и угрюмой» горной стране путешествовал Д. Н. Логофет. В 1984 г. в зоне койтендагских (карлюкских) пещер работала группа спелеологов. Были открыты в гротах подземные воронки – «бездонные колодцы», найдены остатки мумий и костей.

Следы доисторических ящеров «Плато динозавров» выявлены у села Ходжапиль, на высоте 2100 м. Ящеры отнесены к отряду птицетазовых – игуанадонтам верхнеюрской эпохи (150 млн лет назад). Поле окаменевших следов, оставленных динозаврами, было также обследовано специалистами Кугитангской геолого-разведочной экспедиции «Туркменгеология» на склоне горы Гаурдак, на высоте 800 м. В Центральной Азии подобные туркменистанским следы древних ящеров обнаружены в Таджикистане, у кишлака Рават, а также в Северной Америке.

Неподалеку от с. Ходжапилль находится водопад Умбар. В Койтендаге много уникальных и красивых пещер, протяженность которых достигает нескольких километров, т. е. это подземные лабиринты с тысячелетней историей. Одна из них замыкает каньон «Кырк кыз». Удивительный объект – самое глубокое озеро Каттаколь. Здесь находится священная роща деревьев *унаби*. Унаби, по мнению Ибн Сины, лечебное средство от многих болезней. Священным считается живописное озеро в уникальном месте Гайнар-баба. Известен также сероводородный источник Аксу. В этих местах произрастают различные виды целебных трав.

Важным вкладом в палеонтологическую науку является обнаружение в ходе строительных работ в зоне «Зеидгидройстрой» останков древнего палеолоксодонтного слона. Сбор и предварительное изучение останков на месте находок, их консервацию и дальнейшее изучение провели А. А. Бурханов и И. А. Дуброво.

Еще одной из важнейших сторон изучения территории юго-восточных этрапов (районов) Лебапского велаята Туркменистана является исследование археологических, архитектурных и историко-культурных памятников. Благоприятные природные условия горной системы Койтендага служили естественным фоном, способствующим появлению здесь стоянок древних людей в эпоху палеолита.

В 1984 г. отрядом Каракумской экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР в предгорьях Койтендага, в районе кряжа Балахан, в ходе разведочных работ выявлены изделия эпохи мезолита. Также у пос. Магданлы выявлен комплекс из 231 каменной находки: это кремневые орудия труда и атрибуты охотничьего сооружения. Интерес представляет ручное рубило из Булак-дере.

Следы античной эпохи выявлены на территории древних крепостей Келиф, Мирзабек-кала, Кум-депе, Пултакты-депе, Шор-депе, Монджук-депе, в которых сохранились остатки фортификационных сооружений, выявлены керамика, монеты парфянских, кушанских и кушано-сасанидских правителей. Важными являются остатки Келифа, расположенного у стратегически удобной переправы через Амударью, которым пользовался Александр Македонский в ходе Согдийского похода.

Исидор Харакский (I в. н. э.) сообщает, что недалеко от этих мест (зоны гор Койтендаг) проходила одна из магистралей Великого шелкового пути и по ней производился обмен товарами между Китаем и Римом.

Территория Восточного Туркменистана (в пределах Лебапского региона) в эпоху средневековья включала в себя земли Южного Хорезма, областей Амуля и Земма. В свою очередь территория Койтендагской зоны входила в состав области Земм, известной по сообщениям арабских авторов IX–X вв.

Крупнейшими средневековыми городами области Земма, территориально соответствующей землям Керкинско-Мирзабекского историко-культурного и географического оазиса, можно отнести Земм (Керкух) и Аксисек (Керкичи), Келиф и Рабат Зу-л-Кифль, расположенные соответственно на левом и правом берегах, на местах удобных и стратегически выгодных переправ через Джейхун (Амударью).

На территории бывшего Земма сохранились остатки древней и средневековой крепости, а также несколько архитектурных памятников, самыми важными из которых являются мавзолей Алламбердара (XI в.) и комплекс Астана-баба (XII–XVII вв.).

Памятники региона вызывали интерес у любителей старины и посещались специалистами еще в XVIII–XIX вв., однако их изучение производилось эпизодически и путем рекогносцировки. Исключением стали поездки С. А. Ершова и С. П. Толстова

в 1930-е гг. и работы Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции в 1948–1956 гг., отдельные исследования А. М. Мандельштама в 1960 и 1962 гг., а также рекогносцировки В. Н. Пилипко в 1967–1975 гг. В 1980–1994 гг. в Лебапском велаяте проводились раскопки Г. Гутлыевым и А. А. Бурхановым. Результаты этих исследований опубликованы в серии научных статей и монографиях А. А. Бурханова «Древности Амуля» (Ашгабат, 1994) и «Древний Лебап» (Казань, 2005).

Постановлением Президента Туркменистана от 11 сентября 1991 г. город Атамурат (Керки) и памятники архитектуры и археологии в его окрестностях были объявлены Государственным заповедником. В 1993 г. в Туркменабате совместно с Хякимликом Лебапского велаята и АН Туркменистана был проведен Международный симпозиум «Древний Амуль: проблемы истории и культуры Средней Амударьи». В целях активизации интереса научной общественности к памятникам прошлого и начала нового этапа научно-исследовательских работ в Лебапском велаяте по инициативе президента Г. М. Бердымухамедова была проведена Международная конференция «Наследие Восточного Туркменистана в системе средневековых культур» (10–12 марта 2010 г.).

Важными событиями дальнейшего изучения природных и историко-культурных богатств юго-восточного Туркменистана стали проведенные в 2012 г. Международная научная экспедиция по объектам Койтендага и конференция «Туркменская природа: нераскрытые тайны Койтендага» в Туркменабате. Экспедиция была организована ЮНЕСКО и правительством Туркменистана. Ее участники (более 30 человек): всемирно известные ученые и специалисты – спелеологи, геологи, палеонтологи, биологи, экологи, историки из США, Канады, Великобритании, Франции, Испании, Италии, Финляндии, Российской Федерации и Туркменистана, а также представители ЮНЕСКО и средств массовой информации – работали в Койтендагской зоне 21–27 мая 2013 г. За период работы обследованы достопримечательности в окрестностях с. Ходжапиль – «Плато динозавров», водопад Умбар, грот Кырк-гыз, пещера Капкотан, ущелье Дарай-дере. Работа была проведена на территории Койтендагского природного заповедника. Были также проведены археологические и этнографические исследования в Койтендагской зоне.

Итоги поездок подводились в рамках ежедневных заседаний круглого стола, состоявшихся на базе экспедиции в пос. Койтен. Здесь проходили научные дискуссии, посвященные перспективам международного сотрудничества при создании Национального геологического парка в ущелье Койтен и его включении в глобальную сеть геологических парков под эгидой ЮНЕСКО, рассмотрен туристический потенциал изучаемого региона, а также проблемы сохранения, популяризации и использования объектов природы и истории Койтендага. Полученные в ходе экспедиции данные стали основой компетентного обмена мнениями на научной конференции, которая состоялась 28–29 мая 2012 г. в Туркменабате. Она собрала более 60 ученых и экспертов из 23 государств и их туркменских коллег. Участники научного форума предложили правительству Туркменистана принять, с учетом международных и внутренних реалий, Государственную комплексную программу по изучению, сохранению и использованию объектов природы и истории Койтендагской зоны и Лебапского региона.

Казанский (Приволжский) федеральный университет (Россия)
albert_burhan@list.ru

In South-Eastern part of Turkmenistan there are some unexplored monuments of nature archaeology in Koytendag mountains and in the banks of Amu Darya. In 2012 the international scientific complex expedition under the aegis of UNESCO and the government of Turkmenistan worked in this region. As a result there was held conference on the issues of examining natural, historical and cultural resources.

Turkmenistan, UNESCO, cultural heritage, archaeology, Amu Darya.

А. Г. Бутузов

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ И ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ СТЕПНЫХ И ЛЕСОСТЕПНЫХ ТЕРРИТОРИЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ТУРИЗМА

Статья представляет попытку осмысления возможностей степных пространств Европейской России, с их богатым и разнообразным археологическим и этнографическим наследием, в развитии этнокультурного туризма. Обращение к указанной проблематике объясняется несоответствием между огромным этнокультурным потенциалом и весьма скромными позициями степной полосы в структуре потоков национального туризма. В статье даны определения и характеристики этнокультурного туризма, представлены возможные пути дальнейшего развития этнокультурных путешествий в степных районах Европейской России.

Степи, этнокультурный туризм.

Этнокультурный туризм – совокупность различных форм туристской активности, обусловленной стремлением познать, приобщиться к многообразию явлений и объектов этнокультурной сферы [Бутузов, 2013]. Важное достоинство этнокультурного туризма состоит в возможности обращения к национальному, региональному и локальному аспектам культуры, истории, природопользования как давно ушедших, так и современных этнических общностей.

Большой нераскрытый потенциал таит в себе такой подвид этнокультурного туризма, как *этнопознавательный*, или *этноэкскурсионный*, туризм, ориентированный на комплексное изучение этнических культур в исторической ретроспективе. Мотивацией к совершению подобных поездок выступает любовь к истории, археологии, этнографическому наследию, образу жизни населения различных территорий. Важную роль в формировании предпочтений этой группы туристов играют версии исторического прошлого, господствующие в науке или получившие популярность в среде любителей старины.

Антропологический туризм, или *туризм образа жизни*, в форме изучения многообразия этнических культур прошлого (ретротуризм) обладает явным пре-

имуществом перед другими видами этнокультурного туризма – богатейшим, разнообразным и, с некоторой долей условности, неисчерпаемым ресурсным потенциалом с множеством сценариев развития. Гипотетически, едва ли не каждая некогда обитаемая территория любого пространственного ранга с достаточной сетью этнокультурных объектов, особенно археологических и архитектурных памятников, насыщенная историческими событиями, при приемлемом уровне развития транспортной инфраструктуры может претендовать на создание и реализацию широкого спектра новых туристских продуктов.

Реконструкция культурного комплекса исчезнувших этнических групп зачастую требует несоизмеримо больших финансовых затрат в сравнении с воспроизводством объектов, задействованных, к примеру, в этнографическом или ностальгическом туризме. Кроме того, достоверность ревитализации культурных комплексов ушедших в небытие сообществ нередко вызывает серьезный скепсис даже у рядовых туристов. Но, как ни парадоксально, дефицит достоверных сведений может быть отчасти компенсирован за счет инициативности и фантазии организаторов, умелого использования объектов аттракции, правильного подбора анимационных программ.

Степи Европейской России – это ландшафтная среда, превосходно освоенная в ходе пятисотлетних миграций русского и других народов лесной и лесостепной зон. Степные пространства сыграли поистине выдающуюся роль в этногенезе как непосредственно русских, так и генетически, культурно предшествовавших им этнических групп. В пользу этого красноречиво свидетельствует присутствие едва ли не во всех сколько-нибудь значимых сферах традиционной и современной русской культуры, в частности в системе природопользования, в планировке, интерьере и экстерьере жилищ, в одежде, мифологии, лексике и т. д., целого ряда элементов, восходящих к древнеиранскому, тюркскому, угорскому, монгольскому культурным пластам [Бутузов, 2012б]. И поныне в массовом русском сознании циркулируют этнокультурные мифологемы, отражающие характер восприятия степи на различных этапах русского этногенеза.

Для большинства степных регионов России, ограниченно представленных на рынке внутреннего и въездного туризма, поиск неповторимого и узнаваемого туристского имиджа едва ли возможен без обращения к этнокультурной тематике. Думается, стоит стремиться поразить воображение потенциальных участников этнокультурных туров или экскурсионных программ новой, нестандартной, но сугубо научной трактовкой широко- или малоизвестных событий отечественной истории.

При формировании новых туристских продуктов, ориентированных на этнокультурную специфику степных территорий, можно руководствоваться такими принципами, как преемственность, сопряженность и параллелизм в развитии различных этнических групп, населяющих или некогда населявших степные территории Европейской России. Обилие артефактов бронзового и железного веков – периодов становления древних этноплеменных групп – предков многих современных народов, населяющих степи Европейской России, – позволяет успешно реализовать эту идею [Бутузов, 2012а].

Продвижение этнокультурного наследия неславянских групп возможно как в рамках региональных или локальных территориальных групп собственно русских, так и с акцентом на параллели в культурных комплексах соседних современных народов. Для эффективного продвижения этнокультурных туров необходимо преодолеть устойчивый стереотип о статичности феномена русской (и древнерусской) этничности. Утрированное понимание сути этногенетических процессов, происходивших на степных пространствах Северной Евразии в течение последних тысячелетий, заключается в линейном восприятии самой идеи этнической преемственности. При этом неясно, какую роль в становлении и изменении этнокультурного облика русских и их славянских предков на каждом из перечисленных этапов сыграли тюркские, иранские, угорские, монгольские и другие группы.

Воссоздание древних поселений в рамках проектов специализированных тематических парков и шадящее использование прилегающих к археологическим памятникам участков территории в качестве объектов аттракции могут стать магистральными направлениями развития ретротуризма на указанной территории. Представляется целесообразным размещать специализированные этнокультурные тематические парки, этнографические деревни и этнографические парки, информационные и визит-центры близ крупнейших городов и особенно городов-миллионеров. Тем более что для степной полосы Европейской России характерна высокая степень сосредоточения археологических памятников различных культур и эпох в непосредственной близости или даже в черте региональных центров, в частности Воронежа, Волгограда, Самары, Саратова, Челябинска. Топографически восходят к древним городищам и селищам также многие заброшенные и ныне существующие старинные деревни по долинам рек бассейнов Волги и Дона.

Полагаем, на обозримую перспективу наиболее оптимальной формой развития материально-технической базы отечественного этнокультурного туризма можно считать комплексные этнокультурные парки, в рамках которых может быть успешно интегрировано все многообразие сохраненных и воссозданных ресурсов этнокультурной сферы. Но в современных условиях в ущерб широте экспозиции целесообразно сосредоточиться на ограниченном числе «модулей». Это позволит существенно сместить акцент в развитии этнокультурного туризма со строительства этнографических деревень, активно развернувшегося за минувшие полтора десятилетия, на более привлекательные и отвечающие запросам современного рынка комплексные этнокультурные парки.

Библиографический список

Бутузов А. Г. Археологическое и этнографическое наследие неславянских этнических групп и вопросы этногенеза русских в свете проблем развития этнокультурного туризма в Европейской России // Туризм и культура в современном мире : междунар. науч.-практ. конф. (13–14 октября 2011 г.). СПб. : Астерион, 2012а. С. 67–74.

Бутузов А. Г. Роль Степи в русском этногенезе и перспективы развития отечественного этнокультурного туризма // Туризм и рекреация: фундаментальные и прикладные исследования : VII Междунар. науч.-практ. конф. СПб. : Д. А. Р. К., 2012б. С. 92–99.

Бутузов А. Г. Этнокультурный туризм : учеб. пособие. М.: КноРус, 2013.

**Институт коммуникативных технологий (Россия, Москва)
sarmatant@inbox.ru**

The article is an effort to study the opportunities that the steppe zones of European Russia, with their rich and variable archaeological and ethnographical heritage, can provide to ethnocultural tourism. The author refers to the problem due to an apparent discrepancy between a huge ethnocultural potential and quite limited positions of steppe zones in the structure of national tourism. The article provides terms and characteristics of ethnocultural tourism, as well as possible ways of further development of ethnocultural tours around the steppe regions of European Russia.

Steppe zones, ethnocultural tourism.

Е. П. Загваздин

К ВОПРОСУ О МУЗЕЕФИКАЦИИ ВЫЯВЛЕННЫХ АРХИТЕКТУРНЫХ ОБЪЕКТОВ XVIII–XIX ВЕКОВ ИОАННО-ВВЕДЕНСКОГО ЖЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ

Статья посвящена вопросам музеефикации вновь выявленных архитектурных объектов Иоанно-Введенского женского монастыря (Тюменская область, Тобольский район, пос. Прииртышский). Эти объекты были обнаружены в ходе проведения археологических и реставрационных работ 2008 г. Утраченные в разные периоды отечественной истории, они представляют большой интерес в деле музеефикации и популяризации исторического наследия Тюменской области, а также при проектировании туристических маршрутов.

Тюменская область, Тобольский район, пос. Прииртышский, Троицкий собор, церковь Иоанна Предтечи, церковь Серафима Саровского, музеефикация утраченных объектов.

Иоанно-Введенский женский монастырь, основанный в середине XVII в., без сомнения, является благодатным местом паломничества туристов и многочисленных верующих. Как это ни прискорбно, но его древний и духовный статус практически никак не отражен на туристической карте Тюменской области РФ. Это можно объяснить многими факторами, но главный, на мой взгляд, заключается в его неподготовленности для экскурсантов. Советское наследие, доставшееся монастырю, проявилось в виде полной деградации имеющихся памятников на его территории. Однако, несмотря на то, что восстановление обители началось уже в начале 90-х гг. XX в., реставрационные работы до недавнего времени шли крайне медленно.

С 2006 г. ситуация в монастыре кардинально изменилась. ОАО «Сибирский институт «Сибспецпроектреставрация»» (Томск) разработал проект реставрации, за которым последовали полномасштабные работы. Отреставрирована большая часть памятников, облагораживается территория. Большим успехом в реставрации можно назвать восстановление галереи церкви Серафима Саровского.

Однако, как это часто бывает, археологические исследования, идущие бок о бок с реставрационными работами, напрочь забываются. А ведь задачи, которые ста-

вятся специалистами, сводятся не только к тому, чтобы раскопать и зафиксировать находки. Основная цель раскопок на объектах реставрации – сохранение и музеефикация объектов историко-культурного наследия. Если для сохранения объектов археологии проводится исследовательская работа по регламентации земляных работ в рамках охранных зон, то при музеефикации возникает ряд трудностей. Проблема музеефикации в современном мире является достаточно сложной и многообразной по своему методологическому решению. Это связано с большой степенью руинированности объектов историко-культурного наследия, что делает их практически недоступными для восприятия неподготовленным посетителем. Тем не менее на примере работ в Иоанно-Введенском монастыре мы хотим показать, что музеефикация не только возможна, но и необходима для популяризации исторических знаний.

Цель статьи – осветить вопросы музеефикации выявленных раскопками архитектурных объектов в Иоанно-Введенском женском монастыре.

Проводимые в 2008 г. археологические работы позволили изучить остатки ряда атрибутированных объектов [Загваздин, 2009, с. 381–391], утраченных в разные периоды истории монастыря. Одна из ранних находок – *придел храма Иоанна Предтечи*. В ходе исследований под современными напластованиями частично изучен угол кирпичной постройки размерами 3 × 1,9 м, перевязанной с северной стеной церкви. Чем же ценна эта находка?

Не секрет, что разрушительные пожары стоят в одном ряду со стихийными бедствиями, такими как затопления или ураганы, особенно когда выгорают целые жилые кварталы. Борьба с этим бедствием часто шла по пути внедрения в строительство огнеупорного материала – кирпича. Примеров такого решения в истории России преогромное количество. В истории женского монастыря таким примером стал храм Иоанна Предтечи.

Первый деревянный храм Иоанна Предтечи, возведенный в середине XVII в., после череды пожаров, наконец, в 1758 г. был отстроен в камне. Однако и первый каменный храм монастыря постигла горькая участь. Из-за сложности рельефа основание церкви строители возвели неустойчивым. В результате храм дал осадку, по стенам поползли опасные трещины. Было принято решение его разобрать и вновь отстроить.

При реконструкции 1807–1829 гг. придел во имя Казанской иконы Божьей Матери временно был оставлен для отправления служб. Возможно, он просуществовал и до окончания строительных работ, а затем также был разобран. Таким образом, получается, что от первого каменного храма Иоанна Предтечи остался лишь исследованный придел.

Не менее интересными оказались находки у *церкви Серафима Саровского*. Эта уникальная церковь-усыпальница выстроена в 1893 г. на месте древнего храма во имя Усекновения главы Иоанна Предтечи, разобранного в 1808 г. Нижний храм именовался в честь Серафима Саровского. Часть церкви играла роль усыпальницы, где были погребены члены семьи Дружининых, сыгравшие значительную роль в истории женского монастыря.

Следует сказать, что первоначально подход в верхний храм был оформлен в виде лестничной галереи, по которой верующие попадали внутрь. О том, что она

существовала, напоминал лишь заложенный проем на уровне второго этажа, обнаруженный в процессе отбивки фасадов от старой штукатурки, а также план начала XX в. Полными данными по этому сооружению, разобранному в советский период истории, мы, увы, не располагаем.

С северной стороны церкви, под мощным слоем современных мусорных напластований, во многом сформировавших привычный рельеф монастыря, были обнаружены два мощных вертикальных подпорных столба бывшей галереи, расположенные вдоль восточной линии раскопа. Примечательно, что один из столбов был приспособлен позднее как опора для современной постройки (ориентировочно хлев), остатки которой также обнаружены и исследованы. Таким образом, было выяснено расположение галереи, существование которой ранее не было известно в краеведческой литературе.

Совершенно неожиданным стало обнаружение остатков другой грандиозной постройки монастыря рубежа XIX–XX вв. – *Троицкого собора* (см. рисунок) [Загваздин, 2010, с. 30–31]. Для исследования находки реставраторами в массивной стене подвала пристроя собора был сделан аккуратный проем шириной 1 м и высотой около 3 м. Появилась возможность заглянуть внутрь подвала некогда одного из грандиозных монастырских соборов Тобольской губернии рубежа XIX–XX вв.

Троицкий собор. Графическая реконструкция

Прекрасно сохранившийся арочный подвал имеет прямоугольную форму. Его размеры: 12, 15 × 4, 15 м; высота до свода – 2,43 м. Пол вымощен красным кирпичом в виде узора «елочка». В противоположной стороне подвала имеется ниша, заложённая кирпичом, по краю которой остались навесные петли для двери – здесь был вход.

В пореформенный период возведение Троицкого храма стало событием в культурной жизни Тобольской губернии. Наплыв паломников потребовал возведения нового вместительного храма. 7 июля (по старому стилю) 1891 г. при огромном стечении народа в торжественной обстановке епископ Иустин (Михаил Полянский) заложил первый камень и медную доску в фундамент будущей церкви.

Возводящаяся по проекту епархиального архитектора Б. Б. Цинке церковь имела три престола: главный – *во имя святой Животворящей Троицы*, второй – *Почаевской Божьей Матери* и последний – *во имя святителя Митрофана, воронежского чудотворца*. Внесла свой вклад в организацию строительства и настоятельница монастыря игуменья Миропия (Дружинина), 1 июня 1891 г. официально назначенная на этот пост. После многолетних трудов и испытаний 7 сентября 1900 г. состоялось торжественное освящение храма при участии епископа Антония.

Что же представлял собой один из крупнейших храмов Тобольской губернии? Оригинальный по архитектуре, в виде восьмигранной купольной ротонды, теплый шестиглавый Троицкий собор не был сугубо культовым строением. Если внимательно рассматривать старинную фотографию храма, то можно заметить интересную деталь: один из входов в храм размещался в абсидной части. На первый взгляд, это недопустимо, так как вступать в алтарную часть храма могли лишь священнослужители. Мирянам доступ туда был строго запрещен. Но это противоречие объясняется просто – у собора имелось два этажа: на первом располагались монастырская больница и кельи для увеличившегося штата сестер, а на верхнем – храм для богослужений.

Собор был просторным и светлым – 38 окон на первом этаже и 59 окон в два ряда на втором этаже. Впечатляют его размеры: 46,5 × 17,9 м. Высота до карниза – 14,9 м. Уточним, что эти параметры сопоставимы с размерами старейшего собора Сибири – Софийско-Успенского, уступая ему 4,5 м по ширине и 2 м по высоте. В длину же Троицкий собор был больше Софийского почти на 16 м. Чтобы стены выдерживали колоссальный вес, фундамент соорудили целиком кирпичным, заложив его на глубину до 2,5 м. Толщина стен при этом достигала одного метра.

Можно предложить следующие варианты музеефикации вновь выявленных объектов Иоанно-Введенского женского монастыря.

1. *Остатки придела во имя иконы Казанской Божьей Матери церкви Иоанна Предтечи*. При музеефикации целесообразно на дневной поверхности выделить контрастным цветом его контур по аналогии со стеной Гостиного двора в Тобольске. Этот вариант предпочтителен, так как с учетом незначительного по ширине пространства с северной стороны храма поднятие руинированного фундамента на 3–4 кирпича над поверхностью может создать определенные трудности для хозяйственных работ и передвижения верующих. Непременным условием должно стать наличие сопроводительной вывески с указанием истории выявленного памятника.

К сожалению, раскопками 2008 г. фундамент придела изучен частично. Поэтому нами планируется продолжить его исследование для более точного определения его границ и конфигурации.

2. *Остатки Троицкого собора* целесообразно также выделить контрастным цветом на поверхности. Эта необходимость связана с тем, что участок является

и единственным въездом в монастырь. Без сомнения, здесь должны присутствовать ограничения по скорости передвижения, а также тоннажу транспортного средства.

Учитывая отличную сохранность подвала, его также можно включить в программу осмотра. В нем, может быть, стоит провести консервацию кладки, а также оформить небольшую экспозицию, посвященную истории собора.

3. *Галерея церкви Серафима Саровского* силами реставраторов успешно восстановлена. Отметим только то, что под проект реставрации галереи подведены серьезные архивные изыскания, а также натурные археологические исследования.

Таким образом, результаты проведенных историко-архивных и археологических исследования могут быть направлены на сохранение и музеефикацию вновь выявленных архитектурных объектов. Предложения вполне можно рекомендовать проектным и генподрядным организациям, осуществляющим ремонтно-реставрационные работы в Иоанно-Введенском женском монастыре.

Библиографический список

Загваздин Е. П. Археологические исследования на объекте реставрации «Иоанно-Введенский монастырь» (п. Прииртышский, Тобольский район) // Новгородская Земля – Урал – Западная Сибирь в историко-культурном и духовном наследии. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2009. Ч. 2. С. 381–391.

Загваздин Е. П. К 110-летию Троицкой церкви Иоанно-Введенского монастыря // Град Тобольск. 2010. № 3 (40). С. 30–31.

**НПО «Сохранение археологического наследия народов Сибири»
(Россия, Тобольск)
kulay_arx@mail.ru**

The article is devoted to the museumification of the newly identified architectural objects of John-Vvedensky convent (Tyumen region, Tobolsk district, village Preirtyshskiy). These objects were found during the archaeological and restoration works in 2008. Lost in different periods of Russian history, they are of great interest in the case of museumification and popularization of historical heritage of the Tyumen region, and also in designing tourist routes.

Tyumen region, Tobolsk district, village Preirtyshskiy, Trinity Cathedral, the St. John the Baptist Church, St. Seraphim of Sarov Church, museumification of lost objects.

Е. А. Загоскин

ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ СЕЛА ЧАДОБЕЦ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЕЕ ПРИЧТА: АНАЛИЗ МУЗЕЙНОЙ НАХОДКИ*

Основная цель исследования состоит в создании ретроспективы облика церкви в с. Чадобец и характеристике деятельности церковного причта на основе неопубликованных музейных материалов. Для ее достижения необходимо провести сравнительный анализ имеющихся источников и выявить их информативные возможности для использования в историко-этнографических исследованиях. Документы Спасской церкви в с. Чадобец показывают довольно обширные функции священника и могут послужить достаточно информативным источником при изучении семьи в традиционной культуре Нижнего Приангарья.

Спасская церковь, Нижнее Приангарье, музейные источники.

Одной из важных форм музейной работы является комплектование собрания – фондов музея (в зарубежном музееведении аналог отечественного понятия «комплектование фондов» – «политика формирования коллекций»). Именно в рамках данной работы возможны порой интереснейшие для исследователей находки. Одной из них в фондах Кежемского историко-этнографического музея им. Ю. С. Кулаковой оказалась небольшая папка, включающая в себя документы о деятельности причта церкви в с. Чадобец. Материалы эти уникальны прежде всего потому, что здание церкви было разрушено в 1930-е гг., как и многие культовые здания на территории Нижнего Приангарья, в архивах и музеях информации о ней не так много, хотя это была вторая по величине и одна из старейших церквей в указанном регионе.

Документы эти были обнаружены случайно, во время уборки на чердаке одного из жилых домов, на котором они пролежали, судя по всему, более восьми десятков лет. Однако это не помешало им хорошо сохраниться.

Церковь Спаса Нерукотворного в с. Чадобец является одним из крупных церковных ансамблей в Нижнем Приангарье наряду со Спасской церковью с южным придельным храмом Казанской Богоматери в с. Кежма и тремя часовнями: одной в д. Недокуры и двумя на острове Большом на Ангаре, в чадобецком приходе – часовня в д. Яркиной и в д. Пашутиной [Быт ... , 2003, в/ф 7930–2]. До настоящего времени не сохранилась ни одна из них, однако их историю и внешний облик можно восстановить, опираясь на материалы Красноярского краевого краеведческого музея и архивные данные.

Исходя из этого наша основная цель будет заключаться в создании ретроспективы облика церкви в с. Чадобец и характеристике деятельности церковного причта на основе указанных музейных материалов.

Как следует из данных, предоставленных Красноярским краевым краеведческим музеем, каменная, двухпрестольная, с приделом в честь Покрова Божией Матери

* Автор выражает благодарность за предоставленные материалы и помощь в подготовке статьи сотрудникам Кежемского историко-этнографического музея им. Ю. С. Кулаковой и его директору – Галине Григорьевне Брюхановой.

© Загоскин Е. А., 2013

церковь в с. Чадобец (Чадобское) Богучанской волости Енисейского уезда была построена в 1781 г. Из древностей в храме хранились Евангелие 1782 г., резные иконы. Имелась библиотека, церковно-приходская школа. Причт церкви состоял из священника и псаломщика. Документы Енисейской епархии свидетельствуют о том, что церковь была построена по инициативе ссыльных поляков. Среди них большинство, как ни странно, были православными [Быт ... , 2003].

Она была очень похожа на Спасскую церковь в с. Кежма [Спасская церковь ...]. Обе церкви относились к стилю сибирского барокко и располагались на берегу Ангары. Однако в оформлении фасадов Кежемской церкви можно более четко увидеть влияние восточной культуры, показанное в своей работе У. К. Брамфилдом [Брамфилд]. Чадобецкая же была менее вычурна в оформлении фасадов. Подобие «сложных ступообразных форм» можно обнаружить в оформлении окон арочного типа с замковым камнем с южного фасада бокового придела.

Что касается найденных материалов, то их условно можно разделить на две группы: первую составляет делопроизводственная документация, представленная рапортами и отчетами. Она отражает взаимоотношения, складывающиеся между прихожанами и священнослужителем, между общиной и церковью, и внутриепархиальные дела. Вторая включает всевозможные долговые расписки, просьбы о займе и иные документы, характеризующие финансовую сторону жизни церкви. Большинство из документов написано на бумаге с оттиском «Енисейской фабрики № 7» и заверено печатями «Чадобской церкви Енисейского округа» либо печатями сельских старост.

Как видно из анализируемых документов, причт Чадобецкой церкви вел довольно активную деятельность на территории прихода, осуществляя тесное взаимодействие с крестьянским сообществом, которое не всегда проходило гладко. Ряд документов свидетельствует, что население прихода не всегда следовало указаниям церковного начальства, сказывалась отдаленность от административного центра [КИЭМ. Л. 1–1 об.]. К сожалению, документы не содержат информации о дальнейшем развитии событий, но они дают нам представление о некоторых характеристиках часовни и, будучи дополненными фотографией из Красноярского краевого краеведческого музея, позволяют составить визуальное представление о том, как выглядела часовня в д. Яркиной в 1911 г. [Быт ... , 2003].

Здесь видно, что часовня представляла собой срубную прямоугольную клеть, состоящую из собственно часовни (с восточной стороны) и пристройки (слева). На крыше часовни расположена луковичной формы небольшая главка с крестом. К часовне примыкают срубы «на связи», имеющие разную высоту, каждый под двускатной крышей с бревнами – охлупнями. Напротив крыльца звонница на столбах под узкой двускатной крышей (колокола нет). Часовня обнесена изгородью из жердей. В глубине, слева, виден заплот из бревен и крыша соседней постройки [Быт ... , 2003]. Кроме того, в ее описании указано, что деревня Яркина имела старую древнюю часовню для отправления служб, так как находилась в 80 верстах от основного прихода, что косвенно может свидетельствовать о том, что новая часовня так и не была построена.

Деревенские часовни по своей стилистике и приемам строительства были ближе к крестьянскому жилищу, нежели сельская церковь, так как строили их чаще

всего сами крестьяне. И, как видно из представленных материалов, их точка зрения не всегда совпадала с мнением епархиального руководства и местного причта.

Найденные документы показывают также внутреннюю жизнь причта Чадобской Спасской церкви, из них можно почерпнуть информацию об отношениях с прихожанами, охарактеризовать деятельность местных священников, в том числе и их обязанности, среди которых, судя по обилию однотипной информации, важное место занимало представление в Енисейскую епархию статистических данных по разным вопросам.

К числу обязанностей, возложенных на священника, относилась и фиксация регулярности отправлений некоторых обрядов и соблюдения праздников, в частности Великого поста и причастия, следствием чего стало наличие большого количества расписок об обязанности нести пост. Все они имеют примерно одинаковое содержание, что может говорить о наличии унифицированной формы данного документа. Отметим, что подобные расписки составлялись как мужчинами, так и женщинами, и, помимо церковных нужд, служили, скорее всего, дополнительным источником информации при учете населения. Приведем примеры некоторых из них: *«К № 19 обыска 98 года. 1898 г. января 19 дня, я нижеподписавшийся крестьянин Енисейского округа Пинчугской волости деревни Гольтявиной, Спиридон Карпов Колпаков даю сию подписку причту Чадобской Спасской церкви в том, что я Колпаков обязуюсь на первой неделе Великого поста сего года отговорить по христианскому обряду, и будуще 2 года, для чего явится в село Чедобское, в том и подписуюсь... Упомянутый в сей крестьянин Спиридон Колпаков обещание свое выполнил за 1898 год 20/21 февраля»*. В эту же дату и под аналогичным номером составлена расписка идентичного содержания крестьянской жены Анны Колпаковой (вероятно, жены Спиридона Колпакова), к которой имеется приписка: *«Упомянутая в сей крестьянская жена Анна Колпакова 20/21 февраля 1898 г. исповедалась и к святой Тайне приобщилась. Священник Д. Флигинский»*. Подобные же расписки составлены в 1898 г. от имени Екатерины Васильевой Колпаковой, Енастасии Григорьевой Брюхановой, Дмитрия Ксенофонтова Кулакова, Феклы Петровой Кулаковой [КИЭМ. Л. 17, 18–20 об., 22, 24, 26–26 об.].

Вероятно, крестьяне не торопились посетить священника в силу отдаленности церкви или личных причин. Кроме того, большое количество подобных документов вполне объяснимо миссионерскими интересами Русской православной церкви в регионе. Указанные документы многочисленны, именно поэтому они могут быть использованы при изучении, например, пофамильного состава населения прихода.

Присутствуют среди материалов и документы, отражающие взаимоотношения между разными приходами, а также характеризующие еще ряд функций сельского священника, в частности обмен информацией о своих прихожанах с другими представителями епархии при необходимости, например, для подтверждения законности регистрации брака и отсутствия каких-либо обстоятельств, которые могут помешать данному событию. Эти материалы отражают информативные возможности метрических книг и исповедных росписей. Кроме того, они могут быть использованы при исследовании брачных кругов в регионе, так как показывают место выхода будущих супругов и их социальное положение. Судя по всему, данные документы также составлялись по определенному формуляру. Приведем примеры: *«Причта Чадобской Спасской церкви Енисейского округа причту Кашиношивер-*

ской церкви, января дня 1897 г. Прихода вашего деревни Рожковой крестьянин лично словесно заявил нам, что высватал за себя невесту, прихода нашего деревни Климиной, крестьянскую дочь девицу Евдокию Канонову Брюханову и просил выдать нас на означенную невесту брачное сведение; посему мы и имеем сим сообщить следующее: 1. Означенная невеста в метрической книге Чадобской спасской церкви в первой части за тысяча восемьсот семьдесят пятый год под № 12 женскага пола записана 23 февраля родилась, а 4 марта крещена Евдокия. Родители: деревни Климиной крестьянин Канон Алексеев Брюханов и законная жена его Ксения Маркова, оба православного вероисповедания. 2. В исповедной росписи той же церкви за 1896 г. под № 428 женска значитса 20 лет, девицей православного вероисповедания и бывшею у исповеди и святого причастия 23 марта. 3. Ум имеет здравый, выходит в замужество за означенного Константина Рожкова с согласия своих родителей. 4. По троекратному учиненному нами оглашению в Чадобской Спасской церкви 1896 30 января сего года препятствий никаких ни кем не заявлено на вступление в законный брак Константину Рожкову с Евдокией Брюхановой, а также и причт со своей стороны никаких препятствий не предвидит, что подписал своим... (далее стоит росчерк. – Е. З.) и приложением церковной печати, свидетельствуем: Чадобской Спасской церкви священник Д. Флигинский, псаломщик В. Александров» [КИЭМ. Л. 2]. Получение подобных сведений могло стоить жениху/невесте от 5–6 до 10 р., сам обряд бракосочетания – от 4 до 25 р.

Есть и более любопытные материалы, показывающие возможности использования метрических книг и выписок из них для восстановления истории семей [КИЭМ. Л. 16]. Кроме этого, в документах содержится список с указанием числа прихожан в каждом населенном пункте, позволяющий уточнить деревни, относящиеся к приходу, численность и относительный половозрастной (мужчины/женщины, взрослые/дети) состав прихожан [КИЭМ. Л. 4, 5]. Эти данные говорят о том, что по численности прихожан приход можно отнести к группе средних, с преобладающим мужским населением. Кроме того, они показывают нам роль священника как сборщика данных для официальной статистики. В фонде, в частности, присутствуют, помимо образцов метрических книг, всевозможные ведомости за год с разбивкой по месяцам. Интересна вкладка «О числе браков по Чадобской Спасской церкви в 1897 г. Енисейской губернии и того же округа». Как видно из представленного документа, большая часть браков была заключена в ноябре – марте, что вполне отражает особенности традиционной культуры, основанной на сельскохозяйственном календаре. При этом преобладающим возрастом вступления в брак был возраст «младше 21 года». Состав брачующихся здесь разделен на несколько групп: союзы холостых с девицами, браки холостых со вдовами (не зафиксированы), вдовцов с девицами и вдовцов со вдовами [КИЭМ. Л. 35]. Дополняют указанные документы списки всех родившихся и умерших в приходе с указанием места рождения/смерти, имени, данных родителей, причин смерти. Судя по прилагаемым к указанным спискам сопроводительным запискам, составлялись они для окружного врача и служили первичными документами для статистических отчетов [КИЭМ. Л. 41, 42].

Эти списки позволяют реконструировать историю населения в приходе, а также могут помочь в воссоздании пофамильного состава населенных пунктов прихода и позволяют интерпретировать демографические события.

Таким образом, в руках музейных сотрудников оказались достаточно ценные документы, показывающие довольно обширные функции священника, состоящие в тесном взаимодействии с крестьянским сообществом, с одной стороны, и государственно-епархиальными органами – с другой. Кроме того, данные материалы могут послужить важным источником при изучении семьи в традиционной культуре Нижнего Приангарья.

Библиографический список

Брамфилд У. К. Восточные мотивы в церковной архитектуре Сибири // Cultinfo.ru. Культура в Вологодской области. URL: <http://www.cultinfo.ru/brumfield/siberia/index.htm> (дата обращения: 27.05.2013).

Спасская церковь в п. Кежма Кежемского района Красноярского края // История Красноярска. Архитектура Красноярска и Красноярского края. URL: http://naov.ru/?pamjatniki_arhitekturi_kegemskogo_raiona&id=466 (дата обращения: 27.05.2013).

Источники

Быт Енисейской губернии конца XIX – начала XX века: город, деревня, интерьеры, одежда, занятия, отдых : кат. 2003. 1 электрон. опт. диск (CD-диск).

Материалы Кежемского историко-этнографического музея им. Ю. С. Кулаковой. ОФ 819 (КИЭМ).

**Реставрационно-строительная компания «АльфаРекон»
(Россия, Москва)
arecon@bk.ru**

The main objective of the study is to provide a retrospective aspect of the church in Chadobets and characterization of the clergy of the church on the basis of unpublished materials of the museum. To achieve this goal should be to conduct a comparative analysis of existing sources and to identify their informative features for use in historical and ethnographic studies. Documents from the Church of the Savior in Chadobets show a rather broad function of the priest, and can serve as a sufficiently informative source for the study of the family in the traditional culture of the Lower Angara region.

Church of the Savior, Lower Angara region, museum sources.

С. В. Калугина

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБСЛЕДОВАНИЕ КАК МЕХАНИЗМ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

В статье рассматривается проблема обеспечения сохранности археологических памятников при возведении объектов нового строительства. Отражен опыт работы организаций, проводящих историко-культурное (археологическое) обследование объектов археологического наследия в Омске.

Археологическое наследие, проблемы сохранения, историко-культурное (археологическое) обследование, законодательство.

В настоящее время проблема сохранения археологического наследия в России по-прежнему актуальна, особенно на региональном уровне. К началу 1960-х гг., по сведениям А. Ф. Палашенкова, в Омске известны 49 памятников археологии [Палашенков, 1959, с. 22]. Однако при быстрых темпах расширения как жилой, так и промышленной составляющей города во второй половине XX – начале XXI в. большинство из них так и не было паспортизировано; часть памятников оказались разрушенными, а другая – утраченными. В данный момент сложно установить местоположение «утраченных» памятников по географическим привязкам, указанным у А. Ф. Палашенкова.

В данном сообщении будет рассмотрена проблема обеспечения сохранности археологических памятников при возведении объектов нового строительства. Статьи № 28–32 Федерального закона от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» обязывают хозяйствующие субъекты перед началом землеустроительных, земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных и иных работ проводить историко-культурное обследование и в необходимых случаях историко-культурную экспертизу [Об объектах ... , 2002]. Основное внимание в данной статье мы уделим историко-культурному обследованию.

В Положении о порядке археологических полевых работ (археологических раскопок и разведок) и составления научной отчетной документации, утвержденном 30 января 2013 г., содержится констатация, что в ходе ведения строительной хозяйственной деятельности необходим контроль со стороны специалистов-археологов как раз в виде историко-культурного обследования территорий, выделяемых под хозяйственное освоение [Положение ... , 2013].

Работы по историко-культурному обследованию могут проводиться только при наличии официального разрешения на проведение археологических полевых работ определенного вида (раскопки, разведки, археологическое наблюдение) на территории Российской Федерации. Разрешение (открытый лист) выдается Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в области охраны культурного наследия. Открытый лист выдается по заявке юридического лица, цель деятельности которого, указанная в учредительных документах, предусматривает проведение археологических полевых работ. В Положении о порядке проведения ар-

хеологических работ (археологических раскопок и разведок) и составления научной отчетной документации от 30 марта 2007 г. перечислены организации, которые могут проводить археологические полевые работы. В аналогичном Положении от 30 января 2013 г. список организаций заменен расширенной формулировкой деятельности юридического лица. По новому положению, любая общественная организация, которая прописывает уставочную цель своей деятельности (проведение археологических полевых работ либо связанные с проведением археологических полевых работ научные исследования, выявление и собирание музейных предметов и музейных коллекций или подготовка кадров высшей квалификации по соответствующей специальности) и имеет специалиста с двухлетним опытом ведения самостоятельных археологических полевых работ, может получить открытый лист и проводить археологические раскопки [Положение ... , 2013].

Таким образом, в настоящее время развивается сектор услуг, представленный государственными и коммерческими организациями, предлагающими проведение историко-культурных обследований, экспертиз, в частности археологических. Основная задача таких организаций – выявление и первичное полевое изучение объектов археологического наследия и разработка охранных мероприятий, мер по обеспечению сохранности памятников археологии в соответствии с методикой археологических работ на территориях, подлежащих отводу под различные виды землеустроительных, земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных и иных работ, осуществление которых может оказать прямое или косвенное воздействие на объект культурного наследия.

Федеральный закон от 23 июля 2013 г. № 245-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии», вступающий в силу 24 августа 2013 г., по нашему мнению, должен привести к тому, что хозяйствующие субъекты (государственный и негосударственный сектор экономики) будут обязаны обращаться в соответствующие организации для историко-культурных (археологических) обследований территорий, планируемых под хозяйственное освоение, в связи с увеличением меры ответственности за вред, который можно нанести как уже известным, так и, самое главное, еще не выявленным объектам археологического наследия [О внесении изменений ... , 2013].

На данный момент в Омске зафиксировано несколько организаций, предлагающих данную услугу. Это высшие учебные заведения: Омский государственный университет и Омский педагогический университет; музейные учреждения: Омский государственный историко-краеведческий музей, Омский музей изобразительных искусств им. М. А. Врубеля; учреждения науки – Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН. При этом научном учреждении создана хозрасчетная лаборатория историко-культурной (археологической) экспертизы (ЛАИКЭ). Известен нам и ряд частных организаций в этой сфере: Лаборатория комплексных исследований (ООО «Комплисс»), Центр гуманитарных социально-экономических и политических исследований (ГЭПИЦентр–2) и др.

Из приведенного списка только две организации имеют веб-представительство в Сети, и это позволяет нам проанализировать их деятельность [Лаборатория ... ; Центр ...].

ГЭПИЦентр–2 был основан в 1991 г. ЛАИКЭ начала свою активную деятельность в 2006 г. при секторе исторического музееведения Омского филиала Инсти-

туда археологии и этнографии СО РАН. Статистика проведенных данными организациями исследований показывает, что спрос на их услуги возрастает. Но обращения к специалистам ЛАИКЭ и ГЭПИЦентр–2 всё же единичны на фоне темпов обустройства земельных участков в Омске и области объектами инженерной, транспортной и социальной инфраструктуры.

Специалистам, работающим в этой сфере, известен факт, когда историко-культурное обследование выполняется в «пожарном порядке»: организация – производитель строительных работ буквально поймана на незаконном строительстве (когда на уже вырытый котлован приглашаются археологи для выполнения обследования де-факто). Получается, что организация – устроитель работ вынуждена приглашать специалистов-археологов под прямой угрозой судебных процедур или штрафных санкций. Очевидно, что такие обращения организаций – хозяйствующих субъектов к специалистам носят несистематический характер.

Тем не менее в деятельности части хозяйствующих субъектов Омска и области есть позитивные сдвиги, но проблема сохранения культурного наследия остается актуальной, в частности, в связи с тем, что часть землеотводов выполняется без соответствующего историко-культурного обследования.

Археологическое наследие города понесло тяжелые утраты во второй половине XX – начале XXI в. Например, в 1988 г. при строительстве профилактория «Восход» была уничтожена большая часть памятника археологии «Омская стоянка» [Конилов, 1998, с. 8]. Культурный слой городища Большой Лог также понес существенные утраты из-за незаконных раскопок и деятельности дачников. Но есть и положительные примеры: в 2010–2011 гг. сотрудники ЛАИКЭ проводили историко-культурное (археологическое) исследование Северно-Западного сектора культурно-исторического комплекса «Омская крепость» (денежная кладовая, кухня-столовая) [Герасимов Ю. В. и др., 2011, с. 31] и историко-культурное (археологическое) наблюдение за работами по прокладке инженерных коммуникаций по проекту «Реставрация объектов культурно-исторического комплекса “Омская крепость”: реконструкция сетей водоснабжения, водоотведения» (производитель работ – ООО «СибАкваСтрой»). Данные исследования подтвердили необходимость сопровождения реконструкции комплекса постоянным археологическим наблюдением, которое позволило выявить следы культурного слоя более раннего времени, а также сохранить и идентифицировать возможные находки, в том числе связанные с историей второй Омской крепости.

Итак, с помощью разработки законодательства, учитывающего современные реалии форм собственности и особенности деятельности хозяйствующих субъектов, государство надеется стимулировать последних к выполнению мероприятий по сохранению историко-культурного наследия страны. Такое воздействие является абсолютно оправданным и учитывает мировой опыт отношения к культурному наследию. Весьма разумным в деятельности органов государственной власти было бы заранее, до предоставления земли под хозяйственное освоение, заказывать археологам проведение историко-культурного обследования, а потом предоставлять обследованные участки под использование. Таким образом, участок можно выгодно и быстро продать. Предлагаемый механизм создаст новый рынок коммерческих услуг с заранее просчитанным объемом работ, потребностью в кадрах и готовым финансированием [Александрова, 2006].

Проблема обеспечения сохранности археологических памятников при хозяйственном освоении должна решаться коллективно. С одной стороны, достаточно эффективное законодательство, подзаконные акты и постоянный контроль за их исполнением органов государственной власти, с другой – осознание важности проблемы сохранения историко-культурного наследия хозяйствующими субъектами. Необходимо наладить диалог между органами охраны и хозяйствующими субъектами, что будет способствовать формированию цивилизованного рынка предоставления услуг в этой сфере. Это создаст возможность эффективного выявления, сохранения и презентации историко-культурного наследия нашего региона.

Библиографический список

Александрова М. А. Актуальные правовые аспекты археологической деятельности // Закон. 2006. № 7.

Герасимов Ю. В., Калугина С. В., Корусенко М. А., Павлов Д. Н. Историко-культурное (археологическое) обследование северо-западного сектора историко-архитектурного комплекса «Омская крепость» // Омская крепость: историко-культурное наследие : сб. материалов Омской город. науч.-практ. конф. (Омск, 25 ноября 2010 г.) / отв. ред. А. П. Сорокин, Н. А. Томилов. – Омск : Издат. дом «Наука», 2011. С. 28–32.

Коников Б. А. Комплекс памятников «Омская стоянка»: археологические открытия и находки. Омск : Изд-во ОмГПУ, 1998. 42 с.

Палашенков А. Ф. Материалы к археологической карте Омска // Изв. Омского отд. геогр. о-ва Союза ССР. 1959. № 3 (10). С. 3–23.

Источники

Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации : федер. закон № 73-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 2002 г., одобрен Советом Федерации 14 июня 2002 г.

О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии : федер. закон № 245-ФЗ : принят Гос. Думой 2 июля 2013 г., одобрен Советом Федерации 10 июля 2013 г.

Положение о порядке проведения археологических полевых работ (археологических раскопок и разведок) и составления научной отчетной документации № 17 от 30 января 2013 г.

Лаборатория историко-культурной (археологической) экспертизы. URL: <http://arhexpertia-omsk.ru> (дата обращения: 16.05.2013).

Центр гуманитарных, социально-экономических и политических исследований – 2. URL: <http://www.gpicentr.ru> (дата обращения: 16.05.2013).

**Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН
svetl.kalugina2010@yandex.ru**

The problem of preservation of archaeological sites in the construction of new building is discussed in the article. Experience of working organizations conducting historical and cultural (archaeological) survey of archaeological heritage in Omsk is considered.

Archaeological heritage, the problems of conservation, historical and cultural (archaeological) survey, legislation.

А. В. Кочанович*, Р. В. Лобзова*, В. Ю. Абрамов**

ПРИТОМСКИЕ ПИСАНИЦЫ: ИССЛЕДОВАНИЕ И ПРОБЛЕМЫ РЕСТАВРАЦИИ

Статья посвящена применению естественно-научных методов в изучении памятников изобразительного искусства в Западной Сибири, в частности исследованию пород, на которых оставлены древние рисунки. Авторы исследовали минерально-петрографические, петрохимические и петрофизические особенности пород, на которых изображены наскальные рисунки – писаницы.

Изобразительное искусство, камень, порода, писаница.

Авторами был изучены структурная позиция, минерально-петрографические, петрохимические и петрофизические особенности пород наскальных рисунков – писаниц, расположенных на скальных обрывах правобережья р. Томи, вниз по течению реки от Томской писаницы.

Исследование, проведенное нами на трех памятниках наскального искусства – Новоромановской писанице, писанице «Висящий камень» и Тутальской писанице, – являлось продолжением многолетних работ по сохранению, реставрации и консервации объекта «Томская писаница». Первые публикации о находке этих писаниц относятся к 1976 г. [Русакова, Барина, 1997].

В задачи работ входило натурное обследование скальных выходов с рисунками, нанесенными на них. Внимание уделялось петроструктурной характеристике массивов, состоянию сохранности поверхностей и факторам, вызывающим их разрушение.

В лабораторных условиях ставилась задача по выявлению текстурно-структурных особенностей пород, минерального и химического состава пород и новообразований. Изучение проводилось с помощью комплекса методов: петрографии, электронной микроскопии, эмиссионно-спектрального анализа. Часть образцов анализировалась термографическим и петрофизическим методами. Работы сопровождалась макро- и микрофотофиксацией как в натуральных, так и в лабораторных условиях.

Проведенные исследования позволили уточнить ряд консервационных мер по предотвращению разрушений природного и антропогенного характера.

В результате комплексного исследования были даны литологическая и петрографическая характеристики пород, выявлен их сложный минеральный состав и разнообразие текстурно-структурных особенностей, особенности химического состава, термической, спектральной и петрофизической характеристик.

По своей геотектонической позиции указанные писаницы, как и Томская писаница, приурочены к осевой части Томь-Колыванской дуги. Эта дуга обрамляет Кузбасс с северо-запада [Кондаков, Ввозная, 1998; Лобзова, Кочанович, 2005; Кропачев, Лобзова, 2004]. Породы скальных обрывов с писаницами сложены верхнедевонскими отложениями, метаморфизованными при низких температурах и давлении в активном тектоническом режиме.

Скальные обрывы с наскальными рисунками ориентированы вдоль реки в соответствии с ее изгибами. Скальные выходы правобережья р. Томи представляют собой высокие и крутые обрывы. Скальный массив не имеет сплошности и расчленен овражной сетью на ряд склонов, треугольные грани которых контролируются главной системой разлома. Склоны вверху перекрыты рыхлыми отложениями с покровной растительностью. Вдоль берега местами прослеживается береговая терраса.

Петрографические исследования показали, что породы серые до темно-серых, тонкозернистые и тонкослоистые, интенсивно метаморфизованные и рассланцованные в условиях динамометаморфизма. По зернистости и составу протолита они представлены метапелитами, металавролитами и метапесчаниками с переходными между ними разновидностями.

В минеральном составе пород в разном соотношении присутствуют: халцедон, кварц, серицит, полевые шпаты, кальцит, в небольшом количестве – хлорит, а также рудные минералы – магнетит, гетит, гидроокислы железа и реликты пирита. Рудное вещество представлено в виде рассеянной вкрапленности или межслоевых линзовидных, трещинообразных и тонкослойковых скоплений. Последние выделения обычны для трещин кливажа.

Породы имеют алюмосиликатный состав. По содержанию кремнезема (44,25–55,33 %) они относятся к средним, по соотношению глинозема к кремнезему (0,4–0,5 %) – к среднеглиноземистым породам.

Для пород характерна калиевая специализация (более 4 %), в двух образцах отмечено наличие натрия (1,31–2,11 %).

Для пород характерно высокое содержание оксида титана (0,93–2,56 %) и повышенное оксидов железа (4,51–10,2 %), которое в патинированных участках возрастает до 16,44 %.

Наибольшие вариации содержания выявлены для оксида марганца – от 0 до 2,01 % в породе и от 2,94 до 23,77 % в патине.

Таким образом, элементный состав пород, слагающих скальные обнажения писаниц, имеет свои характерные особенности, что отражается на составе новообразований, в том числе и на составе патинированной поверхности.

Новообразования приурочены к трещинам напластования, кливажа и скола и представлены карбонатными, железосодержащими и железо-марганцевыми отложениями. Содержание основных элементов патины – железа и марганца – в неизмененных породах составляет первые или десятые доли процента, в патинированных участках оно достигает нескольких процентов.

Выявлено зональное строение патины: на подложке, часто со следами выветривания, отлагается желтая охра, затем бурая охра и покрывается черными марганцевыми примазками.

В патинированной поверхности общее содержание кремнезема и глинозема снижается, но соотношение глинозема к кремнезему изменяется и составляет 0,7. Это свидетельствует о выносе кремнезема и, в меньшей степени, глинозема в процессе выветривания пород, что согласуется с общими тенденциями протекания процесса выветривания пород, сопровождающегося накоплением глинозема и железа в верхних частях разреза коры выветривания.

Некоторые различия в показателях магнитной восприимчивости образцов, вероятно, связаны с несколько различным их химическим составом и главным образом с содержанием железа в виде магнетита. Подобные значения характерны для сланцев низких ступеней метаморфизма.

Общеизвестно, что железомарганцевые конкреции представляют собой продукт чрезвычайно тонкосросшихся новообразований окси-гидрооксидов марганца и железа, многочисленных алюмосиликатов как аутигенного, так и терригенного происхождения, фосфатов, карбоната и органического материала. Минералы железа присутствуют в них в виде полиморфных модификаций гидрооксида железа, а также магнетита и маггемита. Из них наиболее распространенным является гётит.

Присутствие фосфора (2,05–2,96 %) отмечено в двух патинированных образцах, а хлора (3,15 %) – только в одном образце. Появление фосфора, обогащение железом и марганцем патинированных участков связано с влиянием биологического фактора.

Характерными видами природного разрушения наскальных рисунков являются выщелачивание и окисление наименее стойких к выветриванию минералов (карбоната, пирита), корковые отслоения, биокоррозия и биообрастание различными видами низших и высших растений, агрессивные продукты жизнедеятельности птиц и др.

Минеральные новообразования, в частности белесые потеки, искажают или скрывают рисунки и отрицательно сказываются на эстетическом виде плоскостей. Для неизменной части породы, на которой отлагаются эти наслоения, характерно низкое содержание оксидов железа (4,51 %) и высокое – кальция (12,54 %). Это может свидетельствовать о местном источнике в процессе переотложения карбонатного вещества.

Немаловажную роль в причиненном ущербе играет антропогенный фактор. Посетительский вандализм проявляется в использовании скал для восхождений, приводящих к обрушению пород плоскостей и, соответственно, петроглифов; в виде выбитых и написанных краской рисунков, имен, дат, нанесенных часто на древние петроглифы.

За основу работ по сохранению наскальных рисунков был взят многолетний опыт, накопленный музеем-заповедником «Томская писаница» совместно со специалистами Государственного НИИ реставрации [Агеева, Ребрикова, 2003; Кропачев, Лобзова, 2004]. Ими в процессе обследования «Томской писаницы» были определены основные природные и антропогенные факторы разрушения петроглифов.

Среди природных факторов наиболее опасное – морозное разрушение, ведущее в корковому отслоению и, соответственно, частичной или полной утрате петроглифов. Не менее опасно разрушение биообрастателями, что ведет к потере видимости петроглифов в результате образования минеральных наслоений. Из-за сложного геологического строения скальной основы необходимо проводить аварийные работы на памятнике, включая закрепление отслаивающихся корок методом отбортовки, удаление лишайников и других типов биообрастателей.

При удалении граффити, выполненных красками, важно использование растворителей, не оставляющих белесых разводов. При маскировке выбитых посетительских надписей применяющийся метод искусственного патинирования должен быть обратимым.

Важное значение имеет создание фотопанорам плоскостей с рисунками для последующего мониторинга.

Библиографический список

Агеева Э. Н., Ребрикова Н. Л. Проблемы сохранения памятников наскального искусства Сибири // Художественное наследие. Хранение, исследование, реставрация. М., 2003. Вып. 20.

Кондаков А. Н., Ввозная А. А. Геология района Томской писаницы // Музей-заповедник «Томская писаница». Кемерово : Кузбассвузиздат, 1998. Вып. 1. С. 23–30.

Кропачев С. М., Лобзова Р. В. Структура и петрографическая характеристика скальной основы петроглифов «Томская писаница» // Современные инженерные технологии : материалы X науч.-техн. конф. преподавателей, сотрудников, аспирантов инженер. фак. М. : Изд. РУДН, 2004. С. 51–55.

Лобзова Р. В., Кочанович А. В. Скальные породы, корковые отслоения и патина на некоторых местонахождениях петроглифов Сибири // Мир наскального искусства : сб. докл. междунар. конф. М.: Ин-т археологии РАН, 2005. С. 165–168.

Русакова И. Д., Баринова Е. С. Новые петроглифы на Томи // Наскальное искусство Азии. Кемерово : Кузбассиздат, 1997. Вып. 2. С. 64–67.

***Государственный научно-исследовательский институт реставрации
(Россия, Москва)**

lobzovary@mail.ru;

****Российский университет дружбы народов
(Москва)**

The article is devoted to application of natural-science methods in studying of archaeological sites of the rock arts in Western Siberia, in particular to research of breeds on which ancient drawings are left. Authors investigated mineralic-petrographic, petrochemical and petrophysical features of breeds on which rock paintings are represented.

Fine arts, stone, breed, rock paintings.

Л. Е. Малякутова

**ТВОРЧЕСТВО В ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ВЫСТАВКАХ
(на примере Тюменского областного краеведческого музея
в конце XX – начале XXI века)**

Задача данного сообщения – дать обзор выставок Тюменского областного краеведческого музея им. И. Я. Слобцова по этнографии народов России, прежде всего народов и национальных групп Тюменской области, в 1991–2006 гг. и выявить значение этой выставочной деятельности музея в научно-пропагандистской и воспитательной работе с населением. Также необходимо показать, каким неотъемлемым инструментом при создании каждой этнографической выставки является творчество, как сотрудниками музея демонстрируется не только высокий профессиональный уровень, разнообразие представленных работ, но и художественная проработка каждой этнографической выставки. Об этом можно судить по проектам, представленным в экспозиционных залах, и интересу со стороны посетителей музея.

Музей, экспозиция, выставка, этнография, творчество, Тюмень.

В настоящее время происходит смена ценностных ориентиров, что в конечном счете приводит к тому, что люди начинают обращаться к своим историческим истокам. В результате растет интерес к историческому прошлому родного края. Музей является уникальной средой, в которой с помощью материальной и духовной культуры восстанавливаются исторические грани прошлого и настоящего. Как известно, из всех видов музейной работы, начиная с собирательской деятельности и заканчивая работой с посетителями музея, центральное место образуют создание и использование экспозиций и выставок, научно-пропагандистская и культурно-массовая работа с посетителями музея, шире – с населением региона. Поэтому важным является изучение деятельности музея, позволяющее выявить и охарактеризовать экспозиции и выставки. Задачей данного сообщения как раз и является обзор выставок Тюменского областного краеведческого музея им. И. Я. Слобцова (ТОКМ, в настоящее время – ГАУК ТО «Музейный комплекс») по этнографии народов России, прежде всего народов и национальных групп Тюменской области, в 1991–2006 гг. и выявление значения этой выставочной деятельности ТОКМ в научно-пропагандистской и воспитательной работе с населением.

Единственной обобщающей работой об этнографических выставках и о постоянных этнографических экспозициях ТОКМ с момента его образования в 1879 г. и до начала 1990-х гг. является очерк по истории этого музея Н. А. Томилова [Томилов, 1994]. Что касается публикаций об этнографических выставках Тюменского музея в выбранный нами хронологический отрезок времени, то это отдельные публикации С. Л. Белова «Разработка форэскизного проекта экспозиции по истории Тюменского края» [Белов, 2004] и «Экспозиционная деятельность Тюменского областного краеведческого музея: прошлое, настоящее, будущее (к 125-летию музея)» [Белов, 2005]; М. Г. Вольхиной «Выставка “Сибирский татарский дом” (из фондов ТОКМ)» [Вольхина, 1997а] и «Выставка “Строки арабский вязь” (коллекция редких книг на арабской графике из фондов ТОКМ)» [Вольхина, 1997б],

В. И. Карпухина «Выставка “Дальневосточная коллекция” (из фондов ТОКМ)» [Карпухин, 1997]; Т. А. Курбатовой «Из опыта работы над выставкой “Окно в Сибирь”» [Курбатова, 1997] и др. Но эти публикации, как правило, посвящены отдельным выставкам и экспозициям, которые не дают полного представления о количестве и составе этих выставок по годам.

Источниками для написания данного сообщения послужили документальные материалы – прежде всего ежегодные отчеты о деятельности музея, а также опубликованные статьи в научных изданиях и газетах.

За рассматриваемый нами хронологический период был выявлен ряд этнографических экспозиций. Это экспозиция «Ремесла и промыслы города Тюмени конца XIX – начала XX века» филиала «Церковь Петра и Павла», которая рассказывала об истории христианства в крае, ремеслах и промыслах. Как отмечал старший научный сотрудник музея С. Л. Белов, «это была... первая в России неатеистическая экспозиция о наиболее важных страницах истории православия» [Белов, 2004, с. 105]. Но, к сожалению, в 2003 г. филиал был закрыт в связи с передачей здания епархии.

В археологическом музее-заповеднике на оз. Андреевском продолжает действовать постоянная экспозиция «Из глубины веков», которая, помимо археологических находок, повествует о быте и духовной культуре сибирских татар и финно-угорских народов, имеется реконструкция ряда древних и этнографических жилищ.

Музей геологии, нефти и газа был представлен двумя стационарными выставками: «Открытие века на древней Югорской земле» и «Сказания о людях северных рек». Эти экспозиции рассказывали не только об открытии и освоении богатейших месторождений нефти и газа на севере Тюменской области, но и о жизни, традициях и быте коренных народов Севера [Паренкина, 2004].

В настоящее время сотрудниками музея разрабатывается концепция единой краеведческой экспозиции по направлению, связанному с переселенческим движением и показом этнических культур народов-переселенцев: русских, украинцев, белорусов, казанских татар, чувашей и др. Главной экспозиционной целью будет не просто демонстрация ярких фрагментов материальной культуры народов-переселенцев, но освещение демографических аспектов, повлиявших на культурную ситуацию края, в результате чего он стал территорией активных межнациональных контактов, определивших взаимовлияние народов и их общее участие в прогрессивном развитии Сибири.

Что касается этнографических выставок, то всего в 1991–2006 гг. сотрудниками ТОКМ было создано 48 этнографических выставок, в среднем это по 3 выставки в год:

<i>Год</i>	<i>1991</i>	<i>1992</i>	<i>1993</i>	<i>1994</i>	<i>1995</i>	<i>1996</i>	<i>1997</i>	<i>1998</i>
Количество этнографических выставок	2	4	2	3	3	1	2	3
<i>Год</i>	<i>1999</i>	<i>2000</i>	<i>2001</i>	<i>2002</i>	<i>2003</i>	<i>2004</i>	<i>2005</i>	<i>2006</i>
Количество этнографических выставок	3	5	6	5	3	2	2	2

Начиная с 2000-х гг. количество этнографических выставок в музее увеличивается почти вдвое, что, конечно, было очень полезно в работе с посетителями.

Безусловно, можно сказать, что деятельность ТОКМ, связанная с работой этнографических выставок, была плодотворной и творчески насыщенной. Об этом можно судить по проектам, представленным в экспозиционных залах. К примеру, по поводу выставки «Сквозь пеструю вязь поколений», которая рассказывала посетителям об истории и культуре татар, живущих в Западной Сибири, можно отметить, что подобная выставка в Тюмени проходила впервые. Интерес к ней объясняется отсутствием постоянной экспозиции, посвященной этнографии татарского населения. В залах представлены этническая история, ремесла и промыслы, убранство жилища, духовная культура коренного населения юга Тюменской области – сибирских татар, а также татар-бухарцев, переселившихся сюда в XVII в., и поволжских татар, начавших массовое переселение в Сибирь в конце XIX в.

Уникальной была выставка, открывшаяся в декабре 2005 г. в филиале ТОКМ «Дом Машарова», «Триумфальное шествие моды», которая включила 135 моделей кукол, демонстрировавших национальные костюмы в разные периоды истории народов. Как отметила директор музея Т. М. Исламова, назвавшая эту выставку особенной, «...ни в одном музее страны она не видела подобных работ, представленных в таком количестве и сделанных с основательной научной, художественной проработкой...» [Бучинская, Смилян, 2005].

Таким образом, можно констатировать, что этнографическая экспозиционно-выставочная работа в ТОКМ в 1991–2006 гг. была постоянной и занимала важное место во всей выставочной деятельности музея. Например, в 2000 г. всего было создано 30 выставок, из них 5 – этнографических, это не считая этнографических экспозиций, а в 2001 г. – 37, из них 6 – этнографических.

Эти экспозиции и выставки охватили историю и культуру многих народов России, прежде всего народов и национальных групп Тюменской области – русских, сибирских татар, хантов, манси, ненцев, казахов, коми-зырян, чувашей и др. Также экспозиционно-выставочная деятельность, конечно, сыграла значительную роль в научно-просветительской и воспитательной работе с населением, способствовала изменению его менталитета, а этнографические материалы послужили достижению взаимопонимания между людьми разных национальностей.

Библиографический список

Белов С. Л. Разработка форэскизного проекта экспозиции по истории Тюменского края // Словцовские чтения : материалы XVI Всерос. науч.-практ. конф. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2004. Ч. 2.

Белов С. Л. Экспозиционная деятельность Тюменского областного краеведческого музея: прошлое, настоящее, будущее (к 125-летию музея) // Земля Тюменская. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2005. Вып. 18. 403 с.

Бучинская А., Смилян Б. От куклы Барби к всемирной истории // Тюменские известия. 2005. 14 дек.

Вольхина М. Г. Выставка «Сибирский татарский дом» (из фондов ТОКМ) // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея: 1993. Тюмень, 1997а. С. 268–280.

Вольхина М. Г. Выставка «Строки арабский вязь» (коллекция редких книг на арабской графике из фондов ТОКМ) // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея: 1993. Тюмень, 1997б. С. 201–203.

Карпунин В. И. Выставка «Дальневосточная коллекция» (из фондов ТОКМ) // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея: 1993. Тюмень, 1997. С. 281–290.

Курбатова Т. А. Из опыта работы над выставкой «Окно в Сибирь» // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея: 1994. Тюмень, 1997. С. 211–218.

Паренкина О. В. Из опыта экспозиционно-выставочной деятельности Музея геологии, нефти и газа // Словцовские чтения – 2001. Тюмень, 2004. Ч. 2. С. 73–74.

Томилов Н. А. Тюменский областной краеведческий музей (краткий исторический очерк) // Хозяйство русских в коллекциях Тюменского областного краеведческого музея. Тюмень : Вектор Бук Лтд, 1994. С. 7–83.

**Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН
Terrakota-08@yandex.ru**

The purpose of this article is to provide an overview of exhibitions of the Tyumen Regional Museum named after I. Y. Slovцова on the ethnography of the peoples of Russia, first of all peoples and ethnic groups of the Tyumen region in the 1990–2006's and reveal the importance of this exhibition at the Museum of Science and advocacy and educational outreach. And also show how essential tool for the creation of each ethnographic exhibition is creativity. As employees of the museum shows not only a high professional level, the diversity of the work, but each of the ethnographic study of an art exhibition. This can be seen on the projects presented in the exhibition halls and the interest of the visitors to the museum.

Museum, exhibition, show, ethnography, art, Tyumen.

Л. С. Марсадолов

ИСТОКИ САКРАЛЬНО-НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ У ДРЕВНИХ КОЧЕВНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Привлекая современные методы исследований, можно реконструировать заложенные в древние объекты основы астрономии, «модели мира», метрологии, медицины, математики, ландшафтоведения и многих других отраслей знания. Во время ежегодных перекочевок и походов на далекие расстояния, особенно в бескрайних степях или пустынях, где нет надежных ориентиров, люди сверяли свой путь по звездам. Небесные светила, в первую очередь Солнце и Луна, а также созвездия, были составной частью культа Неба, что неизбежно вызывало потребность их познания и согласования своей жизни с их основными ритмами.

Археология, древние знания, кочевники, «модель мира», астрономия, метрология, святилища.

Древняя «модель мира». Относительно полное представление о взаимодействии человека с окружающим миром можно получить через «модель мира» как сумму человеческих знаний. «Модель мира» тесно связана с историческим временем и пространственно-территориальной средой и отражает наиболее ценный человеческий опыт, закрепленный в достижениях религии, науки, культуры и техники. Конкретно-исторические «модели мира» разных народов неоднократно рассматривались в работах многих ученых. В I тыс. до н. э. существовали закрепленные

в устной и письменной религиозных традициях библейская, авестийская, ицзинская (Книга перемен), даосская, ведическая, брахманическая, буддийская, греческая, кельтская и другие *системы мироздания*. «Скифская модель мира» наиболее полно реконструирована в работах Д. С. Раевского, а сакская – в монографии А. К. Акишева, которые в своих исследованиях опирались на многочисленные работы нескольких поколений исследователей [Раевский, 1985; Акишев, 1984]. Скифские и сакские «модели мира» имеют много общего между собой. В чем-то они близки и к другим вышеперечисленным мировоззренческим системам.

Следует отметить неполноту «археологической модели мира», реконструируемой на основе различных данных, лишь частично отражающих древнюю действительность. При сравнении современных и древних представлений о природных компонентах (табл. 1) можно найти много общих составляющих.

Таблица 1

ПРИРОДА
(сравнение современных и древних представлений
о компонентах окружающего мира)

Современные	Древние (реконструкция)	Обобщения
Вселенная (Космос) и небесные тела звезды, планеты Солнце, Луна свет огонь воздух горные породы (минералы) земля – почва вода – влага	Космос, Небо созвездия, планеты Солнце, Луна свет огонь воздух гора (минерал, металл) земля вода	КОСМОС НЕБО ВОЗДУХ ЗЕМЛЯ ВОДА
растения	дерево цветок	ФЛОРА
живые организмы Человек (как биосущество)	птица (мирная – хищная) травоядное копытное животное кровожадный хищный зверь змея рыба насекомые	ФАУНА ЧЕЛОВЕК

Многое из того, что для нас сейчас самоочевидно и обыденно, долгое время было сакральным и священным – гора (мировая, родовая, определитель погоды), дерево (мировое, жизни, познания), вода (живая и мертвая, небесная), лотос, огонь, небо. Мировое древо, гора, столб, каменное изваяние в культуре многих народов мира выступают как связующее звено между вселенной (макрокосмом) и человеком (микрокосмом) и являются местом их пересечения. Несомненно, уровень наших знаний больше улавливает сложность этих компонентов, но, вероятно, при этом

утрачивается целостность общей картины мироздания, духовная близость человека к природе, характерная для древних народов.

Кратко рассмотрим отдельные сакрализованные элементы, составляющие основу модели мира евразийских кочевников I тыс. до н. э. Они могут быть проанализированы с разных позиций – с точки зрения 2, 3, 5, 7-частных моделей. Трехчастная модель помогает более четко различить три основные вертикальные зоны вселенной: *верхнюю* – небо, *среднюю* – землю и *нижнюю* – подземный мир (табл. 2).

Таблица 2

Основные элементы «модели мира» кочевников Евразии в I тыс. до н. э.

Миры Элементы	Верхний	Средний	Нижний
<i>Основа</i>	Небо (огонь, свет) воздух	Флора, фауна, человек	Земля + вода
<i>Объекты</i>	Солнце, Луна, звезды, планеты	Растения, животные, люди	Почва, минералы, море, река, болото
<i>Гора</i>	Вершина	Склоны	Пещера, подножье
<i>Дерево (столб)</i>	Вершина	Ствол, ветви (плоды)	Корни (часть, вкопанная в землю)
<i>Зоомир</i>	Птица	Хищники (лев, тигр), копытные (олень, лось)	Змеи, рыбы, чудовища
<i>Конь</i>	Голова (маска), узда	Тулово (седло)	Ноги, хвост
<i>Часть тела</i>	Голова (центр – глаз)	Туловище (центр – сердце), руки	Ноги
<i>Одежда, украшения</i>	Головной убор (шлем), диадема, серьги, гривна, бусы	Плечевая и поясная одежда (доспехи), зеркало, браслет, кольцо, пояс	Обувь
<i>Социальная структура</i>	Вожди (цари), знать жрецы (?)	Воины, глава рода	Рядовые члены (скотоводы, земледельцы)
<i>Курганы</i>	Большие (I–III ранги)	Средние (III–IV ранги)	Малые (VI–IX ранги)
<i>Погребальный обряд</i>	Наземная конструкция (насыпь)	Внутримогильное сооружение (сруб)	Погребение на горизонте или в яме
<i>Скифские божества (по Геродоту)</i>	Табити (огонь), Папай (небо)	Таргитай (первопредок человека)	Апи (земля)
<i>Обожествление</i>	Отец небесный	Человек (прародитель)	Мать-земля
<i>Универсальная модель (цвет)</i>	Огонь, дух (красный, белый, синий); вершина (горы или дерева), небесные божества, вождь, жрец	Жизнь (зеленый), человек живой (вертикальный), ствол дерева, склон горы, божества земные, воин	Смерть (черный), человек мертвый (горизонтальный), углубление, пещера, яма, божества нижнего мира

Вышеприведенная «модель мира» позволяет рассматривать составляющие ее элементы как по горизонтали, так и по вертикали. С помощью этой таблицы можно проследить вертикальные и горизонтальные семантические цепочки-связи: между человеком, природным сакрализованным объектом и божеством того времени; между человеком, конем, животными, горой, небесными объектами и природными стихиями; между дифференцированной социальной структурой общества и курганным погребальным обрядом; можно также объяснить наличие тех или иных изображений на изваяниях, оленных камнях, наскальных рисунках, предметах и т. п.; реконструировать недостающие или выпавшие объекты для более полной и убедительной общей картины или из нескольких частей создать единое непротиворечивое целое и т. д.

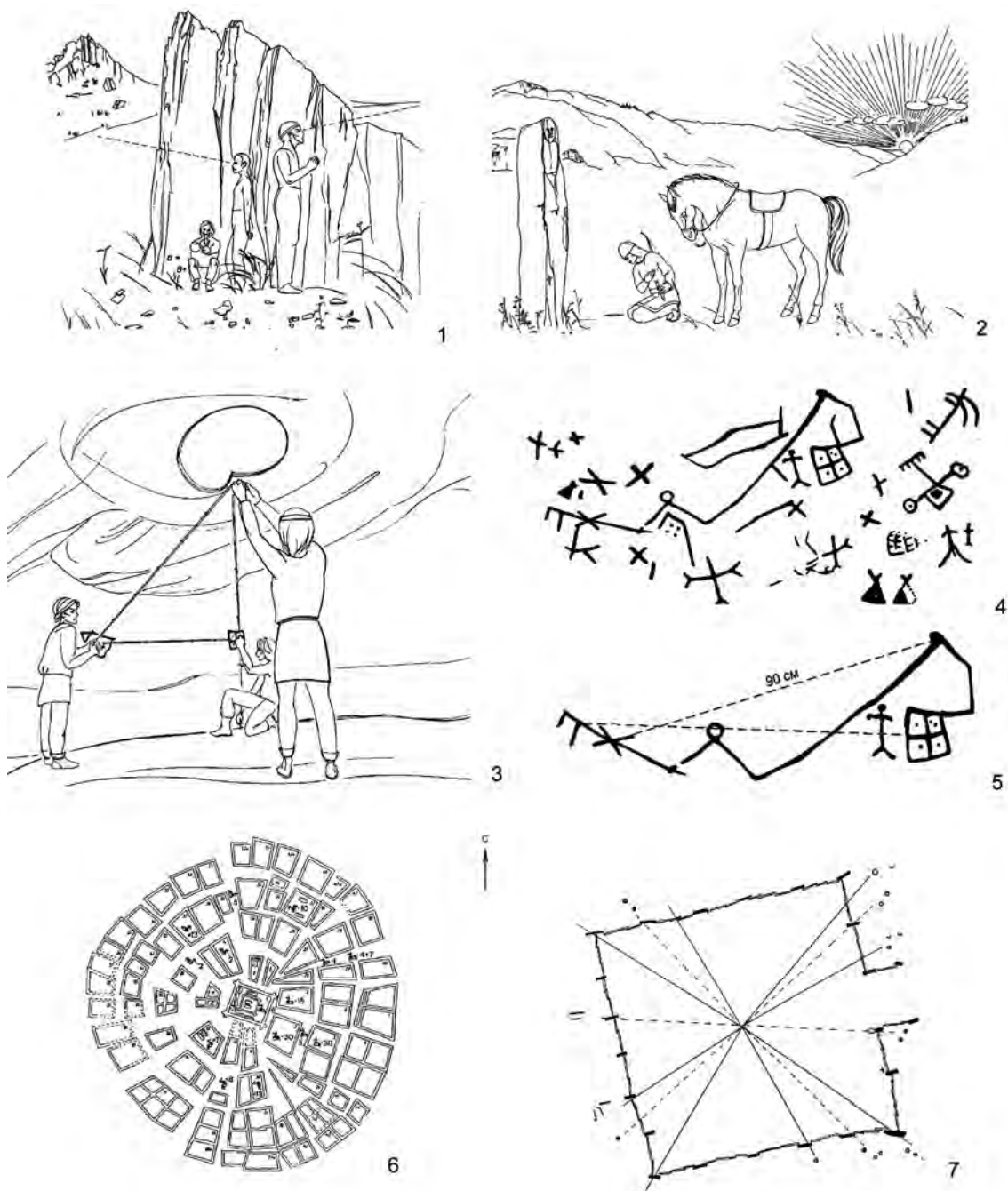
При анализе объектов можно наметить не видимые визуально, но предполагаемые семантические связи без обращения к примерам из африканской или австралийской этнографии. Например, семантическая цепочка: головной убор вождя – вершина горы – вершина дерева – птица – небесные объекты = верхний мир; склон горы – хищник (барс) – ствол дерева = средний мир и т. д. – наиболее ярко отражена в остроконечном уборе из кургана Иссык [Акишев, 1984].

Такой малопонятный, на первый взгляд, эпизод из скифской генеалогической легенды, приводимой Геродотом (IV. 8–10), о прибытии Геракла из-за океана, его встрече со змееногой девой, живущей в пещере, находит семантическое объяснение, исходя из табл. 2: вода – земля – пещера – дева – змея – ноги и т. д.

Построение «модели мира» является попыткой согласования природных, хозяйственных, социальных, сакрально-культурных, древненаучных явлений в единое непротиворечивое целое. Кратко рассмотрим конкретные археологические факты, по которым можно восстановить уровни познания древних кочевников I тыс. до н. э.

Астрономия. Большую роль играла астрономия в жизни древнего мира. Велико значение астрономии и в наши дни – от полетов в космос, наблюдений звезд до проверки точного времени. У кочевых народов Евразии, как и у многих других народностей, время в основном определялось по чередованию дня и ночи, по смене лунных фаз – недель и месяцев. Небесные светила, в первую очередь Солнце и Луна, а также созвездия были составной частью культа Неба, помогали ориентироваться во время ежегодных перекочевков и походов на далекие расстояния.

Еще с эпохи палеолита площадка перед входом в пещеру, так же как и скальный грот, иногда служила наблюдательным астропунктом. В урочище *Семисарт на Алтае* в южной части скальных выходов зафиксировано два наблюдательных пункта – *нижний и верхний*, которые состоят из трех-четырех находящихся рядом скальных ниш с вертикальными боковыми стенками, которые, возможно, были подправлены в древности. Функциональное назначение каждой ниши было строго специализированным и определялось ее положением на скале. Например, из одной ниши можно наблюдать *только точки восхода Солнца и Луны на востоке; из другой – только точки их захода на западе; из третьей – только южную часть горизонта* и т. д. Сидя или стоя можно также наблюдать *горизонтальное и вертикальное перемещения небесных тел* (рис., 1) [Марсадалов, 2001].

Астрономические представления древних кочевников Саяно-Алтая:

1 – реконструкция процесса астрономических наблюдений из разных скальных ниш в Семисарте на Центральном Алтае; 2 – реконструкция поклонения каменному изваянию в урочище Адыр-Кан на Алтае на восходе солнца в день весеннего равноденствия; 3 – реконструкция разметки изображений с помощью веревки в гроте Ак-Баур на Западном Алтае; 4 – прорисовка изображений на стене грота в Ак-Бауре (фрагмент древней карты звездного неба); 5 – схематичный рисунок «квадрата» и созвездия Дракона в центральной части грота Ак-Баур; 6 – план деревянных конструкций и захоронения коней в кургане Аржан-1 в Туве (напоминает символ Солнца); 7 – план каменной ограды Большого Салбыкского кургана в Хакасии с нанесенными направлениями восходов и заходов Солнца (пунктиром) и Луны (сплошная линия) в астрономически значимые дни

Ак-Баур – сложный комплекс разновременных объектов на Западном Алтае, среди которых выделяется грот с 82 наскальными рисунками, выполненными красной краской [Самашев, 1992]. Писаницы расположены главным образом на противоположной от входа стене и частично – на потолке грота. Округлое отверстие размером около 90 см ($1/2$ сажени = кулаша) на потолке грота – постоянная точка для наблюдений за солнцем и ночным небом (рис., 3) [Марсадолов, 2002а]. Важность изображения четырехугольника с крестом в центральной части грота была подчеркнута расположенным рядом рисунком человека (рис., 5). В целом, вероятно, композиция рисунков в гроте Ак-Баур отражала реальный участок звездного неба, в который входили созвездия Большой Медведицы (Ковш), Дракона, Близнецов, Козерога и др. (рис., 4). На стене грота изображены не «неподвижные» реальные созвездия, а скорее их зрительно-образное восприятие, переданное путем геометрической разметки (рис., 5), это своеобразное соединение мировоззренческих основ с математикой и астрономией [Марсадолов, 2002а].

Одним из индикаторов нахождения астрокомплексов в разных регионах являются наскальные рисунки в виде квадрата с линиями в центре (рис., 4, 5). Такие изображения, выполненные красной краской или выбитые на скале, были найдены в ряде пунктов на Алтае – в Семисарте, в гроте Ак-Баур, на мегалитическом комплексе в Тархате [Марсадолов, 2007], а также в Монголии на святилище Хачурт [Окладников, Запорожская, 1970, табл. 61], в тех местах, где производились астрономические наблюдения.

Огромное значение в жизни и хозяйстве кочевников играл конь, сопровождавший человека в реальной и сакральной жизни с детства до старости и после смерти. Геродот писал, что массагеты не знают других богов, кроме солнца, а солнцу приносят в жертву коней: быстрейшему богу – быстрейшее животное. Евразийские кочевники имели как крупные ритуальные центры, так и небольшие культовые места, посвященные культам Солнца и коня [Марсадолов, 2002б]. В центре святилищ на равнине в качестве своеобразного алтаря ставили большой олений камень или стелу с изображениями. Верхняя часть изваяния уходила в небо, средняя была на уровне людей, а нижняя – опущена в землю, в подземный мир. Лицевой частью оленные камни были ориентированы на восток – в сторону восхода солнца в дни весеннего и осеннего равноденствия (рис., 2) [Марсадолов, 2007].

«Царский» курган *Аржан-1* диаметром до 120 м и высотой 4 м относится к числу самых значимых памятников предскифского времени на территории Евразии [Грязнов, 1980]. С северной и южной сторон от центра кургана на относительно небольшом расстоянии расположены самые высокие горы в этом районе, а с восточной и западной сторон – низкие удаленные горы, позволяющие наблюдать восходы/заходы Солнца и Луны в течение всего года. В кургане Аржан-1 довольно четко прослеживается трехчленная вертикальная структура: верхний мир (небо = каменная насыпь), средний (центр, погребения людей и коней, деревянная конструкция) и нижний мир (земля).

В сакральной *восточной части* кургана было погребено наибольшее количество коней: $30 + 30 + 15 + 3 + 12 = 90$, что, вероятно, соответствовало трем месяцам или одному сезону года (рис., 6). Числа эти отражали календарную символику: 30 = количество дней в месяце, 15 = $1/2$ месяца, 12 = число месяцев в году, 3 = один сезон года из трех месяцев. Общее число коней равно $160 + 15-20$ хвостов коней

под полом центральной камеры, т. е. всего около 180 коней = полгода. Идея: восток = весна = восход Солнца = рождение = возрождение (годового природного цикла жизни и смерти) – является господствующей в этом объекте.

В целом курган Аржан–1 является не только сложным погребально-поминальным объектом, но и своеобразной «моделью мира» древних кочевников Центральной Азии [Марсадолов, 2009]. По материалам кургана Аржан–1 можно проследить зарождение представлений о Мандале и Калачакре («Колесе времени»). Курган Аржан–1 является одним из самых ранних объектов, но не единственным памятником в евразийских степях, в котором определена идея, согласно которой *один конь равен одному дню*. Эта идея также нашла отражение в числе захороненных коней в курганах Прикубанья, раскопанных Н. И. Веселовским: *360 коней = 1 год* (VI в. до н. э.; Ульский Аул, 1898 г.); *30 коней = 1 месяц* (IV в. до н. э.; станция Воронежская, курган № 19, 1903 г.).

В 1954–1956 гг. экспедиция С. В. Киселёва раскопала *Большой Салбыкский курган*, расположенный в центре Хакасии, относящийся к V в. до н. э. Этот курган является самым крупным мегалитическим объектом в Сибири с каменной оградой размером 71 × 71 м, для сооружения которой были использованы и огромные стелы и плиты из более древних святилищ. Основная могила в Большом Салбыкском кургане смещена в западную половину объекта, а центр кургана, вероятно, продолжительное время оставался свободным, что позволяло проводить длительные астрономические наблюдения, установить высокие вертикальные стелы ограды в значимых точках, соответствующих астрономически важным дням (рис. 7). «Вход» в каменную ограду кургана сооружали с восточной стороны, а дромос к центральной погребальной камере вел с противоположной западной части.

У южной стены дромоса захоронили двух мужчин, уложили их в ритуальных позах и ориентировали головой на восток – на восход солнца, сторону возрождения; а ногами на запад – в сторону заката солнца и смерти. Мужчина, расположенный в южной части, лежал на спине *лицом вверх, в Небо*, с вытянутыми вниз вдоль тулова руками, с ножом на «поясе», рядом с кистью левой руки. Второй человек был положен лицом вниз, с согнутой под прямым углом рукой, с черепом лисицы или собаки около пояса, что позволяет предполагать погребение жреца или шамана, который должен был помочь вождю и его родным в странствиях в подземном мире. Одна его рука тесно переплетена с рукой его «друга и помощника», а другая – касается его плеча. Не исключено, что уже здесь прослеживаются одни из первых признаков разделения сфер влияния духовных помощников вождя на небесную и подземную области. В дальнейшем у народов Сибири это найдет более четкое отражение в их «специализации» – подразделении шаманов на белых и черных. Белое шаманство больше связано с Небом, его сферами и духами, а черное – с подземным миром, его духами и властителями.

Детальное изучение каменных плит ограды в Салбыке позволило впервые на тагарских курганах зафиксировать значимость цветовой гаммы. В большинстве случаев на востоке, со стороны *восхода* Солнца и Луны, находятся камни более *светлых оттенков*, а с западной стороны, *захода* Солнца и Луны, – более *темных тонов*. Восточная стена ограды имеет, больше светло-вишневых и сероватых по цвету плит, а западная – темно-вишневых. Наиболее светлый по цвету камень находится в самой «высокой» точке кургана – в северо-восточном углу и имеет серова-

то-зеленоватый цвет. Большая, сложная по структуре, *зеленая сверху земляная* насыпь пирамидальной формы была устремлена вверх – *в Небо, через смерть к новой жизни* [Марсадолов, 2010].

Около поселка Аржан в Туве большие *округлые* курганы сооружали по линии СВ-ЮЗ и *ориентировали по солнцу* – на высокую точку восхода в день летнего солнцестояния и низкую точку захода солнца в день зимнего солнцестояния. Цепочка *квадратных* «курганов-пирамид» в Салбыке в Хакасии ориентирована по линии СЗ-ЮВ – по направлению *восхода* низкой луны на ЮЗ и *захода* низкой луны на СЗ. Курганы пазырыкской культуры Алтая, как правило, расположены *цепочкой* по линии С-Ю, по линии самого высокого положения солнца в полдень на юге и ночной неподвижной высокой точки на севере. Таким образом, конструкция, размеры и ориентировка больших курганов свидетельствуют о сохранении не только этнического, политического, экономического своеобразия, но и важных древних сакральных знаний [Марсадолов, 2012].

Метрология. Древняя метрология обычно хорошо проявляется как в размерах сооружений, каменных плит, мелких предметов, так и в расстояниях между крупными объектами. Для выявления метрологических закономерностей современные количественные характеристики необходимо перевести в древнюю систему мер [Марсадолов, 2001; 2007]. При более детальном изучении материалов было выявлено, что в древности гораздо чаще использовали прямую сажень (потюркски – кулаш), равную около 178–180 см, что соответствовало среднему росту человека и расстоянию между размахом вытянутых горизонтально рук взрослого человека, от большого пальца одной руки до большого пальца другой. На этот размер была вырыта основная могильная яма и сделан сруб для погребения вождя в Салбыке, сооружена временная деревянная ограда и выровнен верхний край горизонтально установленных каменных плит ограды. Не исключено, что разметка ряда изображений на скалах и в гротах производилась с помощью мерной веревки с узелками, расположенными на расстоянии в 30 (фут-нога) – 60 – 90 ($1/2$ сажени) и 180 см (рис., 3, 5).

Система счета. Еще в эпоху палеолита зародилась фиксация счетных единиц в виде ямок, зарубок, рядов прямых, «полулунных» и перекрещивающихся насечек, а также появились разные системы их счисления – *по пальцам рук* (от 1 до 5–10–20 и т. д.), *по фазам Луны* (7–14–28 дней) [Фролов, 1992]. Необходимость счета у кочевников и других народов Евразии возникла из потребности знания числа дней, месяцев и лет; учета принадлежавшего им скота; организации войсковых подразделений; пересчета пленных и рабов, раздела военной добычи и обмена товарами с соседями; для игры и гадания.

На территории Южной Сибири счетные метки были выявлены на альчиках баранов из поселения Торгажак в Хакасии, относящихся к X–IX вв. до н. э. [Савинов, 1996, табл. XIV]; на бревнах срубов из больших курганов пазырыкской культуры Алтая VI–V вв. до н. э. [Руденко, 1953], в хуннских памятниках Забайкалья [Марсадолов, Мичри, 2009] и на многих других объектах. Счисление единицами было достаточным для практических нужд хунну, но по китайским письменным источникам известны и более крупные счетные цифры, которые использовались в военной и социальной структурах хуннского общества – десятские, сотские, тысяцкие и др. [Таскин, 1973, с. 14].

Основы геометрии. В своей повседневной и сакральной деятельности при разметке изображений и предметов кочевники использовали прямоугольник и квадрат, равносторонний и равнобедренный треугольники, параллелограмм и ромб, трапецию, прямой угол, круг, прямой и косой крест, золотое сечение; ступенчатую пирамиду и другие фигуры. При создании разных по сложности композиций мастера часто использовали однократное, двукратное, трехкратное и четырехкратное повторение на равном расстоянии простых геометрических мотивов в виде равносторонних и равнобедренных треугольников, ромбов и других фигур. Гармоничность пропорций каменной пластины, найденной на Иволгинском городище [Давыдова, 1995], была достигнута благодаря тому, что в первоначальную форму ее заготовки заложили принцип золотого сечения. Размеры этой пластины – длина 13,6 см и ширина 8,4 см – соответствуют золотой пропорции [Марсадолов, Мичри, 2009].

Основы космомедицины. Китайские историки зафиксировали, что в хуннское время правитель-шаньюй «утром выходит из лагеря поклоняться восходящему солнцу, ввечеру – поклоняться луне. Он сидит на левой стороне лицом к северу... Предпринимают дела, смотря по положению звезд и луны. К полнолунию идут на войну; при ущербе луны отступают» [Бичурин, 1950, с. 50]. Вышеприведенный текст свидетельствует о знании хуннами не только астрономии, но и медицины. Как установили современные биологи и медики, в полнолуние поднимается давление в крови, возрастает активность и возбужденность человека, его способность к трате накопленных сил, а при «ущербе луны» замедляется обмен веществ, убывают силы, часто наступает апатия и вялость.

Даже кратко рассмотренное небольшое число ныне известных археологических материалов свидетельствует о высоком уровне познаний древних кочевников в астрономии, математике (счете и геометрии), планиграфии, метрологии, медицине и в сакральном ландшафтоведении. Мировоззренческие представления тесно связаны с понятиями о «модели мира», о Космосе, Земле, Небе, звездах, планетах, сакральной жизни богов, отдельных животных, деревьев и многими другими факторами. Накопленные знания и частички мудрости, навыки в астрономии и геометрической разметке кочевники применяли не только для создания простых и сложных композиций при украшении бытовых и культовых предметов, но и при сооружении временных и постоянных поселков, жилищ, некрополей, храмов, алтарей, а также для многих других жизненно важных и сакральных целей.

Библиографический список

- Акишев А. К.* Искусство и мифология саков. Алма-Ата, 1984. 176 с.
- Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. 355 с.
- Грязнов М. П.* Аржан – царский курган раннескифского времени. Л., 1980. 63 с.
- Давыдова А. В.* Иволгинское городище. Археологические памятники сунну. СПб. : Фонд «АзиатИКА», 1995. Вып. 1. 94 с.
- Марсадолов Л. С.* Комплекс памятников в Семисарте на Алтае. Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. СПб., 2001. Вып. 4. 65 с.
- Марсадолов Л. С.* Астрономический аспект грота Ак-Баур на Западном Алтае // Астрономия древних обществ. М., 2002а. С. 228–234.

Марсадолов Л. С. Культурные центры Солнца в Центральной Азии: «ритуальные клады» или культурные места в IX–VI веках до н. э.? // Клады. Состав, хронология, интерпретация : материалы тематич. науч. конф. (Санкт-Петербург, 26–29 ноября 2002 г.). СПб., 2002б. С. 42–44.

Марсадолов Л. С. Отчет об исследовании древних святилищ Алтая в 2003–2005 гг. Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. СПб. : Изд-во Государственного Эрмитажа, 2007. Вып. 5. 278 с.

Марсадолов Л. С. Курган Аржан–1 в Центре Азии (геополитический и астрономический аспекты) // Наследие народов Центральной Азии и сопредельных территорий: изучение, сохранение и использование : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Кызыл, 9–10 сентября 2009 г.) : в 2 ч. Кызыл : КЦО «Аныяк», 2009. Ч. I. С. 59–63.

Марсадолов Л. С. Большой Салбыкский курган в Хакасии. Абакан, 2010. 128 с.

Марсадолов Л. С. Сакральное, социально-экономическое и геополитическое лидерство вождей кочевых племен Саяно-Алтая в I тысячелетии до н. э. // Теория и методология архаики. Лидерство в архаике: условия и формы проявления. СПб., 2011. С. 130–142.

Марсадолов Л. С. Жертвоприношения на сакральных путях-направлениях у древних кочевников Саяно-Алтая // Жертвоприношение в архаике: атрибуция, назначение, цель : сб. науч. тр. семинара «Теория и методология архаики». СПб. : МАЭ РАН, 2012. Вып. V. С. 87–115.

Марсадолов Л. С., Мичри М. В. Математические основы орнаментального искусства у хуннов Забайкалья во II–I веках до н. э. (постановка проблемы) // «Homo Eurasicus» у врат искусства : сб. тр. междунар. конф. СПб. : Астерион, 2009. С. 201–211.

Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья. Л. : Наука, 1970. Ч. 2. 264 с.

Раевский Д. С. Модель мира скифской культуры. Проблемы мировоззрения ирано-язычных народов евразийских степей I тыс. до н. э. М. : Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1985. 255 с.

Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М. ; Л., 1953. 403 с.

Савинов Д. Г. Древние поселения Хакасии: Торгажак. СПб. : Центр «Петербургское Востоковедение», 1996. 112 с.

Самашев З. С. Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. Алма-Ата, 1992. 288 с.

Таскин В. С. Предисловие // Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). М. : Наука, 1973. Вып. 2. С. 3–17.

Фролов Б. А. Первобытная графика Европы. М., Наука, 1992. 200 с.

**Государственный Эрмитаж (Россия, Санкт-Петербург)
marsadolov@hermitage.ru**

Involving the modern methods of research according, you can reconstruct incorporated in ancient objects the bases of astronomy, models of the world, metrology, medicine, mathematics, landscape and many other branches of knowledge. At the time of annual movements to far distances, especially in edgeless steppes or deserts, where no safe orientations, people collate their way with stars. Heavenly bodies, first of all the Sun and the Moon, and also constellations, were components parts of the cult of the Sky, which was caused by the need of cognition and agreement of own life with their basic rhythms.

Archaeology, ancient knowledge, nomads, model of the world, astronomy, metrology, sanctuaries.

Б. Ч. Мунхбаяр

К ПРОБЛЕМЕ ИЗМЕНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ТРАДИЦИОННОГО МЫШЛЕНИЯ МОНГОЛОВ В ОБЪЯСНЕНИИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ПАМЯТНИКОВ*

В статье исследуется традиционное мышление монголов в аспекте объяснения историко-культурных памятников (наскальные рисунки, бронзовые наконечники стрел, каменные бабы и др.). Изучение данной темы позволит решить ряд задач по сохранению культурно-исторических памятников.

Монголия, наконечники стрел, петроглифы, херексур, каменные изваяния, тюркские оградки.

Около местности, называемой Долоон нуур сомона Мунххайрхан Ховдского аймака, были зафиксированы многочисленные курганы. Уранхайцы называют курганы «Хялгажай уур» [Ганболд, 2000, с. 4–5]. Уолдцы сомона Эрдэнэбурэн называют их «хялгасан уур». Детям, пасущим стадо, строго запрещают спать около них, идти через курганы и копать. Поспавший около них теряет память, может стать бешеным. Отсюда видно, что жители Западной Монголии каким-то образом знали, что курганы – это могилы. Говорят, что есть места, где водятся приведения. Именно там располагаются курганы. В Центральной Монголии они имели точное название – каменные курганы [Намандорж, 1967, с. 144], могилы киргизов [Наваан, 1970, с. 14]. У исследователей и ученых разные точки зрения на названия данных сооружений. Асгатские курганы-памятники находятся на северо-восточной части горы Тулээ сомона Могод Булганского аймака. Как отмечено российским ботаником П. П. Левиным, к концу XIX в., по рассказам местных жителей, монголы с давних времен поклонялись им, и данные сведения привлекли внимание турецких исследователей, которые считаются основоположниками изучения данных курганов [Сэр-Оджав, 1970, с. 43–44].

О древних могилах, поминальниках, каменных курганах, находящихся вдоль р. Булган, говорят, что это следы от коня богатыря Сартагтай. Результаты археологического исследования данных курганов относят их к ранней бронзе [Ковалев и др., 2008, с. 172–176]. Также охровые рисунки бронзового века, обнаруженные в местности Толжгий боом Хубсугулского аймака, связывают с жизнью и деятельностью Ван Цэнгунжава [Гочоо, Доржсүрэн 1963, с. 73–78, рис. 15а, 16]. Б. Ринчин о наскальных рисунках писал: «Монгольские шаманы с давних времен скалы с рисунками считали местом почитания своих предков, и до 1930-х гг. там проводились обряды не только шаманских, но и других религиозных верований» (Мөнхбаяр, 2009а, б; Николаев, Мельникова, 2008, с. 47, 147, табл. 44).

Монголы считают, что наскальные рисунки изображены небесным ангелом [Наваан, 1970]. Говорят, что наскальные рисунки – это игрушки ангелов. Ангелы спускаются на Землю и изображают на скале рисунки, ангелы, превратившись в птицу, спускаются в страну Замба и ночью делают рисунки.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования, культуры и науки Монголии (проект «Алтай III»).

© Мунхбаяр Б. Ч., 2013

Когда Монголия вошла в состав Маньчжурской империи, острый металлический наконечник стрелы был заменен деревянным, из-за чего лук, который использовался раньше, стал считаться оружием небес. Это объясняется тем, что на рубеже XIX–XX вв. стали пользоваться кремневым ружьем, и лук исчез из вооружения. Монголы бронзовый наконечник считают небесным и говорят: «На высоких небесах вечно воюющие люди живут. Их наконечники падают на Землю, и они называются небесными и выглядят как сожженные» [Наваан, 1970, с. 40].

В Восточной Монголии была традиция располагать каменные бабы горизонтально, так как в вертикальном положении они мешают дождям, также была традиция отрывать у них голову, что объясняется тем, что каменные бабы с головой оказывают на скот плохое влияние [Баяр, 1997, с. 21–22]. В сомоне Алтай стали поклоняться каменной бабе, так называемой Ламе, даже привели из Уланбатора лам, чтобы освящать ее. Эта работа была исполнена по предложению одного ламы-ясновидящего, как говорят местные жители, который был отправлен при социализме работать на шахту у ущелья Бодонч. Есть факты, что двое мужчин, которые копали данное изваяние, погибли возле этой местности из-за автокатастрофы. В сомоне Чандмань жители преподносят самое лучшее из пищи каменной бабе «Ургуст» [Тишкин и др., 2008, с. 203–209], в сомоне Эрдэнэбурэн один скотовод много лет поклонялся найденному им черепу, в результате чего умножилось количество его скота, и поэтому сегодня по всему сомону поклоняются данному черепу. В сомоне Дорволжин Завханского аймака появился богач, который поклонялся железным стременам, обнаруженным в кургане.

Можем привести многочисленные примеры, когда археологические памятники превратились в объекты поклонения. Г. Н. Потанин, путешествовавший в конце XIX в. по Монголии, отметил деревянный дом, обвешанный хадаками с каменной бабой, которая славилась среди народа как памятник богатырю Даян на берегу оз. Даян на территории сомона Сагсай Баян-Улгийского аймака [Потанин, 1881, с. 81]. Это свидетельствует, что каменные бабы почитались монголами, и правительство Богда хана приняло различные меры по защите данных памятников. В 2007 г. совместная группа исследователей Монголии, Кореи и России провела исследование поминальников с каменными бабами, которые располагались на высокой долине на юге горы Хул алаг на территории сомона Улаан Хус Баян-Улгийского аймака [Кубарев и др., 2007, с. 293–303; Цэвээндорж и др., 2008, с. 258–273]. В некоторых местах поклонялись каменным бабам, непосредственно связанным с традиционным шаманизмом, свидетельством чего служит каменная баба, сохраненная до наших дней в храме Даян в сомоне Цагаан-Уул Хубсугулского аймака [Сэр-Оджав, 1970, с. 52]. Каменной бабе, расположенной на холме Халиут сомона Алтай (аймак Ховд), в наши дни преподносят лучшее в пище и чае, считая, что это памятник халхаскому богатырю Халиудай, которого убили ойратские воины. Ярким примером служит «Ээж чулуу», располагающийся в центральной части Монголии. Поклоняющиеся одевали его и построили вокруг него забор. Считают, что если навещать его подряд 3 года, то он будет влиять на благополучие посетившего.

В южной части горы Ширээт Среднегобийского аймака в местности, называемой Хошоотын булаг, есть поминальное сооружение тюркского времени, располагающееся на $47^{\circ}11.368'$ северной широты и в $106^{\circ}37.568'$ восточной долготы. Оно

превратилось в объект поклонения. Подобный случай наблюдался в сомоне Муст Ховдского аймака. Существуют сведения, что балбалы поминальников Хужирт считаются треножащими камнями, камни на холме Хох сомона Мянгад объясняются как памятники воинам богатыря Амарсанаа [Дашзэвэг, 2011, с. 278].

В традиционном мышлении монголов сохранились обряды почитания овоо. Нельзя трогать камни, взятые камни следует ставить обратно на старое место, детям запрещается играть возле курганов, спать около них опасно, так как становятся бешеными и т. д. Однако казахи небрежно относятся к природе и выкапывают курганы, памятники, камни из них используют в быту. Они считают, что у них родина другая, и здесь они временно проживают.

Исследователям необходимо продолжить тщательное изучение отношения монголов к историко-культурным памятникам. Со стороны правительства и власти необходимо принять меры по сохранению и сбережению историко-культурных памятников, законом регулировать отношение людей к ним.

Библиографический список

Баяр Д. Каменные бабы тюркского времени в центральной части Монголии. Улан-Батор, 1997. 148 с.

Ганболд М. Полевая практика по этнографии. Ховд аймгийн Мөнххайрхан сум (1999–2000 оны хичээлийн жил). МУИС-ийн Ховд дахь салбар сургуулийн НУТ-ийн фонд. Ховд, 2000.

Гочоо Ц., Доржсүрэн Ц. Записки античности, проведенные в сомоне Улаан уул Хубсугулского аймака // *Studia Archeologica*. Т. II. Ф. 2. Улан-Батор, 1963. С. 73–85.

Дашзэвэг Ч. Некоторые географические наименования Западной Монголии, связанные с историческими лицами // *Ойрад судлал – Өнөө ба ирээдүй* (2010.09.17–19. Ховд хот.) хурлын илтгэлүүдийн эмхэтгэл. Улан-Батор, 2011. С. 276–278.

Ковалев А. А., Эрдэнэбаатар Д., Зайцева Г. И., Бурова Н. Д. Радиоуглеродное датирование курганов Монгольского Алтая, исследованных Международной Центральноазиатской археологической экспедицией, и его значение для хронологического и типологического упорядочения памятников бронзового века Центральной Азии // *Древние и средневековые кочевники Центральной Азии*. Барнаул, 2008. С. 172–176.

Кубарев Г. В., Гилсу Со., Кубарев В. Д., Цэвээндорж Д., Лхундэв Г., Баярхүү Н., Ким Хый Чхан, Канн Сом, Чжон Вон Чхоль. Исследование древнетюркских памятников в долине реки Хар-Ямаатын гол (Монгольский Алтай) // *Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий*. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. XIII. С. 293–303.

Николаев В. С., Мельникова Л. В. Петроглифы Кудинской долины. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2008. 170 с.

Потанин Г. Н. Очерки северо-западной Монголии : результаты путешествия, исполненного в 1876–1877 гг. по поручению ИРГО членом-сотрудником одного Г. Н. Потаниным. СПб., 1881. Вып. II.

Мөнхбаяр Ч. «Бичигт хясууны тод үсгийн дурсгал» сэдэвт ажлын (ХИС-ийн дотоодын санхүүжилт бүхий төслийн) тайлан (2008–2009 оны хичээлийн жил). Ховд, 2009а. 42 с.

Мөнхбаяр Ч. Гуравдугаар бүлэг. Түүх соёлын дурсгалын өнөөгийн байдал // *Ногоондов – Даланзадгад чиглэлийн хатуу хучилттай 120 км замын трассын дагуух байгаль орчны төлөв байдлын судалгааны тайлан*. «МСПС» ХХК. Улан-Батор, 2009б.

- Наваан Д.* Мянган дурсгалын эх орон. Улан-Батор, 1970. 44 с.
Намнандорж О. Монгол орны газар зүйн гайхам сонин. Улан-Батор, 1967. 160 с.
Сэр-Оджав Н. Эртний түрэгүүд. Улан-Батор, 1970. 120 с.
Тишкин А. А., Горбунов В. В., Эрдэнэбаатар Д., Нямдорж Б., Нямсүрэн Л., Мөнхбаяр Ч. Ховд аймгийн нутгаас шинээр илэрсэн хүн чулуун хөшөө // ХИС-ийн НХУС-ийн эрдэм шинжилгээний бичиг. Улан-Батор, 2008. № 13. С. 203–209.
Цэвээндорж Д., Кубарев В. Д., Лхундэв Г., Кубарев Г. В., Баярхүү Н. Хар Ямаатын Түрэгийн үеийн дурсгалуудын малтлагын үр дүн // *Studia Archeologica*. Т. VI (XXVI), F. 13. Улан-Батор, 2008. С. 258–273.

Ховдский государственный университет (Монголия)
munkh_boroldoi@yahoo.com

Mongolian traditional thinking is examined in the article by explaining the historical and cultural monuments (rock carvings, bronze arrowheads, stone images, etc). The study of this topic makes it possible to settle a number of issues of preservation of cultural and historical monuments.

Mongolia, arrowheads, petroglyphs, kherexur, stone sculptures, Turkic fences.

Г. Б. Нурахметова

ВИДЫ КАЗАХСКОГО ТРАДИЦИОННОГО РЕМЕСЛА В СУБРЕГИОНЕ АККОЛЬ-ЖАЙЫЛМА

В настоящей статье рассматриваются некоторые виды традиционных казахских ремесел, сохранившихся в субрегионе Акколь-Жайылма на территории Павлодарской области.

Войлочные изделия, сырмак, тускииз, текемет, орнамент.

Субрегион, известный среди казахов под названием Акколь-Жайылма, со своими многочисленными озерами и реками с самой седой древности был особо благоприятен для жизнедеятельности людей. С древнейших времен в данном субрегионе сформировалась своеобразная хозяйственно-культурная система, основанная на симбиозе кочевого скотоводства, земледелия, рыболовства и ремесла. И. Словцов в путевых заметках описывает выделку кошемных изделий казахов от левобережья Иртыша до Ишима, особо подчеркивая, что выделка кошмы среди всех производств занимает первое место.

В данной работе на основе материалов комплексной этнографической экспедиции «Акколь-Жайылма» (2008–2009) и Павлодарского областного историко-краеведческого музея им. Г. Н. Потанина рассматриваются некоторые виды традиционных казахских ремесел, сохранившихся в субрегионе Акколь-Жайылма Экибастузского района Павлодарской области.

Традиционные методы изготовления войлочных изделий жительница аула Каражар Нургалиева Гульбахыт использует и в настоящее время. Для изготовления *сырмака* осеннюю шерсть моют, сушат, теребят палками (*сабайды*), затем стелют на камыш и равномерно заливают кипяченой водой, заворачивают камыш рулоном, еще раз заливают кипяченой водой и уплотняют ногами, разворачивают и заворачивают только шерсть, после этого заливают кипяченой водой и придавливают локтями (*білектейді*). Затем сушат, после просушки из белой и черной шерсти вырезают орнаменты и накладывают друг на друга, скрепляют между собой и прошивают, края обшивают тесьмой (*су жін*). Тесьму изготавливают из шерстяных ниток, тесьма скручивается из двух нитей, одну крутят в левую сторону, другую – в правую. Подклад изготавливают из старых вещей – одеяла или пальто.

Технология изготовления *сырмака* несложна, хотя занимает значительно больше времени, чем изготовление других войлочных изделий. Мастерицы над одним *сырмаком* работают весь год и даже больше, поэтому в народе его называют *бітпес*, что означает «нескончаемый». *Сырмаки* – постилочные войлочные ковры, выполненные в технике мозаики. Сам выбор мозаичной техники – врезывание войлока одного цвета в войлок другого цвета – наиболее отвечает назначению изделия как ковра, постилаемого на пол. Здесь не годится ни аппликация, ни вышивка, так как узор должен ложиться в уровень с поверхностью фона, что предохраняет ковер от преждевременного износа.

При изготовлении *сырмака* войлок расходуют чрезвычайно экономно, отходы не допускаются. Мастерница накладывает войлок одного цвета на другой, наносит мелом задуманный узор и по узору режет сразу оба слоя. Затем в белый войлок вставляется темный, коричневый, и наоборот: в темный, коричневый – белый. Получаются две зеркально отраженные орнаментированные поверхности. По линиям соединения кусков разноцветного войлока пришивается цветной шнур, роль которого в общем колористическом решении ковра очень значительна.

Также наиболее распространенными в быту казахской семьи являются настенные ковры *түскиизы* – войлочные и матерчатые. Для изготовления войлочных *түскиизов* мастерицы применяют два метода: инкрустацию и аппликацию. Техника изготовления инкрустированного войлочного *түскииза* аналогична технике инкрустированного *сырмака*. Техника изготовления – «стегание» (*сыру*). Отсюда и название.

Түскиизы – ковры, сшитые из ткани, украшались богатой вышивкой, выполненной цветными шелковыми нитками, на подкладе из войлока. Впоследствии, приблизительно в XIX в., войлочная подкладка повсеместно вышла из обихода и была заменена простой грубой хлопчатобумажной тканью, однако по традиции такие ковры сохранили прежнее название – *түскииз*.

В *түскиизах*, вышитых цветными нитками, преимущественно шелком, реже – шерстью, преобладают различные узоры. Сложные завитки преимущественно стилизованного растительного орнамента, komponуясь на центральном поле в ромбы или круги, переливаясь в спокойном мерном ритме, ажурной сеткой, как кружевом, покрывают весь войлок.

Например, художественное оформление *түскииза* состоит из орнаментального центрального поля, обрамленного верхними и боковыми узорными фризами различной ширины. Широко распространены в казахском быту *түскиизы*, выполненные техникой аппликации. Аппликации из тонкого крашеного войлока, а позднее

из различных цветных тканей украшали войлок, покрывающий юрту снаружи и внутри. Аппликационная вышивка по войлоку до настоящего времени является отраслью народного художественного творчества. Парадные постилочные ковры изготавливались из очень белого тонкого войлока и в прошлом украшались аппликацией из тонкого крашеного войлока, позднее – аппликациями из сукна или бархата. Техника изготовления: из однотонного материала вырезают по трафарету узоры, затем их нашивают на войлочную основу и простегивают. Узорными материалами являются сукно, шерсть, шелк.

Высоким совершенством декора и техники исполнения вышивки отличаются войлочные тускиизы региона Акколь-Жайылмы.

Бостек изготавливают из шерсти нестриженных овец (2 года) *жабагы жун*, стригут, моют, сушат, затем одевают на заготовку, сшитую из материала.

Бытпес изготавливают следующим образом: лицевую часть шьют из плюша в виде орнамента, другую сторону изготавливают из тонкой белой шерсти. Например, мастерица аула Тортуй Тусупова Дамет апа при изготовлении бытпесов использует коричневый, зеленый и белый войлок – *кииз*, а также плюш.

Отметим, что секреты изготовления на горизонтальном ткацком станке – *ор-мек* изделий типа *алашы*, *баскуров* – ковровых полос, *тангыша*, *бау* – ковровых лент, *шекпена* – домотканого сукна из овечьей шерсти передаются из поколения в поколение. Однако самих станков мы не видели.

Традиционные технологические приемы мастериц при изготовлении *текемета* поведали и показали нам мастерицы аула Шуга. По их словам, на развернутую циновку (*ши*) размером примерно 2 × 5 м раскладывают ровным слоем взбитую шерсть. Женщины, расположившись в ряд, специальными палочками (*сабау*) теребят шерсть до тех пор, пока она не станет пушистой. В результате этого процесса шерсть принимает компактную, однослойную форму, представляющую собой основу войлока. Особенность техники изготовления текемета в этом субрегионе заключается в том, что узоры раскладываются на полу на катанную основу (*талдырма*). Для производства текемета обычно берут самую хорошую и пушистую шерсть, обладающую мягкостью и эластичностью, что обусловлено его бытовым назначением. Производство текемета – дело трудоемкое, для которого всегда требуется помощь соседей и руководство искусной мастерицы.

Интересен также способ наложения узоров, следующий сразу после процесса (*шабактау*). Орнаментальный рисунок текемета создается из двух материалов. В первом случае узоры получаются наложением витков крашеной шерсти на нескатанную основу. Во втором случае для узоров приготавливают специальные квадратные лоскуты (*шаршы*). Эти лоскуты складывают по диагоналям, получается треугольник, и на его поверхности мелом наносят нужный узор, который затем вырезают ножницами. Получается два материала, идущих на орнамент текемета: собственно узор-вырез и остатки от выреза (*колтыкша*), идущие на узоры каймы и оттеняющие орнамент центрального поля.

На приготовленную основу накладывается орнаментальный рисунок из имеющегося в наличии материала: или из витков крашеной шерсти, или же из цветных резных узоров. Особенно ценятся текеметы с резными узорами из цветного войлока. В процессе производства линии узоров не расплываются, рисунок орнамента обозначается ясно, и граница между узорами и фоном четкая.

При наложении узоров (*ою салу*) по центру текемета кладут основные узоры, по их сторонам накладывают узоры *колтыкша*, обращенные вершинами на внешнюю сторону, затем получаются ромбовидные розетки, причем центральный узор и стороны розетки разного цвета. Иногда стороны центральных узоров создаются из вырезов (колтыкша) бордюрного рисунка, бордюрный рисунок текемета дополняется вырезами центральных узоров. Мастерицы используют все детали цветных лоскутков, которые остаются после вырезки узоров.

После того как узоры разложены, заготовку опрыскивают горячей водой (*су себу*), достигая слипания основы и узоров, что необходимо для сворачивания чиев. Циновку осторожно ведут две мастерицы, остальные спрыскивают горячей водой каждый оборот циновки, при этом обязательно поддерживается высокая температура внутри нее.

Свернутая циновка – рулон перевязывается веревками, одна стягивает ее края, другая идет вдоль рулона в виде витков, затем начинается катание циновки ногами (*тебу*). Процесс заключается в том, что круговые веревки располагаются одна – по центру, а две другие – по краям циновки; три мастерицы, взявшись за них, перемещают ее. Остальные, встав вдоль циновки, прибивают вертящийся рулон ногами. Для поддержания температуры рулон обильно смачивается через каждые 10 минут.

Процесс *тебу* продолжается в общей сложности около двух часов и разделяется на 3 периода по 30 минут. После первого и второго периодов циновка кладется на солнце для приготовления кошмы. В результате рулон покатывается то в одну, то в другую, противоположную сторону, а шерсть под собственной тяжестью и тяжестью циновки превращается в кошму. Этот процесс называется *арканга салып тарту*.

Отметим, что способ уплотнения войлока *арканга салып тарту* является более трудоемким и изнурительным трудом в сравнении с процессом *тебу* – катания циновки ногами. Этот полуфабрикат помещают на солнце для того, чтобы вода впиталась и войлок пропарился. Этот процесс называется *булау* – пропарка.

Затем припаренный войлок кладут на циновку, развязывают его и начинают валяние руками, кистями и локтями – *білектеу*, с постепенным вращением рулона и обвязыванием его веревкой. *Білекпен басу* делится на пять периодов, каждый по 15–20 минут. Мастерицы, усевшись в круг, со всей силой треплют кошму, бросая ее то вверх, то вниз, держась за края кольцеобразного войлока. Этот процесс называется *карпу*, имеет целью доработку рыхлой части войлока, чтобы сделать его более упругим и плотным.

Завершающим этапом производства текемета является его вытягивание по длине (*ұзындау*). В процессе вытягивания мастерицы, наклонившись, равномерно сворачивают войлок в рулон, и так несколько раз, в течение пяти минут.

Чаще всего в качестве казахских орнаментов для войлочных изделий используется стилизованное изображение бараньих рогов в различных сочетаниях и композициях, в частности для текеметов, *қос мүйіз* – парный, *сынар мүйіз* – один рог. Необходимо подчеркнуть, что узоры *қос мүйіз* являются рисунком центрального поля, узоры *қошқар мүйіз* и *сыңар мүйіз* – орнаментальным выражением сторон центрального узора или же составляют самостоятельный рисунок бордюра текемета.

Также кроме этих основных элементов в рисунке текемета встречается орнамент в виде изогнутых и пересекающихся под прямым углом линий. Довольно час-

то выражается в узоре *балдақ* – костыль, а также в чередовании треугольников различного цвета, носящих в казахской орнаментике название *тұмарша* – амулет, пережиток от прошлых верований казахов. Узоры *балдақ* и *тұмарша*, как правило, являются рисунком бордюра текемета, но иногда встречаются в рисунке центрального поля в качестве обрамления центральных узоров.

В этом ракурсе следует подчеркнуть, что многовековые традиции в производстве текемета выработали основное композиционное построение орнаментального рисунка. По центральному полю располагаются крупные розетки в виде квадратов, ромбов, имеющих общую диагональную ось и разработанных в традиционной трактовке. Например, в виде рисунка выделяется не только сам узор, но и фон, составляющий подобие основных мотивов узора, взаимно пересекающиеся линии, образующие стороны квадратов или ромбов, составленные из материала *қолтықша* (остатки вырезов узора), по осям.

Таким образом, орнамент и поныне является средством выражения человеческого взгляда на окружающую природу, эталоном его художественного вкуса и мериллом мастерства создателя произведения искусства. Узоры, создающие в комплексе орнаментальный рисунок, передаются из поколения в поколение, становятся традиционным, подлинным достоянием народа.

Долговечность узора надо рассматривать не как проявление консервативности элементов декоративно-прикладного искусства, а как традицию сохранения лучших образцов народного наследия – орнаментированных войлочных предметов, тканей и ковров.

Следует отметить, что только традиционностью народного искусства, впитавшего в себя опыт, знания, мысли многих и многих поколений, можно объяснить неиссякаемость народного творчества и нескончаемое восхищение им. Однако не все наследуется из культуры прошлого, одни предметы продолжают бытовать, другие исчезают в силу своей непригодности в жизни нового поколения людей. В наше время, например, вряд ли кому-то придет в голову создать для широкого потребления войлочный плащ или же старинные деревянные чаши для мяса. И в этом тоже одна из сторон традиционности в народном творчестве: существует то, что полезно людям, что восхищает людей своей формой и декоративностью.

Мы полагаем, что использование традиционных орнаментов в быту местными мастерицами еще раз подчеркивает актуальность казахского национального ремесла, стремление глубоко познать и вникнуть в тайны окружающей среды, органичное видение эволюционных процессов в мире флоры и фауны.

**Павлодарский областной историко-краеведческий музей им. Г. Н. Потанина
(Казахстан)
ngbmyz@mail.ru**

Some forms of traditional Kazakh handicrafts, preserved in the Akkol-Zajylma in Pavlodar region are examined in the article.

Felt products, syrmaк, tuskiiz, tekemet, ornament.

А. В. Табарев

**ЗОЛОТО ДРЕВНИХ КУЛЬТУР КОЛУМБИИ:
ИСТОРИЯ, ТРАГЕДИЯ, НАЦИОНАЛЬНЫЙ БРЕНД***

Золото сыграло и продолжает играть в истории и культурном имидже Колумбии уникальную роль. Это, безусловно, и причина трагической судьбы местных культур, и мотив разрушения множества бесценных археологических памятников, и один из стимулов развития целых регионов, и инструмент в международной политике, и, наконец, яркий национальный символ или даже «национальный бренд».

Колумбия, культура кимбайя, золото, национальный символ.

Ни один из рассказов об археологии доколумбовой Америки не может обойтись без сюжета о сказочных сокровищах, об искателях кладов – уакерос **, о легендарных и правдивых историях про индейское золото. Множество таких историй связано с древностями Колумбии, самая известная из них – легенда о стране Эльдорадо, поисками которой занимались конкистадоры еще в XVI в. и искатели сокровищ в последующее время [Гомес, 1982; Созина, 1972]. Возобновление сотрудничества российских и колумбийских археологов [Табарев, 2012; 2013] позволяет обратиться и к другим, не менее захватывающим историям.

В данном сюжете, который является фрагментом из находящейся в работе книги, мы остановимся на самом феномене уакерии, на времени и обстоятельствах возникновения этого промысла и его роли в исторической судьбе отдельных регионов на примере среднего течения р. Каука (Колумбия).

Сегодня это территория департаментов Киндио (столица – г. Армения), Рисаральда (г. Перейра) и Кальдас (г. Манисалес), известная прежде всего как «Кофейный треугольник» (Triángulo del café). Здесь выращивают лучший в Колумбии кофе, здесь же находится и Национальный парк кофе, уникальные природные заповедники и источники термальных вод.

До прихода испанцев на этой территории проживали племенные объединения культуры кимбайя (Quimbaya)*** – земледельцев, охотников и рыболовов, искусных гончаров и ювелиров. Археологические исследования подтверждают, что погребальная практика культуры кимбайя отличалась сложностью, богатством и разнообразием. Специалисты выделяют до 10 различных погребальных конструкций. Испанские хронисты оставили нам описания пышных похорон местных вождей,

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 12–01–00001а «Древние культуры Колумбии и Эквадора».

** (Г)уакерос (*guaqueros, huaqueros*) – профессиональные искатели индейских древностей. Название происходит от слова *huaca*, которое на языке кечуа обозначает «священное место». Поскольку грабителей интересовало золото, словом «уака» стали называть в первую очередь могилы и погребения. Отсюда и само явление – «уакерия» – кладоискательство, разграбление древних погребений.

*** Хронологические рамки этой культуры (культурной общности) весьма широки: от 1500 л. до н. э. до 1500 г. н. э. В этом диапазоне специалисты особо выделяют период Quimbaya Clásico – X–XVI вв.

© Табарев А. В., 2013

сопровождаясь жертвоприношениями и большим количеством золотых изделий (каска, короны, гривны, браслеты, ожерелья, фигурки) в погребальном инвентаре, а также прямые указания на то, что практика разграбления гробниц началась уже во время конкисты [Llano, 1989].

Новый всплеск уакерии начался в середине XIX в., и связан он с «каучуковой лихорадкой», охватившей сначала Эквадор, а потом и Колумбию. В ряде источников даже называется имя некоего дона Мануэля Сантамария, «известного каучеро», который в 1872 г. приехал в Колумбию из Эквадора (пров. Эсмеральдас) и, осмотрев район Киндио, остался в восторге от изобилия и высочайшего качества местного каучука. Уже спустя несколько лет г. Перейра становится одним из крупнейших центров торговли каучуком.

Параллельно с промыслом каучука идет и масштабное разграбление древних погребений, большое количество которых обнаруживается в Центральных Кордильерах. Постоянно появляются слухи о находках золотых изделий, богатых гробницах и сказочных кладах. Например, большой популярностью пользовалась история о «Сокровищах Пипинтá». Рассказывали, что молодой крестьянин в поисках растения «*Nojo de igasa*»^{*} наткнулся на выложенную камнем подземную галерею, которая привела его в пещеру, наполненную сокровищами, среди которых он запомнил огромную змею из чистого золота. Однако стоило ему коснуться сокровищ, как раздался громкий звук, и крестьянин в ужасе бросился вон из пещеры. Через несколько дней он вернулся на это место со своими братьями, но вход в галерею найти не смог.

Другая история связана с так называемой «Лагуной де Маравелес», волшебным водоемом, посреди которого плавал золотой сосуд в форме плода фруктового дерева. Сосуд был заколдован, и стоило лишь к нему прикоснуться, как он бесследно исчезал. По другой версии, в этом месте спрятал все свои сокровища легендарный касик Каларкá.

В среде уакерос быстро появилось разделение труда: были «специалисты-разведчики», которые находили неграбленные могилы и придерживали их, чтобы продать «копателям», были своего рода «импресарио», которые спонсировали бригады копателей за высокий процент от продажи золотых изделий, были перекупщики награбленного, проводники, охранники, женщины, которые готовили еду в базовых лагерях и т. д.

Многие уакерос очень хорошо разбирались в древностях и закономерностях расположения погребальных комплексов, их навыкам поиска древних захоронений могли бы позавидовать современные археологи. Так сложился специфический пласт культуры, со своим фольклором, мифологией и героями, традициями и приметами [Lopez, 2001; 2004].

Среди наиболее известных уакерос конца XIX в. называли Рамона Медина, Эпифанио Варгаса, Николаса Масиаса, Карлоса Агудело, Анхеля Торо. Особенно прославился Луис Аранго Кано, который провел в джунглях 23 года, знал «каждую пальму на территории Киндио». Он описал жизнь уакерос в книге «Воспоминания о уакерии в Киндио» [Arango Cano, 1924].

^{*} *Carludovica palmata* *cyclantánea* – сырье для изготовления шляп-сомбреро.

Как это ни парадоксально, но именно уакерия сыграла важнейшую роль в хозяйственном освоении этого региона – вслед за уакерос пришли земледельцы и скотоводы, торговцы и ремесленники, многие населенные пункты и города на территории департаментов Киндио, Кальдас и Рисаральда ведут свою историю от поселков старателей-уакерос. В крупных городах (Армения, Манисалес, Перейра) появились скупщики древних сокровищ, которые основали на этом капитал для вложения в другие виды бизнеса, в особенности в выращивание кофе и разведение скота.

В это же время активную охоту за «колумбийским антиквариатом» начинают путешественники, представители музеев и частных коллекционеров из Северной Америки и Европы. В конце XIX в. многие музеи (Британский в Лондоне, Этнографический в Берлине, Музей Дрездена, Пенсильванский музей в США и др.) могли похвастаться золотыми изделиями «в стиле кимбайя».

Самым крупным кладом золотых изделий, когда-либо найденным во всей Колумбии, является так называемое «Сокровище кимбайя» (El Tesoro de Quimbaya). С ним связана по-настоящему удивительная и драматичная история.

Коллекция золотых изделий, которая сегодня называется «Сокровище кимбайя», является частью уникального комплекса, найденного уакерос в двух погребениях недалеко от селения Филандиа (департамент Киндио)* в ноябре 1890 г. Подробности обнаружения этого сокровища покрыты тайной, известно лишь, что общий вес золотых изделий составлял около 80 кг [Hinestrosa, 2008]. Только пятая часть (123 изделия весом 16,6 кг) была куплена местным коллекционером Р. Кастрильоном, судьба остальных остается неизвестной.

Благодаря Р. Кастрильону коллекция в том же 1890 г. попадает в Боготу, где ее обладателем становится основатель Итальянского торгового музея Карло Ведобелли. Он составляет ее описание («Catálogo de la Colección Filandia») с указанием веса и размеров каждого золотого изделия. Среди них – золотые чаши, головные уборы, статуэтки, украшения, а также целая подборка ритуальных сосудов «попоро». Один из них – высотой 35,5 см и весом 1 кг 710 г.

В 1891 г. в Мадриде проходил IV Конгресс американистов. В его итоговых документах бала записана рекомендация о праздновании 400-летия открытия Америки Колумбом 12 октября 1892 г. и организации в Испании специальной выставки. США в свою очередь также объявили о «Выставке Колумба» в Чикаго в 1893 г.

Подготовка к празднованию юбилея начинается и в Колумбии. В июне 1891 г. президент страны Карлос Ольгин создает специальную комиссию для участия в мадридской и чикагской выставках. По его распоряжению «Коллекция из Филандиа» была куплена за 70 000 песо и стала называться «Коллекцией Правительства». По решению К. Ольгина эта коллекция становится не только одной из наиболее ценных частей колумбийской экспозиции в Мадриде, но и «подарком от народа и правительства Колумбии Королеве Испании»**.

В Мадрид выставку сопровождали члены комиссии – Э. Рестрепо и И. Ариас. Они же являлись авторами описания коллекции и вступительной статьи в общем каталоге мадридской выставки [Restrepo, Arias, 1893]. Золото культуры кимбайя,

* На сегодняшний день есть одна радиоуглеродная дата, позволяющая предполагать возраст комплекса – 260 ± 40 л. н. э. (середина третьего века нашей эры).

** В знак признательности за помощь в разрешении пограничной проблемы с Венесуэлой.

включая комплекс из Финляндии, представлено 452 изделиями. Среди них, например, 6 золотых фигурок высотой от 15 до 30 см, 50 фигурок животных, 3 короны, 5 касок, 127 носовых украшений, 15 ожерелий и т. д. Кроме того, экспонировалось много предметов из керамики, меди, раковин, камня, дерева и кости. Общее число артефактов в каталоге составляло 835 наименований. С 1892 г. «Сокровища кимбайя» оставались в Испании, регулярно выставлялись в составе собраний доколумбовых древностей и как отдельная экспозиция в Мадриде и Севилье. Описание и фотографии наиболее эффектных предметов неоднократно появлялись в обобщающих публикациях по искусству доколумбовой Америки.

Удивительно, но «Сокровища кимбайя» не пострадали ни в ходе гражданской войны в Испании ни затем, во время Второй мировой войны. Они находились в Мадриде, их лишь переместили в другое хранилище (небольшой университет Universidad Complutense).

К 500-летию открытия Нового Света коллекция снова заняла свое место в экспозиции Музея археологии в Мадриде. Сегодня все чаще и чаще раздаются мнения о необходимости возвращения «Сокровищ кимбайя» на родину, в Колумбию. Есть предложения разместить ее в специальной экспозиции в Музее золота в Боготе, но большинство считает, что ее законное место – на исторической родине культуры кимбайя, в кофейном сердце Колумбии – Киндио.

В 1987 г. в Пуэрто Наре (департамент Антиокия) был найден клад из 16 золотых изделий, который получил название «Новое сокровище кимбайя» [Plazas, Falchetti, 1988]. Эта находка стимулировала новый всплеск интереса к археологическому изучению культуры кимбайя и вопросу о национальном культурном наследии.

Сегодня золотые украшения доиспанских культур Колумбии являются настоящим национальным брендом. В нескольких городах существуют музеи золота, а в столице страны с 1939 г. работает самый крупный из них – Музей золота (Museo del Oro), в котором собрано более 40 тыс. уникальных изделий. Символика золота активно используется в рекламе, логотипах и названиях (например, международный аэропорт в Боготе так и называется – «Эльдорадо»), в сувенирной продукции (реплики древних украшений, футболки, открытки) и современном ювелирном искусстве. Это тот редкий случай, когда древнее искусство находится под пристальным вниманием государства и археологов, будучи органично встроенным в национальный культурный имидж.

Библиографический список

Гомес Л. Д. Золото Колумбии: ювелирное искусство индейцев. М. : Искусство, 1982. 48 с.

Созина С. А. На горизонте – Эльдорадо. М. : Мысль, 1972. 198 с.

Табарев А. В. По обе стороны времени. Записки археолога о поездках в Колумбию // Латинская Америка. 2012. № 5. С. 82–92.

Табарев А. В. Гостеприимные боги Сан-Агустина. Записки археолога о поездках в Колумбию // Латинская Америка. 2013. № 4. С. 83–96.

Arango Cano L. Recuerdos de la gUAQUERIA en el Quindio. Bogotá : Editorial Cromos, 1924. 191 p.

Hinestrosa P. G. El Tesoro de los Quimbayas, un siglo después // Policromías de una región. Procesos históricos y construcción del pasado local en el Eje Cafetero. Pereira : Red de Universidades Públicas del Eje Cafetero, 2008. P. 23–42.

Llano A. V. La gaaqueria en el Viejo Caldas // Boletín Museo del Oro. 1989. N 23. P. 60–75.
Lopez J. O. Mitos y Leyendas de Antioquia la Grande. Bogota : Plaza&Janes, 2001. 284 p.
Lopez J. O. Tesoros Legendarios de Colombia y El Mundo. Bogota : Plaza&Janes, 2004.
351 p.

Plazas C., Falchetti A. M. El Nuevo Tesoro Quimbaya // Boletín Museo del Oro. 1988.
N 20. P. 133–134.

Restrepo E., Arias I. Catálogo de los objetos que presenta El Gobierno de Colombia á la Exposición Histórico-Americana de Madrid // Catálogo general de la Exposición Histórico-Americana de Madrid, 1892. Madrid : Sucesores de Rivadeneira, 1893. T. II. P. 4–136.

Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск)
olmec@yandex.ru

Gold was playing and still plays the unique role in the history and cultural image of Colombia. This include, of course, the tragic destiny of aboriginal cultures, the dramatic destruction of multiple archaeological complexes, the stimulus for the development of regions, the instrument in the international politics, and, finally, bright national symbol or even “national brand”.

Colombia, culture Quimbaya, gold, national symbol.

Ф. С. Татауров, Л. В. Татаурова

**ВЕЩЬ И ЕЕ СТАТУС В КУЛЬТУРЕ И ТВОРЧЕСТВЕ
(по археологическим материалам русских Западной Сибири
XVII–XVIII веков)***

В статье на основе археологических материалов рассмотрена роль вещи в культуре и творчестве русских сибиряков. Проанализирована социальная роль вещи, дано определение статусным вещам.

Вещь в культуре, статус, творчество, русские.

Появление в истории человека вещевого комплекса положило начало культуре в самом широком ее понимании, потому что вещь – это носитель информации. Особую нишу в культуре занимает материальная сторона этой информации – знаки, выраженные в вещевом комплексе, ибо вещи отражают не только ее материальную сторону, но и духовную. До появления промышленного серийного производства создание любой вещи было процессом творческим, в котором отражался талант и умение творца или отсутствие этих качеств.

Вещь в культуре любого народа всегда имела основное значение и различный статус в зависимости от ее функционального назначения; утилитарного, культового

* Работа выполнена по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», проект «Культура русских в археологических исследованиях: адаптация, трансформация и развитие в условиях Западной Сибири в конце XVI – XVIII веках».

© Татауров Ф. С., Татаурова Л. В., 2013

или ритуального применения, даже сугубо бытовые вещи могли обладать символическим смыслом. В зависимости от своего назначения вещи имеют внутреннюю классификацию, в которой можно выделить бытовые, хозяйственные, культовые, ритуальные, религиозные составляющие, притом что в каждой из вышеперечисленных сфер мы можем выделить общественные, семейные, личные, женские, мужские, детские и пр. вещи. По своей роли в общественной жизни мы можем выделить обиходные, статусные, престижные и элитарные вещи. Подобные характеристики вещи, уже выходя из области материального, могут определять социальный статус владельца.

Вещи неоднородны, кроме предметов, имеющих чисто утилитарное значение, можно также выделить статусные вещи, многие из которых являлись отражением потребности человека в творческом украшении своей жизни.

Статусная вещь – это вещь и/или предмет, приобретаемый не для хозяйственных или бытовых нужд, а чтобы подчеркнуть благосостояние, социальное положение владельца. Критериями статусности для вещи являются прежде всего ее функциональное назначение, материал и отношение к вещи общества или государства в определенный период времени.

В XVII–XVIII вв., с освоением Западной Сибири русскими, начинает формироваться культура русских сибиряков. Она была неоднородна, что объясняется разнообразием этнических групп, переселявшихся на эту территорию.

Среди переселенцев в Сибирь были выходцы из различных регионов Европейской России, достаточно отдаленных друг от друга и отличных по своим культурным традициям. Уроженцы русского Поморья отличались по одежде, привычкам от жителей южных областей России, Поволжья, среди переселенцев были и казанские татары. В Сибири этим людям выпала судьба жить, работать, общаться друг с другом ежедневно. В ходе такого общения неизбежно шел процесс формирования новой культуры, мировоззрения.

В Сибири также без труда можно было отыскать среди людей, состоящих на государственной службе, немцев, французов, греков. «Иноземцы западного происхождения, в силу своей обученности и грамотности, занимали в служилой иерархической системе, как правило, верхнюю строчку и в определенный период истории Сибири являлись законодателями моды в своем окружении» [Люцидарская, 1998, с. 199].

Согласно установленной традиции, чем выше положение, тем богаче и ярче должна быть одежда. Иноземная «литва» вносила, по-видимому, свое отношение к костюму, которое было обусловлено иным, новым отношением к человеку. Во главу угла ставилась сама личность, а не вещное ее окружение, костюм или сопутствующая атрибутика. Новые стереотипы поведения, новая мода, испытавшая влияние западной культуры, попадали на благоприятную сибирскую почву, ибо в XVII столетии уже складываются иные критерии в оценке самого человека, повышается интерес к нравственному долгу и личным обязанностям в рамках семьи и общества, к поведению в быту. Особо важное значение имели гуманистические по своему существу представления о внесловной ценности человека [Очерки ... , 1979, с. 16, 28].

Нельзя обойти вниманием и то обстоятельство, что русские колонисты селились на территориях исконного проживания аборигенных этносов. Не только русская культура в результате взаимодействий внедрялась в сознание коренных жите-

лей края, но и русские брали и внедряли в свой быт то многое рациональное, что было присуще традиционным культурам аборигенов.

Влияние восточной культуры проявлялось не так явно, но, тем не менее, было довольно ощутимым – среднеазиатские и китайские товары охотно раскупались, были заимствованы чаепитие и, опосредованно, табакокурение.

Из совокупности вышеперечисленных культурных факторов и формировался новый образ русского сибиряка. Причем этот новый человек творчески подходил к оформлению своего быта, что проявлялось прежде всего через одежду и некоторые элементы жилищного убранства.

Русское старожильческое население Сибири, включавшее потомков переселенцев различных районов и субэтнических групп Европейской России, принесло с собой традиционную одежду. Одежда во все времена была важнейшим адаптивным элементом, наиболее успешно помогавшим осваиваться в новых условиях. В силу специфических условий природы, климата, истории, контактов групп переселенцев между собой и с местным населением, в Сибири образовались сложные комплексы одежды, обуви, головных уборов, которые влияли на облик, поведение, походку, самодостаточность старожила [Андюсев, 2003, с. 288].

В Сибирь ввозилось множество тканей западноевропейского, российского и восточного производства. Ткани были самого разного качества, назначения и расцветок. Многие из этих тканей использовались для создания интерьеров в избах горожан. Это прежде всего популярные в XVII в. восточные «завесы выбойчатые», иначе – «завесы бухарские» [Люцидарская, 2004, с. 143]. Яркие, цветные завесы могли использоваться в качестве статусных предметов в убранстве домов богатых горожан. Не только ткани различного качества, но и готовые изделия из них (верхнее платье, кушаки, опояски, различное шитье) поступали на сибирский рынок и внедрялись затем в быт, внося новые элементы в формирование моды того времени [Вилков, 1990, с. 173–223].

Часть элементов в одежде появились в результате творческой переработки некоторых деталей костюма. Например, чирки, по мнению В. Б. Богомолова, появились в Сибири на рубеже XVII–XVIII вв. как новый вид обуви, через некоторое время завоевавший себе статус основного в Западной Сибири [Богомолов, Татаурова, Кравец, 2013, с. 28–36].

На зиму платье подбивали мехами: соболиными, лисьими, заячьими и прочими; простолюдины носили овечьи полушубки [Козина, 2010]. На памятнике Ананьино–I обнаружено большое количество заячьих костей, что говорит о некоем приоритете в охоте на этого зверька, чей мех, возможно, использовался для пошива шуб, которые носили служилые люди и их жены [Явшева, Некрасов, Татаурова, 2008, с. 363].

Статусное разделение тканей и мехов помогает нам интерпретировать обнаруженные на археологических памятниках фрагменты тканей применительно к статусу жителей исследуемого комплекса. Например, при анализе тканей из могильника Изюк–I из 30 рассмотренных фрагментов ткани лишь один оказался шелковым, что говорит о том, что похороненная женщина принадлежала к слою людей, обладающих более высоким статусом, чем остальное население, и могла быть женой или дочерью казака или даже относилась к сословию «детей боярских».

Творческий подход присутствовал и в оформлении жилища, причем в оформлении интерьера использовались статусные вещи. На полу лежали ковры и коврики, часто – восточной работы. В редких описаниях домашней утвари встречаются: «ковёр ветхой мунгальский, с бахромой», «коврик китайчатый цветной». Сам факт, что подобные вещи попали в опись, свидетельствует об их высоком статусе среди предметов домашнего быта [Люцидарская, 2004, с. 143].

Далеко не последними по значимости вещами являлись постельные принадлежности и сами постели. Одеяла, подушки, наволочки широко представлены в ассортименте товаров. Часто одеялами служили теплые низкосортные меха, которые, как правило, сверху покрывали тканью. Дорогие и дешевые, зимние и легкие одеяла документально представлены достаточно широко. Ткани для покрытия одеял и наволочек использовались чаще всего яркие, цветные, преимущественно китайские. Зачастую наволочки украшались шитьем и кружевом [Люцидарская, 2004, с. 143]. Чем выше был социальный статус владельца, тем дороже было одеяло, так же как это происходило со многими другими предметами.

К статусным предметам интерьера можно отнести получившие значительное распространение зеркала. В большом количестве в Сибирь ввозились маленькие, «ручные» зеркальца: малые немецкие и ярославские, зеркала в книжках, а также створные. Однако в источниках встречаются и зеркала «стенные большие», и «зеркало стенное в рамах черных». Стало быть, зеркала вешали на стены, ставили на столы и различные подставки. Эти вещи в большинстве случаев были привозными [Люцидарская, 2004, с. 143].

Статусными вещами в украшении дома были изразцы. Первое появление изразцового убранства в России относят к концу XV – началу XVI в., когда появились керамические плиты с орнаментальным рельефным узором. Изразцовые декоры, выполненные из отдельных изразцов или множества изразцовых клейм и фризов, создавали яркие цветовые акценты на фасадах храмов и светских зданий, придавали им живописность, праздничность и нарядность [Маслих, 1983, с. 12–18]. В Сибири изразцовые печи украшали дома воевод и являлись показателем высокого статуса таких уездных «царей». Это подтверждается археологическим материалом, изразцы разных видов были найдены в Томском кремле [Чёрная, 1999, с. 7], форма-штамп для изготовления изразцов была обнаружена в Берёзове [Пархимович, 2008, с. 227].

Библиографический список

- Андюсев Б. Е.* Сибирское краеведение. Красноярск : РИО КГПУ, 2003. 303 с.
- Богомолов В. Б., Татаурова Л. В., Кравец Е. В.* Реконструкция костюма русских Западной Сибири по археологическим материалам XVII–XVIII веков // Вестн. Челяб. гос. ун-та. История. 2013. Вып. 55, № 12 (303). С. 28–36.
- Вилков О. Н.* Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI – начала XVIII в. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1990. С. 173–223.
- Козина О. А.* Повседневная культура России XVII в. // Аналитика культурологии (Тамбов). 2010. № 2 (17). URL: http://analiculturolog.ru/journal/archive/item/210-article_22.html (дата обращения: 15.05.2013).
- Люцидарская А. А.* Новации в быту горожан Сибири XVII в. // Русские Сибири: культура, обычаи, обряды. Новосибирск, 1998. С. 98–204.

Люцидарская А. А. Вещный мир Сибирского горожанина XVII в. // Сибирский этнографический вестник. 2004. № 18 (19). С. 143–163.

Маслих С. А. Русское изразцовое искусство XV–XIX веков. М. : «Изобразительное искусство», 1983. С. 12–18.

Очерки русской культуры XVII века. М., 1979. Ч. 2. 342 с.

Пархимович С. Г. Коллекция артефактов из раскопок Берёзовского городища // Культура русских в археологических исследованиях: сб. науч. ст. / под ред. Л. В. Татауровой. Омск : Апельсин, 2008. С. 215–227.

Чёрная М. П. Томский кремль середины XVII–XVIII вв.: проблемы реконструкции и исторической интерпретации : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1999. 17 с.

Явшева Д. А., Некрасов А. Е., Татаурова Л. В. Животноводство и охота русского населения лесостепного Прииртышья // Культура русских в археологических исследованиях сб. науч. ст. / под ред. Л. В. Татауровой. Омск : Апельсин, 2008. С. 356–367.

****Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН,
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (Россия)
fil_opossum@mail.ru;
Lara250165@rambler.ru**

In the article on the basis of archaeological materials the role of thing in culture and creativity of the Russian Siberians is discussed. The social role of a thing is analysed, definition “status things” is given.

Thing in culture, status, creativity, Russians.

И. В. Чернова

ОТРАЖЕНИЕ СЕМЕЙНОЙ ОБРЯДНОСТИ УКРАИНЦЕВ ОМСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ В ВИЗУАЛЬНЫХ МАТЕРИАЛАХ*

Исследование посвящено проблеме отражения в визуальных источниках семейной обрядности украинского населения Омского Прииртышья. Используются наработки визуальной антропологии и визуальной истории. Проводится анализ источника и атрибуция фотографий, полученных в ходе полевых исследований, путем сопоставления с другими видами источников. В результате показано, что фотография – это отпечаток микроистории семьи / человека / исторических процессов. Освещены такие аспекты, как история семьи и населенных пунктов, групповые взаимоотношения, хозяйственные занятия, семейные обряды и этнография детства украинского населения в регионе.

Семья, фотографии, украинцы, Омское Прииртышье.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 13–31–01008 а1 «Семья и семейный быт украинского населения Западной Сибири в конце XIX–XX в.».

© Чернова И. В., 2013

В настоящее время в гуманитарных исследованиях произошел так называемый визуальный поворот, который, как отмечает ряд авторов (А. Б. Соколов, Е. Р. Ярская-Смирнова, П. В. Романов и др.), выражается в активном включении в проблемное поле исследований иллюстративного материала и институционализации визуальной истории и антропологии [Визуальная антропология ... , 2009, с. 7]. Визуальные методы при этом предоставляют средства понимания текстов культуры, декодирования образов социальных отношений и индивидуального опыта. Обращение к визуальным материалам при характеристике этнокультурных процессов, на наш взгляд, было бы особо актуальным в рамках переселенческой среды.

Именно поэтому для изучения механизмов трансляции и трансформации исторической памяти мы привлекаем данные по такой крупной группе в составе сибирского переселенческого сообщества, как украинцы. Обозначенные механизмы нагляднее всего работают в рамках пограничного между личностью и обществом института семьи.

Основным источником данного исследования являются визуальные материалы, полученные в ходе этнографических экспедиций в районы компактного проживания украинского населения в регионе. По способу получения их условно можно разделить на три группы: фотографии, предоставленные респондентами; фотографии, которые делались участниками экспедиции, и материалы, хранящиеся в музеях и архивах.

Ценность визуальных материалов состоит в том, что все эти группы коррелируются между собой и могут быть сопоставлены с иными группами источников (полевыми этнографическими материалами, архивными данными и т. п.). Тем самым обеспечивается включенность информации в более широкий идеологический и культурный контекст, отражающий медиадискурс [Визуальная антропология ... , 2009, с. 12].

Для облегчения работы исследователя, а также в целях минимизации ошибок в интерпретации данного вида источников важно грамотно провести паспортизацию материалов. Она заключается прежде всего в сборе и структурировании информации о фотографии. Обычно используется следующая схема фиксации данных: кто/что изображено на фотографии, место съемки, автор снимка, какие события связаны с фотографией, фиксируется вся связанная с ней терминология. Далее материалы упорядочиваются в хронологическом порядке и заносятся в фотоопись.

При проведении анализа и интерпретации мы должны помнить о том, что любой источник, в том числе и визуальный, представляет собой не прямое отображение реального события, а является созданной, т. е. виртуальной, реальностью. Какие же образы семейной обрядности исследуемой группы воссоздает эта реальность? Рассмотрим их на примере имеющихся материалов.

Наиболее представительным является массив фотографий, посвященный свадебному обряду. Хотелось бы отметить несколько наиболее колоритных снимков, показывающих разные этапы и акты свадебного обряда.

В фотоархиве одной из семей с. Максимовка Шербакульского района Омской области хранится фотопортрет молодой пары, каких много было в 1950–1980-х гг. На первый взгляд может показаться, что на фотографии – молодожены или близкие родственники. Однако информант рассказывает, что это снимок 1961 г., на нем изо-

бражена она и ее будущий муж. Фотография была сделана в день сватовства [МЭЭ ОмГУ. 2012. П. о. 14. Л. 13].

Любопытно, что в рамках сбора материала по свадебной обрядности изображенные на фотографии информант и ее муж излагают разные версии сватовства. Так, муж информанта (1938 г. р., род. в г. Рубцовске, переехал в Максимовку, так как женился, русский) говорит: «Сваты от нее, от жены были... не родственники, друзья жены» [МЭЭ ОмГУ. 2012. П. о. 8. Л. 10 об. – 11]. А информант (1940 г. р., род. в с. Максимовка Шербакульского района Омской области, украинка) вспоминает: «...сватами были отец жениха, мать жениха, жених, дядя, тетя жениха...» [МЭЭ ОмГУ. 2012. П. о. 14. Л. 16 об.]. По всей видимости, информант в своем рассказе транслирует общепринятый вариант обряда, а ее муж – реальное положение вещей. Отметим, что причиной подобной смены ролей при проведении сватовства стало то, что жених на тот момент проходил службу в рядах Советской армии и смог получить лишь кратковременный отпуск. По этой же причине изменились и другие параметры свадебного обряда. Отступление от общепринятых норм четко фиксируется информантом: «Свадьбу гуляли общую, а не сначала у невесты, потом у жениха... муж после свадьбы сразу уехал дослуживать» [МЭЭ ОмГУ. 2012. П. о. 14. Л. 16 об.].

В семейных архивах сохранилось достаточно большое количество фотографий первого и второго дней свадьбы. Сразу отметим их неравномерное распределение в хронологическом отношении: практически не сохранились фотографии первой половины XX в., чуть более представленным является период 1950–1970-х гг., но преобладают все же фотографии начиная с 1980-х гг. Причин подобной неравномерности несколько: прежде всего, для ранних периодов играет свою роль недоступность и высокая цена фотографий, кроме того, украинцы – это переселенческое сообщество, а значит, вполне логично предположить, что старые снимки либо остались у родственников в местах выхода, либо были утеряны в ходе переселения. Что касается 1950–1970-х гг., то здесь, несмотря на все увеличивающуюся доступность и массовый характер фотографий, играют свою роль факторы послевоенного времени, хозяйственной занятости и не очень хорошей сохранности фотоматериалов.

В разные периоды изменяется и содержание фотографий. Так, несмотря на отмечаемое многими священниками «неохотное исполнение малороссами в Сибири церковных обрядов» [Голошубин И., 1889, с. 339–343; Городков Н., 1892, с. 251–253; Переселенцы ... , 1911, с. 509–517], среди фотографий первой половины XX в. можно встретить единичные иллюстрации церемонии венчания или фотографии после посещения церкви. Позднее этот сюжет исчезает. Фотографии 1950–1960-х гг. сделаны, как правило, на фоне дома и отображают фрагменты свадебного обряда после регистрации брака, в более поздние периоды их дополняют снимки, сделанные в момент проведения торжественной церемонии регистрации брака, чаще всего – в помещении органов ЗАГС.

Многие из сохранившихся фотографий позволяют восстановить костюм жениха и невесты, а также обязательные атрибуты свадебного обряда и состав участников. Но для их детального анализа также необходимо привлекать данные полевых этнографических материалов.

Приведем для примера описание одной из фотографий, копия которой была сделана в с. Максимовка в 2012 г. Информант, 1939 г. р., украинка, род. в с. Мак-

символка Шербакульского района Омской области, рассказала, что фотография была сделана в 1962 г. возле дома на ул. Советская, 21 специально приглашенным на свадьбу фотографом. На нем изображены молодые и гости (она смогла только сообщить данные о себе и своем муже). Свадьба была зимой. Кроме того, информантом были описаны костюмы жениха и невесты: «Я одета в платье, пошитое моими подругами: белый материал, а на нем много разноцветных цветов, “ляпистое”, короче. На голове у меня веночек с разных цветов с лентами, много их было. Я этот веночек у женщины покупала одной, она как-то из воска выплавляла цветочки, вставляла в них проволоку и приделывала к веночку. Жених одет в костюм черный, в белой рубашке, а на груди цветок. Зима была, так он тоже “из воску” был» [МЭЭ ОмГУ. 2012. П. о. 13. Л. 6].

Сравнив описание фотографии с данными полевых источников, можно сказать, что на нем изображен наиболее распространенный вариант свадебного наряда того периода [МЭЭ ОмГУ, 2012; Куды доню собыраеся?, 2007]. Судя по всему, на фотографии изображен второй день свадьбы, так как первый день, по воспоминаниям большинства информантов, гуляли обычно у невесты. Вечером собирали девичник, наряжали «гильце». Регистрация брака проходила на второй день. Тогда же наряжались, цыганили, плясали, жених забирал приданое.

В полевых материалах сохранилась только одна фотография, на которой запечатлено событие третьего дня свадьбы – катание родителей на тачке. Однако информант в описании к фотографии утверждает, что это было на второй день свадьбы, хотя при проведении интервью по свадебной обрядности она говорила, что тещу и свекровь катали на третий день. Приведем описание: «Фото 1962 г., катание свекрови на тачке, сделано на улице Партизанской. В тачке сидит свекровь. Защищая свекровь, невестка (наш информант) растянулась между тачкой и своей сестрой, которая не пускала ее в тачку» [МЭЭ ОмГУ. 2012. П. о. 13. Л. 6].

В целом можно сказать, что имеющиеся визуальные материалы при их сопоставлении с другими видами источников позволяют достаточно детально реконструировать отдельные аспекты свадебного обряда. Традиционно за кадром остаются сакральные аспекты, например: ритуалы-обереги, расплетение косы, проверка невесты на «честность» (ряд информантов отмечают, что она проводилась со второго на третий день, родители жениха вывешивали простыню) и др.

Не получают своего освещения в визуальных материалах и темы, связанные с родильным обрядом – нет фотографий беременных женщин и т. п., что вполне объяснимо широко распространенными воззрениями, связанными с запретом афиширования беременности. Практически нет фотографий и детей первых дней жизни.

Погребальный обряд представлен фотографиями, сделанными преимущественно участниками экспедиций. В основном это материалы, фиксирующие особенности кладбищ и видимых проявлений погребального обряда. Из особенностей, отмеченных в визуальных материалах, выделим наличие семейных захоронений, присутствие основных типов намогильных сооружений, в ряде населенных пунктов наличие двух кладбищ – старого и нового.

Отсутствие фотографий по данной тематике, полученных от информантов, объясняется рядом факторов. Прежде всего, отметим, что погребальный обряд до настоящего времени остается закрытой сферой. Играть свою роль и негативные

эмоции, и отсутствие традиции фотографии «post mortem», распространенной в конце XIX – начале XX в. в Европе и Америке, а затем и в России.

Помимо собственно семейной обрядности, в визуальных материалах фиксируются такие аспекты, как состав семей, уровень жизни и т. п., которые при сопоставлении с данными по истории семей, генеалогии, а также с информацией об особенностях межэтнических и межгрупповых взаимоотношений в рамках выявления брачных кругов могли бы дать ценные материалы для анализа семьи украинцев Западной Сибири.

В целом можно сказать, что большая часть фотографий показывает нам ситуацию адаптации и унификации культуры в изменяющихся условиях. Наиболее представленной является сфера свадебной обрядности, частично – этнография детства, тогда как оставшиеся относительно закрытые сферы требуют привлечения других видов источников. При анализе имеющихся материалов мы не должны забывать и о хронологической неравномерности в распределении материалов. Фотографии с мест выхода сохраняются лишь в единичных случаях, что разрывает поколенные связи в трансляции социально-культурной памяти и социального поведения.

Библиографический список

Визуальная антропология: режимы видимости при социализме / под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой, П. В. Романова. М. : ООО «Вариант» : ЦСПГИ, 2009. 448 с. (Библиотека Журнала исследований социальной политики).

Голошубин И., священник. Случаи из практики сельского священника // Тобольские епархиальные ведомости. 1889. № 15–16. Отд. неофиц. С. 339–343.

Городков Н. Темные стороны в жизни пасомых Тобольской епархии // Тобольские епархиальные ведомости. 1892. № 11–12. Отд. неофиц. С. 251–253.

Куды доню собирается? Свадебная обрядность украинских переселенцев Омского Прииртышья / сост. Т. М. Репина, О. Г. Сидорская. Омск : Издат. дом «Наука», 2007. 186 с.

Переселенцы из Европейской России по наблюдениям сибирского священника // Тобольские епархиальные ведомости. 1911. № 22. Отд. неофиц. С. 509–517.

Источники

Материалы этнографической экспедиции Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского (МЭЭ ОмГУ).

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (Россия)
volokhina@rambler.ru

The article is devoted to the problem of reflection in the visual sources of family rituals Ukrainian population of Omsk Irtysh region. Materials of visual anthropology and visual history are used. The analysis of source and attribution of photos is made. The result: the photo gives information about micro-history of the family / person / historical processes. It is spoken in detail about family history and settlements, group relations, economic class, family rituals and ethnography childhood in Ukrainian population in the region.

Family, photos, Ukrainians, Omsk Irtysh region.

ОБРАЗЫ И АРХЕТИПЫ В ДРЕВНЕМ И СОВРЕМЕННОМ ИСКУССТВЕ

Г. Д. Билялова*, С. А. Ярыгин**

ИЗОБРАЖЕНИЕ ТИГРА В КУЛЬТУРЕ «ТАСМОЛИНСКИХ» ПЛЕМЕН: СЕМАНТИКА ОБРАЗА

Статья посвящена исследованию семантики образа тигра в культуре племен тасмолинской историко-этнографической общности урало-казахстанских степей раннесакского времени. Обсуждаются новые археологические материалы, полученные в результате исследований казахстанских и российских археологов, на фоне имеющихся данных по сопредельным территориям Центральной Азии и Южной Сибири. Образ тигра рассматривается авторами как символ воинских сообществ, а также правителя в культуре ранних кочевников на указанных территориях.

Тасмолинская культура, тигр, семантика, раннесакское время.

В начале I тыс. до н. э. на территории Южного Зауралья, Северного и Центрального Казахстана расселялись племена тасмолинской историко-этнографической общности. Их появление на несколько столетий определило культурно-историческое развитие региона [Таиров, 2007; Хабдулина, 1994].

В связи с тем что «тасмолинцы» не оставили нам собственной письменной традиции, единственным возможным источником для реконструкции их мировоззрения является семиологический анализ артефактов, обнаруженных в ходе археологических исследований [Раевский, 2001, с. 364–366].

Наиболее характерное культурное явление, с которым сталкивается наука, изучая ранних кочевников, – это особый тип звериного стиля. Артефакты, выполненные в этом стиле, выступают одними из главных источников информации, повествующих о мировоззрении или идеологических (в том числе космологических, теологических) представлениях. Бестиарий тасмолинских племен включает изображения кабанов, грифонов, козлов, оленей, коней и т. д., однако отдельно хотелось бы обратить внимание на изображение тигра/льва.

На сегодня нам известно значительное количество артефактов из бронзы и золота, обнаруженных при исследовании тасмолинских памятников и содержащих образ тигра – из курганов 3, 4 и 6 могильника Тасмола V; кургана 2, 4, 5 могильни-

© Билялова Г. Д., Ярыгин С. А., 2013

ка Талды 2; тасмолинского кургана из могильника Карашоки; кургана 5 могильника Кичигино I.

Первыми находками, несущими образ тигра, стали тисненные из золота четыре фигурки хищников, обнаруженные в курганах 3, 4 и 6 могильника Тасмола V. Бляшка из кургана 3 служила украшением налобного ремня лошади, остальные – украшением одежды. На них изображены, по предположению М. К. Кадырбаева, тигры, стоящие в спокойных позах, с поворотом головы направо, с четко проработанными когтями и глазами в виде двойных колец. Мир Касымович датировал их концом VI – V вв. до н. э. [Маргулан и др., 1966, с. 328–333, 398, рис. 63].

Однако наиболее существенными следует считать изображения тигра, найденные в результате исследования А. З. Бейсеновым могильника Талды–2, расположенного в 44 км от г. Каркаралинска Карагандинской области. На территории могильника исследовано семь крупных «элитных» курганов. При исследовании на могильнике было обнаружено около 200 золотых изделий и свыше 22 000 мелких украшений. Среди золотых изделий замечательны фигуры кошачьего хищника, проники с изображением хищника, обоймы от портупейных ремней, серьга. Количество обнаруженных артефактов из золота, без сомнения, свидетельствует о том, что погребения принадлежали представителям наиболее высокого социального статуса кочевой элиты региона [Бейсенов, 2011, с. 12–13].

Как пишет автор исследования, одежда погребенных на могильнике Талды–2, была украшена фигурками кошачьего хищника – тигра, изображения которого в профиль достаточно узнаваемы и одинаковы на территории от Центрального Казахстана до Тувы (Аржан–2). По мнению ученого, обшивка в виде тигра несла ту же идею, что и добытая на охоте шкура реального хищника, украшавшая доблестного батыра, героя, царя, и свидетельствовала об его особом статусе [Бейсенов, 2011, с. 21]. Исследователь отмечает близость стилистических изображений кошачьих хищников в Талды–2 с находками из памятников Тагискена и Тасмолы, однако тигры из могильника Талды–2 менее реалистичны [Бейсенов, 2011, с. 22–24].

Исследователь также приводит данные из раскопок могильника Карашоки (Каркаралинский район Карагандинской области). В одном из курганов тасмолинской культуры была обнаружена нашивная бляшка в виде профильного изображения стоящего тигра. Полосатая шкура зверя передана ажурным орнаментом – S-видными завитками, которые превращаются в стилизованных орлиных грифонов. Длинный хвост тигра, опущенный вниз, на конце имеет спираль, выделены длинные острые когти. Аналогии в манере исполнения автор видит в Семиречье (Жалаулинский клад) и на Алтае (пазырыкская культура) [Бейсенов, 2011, с. 28–29].

Ряд артефактов, несущих образ тигра, был получен во время исследования кургана 5 могильника Кичигино I, в 2008 г.

На погребенном в кургане был обнаружен пояс, украшенный многочисленными бронзовыми обоймами в виде противопоставленных голов сайгаков и двумя бляшками с петлей на обороте в виде стоящего хищника кошачьей породы. Слева, вероятно, был положен кожаный горит, украшенный по краю пятью рельефными золотыми бляшками в виде лежащего кошачьего хищника. Также в погребении обнаружена бляха в виде стоящего на кольце кошачьего хищника со стилизованной головой орла над спиной. На груди погребенного найдена рельефная золотая бляшка в виде лежащего хищника из породы кошачьих, аналогичная бляшкам горита. В левом

уже погребенного находилась золотая серьга в форме массивного кольца с припаянной к нему рельефной фигуркой лежащего кошачьего хищника. На сегодня это одно из наиболее богатых погребений тасмолинской культуры в Южном Зауралье. «Размеры и сложность устройства погребального сооружения, а также состав сопроводительного инвентаря указывают на то, что захороненный здесь мужчина принадлежал к военно-аристократической верхушке кочевого общества Южного Зауралья» [Таиров, Боталов, 2010, с. 55–67].

Имеющиеся на сегодня данные позволяют определить два основных вектора, показывающих культурные, а возможно, и этнические связи тасмолинских племен, на основе анализа изображений тигра. Первый уводит нас в мир раннесакских племен Восточного Приаралья. Исследования могильников Тагискен и Уйгарак представили миру ряд уникальных находок, выполненных в зверином стиле, в том числе изображения кошачьего хищника [Вишневецкая, Итина, 1971, с. 197–208].

Другой вектор связей уводит нас в мир восточноскифских племен Саяно-Алтая. Достаточно близко тасмолинским изображение идущего хищника из породы кошачьих (льва?), обнаруженное в кургане V–IV вв. до н. э. (Усть-Буконь) в Восточном Казахстане. Близки центральноказахстанским кошачьим из кургана 9 могильника Куйлуг-Хем I хищники на нашивных золотых бляшках IV в. до н. э. из курганов 1 и 2 могильника Кош-Пей, кошачий на золотой бляшке из могильника Сулуг-Хем I (Тува), а также кошачьи хищники на золотой поясной пластине и золотых нашивных бляшках из могилы 2 Большого Полтаковского кургана [Артамонов, 1971; Devis-Kimball, Bashilov, Yablonsky, 1995; Королькова, 2006, с. 241–242].

Однако наиболее массово тигры, подобные тасмолинским, обнаружены при исследовании кургана Аржан–2, расположенного на севере Тувы, диаметр кургана – 80 м, высота – 2 м. В 2001 г. было открыто основное «царское» парное захоронение. Мужской наряд был украшен рельефными золотыми фигурками кошачьего хищника (тигра). Они отлиты в виде профильных фигур, смотрящих налево или направо. Их насчитывалось более двух с половиной тысяч. Кошачий хищник хорошо представлен на золотой гривне [Черемисин, 2008, с. 52]. Вероятно, количество изображенных фигур имело определенный смысл и знаково-социальную символику. Женский костюм украшали бляшки, выполненные в виде такого же хищника из породы кошачьих, как и на мужском наряде, но всегда обращенного влево. Для изготовления этих фигурок применена иная техника – тиснение из тонкого золотого листа [Бейсенов, 2011].

Возвращаясь к семантике образа тигра в тасмоле, можно обратить внимание на то, как интерпретируются образы другого хищника в искусстве скифо-сарматских племен Южного Приуралья. С. Ю. Гуцалов предполагает знаковость изображения волка и читает образ как символ, главный маркер индоевропейских социо-возрастных воинских братств [Гуцалов, 2005, с. 437–447]. Сочетание «хищник – воин» напрямую связано с «моделью поведения воина, чья доблесть измерялась убийством, соотносилась с поведением хищника. В экстазе битвы воин уподоблялся дикому зверю, впадая в *furog heroicus*» [Черемисин, 2008, с. 54]. По словам того же исследователя, сравнительно-типологический анализ мировоззрения кочевников Центральной Азии показывает прямую соотнесенность класса хищников и военных структур [Черемисин, 2008, с. 55].

Однако не исключено, что отдельно «на местах» получали распространение и иные, кроме волка, символы воинской «звериной ярости» [Гуцалов, 2005, с. 437–447]. Можно предположить, что в тасмолинской культуре это изображения кошачьего хищника – тигра.

Интересной и, по нашему мнению, важной параллелью, иллюстрирующей смысловое содержание тигриных образов в тасмолинской и аржанской среде, являются данные по древнеиндийской, индоарийской культуре. Если придерживаться точки зрения, что индоиранские племена мигрировали на территорию Средней Азии и на полуостров Индостан с территории Казахстана [Кузьмина, 1994], то вполне можно представить, что часть общего культурного наследия сакских и индоарийских племен могла достаточно долго сохраняться в их материальной и духовной культуре [Раевский, 2001, с. 368–369]. При этом стоит отметить, что образ тигра мог попасть в культуру индоариев еще на гипотетической прародине – тигр (закавказский, каспийский или туранский – лат. *Panthera tigris virgata*) обитал в Средней Азии и Казахстане вплоть до середины XX в. Особенно много их водилось на Амударье, Сырдарье, в низовьях р. Или и в камышовых зарослях Балхаша. Балхашские тигры заходили в степи Сарыарки. До середины XX в. тигр встречался и в Каркаралинских лесах [Ержанов, 2001].

Исследователи индийского и индоарийского фольклора подтверждают активное использование так называемых животных метафор, которые уподобляют героя-воина сильному и свирепому зверю – тигру (*nara-śārdūla* – «муж-тигр», *bhārata-śārdūla* – «тигр-бхарата», *gāja-śārdūla* – «царь-тигр» и т. п.) [Васильков, 2012, с. 57–71; Маретина, 2012, с. 41–56]. Исследователи соотносят данные термины с социовозрастными сообществами, воинскими «лесными братствами», «вратьями» – небольшими коллективами одновременно проходящих инициацию юношей или воинскими дружинами младших сыновей, оставшихся без наследства и добывающих средства к существованию разбоем [Васильков, 2012, с. 57–71].

В культуре пастушеских племен современного Декана и Южной Индии присутствуют образы божеств Кхандобы, Маллари и др. Их почитатели в обрядах выступают в роли участников «дикой охоты» бога, верных псов. Представляя себя «псами», они используют названия *vāghyā* (на маратхи) и *vaggaууа* (на каннада), от праkritской формы *vuāghra* – «тигр». Данные культы связаны происхождением с традицией почитания Рудры, восседающего на тигровой шкуре и почитаемого в Махараштре как Вагхоба – «Отец Тигр».

Подводя итог, можно сказать, что зафиксированные в источниках имена-эпитеты, титулы или прозвища вождей племен или воинских союзов, а также местных царей, отражающие тигриную/львиную символику, восходят к институту воинских братств [Васильков, 2012, с. 51–71].

Таким образом, привлекая данные по индоарийскому фольклору и эпосу, а также данные по археологии тасмолинской культуры, мы не можем не отметить, что индоарийские тексты достаточно хорошо объясняют символику тигра у «тасмолинцев». Появившись как символ воинского союза, образ тигра к первой половине I тыс. до н. э. становится символом царской мощи правителей в раннесакской культуре Центрального Казахстана и более восточных областей. «Тасмолинских» правителей, в частности погребенного в кургане 5 могильника Талды 2, с полным правом можно назвать «муж-тигр» или «царь-тигр».

Библиографический список

- Артамонов М. И.* Скифо-сибирское искусство звериного стиля (основные этапы и направления) // Проблемы скифской археологии. М., 1971. С. 24–35. (МИА ; № 177).
- Бейсенов А. З.* Сарыарка – колыбель степной цивилизации. Алматы : Хикари, 2011. 31 с.
- Васильков Я. В.* «Мужи-тигры», «человекольвы» и «люди-вепри» в индийском эпосе, культуре и истории // Бестиарий II. Зооморфизмы Азии: движение во времени. СПб. : МАЭ РАН, 2012. С. 57–71.
- Вишневская О. А., Итина М. А.* Ранние саки Приаралья // Проблемы скифской археологии. М., 1971. С. 197–208. (МИА ; № 177).
- Гуцалов С. Ю.* Волчье племя (к семантике образа волка в искусстве древних кочевников Южного Урала) // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти Валерия Сергеевича Ольховского : сб. ст. / гл. ред. В. И. Гуляев. М. : Ин-т археологии РАН, 2005. С. 437–447.
- Ержанов Н. Т.* Перспективы сохранения и рационального использования зверей Казахского мелкосопочника // Редкие и исчезающие млекопитающие Казахского мелкосопочника. Караганда : Изд-во КарГУ, 2001. С. 112–146.
- Королькова Е. Ф.* Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н. э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. СПб. : Петербургское востоковедение, 2006. 272 с.
- Кузьмина Е. Е.* Откуда пришли индоарии? : материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев / Рос. акад. наук; М-во культуры РФ, Рос. ин-т культурологии. М. : Наука, Вост. лит., 1994. 464 с.
- Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М.* Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата : Изд-во «Наука» Казах. ССР, 1966. 436 с.
- Маретина С. А.* Тигр/лев в мифологической традиции индийцев // Бестиарий II. Зооморфизмы Азии: движение во времени. СПб. : МАЭ РАН, 2012. С. 41–56.
- Раевский Д. С.* Скифский звериный стиль: поэтика и прагматика // Древние цивилизации Евразии. История и культура : материалы Междунар. научн. конф., посвящ. 75-летию Б. А. Литвинского (Москва, 14–16 октября 1998 г.). М. : Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 2001. С. 364–382.
- Таиров А. Д.* Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н. э. : моногр. Челябинск : Юж.-Урал. гос. ун-т, 2007. 274 с.
- Таиров А. Д., Боталов С. Г.* Погребение сакского времени могильника Кичигино I в Южном Зауралье // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий. М. : Таус, 2010. 496 с.
- Хабдулина М. К.* Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алма-Ата : Ракурс, 1994. 170 с.
- Черемисин Д. В.* Искусство звериного стиля в погребальных комплексах рядового населения пазырыкской культуры: семантика звериных образов в контексте погребального обряда. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2008. 136 с.
- Devis-Kimball J., Bashilov V. A., Yablonsky L. T.* Nomads of the Eurasian Steppes in the Early Iron Age. Berkeley : Zinat Press, CA, 1995.

*Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева,
НИИ археологии им. К. А. Акишева (Казахстан, Астана)
gulzat_84@inbox.ru;

**Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева
(Казахстан, Астана)

The article is devoted to the semantics of the image of a tiger in the culture of tribes of tasmola's historic-ethnographic community Ural-Kazakhstan steppes early sakae's time. In the article the new archaeological materials from the research of the Kazakhstan and Russian archaeologists, against the available data of the adjacent territories of Central Asia and Southern Siberia are discussed. The image of the tiger is regarded by the authors as a symbol of the military community, as well as the chief in the early nomadic culture in these areas.

Tasmola's culture, tiger, semantics, early sakae's time.

В. В. Бобров

РАЗМЫШЛЯЯ О ПЕРВОБЫТНОМ ИСКУССТВЕ СИБИРИ...*

В статье изложен взгляд автора на тенденции и особенности развития декоративного искусства Сибири и сопредельных территорий. Обозначена проблема соответствия структурных компонентов декора современным аналитическим категориям, а также их взаимосвязи с восприятием и сознанием древнего творца. Проанализировано явление орнаментальной графики в искусстве эпох неолита и бронзы Западной Сибири.

Первобытное искусство, декоративно-прикладное искусство, декор, орнаментальный стиль, орнаментальная графика, Западная Сибирь, Северная Евразия.

В археологической науке нет недостатка в работах, посвященных искусству населения различных культур, ландшафтных зон и даже континентов. Интерес к древнему изобразительному творчеству был всегда – с момента открытия первых памятников, в частности пещерной живописи, которая, как впоследствии было доказано, связана с жизнедеятельностью начальных этапов человека современного физического типа. Удивительно в этом факте истории археологии то, что первое знакомство с первобытным искусством научного, профессионального сообщества и широкой общественности связано с пещерными росписями Франко-Кантебрийской провинции, которые являются шедеврами не только палеолитической живописи, но и мирового искусства в целом. В данном факте можно усматривать знаковый смысл повышенного интереса к памятникам и произведениям искусства древних народов, разных по происхождению, языку и расовой принадлежности.

Но всё гораздо проще. В так называемой прозе жизни необычное, яркое явление, каким является произведение искусства, всегда вызывало эмоциональный и познавательный настрой. Вряд ли найдется археолог, который бы отказался от мечты найти в процессе полевых исследований скульптурку, гравировку или какой-либо предмет, связанный с изобразительным творчеством древнего населения. И любая

* Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки РФ, соглашение № 14.В37.21.0954.

© Бобров В. В., 2013

такая находка постоянно будет в центре повышенного научного интереса специалистов, займет видное место в экспозициях музеев, будет издана в каталогах и популярных работах о древней истории.

Первобытное искусство представлено различными видами: мелкая пластика и монументальная скульптура, барельеф и горельеф, гравировка, выбивка и шлифовка на скальных плоскостях, а также изображения минеральными красками. Особо следует выделить декоративно-прикладное искусство, получившее широкое распространение и развитие благодаря изобретению керамической посуды. Для древних народов декор в первую очередь нес знаковую, смысловую нагрузку, а во вторую – выполнял эстетическую функцию. Возможно, очередности, которую мы устанавливаем, не существовало. А было просто эмоциональное восприятие содержания, основанное на синтезе функций искусства, в частности декоративно-прикладного. К его разновидности можно отнести торевтику.

Не удивительно то, что декоративно-прикладное искусство приобрело широкое распространение и географически, и хронологически. Приуроченность прежде всего к керамической посуде придала ему массовый характер, т. е., пользуясь современной терминологией, декор можно определить как народное искусство. Существует всего три вида орнамента: углубленный, наклепной, или рельефный, и, наконец, плоскостной, который нанесен краской. Два первых являются для многих археологических культур единственными, а в немногочисленных случаях доминирующими. Набор технических приемов нанесения орнамента также невелик: прочерчивание, отступающе-накольчатый, штамповый, прокатывание. Несколько более представительным является состав искусственных и естественных инструментов для нанесения декора. Изложенная технологическая сторона декоративно-прикладного искусства достаточно хорошо известна специалистам. Она приведена с другой целью – представить в сравнении ограниченность технологических приемов и технического арсенала, с одной стороны, и невероятное многообразие орнаментальных композиций в древности на огромном пространстве Северной Азии – с другой. Это многообразие подтверждает тот факт, что в теории и методологии современной археологии подход к орнаменту (декоративно-прикладное искусство) определен как к признаку, диагностирующему археологическую культуру. Это справедливо с точки зрения процедуры научного исследования археологических источников, и прежде всего их систематики на уровне такой дефиниции, как культура. Не противоречит этой процедуре и искусствоведческий анализ декора. Да собственно он входит в эту процедуру, так как анализ построен по его составляющим: орнаментальный элемент, мотив, сюжет, орнаментальный пояс, композиция. К этому перечню следует добавить зональность орнамента, композиционную взаимосвязь зон, орнаментальный стиль. Вероятнее всего, это те структурные компоненты, которые были воспринимаемы и понимаемы создателем декора и его соплеменниками. Сомневаюсь в том, что они бы поняли собственный орнамент в трактовке, например, И. В. Рудковского или Ю. Н. Есина. Их структурно-логические комбинации андроновского и самусьского орнамента хотя и разные, но очень абстрактные. Проведенное исследование андроновского орнамента пока ничего не дало для познания как в археологическом, так и историческом аспектах.

Кроме отмеченной особенности – незначительный технологический и технический арсенал для нанесения орнамента и многообразие орнаментальных компо-

зиций, – можно обозначить еще одну. Она предполагает локально-территориальную специфику развития декоративно-прикладного искусства. Достаточно сравнить орнаментацию археологических культур от неолита до средневековья Западной Сибири и декор того же периода Восточной Сибири, чтобы убедиться, насколько контрастно отличие. Практически с раннего неолита в Западной Сибири получили развитие все технические приемы нанесения орнамента, с этого же времени наряду с линейным стилем появился геометрический; как правило, орнамент покрывает всю внешнюю поверхность сосуда. Во многих западносибирских культурах декор представлен сложной орнаментальной композицией. Это придает ему особый колорит. Тенденция развития восточносибирского декоративно-прикладного искусства, включая Забайкалье, основана на упрощенной комбинации орнаментальных элементов. Орнаментальное поле чаще всего ограничено только зоной венчика. Дополняет отличие восточносибирского декора исключительное распространение линейного стиля. Но поверхность керамической посуды этого региона несет отпечаток техники ее изготовления и обработки: сетки, шнура, колотушки с рубчатой поверхностью в виде квадратов или ромбов. Возможно, этот фон не требовал сложной орнаментальной композиции. Но, скорее всего, ее отсутствие было определено мировоззренческими установками.

Разительное отличие декоративно-прикладного искусства двух крупнейших регионов Северной Азии органично вписывается в закономерности историко-культурного развития на данных территориях.

Совершенно иная тенденция развития орнаментального искусства прослеживается по керамическим материалам Приморья и Нижнего Приамурья. В настоящее время доказано, что эта территория входила в ареал древнейшего центра происхождения керамической посуды. Декор эпохи неолита и бронзы этого региона представлен линейным и геометрическим стилями. Но в геометрическом стиле наряду с прямолинейными фигурами присутствуют круглые, овальные, спиралевидные фигуры, которые являются особенностью декора данной территории.

Небезынтересно, что здесь встречаются орнаментальные элементы (упрощенный меандр, заштрихованный треугольник и др.), характерные для западносибирского декоративного искусства. В неолитической культуре тихоокеанского побережья Северо-Восточного Китая керамическая посуда сплошь покрыта горизонтальными поясами отпечатков шагающей гребенки. В сибирских памятниках идентичный орнамент преобладает на территории Верхней Оби (большемысская культура). Видимо, можно продолжать круг аналогий, но вряд ли они будут соответствовать типичности явления.

Третья особенность в развитии декоративного искусства имела локальный характер. Она касается прежде всего археологии Западной Сибири. На этой территории, с ее широким расположением ландшафтных зон, сформировались как минимум три хозяйственно-культурных типа. В ареале производящей экономики особую популярность приобрели геометрический и меандровый стили орнамента. Они прежде всего связаны с появлением в степных и лесостепных районах Западной Сибири андроновского скотоводческого населения. В трансформированном виде эти стили представлены в андроновидных культурах, ареал которых связан преимущественно с северной периферией андроновского мира. По М. Ф. Косареву, они составляли область распространения многоотраслевого хозяйства.

Наконец, тайга и лесотундра – зона присваивающей хозяйственной деятельности. Различия в декоративном искусстве населения этих трех зон, несомненно, есть, и на них неоднократно обращали внимание специалисты. Но нельзя не обратить внимания на то, что по сложности орнаментальных элементов и композиции декор обитателей северных территорий не уступал орнаментам скотоводов и земледельцев лесостепных районов, а в эпоху раннего железа и средневековья преобладал над ним. Достаточно обратиться в качестве примера к керамическим комплексам периода смены эпохи камня на территории севера Западной Сибири, приведенным С. Ф. Кокшаровым, или к комплексам кулайской культуры, сравнив их с саргатской, большереченской, кижировской и тагарской орнаментацией.

В декоративно-прикладном искусстве самостоятельного анализа заслуживает орнаментальная графика. Орнито-, зоо- и антропоморфные фигуры, выполненные в той же технике, что и орнамент, составляют особую группу изображений на керамических сосудах. На международной конференции, организованной Германским археологическим институтом (г. Штральзунд, 15–19 апреля 2013 г.), я предложил назвать этот вид искусства орнаментальной графикой. Термин может казаться неудачным. Но изображение выполнено тем же инструментом, что и орнамент, а также включено в орнаментальную композицию керамического сосуда.

Вероятнее всего, орнаментальная графика также составляет одну из особенностей декоративного искусства Западной Сибири. В большей степени она получила распространение в период смены эпох и ранней бронзы на территории Урала и Зауралья, в сейминско-турбинское время в самусьской культуре Томско-Нарымского Приобья. Орнаментальная графика представлена двумя стилистическими группами. Последнюю группу составляют изображения в виде символического знака. Именно в таком стиле изображения водоплавающей птицы заняли ведущее место в декоре кулайской культуры, причем не только на керамической посуде.

Восточносибирскому декоративному искусству орнаментальная графика нехарактерна. Мне известно всего два фрагмента керамики с антропоморфным изображением. В археологии Нижнего Амура и Приморья также этот вид искусства не получил распространения. Исключение составляет керамический комплекс воскресенской неолитической культуры с личинами, вписанными в структуру декора.

Любопытно то, что в западносибирской графике все изображения индивидуальны. Абсолютно одинаковых фигур на разных сосудах нет. Надо иметь в виду, что они, особенно водоплавающие птицы, выполнены прямыми линиями, схематично. Причем индивидуальность присуща также образам в мелкой пластике и монументальной скульптуре. Исключение будут составлять персонажи петроглифов и писаниц. В неповторимости изображений заключено сознание творца или это восприятие образа разными мастерами – в настоящее время сказать трудно. С этим археологическим сюжетом связан другой. Он заключается в вопросе: почему орнаментальная графика – редкий вид искусства в древности? Пластическая керамическая масса, опыт и техническая простота в нанесении орнамента – оптимальные условия для распространения этого вида искусства. Более того, ведь это легче, чем наносить изображения на скальные плоскости. Но скальных «святилищ» настолько много, что в археологии начала формироваться субдисциплина «петроглифоведение». Конечно, сосуд не святилище, но использование его в ритуалах

было широко распространенным явлением. Среди погребальной посуды андроновидных культур нет ни одного с одинаковым декором.

О значимости древнего и средневекового декоративно-прикладного искусства как археологического источника свидетельствует то, что в конце XX в. стала популярной идея М. Ф. Косарева об орнаментальных традициях и их генезисе, контекст которой предполагал возникновение и развитие языков. Реализация этой концепции оказала позитивное влияние на развитие западносибирской археологии. В настоящее время, на мой взгляд, она требует корректировки или изменений.

Орнаментом не исчерпывается первобытное искусство, но ограниченность объема статьи делает закономерным продолжение размышлений о самой яркой стороне жизнедеятельности древних народов.

**Институт экологии человека СО РАН,
Кемеровский государственный университет (Россия)
klae@kemsu.ru**

The author's view on tendencies and features of decorative art of Siberia and contiguous territories is stated in this article. The problem of conformity of decor's structural components to contemporary analytic categories and their connection with ancient creator's perception and sense is emphasized. The ornamental graphic appearance in the art of Neolithic and Bronze periods in West Siberia is devoted to special analysis.

Ancient art, decorative-applied art, decor, ornamental style, ornamental graphic, West Siberia, Northern Eurasia.

О. М. Ганболд

ОБРЯДЫ СКАЗИТЕЛЬСТВА У АЛТАЙСКИХ УРЯНХАЙЦЕВ

Статья посвящена бытованию эпоса в среде алтайских урянхайцев.

Эпос, сказания, обряд, Алтай.

Эпос алтайских урянхайцев представляет собой не только особый жанр художественной литературы, но и неотъемлемую часть обрядов и верований. Вид эпоса зависит от верований и культа. Он ведет свое психологическое происхождение от того свойства нашей души, в силу которого нам недостаточно жить, еще у нас есть потребность свою и чужую жизнь рассказывать.

Например, жизненному счастью, спокойствию и большой семье посвящен эпос «Хаан цэцэн зурхайч», для благополучной и богатой жизни предназначен эпос «Баян цагаан өвгөн», для крепкого здоровья и долгой счастливой жизни – «Аргил цагаан өвгөн», «Наран хөвөн хаан», для хорошего настроения и духовной мощи – «Эзэн улаан бодон», для рождения ребенка – «Эрх начин харцага», «Наран хаан хөвөн [хүү]», для новой семьи – «Алтан хөвч», а в случае несчастья и шаманского

проклятия исполняются «Хан Харангуй», «Баатар хар Жандалба», «Талын хар бодон», «Довон хар бөх», «Хүрэл арслан магнай», «Хүч ихтэй хүрэл хаан».

Существовали жесткие эпосы, которые мог произносить не всякий сказитель. Одним из таких эпосов является «Хан Харангуй». Простой сказитель не мог его произносить. Только самые выдающиеся и способные, специально образованные и унаследовавшие сказители могли петь это сказание. Кроме того, если сказители не научились полностью, они сами отказывались совершать обряд произнесения данного эпоса.

Алтайские урянхайцы пели эпические сказания с 25 декабря, т. е. в первом месяце зимы до белого месяца. Обычно сказание происходило ночью. Выбор времени был связан с тем, что создавалась самая удобная ситуация для кочевников, они имели свободное время, скот был тучен, в длинную зимнюю ночь удобно произносить длинный текст.

Рис. 1–4. Народный музыкальный инструмент товшуур

Для сказания заранее готовился народный музыкальный инструмент *товшуур* (рис. 1–4). Он почтительно и торжественно привозился верхом на лошади. О приезде товшуура объявляли по всем домам. По привозе его почтительно размещали в самом почетном месте юрты, производили обряд очищения, привязывали белую ленточку к нему и ставили коробку чая и пачку сигарет под ним.

Урянхайские сказители произносили сказание в сопровождении товшуура. Это способствовало установлению ритма стихов и обогащению выражений. Благодаря музыкальной фразе слоги слов эпоса увеличиваются и добавляется особый оттенок мелодии. Существовало поверье, что музыкальная мелодия дает какую-то магическую силу. Сначала приглашали сказителя, потом, по его разрешению, приносили к себе его товшуур, обвязывали его шелком и почтительно вешали на стену. После завершения процедуры сказания, согласно строгому правилу, в течение 3–7 дней нельзя было трогать товшуур.

Сказители говорили, что без товшуура не поднималось настроение и не приходило вдохновение. Поэтому невозможно разделить сказителя, эпос и товшуур. Когда скот приходит домой, звезды появляются на небе, становится тихо, сказитель начинает свое сказание. Иногда оно длится несколько ночей. Перед началом сказания рассказывается «Алтайн уулын магтаал». В нем содержатся сюжеты о восхвалении родного края, о заслугах и благодеяниях, о почитании Алтайских гор, рек, диких животных, растений, дождей и всех природных сил. Говорят, что «Без Алтая нет эпоса, без жены нет семьи, без восхваления Алтая нет сказителя». Во время сказания сказитель говорит не только о своем родном крае, но и о горах и реках тех мест, куда он приглашен.

Происхождение эпоса алтайских урянхайцев связано с духовными потребностями народа, созданными на основе его верований и традиционных обрядов.

**Ховдский государственный университет (Монголия)
ganboldmongonkhoo@yahoo.com**

The article is devoted to the existence of the epic in the environment of the Altai Uryankhays.

Epics, legends, rites, Altai.

К. Ю. Гизиева

**ПАМЯТЬ В КАМНЕ:
К ИССЛЕДОВАНИЮ НАДГРОБНЫХ НАДПИСЕЙ
НА ГОРОДСКИХ КЛАДБИЩАХ ОМСКА**

Статья посвящена изучению надгробных надписей на городских кладбищах Омска. Надмогильные камни выступают хранилищем информации о различных сферах культурной жизни в тот или иной отрезок времени. В то же время они являются самым эффективным способом выражения скорби. Отсюда индивидуализация стиля и языка, поэтической формы, которая позволяет человеку лучше выразить искренние чувства. На основе проведенного исследования автор выделяет устойчивые мотивы, прослеживающиеся на надгробиях.

Надгробные надписи, городские кладбища, информация, выражение скорби, устойчивые мотивы.

В общественном пространстве практически нет места для скорби. Траур, как правило, ограничивается собственно похоронами, поминками. Но часто люди испытывают потребность в более глубоком и продолжительном выражении своих скорбных чувств. И потому спустя месяцы после смерти, когда на могиле вместо временного памятника устанавливается надгробие из камня, скорбящие охотно прибегают к эпитафии как самому удобному способу выражения любви и преданности усопшему.

Как правило, самостоятельная, автономная, чаще всего лирическая часть всей надгробной надписи – это эпитафия. В отличие от формулярного представления, она факультативна, графически может быть отделена от него чертой или выбита на других сторонах памятника [Царькова, 1999, с. 6]. В России эпитафии появились довольно поздно. Хронологически и стилистически надгробиям с эпитафиями предшествовали гладкие намогильные белокаменные плиты. Самое древнее захоронение под такой плитой было вскрыто в Московском Кремле в слое первой половины XIII в. Позже на этих плитах появляется орнамент, построенный из комбинаций разного диаметра кругов. И лишь затем широкое распространение получают надгробия с надписями. Мало того, существуют причины, по которым эпитафии до этого времени было попросту невозможно перенести на камень. Дело в том, что «древнейшие надгробия... имели чрезвычайно малую толщину, обычно не превышавшую 10 см, и тесались из мягкого известняка. В результате они легко ломались при оседании могильной насыпи, быстро зарастали дерном и за несколько лет совершенно скрывались из глаз, – что хорошо прослежено археологически. Их орнамент, если он существовал, был столь скромный, что через век-другой уже мог не восприниматься как признак надгробия, и плита обычно использовалась вторично или попадала в известняковый лом» [Беляев, 1996, с. 17].

Научное значение изучения и публикации надгробных надписей на кладбищах определяется несколькими аспектами. Во-первых, они дают исследователям

важный биографический материал – даты рождения и смерти человека. Во-вторых, изучение надгробных надписей представляет несомненный историко-культурный интерес. «Всякий мемориал в момент его создания – свидетельство понимания взаимосвязи настоящего с прошлым людьми определенного времени и социального (точнее – социокультурного) положения, – пишет С. О. Шмидт. – Память – основа не только культуры, но и мировосприятия, и именно береженная социальная память обеспечивает культурную преемственность поколений. <...> Поэтому кладбище (и его состояние) становится для историка источником понимания общественного (и религиозного) сознания и системы символов культуры не только тех лет, когда жили похороненные там люди, но и времени жизни их потомков» [Шмидт, 1991, с. 9–11].

Основными источниками для написания работы послужили материалы, собранные во время этнографических экспедиций 2008, 2013 гг. на кладбищах Омска. В результате исследования нами было установлено, что «дополнительная информация» на надгробиях появляется только с конца 1960-х гг. Однако можно встретить эпитафии и на могилах более раннего периода, это, как правило, могилы людей, имевших при жизни высокий социальный статус. Отсюда следует, что техническая сложность изготовления подобного рода изделий, а соответственно, и высокая цена на них обуславливают недоступность их для широких слоев населения.

Типичным для подавляющего количества надгробных памятных знаков (креста, обелиска, стелы и др.) становится формулярное представление. Обычно оно содержит полное имя или инициалы, даты рождения и смерти. Далее объем текста надписи варьируется, рассмотрим некоторые устойчивые мотивы, прослеживающиеся на надгробиях.

1. Род деятельности, профессия.

В 90 % случаев, когда на памятнике имеется указание профессии умершего, это относится к могилам военных. Их отличительной особенностью является звезда, расположенная, как правило, в верхней части памятника. Зачастую умерший изображен в военной форме со всеми знаками отличия, иногда можно встретить указание воинского звания: «*Сурыгин Степан Тимофеевич ветеран железнодорожных войск, техник лейтенант тяги, машинист колонны локомотивов особого резерва 1941–1945 гг.*», «*Мл. сержант пограничной службы*». В военное время кладбища стихийно возникали на местах сражений, похороны определялись боевой обстановкой. Зачастую люди просто не знали, где погиб их близкий человек, только немногим удавалось похоронить родственников на родине [Гизиева, 2012, с. 158]. Поэтому еще одним из вариантов захоронения является перенос праха с земли, на которой погиб воин, этот факт также может быть отображен в эпитафии: «*Здесь захоронена земля с могилы братьев Лобановых, погибших при защите Родины*», «*Здесь покоится прах Шнякина Николая Сергеевича род 30/III 1915 – умер 27/III 1946*».

К военным, чья служба отмечена на надгробном камне, примыкают люди экстремальных профессий. Это памятники милиционерам, летчикам, морякам, водителям. Все это профессии, связанные с повышенным риском для жизни. На могиле милиционера эпитафия: «*С торжествующим врагом ты встретил смерть лицом к лицу, как в битве следует бойцу*».

2. Обстоятельства гибели, если они представляются значимыми или ключительными.

Желание самостоятельно, во что бы то ни стало вывести причинно-следственную связь между произошедшей трагедией и собственными поступками не оставляет людей, переносящих боль утраты. Нередко у людей, переживающих смерть близкого человека, существует такая важная проблема, как чувство вины. Думают, что если бы в прошлом повели себя другим образом, то все было бы иначе. Многие жалеют о том, что недодали любви, несправедливо обижались, упрекали, ссорились, не сделали чего-то хорошего для человека, которому теперь это сделать уже нельзя. Все это они стараются выразить в надгробной эпитафии.

Довольно часто о том, что причина гибели – дорожная авария, можно догадаться по изображению на памятнике автомобиля, мотоцикла, самого погибшего на фоне этих видов транспорта. Например, женщина переживала и винила себя в смерти мужа. Она осенью попросила его съездить к своей матери за картошкой в другую область. До этого в течение многих лет каждую осень он ездил к теще за картошкой, и никаких проблем не возникало. Но в этом году недалеко от областного центра произошло дорожно-транспортное происшествие, в результате которого мужчина погиб. Она была уверена: трагедия произошла из-за того, что она попросила мужа поехать к матери. Отсюда такой текст эпитафии: *«Я каждый вечер зажигаю свечи, / И образ твой окуривает дым, / И не хочу я знать, что время лечит, / Что все уходит вместе с ним».*

Если говорить о смерти в результате продолжительной болезни, то в строках эпитафии больной или страдающий в новом мире получает прекращение страданий, покой, отдых от трудов: *«Отняв жизнь, судьба подарила тебе вечную молодость».* Потерявшие друга (супруга, любимого) надеются на встречу, соединение, т. е. всегда описывается то, чего они не получали в этой жизни либо потеряли в ней: *«Зачем любовь моя пережила тебя... Нина».*

3. Могилы детей.

Историко-культурная эволюция взглядов на детскую смертность, борьба с ней гуманизировали общественное мнение. «Смерть ребенка становится, – пишет А. В. Демичев, – неестественным, случайным и глубоко трагическим событием» [Демичев, 1997, с. 31]. Эта перемена своеобразно отразилась на стилистике реальных эпитафий начала XX в. Это могла быть и минимальная, приданная извне, от самих родителей индивидуальность – она зафиксирована в трагической, но ласковой надписи. На таких могилах пишется не имя-отчество, а только сокращенное имя, иногда в уменьшительно-ласкательной форме: *«Лидочка! Благодарю тебя за то, что ты со мной была, еще за то, что не забудешься, за вечность и за миг, за отгоревшую звезду, за смех и за печаль, за тихое прощай, любимая моя, за все, за все тебя благодарю»*, *«Самому сладкому и веселому ангелочку от самых любящих».* Встречаются указания на талантливость ребенка: изображения скрипичного знака, палитры (для взрослых такие обозначения обычно сочетаются с обозначением достигнутого статуса).

В большинстве своем родители гораздо чаще возводят умершим детям памятники и прилежней посещают могилы, чем дети по отношению к родителям. Причиной тому служит рациональное понимание естественности ухода старших: *«Сынок, / Хожу к тебе я 30 лет, / Ношу тебе цветы / И убираю грустный / Твой я уго-*

лок, тоскую о тебе. / Короткий путь остался мой, / И я приду к тебе, / Тогда, сын-нок, никто другой / Не уберет твой уголок, / Не принесет цветы».

4. Употребление библейских цитат и выражений.

В этих эпитафиях печаль, вызванная утратой близкого человека, соединяется с верой в промысел Божий, надежду на Его милосердие. Смерть близкого человека воспринимается авторами как временная разлука. Именно по этой причине создатель эпитафии обращается к своему покойному родственнику, что показывает условность границ мира живых и мира усопших. Ощущение этой границы еще более сглаживается за счет включения в текст надгробных надписей церковных молитв о прощении грехов скончавшемуся: «*Со святыми упокой храни, Господь, души рабов твоих*», «*Господи, да будет воля Твоя!*». Кроме этого, прослеживается мотив обращения к самому покойному с просьбой ходатайствовать перед Престолом Божиим о помощи оставшимся на земле людям [Леонов, Юсов, 2006].

Таким образом, эпитафии данного типа показывают, что общение между миром живых и мертвых не прерывается и эта возможность существует благодаря неизреченному милосердию Божьему.

Призывая россиян помнить о назначении эпитафий – молитве о прощении грехов усопшего, иерархи Русской православной церкви пытаются транслировать эту норму поведения в общество: «Эпитафия – это замечательная и нужная традиция. Это не набор слов, как кто-то может подумать, она написана со смыслом и должна заставлять задуматься. А еще лучше, если эта фраза отзовется молитвой, горячим обращением к Богу. Эпитафия вообще имеет смысл только в том случае, если пробуждает молитву за умершего. А если слова на памятнике обожествляют самого покойного или служат посланием умершему: “Мы тебя помним” или “Помним. Любим. Скорбим”, то смысла в этом немного. К кому в данном случае обращаются? Неужели покойный встанет и прочитает написанное? А бывают и такого рода эпитафии: “Я жил славно, хорошо. Спасибо всем за внимание”. И к чему это? Разве такой текст помогает думать о душе? Эпитафия же со словами Евангелия обязательно затронет душу человека, и он помолится за умершего, чтобы Господь даровал ему утешение» [Обсуждение ...].

Очутившись на современном кладбище в одном из городов России, можно убедиться, что оформление могильных надгробий с точки зрения представленной на них информации довольно унифицировано. На надгробии хорошо видна надпись, то длинная, то сжатая, указывающая имя покойного, его семейное положение, иногда его социальный статус или профессию, возраст, дату смерти и степень родственной близости с человеком, воздвигнувшим памятник. Надмогильные плиты с эпитафиями, несмотря на то, что время создания многих из них отдалено от современности веками, пережили свою эпоху и культуру, которые их создали, и доньше служат людям, как бы продолжают свою жизнь. Смысл надмогильных стел – в хранении памяти об усопших.

Библиографический список

Беляев Л. А. Русское средневековое надгробие: белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М. : Модус-Грффити, 1996. 563 с.

Гизиева К. Ю. Дань памяти воинам Великой Отечественной войны // Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне : сб. материалов V Всерос. науч. конф. (Омск,

5–6 мая 2011 г.). Вып. 2 / гл. ред. Н. А. Томилов ; отв. ред. Д. А. Алисов, М. Л. Бережно-ва. Омск : ООО «Издательский дом “Наука”», 2012. С. 158–160.

Демичев А. В. Дискурсы смерти: Введение в философскую танатологию. СПб. : Изд-во ИНАПРЕСС, 1997. 144 с.

Леонов И. С., Юсов Е. И. Русская эпитафия сквозь призму христианского понятия о печали // Молодежь и Церковь: проблемы и идеи. (По материалам Первых Свято-Филаретовских чтений). Межвузовская ассоциация молодых исследователей-филологов. М., 2006. URL: <http://www.mamif.org/stfilaret/leonjuz.htm> (дата обращения: 11.05.2013).

Обсуждение «Зачем нужно кладбище, или Богатством гроба не удивишь Бога» // Светлая память. URL: <http://www.memoriam.ru/zachem-kladbishhe-bogatstvom-groba-ne-udivish-boga> (дата обращения: 11.05.2013).

Царькова Т. С. Русская стихотворная эпитафия XIX–XX веков: Источники. Эволюция. Поэтика. СПб. : Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1999. 200 с.

Шмидт С. О. Исторический некрополь в системе культуры России // Московский некрополь: история, археология, искусство, охрана. М., 1991. Вып. 1. С. 9–11.

Сибирский филиал Российского института культурологии (Омск)
mart188@mail.ru

The article is devoted to the study of funerary inscriptions on the city cemeteries Omsk. Tomb stones are the repository of information about the different spheres of cultural life in this or that period of time. At the same time they are the most effective way of expression of sorrow. Hence the individualization of style and language, a poetic form that allows a person to express sincere feelings. The author allocates sustainable motifs that run on the tombstones.

Tomb inscriptions, cemetery, information, expression of sorrow, sustainable motives.

Г. Г. Гурьянова

ДРЕВНЕЕ ИСКУССТВО И СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Классическое искусствоведение начала XX в. не причисляло сибирские древности к области художественного творчества. Модернизированное искусствоведение представлено во второй половине XX в. встречаемыми потоками исследований: от классической морфологии к древнему искусству Сибири и от сибирских древностей к структуре истории искусства отдельного этноса, территории. Обретение человеком предельной целостности мира потребует в будущем от искусствоведения сочетания региональной и планетарной точек зрения на искусство, в том числе и древнее.

Древнее искусство Сибири, искусствоведение, неклассическое искусствоведение, современное искусствоведение, сибирская неоархаика.

Изучением древнего и средневекового искусства Сибири занимаются сегодня прежде всего археологи. Искусствоведов пока на порядок меньше. Чем может быть привлекательна эта область для современного представителя науки об искусстве и какие его могут ожидать на этом пути проблемы? Цель данного материала

© Гурьянова Г. Г., 2013

состоит в определении особенностей взаимодействия между изучением древнего искусства Сибири и развитием современного сибирского искусствоведения.

Одной из первых публикаций, посвященных древнему искусству Сибири, стала статья «Искусство доисторическое» специалиста по скифской культуре Г. И. Боровки [Боровка, 1931]. Именно этот материал может считаться и примером первой встречи классического искусствоведения и древнего искусства Сибири. Показательно, что историк искусства (историк, хранитель эллино-скифских древностей Эрмитажа, преподаватель Государственного института истории искусства) Г. И. Боровка отказал сибирским художественным древностям вправе быть причисленными к искусству. Доскифский и послескифский периоды не рассматривались ученым в качестве базы для дальнейшего развития искусства Сибири [Гурьянова, 1998]. Отношение классического искусствоведения к древнему искусству Сибири было продемонстрировано и статьей «Основные этапы развития первобытного искусства» [Всеобщая история искусств, 1956, т. 1]. Специалисты Академии художеств отметили из отечественных археологических находок урало-сибирской территории лишь деревянную скульптуру Урала эпохи неолита. Подбор материала свидетельствует о скептическом отношении искусствоведения тех лет к результатам изобразительной деятельности древнего населения Сибири. Итак, классическое (европо-ориентированное) искусствоведение рассматривало в первой половине XX в. искусство как ценность, имеющую в своей основе опору на античные памятники. Все опыты, выходящие за пределы классического понимания художественности, не связывались с искусством.

Модернизационный подход отразился в искусствоведении второй половины XX в. стремлением, с одной стороны, «ввести» художественный опыт древности в морфологию классического искусства, а с другой – пристально «вглядеться» в особенности развития искусства отдельной территории, этноса, археологической культуры. В первом случае, исходя из ценностей классической структуры искусства, новое видение находок в качестве древнего искусства места, народа определялось как цель. Во втором случае ценностью представлялось искусство территории, этноса, культуры, а целью – понятийный аппарат семиотики, структурализма, расширяющий опыт классического искусствоведения и используемый для конкретной практики, в том числе искусства древней и средневековой Сибири.

Подход, в котором происходило наложение классической морфологии на неклассическое содержание искусства Сибири, зародился в середине XX в. Так, одним из первых археологов, применивших для изучения находок искусствоведческую терминологию, был В. Н. Чернецов [Гурьянова, 1999]. Примечательно, что В. Н. Чернецов в своих работах второй половины 1950-х гг. осознанно делил находки на произведения искусства и на факты изобразительной деятельности [Чернецов, 1953; 1957], т. е. находился на границе притяжения и непритяжения предметов древнего и средневекового искусства Сибири как примеров искусства. Возможно, к высказываниям в области теории искусства В. Н. Чернецова подтолкнула работа Д. Н. Эдинга «Резная скульптура Урала» [Эдинг, 1940], которая стала действительно пионерской по нескольким параметрам. Д. Н. Эдинг опубликовал сенсационные скульптурные находки из дерева эпох неолита и бронзы (представленные впоследствии в ВИИ) и проявил интерес к формально-выразительной стороне произведения. Рукопись Д. Н. Эдинга «Религиозные представления и искусство на Среднем Урале в брон-

зовую эпоху», поступившая в архив Института археологии в 1952 г., содержала революционные на тот момент не только для археологии, но и для искусствоведения высказывания о том, что признак художественности состоит не в отсутствии или наличии черт условности и схематизма, а в осознанности выбора условного способа передачи художником [Эдинг, архив ИА РАН, с. 38]. То есть, по мнению ученого, условность, обобщенность формы не является безусловным признаком отсутствия художественного начала. Подобная позиция убеждала существенно раздвинуть рамки искусства.

Но позиция Д. Н. Эдинга, пожалуй, частный случай, который свидетельствует не столько о применении классического аппарата для неклассики, сколько о внедрении в искусствоведческую позицию индивидуализма – учета авторского произвола, наложения на неклассическое искусство индивидуально-творческого мышления.

В основном модернизированное искусствоведение помогало столичным и сибирским археологам в выявлении и специализированном изучении определенного типа предметов и «проверяло» классический аппарат на непривычном материале. Чаще других использовались следующие понятия – художественность, творчество, стиль, стилизация, а также видовая классификация – скульптура, графика. Реже встречалась жанровая классификация. Постепенно к этому процессу подключались профессиональные искусствоведы [Ченченкова, 1989; 1996]. Среди главных проблем – наличие «зазора» между термином искусствоведения и семантикой, прагматикой древнего предмета. Как, например, порой провести границу между ДПИ и скульптурой? Малая глиняная пластика саргатской или усть-ишимской культуры скорее относима по прагматике к средовым, конструирующим пространство элементам, т. е. к монументальному искусству. А прорезные образные элементы на стенках кулайских сосудов – это часть орнамента, протостанковизм или ранние формы граффити? При этом наличие проблемных зон в использовании терминологии придавало изучению предмета и в целом искусства новые ракурсы, заполняло лакуны непонимания содержания [Гурьянова, Конилов, 2005].

Встречное направление начало свое развитие во второй половине XX в., конкретизируя особенности художественного развития отдельной территории. В течение довольно долгого периода времени создание истории искусства отдельного региона Сибири или отдельного периода являлось последовательным продолжением процесса наложения морфологии классики на неклассику [Чернецов, Мошинская, 1971; Молодин, 1992]. Определение иного угла зрения появилось в начале 1990-х гг. Пожалуй, пионерской стала работа Н. В. Полосьмак и Е. В. Шумаковой, представивших семантику искусства если не определенного этноса, то археологической культуры [Полосьмак, Шумакова, 1991]. Обратилась к семиотике западносибирской скульптуры О. П. Ченченкова [Ченченкова, 2000]. Е. П. Маточкин в диссертационном исследовании осуществил попытку совмещения изучения искусства определенного этноса и определенной территории [Маточкин, 2011]. Теоретический интерес к развитию этого направления проявлен в искусствоведческой среде только в начале XXI в. [Нехвядович, 2011].

Таким образом, модернизированный подход способствовал и способствует формированию представления о древнем искусстве Сибири как значительном с точки зрения науки явлении, а также как о культурном фоне, существующем объективно, независимо и рождающем больше вопросы, чем ответы. Археологи вместе с ис-

кустоведами ввели древнее искусство в музейное пространство, в круг научных и научно-популярных публикаций, благодаря чему у произведения древнего и средневекового искусства Сибири существует сегодня статус спутника современной культурной жизни.

Модернизированное искусствоведение является сегодня лишь одним из способов понимания древнего искусства Сибири, но способ этот важен, так как он может привнести в процесс изучения развития искусства Сибири целостность. Подчеркну, что речь идет прежде всего об искусствоведении смыслов [Якимович, 1993]. Обретение целостности постижения особенностей развития искусства региона обеспечивается и включением в круг исследуемых проблем явления неоархаики.

Не останавливаясь специально в пределах данного материала на причинах, истории, содержании этого явления в искусстве Сибири, замечу, что опыт неоархаики стал одним из наиболее доступных способов приобщения искусства Сибири к планетарному мышлению современной эпохи – своеобразным шагом в сторону глобальной цивилизации, не отрывающимся от первоначального, архаического понимания и ощущения единства мира – на основе целостности природного Космоса. Имея в виду, что столичное искусство последних десятилетий в основной массе ориентируется на западный путь, сибирское искусство предстает еще и самобытным в отношении столичных опытов, сохраняя типичную для отечественного опыта мистическую веру в возможность возвращения человеческой культуре трансцендентного начала [Якимович, 1993].

Введу категории «цель» и «ценность» для определения возможности обращения опыта древнего искусства в будущее (использование в качестве цели) и в прошлое (осознание в качестве ценности). Понятно, что для исследователя, стоящего на позициях классического искусствоведения, древнее искусство не являлось ни ценностью, ни целью. Как цель и ценность осознает древнее искусство так называемое региональное искусствоведение, стремящееся изучать искусство через особенности его развития в конкретном месте, преемственно, целостно в пространстве и времени. Целью выступает древнее искусство и для искусствоведа, накладывающего морфологию классики на древность, «обновляя» таким образом опыт древности. Ориентация на обновление объясняет то, что в этом случае древнее искусство не рассматривается в качестве ценности. Наоборот, ценность древности осознает исследователь, занимающий неклассическую эстетическую позицию, видящий в первобытной культуре рабочий пример планетарной общности. Понятно, что в качестве цели для неклассика древность не выступает. Определившаяся конфликтность позиций искусствоведа классического и регионального понятна, она свидетельствует об этапности развития науки об искусстве. Не менее важно понимание противоречивости позиции искусствоведа-«модерниста» и неклассика. Факт введения древнего искусства в границы классической морфологии является лишь промежуточным тактическим этапом, позволяющим систематизировать «строительный материал». А вот «здание» искусства в условиях конкретного места «отстраивает» региональное искусствоведение, так или иначе встраиваясь в грандиозный общемировой процесс, наличие вектора которого обеспечивает неклассика.

Таким образом, сегодня возможны следующие способы взаимодействия науки об искусстве и древнего искусства Сибири. Первый – модернистический, предлагающий наложение языка классического искусствоведения на древности Сибири

и создание региональной истории искусства от первобытности до наших дней. Это путь классификаций и выявления проблемных морфологических зон. Иной путь, путь будущего – неонклассический, рассматривающий древнее искусство как ранний опыт искусства современности с его бессознательностью, автоматизмом, телесностью и стремлением к целостности. Произведение искусства древности, современности – фрактал, вместивший в себя структуру мироздания.

Библиографический список

Боровка Г. И. Искусство доисторическое // Сибирская Советская энциклопедия. Новосибирск : Сиб. краевое изд-во, 1931. Т. 2. С. 355–362.

Всеобщая история искусств. М. : Гос. изд-во «Искусство», 1956. Т. 1. 920 с.

Гурьянова Г. Г. Искусство тюрков (взгляд из н. 1930-х гг.) // Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий : сб. науч. тр. Омск : Изд-во ОмГУ, 1998. С. 61–63.

Гурьянова Г. Г. В. Н. Чернецов – исследователь древнего искусства Западной Сибири // Гуманитарное знание. Сер. Преемственность. Омск : Изд-во ОмГПУ, 1999. Вып. 2. С. 32–38.

Гурьянова Г. Г., Конилов Б. А. Очерки по истории древнего средневекового искусства Западной Сибири : учеб. пособие. Омск : Издат. дом «Наука», 2005. 170 с.

Маточкин Е. П. Художественное наследие и проблемы преемственности в изобразительном искусстве Горного Алтая : дис. ... д-ра искусствоведения. Барнаул, 2011.

Молодин В. И. Древнее искусство Западной Сибири. Новосибирск : Наука, СО, 1992. 191 с.

Нехвядович Л. И. Этноискусствоведческие концепции в трудах ученых Сибири // культурное наследие Сибири : сб. науч. тр. Вып. 12. Барнаул : АГУ, 2011. С. 84–89.

Полосьмак Н. В., Шумакова Е. В. Очерки семантики курайского искусства. Новосибирск : Наука, 1991. 91 с.

Ченченкова О. П. Развитие художественного стиля жертвенных плиток с изображением головы барана и гипотеза об их распространении // Актуальные проблемы методики западносибирской археологии. Новосибирск : НГПИ, 1989. С. 178–180.

Ченченкова О. П. О стилистическом единстве древней каменной скульптуры Западной Сибири лесостепи и сопредельных территорий // Археология Сибири: историография и источники. Омск : Изд-во ОмГУ, 1996. С. 150–180.

Ченченкова О. П. Западно-Сибирская скульптура: вещь, знак, символ // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. СПб. : ГЭ, 2000. С. 194–212.

Чернецов В. Н. Бронза усть-полуйского времени // Древняя история Нижнего Приобья. М. : АН СССР, 1953. С. 121–178. (МИА ; № 35).

Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тыс. н. э. // Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири. М. : АН СССР, 1957. С. 136–245. (МИА ; № 58).

Чернецов В. Н., Мошинская В. И. Древнее искусство Урала и Западной Сибири // История искусства народов СССР. М. : Изобразительное искусство, 1971. Т. 1. С. 71–82.

Эдинг Д. Н. Резная скульптура Урала. Из истории звериного стиля // Тр. Гос. ист. музея. М. : ГИМ, 1940. Вып. 10. 104 с.

Эдинг Д. Н. Религиозные представления и искусство на среднем Урале в бронзовую эпоху // Архив Ин-та археологии РАН. Р-2. № 1104. 58 с.

Якимович А. К. Безумие Запада и русская болезнь. Две парадигмы культуры // Вопр. искусствознания. 1993. № 1. С. 79–91.

Омский государственный педагогический университет (Россия)
galavrf@mail.ru

The classical art history of the early twentieth century did not refer the Siberian antiquities to the field of artwork. The upgraded art history is presented in the second half of the twentieth century by the counter streams of researches: from classical art morphology to the ancient art of Siberia and from the Siberian artifacts to the structure of the history of arts of a particular ethnic group or territory. The consciousness of supreme entirety of the world by the human will require from the art history in the future the combination of regional and planetary viewpoints on the art, including the Siberian prehistoric art.

The ancient arts of Siberia, the art history, non-classical art history, contemporary art history, Siberian neoantiquity.

М. А. Дикова

**МИФОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ МИРА В ДРЕВНЕМ ИСКУССТВЕ
СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫХ ПАЛЕОАЗИАТОВ
(опыт структурно-семиотического анализа)**

Статья посвящена анализу графических изобразительных источников (малых форм), полученных на Чукотке и в Северном Приохотье (Магаданская область). Рисунки объединены в блок, отражающий, по мнению автора, древние мифологические представления о структуре мира.

Традиционные культуры, космологические представления, мировое яйцо, мировое древо, знаковый код.

Особое место среди форм мифопоэтического мировоззрения в культурах разных народов, населявших нашу планету в древности, и в традиционных культурах нашего времени занимают космогонические мифы и космологические представления, сложившиеся в глубокой древности. Обусловлено это тем, что в них обозначены пространственно-временные параметры Вселенной, т. е. те условия, в которых протекает существование человека и помещается все, что является объектом его жизнедеятельности и мифотворчества. Сфера космогонического и космологического для мифопоэтического сознания очень широка, поскольку в ней отождествляется (или, по крайней мере, связывается, чаще всего однозначно) природа (макрокосм) и человек (микрокосм).

В мировых мифологиях плоскостная модель Вселенной выступает в виде определенной вертикальной или горизонтальной структуры. Наиболее ярко космологическая структура на горизонтальной плоскости представлена в буддийской мифологии в виде мандалы (распространена в религиозных системах Китая, Индии, Монголии, Японии). Структура мандалы при всей сложности проста: квадрат, в него вписан круг, в который, в свою очередь, вписан квадрат – в нем размещается восьмилепестковый круг (цветок), символизирующий женское начало, детород-

ное лоно, в центре которого часто помещается мужской знак. Внутренний квадрат имеет Т-образные врата – вход в обитаемый мир. Соотношение символов в центре мандалы дублируется ритуалом – призывается божество, которое опускается с небес прямо в центр мандалы, где оно и совершает акт, приносящий плодородие, изобилие, успех. Мотив движения божества сверху вниз вводит вертикальную координату в структуру мандалы, хотя обнаруживается она только во время ритуала [Мифы ... , 1982, с. 101].

Высшей ценностью обладает та точка в космологическом пространстве, где совершается акт творения, т. е. «центр мира»; в ней сосредоточен максимум сакральности.

В мандале таким сакральным центром является восьмилепестковый цветок с мужским знаком в середине. У индейцев Северо-Западного побережья Америки средоточием сакрального служат «руки мира» (перекрестия в плоскостной метафоре Вселенной).

Модель мира (Вселенной), изображенная на полу, на песке, на ковре и пр., являлась необходимым «инструментом» обрядовых церемоний (инициаций, посвящений в шаманы, вступления в мужской союз и др.) и была задействована в ритуале. Неофит стоял во время ритуала посвящения в сакральном центре и мысленно должен был раствориться в нем; это позволяло ему сконцентрировать в себе тайные знания, войти в духовный контакт с духом-предком, создателем, который и составлял ядро метафоры Вселенной [Окладникова, 1995, с. 270]. По сценарию ритуал посвящения включал создание рисунка модели Вселенной (не только объемных размеров, но и портативного в виде амулета малых форм, который всегда должен быть при себе как средоточие тайных знаний); сопровождался ритуал повествованием мифов, исполнением песнопений и танцев [Там же].

Некоторые исследователи считают, что мегалитические сооружения Тибета и Стоунхендж в Англии имеют в своей основе мандалу, и мандала – это не что иное, как схема таких сооружений [Мифы ... , 1982, с. 101].

Калифорнийские индейцы изображали плоскостную модель мира в виде ряда окружностей, вписанных друг в друга. Круги служили разграничителями «миров», или уровней мироздания. Иногда внутри сфер располагались мифологические ориентиры. Подобную «карту» мироздания мы видим и на чукотском рисунке, приведенном В. Г. Богоразом [Богораз, 1939, рис. 1].

Моделирование космологических представлений у северо-восточных палеоазиатов на плоскости в виде гравировок на камне или другом субстрате (малые формы) имело место еще в каменном веке. Среди археологических артефактов, найденных на севере Дальнего Востока, есть гравировки небольших размеров на гальках, плоских камнях и сланцевых плитках, графический код которых позволяет отнести рисунки к изображениям модели мира. Это находки автора на стоянке Раучувагытгын I (Западная Чукотка) и Р. С. Васильевского на Северо-Западном Приохотье.

Сложный рисунок с чукотской стоянки Раучувагытгын I [Кирияк (Дикова), 2012, с. 155, рис. 23] отражает, на наш взгляд, шаманские представления о структуре мира. В композиции представлена, по всей вероятности, универсальная модель Вселенной с символикой мирового яйца и мирового дерева. Рисунок демонстрирует трехчастное деление и заключен в овал. Сам овал и заполняющие его знаки-

символы напоминают шаманский бубен с пиктографическими рисунками. На раучуванской плитке овал поделен на три яруса: верхний отделен от среднего прямой, средний от нижнего – перевернутой дугой. Каждый ярус имеет свою символику. Фигура овала, составленная как бы из двух взаимонаправленных дуг, так же как и форма бубна, соотносится в мифологии многих народов с мировым яйцом, символом Вселенной. В данной композиции графически выражены представления древних раучуванцев о космосе и космических актах, к числу которых относятся: «установление космического пространства (разъединение неба и земли, формирование трех космических зон и т. п.), наполнение пространства конкретными объектами или абстрактными сущностями; сведение всего сущего к единому и выведение всего из единого» [Мифы ... , 1982, с. 7]. В китайской мифологии Небо и Земля слиты воедино, как куриное яйцо [Там же]. Знаковым выражением Неба в мифологии юкагиров, например, является выпуклая дуга, обращенная концами вниз, а знаковым выражением Земли – вогнутая дуга, обращенная концами вверх. Мифологический брак Неба и Земли рождал Вселенную [Жукова, 1996, с. 31].

Яйцо мира как космический символ можно обнаружить в большинстве традиционных культур. Китайцы, например, верили, что первый человек выпрыгнул из яйца, которое было уронено с небес и плавало по первобытным водам [Керлот, 1994, с. 396].

О яйце как природном феномене были представления и у раучуванцев, о чем можно судить по находке в одном из жилищ яйцеобразной гальки с выбитым изображением птицы [Кирьяк (Дикова), 2012, с. 154, рис. 18].

Всю композицию в овале, вероятно, можно рассматривать как выражение мифологических представлений о Вселенной в форме бубна шамана. Известно, что забайкальские эвенки рассматривали рисунки на бубне как изображение земли. А согласно представлениям енисейских эвенков, на бубне изображалась Вселенная [Иванов, 1954, с. 189].

В коллекции граффити со стоянки Раучувагытгын I есть изображение трехчастной композиции, в которой древний мастер, по всей вероятности, передал представления о микрокосме, вобравшем жилище, окружающее человека пространство и потусторонний мир. Религиозно-мифологические представления народов, связанные с обрядовой практикой, долгое время сохраняются в орнаментальных мотивах на шаманской и праздничной одежде и в других бытовых атрибутах. Для трактовки названной выше композиции целесообразно привлечь аналогии с юкагирскими передниками*.

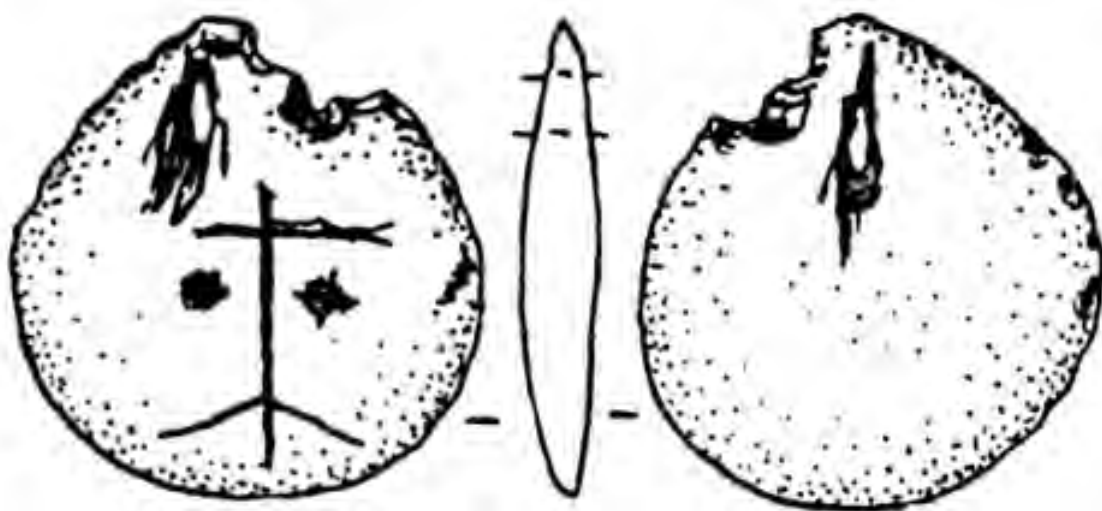
Прибегая к параллелям для вышеназванной композиции со стоянки Раучувагытгын I, приводим описание юкагирского передника, ссылаясь на Л. Н. Жукову [Жукова, 1996, с. 24–33].

Форма верхней части юкагирских передников была трапециевидной, а нижней – квадратной; в отдельных образцах верхнюю часть делали светлой, нижнюю – тем-

* Утверждение С. Б. Слободина, что «у юкагиров передников не было» [Слободин, 2012, с. 116] – нонсенс. Формировавшиеся в южных сибирских широтах (по соседству с прасамодийцами и прауграми) предки юкагиров имели распашную одежду, традиционно сохранившуюся у них до настоящего времени. Отдельные юкагирские группы, вышедшие в арктические широты, могли воспринять глухой тип одежды, свойственный северным палеоазиатам [Жукова, 1996].

ной. Именно этот вариант передников наиболее характерен для юкагиров. Его конструкцию, связанную с мифологическими представлениями юкагиров о структуре мира, относят к глубокой древности, в пользу чего свидетельствует устойчивость его формы во времени и в пространстве независимо от половозрастных и иных особенностей. На символику самой формы юкагирских передников проливают свет представления, связанные со срединными украшениями. По зонам орнаментации передник делится на три части: верхнюю, среднюю и нижнюю. Верхнюю часть, как правило, не украшали, но на груди в верхней зоне иногда пришивали серебряные и медные диски, символизирующие солнце, луну и другие планеты, под них подшивали кусочки синего шелка, символизовавшего небо. В центре передника или чуть ниже пришивали орнаментированную полосу прямоугольной или полукруглой формы с приподнятыми кверху концами, иногда несколько орнаментированных полос – «сердце передника» или «палитру жизни», вобравшую в себя все необходимое для нормальной жизнедеятельности человека: родную землю, очаг, сородичей. На переднике «палитра жизни» находится внутри трапециевидной фигуры, имитирующей мифологическое жилище. В нижней части передника делалась орнаментальная нашивка, которую располагали в центре контура, окаймляющего края и подол передника и по форме напоминающего перевернутую букву П. П- и У-образные детали декора передника имели свою символику. Таким образом, весь замкнутый контур передника – трапециевидный верх и прямоугольный (или квадратный) низ – можно рассматривать как единство Неба и Земли, в чем нашла графическое выражение модель Вселенной юкагиров [Там же]. Графическая композиция со стоянки Раучувагытгын I демонстрирует, по нашему мнению, вертикальную модель Вселенной, развернутую на плоскости, в ее частном варианте.

Вертикальная структура мира представлена и на подвеске токаревской культуры эпохи палеометалла с о. Недоразумения поблизости от Магадана (см. рисунок).

Подвеска с о. Недоразумения с изображением модели мира

Исследователь токаревской культуры А. И. Лебединцев интерпретирует изображение на подвеске как «просто личину», не желая замечать отдельных деталей «личины», проливающих свет на ее семантику. Между тем элементы линейного изображения выполнены в определенном знаковом коде. Вертикальный отрезок с фланкирующими двумя точками (на одной из них справа прорезан прямой крест) является графическим выражением фаллоса. В мировых культурах этот символ известен как знак лингама, где точки по бокам означают *testikuli* [Демирханян, 1985, с. 141]. Треугольник, направленный острием вверх, равно как и с опущенной вершиной (с рассекающим его отрезком и без него) по своей семантике является женским символом. Таким образом, центральная фигура подвески имеет две составляющие – мужскую и женскую, в сочетании которых нашел выражение один из принципов организации вертикального компонента в модели мира, а именно передача направленного вверх движения, имитирующего рост и становление дерева [Там же].

В урало-алтайской мифологии центральное место в «круговороте жизни» отводится дереву. Этот «инструмент» не только связывает между собой все сферы мира, но и вносит в картину мироздания момент движения, столь существенный для наглядности циркуляции жизни [Сагалаев, 1991]. Образ дерева в рассматриваемой нами личине усиливается поперечным отрезком, расположенным вверху, над двумя точками, и рассеченным треугольником внизу (соответственно крона и корни). В знаке в виде вырастающего из треугольника (лона) дерева заключен сакральный смысл [Демирханян, 1985, с. 132]. Мифическое дерево и его ритуальные аналоги имеют непосредственное отношение к рождению, жизни и смерти человека. На севере Дальнего Востока известны детские погребения в дупле дерева у эвенов, воздушные погребения у юкагиров в сайбе (ящике из стволов деревьев), устанавливаемой на спилах деревьев, на их выступающих корнях или между близко растущими деревьями. В мифологии сибирских народов священное дерево отчетливо маркируется как мировая ось. А. М. Сагалаев подчеркивает всеобщность образа дерева жизни. Сближение человека с деревом неизменно оборачивается их тождеством. У якутов в процессе становления шамана есть обряд рассекания тела шамана; тело его рассекают духи, которые отделяют все конечности. Рассказывая об этом обряде, информатор слова «руки» и «ноги» заменял словом, обозначающим «ветви» [Там же].

Фигурка на подвеске с о. Недоразумения составлена из нескольких линейных элементов, которые сами являются знаками. Без фланкированных точек это фаллическое изображение, а с симметрично расположенными точечными углублениями оно воспринимается как женский символ; вместе с тем оба изображения приобретают дополнительный семантический акцент, являясь графическим выражением мирового дерева как одной из основных мифологических констант. Структура изображения раскрывает параллельное отождествление элементов мироздания с элементами лика и частями тела, т. е. совмещает три кода. Аналогичное изображение приводит Ю. Н. Есин [Есин, 2005, рис. 10, 1], но, в отличие от токаревского линейного рисунка, это изображение объемное, в нем присутствуют те же детали. Метафора модели Вселенной, переданная личинообразным изображением, характерна, к примеру, для окуневского искусства [Там же].

Прямой крест на личине с о. Недоразумения является солярным символом и в данной композиции маркирует солнце; соответственно, расположенное симметрично ему второе точечное углубление воспринимается как изображение луны.

В изображении на токаревской подвеске, переданном тройным линейным кодом, можно предположить архаичную мифологию, в которой воедино слились образы солнца и луны, женского и мужского начал. В древнем бурятском космогоническом мифе говорится о том, как «отцовский серебряный столб» встречается в океане с «материнским золотым чревом», в результате чего на земле появляется первая чета людей [Сагалаев, 1991, с. 61].

Анализ деталей токаревской личины показывает ее полисемантическую. Древний гравер был не только художником, но и философом, сумевшим в простой графической формуле выразить сложную мифологическую концепцию универсальной модели Вселенной в ее структуре, символизирующей постоянное обновление жизни. В центре построенного им мироздания находится человек в двух его ипостасях (мужской и женской), которые, будучи слиты воедино, олицетворяют неиссякаемый родник, питающий человечество.

Анализ всего приведенного материала позволяет сделать вывод: в графике малых форм древних «палеоазиатов» (в широком смысле этого понятия) существовали концептуально оформленные идеи об окружающем мире. Одной из важнейших мировоззренческих парадигм являлась мифологическая модель Вселенной.

Библиографический список

- Богораз В. Г.* Чукчи. Религия. Л.: Главсевморпуть, 1939. Ч. 2. 196 с.
- Демирханян А. Р.* К мифологическим истокам геральдических композиций (в связи с интерпретацией Урартского рельефа из Кеф-Колеси) // Культурное наследие Востока. 1985. № 2 (22). С. 131–144.
- Есин Ю. Н.* О некоторых проблемах интерпретации изображений эпохи бронзы Центральной и Северной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. № 2 (22). С. 114–128.
- Жукова Л. Н.* Религия юкагиров. Языческий пантеон. Якутск : Изд-во ЯГУ, 1996. 90 с.
- Иванов С. В.* Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX в. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1954. 838 с.
- Керлот Х. Э.* Словарь символов. Мифология. Магия. Психоанализ. М. : Рефл-бук, 1994. 608 с.
- Кирьяк (Дикова) М. А.* Загадочный мир древних граффити. Магадан : Кордис, 2012. 187 с.
- Мифы народов мира.* М. : Сов. энцикл., 1982. Т. 2. 720 с.
- Окладникова Е. А.* Модель Вселенной в системе образов наскального искусства Тихоокеанского побережья Северной Америки: проблема этнокультурных контактов аборигенов Сибири и коренного населения Северной Америки. СПб. : МАЭ РАН, 1995. 319 с.
- Сагалаев А. М.* Урало-алтайская мифология: символ и архетип. Новосибирск : Наука, 1991. 153 с.
- Слободин С. Б.* Северчукотская неолитическая культура севера Дальнего Востока (генезис, хронология, ареал) // Вестн. Сев.-Вост. науч. центра ДВО РАН. 2012. № 2. С. 110–122.

**Северо-Восточный комплексный НИИ ДВО РАН (Магадан),
Лаборатория комплексного изучения Чукотки (Россия, Анадырь)
mdikova.37@mail.ru**

This article is devoted to analyze of the graffiti sources of small forms from Chukotka and from the North Priokhot'e (Magadan Region). Images combined into a group that reflects the ancient mythological ideas about the structure of the world.

Traditional cultures, mythological conceptions, world egg, world tree, the mark code.

Л. Н. Жукова

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПРЕДКАХ И РЕИНКАРНАЦИИ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ЮКАГИРОВ И НАСКАЛЬНОЙ ЖИВОПИСИ ЯКУТИИ

Исследуются образы предков в одульской культуре в зоо-, орнито-, антропоморфной ипостаси, их знаковые символы. Определены их возможные истоки в древней наскальной живописи Якутии, современное бытование в фольклоре, мифологии, прикладном искусстве. С древности и по настоящее время существуют реинкарнационные представления о вселении тени/души умершего в новорожденного.

Предки по женской и мужской линии, божества верхнего и нижнего мира, реинкарнирующая тень.

В народных представлениях и фольклоре *одулов* – лесных юкагиров верхней Колымы – образы предков аморфны, однако в прошлом культ предка имел ключевое значение. Наиболее древними нужно считать предков по женской линии, так как традиционно счет родства велся по матери. *Кудэйэн эчиэ* – «отец рода, предок»; *йэхлол кудэйэ* – «прародитель»; *миибэдэгэт хаха* – «дедушка по обычаю»; *шаан лархуль* – «корень дерева».

В Северной Азии у древних охотников тайги мифологизация основного промыслового животного – лося – нашла отражение в наскальной живописи. Прародители человека Небо-отец и Земля-мать наделены зооморфными чертами. К ним, полагаем, можно отнести неолитическое изображение лося с каплевидным знаком вместо подбородочного клока волос с писаницы р. Мая [Окладников, Мазин, 1979, табл. 50] и лосиху с детенышем внутри в космологической графеме со средней Лены [Окладников, Запорожская, 1972, табл. 23]. В фольклорных текстах лесных юкагиров Мать-зверь просвечивает в образе прародительницы Старухи-лося. Кожа с живота старухи при варке в котле превратилась в лосиный жир, отведав которого, юноша приобрел для себя и братьев все блага счастливой жизни [Иохельсон, 2005а, № 23]. Показано оборотничество предка и значимость оказанной им помощи.

Возможен образ лося-предка с трехпалыми ногами (семантика птицы) [Окладников, Запорожская, 1972, табл. 50, 77]. Трехпалы, остро-, кругло- и рогатоголовы антропоморфные женские и мужские фигуры на писаницах Якутии [Окладников, Запорожская, 1972; Окладников, Мазин, 1979]. Часть рисунков, возможно, передает мифические образы предков одулов, так как та же традиция в оформлении головных частей наблюдается в вырезанных из дерева культовых антропоморфных фигурах и пиктографических письмах (кроме рогатых) лесных юкагиров [Жукова, 2012, табл. IV, 1–6; Иохельсон, 2005б, с. 610–628]. Орнитоморфные признаки имеют женские и мужские персонажи юкагирских мифов и сказок. Хозяин (или хозяйка) болотистых мест черт *Кожэ* имеет ноги, похожие на вороньи. По три пальца на руках у Одноглазого великана, обитающего в самом низу подземного мира теней. Образ его сопоставим с другим мифическим хозяином мира теней – Остроголовым предком, охотником за людьми. В юкагирском декоративно-прикладном искусстве известен трилистник *оожии нодо нойл* – «утиные ножки». Узор вышивают на предметах мужского гардероба как пожелание охотнику удачи в промысле. «Утиные ножки» могут быть знаковым кодом предка.

Другой зооморфный предок – *чолзоро* («заяц»), тотемное животное группы юкагиров р. Ясачной (приток в верховьях Колымы). Сказки о зайце, в том числе этиологические, объясняющие абрис лунных пятен, записаны преимущественно от представителей рода *Чолзород-омок* – «Заячьи люди». Среди петроглифов Якутии изображения зайца единичны [Окладников, Запорожская, 1972, табл. 156]. Заяц – один из древних фольклорных персонажей, который взаимодействует с предком-людоедом *Чуолиды Полутом* – «Мифический/Сказочный Старик». Мифический Старик-бродяга также имеет семантические связи с Луной. Лунные фазы в юкагирской мифологии находят объяснение через изменение облика людоеда: попеременно тот становится то остроголовым, то круглолицым [Дьячков, 1992; Жукова, 2012; Жукова, Николаева, Дёмина, 1989, ч. 1; Иохельсон, 2005а, б; Прокопьева, 2009; Спиридонов, 1996].

Вегетативный код предка заключен в растениях (дерево, соломина, трава). Растительная графика лежит в основе фигуры человека в орнаментальном искусстве, женских пиктографических письмах одулов и изображениях предков по женской линии на писаницах Якутии. Предки мыслятся деревьями (лиственница) на родовых землях лесных юкагиров. Дерево – традиционный символ человека и его *айбии* («тень», также «душа») и включено в цепочку реинкарнационных перерождений.

Вера в переселение *айбии* человека после смерти в другое физическое тело широко распространена среди юкагиров и является особенным элементом этой древней культуры. На языке тундровых юкагиров нижней Колымы *нуһии* – человек, который после смерти перевоплощается в новорожденного. Развитие натурфилософских идей о природе сна, смерти и пограничных состояний, возможно, привело мыслителей древности к формированию теоретического посыла о двойственной природе человека: физическое тело имеет видимую, но не материальную тень. Смерть – это высвобождение тени в самостоятельную субстанцию. Тогда же зародилась вера в бессмертие *айбии*, периодическую повторяемость ее жизненного цикла в разных физических телах.

По традиционным воззрениям юкагиров, тень умершего вселяется в новорожденного еще в утробе матери. Старый человек может сказать кому-либо из родственников или семье, которую уважает: «Я к вам приду издалека», т. е. его *айбии* вернется в мир живых с новым ребенком в данной семье. После смерти этого старика, когда рождался мальчик, смотрели, нет ли особых следов на теле (например, деформированный палец старика имел «отпечаток» на пальце младенца). В возрасте 4–5 лет ребенок может рассказать какие-либо подробности из своей прошлой жизни: где, с кем кочевал, какие случаи произошли и пр. Тогда говорят: *Митин хаха айбииг кэлул* – «Нашего деда тень вернулась». К ребенку относятся с особым уважением. Воспоминания о прошлой жизни у ребенка вскоре исчезают и не возобновляются.

Умерший может присниться во сне и сообщить, в какой семье предстоит его реинкарнация. Или по рассказам 4–5-летнего ребенка взрослые сами догадываются, *айбии* какого человека он представляет. Иногда родственники прибегают к различным гаданиям, чтобы определить, чья душа вернулась с младенцем. Это важно, потому что ребенок, чья *айбии* известна, растет спокойным и умиротворенным. Ребенок может иметь два имени – полученное при рождении и имя умершего, второе считается настоящим, иногда оно является прозвищем [Дьячков, 1992; Курилов, 2005; Прокопьева, 2011]. Интересны представления юкагиров о местонахождении

тени между реинкарнационными воплощениями в человека. Имеется несколько версий, сложившихся, вероятно, стадийно. Если в роду нет младенцев, *айбии* предка может вернуться в мир живых и вселиться, например, в дерево. Об этом родственники узнают из сновидений и находят нужное дерево. Тень может находиться в дереве до тех пор, пока не появится «предназначенный» ей ребенок. Женщина, пройдя мимо растения, в котором заключена реинкарнирующая тень, может забеременеть. Подобные представления сочетаются с анимистическими воззрениями на Природу, с культом деревьев и культом предков.

Полагаем, что в древности *айбии* предка считалась находящейся среди людей в параллельном мире. Реинкарнационные перемещения тени мыслились, по-видимому, в пределах осваиваемой горизонтальной проекции Земли-матери. Тени предков, как самостоятельные сущности, жили обычной жизнью, охотясь на тени животных и птиц. Люди обращались к ним с различными просьбами. Испрашивая помощи в случае голода, охотник магическим путем получал в ответ тень животного, что обеспечивало удачный промысел. Близок по значимости древний охотничий обряд: из подручных материалов (шкура, ветки, трава, береста и пр.) изготовляли натуральный макет животного. Промысловик имитировал охоту, стреляя в него из лука, «добывал» *айбии* лося/оленья и, уверенный в успехе, шел на промысел [Жукова, 2012; Столяр, 1972]. Ту же мотивацию могла иметь древняя практика нанесения изображений промысловых зверей на скалы.

В более поздних интерпретациях реинкарнационный путь *айбии* циркулировал между Небом-отцом и Землей-матерью (рисунок лося/оленья, обращенного вниз головой) [Окладников, Запорожская, 1972, табл. 24]. Ниспосылаемые тени имеют вид капель, точек, штрихов. Затем, когда мифический Небо-отец «устранился» от земных дел, *айбии* циркулирует в пределах Средней Земли и подземного *Айбидьши* – «Мир теней». Обе версии запечатлены в одульском фольклоре. Эти древние натурфилософские знания лесные юкагиры сохраняют до настоящего времени.

Библиографический список

Дьячков А. Е. Анадырский край // Жихарев Н. А. Повесть об Афанасии Дьячкове. 2-е изд. Магадан : Кн. изд-во, 1992. С. 160–270.

Жукова Л. Н. Очерки по юкагирской культуре. Ч. 2. Мифологическая модель мира. Новосибирск : Наука, 2012. 360 с.

Жукова Л. Н., Николаева И. А., Дёмина Л. Н. Фольклор юкагиров Верхней Колымы. Якутск : Изд-во Якут. ун-та, 1989. Ч. 1. 161 с.; Ч. 2. 89 с.

Иохельсон В. И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Якутск : Бичик, 2005а. 270 с.

Иохельсон В. И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы / пер. с англ. В. Х. Иванова и З. И. Ивановой-Унаровой. Новосибирск : Наука, 2005б. 675 с.

Курилов Н. Н. Ребенок – корень жизни (Этнопедагогика юкагиров тундры). Якутск : Офсет, 2005. 91 с.

Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Средней Лены. Л. : Наука, 1972. 271 с.

Окладников А. П., Мазин А. И. Петроглифы бассейна реки Алдан. Новосибирск : Наука, 1979. 152 с.

Прокопьева П. Е. Отражение мифологического мышления в юкагирском фольклоре. Новосибирск : Наука, 2009. 143 с.

Прокопьева П. Е. Узнавание души новорожденного в культурной традиции лесных юкагиров // Праздники и обряды как феномен этнической культуры : материалы X С.-Петербург. этнограф. чтений. СПб. : ИПЦ СПГУТД, 2011. С. 219–221.

Спирidonов Н. И. (Тэки Одулок). Одулы (юкагиры) Колымского округа. Якутск : Северовед, 1996. 80 с.

Столяр А. Д. О генезисе изобразительной деятельности и ее роли в становлении сознания // Ранние формы искусства. М. : Искусство, 1972. С. 31–75.

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск)
zjukova@mail.ru

We study the images of ancestors in animal, ornithological, anthropomorphic incarnation, their symbolic equivalents in yukaghir culture. Possible origins are found in the ancient rock art of Yakutia, current existence – in folklore, mythology, arts and crafts. From ancient times to the present time, there are reincarnation views of the relocation of the shadow/soul died in the newborn.

Ancestors in the female and the male line, the gods of upper and lower world, reincarnate shadow.

Ю. И. Ожередов

АРХЕТИПИЧЕСКИЙ АТТИТЮД В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ТВОРЧЕСТВЕ КОРЕННЫХ ОБИТАТЕЛЕЙ СИБИРИ

В статье рассматривается архетип размещения мужской и женской фигур в культовой практике и изобразительном искусстве от древности до нового времени. В основу анализируемой позиции положено дуальное восприятие мужского и женского в традиционном осмыслении, сакральном ориентировании в пространстве и организации ойкумены коренного населения Сибири – правое – левое, соответственно, светлое – темное, доброе – злое.

Архетип, изобразительные формы, культовое место, дуальность мужского и женского, право – лево, древность, традиционное общество.

В свое время М. Элиаде писал: «...можно утверждать, что все занятия, ремесла, производства, технологии имели сакральное происхождение либо же приобрели культовое значение с течением времени». При этом художественное творчество стало сакральной сферой много раньше, чем сформировались стройные мировоззренческие системы, и уже изначально имело религиозно-магическое значение [Рогинский, 1982, с. 21]. По мнению М. Элиаде, сославшегося на исследования К. Г. Юнга, религиозность изначально обусловлена высоким уровнем бессознательного [Элиаде, 1998, с. 21]. Две эти сферы тесно переплетаются. Вместе с тем, по утверждению М. Хайдеггера, со временем в обществе происходит «обезбоживание» [Хайдеггер, 2008, с. 260], в результате которого некоторые отношения, ранее

регламентируемые ритуальной сферой, обретают форму бытовых привычек или стереотипов поведения.

Культурологический анализ показывает, что отдельные сюжеты или персоны с небольшими изменениями существуют невероятно долго и в разной форме фиксируются вплоть до наших дней. Исследования К. Г. Юнга в области человеческой психики привели его к открытию коллективного бессознательного, в основу которого положены устойчивые маркеры, получившие наименование архетипы. Всего ученым было выделено шесть таких понятий [Юнг, 1996], существенно влияющих на природу поведения человека. Однако в дальнейшем смысл архетипа несколько изменился, переориентировавшись в основном на обозначение ряда фундаментальных общечеловеческих мотивов [Аверинцев, 1998, с. 110–111]. Среди последних имеются художественные образы, доминирующие до настоящего времени как в обыденной жизни, так и в творчестве многих поколений. При этом творческую сторону жизнедеятельности следует разделить на два условных потока – повествовательный, впоследствии литературный, и изобразительный, позже разделившийся на скульптурную и графико-живописную линии развития. В практической жизни каждый из потоков дополняет и иллюстрирует соседний: доминанта устанавливается в зависимости от акцента.

Замечательной парой персонифицированных героев в искусстве, безусловно, являются образы небожителей, пионерами среди которых стали мифологические прародители человечества, его отец и мать – Адам и Ева.

В контексте метафизического осмысления архетип «Мать» ассоциируется с понятиями: Богиня-мать, Мать сыра земля, Великая мать и т. п. Архетип обладает таким множеством форм, символов, образов, взглядов, что формирует «вариации основной темы», создающие символическую многофункциональность, с которой приходится постоянно сталкиваться в профанной и сакральной сферах жизни. В ее наличии собственно и выражается «вечное присутствие» архетипа, о котором писал К. Юнг [Нойманн, 2012, с. 12, 14–15]. Одной из таких разновидностей архетипа «Мать» является ее партнерство: многочисленные примеры показывают, что женское божество уже с древности очень часто выступает в дуальной паре с партнером мужского пола. Градация персонификации в парах варьируется от астральных Неба и Земли, Солнца и Луны, до античных боголюдей и часто безымянных «стариков и старух» на культовых местах таежных этносов Сибири [Михайлов, 1987, с. 12, 14].

В культурологическом аспекте эта тема охватывает несколько материков и множество этносов. Она известна, например, в мифологии Австралии [Кабо, 2011, с. 202], отражена в петроглифах Монголии [Окладников, 1980, табл. 78, 1; Санжмятав, 1995, табл. 117, 3, 7–9, 141] и Азербайджана [Джафарадзе, 1973, с. 148, рис. камень 29, с. 159, рис. камень 39, с. 160, рис. камень 42], в ритуалах бассейна р. Нигер [Фробениус, 1914, с. 212, рис. 249].

Не стала исключением и сибирская территория, где в источниках по археологии и этнографии в достаточном количестве имеются примеры изображений и описаний Матери-богини и брачных пар, представляющих обычно духов места, леса, воды или родовых духов [Доннер, 2008, с. 67; Прокофьева, 1952, с. 100]. Первая заполняла практически всю сферу повседневной традиционной жизни, начиная с раннего детства [Молданов, Молданова, 2000, с. 7–12], другие касались лишь определенных ее сторон, преимущественно хозяйственной и промысловой [Михайлов, 1987, с. 15–22].

В 1970-е гг. благодаря исследованиям С. В. Иванова был систематизирован и введен в научный оборот большой массив ритуальной скульптуры народов Сибири [Иванов, 1970; 1979]. Отдельное место в нем заняли дуэты из мужских и женских образов, представляющие отдельный интерес для настоящей работы. Кратко становимся на наиболее важных из них.

Одно из ранних упоминаний находим в сообщении П. С. Палласа, который писал в XVIII в.: «...подле Воксарских юрт... имеются два болвана, он в мужском, другой в женском платье одеты...» [цит. по: Прыткова, 1949, с. 42; Иванов, 1970, с. 18]. То же самое отметил его спутник по экспедиции В. Ф. Зуев [1947, с. 41–42]. К тому же столетию относится информация, собранная Д. Г. Мессершмидтом и Ф. И. Стралленбергом у барабинских татар [Иванов, 1979, с. 142]. Позже дуальные персоны в обско-угорском пантеоне наблюдал А. Алквист [1999, рис. 31] и другие исследователи. Мало чем отличались от угорских персонажей обитатели самодийских культовых мест. Е. Д. Прокофьева изучила на притоке р. Тым селькупский культовый лабаз, в котором «жил» родовой божок Ый, его жена и их дети [Прокофьева, 1952, с. 100].

Картина, сходная с северными сюжетами, наблюдалась у южно-сибирских этносов. У шорцев точно так же в браке проживали духи öрокенеры, одни из которых отмечены женской грудью, а другие – «мужскими» усами [Иванов, 1979, с. 10, 11, 12; Кагаров, 1930, с. 17, рис. 10, 12, 13]. Сходные скульптурные пары известны у дальневосточных народов, например у нанайцев [Мальцева, 2009, с. 106].

Как видно из сообщений, иножители, подобно людям, проживали семейно, вне зависимости от географии их обитания. Такие примеры одинаково отмечены у бурят на юге [Михайлов, 1987, с. 10–11] и у ненцев на севере [Жидков, 1913, с. 232]. Интимную жизнь духов наглядно отразила антиподальная скульптура шорцев: их тайгамы изображают мужчину и женщину в состоянии коитус, подобно тому, как это показывает скульптура из других регионов мира [Кагаров, 1930, с. 17, фиг. 2–9] и петроглифы Монголии [Санжмятав, 1995, табл. 117, 129, 130]. В результате брачного сожителства духи имели детей, сопровождающих родителей не только в повествовательных, но и в изобразительных текстах [Кагаров, 1930, с. 214; Прокофьева, 1952, с. 100].

Древность традиции парных изображений фиксируют многочисленные петроглифы, рисунки на глине, торевтика. М. А. Дэвлет полагает, что некоторые из наскальных антропоморфов II–I тыс. до н. э. могут быть изображениями родовых духов [Дэвлет, 1988, с. 72]. Интересные археологические образцы более позднего времени обнаружены, например, в Томско-Нарымском Приобье. В работе томских исследователей, посвященной анализу изображений на кижировской керамике раннего железа, среди прочего изучены парные ростовые антропоморфные фигуры. Иногда они пребывают в окружении зооморфных персонажей.

Исследователи кулайской керамики, ссылаясь на В. Штейница, вполне обоснованно высказались, что изображения передают «портреты» духов в их антропоморфном и зооморфном воплощениях. При этом стилистический анализ позволил авторам идентифицировать названные изображения в качестве аналогов «духов» в кулайской бронзовой пластике [Панкратова, Плетнева, 2012, с. 171–175].

Некоторое время назад в литературе появились публикации с анализом идентичных по сюжету, но отличающихся в деталях металлических блях-зеркал из селькупского Лукьяновского могильника XVII в. и ненецкой священной нарты с Тай-

мира [Боброва, 1997, с. 122–129; Пашехонова, Семенова, 2009, с. 105–109]. Находки подобных образцов известны с начала XX в., но убедительная персонификация участников сцены пока не прозвучала. Названные авторы считают, что антропоморфы символизируют обитателей среднего мира, т. е. реальных людей [Пашехонова, Семенова, 2009, с. 109].

Любопытно, что Й. Хэкель, сподвигнутый к исследованию угорских духов статьей упомянутого В. Штейница, опубликовал исследование, в котором со ссылкой на Мункачи сделал вывод о том, что на угорских «священных местах находилась один-единственный дух-идол или мужская и женская фигуры как супружеская пара духов, а рядом – фигуры в облике животных» [Хэкель, 2001, с. 24–25]. Далее он замечает, что духи-предки и духи леса могут выступать в виде животных [Там же, с. 29, 32]. Таким образом, этнография дает надежное свидетельство того, что на указанных бляхах изображены не люди, а представители пантеона иноземцев, способные перевоплощаться в зооморфные формы.

Выше приводились сведения о том, что духи имитировали жизнь людей. Данное наблюдение крайне важно при изучении еще одного обстоятельства, относимого к разряду архетипов второго порядка, т. е. таких, которые не вошли в перечень шести базовых архетипов К. Г. Юнга, а стали лишь разновидностью. Это дуальные пары, о которых речь шла выше. Но внутри данной темы имеется особый аспект, выделяющийся в самостоятельный и очень древний мотив, который заслуживает отдельного изучения.

При анализе доступных автору изображений внимание акцентировалось на позиции мужских и женских фигур относительно друг друга. Оказалось, что чаще всего в случаях, когда персоны располагались *in situ*, мужская находится слева, женская – справа, т. е. так, как если бы они гипотетически находились в жилище. При взгляде изнутри помещения в сторону выхода мужская фигура будет занимать правую сторону, женская, соответственно, – левую. К. Доннер [2008, с. 105] писал, что у остяков мужчины спят с одной стороны, женщины – с другой. Именно так делится жилище у традиционных обитателей севера и юга и так же размещались в своих «домах» семейные духи [Иванов, 1979, рис. 151, 152].

В данном контексте вспомнилась попытка А. И. Бобровой [1997, с. 125] установить на таком основании женский пол одной из фигур лукьяновской бляхи. Но если тогда это было крайне осторожное предположение, то теперь, когда имеется возможность изучить другие образцы, становится понятно, что фигуры в парах дифференцируются по ряду косвенных и прямых признаков половой физиогномики. Прежде всего, по габаритам, по наличию/отсутствию усов. На аспелинской и лукьяновской бляхах усы отчетливо видны у левого антропоморфа и отсутствуют у правого. У правой фигуры на аспелинской бляхе показана прическа с буклями, которая на фоне голого черепа партнера выглядит более женской, нежели мужской [Пашехонова, Семенова, рис. 8, 9].

Данные бляхи изготовлены в XVII в. и явно вышли из русских мастерских. Но их аборигенный сюжетный традиционализм подтверждает целый корпус других археологических материалов. При изучении петроглифов постнеолитического времени, начиная со II тыс. до н. э., т. е. со времени становления патрилокального общества, заметно, что аттитюд «мужчина – женщина» приобретает достаточно устойчивую композицию, в которой мужчина чаще всего занимает правую сторону (при фронтальном обозрении – левая половина сюжета). Данное расположение хо-

рошо видно на вышеупомянутых петроглифах Монголии, где разнополые антропоморфы стоят вдвоем или с ребенком. При этом разнополость антропоморфов в наскальных композициях подтверждают коитальные позы героев, соседствующих с вертикальными фигурами [Окладников, 1980, с. 36–37, табл. 48, 7, 51, 78, 1; Санжмятав, 1995, табл. 52, 117, 7–10, 129, 130]. Есть основания считать, что это одни и те же персонажи, но в разных жизненных ситуациях.

Сцены с подобной позицией можно найти в наскальных и статуарных памятниках других регионов. Сюжеты с парными богами и богоподобными персонами в интересующей позиции имеются в монументальном и декоративно-прикладном искусстве Древнего Востока и античности. Так, к примеру, изображены боготворимые египетские фараоны и их наследники с женами, в том числе в скальном храме Рамсеса II в Абу-Симбеле [Искусство ... , 1968, рис. 20а, 106б, 107а, 124б, 125а, с. 30, рис. 148–149], а также античные мужское и женское божества на фризе из клада в Мареге (II в. н. э.) [Сидорова, 1965, с. 184].

Интересным источником по теме стали нумизматические памятники: интересующая нас позиция известна на сасанидских монетах шаханшаха Варахрана II, портретируемого с женой и наследником [Луконин, 1969, с. 154, табл. VII], а в VIII в. на эмиссиях средневекового Согда, оставившего монеты с портретами царствующей четы [Смирнова, 1961, с. 55–61, рис. 1, 2]. Как установлено, образцами для подражания тюркским монетам с парными портретами из Средней Азии стали византийские золотые солиды [Баратова, 2005, с. 145, 146, 147].

Аналогичные сюжеты с определенно разнополыми персонами, подтвержденными мужскими и женскими половыми признаками, имеются в хронологически близкой меднолитой пластике пермского стиля VIII–IX вв. соседствующего с Сибирью Камско-Уральского региона. Здесь в большом числе представлены как дуэты, так и родители с ребенком. Авторы называют эти артефакты изображениями родовых и племенных идолов [Оборин, Чагин, 1988, рис. 41–44, 114, 116–119, 123–129, с. 30]. Не исключено, что дуэтами являются и многочисленные изображения животных и птиц в петроглифах и торевтике разных культур. Касательно пермских пластин можно упомянуть шумящие подвески с парными птицами, а также коньковые подвески с протомами коней, обращенных в разные стороны [Оборин, Чагин, 1988, рис. 64, 73, 74]. Любопытно в рамках нашей темы выглядит рисунок на припечной доске начала XX в. с изображением двух птиц на древе жизни: левая более крупная, чем правая, самец и самка соответственно [Там же, рис. 66].

В этнографии не столь много случаев расположения персонажей *in situ*. Поэтому с полной уверенностью очертить в данном контексте широкую территорию пока сложно, но, тем не менее, в некоторой части это доступно. В мировой науке к таковым примерам относится фотоизображение бога Шанго с женой в «храме» йорубов бассейна р. Нигер [Фробениус, 1914, рис. 249], а в сибирской этнографии надежным источником стали рисунки из работ Д. Г. Мессершмидта и Ф. И. Страленберга, на которых запечатлены парные духи барабинских татар в коробках и без таковых [Иванов, 1979, рис. 151, 156]. К этим редким источникам примыкает рисунок А. Алквиста [1999, рис. 31], зафиксировавшего пару угорских идолов в интересующей нас позиции.

В культурологическом отношении данная тема получает продолжение в изобразительном искусстве Средневековья и Нового времени. Однако в силу ее обширности, требующей включения большого числа иллюстраций, ограничусь лишь

кратким описательным синопсисом по векам и странам. Прежде всего, привлекают внимание парадные портреты монгольских Удегей-хана и Бартан-бахадур в арабском «Сборнике летописей» XIV в. [Пугаченкова, 1986, с. 158, 159]. В изобразительном искусстве Европы, в какой-то мере продолжавшей художественные воззрения Византии, наша позиция проявилась раньше всего в библейской живописи и графике, где зачастую фигурируют образы Адама и Евы. В интернациональной готике XV в. данный аттитюд присутствует на пергаменте Ян де Лимбурга (Адам и Ева), на фреске Жака Иверни (Герой и героиня) [Эрши, 1986, рис. 10, 13] и на полотне немецкого мастера Ханса Баддунга Грина [Garasova, 1975, с. 189].

В XVI в. точно так же размещены Адам и Ева в двух работах Альбрехта Дюрера [Ullman, 1982, s. 62, 63]. Но со временем сакрализованные персоны в той же позиции заменяют светские люди, что отчетливо видно на парных и семейных портретах Ван Дейка, Корнелиуса де Вожа, Лукаса Кранаха и других мастеров [Garasova, 1975, с. 150, 258, 268]. Так происходило всегда, за исключением, видимо, особых композиционных обстоятельств, которые могли изменять расположение фигур на полотне. Наряду с западноевропейским искусством, следы старых воззрений прослеживаются в русской живописи. В частности, в XIX в. они проявились в библейской работе А. Е. Егорова «Отдых в пути» и «Автопортрете с гадалкой» В. К. Шебуева [Ракова, 1975, с. 75, 79].

Данный способ размещения фигур отмечен не только в академической, но и в мистической и футуристической живописи начала XX в.: например, в работах К. Карра «Мать и сын» (1917) и А. В. Лентулова (1918) «Двойной портрет» [Популярная художественная энциклопедия ... , 1986, с. 7; Каталог ... , 2012, цвет. ил.]. В советском искусстве аналогичное размещение демонстрирует скульптура «Рабочий и колхозница» В. И. Мухиной [Популярная художественная энциклопедия ... , 1986, с. 41, 42]. Психологическому стереотипу «лево – право» подчинился даже составители «Популярной художественной энциклопедии»: фигурки гусара и барышни на фото они разместили в соответствии с нашим аттитюдом [Там же, с. 48].

Столь устойчивая и долгая история изучаемого аттитюда, безусловно, базируется на древнейших представлениях, связанных с ориентацией в пространстве и семантической оценкой правой и левой сторон. По мнению А. Голана, право и лево получили противоположное осмысление на основании астральных наблюдений, прежде всего движения солнца справа налево, предметным выражением которого явилась свастика [Голан, 1994, с. 122]. Осмысление данного процесса, видимо, подобно позитивной оценке восхода и негативной захода солнца: в первом случае несущего свет и тепло, в другом – темноту и холод. Данная трактовка, по крайней мере, удовлетворяет пониманию базовых критериев, в частности связи мужского с солнцем (днем), а женского – с луной (ночью), откуда истекает коннотация мужского светлого, доброго и женского темного, злого [Голан, 1994, с. 122]. По мнению М. А. Дэвлет, движение справа налево (по солнцу) в понимании древних мастеров ассоциировалось с движением к смерти [Советова, 2006, с. 82], а в письме – к концу строки.

Даже краткий обзор литературы показывает, что данная позиция имеет универсальный характер для широких территорий. Монголы в Центральной Азии [Жуковская, 2002, с. 16–17], бамбара [Арсеньев, 1991, с. 37–38] и упомянутые выше йоруба в Африке точно так же, как сибирские народы, обособляют мужскую и женскую стороны, придавая им соответствующий эзотерический смысл. Но, помимо астральной

версии, возможна и другая, основанная на специфике организации полушарий головного мозга у мужчин и женщин [Левое ... ; Межполушарная асимметрия].

В соответствии с данными представлениями в традиционных культурах организуется все пространство, а прежде всего ойкумена, средоточием которой являлось жилище и межличностные отношения. Любопытное семантическое развитие дает замечание Б. Райнова, описавшего состояние героя при встрече с симпатией: «...ничего достойного внимания, если не считать соседку слева. Слева – это не плохо. Ближе к сердцу» [Райнов, 1974, с. 56]. Что касается «сердечного» контекста, то имеется пояснение, согласно которому левая сторона является женской в связи со вскармливанием ребенка. Уже через семь дней после рождения мать держит младенца обычно слева, ближе к сердцу [Левое ...].

В довершение темы, можно отметить, что военнослужащие не позволяют дамам при движении брать их под правую руку, отправляя на левую (сердечную) сторону. Формально запрет объясняется тем, что правая рука должна быть свободна для отдания чести встречным военнослужащим. Казалось бы, данному принципу подходит следующая трактовка: «Так, в правой руке воин держал меч, а левая, более пассивная, лишь прикрывала при помощи щита сердце» [Левое ...]. Однако на самом деле семантика ситуации много проще: женщине запрещено пребывание в пределах личного пространства мужчины, располагающегося с правой стороны.

Ассоциация левой стороны с сердечной привязанностью, вероятно, позднего происхождения, периода апоэтизации половых отношений в эпоху менестрелей и Возрождения. А вот понятие «правый», синонимически – правильный, настоящий (мужской), определенно, имеет давнюю историю, выходящую на дуальный аттитюд мужского и женского. По крайней мере, именно так осмысливали понятие «правый» алтайцы [Тадина, 2000, с. 227]. Всматриваясь в современность, можно заметить, что древние стереотипы живут до сих пор. Например, по запаху полы верхней одежды направо или налево происходит деление одежды на мужскую и женскую. И это при том, что в старину данная часть костюма ираноязычных народов не отличалась стабильностью [Яценко, 2006, см. иллюстрации].

В рамках настоящего сообщения сюжет рассмотрен в кратком виде, а аргументация выявленных позиций ограничена достаточно узкой источниковой базой. Но это, тем не менее, не умаляет значения рассмотренного вопроса и его места в научной номенклатуре. Предварительно следует сделать вывод о том, что сюжет, затронутый в работе, имеет очень глубокие хронологические и семантические корни, сохраняет свои позиции по сей день и важен для понимания многих этно- и культуро-генетических и социальных процессов. На основании данной характеристики он вполне может быть причислен к одной из разновидностей архетипов человеческого сознания и поведения, открытию которых наука обязана К. Г. Юнгу.

Библиографический список

Аверинцев С. С. Архетипы // Мифы народов мира. М. : Науч. изд-во «Большая российская энциклопедия» : ОЛИМП, 1998. Т. 1. С. 110–111.

Алквист А. Среди хантов и манси. Путевые записи и этнографические заметки. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1999. 179 с.

Арсеньев В. Р. О воспроизводстве стереотипов полоролевого поведения бамбара // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб. : Наука, 1991. С. 29–38.

Баратова Л. С. Древнетюркский нумизматический комплекс // SHYGYS (Восток). 2005. № 2. С. 140–151.

Боброва А. И. Письмо из средневековья // Земля верхнекетская. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1997. С. 118–130.

Голан А. Миф и символ. М. : РУССЛИТ, 1994. 375 с.

Джафарадзе И. М. Гобустан: наскальные изображения. Баку : Изд-во «ЭЛМ», 1973. 347 с.

Доннер К. У самоедов в Сибири. Томск : Ветер, 2008. 176 с.

Дэвлет М. А. Ареалы наскального искусства Северной Азии // Некоторые проблемы сибирской археологии. М., 1988. С. 54–83.

Жидков Б. М. Полуостров Ямал. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1913. 308 с.

Жуковская Н. Л. Кочевники Монголии: культура. Традиции. Символика : учеб. пособие. М. : Вост. лит., 2002. 247 с.

Зув В. Ф. Материалы по этнографии Сибири XVIII века (1771–1772). М. ; Л., 1947. 94 с.

Иванов С. В. Скульптура народов Севера Сибири XIX – первой половины XX в. Л. : Наука, 1970. 296 с.

Иванов С. В. Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар: XVIII – первая четверть XX в. Л. : Наука, 1979. 195 с.

Искусство Древнего Востока. М. : Искусство, 1968. 96 с. (Памятники мирового искусства ; вып. II).

Кабо В. Р. Этническое христианство как историко-этнологическая проблема // Лидерство в архаике: условия и формы проявления. СПб. : МАЭ РАН, 2011. С. 183–2006.

Кагаров Е. Г. О двойных антиподально расположенных изображениях духов в примитивном искусстве // Сборник Музея антропологии и этнографии. Л., 1930. Т. IX. С. 209–214.

Каталог собрания Томского областного художественного музея: Живопись. Графика. Скульптура. Декоративно-прикладное искусство. Томск : Красное знамя, 2012. 344 с.

Левое... правое // Huminfakt.ru : [сайт]. URL: <http://www.huminfakt.ru/krepost3.html> (дата обращения: 21.05.2013).

Луконин В. Г. Культура Сасанидского Ирана. Иран в III–V вв. Очерки по истории культуры. М. : Гл. ред. вост. лит., 1969. 242 с.

Мальцева О. В. Горинские нанайцы: система природопользования. Традиции и новации (XIX–XX вв.). Новосибирск : Изд-во ИАЭ СО РАН, 2009. 184 с.

Межполушарная асимметрия // Википедия. Свободная энциклопедия. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 21.05.2013).

Михайлов Т. М. Бурятский шаманизм: история, структура и социальные функции. Новосибирск : Наука, 1987. 288 с.

Молданов Т., Молданова Т. Боги земли казымской. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2000. 114 с.

Нойманн Э. Великая мать. М. : Добросвет, КДУ, 2012. 410 с.

Оборин В. А., Чагин Г. Н. Чудские древности Рифея. Пермский звериный стиль. Пермь : Перм. кн. изд-во, 1988. 182 с.

Окладников А. П. Петроглифы Центральной Азии Хобд-сомон (Гора Тэбш). Л. : Наука, 1980. 271 с.

Панкратова Л. В., Плетнева Л. М. Архитектоника антропо-зооморфных изображений на керамике Кижировского городища // Археолого-этнографические исследования Северной Евразии: от артефактов к прочтению прошлого. К 80-летию Светланы Вячеславовны Студзицкой и Михаила Фёдоровича Косарева. Томск : Аграф-Пресс, 2012. С. 166–187.

Пашехонова О. Е., Семенова В. И. Находки из ненецкой священной нарты в бассейне р. Большая Хетта на полуострове Таймыр // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2009. № 11. С. 101–110.

- Популярная художественная энциклопедия: Архитектура. Живопись. Скульптура. Графика. Декоративное искусство. Кн. II. М–Я / гл. ред. В. М. Полевой. М. : Сов. энцикл., 1986.*
- Прокофьева Е. Д. К вопросу о социальной организации селькупов (род и фратрия) // Сибирский этнографический сборник. М. ; Л. 1952. Т. 1. С. 88–107.*
- Прыткова Н. Ф. Металлическая посуда у угров // Сб. Музея антропологии и этнографии. Т. X. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1949. С. 39–46.*
- Пугаченкова Г. А. Шедевры Средней Азии. Ташкент : Изд-во лит. и искусств им. Г. Гуляма, 1986. 224 с.*
- Райнов Б. Что может быть лучше плохой погоды // Романы. М. : Прогресс, 1974. С. 5–234.*
- Ракова М. М. Русское искусство первой половины XIX века. М. : Искусство, 1975. 239 с.*
- Рогинский Я. Я. Об истоках возникновения искусства. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1982. 32 с.*
- Санжмятав Т. Монголын хадну зураг. Улаанбаатар, 1995. 104 с.*
- Сидорова Н. А. Новые открытия в области античного искусства. Находки зарубежных ученых. М. : Искусство, 1965. 208 с.*
- Смирнова О. И. Заметки о среденезиатской титулатуре (по монетным данным) // Эпиграфика Востока. XIV. М. ; Л., 1961. С. 55–70.*
- Советова О. С. Отображение состояния поражения и смерти в наскальном искусстве // Археология Южной Сибири : сб. науч. тр., посвящ. 30-летию кафедры археологии КемГУ. Вып. 24. Кемерово : Летопись, 2006. 188 с.*
- Тадина Н. А. Двуединость культуры общения алтайцев // Культурное наследие народов Сибири и Севера. Сибирские чтения 4. СПб., 2000. С. 225–228.*
- Фробениус Л. Детство человечества. СПб. : Изд. кн. магазина П. В. Луковникова, 1914. 368 с.*
- Хайдеггер М. Исток художественного творения. М. : Академ. проект, 2008. 528 с.*
- Хэжель Й. Почитание духов и дуальная система у угров (к проблеме евразийского тотемизма). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. 108 с.*
- Элиаде М. Мefистофель и андрогин. СПб. : Алетейя, 1998. 375 с.*
- Эрши А. Живопись интернациональной готики. Будапешт : Корвина, 1986. 45 с.*
- Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов. Киев : Гос. б-ка Украины для юношества, 1996. 384 с.*
- Яценко С. А. Костюм древней Евразии: ираноязычные народы. М. : Вост. лит., 2006. 664 с.*
- Garasova K. Poklady svetoveno malirstvi v Budapesti. Obrazy slavných mistrů z muzea výtvarných umění. Budapest : ODEON, 1975. 292 с.*
- Ullman E. Albrech Dürer. Leipzig, 1982. 72 s.*

**Национальный исследовательский
Томский государственный университет (Россия)
nohoister@gmail.com**

The archetype of positioning male and female figures in cultic practices and arts from Ancient times to Modern Age is considered in the article. The analyses of the issue under study is based on the dual perception of the male and the female in the traditional mindfset, sacral spacial awareness and the oecumene organisation of the Siberian aborigenes – right and left, consequently – light and dark, good and evil.

Archetype, art forms, cultic place, duality of male and female, right – left, Ancient times, traditional society.

Е. Ю. Смирнова

**СТАРЫЕ ЛЮДИ, СТАРЫЕ ВЕЩИ...:
ОДЕЖДА ТОБОЛО-ИРТЫШСКИХ ТАТАР В ТРАДИЦИОННОЙ
КУЛЬТУРЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ**

Статья посвящена одной из актуальных проблем, находящихся на стыке этнографии, социологии потребления, социологии материальной культуры и социологии повседневности. Рассмотрена одежда тоболо-иртышских татар как символ социального статуса, как отражение ценностей традиционного общества, в котором они функционировали, а также скорость обмена предметов одежды на уровне повседневных практик.

Материальная культура, культура потребления, традиционная одежда, тоболо-иртышские татары, повседневные практики.

Они вошли в обширную комнату, разгороженную ширмами и беспорядочно заставленную не то хламом, не то антиквариатом...

– Старые люди – старые вещи, – прокомментировала хозяйка.

О. Лаврова, А. Лавров. Шантаж

Проблема, вынесенная в заголовок, отнюдь не связана с «синдромом Плюшкина» и не имеет отношения к преклонному возрасту и связанным с ним изменениям в психике потребителя. Речь пойдет о том, в какой степени в повседневных практиках тоболо-иртышских татар культура потребления предметов одежды носила традиционный характер. Тоболо-иртышские татары (курдакско-саргатские, тарские, тобольские, тюменские, ясколбинские) уже на рубеже XIX–XX вв. были активно и плотно вовлечены в круг товарно-денежных отношений, в связи с чем значительный массив материалов, предметов одежды и обуви имел своим источником покупку мануфактурных и промышленных изделий, а не изготовление их в недрах натурального хозяйства. Предстоит также определить, насколько покупная одежда тоболо-иртышских татар являлась символом социального статуса, как отражала ценности традиционного общества, в котором она функционировала, а также выяснить скорость обмена предметов одежды на уровне повседневных практик.

Совершенно очевидно, что покупные ткани, предметы одежды, обуви и украшения прежде всего связывались со значимыми событиями семейной и общественной жизни. Так, скажем, идеальным для невесты было платье, сшитое целиком из шелка, с пышными оборками по подолу. По сообщению тарской татарки С. В. Касымовой 1927 г. р., жительницы с. Уленкуль Большереченского района Омской области, такое платье было не у каждой невесты, *«только у богатых, а кто победнее – из разных материалов шили, на видных местах шелк, оборки из кусочков, на спине сатин. А бедные – из сатина, ситца. Из шелка берегли, чинили, а простые на рубячишек перешивали»* [МАЭ ОмГУ. Ф. I. Д. 1–12. Л. 7].

Обязательно в полевых материалах упоминается, что пожилые женщины тщательно собирали, сортировали и хранили обрезки тканей, лоскутки, разрозненные пу-

говицы и пр. Вот, например, курдакско-саргатский татарин Н. Р. Маликов 1900 г. р., житель д. Утузы Тевризского района Омской области, сообщал, что и «*мать, и бабка все тряпки разные по сундукам прятали, потом в шапки подшивали или еще куда девали*» [МАЭ ОмГУ. Ф. I. Д. 2–3. Л. 42].

Явление, очень знакомое и очень характерное для общества традиционного потребления, имеет глубокие корни и весьма обширные аналогии. Обратимся к классическому источнику по традиционной культуре потребления – Домострою. В гл. 34. «Добрые жены рукоделные плоды, и береженье всему и что скроит и остатки и обрески беречи» говорится: «*...и всякие остатки и обрески камчатые и тафтяные и дарагие и дешевые и золотное и шелковое, и белое и красное и пух и оторочки и спорьки и новые и ветшаное все бы было прибрано мелкое в мешечках а остатки сверчено и связано а все розбрано по чисьлу и упрято и как чево поделат ветшана или у новаго не достало а то все есть в запасе в торгу того не ищешь дал Бог, у доброго промысла у совершенного разума все ся лучило дома*» [Домострой, 1990, с. 61]. Эти советы не только описывают идеального рачительного хозяина, но и подчеркивают ценность тканей, материалов и их остатков в домашнем хозяйстве [Рабинович, 1988, с. 131].

Тема экономии и продления срока жизни предметов одежды была и в XVI в. настолько актуальна даже для весьма зажиточных слоев тогдашнего общества, что находит отражение в Домострое не раз и не два. Скажем, в гл. 35 «Как всякое платье кроити и остатки и обрески беречи» настойчиво рекомендуется шить одежду на вырост, закладывая в припуски на швы по 2–3 вершка (9–13,5 см) при современной норме 2–3 см: «*...а коли лучится какое платно кроити молоду человеку сыну или дочери или молодой невестке летник или кортель или шуба с поволокою или опашень зурфрян или камчат или обьярь, или отлас или бархат или терлик или кафтан и што ни буди доброе и кроячи до згибати, вершка по два и по три на по доле и по краем и по швом и по рукавом, и как вырастет годы два или три или в четыре и распоров то платно и загнутое отправит оянь платно хорошо станет кое платья не всегда носить то так краити*» [Домострой, 1990, с. 62]. Совет о покупке импортных товаров (гл. 44 «Себе на обиход купити всякой товар заморской, и из далних земель») также снабжен рацеей о выгодах сохранять всё до последней нитки и лоскутка: «*...да толко лучитца мастеров свои портной и сапожьной, и плотник, ино во всяком запасе и в остатках и в обресках прибыль будет или к новому портищу остатки пригодятца, или ветчаново починить а ты тово не прикупаешь*» [Домострой, 1990, с. 70].

Положительное отношение в традиционной культуре к практике перелицовки добротной одежды, признания ценности фрагментов тканей пережило Домострой на многие века: «*Иноземцы торговали полтора дня, Фатьян в полдня продал все до нитки. Остатками, обрезками товара он наделил ребятишек, безденежно, в подарок. По случаю последнего дня гулянья покупатели не торопились расходиться, сидели вокруг палатки, балаболели, хвастались покупками. Фатьян, выйдя из пустой палатки, весело крикнул:*

– *Желаю всем эти обновки сто лет носить, на другую сторону перевернуть да оянь носить!*» [Шергин, 1977, с. 92].

Забегая вперед, скажу, что эта же самая практика сбережения обрезков и остатков в советское время неожиданно трансформировалась в магазины текстильно-

го лоскута (где, кстати, при наличии некоторых навыков можно было набрать лоскутов вполне приличного метража не только на одежду, но и на постельное белье): «– Бабкин помер, – сказал Хлебовводов авторитетно. – Это я вам точно могу сказать. В одна тысяча девятьсот пятьдесят шестом. Правда, у него сын был. Пашика, по-моему. Павел, значит, Эдуардович. Заведует он сейчас магазином текстильного лоскута в Голицыне, что под Москвой» [Стругацкий, Стругацкий, 1992, с. 213].

Взрослая одежда, перешитая на детей, не вызывала у последних отторжения; напротив, присутствовало чувство определенной гордости. Курдакско-саргатская татарка М. А. Абадулина 1911 г. р., жительница д. Утузы Тевризского района Омской области, рассказывала, что ей сшили бархатный камзол-безрукавку (*инсис чекмяк*) из материнского и «я рада была, что как взрослая» [МАЭ ОмГУ. Ф. I. Д. 2–3. Л. 14].

Рискну практически все последующие культурные аналогии извлечь из беллетристики соответствующего времени, поскольку уверена, что автор, фиксирующий современные ему бытовые реалии, намного ближе к истине, чем любой исторический и культурный реконструктор.

Вот лесковский герой протоиерей Савелий Туберозов не видит для себя ничего постыдного в том, что парадную рясу ему перешивают из женских платьев, но ощущает неловкость от того, что поддался искушению выглядеть представительно: «12-го мая [1831 г.]. Франтовство одолело: взял в долг у предводительской экономки два шелковые платья преводительщины и послал их в город окрасить в масака цвет, как у губернского протодиакона, и сошью себе рясу шелковую. Невозможно без этой аккуратности, потому что становлюсь повсюду вхож в дворянские дома, а унижать себя не намерен. <...> 20-го июня [1831 г.]. И вышло так, что все описанное случилось как бы для обновления моей шелковой рясы, которая, при сем скажу, сделана весьма исправно и едва только при солнце чуть отменяет, что из разных материй» [Лесков, 1957, с. 33].

Продолжительность службы предметов одежды у тоболо-иртышских татар увеличивалась и починкой. Искусства штопки (или даже простого умения штопать и штуковать) не наблюдается, но латание фиксируется неоднократно. Например, на платье тарской татарки, хранящейся в фондах Большереченского историко-этнографического музея (БК 28/5), сшитом из фиолетового шелка, заплаты наложены на рукава и в месте соединения юбки с лифом (поверх соединительного шва). Все латки и вообще следы починки на одежде тоболо-иртышских татар выглядят грубыми и явно выполнены непрофессионалами, хотя забота о продлении срока службы одежды вполне очевидна.

А между тем ценность и отчасти социальная значимость даже не портного, а мастера-виртуоза починки и переделки одежды не покажется странной, если вспомнить, что срок жизни одежды был практически «пожизненным»: «Суконце-то ведь аглицкое! Ведь каково носится! В девяносто пятом году, когда была эскадра наша в Сицилии, купил я его еще мичманом и сшил с него мундир; в восемьсот первом, при Павле Петровиче, я был сделан лейтенантом, – сукно было совсем новешенькое; в восемьсот четырнадцатом сделал экспедицию вокруг света, и вот только по швам немного поистерлось; в восемьсот пятнадцатом вышел в отставку, только перелицевал: уж десять лет ношу – до сих пор почти что новый» [Гоголь, 1968, с. 335].

Герой другого лесковского произведения (кстати, сам Лесков отмечал у себя полное отсутствие фантазии и вынужденность опираться только на факты), кроил и шил *«не фасонисто»*, но штопал артистически. Описывая свою службу в московской гостинице *«напротив главнокомандующего дома»*, он говорит: *«Люди простой масти там не останавливались, а приезжали одни козыри, которые любили, чтобы постоять с главнокомандующим на одном местоположении из окон в окна. Особенно хорошо платили за штуковки да за штопку при тех случаях, если повреждение вдруг неожиданно окажется в таком платье, которое сейчас надеть надо»* [Лесков, 1958, с. 98].

Кажется, что у тоболо-иртышских татар качество починки не было значимым и полностью затмевалось дороговизной и роскошью самого материала или предмета одежды. Скажем, престижность обладания шубкой, крытой шелковым бархатом, нисколько не снижалась от того, что боковые швы вытерлись и разошлись (сообщение тарской татарки Ф. К. Мирмахметовой 1905 г. р., жительницы д. Яланкуль Большереченского района Омской области) [МАЭ ОмГУ. Ф. I. Д. 1–12. Л. 33].

Практика переделки старых вещей была общесословной и не зависела во многих случаях даже и от имущественного положения. Вот один из сыновей Л. Н. Толстого вспоминает (отмечу в скобках, что упоминаемый ниже А. М. Кузминский – судебный пристав, с 1867 г. муж Т. А. Берс, свояченицы Л. Н. Толстого): *«Иногда мамá выходила в халате и надевала на нас лишние пары шерстяных чулок, фуфайки и варежки. – Ловочка, ты в чем поедешь? – обращалась она к папá. – Смотри, нынче холодно, ветер. Опять в одном кузминском пальто? [Это было любимое отцовское пальто. Когда-то было куплено у А. М. Кузминского. Оно было светло-серое и отличалось тем, что было впору каждому человеку. На моей памяти его вывертывали наизнанку два раза. – Прим. автора]»* [Толстой, 1987, с. 101].

В советское время ситуация с сохранением, сбережением и перелицовкой вещей практически у тоболо-иртышских татар не изменилась. И это можно назвать именно плавным развитием традиционной культуры потребления, направленной на максимальную экономию ресурсов. Так, курдакско-саргатская татарка Г. Н. Согдиева 1904 г. р., жительница д. Утузы Тевризского района Омской области, сообщала, что сшила себе в 1930 г. платье, а остатки ситца *«снохе отдала, она девчонке рубашку сшила»* [МАЭ ОмГУ. Ф. I. Д. 2–3. Л. 62].

Собственно, на просторах Советского Союза всегда что-то кому-то переделывали, перешивали и подгоняли, и выглядело это естественным и никого особо не вгоняло в комплексы. Вот, Западная Сибирь, 1920-е гг., героиня из семьи кадрового военного: *«Мама приготовила ей кучу обновок: пальто (из старого мамино) с роскошным воротником из маминой пушистой муфты (рысь), из каких-то старых кротовых манжет мама сшила ей шапочку»* [Коронатова, 1971, с. 476]. Или Западная Украина, г. Каменец-Подольский, 1920-е гг.: *«...а я напялил уже немного тесную в плечах серую чумарку, похожую на казакин. Она была коротка в рукавах, и крючки ее сходились кое-как: еще в позапрошлом году мне перешили чумарку из отцовского пальто, но я очень гордился ею, потому что в таких же чумарках ходили в нашем городе работники окружкома комсомола и многие активисты»* [Беляев, 1971, с. 7]

В современной зарубежной, да отчасти и отечественной культурологии подобные повседневные практики советского времени привычно и жестко увязывают-

ся с «обществом дефицита» (в противовес «обществу потребления») и даже с антропологической концепцией «культуры бедности» [Утехин, 2004, с. 167]. Хотя мне представляется более правильным и логичным говорить о развитии и видоизменении именно «традиционной культуры потребления», без pejоративных уточнений.

Что же касается престижности предметов одежды у тоболо-иртышских татар и скорости их обмена в повседневной практике, то приходится признать, что в рамках традиционной культуры приветствовалась низкая скорость обмена, сопровождаемая традиционными же практиками максимального сохранения и продления сроков службы вещей. Превалирование же символического использования вещей над их практическим применением [Бодрийяр, 2006, с. 8] у тоболо-иртышских татар можно фиксировать лишь в современную, постиндустриальную эпоху, в складывающемся обществе «цивилизации мусорной корзины».

Библиографический список

Беляев В. П. Старая крепость. Трилогия. Книга третья. Город у моря. М. : Молодая гвардия, 1971. 464 с.

Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М. : Культурная революция : Республика, 2006. 269 с.

Гоголь Н. В. Женитьба // Собр. соч. : в 4 т. М. : Правда, 1968. Т. 2. С. 316–372.

Домострой. М. : Советская Россия, 1990. 304 с.

Коронатова Е. И. Жизнь Нины Камышиной // Коронатова Е. И. Жизнь Нины Камышиной. Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1971. С. 221–542.

Лесков Н. С. Соборяне // Собр. соч. : в 11 т. М. : Гос. изд-во худ. лит., 1957. Т. 4. С. 5–319.

Лесков Н. С. Штопальщик // Собр. соч. : в 11 т. М. : Гос. изд-во худ. лит., 1958. Т. 7. С. 93–109.

Рабинович М. Г. Очерки материальной культуры русского феодального города. М. : Наука, 1988. 312 с.

Стругацкий А., Стругацкий Б. Сказка о Тройке // Стругацкий А., Стругацкий Б. Понедельник начинается в субботу. Сказка о Тройке : повести. М. : Текст, 1992. С. 197–317.

Толстой И. Л. Мои воспоминания. М. : Правда, 1987. 464 с.

Утехин И. В. Очерки коммунального быта. М. : ОГИ, 2004. 280 с.

Шергин Б. В. Дождь // Избранное. М. : Советская Россия, 1977. С. 84–92.

Источники

МАЭ ОмГУ. Ф. I.

**Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН
selenab3@bk.ru**

The article is devoted to one of the most pressing issues at the interface between ethnography, sociology of consumption, material culture of sociology and the sociology of everyday life. We consider the clothes Tobol–Irtyshtatars as a symbol of social status, as a reflection of the values of traditional society in which they function, and the rate of exchange of clothing at everyday practices.

Material culture, consumer culture, traditional clothing, Tobol–Irtyshtatars, everyday practices.

Л. Ф. Фасхутдинова

**СЕМАНТИКА ВЫШИТОГО ОРНАМЕНТА
ВОЛГО-УРАЛЬСКИХ ТАТАР**

В статье рассматриваются некоторые орнаментальные сюжеты в традиционной татарской вышивке. Самыми популярными видами вышивки у татар были золотное шитье и тамбурная вышивка. При всем богатстве и разнообразии вариаций орнамента в татарской вышивке основополагающим всегда был присущий тюркской традиции так называемый степной орнамент. Зооморфный компонент степного орнамента выражен слабее. Растительный и цветочный орнамент доминирует в татарской вышивке.

Татарская вышивка, орнамент, семантика, орнаментальные композиции, растительный, зооморфный, геометрический орнамент.

Богатые орнаментальные композиции в татарской вышивке, безусловно, имели в древности сюжетную основу. К сожалению, со временем большинство из них утратили в памяти народа семантический смысл. Дошедшие до сегодняшнего момента памятники на тканевой основе в подавляющем большинстве своем датированы рубежом XIX–XX вв. Орнамент вышитых изделий этого периода часто несет декоративную функцию, архетипы, скрытые за декоративными элементами, выявляются через анализ данных смежных дисциплин, таких как археология, фольклор, мифология татар.

Проблемы семантики татарского орнамента, в том числе и в вышивке, пока практически не разработаны. Мы попытаемся рассмотреть некоторые популярные сюжеты вышитого орнамента в семантическом аспекте.

Один из наиболее древних сюжетов в татарской вышивке – мотив парных птиц. Мотив парных уток или голубей – наследие культуры волжских булгар. Он был, вероятно, заимствован булгарами у финно-угров. По археологическим данным, мотив водоплавающей птицы – утки, лебедя, гуся – был распространен еще с эпохи неолита [Грибова, 1975, с. 85–87]. В искусстве древних финно-угров он тесно связан с мифологией. В частности, один из вариантов космогонического мифа повествует о том, что утка (праматерь), нырнув в воду, достала комочек земли, от которого произошла суша. Стилизованные изображения утки с комком земли в клюве встречаются в ювелирном искусстве волжских булгар, а затем и казанских татар.

В прикладном искусстве казанских татар парные птицы – утки, голуби – символизировали также семейное счастье, любовь. Вообще в фольклоре татар полноценное счастье для человека представляется возможным только в паре. Нашедший свою пару, *парлы* – счастливый человек. Этим объясняется популярность мотива парных птиц в народном искусстве татар, особенно казанских. На казанских женских головных уборах – калфаках золотошвейный орнамент часто содержит мотив парных птиц, они сильно стилизованы, и какие именно это птицы, сейчас сказать трудно. На некоторых калфаках встречаются изображения птиц, держащих в клюве нечто похожее на комочек земли.

Кроме того, в тамбурной вышивке волго-уральских татар встречаются мотивы парных лошадей в геральдике, нередко изображались и всадники.

Обожествление и почитание неба и небесных светил занимает огромное место в системе религиозных верований древности. Эти культы в той или иной степени были свойственны всем земледельческому, скотоводческому и другим племенам. По археологическим данным, культы небесных светил на территории бывшего СССР прослеживаются уже в неолите и получают широкое распространение в бронзовом веке [Даркевич, 1960, с. 56].

В искусстве народов Евразии широко распространены так называемые солярные знаки, символизирующие солнце и огонь. Это вариации креста, вихревых розеток и производные свастики. Исследователи русской народной культуры применяют термин *ярга*, *яргический* знак. Этот знак имеет множество вариаций у разных народов Евразии. П. И. Кутенков [2005], например, приводит таблицу с классификацией яргических знаков в русском орнаменте. Так называемая *ярга* и *яргические знаки* обладают лишь одним видом симметрии – поворотной симметрией. Вращение происходит вокруг особенной точки (центра). Согласно данной классификации, в этот комплекс солярных (*яргических*) знаков входят и так называемые *вихревые розетки*.

В вышивке татар-мишарей, казанских татар, кряшен перечисленные мотивы применялись в орнаментации головных уборов (калфаки, тюбетейки, *суржэ*), элементов женского костюма, сумочек для амулетов, обуви. Это вариации свастики-креста с загнутыми в определенную сторону концами. Так называемая вихревая розетка – самый распространенный мотив мишарского золотного шитья. Это особенно характерно для женских нагрудников татар-мишарей – *алынча*, а также для вышивок на концах головных покрывал – *тастаров*.

В татарском вышитом орнаменте применяется целый ряд мотивов, которые можно объединить термином *розетка*. Под розетками нужно понимать мотив, который условно можно вписать в круг и который имеет определенное количество лепестков или лучей. Но какие-то из них могут быть просто стилизованными мотивами цветочного орнамента, а некоторые разновидности розеток – из круга солярных знаков и имели в древности определенный смысл. Розетка могла быть из ряда солярных символов, если она имела определенные очертания. Например, если ее лепестки-концы закручиваются в одну сторону, то это так называемая вихревая розетка, которая имела определенное значение – солнечный знак. В относительно поздних вышивках розетка не отличается от других цветочных мотивов и практически потеряла какую-либо смысловую нагрузку.

Вихревая розетка, как уже было сказано выше, ставится в один ряд со свастикой и другими разновидностями ярги и яргических знаков [Кутенков, 2005, с. 66]. Исследования показывают, что собственно к ярге следует относить исторически признанные изображения, обладающие одним видом симметрии – поворотной. Свойство поворотной симметрии служит отличием ярги от других знаков. На физическом уровне смысловая составляющая классификации подразумевает наличие в ярге и яргическом знаке направления кругового движения.

Понятие яргического знака гораздо шире. Оно включает в свой ряд собственно яргу, а также знаки, в начертаниях которых лучи «ноги» могут не только загибаться под любым углом из серединной точки, но и плавно виться и ветвиться в зависимости от заложенного в изображение смысла. Смысловая многоуровневость

знака обусловила причисление к нему значительного числа изображений, не обладающих в полной мере поворотной симметрией. Это прежде всего начертания, составленные из асимметричных пар «ног». В вышивке мишарей также встречаются закрученные в спираль растительные мотивы, они не обладают симметрией, но относятся к этому ряду знаков.

Мотивы из круга рассмотренных нами яргических знаков широко применялись во всех видах вышивки волго-уральских татар. Тамбурной вышивкой, цветной и золотной, украшали полотенца, скатерти, салфетки, молитвенные коврики, пологи, покрывала и др. Орнаментальные композиции на этих изделиях содержали в разнообразных интерпретациях свастику, вихревые розетки, кресты и другие солнечные знаки наряду с цветочно-растительными мотивами. Удивительно гармоничное сочетание абстрактных знаков и натуралистичных изображений растений и цветов в едином декоративном пространстве – характерная черта татарского вышитого орнамента. Архаичные мотивы дополнялись более поздними элементами, таким образом орнамент обогащался и постепенно становился декоративным, теряя смысловую нагрузку.

Древнейший мотив креста и свастики встречается на мужских тубетейках казанских татар и в вышивке астраханских карагашей. Простой крест и его интерпретации как элемент орнамента часто используются в расшивке начелышей *сурэжэ* у кряшен. Крест – это также один из солярных знаков в обширном комплексе древних символов, связанных с культом солнца.

Геометрический орнамент существует в искусстве практически всех этносов, его простые формы диктуются техникой определенного вида искусства (ткачество, ковроделие, счетная вышивка и др.). Те или иные элементы геометрического орнамента существуют в искусстве различных народов параллельно, и говорить о каких-то заимствованиях трудно.

Мотив *восьмиконечной звезды* использовался в вышивке казанских татар, мишарей и кряшен. Как один из древних мотивов у казанских татар сохранился в золотной вышивке на старинных нагрудниках *изю*, но на поздних вышивках мотив восьмиконечной звезды практически не встречается. В золотном шитье мишарей этот мотив трансформируется иногда в розетку с восьмью лепестками. В ткачестве волго-уральских татар (как и у многих других народов) этот мотив является одним из самых популярных. Вариации мотива восьмиконечной звезды – это розетка, восьмилепестковый цветок и др.

Арсенал орнаментальных мотивов в татарской тамбурной вышивке включает десятки таких вариаций. Причем нередко сочетается несколько видов розеток в одной композиции. На красочных тамбурных полотенцах вихревые розетки относительно малого размера располагаются в середине большой простой розетки. Нередко применялось сочетание золотной и тамбурной вышивки на нагрудниках мишарок. Здесь шестилепестковая розетка, вышитая золотной гладью, вписана в фестончатый круг из цветного тамбура.

В вышивке кряшен, сохранившей архаичные мотивы, восьмиконечная звезда часто используется в расшивке *сурэжэ*. Скорее всего, этот мотив пришел из тканых узоров кряшен.

В геометрическом орнаменте русских очень популярен мотив ромба [Маслова, 1978, с. 108]. Этот мотив используется в расшивке женских головных уборов в сочетании с антропоморфными мотивами. Вообще ромб в декоративно-прикладном

искусстве народов Евразии – это символ женщины-роженицы и символ плодородия, земли. В турецком прикладном искусстве ромб или два ромба, стоящих друг на друге, либо четыре ромба символизировали глаз или глаза – оберег от дурного глаза, отгоняющий зло. Мотив ромба в татарском искусстве имеет, по всей видимости, тот же смысл и встречается в золотном шитье астраханских карагашей и в орнаменте кряшен на *сурэкэ*.

Один из самых популярных и универсальных мотивов в творчестве народов Евразии – мотив *древа жизни*. Мотив дерева, ростка в различных вариациях известен в вышивке практически у всех групп татар.

В золотошвейном орнаменте этот мотив используется в расшивке тюбетеек, калфаков, женских верхних нагрудников (*изю*, *кукрэкчэ*), полотенец. На тюбетейках казанских татар этот мотив изображается как непрерывный, волнообразно выющийся росток. В композициях на казанских калфаках древо жизни преобразуется в большой росток с множеством разветвлений, цветами, бутонами, плодами. А между ними нередко изображаются стилизованные гусеницы, жуки. Иногда этот росток-дерево вырастает из вазона. Мотив вазона очень популярен в крымском золотном шитье, а также в русском.

На нагрудниках *алынча*, концах головных покрывал *тастар*, волосниках *салавыч*, накосниках *чэчкап*, тюбетейках, калфаках татар-мишарей золотошвейный мотив древа жизни наиболее близок русскому. Это впечатление складывается еще и потому, что они выполнены в единой технике вышивки «литой шов». Суть его в том, что золотные нити выстилаются плотными параллельными рядами по картонному трафарету и сливаются, создавая эффект металлической поверхности. Кстати, мотив древа жизни иногда преобразуется в женскую фигуру с поднятыми вверх руками. Это хорошо видно на золотошвейных волосниках *салавыч* и накосниках *чэчкап*. Аналогичный мотив женской фигуры, только в геометризованном варианте, встречается на женских головных уборах кряшен *сурэкэ*, у карагашей (подгруппы астраханских татар) на женских головных уборах *саукеле*. На русских золотошвейных кокошниках часто встречается аналогичный женский образ, стилизованный так, что может читаться и как дерево жизни. Данный мотив трактуется как образ материнства, плодородия, а у древних тюрков женский образ часто символизировал богиню-прародительницу Умай (Хомай).

Излюбленные орнаментальные сюжеты на казанских калфаках – *алтын каурый* (золотое перо), *ай-йолдыз* (полумесяц со звездой). Композиция с мотивом *алтын каурый* представляет собой веточку, плавно огибающую полукруглый край калфака. На нее как бы нанизаны листья, цветы, бутоны, усики, завитки, а общий силуэт мотива напоминает форму пера. Оригинальность этого орнаментального мотива заключается в том, что подобного мотива не наблюдается в творчестве других народов. Для казанских татар он является этноспецифическим.

В традиционной культуре тюркских народов перья птиц использовали как оберег и прикрепляли к головным уборам детей, девичьим и женским конусовидным головным уборам. Имеются примеры использования перьев совы в украшении детских и девичьих головных уборов у казахов с целью предохранения от сглаза и нечистой силы [Захарова, Ходжаева, 1989, с. 206–222]. Пером украшены верхушки относительно ранних казанских калфаков, вышитых в ушковой технике. В случае с татарскими золотошвейными калфаками перо птицы в качестве оберега перешло в область изобразительного, декоративного, т. е. стало элементом орнамента.

Мотив полумесяца со звездой, как известно, является традиционным мусульманским символом. Возможно, он связан и с персонажами татарского фольклора, в частности с легендой о девушке по имени Зухра [Урманчиев, 2005]. Согласно преданию, несчастная девушка, которой не давала житья ее мачеха, однажды вознеслась на луну и осталась там. Помогла Зухре ее звезда. После того как Зухра оказалась на луне, она и ее звезда всегда были рядом. Это лишь одна из версий возникновения мотива полумесяца со звездой – *ай-йолдыз*.

Исследователи народного искусства отмечают, что сохранение в произведениях прикладного искусства древних магических образов и других символов является традиционным свойством народной культуры. Семантика этих образов не всегда была ясна даже их создателям, однако ощущение их необходимости стойко сохранялось на протяжении веков [Канцедикас, 1984, с. 14–27].

Сохранение древних пластов в этнографическом орнаменте татар – свидетельство непрерывных культурно-исторических взаимодействий их предков с другими народами.

Библиографический список

- Грибова Л. С.* Пермский звериный стиль. М. : Наука, 1975. 146 с.
- Даркевич В. П.* Символы небесных светил в орнаменте древней Руси // СА. 1960. № 4. С. 56–67.
- Захарова И. В., Ходжаева Р. Д.* Головные уборы казахов (опыт локальной классификации) // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. М. : Наука, 1989. С. 206–222.
- Канцедикас А. С.* О понятиях «традиционная народная культура» и «народное изобразительное искусство» // Отражение межэтнических связей в народном декоративном искусстве удмуртов. Ижевск, 1984. С. 14–27.
- Кутенков П. И.* Яргический знак (свастика) в русской народной культуре: к истории интерпретации // Интерпретация культурных смыслов. Культурологические исследования 2005. СПб. : РГПУ им. А. И. Герцена, 2005. С. 64–75.
- Маслова Г. С.* Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М. : Наука, 1978. 208 с.
- Урманчиев Ф. И.* Татарское народное творчество : хрестоматия. Казань : Магариф, 2005. 480 с.

**Институт Истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан
(Россия, Казань)
yasmina-art@mail.ru**

Some ornamental plots in a traditional Tatar embroidery are considered in the article. The most popular types of an embroidery at Tatars were embroidery in gold and a tamboure embroidery. At all wealth and a variety of variations of an ornament, in the Tatar embroidery, inherent in Turkic tradition, the so-called, steppe ornament always was fundamental. The zoomorphic component of a steppe ornament is expressed more weakly. Floral-foliage ornament dominate in the Tatar embroidery.

Tatar embroidery, ornament, semantics, ornamental compositions, floral motifs, geometrical ornament.

Ю. С. Худяков

ОБРАЗ ВОИНА В ИСКУССТВЕ ДРЕВНИХ ТЮРОК И КЫРГЫЗОВ

В статье анализируются изображения воинов на петроглифических памятниках, предметах декоративно-прикладного искусства, бронзовых бляшках и каменных изваяниях, относящихся к культуре древних тюрок, наскальных рисунках и бронзовых бляшках культуры енисейских кыргызов в Центральной Азии и Южной Сибири. Рассматриваются изображения оружия на каменных изваяниях восточных и западных тюрок. Прослеживаются истоки образа воина в изобразительном и декоративно-прикладном искусстве древних кочевников. Выделяются особенности воплощения образа профессионального воина-дружинника в разных видах художественного творчества у древних тюрок и енисейских кыргызов.

Образ воина, наскальные рисунки, предметы декоративно-прикладного искусства, бронзовые бляшки, каменные изваяния, древние тюрки, енисейские кыргызы, Центральная Азия, Южная Сибирь.

Важным и информативным источником для изучения образов древнетюркских и енисейских кыргызских воинов являются изображения на петроглифических памятниках, предметах декоративно-прикладного искусства, в том числе на бронзовых бляшках, из археологических памятников культур этих кочевых народов, относящихся к эпохе раннего средневековья в Центральной Азии и Южной Сибири. В культуре древних тюрок образ воина нашел отражение в монументальной антропоморфной скульптуре.

Истоки этого образа в искусстве средневековых кочевников восходят к художественному творчеству древних кочевников бронзового и раннего железного веков и последующей хунно-сяньбийской эпохи в Центрально-Азиатском историко-культурном регионе. На петроглифах бронзового и раннего железного веков изображены колесницы, воины и охотники с различными видами оружия дистанционного и ближнего боя, вооруженные всадники, сцены боевых столкновений [Окладников, Худяков, 1981, с. 24–26]. На антропоморфных каменных изваяниях раннего бронзового века показаны некоторые виды оружия. Изображения разнообразного вооружения присутствуют на оленных камнях, передающих облик воинов-колесничих. В скифское и хунно-сяньбийское время эстетические способы выражения воинской силы нашли свое образное выражение в искусстве «скифского звериного стиля», когда с помощью звериных образов прославлялась воинская мощь и беспощадное отношение к врагу. В эти периоды в изобразительном искусстве и художественных изделиях из металла появились антропоморфные сюжеты, передающие образы воинов [Худяков, 1990, с. 109–112].

Новые возможности для передачи антропоморфных сюжетов в наскальном искусстве обеспечила техника резной гравировки, которая позволила существенно детализировать рисунки воинов, дополнить их важными реалиями, в том числе изображениями оружия и доспехов.

Среди изображений тяжеловооруженных воинов, относящихся ко времени Первого Тюркского каганата, выделяются наскальные рисунки панцирных всадни-

ков, зафиксированные на памятнике Хар-Хад в Монгольском Алтае [Новгородова, 1984, с. 128–130; Худяков, 1987, с. 188]. На поверхности скалы изображены фигуры конных воинов с копьями, которые они держат в правой руке. На длинных древках копий, в верхней части, под наконечниками, показаны свисающие треугольные фигуры, напоминающие бунчуки, составленные из пучков конских волос. Всадники изображены в длиннополых одеяниях, составленных из отдельных горизонтальных полос, прикрывающих корпус и ноги воина, оставляющих свободными руки, плечи и верхнюю часть груди. Вероятнее всего, таким образом моделированы защитные доспехи, напоминающие длиннополые катафракты. Головы у конных воинов показаны в островерхих шлемах с двумя заостренными и отогнутыми назад выступами. Возможно, так подчеркнуты рога, перья или кисти, украшавшие шлем и придающие всаднику устрашающий вид. Всадники сидят верхом на лошадях, на которых показаны защитные попоны, закрывающие шею и туловище коней. Шея и передняя часть туловища у лошадей имеют защитное покрытие, состоящее из полос, а круп прикрыт сетчатой попоной. Эти различия должны соответствовать разным вариантам частей конского покрытия, из которых состоят попоны. Левой рукой всадники держат поводья. На головах у коней изображены нащечные ремни узды. Седла не выделены. Всадники сидят поверх попоны, свободно свесив ступни, без упора их в стремяна.

К периоду существования Первого Тюркского каганата должны относиться гравированные рисунки легковооруженных всадников, изображенных в сценах охоты на различных животных, нанесенных на роговых накладках передней луки седла из могильника Кудыргэ в Горном Алтае [Гаврилова, 1965, с. 35–36]. Всадники изображены верхом на мчащихся во весь опор быстроногих конях, взнузданных и покрытых чепраками, нижние края которых спускаются ниже живота лошадей. Лучники опустили поводья и натягивают луки со стрелами, которые нацелены вперед по направлению езды, вслед за убегающими дикими копытными животными. У одного из всадников прорисована стрела с ромбическим наконечником. У обоих конников показаны за спиной длинные, до поясницы, распущенные волосы, соответствующие характерной прическе древних тюрков. Воины одеты в широкие шаровары с бахромой по боковым швам. Ступни ног у обоих охотников свободно свисают ниже чепраков лошадей, не упираясь в стремяна.

Традиция изображать всадников со свободно свисающими ступнями, без стремян, может свидетельствовать о ранней стадии использования седел с жестким остовом и односторонней подножкой, когда стремяна еще не вошли в повсеместный обиход у древних тюрков.

К этому же, кудыргинскому этапу развития культуры древних тюрков должны относиться бронзовые бляшки с изображением всадников верхом на взнузданных, оседланных и покрытых чепраками лошадях, украшенных начельным султаном и подшейной кистью. Воины изображены в халатах или недетализированной верхней плечевой одежде, с длинными распущенными волосами за спиной, с луком в налучье за спиной и колчаном или палашом на поясе, подвешенным с правого бока всадника [Борисенко, Худяков, 2008, с. 44–45]. Подобные бляшки получили очень широкое распространение в пределах степного пояса Евразии. Вероятно, они служили украшениями и символизировали тюркских конных воинов.

В период существования Первого Тюркского каганата в среде древнетюркских кочевников получила распространение традиция воинского поминального

культы с установкой в ряд от квадратной оградки, составленной из плит, каменных столбиков-балбалов по числу врагов, убитых поминаемым воином за всю его военную карьеру. У представителей высшей знати Первого Тюркского каганата оградка представляла собой монументальное сооружение. В подражание китайскому императорскому культу внутри поминального комплекса устанавливалась на постаменте в виде черепахи каменная стела с навершием в виде драконов и описанием прижизненных подвигов поминаемого. Со временем перед оградкой стали устанавливать каменные изваяния, передающие внешний облик поминаемого воина.

В результате раздела единого тюркского государства на Восточный и Западный Тюркский каганаты развитие изобразительного искусства в каждом из этих государств приобрело некоторые особенности.

На петроглифических памятниках в Саяно-Алтае и Монголии, Бичикту-Бом, Жалгыз-Тобе, Кара-Оюк, Хушот-Дурбэн-Уул присутствуют выбитые силуэтные и резные контурные изображения восточных тюрков, у которых показаны длинные распущенные волосы, луки и стрелы, копья и знамена [Худяков, Цэвээндорж, 1992, с. 129]. Некоторые воины изображены в шлемах и панцирях. На каменных изваяниях у восточных тюрков показаны разные прически, в том числе коротко постриженные и заплетенные в косу волосы, разнотипные головные уборы, халаты и наборные пояса с подвешенными к ним палаши, саблями и кинжалами. Сравнительно редко на изваяниях изображали луки и колчаны. Древнетюркские ваятели стремились передать у изображаемого персонажа характерные черты и выражение лица, подчеркнуть его мужественность и воинственность. После крушения Второго Восточного Тюркского каганата восточные тюрки вошли в состав государств уйгуров и кыргызов, сохранив некоторые традиции в декоративно-прикладном и монументальном искусстве. К этому времени относятся мужские изваяния без оружия, что может свидетельствовать о падении прежнего воинского значения поминального культа и трансформации его в культ умерших предков.

На петроглифах Жалтырак-Таш и Саймалы-Таш на Тянь-Шане, относящихся к памятникам западных тюрков, изображены гравированные и выбитые рисунки пеших и конных легковооруженных и панцирных воинов с луками и стрелами, а также с копьями и знаменами в руках, колчанами и клинковым оружием [Жолдошев, 2005, с. 68–69]. Тяжеловооруженные воины изображены в шлемах и длиннополых панцирях. Пешие западные тюркские воины в панцирях и халатах воспроизведены на гравированной костяной пластине из памятника Суттуу-Булак на Тянь-Шане [Худяков, Табалдиев, Солтобаев, 1997, с. 145]. У них показаны длинные распущенные волосы за спиной. Схожие прически из длинных распущенных или заплетенных в косички волос воспроизведены у западных тюрков, изображенных на согдийских фресках и на каменных изваяниях западных тюрков. На подобных памятниках на поясе у воинов изображены различные виды клинкового оружия: палаши, сабли и кинжалы. В поминальном культе западных тюрков отсутствуют каменные столбики-балбалы, но представлены изваяния, изображающие женщин и детей. Это может свидетельствовать об изначальной направленности поминального культа на поминание умерших предков и сородичей, независимо от их воинских заслуг. Западные тюрки сохранили свое традиционное искусство и в период Тюркешского каганата.

Образ воина в древнетюркском искусстве представлен в разных формах на наскальных рисунках, на роговых изделиях и бронзовых бляшках. Однако наиболее полное воплощение он получил в монументальной скульптуре древних тюрков.

В отличие от древнетюркского, искусство енисейских кыргызов в эпоху раннего средневековья представлено преимущественно наскальными рисунками, выполненными резной техникой. На самом известном памятнике этой культуры – Сулекской писанице – изображены кыргызские панцирные всадники верхом на взнузданных и оседланных лошадях, у которых зубцами выстрижена грива и заплетен хвост. На крупе одного коня изображен родовой знак – тамга. У некоторых воинов изображено лицо, островерхие шлемы с плюмажем на навершии и бармицей, панцири, один из которых с накладным щитком – зеркалом. Кыргызские панцирные всадники атакуют своих противников копьями с выделенными наконечниками, на древках которых укреплены полотнища знамен и флажков с двумя косицами. У одного из всадников показан лук в налучье и боевой топор на длинной рукоятке. Изображение воина на Сулекской писанице отличается большой выразительностью и вниманием к отдельным деталям, передающим разные виды оружия, воинского и конского снаряжения.

Легковооруженные конные и пешие воины, изображенные на петроглифических памятниках енисейских кыргызов, вероятно, передают представителей зависимых племен – кыштымов. Из оружия и воинского снаряжения у них показаны луки и стрелы, колчаны. Всадники изображены верхом на взнузданных и оседланных лошадях. Пешие воины показаны стреляющими из луков. Изображение кыргызского всадника с местонахождения Барун-Бичигт в Монголии отличается схематизмом и лаконичной проработкой отдельных деталей [Волков, 1965, с. 286–288].

В кыргызском декоративно-прикладном искусстве в Минусинской котловине представлены бронзовые бляшки с изображением вооруженных всадников. Фигуры конных стрелков из лука, стреляющих, обернувшись назад, в гонящихся за ними барсов, имеются в составе наборов бляшек, обнаруженных при раскопках Копенского Чаа-таса. Этот сюжет богатырской охоты восходит к мотивам иранской торевтики [Евтюхова, Киселев, 1940, с. 49–54]. В Минусинской котловине обнаружено несколько бронзовых бляшек с изображением всадников с колчанами на поясе, которые находят аналогии в согдийской и древнетюркской торевтике [Худяков, 1980, табл. L, 5, 6]. На Среднем Енисее была найдена бронзовая бляшка, передающая облик всадника в панцире, с копьем в обеих руках и клинком в ножнах на поясе, с округлым щитом за спиной. Подобные бляшки получили распространение в культуре кимаков в IX–X вв. [Борисенко, Худяков, 2008, рис. 6]

Изображения панцирных и легковооруженных воинов в изобразительном и декоративно-прикладном искусстве енисейских кыргызов в эпоху раннего средневековья отличаются друг от друга разной степенью выразительности и проработкой отдельных реалий. Наиболее подробные могут быть изображениями выдающихся воинов, составлявших основу кыргызского войска, гвардию кыргызского кагана.

Судя по рассмотренным материалам, образ профессионального воина-дружинника, вооруженного различными видами наступательного оружия ближнего и дистанционного боя и защищенного боевым наголовьем и доспехом, занимал важное, приоритетное место в изобразительном и декоративно-прикладном искусстве древних тюрков и енисейских кыргызов в эпоху раннего средневековья. Однако в его воплощении в разных видах художественного творчества этих тюркских народов имелись и определенные отличия. В древнетюркском искусстве этот образ воплотился в наиболее адекватном виде в петроглифике. В других видах художественного творчества древние тюрки изображали своих воинов и охотников в повсе-

дневном одеянии, с характерной прической, вооруженными средствами ведения дистанционного и ближнего боя. В монументальном искусстве древних тюрков даже в период расцвета поминального воинского культа умерших батыров изображали в повседневной одежде и с клинковым оружием на поясе. В искусстве енисейских кыргызов в эпоху расцвета Кыргызского каганата образ профессионального воина-дружинника был воплощен в облике тяжеловооруженного панцирного всадника в наскальных рисунках и художественных изделиях из металла.

Библиографический список

Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Изображения воинов на торевтике тюркских кочевников Центральной Азии раннего средневековья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 4. С. 43–53.

Волков В. В. Гобийский всадник // Новое в советской археологии. Материалы и исследования по археологии СССР. М. : Наука, 1965. № 130. С. 286–288.

Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М. ; Л. : Наука, 1965. 144 с.

Евтюхова Л. А., Киселев С. В. Чаа-тас у села Копены // Тр. Гос. истор. музея. М. : Изд. Гос. истор. музея, 1940. Вып. IX. С. 21–54.

Жолдошев Ч. М. Изображение вооружения в средневековых петроглифах Кыргызстана // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Бишкек : Илим, 2005. Вып. 1. С. 67–74.

Новгородова Э. А. Мир петроглифов Монголии. М. : Наука, 1984. 168 с.

Окладников А. П., Худяков Ю. С. Образ воина на писаницах Монголии // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск : Наука, 1981. С. 21–29.

Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск : Наука, 1980. 176 с.

Худяков Ю. С. Образ воина в наскальном искусстве Южной Сибири и Центральной Азии // Антропоморфные изображения. Новосибирск : Наука, 1987. С. 181–190.

Худяков Ю. С. Образ воина в таштыкском изобразительном искусстве // Семантика древних образов. Новосибирск : Наука, 1990. С. 107–113.

Худяков Ю. С., Цэвээндорж Д. Изображения воинов на петроглифах Хушот-Дурбэн-Уул-1 // Наскальные рисунки Евразии. Новосибирск : Наука, 1992. С. 123–130.

Худяков Ю. С., Табалдиев К. Ш., Солтобаев О. А. Новые находки предметов изобразительного искусства древних тюрков на Тянь-Шане // Российская археология. 1997. № 3. С. 142–148.

**Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск)
khudjakov@mail.ru**

The images of warriors on petroglyph monuments, objects of decorative art, bronze plaques and stone sculptures related culture of the ancient Turks, rock carvings and bronze plaques of the Yenisei Kyrgyz culture in Central Asia and South Siberia are analyzed in the article. The author describes the images of arms on stone sculptures of Eastern and Western Turks. It is spoken about the origins of the image of the warrior in the fine and decorative art of the ancient nomads. Much attention is given to features of translating the image of professional warrior combatant in different kinds of art from the ancient Turks and Yenisei Kyrgyz.

Image of the warrior, cave paintings, decorative and applied art, bronze plaques, stone sculptures, ancient Turks, Yenisei Kyrgyz, Central Asia, South Siberia.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЛЮР	– «Археологическая летопись Южной России»
ВГУ	– Воронежский государственный университет
ГИАОО	– Государственный исторический архив Омской области
ДВО РАН	– Дальневосточное отделение Российской академии наук
ЗСОИРГО	– Западно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества
КСИИМК	– «Краткие сообщения Института истории материальной культуры»
МАЭ ОмГУ	– Музей археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского
МИА	– «Материалы и исследования по археологии СССР»
НАН Украины	– Национальная академия наук Украины
ОАО	– открытое акционерное общество
ОГИК музей	– Омский государственный историко-краеведческий музей
ОмГПУ	– Омский государственный педагогический университет
ОмГУ	– Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского
ОмПО	– Омское производственное объединение
ООМИИ	– Омский областной музей изобразительных искусств имени М. А. Врубеля
ОФ ИАЭТ СО РАН	– Омский филиал Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов
РГНФ	– Российский гуманитарный научный фонд
РФФИ	– Российский фонд фундаментальных исследований
СА	– «Советская археология»
СО РАН	– Сибирское отделение Российской академии наук
СТД РТ	– Союз театральных деятелей Республики Татарстан
СЭ	– «Советская этнография»
ТГУ	– Томский государственный университет
УрО РАН	– Уральское отделение Российской академии наук
ЦГА РТ	– Центральный государственный архив Республики Татарстан
ЮНЕСКО (UNESCO – United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization)	– Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры
АДУ	– «Археологічні дослідження в Україні»
ІА НАНУ	– Інститут археології НАН України

СОДЕРЖАНИЕ

ОМСКАЯ СТОЯНКА: ИСТОРИЯ, ЛЮДИ, КОЛЛЕКЦИИ. К 95-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКА

Жук А. В.

Омская стоянка: открытие, первые коллекции и первые впечатления..... 5

Коников Б. А.

Комплекс памятников «Омская стоянка»: история обретений и утрат..... 34

Федотова И. В.

Археологические коллекции с комплекса памятников «Омская стоянка»
в Омском государственном историко-краеведческом музее..... 40

ТВОРЧЕСТВО И ТВОРЕЦ КАК АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН (на материалах древних и современных культур)

Блинова А. Н.

Историческая память в детском научном творчестве 45

Гатина-Шафикова Д. Ф.

Татарский костюм в рисунках этнографических экспедиций
(архив Института истории им. Ш. Марджани Академии наук
Республики Татарстан) 48

Герасимов Ю. В.

Археология в культурном поле неолита: мифологизация рационального.... 52

Гутьера В. И.

Молодежная культурно-творческая идентичность (на примере учащихся
средней общеобразовательной школы)..... 55

Донина Л. Н.

Интерпретация татарского национального костюма в театре
(на примере музыкальной комедии Дж. Файзи «Башмачки»)..... 58

Жигунова М. А.

Новационные элементы в современной свадебной обрядности
русских Сибири 63

Ильина А. А.

Творческий потенциал национально-культурных объединений в вопросах
сохранения этнических традиций..... 68

Китова Л. Ю.

Творчество в археологическом измерении: к постановке проблемы 73

Корусенко М. А.

Творение пространства в современных представлениях барабинских
и тарских татар 77

Корусенко С. Н.

Мифотворчество сибирских татар: о поездке Алимшиха к царю..... 81

<i>Коч С. В., Пригарин А. А.</i>	Материальное воплощение этнического и проблема движения традиции.....	89
<i>Левочкина Н. А.</i>	Народный танец как историко-культурный и этнографический источник	95
<i>Мягков Д. А.</i>	Творческий потенциал хозяйственной практики тобольских татар на рубеже веков.....	97
<i>Рындина О. М.</i>	Магия творчества в традиционной культуре обских угров.....	101
<i>Селезнев А. Г., Селезнева И. А.</i>	Сакральный центр как творческий процесс: окуневский феномен	107
<i>Сергеева М. С.</i>	Художественная резная кость в Южной Руси: к вопросу о путях распространения творческих идей	113
<i>Смирных Р. А.</i>	Уличное музыкальное исполнительство как неотъемлемая часть городской культуры.....	118
<i>Стоянова Г. Н.</i>	Тосты как форма межкультурной коммуникации (из услышанного, подсмотренного, увиденного)	122
<i>Тихомирова М. Н.</i>	Кулинарное творчество татар юга Тюменской области: новации и творцы	128
<i>Тихонов С. С.</i>	Анализ процесса творчества в археологии и этноархеологии	134
<i>Томилов Н. А.</i>	Творчество при создании новых научных направлений и дисциплин.....	138
<i>Ушницкий В. В.</i>	Сказитель и шаман: носители фольклорного и культового действия.....	147

**ХРОНОЛОГИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНЕГО
И СОВРЕМЕННОГО ТРАДИЦИОННОГО ИСКУССТВА
НАРОДОВ СИБИРИ. ВКЛАД РОССИЙСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ УЧЕНЫХ
В ИССЛЕДОВАНИЕ ДРЕВНЕГО И СОВРЕМЕННОГО
ТВОРЧЕСТВА НАРОДОВ СИБИРИ**

<i>Акматов А. К., Борисенко А. Ю., Табалдиев К. Ш., Худяков Ю. С.</i>	Изображения воинов на петроглифах Орнока в Кыргызстане	151
<i>Борисенко А. Ю.</i>	Изучение памятников наскального искусства народов Сибири и Центральной Азии европейскими учеными конца XVII – первой половины XVIII века	155
<i>Заика А. Л.</i>	«Скелетный» стиль в наскальном искусстве Северной Азии (вопросы генезиса).....	158

<i>Масумото Тэцу</i>	
Серебряная чарка, найденная у С. Батени, и ее место в истории прикладного искусства Восточной Азии	163
<i>Михалев В. В.</i>	
Деревянная личина из городища Мурлинское I (к 30-летию находки)	173
<i>Назарова А. Ф.</i>	
Культура мальты и формирование европеоидных признаков	176
<i>Новоженков В. А.</i>	
Изобразительные коммуникации населения Урало-Казахстанских степей в эпоху энеолита и ранней бронзы	185
<i>Орозбекова Ж.</i>	
Использование военной и охотничьей символики в оформлении надмогильных сооружений кыргызов Тянь-Шаня	198
<i>Понкратова И. Ю.</i>	
М. А. Кирьяк (Дикова) и искусство севера Дальнего Востока России	202
<i>Серегин Н. Н.</i>	
Художественный металл в погребениях раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии: социальный контекст	208
<i>Татауров С. Ф.</i>	
Керамика тюркоязычного населения Западной Сибири XII–XVI веков: от поиска к стандарту	212
<i>Татаурова Л. В.</i>	
Орнаментальное творчество на посуде русских сибиряков в XVII–XVIII веках (по материалам археологических исследований)	217
<i>Тишкин А. А.</i>	
Оленные камни Центральной Азии и изображения на них: обзор существующих интерпретаций и новые открытия	222
<i>Тихомиров К. Н.</i>	
Два перстня XVI–XVIII веков из Среднего Прииртышья: к вопросу о формировании повседневного пространства	229
<i>Толпеко И. В.</i>	
Парные изображения эпохи неолита – ранней бронзы у населения Среднего Прииртышья	234
<i>Чаиркина Н. М., Кузьмин Я. В., Бурр Дж. С.</i>	
Хронология предметов древнего искусства из торфяниковых памятников Зауралья: новые результаты УМС (AMS) ¹⁴ С датирования	239
<i>Шелепова Е. В.</i>	
Вклад И. Г. Гранё в изучение историко-культурного наследия Западной Монголии	244
<i>Шмидт И. В.</i>	
О генерализации и конкретизации в палеоискусствоведении (по материалам Северной Азии)	250

СОХРАНЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНЕГО И ТРАДИЦИОННОГО ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ И ИХ АКТУАЛИЗАЦИЯ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

<i>Алтынбеков К.</i> Творчество художников-реставраторов как актуализация древнего искусства	256
<i>Ахметова Ш. К.</i> Традиционное женское прикладное творчество в культуре казахов Западной Сибири	260
<i>Ахунова Э. Р.</i> Этнографическая коллекция сибирских татар в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН	266
<i>Борисенко Е. П.</i> Деревянное зодчество Приангарья по полевым этнографическим материалам 2010–2011 годов.....	271
<i>Бурханов А. А.</i> Международная научная экспедиция ЮНЕСКО по изучению памятников природы и истории Койтендагской зоны Лебапского региона Восточного Туркменистана (некоторые итоги и перспективы исследований)	275
<i>Бутузов А. Г.</i> Археологическое и этнографическое наследие степных и лесостепных территорий Европейской России как фактор развития этнокультурного туризма.....	279
<i>Загваздин Е. П.</i> К вопросу о музеефикации выявленных архитектурных объектов XVIII–XIX веков. Иоанно-Введенского женского монастыря	282
<i>Загоскин Е. А.</i> История церкви С. Чадобец и деятельность ее причта: анализ музейной находки.....	287
<i>Калугина С. В.</i> Археологическое обследование как механизм сохранения историко- культурного наследия.....	292
<i>Кочанович А. В., Лобзова Р. В., Абрамов В. Ю.</i> Притомские писаницы: исследование и проблемы реставрации.....	296
<i>Малякутова Л. Е.</i> Творчество в этнографических выставках (на примере Тюменского областного краеведческого музея в конце XX – начале XXI века)	300
<i>Марсадолов Л. С.</i> Истоки сакрально-научных знаний у древних кочевников Центральной Азии	303
<i>Мунхбаяр Б. Ч.</i> К проблеме изменения и развития традиционного мышления монголов в объяснении историко-культурных памятников.....	313

<i>Нурахметова Г. Б.</i>	Виды казахского традиционного ремесла в субрегионе Акколь-Жайылма....	316
<i>Табарев А. В.</i>	Золото древних культур Колумбии: история, трагедия, национальный бренд	321
<i>Татауров Ф. С., Татаурова Л. В.</i>	Вещь и ее статус в культуре и творчестве (по археологическим материалам русских Западной Сибири XVII–XVIII веков)	325
<i>Чернова И. В.</i>	Отражение семейной обрядности украинцев Омского Прииртышья в визуальных материалах	329

ОБРАЗЫ И АРХЕТИПЫ В ДРЕВНЕМ И СОВРЕМЕННОМ ИСКУССТВЕ

<i>Билялова Г. Д., Ярыгин С. А.</i>	Изображение тигра в культуре «тасмолинских» племен: семантика образа	334
<i>Бобров В. В.</i>	Размышляя о первобытном искусстве Сибири... ..	339
<i>Ганболд О. М.</i>	Обряды сказительства у алтайских урянхайцев.....	343
<i>Гизиева К. Ю.</i>	Память в камне: к исследованию надгробных надписей на городских кладбищах Омска	346
<i>Гурьянова Г. Г.</i>	Древнее искусство и современное искусствоведение	350
<i>Дикова М. А.</i>	Мифологическая модель мира в древнем искусстве северо-восточных палеоазиатов (опыт структурно-семиотического анализа).....	355
<i>Жукова Л. Н.</i>	Представления о предках и реинкарнации в традиционной культуре юкагиров и наскальной живописи Якутии	361
<i>Ожередов Ю. И.</i>	Архетипический аттитюд в изобразительном творчестве коренных обитателей Сибири.....	364
<i>Смирнова Е. Ю.</i>	Старые люди, старые вещи...: одежда тоболо-иртышских татар в традиционной культуре потребления.....	373
<i>Фасхутдинова Л. Ф.</i>	Семантика вышитого орнамента волго-уральских татар.....	378
<i>Худяков Ю. С.</i>	Образ воина в искусстве древних тюрок и кыргызов.....	383
Список сокращений		388

Научное издание

**ТВОРЧЕСТВО В АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ
И ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ**

Сборник научных трудов

Редактор *И. И. Бабилова*
Технический редактор *И. А. Кольц*

Подписано в печать 19.09.2013. Формат 60 × 84/8.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Печ. л. 49,3. Уч.-изд. л. 38,0.

Тираж экз. Заказ П–1130.

Издательство ООО «Издательский дом “Наука”».
Омск, пр. Комарова, 15, офис 1, тел./факс: +7(3812) 700-502